91
Г 20

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ДИСЦИПЛИНЫ. УЧИЛИЩ.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ

на

КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ

1132
1948
91
Г-20

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ

НА

КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ

ВОЛЬФРИДА
ГАРТВИГА
АВТОРА «МОРЯ И ЕГО ЖИЗНЬ И ТРОПИЧЕСКІЕ МІРЫ»

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С. А. УСОВЪ

Sol-tystik Qazaq... Совет... СССР
БИБЛИОТЕКА КУТАИСИ
7162

МОСКВА
Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова
1863

Одобрено цензурой. Москва, Іюня 15-го, 1863 года

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНЪ.

Стр.

Тундра или безлѣсная пустыня. — Ея границы — Ея характеръ. — Жизнь животныхъ на тундрѣ, лѣтомъ. — Польза снѣжнаго покрова. — Растительность тундры. — Переходъ тундры въ лѣсъ. — Лѣсная область. — Общій характеръ этой области. — Главнѣйшія деревья крайняго Сѣвера. — Сѣверная граница хлѣбовъ. — Сѣверный олень. — Лось. — Пахучій быкъ. — Дикій баранъ. — Американскій козелъ. — Mus oeconomus. — Лемминги. — Странствованія бенгальскаго тигра къ сѣверу. — Лебедь-трубачъ. — Гуси и утки. — Куропатки. — Бизонъ въ преріяхъ Саскачевана. — Пеммиканъ. 1

ГЛАВА II.

СѢВЕРНОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ.

Геній Сѣвера. — Путешественники къ сѣверному полюсу. — Генрихъ Гудзонъ. — Мульгравъ. — Скорезби. — Буханъ и Франклинъ. — Путешествіе Парри на саняхъ къ полюсу. — Таинственныя страны. — Географическія предположенія. — Опасности Ледовитаго моря. — Пловучіе льды. — Образованіе льдовъ въ открытомъ морѣ. — Ледяныя горы. — Ледяныя поля. — Вредъ и польза ихъ для мореходовъ. — Блескъ отъ льда. — Туманъ. — Зимовка Кэна. — Странная болѣзнь собакъ. — Возвращеніе солнца. — Цинга. — Миражъ. — Сѣверное сіяніе. — Жизнь въ полярномъ морѣ. — Киты. — Моржъ. — Тюлени. — Морскія птицы. — Морскія растенія. 20

ГЛАВА III.

ШПИЦБЕРГЕНЪ. — МЕДВѢЖІЙ ОСТРОВЪ. — ЯНЪ-МАЙЕНЪ.

Романтическіе берега. — Опасное восхожденіе Скорезби. — Величественная панорама. — Дорогая находка мертваго кита. — Бухта Магдалины. — Безконечныя стаи морскихъ птицъ. — Животная жизнь. — Шпицбергенскіе ледники. — Громадные обломки льда. — Открытіе Шпицбергена. — Большая смертность прежнихъ китоловъ. — Первая зимовка на Шпицбергенѣ. — Русскіе моржебойцы. — Шаростинъ. — Норвежскія и Датскія экспедиціи на Шпицбергенѣ. — Минеральное богатство. — Охоты на моржа на Медвѣжьемъ островѣ. — Посѣщеніе Марье. — Янъ-Майенъ. . . 51

ГЛАВА IV.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Стр.

Карское море. — Климатическое различіе восточнаго и западнаго береговъ Новой Земли. — Путешествія Пактусова вдоль восточнаго берега. — Умершіе отъ голода Самоѣды — Научное путешествіе Бера на Новую Землю. — Ктенофоры Карскаго моря. — Приключенія въ Маточкиномъ шару. — Буря въ Костиномъ шару. — Морское купанье и крестъ. — Счастливое возвращеніе. — Ботаническія свѣдѣнія. — Естественный садъ на Новой Землѣ. — Чувство одиночества. — Тишина. — Птичій базаръ — Русскіе на Новой Землѣ еще до Баренца. — Ежегодныя русскія экспедиціи на Новую землю. — Охоты на гусей на Колгуевѣ. 67

ГЛАВА V.

ЛАПЛАНДЦЫ.

Тромздаль. — Стадо сѣверныхъ оленей и ихъ пастухи. — Лапландское лѣтнее жилище. — Колыбель. — Конгрессъ карликовъ — Доеніе сѣверныхъ оленей. — Гаммс. — Малочисленность Лапландцевъ. — Ихъ постепенное вымираніе. — Ихъ исторія и обращеніе въ христіанство. — Духовенство въ Лапландіи. — Суевѣріе Лапландцевъ. — Горные, лѣсные Лапландцы и рыбаки. — Путешествіе на лыжахъ и саняхъ. — Охота на медвѣдей. — Образъ жизни лапландцевъ-рыбаковъ на Энарскомъ озерѣ. 83

ГЛАВА VI.

МАТТІАСЪ АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ.

Первые этюды. — Путешествіе въ Лапландію въ 1838 г. — Величественная природа на Ивалойоки. — Озеро Энара. — Прогулка по болотамъ. — Плаваніе отъ Рованими до Кеми — Второе путешествіе 1841 г. — Лапландская поѣздка на саняхъ. — Кемскіе раскольники. — Буря и страданія на Бѣломъ морѣ — Варварскіе рыбаки. — Мезенская тундра. — Всеобщее пьянство на Сомжѣ. — Зимняя поѣздка въ Пустозерскъ. — Самоѣдскій учитель. — Буря въ Тундрѣ. — Одиночество. — Пустозерскъ. — Преслѣдованія въ Устьсыльмскѣ и Пжемскѣ. — Жалкая хижина. — Князь Урала. — Обдорскъ. — Второе Сибирское путешествіе 1845—1848. — Обь. — Туруханскъ. — Поѣздка къ Енисею. — Ученый кабинетъ въ Плахинѣ. — Отъ Дудинки до Толстаго носа — Отморожонныя ноги. — Возвращеніе на югъ. — Замерзъ на Енисеѣ. — Чудесное спасеніе. — Саянскія горы. — Сойоты. — Экскурсія въ Китай. — Нижнеудинскъ. — Болѣзнь. — Буряты. — Мудрость ламъ. — Пѣдакъ Баниловъ. — Возвращеніе на родину. — Профессура въ Гельзингфорсѣ. — Смерть 99

ГЛАВА VII.

САМОѢДЫ.

Стр.

Невѣжество Самоѣдовъ. — Шаманство. — Одежда и барабанъ шамановъ. — Самоѣдскіе идолы. — Идолъ на Вайгачѣ. — Духи. — Заклинаніе духовъ. — Шаманъ у постели больнаго. — Какъ дѣлаются шаманами? — Торжественная присяга — Наружный видъ и характеръ Самоѣдовъ. — Одежда. — Самоѣдская свадьба. — Мрачный взглядъ Самоѣда на жизнь. — Число Самоѣдовъ. 120

ГЛАВА VIII.

ОСТЯКИ.

Что такое Обь? — Обиліе рыбы. — Наводненія — Лѣтняя остятская юрта. — Бѣдность остятскихъ рыбаковъ. — Русская кредитная система. — Зимняя юрта. — Недовѣрчивость и упрямство Остяковъ. — Остятскій князь и его семейство. — Стрѣльба изъ лука. — Неуваженіе къ женщинамъ. — Физіономія и характеръ Остяковъ — Нечистота. — Обдорскъ — Число Остяковъ. 131

ГЛАВА IX.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Іоаннъ Грозный. — Ермакъ — Его походъ въ Сибирь. — Битва подъ Тобольскомъ. — Покореніе Сибири — Смерть Ермака. — Завоеванія Русскихъ до Охотскаго моря. — Экспедиція Семена Дежнева. — Состояніе туземцевъ Сибири подъ русскимъ владычествомъ. — Прончищевъ. — Арктическая путешественница. — Братья Лаптевы. — Шалауровъ. — Открытія въ Беринговомъ морѣ и Тихомъ океанѣ. — Леховскіе острова. — Биллингсъ. — Горячіе источники въ землѣ Чукчей. — Путешествіе Геденштрема въ Новую Сибирь. — Деревянныя горы. — Взглядъ на прошедшее . . . 142

ГЛАВА X.

СИБИРЬ.

Обширная страна земнаго шара. — Рѣдкое населеніе. — Въ произведеніяхъ нѣтъ недостатка. — Ссыльные. — Меншиковъ. — Долгорукій. — Минихъ. — Преступники. — Вольный сибирскій хлѣбопашецъ. — Сибирскіе холода. — Какъ ихъ выноситъ человѣкъ? — Байкалъ. 159

ГЛАВА XI.

СИБИРСКАЯ ТОРГОВЛЯ ПУШНЫМЪ ТОВАРОМЪ.

Соболь. — Горностай. — Кулонокъ. — Морская выдра. — Чернобурая лисица. — Рысь — Бѣлка. — Бурундукъ. — Заяцъ. — Сусликъ. — Значеніе торговли пушнымъ товаромъ для сѣверныхъ странъ. — Какъ ведется эта торговля? — Торговля съ Китаемъ. — Кяхтинская ярмарка. 169

ГЛАВА XII.

ТАЙМУРСКАЯ ЗЕМЛЯ. — МИДДЕНДОРФЪ.

Стр.

Зачѣмъ Миддендорфъ поѣхалъ въ Таймурскую землю? — Затрудненія и препятствія. — Достигли Ледовитаго моря. — Буря на Таймурскомъ озерѣ. — Лодка погибла. — Миддендорфъ одинъ подъ 75° с. ш. — Благодарные Самоѣды спасли его. — Путешествіе къ Охотскому морю и обратный путь вдоль Китайской границы. — Климатъ и растительность Таймурской земли. 178

ГЛАВА XIII.

ЯКУТЫ.

Живучесть Якутской національности. — Происхожденіе. — Лѣтнія и зимнія жилища. — Якутская лошадь. — Невѣроятная привычка Якутовъ къ холоду. — Ловкость въ ремеслахъ. — Кинжалы, кожи, ковры. — Якутскіе обжоры. — Суевѣрный страхъ — Якутская рѣчь. — Береговой Якутъ. 189

ГЛАВА XIV.

ВРАНГЕЛЬ.

Путешествіе Врангеля. — Отъ Петербурга до Якутска. — Красоты Лены. — Плаваніе черезъ пороги. — Сто разъ повторяющееся эхо. — Якутскъ. — Крайности холодовъ и жаровъ. — Путешествія съ торговою цѣлью якутскихъ купцовъ. — Зашиверскъ. — Бадараны. — Нижне-Колымскъ. — Описаніе страшнаго климата. — Люди и собаки. — Голодъ. — Юкагирскія охоты на сѣверныхъ оленей. — Любовь у прорубь. — Первая поѣздка къ Шелагскому мысу по замерзшему морю (1821). — Страшное положеніе. — Экспедиція Матюшкина на Ледовитое море (1822). — Послѣднее приключеніе на полярномъ морѣ (1823). — Возвращеніе въ Петербургъ. 197

ГЛАВА XV.

ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И УРАЛА. — НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКЪ.

Тайга. — Первые нашедшіе здѣсь золото. — Расходы и труды при развѣдкахъ. — Расходы по промывкѣ золота. — Богатая добыча нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. — 100 пудовъ золота Никиты Мясникова. — Общій доходъ съ золотыхъ пріисковъ. — Безсмысленная роскошь нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. — Страсть къ шампанскому. — Золото на Уралѣ. — Яковлевъ и Демидовъ. — Нижне Тагильскъ. 213

ГЛАВА XVI.

ТУНГУСЫ.

Родство ихъ съ Манджурами. — Оленные, собачьи, скотоводные, конскіе, лѣсные и береговые Тунгусы. — Тунгусскій охотникъ. — Кочевники душой и тѣломъ. — Характеръ Тунгусовъ. — Одежда. — Лыжи. — Училище. —

Стр.

Пища. — Шаманство. — Похороны. — Наказаніе соблазненной. — Бивакъ Тунгусовъ. — Ловкость ихъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. — Шахматная игра. — Охотскъ. 222

ГЛАВА XVII.

ГЕОРГЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ СТЕЛЛЕРЪ.

Рожденіе его и юность. — Вступаетъ врачемъ въ русскую службу. — Ученое путешествіе въ Камчатку. — Сопровождаетъ Беринга во второе путешествіе. — Страданія во время путешествія. — Островъ Каякъ. — Находки. — Возвратный путь. — Зимовка на пустынномъ Беринговомъ островѣ. — Смерть Беринга. — Опасный переѣздъ въ Камчатку. — Потеря имущества. — Двукратное возвращеніе въ Сибирь съ дороги въ Петербургъ. — Стеллеръ умираетъ въ Тюмени. 229

ГЛАВА XVIII.

КАМЧАТКА.

Благословенная страна. — Чудные луга. — Обиліе рыбы. — Рѣдкое населеніе. — 28 вулкановъ. — Большое количество водяныхъ источниковъ. — Превосходныя гавани. — Петропавловскъ. — Камчадалы. — Здорова-ли для нихъ рыбная пища? — Туземныя растительныя кушанья. — Кипрей. — Клубни сараны. — Опьяненіе отъ мухомора. — Блюдо изъ морскихъ водорослей. — Особенная ловля китовъ. — Камчатскіе медвѣди. — Странная ловля рыбы. — Камчатская собака. — Польза ея. — Душевныя свойства Камчадаловъ. 239

ГЛАВА XIX.

ЧУКЧИ.

Характеръ земли Чукчей. — Чукчи единственный свободный коренной народъ въ Сибири. — Торговый духъ. — Ярмарка въ Островномъ. — Посѣщеніе юрты. — Жена и дочь. — Хорошее угощеніе. — Скачка. — Чукотскія баядерки. — Оленные Чукчи. — Осѣдлые Чукчи. — Ихъ образъ жизни. — Число ихъ. 248

ГЛАВА XX.

БЕРИНГОВО МОРЕ. — РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ. — АЛЕУТЫ.

Характеръ Берингова моря. — Сравненіе Алеутскихъ острововъ съ Фероерскими. — Уналашка. — Аляска. — Прибиловскіе острова. — Островъ св. Матѳея. — Островъ и бухта св. Лаврентія. — Беринговъ проливъ. — Обиліе жизни въ водахъ. — Россійско-Американская компанія. — Ново-Архангельскъ. — Алеуты. — Морскія выдры, морскіе котики, киты, моржи и сивучи. — Камлейка и трубка табаку. 256

ГЛАВА XXI.

ЭСКИМОСЫ.

Стр.

Распространеніе Эскимосовъ. — Естественныя свойства ихъ родины. — Физіономія Эскимоса. — Его свойства. — Одежда. — Ледяныя хижины. — Жилище Эскимоса въ Зундѣ Коцебу. — Каякъ или байдара. — Осміякъ или женская лодка. — Оружіе и утварь. — Ненависть краснокожаго Индійца къ Эскимосу. — Жизнь центральнаго Эскимоса. — Бой моржей въ Прудгойской странѣ. — Охота на медвѣдя. 271

ГЛАВА XXII.

ПУШНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПУШНЫЕ ЗВѢРИ ВЪ ГУДЗОНБАЙСКИХЪ СТРАНАХЪ.

Жизнь лѣсныхъ бѣгуновъ. — Берестовыя лодки. — Вояжоръ. — Канадская пушная торговля въ прошломъ столѣтіи. — Кровавая борьба Сѣверо-западной компаніи съ Гудзонбайскою компаніею. — Образованіе нынѣшней компаніи. — Торговля послѣдней. — Плохія надежды на будущее. — Характеръ Гудзонбайскихъ странъ. — Черный медвѣдь. — Енотъ. — Куница. — Канадская вонючка. — Лисы — Американскій бобръ — Ондатра. — Вапити. 287

ГЛАВА XXIII.

ИНДІЙЦЫ КУЧИНЫ.

Мѣстопребываніе ихъ. — Одежда. — Любовь къ бусамъ. — Коса. — И на Мекензи косѣ не долго жить. — Безсмысленный обычай стягивать у дѣтей ноги — Болтливость. — Битва Эскимосовъ съ Кучинами. . . . 310

ГЛАВА XXIV.

ТИННЕ.

Различныя племена, принадлежащія семейству Тинне. — Собакороберные Индійцы. — Нечистоплотность. — Несчастное положеніе женщинъ. — Одежда и наряды. — Пляска. — Соціализмъ. — Лѣнь. — Мастерство лгать. — Суевѣрный страхъ. — Понятіе о будущей жизни. — Прогрессъ. — Легкомысліе 316

ГЛАВА XXV.

ИНДІЙЦЫ КРИ ИЛИ КНИСТИНОСЫ.

Перемѣна въ судьбѣ Кри. — Легенда о *Розомахѣ*. — Ужасъ индійской войны. — Татуированіе — Одежда — Дурное обращеніе съ женщинами. — Игры. — Постройки. — Кепухиканъ. — Сказаніе о всемірномъ потопѣ и образованіи новой суши. — Рай и адъ 324

ГЛАВА XXVI.

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОДЪ.

Стр.

Фробишеръ. — Девисъ. — Три его путешествія. — Гудзонъ. — Баффинъ. — Джонъ Россъ — Первое неудачное путешествіе. — Эдвардъ Парри. — Открываетъ Мельвилевъ островъ. — Великія достоинства Парри, какъ начальника. — Перезимовка. — Парри драматическій писатель — Первое сухопутное путешествіе Франклина. — Второе путешествіе Парри (1821). — Иглооликъ. — Лайонъ (1824). — Третье путешествіе Парри. — Второе сухопутное путешествіе Франклина къ Ледовитому морю. — Бичей. — Четвертое путешествіе Парри. — Второе путешествіе Джона Росса. — Четырекратная перезимовка — Путешествіе Бака къ Большей Рыбьей рѣкѣ. — Его морское путешествіе на «Террорѣ» — Сухопутное путешествіе Деазе и Симпсона къ полярному морю. — Смерть Симпсона. — Послѣднее путешествіе Джона Франклина — Сухопутное путешествіе Ричардсона для отысканія его. — Джемсъ Россъ. — Аустинъ, Пенни, Де Гавенъ. — Оммани находитъ первую зимнюю стоянку Франклина. — Кеннеди и Белло. — Инглефильдъ. — Эдвардъ Бельхеръ. — Келлетъ. — Рэ находитъ слѣды Франклина. — Кэнъ — Макъ-Клинтокъ 332

ГЛАВА XXVII.

ГРЕНЛАНДІЯ.

Загадочная страна. — Эрихъ Рауда. — Древнія Гренландскія колоніи. — Введеніе христіанства. — Гибель Норвежскихъ колоній. — Розыски о ихъ судьбѣ. — Магнусъ Гейнсонъ. — Линденовъ. — Гансъ Эгеде. — Его бѣдствія. — Основанъ Годтгабъ. — Гернгутскіе миссіонеры. — Открытія обоихъ Скоресби. — Клаверингъ. — Граагъ. — Датскія поселенія у западнаго берега. — Сѣверогренландскій климатъ. — Годъ въ заливѣ Диско 365

ГЛАВА XXVIII.

ИСЛАНДІЯ.

Исландія зимой и лѣтомъ — Ледники и потоки лавы. — Бѣдность въ полезныхъ минераллахъ. — Сѣрныя Крузавикскія горы. — Большой Гейзеръ. — Строккуръ. — Рѣки и озера. — Вліяніе морскихъ теченій на климатъ. — Буря на Исландіи. — Характеръ растительности. — Полезныя растенія. — Скотоводство. — Туземные звѣри — Бѣлые медвѣди. — Птицы. — Обиліе рыбы. — Отсутствіе гадовъ 378

ГЛАВА XXIX.

ИСТОРІЯ ИСЛАНДІИ.

Надоддъ открываетъ островъ въ 861 году — Гардаръ. — Флоки и его три ворона. — Ингольфъ и Лейфъ. — Исландское первоначальное правленіе. — Принятіе христіанства. — Торвальдъ путешественникъ — Тангбрандъ. —

Стр.

Золотой вѣкъ литературы. — Спорри Стурлезонъ. — Утрата независимости. — Страшное изверженіе Скаптаръ-Іокула въ 1783 году. — Вредная торговая монополія. 392

ГЛАВА XXX.

ИСЛАНДЦЫ.

Скальгольтъ. — Тингволла. — Рейкіавикъ. — Жизнь исландскаго рыбака. — Рейкіавикская ярмарка. — Сѣнокосъ. — Исландскія хижины. — Исландскія церкви. — Нищета духовенства. — Іонъ Торлаксонъ. — Исландское богослуженіе. — Домашнее воспитаніе въ Исландіи — Любовь Исландцевъ къ литературѣ. — Исландскій языкъ. — Публичная библіотека въ Рейкіавикѣ. — Характеръ Исландцевъ. — Путешествіе въ Исландію. 401

ГЛАВА XXXI.

ВЕСТМАНОВЫ ОСТРОВА.

Недоступность романтическихъ островов. — Какъ они заселены. — Геймэй. — Опасная ловля птицъ. — Необыкновенная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ. — Англійскіе и Алжирскіе морскіе разбойники. 420

ГЛАВА XXXII.

ФЕРОЕРСКІЕ ОСТРОВА.

Физіономія Фероерскихъ островов — Торсгавнъ. — Хижина. — Скотоводство. — Суевѣріе. — Гульдежолькъ. — Никары. — Бурное море. — Климатъ. — Печальныя слѣдствія торговой монополіи. 426

ГЛАВА XXXIII.

ОТЪ ДРОНТГЕЙМА ДО НОРДКАПА.

Умѣренный климатъ сѣверозападной Скандинавіи — Вліяніе Гульфштрима. — Характеръ Норвегіи. — Правленіе. — Народное воспитаніе. — Романтическая поѣздка моремъ. — Дронтгеймъ. — Aegge-väre яичные острова. — Морской орелъ. — Ловля сельдей Альстена. — Семь сестеръ. — Солнце въ полночь. — Сѣверныя устрицы. — Рыболовство у Лофоденъ. — Ваагe. — Garn-рыболовная снасть. — Тромзое. — Альтенфіордъ — Мѣдные рудники. — Гаммерфестъ. — Нордкапъ. 433

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНЪ.

Тундра или безлѣсная пустыня. — Ея границы. — Ея характеръ. — Жизнь животныхъ на тундрѣ, лѣтомъ. — Польза снѣжнаго покрова. — Растительность тундры. — Переходъ тундры въ лѣсъ. — Лѣсная область. — Общій характеръ этой области. — Главнѣйшія деревья крайняго Сѣвера. — Сѣверная граница хлѣбовъ. — Сѣверный олень. — Лось. — Пахучій быкъ. — Дикій баранъ. — Американскій козелъ. — Mus oeconomus. — Леммингн. — Странствованія бенгальскаго тигра къ сѣверу. — Лебедь-трубачъ. — Гуси и утки. — Куропатки. — Бизонъ въ преріяхъ Саскачевана. — Пеммиканъ.

Если бы съ сѣвернаго полюса мы могли поглядѣть на три части свѣта, входящія въ арктическій поясъ, то мы увидѣли бы тогда, что громадныя наземныя массы со всѣхъ сторонъ склоняются къ Ледовитому морю, и вливаютъ въ него воды своихъ рѣкъ. Эти земли составляютъ область, надъ которою владычествуетъ геній сѣвера, постоянно оспаривающій свое царство и у благотворныхъ лучей солнца, и у плодотворнаго труда человѣка.

Хотя человѣкъ называетъ себя царемъ земли, и въ болѣе счастливыхъ странахъ, гдѣ въ трудѣ выражается его могущество, онъ дѣйствительно таковъ, но на крайнемъ сѣверѣ только въ немногихъ мѣстностяхъ удалось ему получать скудные плоды отъ неплодородной почвы, и почти повсюду здѣсь является онъ только кочующимъ звѣроловомъ, рыболовомъ или пастухомъ, а природа цѣлыя тысячелѣтія остается неизмѣнною.

Сѣверныя полярныя страны распадаются на двѣ части или пояса— на поясъ безлѣсныхъ пустынь и лѣсной поясъ. Первый болѣе или менѣе узкой полосой опоясываетъ берега Ледовитаго моря. Второй окружаетъ въ видѣ широкаго, вѣчно-зеленаго вѣнца безлѣсный поясъ, и на югѣ или переходитъ въ степи, или поднимается на отроги высокихъ горъ и тамъ снова исчезаетъ отъ дыханія вѣчной зимы.

Безлѣсныя страны крайняго сѣвера называются *тундрами* въ Сибири, *barren-grounds* или *the-barrens* въ Гудзонъ Байскихъ областяхъ. Этотъ, такъ сказать, отрицательный характеръ, зависитъ не отъ близости къ полюсу, а преимущественно обусловливается суровыми морскими вѣтрами, которые безпрепятственно вѣютъ по, большею частію, плоскимъ береговымъ странамъ Ледовитаго моря, и здѣсь на десятки миль склоняютъ растительность къ землѣ какъ покорнаго раба.

Повсюду морское дыханіе мѣшаетъ высокому росту деревьевъ, повсюду не даетъ оно развиваться ни вѣтвямъ, ни роскошной кронѣ; но нигдѣ морскіе вѣтры не оттѣсняютъ лѣсъ такъ далеко, какъ по берегу Полярнаго Океана, гдѣ нерѣдко они обвѣваютъ бурями незащищенную равнину при 30 или 40 градусномъ холодѣ. Какое дерево, какой кустарникъ осмѣлится поднять свою голову!

Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе и безплоднѣе обнаженной тундры, состоитъ ли она изъ необозримыхъ болотъ или сухой, покрытой лишаями, почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишаи образуютъ некрасивый коверъ, которымъ здѣсь покрывается природа, и на которомъ изрѣдка, какъ диковинка, и то на плоскихъ склонахъ, обращенныхъ къ югу, поднимаются тощіе травки или цвѣтки.

Лишь въ особенно защищенныхъ мѣстностяхъ поднимаются на какой-нибудь футъ высоты ива, рододендронъ, Vaccinium, Empetrum, или другое какое-либо дерево или кустарникъ, которое борется со всеуничтожающимъ дыханіемъ полярныхъ вѣтровъ. Но и эти обтерпѣвшіеся дѣти арктическаго пояса должны искать защиты подъ мхомъ и лишаями, и осмѣливаются изъ-подъ такого покрова поднимать лишь отдѣльные листики или оконечности вѣтвей.

Къ югу тундра мало по малу переходитъ въ лѣсную область; но сѣверную границу тундры мы узнаемъ лишь тогда, когда обслѣдуется вполнѣ еще неизвѣстный полярный океанъ. Доселѣ еще неоткрыто земли, которая въ равнинахъ была бы покрыта вѣчными снѣгами. На Шпицбергенѣ сѣверные олени находятъ вблизи 80° с. ш. достаточное количество злаковъ и лишаевъ, чтобы откармливаться ими. Въ благопріятные годы на равнинахъ Мельвилевыхъ острововъ таетъ снѣгъ уже къ концу іюня, а въ Новой Сибири живутъ многочисленныя медвѣдки, которыя также не могутъ питаться однимъ снѣгомъ.

Спутники Кэна рвали цвѣты въ Вашингтоновой землѣ по берегу открытаго полярнаго моря и едва ли можно усомниться въ томъ, что если существуетъ островъ на мѣстѣ самаго полюса, то и здѣсь во время длиннаго лѣтняго дня съ равнинъ и горныхъ склоновъ сходитъ бѣлый саванъ, и замѣняется тундровой растительностію.

Границы лѣсной области и безлѣсной пустыни сѣвера нельзя опредѣлить съ точностью, ибо между обоими поясами находится неутральная область, гдѣ нельзя рѣшить, остается ли побѣда надъ холодными полярными вѣтрами за возникающею растительностію, или же первые продолжаютъ владычествовать. Въ иныхъ мѣстахъ тундра глубоко внѣдряется въ лѣсную область, въ другихъ наоборотъ, лѣсъ побѣдоносно стремится къ сѣверу. Какъ будто два враждебныхъ войска стоятъ другъ противъ друга, и во время сраженія тамъ одолѣваетъ одна сторона, здѣсь другая.

На Лабрадорѣ тундра, доходя до 57° с. ш., болѣе всего приближается къ югу, что объясняется положеніемъ этой страны, окруженной съ трехъ сторонъ льдами покрытымъ моремъ. На томъ берегу Гудзонскаго залива, на материкѣ тундра начинается почти подъ 60°, потомъ постоянно поднимается до устья Меккензи, гдѣ лѣсъ полосой вдоль рѣки достигаетъ 68° и даже выше; отсюда тундра снова спускается постепенно къ югу до Беринговаго моря, гдѣ доходитъ до 65°. Съ другой стороны, въ области Чукчей тундра начинается опять южнѣе подъ 63°, постоянно поднимается къ сѣверу до Лены, гдѣ Анжу видѣлъ лѣсъ подъ 71°; потомъ медленно спускается до Оби, гдѣ лѣсная область не разъ достигаетъ полярнаго круга, и отсюда послѣдняя поднимается все выше и выше къ сѣверу, пока наконецъ не оканчивается вмѣстѣ съ материкомъ на Норвежскихъ берегахъ подъ 70°.

Изъ этого общаго обзора Азіятскихъ и Американскихъ тундръ мы видимъ, что пространствомъ онѣ больше всей Европы. Даже Африканская Сагара и Южно-Американскіе Пампасы уступаютъ въ протяженіи Сибирскимъ тундрамъ. Впрочемъ нѣсколько квадратныхъ миль плодородной почвы на западной границѣ Русскаго Царства были бы дороже Бѣлому Царю, нежели обладаніе этихъ неизмѣримыхъ пустынь, гдѣ лишь кочуютъ жалкіе номады, или несчастные рыболовы ведутъ почти животную жизнь.

Нѣтъ возможности составить себѣ понятія объ той ужасной мертвой тишинѣ, какая царитъ зимою въ тундрѣ. Только изрѣдка раз-

дается по ночамъ лай одинокаго песца или крикъ бѣлой совы, пѣвицы, достойной этихъ пустынь.

Но лишь только весна откроетъ бурую землю и растаютъ необозримыя болота, какъ появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ, и на короткое время оживится сѣверная пустыня. Чудный инстинктъ влечетъ птицъ изъ дальнихъ странъ сюда, гдѣ по неизмѣримымъ болотамъ и озерамъ, по плоскому морскому берегу, на берегахъ рѣкъ, въ обильномъ рыбою морѣ эти пернатыя находятъ себѣ пищу, и въ тоже время въ совершенной безопасности могутъ гнѣздиться и перелинять. Иныя птицы держатся вблизи границы лѣсовъ, другія летятъ далѣе къ сѣверу и кладутъ яица на голую тундру. За водяными и береговыми птицами тянутся ястреба, — какъ большія хищныя морскія рыбы слѣдятъ за стаями сельдей, — стада куропатокъ бѣгаютъ вокругъ низкихъ кустарниковъ, а когда сіяетъ солнце, то даже раздается веселое пѣніе пташекъ.

Когда такимъ образомъ лѣтняя теплота влечетъ къ сѣверу стаи перелетныхъ птицъ, въ тоже время въ рѣкахъ имѣютъ мѣсто передвиженія въ противуположномъ направленіи, лососи и осетры безчисленными легіонами плывутъ отъ моря въ глубь материка, слѣпо слушаясь голоса природы, которая влечетъ ихъ въ теплыя воды метать икру.

Въ тоже время дикій сѣверный олень оставляетъ лѣсъ, чтобы пастись на покрытой лишаями равнинѣ и искать на прохладныхъ морскихъ берегахъ защиты отъ назойливыхъ оводовъ.

Такъ на нѣсколько мѣсяцевъ тундра измѣняется въ страну кипучей жизни и влечетъ къ себѣ кочевника. И идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ, и пастухъ, охраняющій свои стада одомашненныхъ сѣверныхъ оленей. Жители воздуха, водъ и твердой земли, даже сама земля съ своимъ тощимъ растительнымъ покровомъ должны удовлетворить своимъ различнымъ потребностямъ — утолить голодъ, одѣть тѣло, удовлетворить корыстолюбію.

Но лишь первые сентябрскіе морозы укажутъ на приближающуюся зиму, тогда все спѣшитъ оставить страну, гдѣ скоро изсякнутъ источники жизни, или бѣжитъ отъ быстро усиливающагося холода. Гуси, утки и лебеди густыми стаями летятъ къ югу. Голенястыя отыскиваютъ болѣе мягкой почвы, въ которой они могли бы своимъ клювомъ преслѣдовать добычу. Лососи и осетры возвращаются въ открытое море. Сѣверный олень снова идетъ въ лѣсъ. Ни-

что не удерживаетъ уже человѣка въ безлѣсной равнинѣ. Вскорѣ и твердая земля, и замерзшее озеро, и скованная рѣка, однимъ словомъ все на 7, и 8 даже 9 мѣсяцевъ скрывается подъ толстымъ однообразнымъ снѣговымъ покровомъ, который срывается съ голой земли только лишь мѣстами, гдѣ промчится страшный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Этотъ снѣгъ, который выпавши разъ, не растаетъ пока долгій лѣтній день не сломитъ силы зимы, защищаетъ наилучшимъ образомъ растительность сѣвера отъ губительнаго вліянія долгихъ холодовъ. Сначала падаетъ снѣгъ не слишкомъ плотный, клочьями; за этимъ слѣдуетъ плотный покровъ зимней снѣжной пыли и наконецъ на немъ ложится слой мокраго весенняго снѣга. Подъ 78°, 50 с. ш. при температурѣ на поверхности — 27°,5 Р., Кэнъ нашелъ, что на глубинѣ 2 футовъ въ снѣгу термометръ поднялся до — 17°. На глубинѣ 4 футовъ термометръ поднялся до — 13°.3, а на глубинѣ 8 футовъ, до — 2°.6, слѣдовательно только градуса на 2 ниже точки замерзанія. Такимъ образомъ растенія цѣлую зиму покоятся въ теплой, не тепло-проводящей воздушной камерѣ, не заботясь объ томъ, что снаружи свирѣпствуетъ холодъ въ — 40° или — 45°.

Когда къ солнцу обращенные склоны начинаютъ таять, тогда быстро тающіе верхніе слои снѣга стекаютъ съ болѣе плотныхъ подъ ними лежащихъ слоевъ, какъ дождевая вода съ крышъ, а растеніямъ нечего бояться, что ихъ сорвутъ катящіяся воды, и еще долго пользуются они защитою теплаго покрова отъ губительнаго ночнаго мороза.

Этою дивною заботливостію природы, которая и въ тѣхъ странахъ, гдѣ какъ будто тяготѣетъ ея проклятіе, все же оказывается любящей матерью, обусловливается, что даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ земля лѣтомъ все еще украшается цвѣтами.

Въ сѣверной Гренландіи отъ 73° до 80° с. ш. насчитывается 76 явнобрачныхъ или цвѣтковыхъ растеній; на Мельвилевыхъ островахъ 64. Между прочими цвѣтутъ ярко желтый лютикъ (Ranunculus nivalis), пурпуровая Saxyfraga oppositifolia, и гладкоствольный макъ (Papaver nudicaule), которыхъ Кэнъ описываетъ какъ растенія полярныхъ странъ, всѣхъ болѣе притерпѣвшіяся къ холоду, потому что они лучше всѣхъ противустоятъ первымъ морозамъ, и цвѣтутъ долѣе всѣхъ другихъ. Листья и въ особенности сѣмена ихъ очень хороши какъ противуцинготное средство, и въ тоже время пріятны

на вкусъ. Въ числѣ 8 или 10 растеній, найденныхъ позднимъ лѣтомъ по ту сторону Смитъ-Зунда, слѣдовательно еще сѣвернѣе Шпицбергена, находились Hesperys Pallasii и Vesicaria arctica обѣ съ плодами.

Кромѣ лишаевъ и мховъ крестоцвѣтные, злаки, камнеломковые, caryophylleae и сложноцвѣтные, вотъ тѣ семейства растительнаго царства, которыя имѣютъ наибольшее число представителей въ полярныхъ странахъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ однообразнѣе становится растительность, но не смотря на то, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ широты постепенно уменьшается количество видовъ растеній, того же нельзя сказать о количествѣ особей. Тамъ, гдѣ почва тундры состоитъ изъ гранитнаго песка и довольно суха, тамъ она покрыта плотнымъ ковромъ корникулярій, лишаевъ, къ которымъ въ болѣе влажныхъ мѣстахъ примѣшивается исландскій мохъ (Cetraria islandica). На болѣе рыхлой почвѣ появляются другія растенія, которыя впрочемъ не вытѣсняютъ лишаевъ, исключая луговъ, образующихся въ защищенныхъ мѣстахъ и именно на морскихъ берегахъ.

На поемныхъ наносныхъ равнинахъ ростутъ высокіе осоки и притомъ такъ часто, какъ только они стоять могутъ. Внезапнымъ наступленіемъ зимы соки злаковъ задерживаются и замерзаютъ въ соломѣ. Такимъ образомъ Американскій пахучій быкъ, въ теченіи цѣлаго года не вступающій въ лѣса и кочующій по тундрѣ, находитъ себѣ обильную пищу даже зимой, разрывая снѣгъ. А весною прилетающія птицы ѣдятъ сочные стебли, сохраненные заботливой природой во все время суроваго времени года.

Еще обширнѣе сѣверной тундровой области окружающій ее съ юга громадный лѣсной поясъ. Этотъ поясъ тянется по всей Сѣверной Азіи и Сѣверной Америкѣ полосою въ 15—20 градусовъ ширины, и почти нигдѣ не прорѣзанъ рукой земледѣльца; такимъ образомъ этому поясу уступаетъ даже пространство лѣсной области Амазонской рѣки, области въ двѣнадцать разъ бо̀льшей поверхности всей Германіи.

Характеристичное свойство тропическаго первобытнаго лѣса состоитъ въ томъ, что здѣсь разнообразныя семейства растеній такъ тѣснятся, что, какъ замѣчаетъ Гумбольдтъ въ своихъ безсмертныхъ «Картинахъ природы», даже на малыхъ пространствахъ едва сходятся одинаковыя растенія, а съ каждымъ днемъ, при всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, путешественникъ видитъ новые образы.

Иное на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ видишь только хвойныя растенія, только хвойные лѣса, и гдѣ нерѣдко одинъ видъ сосны или ели однообразно покрываетъ все пространство. И если тамъ поражаетъ разнообразіе, котораго и описать нельзя, то здѣсь дивишься нескончаемому повторенію одного и того же дерева.

Другое замѣчательное различіе между лѣсами крайняго сѣвера и лѣсами тропическаго міра, состоитъ въ *безвредномъ* характерѣ первыхъ. Здѣсь нѣтъ представителей вредныхъ для человѣка семействъ растительнаго царства, къ которымъ принадлежитъ манценилла, смертоносный упасъ или анчаръ. Ложась подъ деревомъ, здѣсь нечего бояться, чтобы сонъ перешелъ въ смерть, нечего бояться и напитанной ядомъ стрѣлы дикаря. Здѣсь даже колючки и шипы рѣдкое явленіе. Здѣсь нѣтъ ядовитыхъ змѣй, вьющихся въ чащѣ, нѣтъ и крокодиловъ въ болотахъ; и хотя живутъ въ сѣверныхъ лѣсахъ хищные звѣри, но они далеко не такъ кровожадны и не такъ опасны, какъ кошки тропическихъ лѣсовъ. Медвѣдь обыкновенно не нападаетъ на человѣка, а собака Эскимоса, по всему вѣроятію, есть ничто иное, какъ прирученный волкъ.

Въ сѣверной лѣсной области замѣчательно еще ея юный, молодой видъ. Почти вездѣ путешественникъ не можетъ дать дереву болѣе полувѣковаго возраста, и нигдѣ не встрѣчаются вѣковыя деревья. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ сильнѣе такая кажущаяся юность, пока вдругъ борода не выдастъ преждевременнаго старца. Конечно, въ южной половинѣ арктическаго пояса, встрѣчаются толстыя деревья, исчезающія совершенно въ общей физіономіи лѣса, да и все-таки они только карлики въ сравненіи съ гигантскими соснами первобытныхъ лѣсовъ Ситхи, имѣющими 160 футовъ высоты и 7—10 фут. въ поперечникѣ.

Краткость лѣта, въ сравненіи съ чрезвычайной продолжительностію чрезмѣрно холоднаго времени года, уже достаточно объясняетъ это явленіе. Кратковременныхъ жаровъ достаточно, чтобы выгнать молодые побѣги, но мало для образованія древесины. Поэтому чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ деревья медленнѣе ростутъ въ толщину. На большемъ Медвѣжьемъ озерѣ въ 400 лѣтъ стволъ достигаетъ толщины человѣка.

Въ сѣверной лѣсной области отсутствіе вѣтвей составляетъ эндемическую болѣзнь: повсюду встрѣчаются неразвившіеся почки и побѣги. Такъ на крайней границѣ лѣсовъ лиственницы почти совер-

шенно лишены вѣтвей, и имѣютъ веретенообразные нерѣдко въ 2, 3 сажени вышиною стволы, на которыхъ вмѣсто вѣтвей видишь только сплетенія высохшихъ побѣговъ. А множество неразвившихся почекъ указываетъ на безплодную борьбу растительной силы.

Этими неразвитыми вѣтвями кончается лѣсъ. Холодъ леденящаго вѣтра окончательно побѣдилъ: дріады скудно влачатъ свою жизнь только въ лонѣ земли. Подъ землею искривляется покрытый мхами стволъ кустарника, едва въ дюймъ толщиной, въ нѣсколько футовъ длиной, и только концы маленькихъ однолѣтнихъ побочныхъ вѣтвей (въ какихъ нибудь 2 дюйма) украдкой поднимаются изъ-подъ покрова, и указываютъ на существованіе кустарника.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ роста, чѣмъ далѣе къ сѣверу поражаетъ и уменьшеніе *гущины* лѣса, на 36—64 квадратныхъ фута приходится не болѣе одного дерева. Тѣмъ не менѣе однако, даже подземные кустарники приносятъ вполнѣ развитыя шишки съ совершенно созрѣлыми сѣменами.

Послѣ такой общей характеристики сѣвернаго лѣса, мы нѣсколько времени остановимся на главнѣйшихъ видахъ деревьевъ, преимущественно Сибирскаго лѣса.

Сосна (Pinus sylvestris) къ сѣверу оканчивается подъ 66°, но поясъ ея благосостоянія не достигаетъ выше 60°.

Сибирскій кедръ (Pinus cembra) превосходное дерево, которое по своей легкости особенно пригодно для постройки лодокъ, ростетъ еще подъ 68°. Къ сожалѣнію это дерево рѣдко встрѣчается сплошнымъ лѣсомъ; обыкновенно оно ростетъ вмѣстѣ съ Picea obovata и Abies sibirica.

Шишки не только составляютъ любимый кормъ бѣлокъ, но зерна подъ именемъ кедровыхъ орѣховъ значительно потребляются живущими въ Сибири Русскими. У женщинъ грызка этихъ орѣховъ составляетъ любимое препровожденіе времени.

Сибирская пихта (Abies sibirica), вѣрная спутница Pinus sylvestris есть одно изъ многочисленнѣйшихъ и самыхъ распространенныхъ деревьевъ въ Сибири, къ сожалѣнію это дерево можно назвать только сорнымъ деревомъ. Ломкость его такъ значительна и хвоя такъ густа, что нигдѣ давленіе снѣга не приноситъ столько вреда какъ въ этихъ лѣсахъ.

Сибирская ель (Picea obovata) какъ кажется вполнѣ заступаетъ мѣсто Pinus vulgaris, годность на подѣлки ихъ также одинакова.

Между 66° и 67° это дерево образуетъ густые лѣса, но оно рѣдко достигаетъ высоты бо́льшей 30 футовъ, и нетолще ноги, вообще находится въ недоразвитомъ состояніи. Послѣднія деревья этого вида встрѣчаются еще подъ 69°,5.

Сибирская лиственница (Larix sibirica) превосходитъ, какъ извѣстно, всѣ прочія сибирскія деревья своей живучестью. Независимо отъ поднятія почвы, кажется, что область распространенія этого дерева, начинается близь 60°. Далеко по ту сторону Енисейска Миддендорфъ находилъ стволы въ 50 дюймовъ въ поперечникѣ, и подъ 67° отдѣльные стволы въ 22 дюйма. Въ Туруханскѣ, гдѣ неразвитость другихъ деревьевъ уже очень бросается въ глаза, лиственница находится въ довольно здоровомъ состояніи, она достигаетъ въ Таймурской землѣ 71°,5. Но здѣсь лѣсъ внезапно и совершенно заканчивается деревьями отъ 7—10 футовъ вышиною.

Мы замѣтили прежде, что рука человѣка мало трудилась надъ разрѣженіемъ Сибирскаго первобытнаго лѣса, но при этомъ мы не упомянули о частыхъ лѣсныхъ пожарахъ, начинающихся или отъ неосторожности, или отъ злаго умысла. Эти опустошенія имѣютъ замѣчательныя послѣдствія: почва, прежде дававшая исключительно хвойныя деревья, удобренная золой, производитъ, только спорадически являющуюся, березу (Betula alba), которая совершенно вытѣсняетъ хвою. Это дерево, хотя уже въ не вполнѣ развитомъ состояніи, ростетъ еще довольно хорошо подъ 69°. Подъ 69°,5 Миддендорфъ еще находилъ березы въ ростъ человѣка, но они были такъ гнилы, что самаго легкаго толчка достаточно для того, чтобы сломить стволъ. Отъ сильныхъ холодовъ кажется живымъ остается только лубъ, защищенный корой.

Можжевельникъ (Juniperus nana) и рябина (Sorbus aucuparia) ростутъ еще по ту сторону Туруханска.

Ольха (Alnus incana), красная смородина (Ribes rubrum) и даже одинъ видъ розы находится въ Боганидѣ подъ $71^5/_8$°. Характеристична для различныхъ неизмѣримыхъ хвойныхъ лѣсовъ флора, ростущая на почвѣ, осѣненной лѣсомъ. Въ еловыхъ лѣсахъ почва покрыта ковромъ бѣлыхъ лишаевъ или зеленѣющихся мховъ. Въ сосновыхъ лѣсахъ ростутъ мелкія деревья или кусты березы, вербы, можжевельника, empetrum, vaccinium, mirtillus и др. Далѣе къ сѣверу по рѣкамъ тальникъ образуетъ непроходимую чащу.

Если посмотримъ на арктическую лѣсную область Новаго Свѣта,

то, не смотря на большею частію различные виды деревьевъ, мы все-таки замѣтимъ поразительное сходство съ только что описанною лѣсною областію.

Главнѣйшее хвойное дерево здѣсь бѣлая ель (Abies alba), преимущественно заслуживающая названія лѣснаго дерева. По ту сторону арктическаго круга бѣлая ель рѣдко достигаетъ высоты болѣе 40—50 фут., развѣ въ защищенныхъ ущеліяхъ; отъ 69° на Мекензи она спускается вкось до 61° или 60° къ берегу Гудзоновой бухты. Изъ дерева бѣлой ели строютъ основу лодокъ изъ древесной коры (см. главу о Гудзонбайской компаніи). Крѣпкими корнями, разщепленными до нужной толщины, сшиваютъ куски коры между собой, а въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ или мало бумажной березы (Betula papyracea) и всю лодку дѣлаютъ изъ коры бѣлой ели. Для этого избираютъ дерево, не имѣющее вѣтвей до 30—40 футовой высоты, съ одной его стороны сверху до низу дѣлаютъ надрѣзъ до древесины, и потомъ снимаютъ кору цѣлымъ кускомъ. Форма лодкѣ придается тѣмъ, что оба конца сшиваются и нѣсколько вѣтвей вставляются поперекъ. Грузъ кладется въ середину и два или три Индійца пускаются по быстрой рѣкѣ въ такомъ непрочномъ суднѣ. Черезъ нѣсколько дней въ него всасывается столько воды, что лодка теряетъ всю свою упругость, совершенно расплющивается и болѣе негодна къ употребленію. Конечно, кромѣ работы она ничего и не стоила. Повсюду на границѣ лѣсовъ бѣлая ель идетъ далѣе другихъ деревьевъ къ сѣверу. И встрѣчается или одиночно, тамъ гдѣ холодные вѣтры изгибаютъ ея стволъ и преклоняютъ вѣтви къ землѣ, или же ростетъ небольшими группами въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ.

Черная ель (Abies nigra) уступаетъ предыдущему виду числомъ особей, красотой и пользой.

Пахучая ель (Abies balsamea) не заходитъ далѣе 62° с. ш. Это дерево есть sapin вояжоровъ (см. главу объ Гудзонъ-байской компаніи), которые предпочитаютъ вѣтви ея всѣмъ другимъ родамъ деревьевъ для обкладки своихъ постелей.

Сѣрая ель (Pinus banksiana) ростетъ отъ арктическаго круга до Канадскихъ озеръ. Канадская лиственица (Larix americana) обыкновенно встрѣчается рѣдко разсѣянною по лѣсамъ.

Вообще очень важная бумажная береза (Betula papyracea), безъ которой невозможно было бы плавать по рѣкамъ въ Гудзонъ-бай-

скихъ странахъ, и которая достигаетъ своего полнаго развитія на сѣверномъ берегу Верхняго озера, по ту сторону арктическаго круга встрѣчается только изрѣдка и то недоростками, хотя границы этого дерева по Меккензи достигаетъ до 69°.

Березовые сланцы (Betula nana, B. pumila) встрѣчаются повсюду въ Barren-grounds. Ольха (Alnus incana) точно также достигаетъ до устья Меккензи.

Въ арктической Америкѣ послѣ лѣсныхъ пожаровъ (которые здѣсь точно также часты какъ и въ Сибири) лѣса бѣлой ели замѣняются осиной (Richardson).

Отъ Верхняго озера до полярнаго моря тальники образуютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ непроходимую чащу. По морскому берегу повсюду, гдѣ только рѣки образовали годную наносную почву, образовались чащи salix speciosa.

Хотя природа не дала крайнему сѣверу нашихъ плодовитыхъ деревьевъ, но за то вознаградила эти пустыни громаднымъ богатствомъ ягодъ (черника, брусника, голубиха и др.), заходящихъ даже за границу лѣсовъ и услаждающихъ своими плодами вкусъ человѣка и животныхъ. При наступленіи осеннихъ морозовъ, множество ягодъ остается на кустахъ до слѣдующаго іюня, т. е. до таянія снѣга. Такія ягоды тѣмъ сочнѣе и вкуснѣе и служатъ пищею громаднымъ стаямъ водяныхъ птицъ во время ихъ перелета на сѣверъ къ летовью.

Дикій рисъ (Hydropyrum esculentum), драгоцѣнное растеніе, употребляемое въ пищу Индійцами Канадскихъ озеръ, доходитъ къ сѣверу только до озера Винипега, составляющаго въ тоже время крайнюю сѣверную границу распространенія хмѣля и съ нимъ всѣхъ другихъ вьющихся лѣсныхъ растеній.

Мы привели главнѣйшія полезныя растенія, ростущія въ дикомъ состояніи въ полярныхъ странахъ, и переходимъ теперь къ разсмотрѣнію границъ, предначертанныхъ климатомъ для хлѣбныхъ и садовыхъ растеній.

Въ Америкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кукуруза доходитъ до 51° с. ш., на Сибирскихъ склонахъ ея вовсе нѣтъ.

Еще далѣе на сѣверъ заходитъ пшеница, въ западной Скандинавіи она воздѣлывается до 62° и даже до 64°. По мнѣнію Мейена пшеницѣ нужна средняя годичная температура въ 3° Р., при средней лѣтней температурѣ въ 10°, но воздѣлкѣ этого растенія въ подарк-

тическомъ поясѣ не мѣшаетъ и меньшая годичная температура, если только лѣтніе жары достаточно сильны въ теченіи 100 или 120 дней. Такъ съ выгодою воздѣлываютъ пшеницу въ окрестностяхъ форта Ліарда, который стоитъ на высотѣ 400 или 500 футовъ при западномъ притокѣ Меккензи у подошвы Скалистыхъ горъ подъ 61°,5 с. ш. Однакоже лѣтніе морозы здѣсь нерѣдко наносятъ вредъ пшеницѣ и зерно не каждый годъ достигаетъ полной зрѣлости. Въ Европейской Россіи къ сѣверу отъ Вятки пшеница достигаетъ 59° с. ш., но отсюда граница этого злака спускается какъ къ востоку, такъ и къ западу. При Балтійскомъ морѣ пшеница не заходитъ сѣвернѣе Риги (57°) и Либавы (55°,5); въ Сибири между Барнаульскимъ меридіаномъ и Охотскимъ моремъ она доходитъ до той же широты. Само собою разумѣется, что ни въ Сибири ни въ Гудзонъ-байскихъ странахъ не должно смѣшивать *возможность* воздѣлыванія до вышеприведенныхъ широтъ съ дѣйствительною культурой въ обширномъ размѣрѣ.

Гораздо сѣвернѣе пшеницы идетъ граница ржи и ячменя. Оба злака еще родятся на рѣкѣ Мезени до 65°,5, рожь по Печерѣ до 65°,3.

Врангель (1820) считаетъ Олекминскъ за границу хлѣбныхъ полей въ Сибири, въ настоящее время, кажется, что земледѣліе идетъ успѣшно даже въ Якутскѣ, здѣсь если вызрѣетъ ячмень, то трудъ земледѣльца вознаграждается урожаемъ въ самъ 15.

Въ Амгинскѣ уже давно земледѣліе по тамошнимъ условіямъ находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ Охотскѣ съ успѣхомъ сѣяли ячмень. Въ Лапландіи воздѣлка ржи шла тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ сѣмена получались изъ мѣстностей болѣе близкихъ. Здѣсь образовалась быстро вызрѣвающая разновидность, которая не боится ночныхъ морозовъ подъ конецъ лѣта. Теперь сѣютъ хлѣбъ при Энарскомъ озерѣ и въ Норвегіи даже до 70°. Въ Америкѣ ячмень въ хорошіе года вызрѣваетъ близь форта Норманъ (65°) на Меккензи.

На крайнемъ сѣверѣ менѣе воздѣлываютъ овса, потому что онъ требуетъ болѣе долгаго времени для своего вызрѣванія нежели ячмень.

Греча и картофель имѣютъ почти туже сѣверную границу. Послѣдній воздѣлывается еще на Мезени (65°). Они даютъ прекрасный урожай въ фортѣ Ліардѣ и даже, хотя худшаго качества, около фортъ Симпсонъ и форта Норманъ. Близь форта Гудъ-Гопэ почти

подъ арктическимъ кругомъ эти растенія уже не вызрѣваютъ, но за то въ хорошіе года свекла, которую обыкновенно высѣваютъ въ послѣднихъ числахъ мая, достигаетъ 2—3 фунтоваго вѣса. Далѣе къ сѣверу около рѣки Пиль не родится ничего кромѣ кресса.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ естественно дробнѣе и мельче производятся опыты получить урожай въ леденящемъ климатѣ, и рѣдкое населеніе принуждено поддерживать свою жалкую жизнь скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей. Послѣдняя влечетъ Самоѣдовъ, Остяковъ, Якутовъ къ берегамъ рѣкъ, вблизи которыхъ находятся и наилучшіе луга. Къ югу отсюда разводится лошадь, къ сѣверу сѣверный олень.

Главнѣйшее богатство лѣса составляютъ различные пушные звѣри, ловля ихъ есть единственный продуктъ, которымъ жалкій кочевникъ сѣвера платитъ за удовлетвореніе своихъ немногихъ потребностей — табакъ, муку, желѣзный товаръ. Мы опишемъ главнѣйшихъ пушныхъ звѣрей въ слѣдующихъ главахъ, гдѣ будемъ говорить о торговлѣ мѣхами, а здѣсь упомянемъ только объ обитателяхъ тундры и лѣса гиперборейскаго пояса, любопытныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Взрослый сѣверный олень, достигаетъ высоты 4½ футовъ, но онъ далеко не такъ граціозенъ, какъ олень, житель нашихъ лѣсовъ. Туловище сѣвернаго оленя неуклюжѣе, угловатѣе, ноги короче, точно также какъ и шея, которую онъ держитъ, вытянувъ впередъ совершенно прямо. Спина его обыкновенно бураго цвѣта, брюхо бѣлое; съ возрастомъ сѣверный олень нерѣдко сѣрѣетъ, и на зиму одѣвается бѣлой шерстью, какъ бо̀льшая часть другихъ четвероногихъ арктическаго пояса. Почему природа украсила этихъ звѣрей на зиму бѣлымъ цвѣтомъ? Вѣроятно потому, что бѣлый цвѣтъ менѣе лучеиспускаетъ внутренней теплоты, а напротивъ сильнѣе отражаетъ внѣшній холодъ, и слѣдовательно не такъ легко пропускаетъ его въ себя, сравнительно съ болѣе темною одеждою. Подъ шеей волосъ длиннѣе, и потому образуется родъ бороды. Оба пола имѣютъ тонкіе, развѣтвленные, небольшими лопатками снабженные рога, которые, впрочемъ, у самцевъ длиннѣе и больше чѣмъ у самокъ. На бѣгу копыта стучатъ особеннымъ образомъ, такой стукъ слышенъ на довольно значительномъ разстояніи. Имѣя удивительное чутье, безъ котораго сѣверный олень умеръ бы съ голоду, это животное чуетъ исландскій мохъ подъ снѣгомъ на глубинѣ 2—4 футовъ. Сѣверный олень распространенъ по всему крайнему

сѣверу; около Уфы онъ спускается до 55° с. ш., здѣсь охотятся за нимъ Башкиры, а на Монгольскихъ альпахъ онъ сходитъ въ басейнъ Амура. Въ Америкѣ, гдѣ Канадскіе вояжоры называютъ его *карибу*, онъ сходитъ еще южнѣе, почти до широты Квебека, но преимущественно онъ держится между 63° и 66°. Акклиматизаціонныя попытки перевести это животное въ болѣе теплыя страны постоянно не удавались. Во времена Римскаго владычества сѣверный олень жилъ въ Герцинскомъ лѣсѣ. Въ Америкѣ это животное снабжаетъ Индійца одеждой и пищей; но ни одинъ народъ Новаго Свѣта не сумѣлъ приручить его и извлечь изъ него столько пользы, какъ то дѣлаютъ жители сѣверной Азіи, Лапландцы и Самоѣды. Сѣверный олень болѣе годенъ въ упряжь, чѣмъ подъ верхъ, вслѣдствіе слабости его спины, такъ что садиться на него можно лишь тихонько съ возвышенія, а вскакивая легко переломить ему позвоночный столбъ. Сѣверный олень покажется совершенно инымъ животнымъ, когда онъ, покачиваясь, съ трудомъ несетъ на себѣ сѣдока, или когда онъ на свободѣ какъ птица перелетаетъ черезъ лежащія деревья, слушаясь свиста своего хозяина.

Китайцы, которые употребляютъ многое чѣмъ мы брезгаемъ, дѣлаютъ желе изъ мягкихъ роговъ сѣвернаго оленя, собираемыхъ у Сибирскихъ народцевъ, и привозимыхъ въ Маймачинъ Русскими промышленниками. Описаніе охоты на дикаго сѣвернаго оленя и ухода за ручнымъ мы оставляемъ до одной изъ слѣдующихъ главъ (Врангель. Лапландцы).

Лось (Cervus alces) есть самый большой обитатель сѣверныхъ лѣсовъ. Онъ несравненно сильнѣе сложенъ и больше обыкновеннаго оленя, но по неуклюжести своей онъ относится къ послѣднему почти точно также какъ оселъ къ лошади. Лось особенно отличается длиною своихъ ногъ и большими трехугольными, лопатообразными, по краямъ развѣтвленными рогами. Одинъ рогъ длиною въ $2^1/_2$ фута и въ 1 футъ шириною иногда вѣситъ до 50 фунтовъ, а все животное нерѣдко достигаетъ вѣса 12 центнеровъ. Лось темно сѣро-бураго цвѣта, ноги свѣтлѣе.

Впервые лося описалъ Юлій Цезарь (bellum gallicum VI. 26), во времена котораго это животное жило въ германскихъ лѣсахъ. Завоеватель едва-ли самъ видѣлъ лося, иначе онъ не описалъ бы его какъ будто имѣющимъ посреди лба одинъ рогъ, который послѣ дѣлится на двѣ лопаты. Цезарь называетъ лося оленевиднымъ бы-

комъ, вѣроятно по величинѣ, и говоритъ, что самецъ и самка совершенно похожи другъ на друга — опять ошибка, самка не имѣетъ роговъ и меньше ростомъ.

Въ настоящее время хотя лось еще живетъ въ низменныхъ болотистыхъ лѣсахъ восточной Пруссіи, Литвы и Польши, но главное его мѣстопребываніе составляютъ сѣверные лѣса Сибири, Россіи и Америки, повсюду гдѣ ростутъ ива, осина, рябина и другія мягкія деревья, листьями и побѣгами которыхъ лось преимущественно питается. Отъ нападенія оводовъ онъ не бѣжитъ, какъ сѣверный олень къ болѣе холодному берегу моря, а садится въ рѣку до самаго носа и въ тоже время ѣстъ ему весьма правящуюся Festuca fluitans. Такъ какъ долгоногій лось (заботливая природа несомнѣнно подумала при созданіи этого животнаго, что ему часто придется переходить болота) очень быстръ и остороженъ, и къ тому же живетъ въ почти непроходимыхъ мѣстностяхъ; то его обыкновенно ловятъ въ волчьи ямы. Но осенью, когда тающій снѣгъ, захваченный ночнымъ морозомъ, образуетъ настъ, который не выноситъ тяжести лося, только тогда онъ становится легкою добычею охотника.

Кромѣ человѣка, преслѣдующаго лося изъ-за мяса и шкуры, у этого животнаго еще много враговъ. Нерѣдко росомаха впрыгиваетъ съ дерева на пасущійся подъ нимъ лось, и даже разсказываютъ, что иногда маленькій горностай залѣзаетъ лосю въ ухо во время сна и послѣдній въ бѣшенствѣ или разбиваетъ себѣ голову объ дерево, или бросается въ пропасть. Волкъ обыкновенно старается загнать лося на ледъ, гдѣ онъ падаетъ и не можетъ встать, хотя сильно брыкается и бьетъ задними ногами. Вѣроятно на этомъ обстоятельствѣ основана басня, что лось подверженъ падучей болѣзни. Совершенно понятно, какимъ образомъ громадное количество побѣговъ и листьевъ сѣверныхъ лѣсовъ можетъ прокормить такого огромнаго оленя, но съ удивленіемъ спрашиваемъ мы, чѣмъ кормится на обнаженной Американской тундрѣ пахучій быкъ (Bos moschatus)?

Этотъ быкъ достигаетъ 6 футовой длины и величиной равняется небольшему быку. Ноги и хвостъ коротки. Очень широкіе рога, почти спаиваются спереди на лбу, достигаютъ длины 2 футовъ и изгибаются сначала внизъ, а потомъ вверхъ. Подъ длинными темно-бурыми волосами, которые въ видѣ плаща свѣшиваются почти до земли, скрывается весьма тонкій подшерстокъ, изъ котораго дѣлаютъ чулки, почти неуступающіе въ красотѣ шолковымъ. Лѣтомъ когда

животному не нужно такой теплой шубы, оно валяется по землѣ и вытираетъ подшерстокъ. Какъ сѣверный олень, пахучій быкъ питается преимущественно лишаями и злаками. Весной онъ идетъ на сѣверъ и по льду доходитъ до Сѣверо-Георгіевскихъ острововъ; въ сентябрѣ онъ снова идетъ на югъ и въ глубокую зиму бродитъ по опушкѣ лѣсной области. По скаламъ пахучій быкъ лазаетъ почти также ловко, какъ дикій баранъ, который живетъ на голыхъ альпахъ сѣвера, будучи защищенъ отъ жестокихъ холодовъ густою шерстью, подъ которою спрятанъ короткой курчавой подшерстокъ. Американской видъ (Ovis montana) отличается отъ Сибирскаго (O. Argali) почти кругообразнымъ изгибомъ толстыхъ трехгранныхъ поперекъ полосатыхъ роговъ. Argali (Аркаръ), несомнѣнный родичъ нашей домашней овцы, превосходитъ послѣднюю какъ величиной, такъ и вкусомъ мяса.

Въ Американскихъ Скалистыхъ горахъ еще подъ 65° с. ш. встрѣчается горный козелъ (Capra lanigera americana), покрытый длинною, тонкою, весьма дорогою, но рѣдко въ продажѣ встрѣчающеюся шерстью.

Иные хищные звѣри сѣвера какъ рысь и волкъ, держатся только въ лѣсахъ; другіе какъ бурый медвѣдь и розсомаха въ опредѣленныя времена года заходятъ за границу лѣсовъ; песецъ (Canis lagopus) напротивъ распространенъ по всей области тундры отъ самыхъ сѣверныхъ острововъ до лѣсной области. Песецъ, какъ Эскимосъ умѣетъ защитить себя отъ холода, онъ роетъ себѣ длинныя въ 4 или 5 саженей норы съ 6—10 выходами и средней камерой, которую выкладываетъ мхомъ. Питается песецъ преимущественно леммингами (медвѣдками); враги его розсомаха, филинъ и ставящій капканы человѣкъ.

Хотя мышь-экономъ (Arvicola oeconomus) очень маленькое, скромное животное, едва 6 дюймовъ длиной, но, по пользѣ доставляемой человѣку, оно смѣло можетъ поспорить съ лосемъ или аркаромъ. Эта мышь распространена по всѣмъ равнинамъ отъ Оби до Камчатки. Подъ лугами роетъ она ходы съ большими камерами, которыя наполняетъ мучнистыми корнями. Удивительно какъ пара такихъ грызуновъ (обыкновенно на зиму они дѣлятся на пары) можетъ нарыть себѣ изъ твердой почвы такое количество клубней, нерѣдко 8—10 фунтовъ ихъ хранится въ камерѣ, которыхъ 3—4 при одномъ гнѣздѣ. Жители восточной Сибири очень ловко умѣютъ

отыскивать подземныя постройки запасливой мыши и пользоваться ея трудами собраннымъ запасомъ. Ближайшіе къ описаннымъ животнымъ лемминги (Mus lemmus) не отличаются вовсе ни такимъ трудолюбіемъ, ни пользою. Различные виды лемминговъ живутъ на Шпицбергенѣ, Новой Землѣ, Новой Сибири, однимъ словомъ повсюду въ безлѣсныхъ равнинахъ и горахъ, гдѣ только есть что-нибудь годное имъ въ пищу — злаки, исландскій мохъ, сережки березоваго сланца. Путешествія обыкновенныхъ Лапландскихъ лемминговъ извѣстны. Черезъ 10 — 20 лѣтъ громадныя стаи этихъ животныхъ оставляютъ горы и бѣгутъ другъ за другомъ совершенно по прямой линіи. Ни рѣки, ни озера не могутъ отклонять ихъ отъ прямаго пути, такимъ образомъ они достигаютъ моря, гдѣ находятъ себѣ могилу.

Понтоппиданъ разсказываетъ, что нерѣдко лемминги вдругъ нападаютъ на рыболововъ Сѣвернаго моря и такъ переполняютъ ихъ лодки, что угрожаютъ потопленіемъ.

Прежде нежели мы оставимъ четвероногихъ крайняго Сѣвера, мы должны упомянуть еще объ одномъ рѣдкомъ гостѣ иногда появляющемся въ Сибири. Это Бенгальскій тигръ, который иногда заходитъ до 55° с. ш. на пространствѣ между Обью и Алданскими источниками. Здѣсь сходится тигръ съ соболемъ, который въ свою очередь охотится за глухарями (Tetrao urogallus) въ настоящее время достигающими Западной Европы, а по утрамъ сторожитъ Сибирскую Кабаргу. Такіе-то диковинные гости сходятся вмѣстѣ на берегахъ Байкала.

Вначалѣ этой главы мы бѣгло описали какъ послѣ таянія снѣговъ тундры и болота крайняго Сѣвера оживляются несмѣтными стаями перелетныхъ птицъ: теперь опишемъ самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ.

Дикій лебедь или лебедь кликунъ (Cygnus buccinator) есть первая перелетная птица, появляющаяся на Сѣверѣ. Съ восторгомъ встрѣчаютъ его тамъ весной, какъ предвозвѣстника изобилія, потому что гуси и утки летятъ по его слѣдамъ. Этотъ лебедь также бѣлъ, какъ домашній лебедь, имѣетъ такойже черный цилиндрическій клювъ и черные ноги, но иначе устроена его дыхательная трубка. Онъ вѣситъ 15 — 25 фунтовъ и въ распростертыхъ крыльяхъ отъ одного конца до другаго имѣетъ до 5 футовъ. Лѣтомъ онъ живетъ по большимъ рѣкамъ и озерамъ Гудзонъ-байскихъ странъ, Камчатки, Лап-

7162-1575

ландіи и Исландіи. Осенью, возвращаясь съ Сѣвера, онъ летитъ черезъ послѣдній островъ громадными стаями, настолько тѣсными, что клювъ одного лебедя касается хвоста летящаго передъ нимъ. Пухъ очень дорогъ; охотники снимаютъ съ лебедей шкурки и изъ нихъ или шьютъ красивыя одежды или же мѣняютъ на другіе предметы.

Кто не слыхалъ о мелодической предсмертной пѣсни лебедя? Къ сожалѣнію это только прекрасная поэтическая басня, потому что голосъ лебедя очень похожъ на звуки кларнета, когда на немъ играетъ не музыкантъ.

Есть еще другая басня, въ которой разсказывается, что, при наступленіи морозовъ, лебеди собираются въ большемъ количествѣ и бьютъ крыльями по водѣ, чтобы помѣшать ей замерзнуть. Весьма справедливо называютъ дикаго лебедя мирнымъ властелиномъ моря: надѣясь на свою силу онъ не боится враговъ и въ тоже время не нападаетъ ни на какую другую птицу. Своими крѣпкими крыльями онъ защищается даже отъ нападеній орла. Питается лебедь злаками и корнями ростущихъ по берегамъ растеній, иногда ѣстъ и слизняковъ. Онъ гнѣздится по ту сторону 60° с. ш. далеко за границею тундры, но все же не такъ далеко на Сѣверъ какъ бевикскій лебедь (Cygnus Bewickii), который гнѣздится даже на Мельвилевомъ полуостровѣ и Боотіи.

Канадскій гусь (Anser canadensis), который въ громадномъ количествѣ зимуетъ въ саваннахъ Флориды и Арканзаса, пускается въ путь къ Сѣверу, лишь только снѣгъ начинаетъ таять между 20 марта и концемъ апрѣля. Кто даетъ вѣсть объ этомъ птицѣ, живущей въ подтропическихъ странахъ? Канадскій гусь поднимается до крайней границы лѣсовъ, но никогда не встрѣчается на берегахъ Полярнаго моря. За то здѣсь проводятъ цѣлое лѣто необыкновенно вкусные: бѣлолобый гусь (Anas albifrons) и полярный гусь (Anas hyperborea). Въ высшихъ широтахъ проводитъ лѣто черная казарка (Anas bernicla), которая во время своей путины сюда и назадъ появляется въ огромномъ количествѣ на берегахъ Гудзоновой бухты. Красивый красногорлый гусь (Anas ruficollis), зимующій въ Персіи, лѣтомъ появляется въ Россіи и Сѣверной Сибири.

Долгохвостая савка (Anas glacialis) даже зимуетъ на Сѣверѣ, но нѣкоторыя перелетаютъ на зиму до широты Нью-Іорка и Оркадъ, и уже на лѣто возвращаются въ Гренландію и на Шпицбергенъ. Она превосходно ныряетъ и питается моллюсками. Самка вьетъ себѣ гнѣздо

въ травѣ близь воды, и выкладываетъ его внутри своимъ тонкимъ пухомъ, которымъ она похожа на гагу (Anas mollissima) и на Somateria spectabilis, которыя также появляются на крайнемъ Сѣверѣ.

Каменная куропатка (Lagopus rupestris) живетъ преимущественно въ тундрѣ, и только въ самую глубокую зиму заходитъ недалеко въ лѣсъ.

Американская куропатка (Lagopus saliceti) точно также держится большую часть года въ Американскихъ Barren-grounds, и на зиму переходитъ въ лѣсную область, гдѣ Европейцы и Индійцы бьютъ этихъ куропатокъ въ большемъ количествѣ.

Хотя тундры и хвойные лѣса занимаютъ бо́льшую часть спускающихся къ Ледовитому морю земель, но на Югѣ ихъ рѣки текутъ и по лиственнымъ лѣсамъ и по травяной степи. Такъ въ Сибири тянутся громадныя степи Барабинская и Киргизская по Тоболу, Иртышу, Ишиму и Оми до 54° и 55° с. ш., гдѣ они переходятъ мало по малу въ лѣсную область. Такъ въ Америкѣ тянутся преріи по Саскачевану до 54° с. ш., а на нѣкоторыхъ островахъ даже до 56°.

Самый дорогой продуктъ прерій, есть безспорно бизонъ (Bos americanus), который невѣроятно большими стадами пасется по этимъ неизмѣримымъ естественнымъ лугамъ. Бизонъ доставляетъ агентамъ и прислугѣ Гудзонъ-байской компаніи столь для нихъ необходимый *пеммиканъ*, о которомъ не разъ будетъ говориться въ этой книгѣ. Мясистыя части заднихъ ногъ рѣжутся на тонкія пластинки, сушатся на солнцѣ и толкутся. Потомъ двѣ части этого мяснаго порошка мѣшаютъ съ одною частью топленаго жира и этой массой набиваютъ мѣшки, изготовляемые изъ шкуры также бизона. Канадскіе вояжоры такой набитый мѣшокъ, обыкновенно вѣсящій до 90 фунтовъ, называютъ *taureau*. Два фунта пеммикана достаточно для дневнаго пропитанія работающаго человѣка. Весной варятъ его съ молодыми побѣгами Epilobium angustifolium; Ново-Шотландцы ѣдятъ пеммиканъ съ овсянной мукой, это ихъ любимое кушанье. Лучшій сортъ пеммикана мѣшается съ костянымъ мозгомъ и сушеными ягодами или коринкой. Пеммиканъ ѣдятъ либо сырымъ, либо подваривая его въ небольшомъ количествѣ воды и хотя на первый разъ вкусъ этого кушанья не совсѣмъ пріятенъ, но за то вояжоръ безъ пеммикана развѣ только съ прибавкою чашки чая, не завтракаетъ, не обѣдаетъ и не ужинаетъ; во время поѣздокъ по этимъ странамъ обѣдъ и ужинъ впрочемъ соединяются въ одну трапезу.

ГЛАВА II.

СѢВЕРНОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ.

Геній Сѣвера. — Путешественники къ сѣверному полюсу. — Генрихъ Гудзонъ. — Мульгравъ. — Скорезби. — Буханъ и Франклинъ. — Путешествіе Парри на саняхъ къ полюсу. — Таинственныя страны. — Географическія предположенія. — Опасности Ледовитаго моря. — Пловучіе льды. — Образованіе льдовъ въ открытомъ морѣ. — Ледяныя горы. — Ледяныя поля. — Вредъ и польза ихъ для мореходовъ. — Блескъ отъ льда. — Туманъ. — Зимовка Кэна. — Странная болѣзнь собакъ. — Возвращеніе солнца. — Цинга. — Миражъ. — Сѣверное сіяніе. — Жизнь въ Полярномъ морѣ. — Киты. — Моржъ. — Тюлени. — Морскія птицы. — Морскія растенія.

На сѣверномъ полюсѣ земнаго шара, окруженный непреоборимымъ ледянымъ валомъ, царитъ мрачный духъ, презрительно смѣющійся надъ всѣми стремленіями человѣка проникнуть внутрь его таинственнаго царства.

Тщетно мужественные мореплаватели повторяли свои нападенія; напрасно твердая воля и наука истощали свои средства — всѣ попытки сокрушались передъ силою генія Сѣвера. Здѣсь воздвигалъ онъ передъ мореплавателями ледяныя стѣны, тамъ высылалъ противъ нихъ легіоны плавающихъ ледяныхъ горъ, то одѣвался ночнымъ мракомъ, то бурею отгонялъ отъ себя смѣлыхъ мореходовъ — и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ счастія Колумба или Васко-Де-Гама, ни одинъ изъ нихъ не достигъ желанной цѣли.

Но не смотря на всѣ неудачи, исторія путешественниковъ къ сѣверному полюсу (*) составляетъ славную главу въ лѣтописяхъ человѣчества, и хотя лишены эти люди вѣнца побѣдителей, но тѣмъ не менѣе зеленѣетъ на ихъ челѣ неувядаемый лавровый вѣнокъ героевъ.

Рядъ этихъ паладиновъ новѣйшаго времени открывается безсмертнымъ Генрихомъ Гудзономъ. Хотя еще передъ нимъ Виллугби и Баренцъ увѣковѣчили свои имена въ арктическомъ морѣ, но ихъ путь лежалъ къ Сѣверо-Востоку подъ болѣе южными широтами.

(*) О мореплавателяхъ, искавшихъ Сѣверо-Западный протокъ, будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь идетъ дѣло только о тѣхъ мореходахъ, которые, стремясь прямо къ Сѣверу, старались разъяснить тайны, окружающія сѣверный полюсъ.

Гудзонъ первый задумалъ осуществить смѣлую мысль: проплыть въ Индію, пройдя черезъ главную квартиру ледянаго царя. Гудзонъ достигъ (27 іюня 1617) сѣвернаго берега Шпицбергена, но необозримыя ледяныя поля принудили его возвратиться.

Черезъ полтора столѣтія (1773) Мульгравъ повторяетъ попытку разъяснить тайны сѣвернаго полюса, но къ сѣверу отъ Шпицбергена онъ встрѣчаетъ тѣ же препятствія, которыя помѣшали его великому предшественнику, и Мульгравъ обязанъ своимъ спасеніемъ только благопріятной перемѣнѣ вѣтра, разогнавшаго ледяныя скалы, которыя затерли его корабль.

У ледянаго царя много причудъ и капризовъ. Такъ онъ всѣми силами противится мореплавателямъ, имѣющимъ одну цѣль, посѣтить сѣверный полюсъ; другимъ, напротивъ, заходящимъ лишь въ его область только для ловли китовъ, онъ позволяетъ глубже заглянуть въ свое царство и дружелюбно уравниваетъ имъ путь. Такъ 24 мая 1806 ученый китоловъ Скорезби, достигъ самой сѣверной извѣстной доселѣ точки океана (81°30 с. ш., 19° восточной долготы отъ Гринвича). Сплошные льды удалились къ Сѣверу на такое разстояніе, что ихъ не видать было въ зрительную трубу, а отсутствіе плавающихъ льдовъ доказывало, что далеко за видимымъ горизонтомъ ледяныя поля или снѣгомъ покрытыя земли не могутъ помѣшать плаванію корабля. Чего не могли бы дать намъ Гудзонъ или Мульгравъ, если бы передъ ихъ кораблями былъ такой же открытый фарватеръ, но Скорезби имѣлъ другія обязанности, онъ не могъ предпочесть научное любопытство или безполезную славу человѣка, открывшаго новыя страны, торговымъ цѣлямъ своего путешествія, за что несъ отвѣтственность передъ другими; поэтому онъ рѣшился, хотя и съ горемъ, удержаться отъ приманокъ открытаго моря. Въ самомъ дѣлѣ положеніе Скорезби не было очень отрадно среди пустыннаго океана. На сотни миль вокругъ не было гостепріимныхъ гаваней, не было даже корабля, который могъ бы помочь въ случаѣ нужды. Море начало замерзать. Кто знаетъ, можетъ быть усиливающійся холодъ заковалъ бы ихъ узами, отъ которыхъ нѣтъ спасенія. Можетъ быть обманчивая стихія затѣмъ и заманивала къ себѣ, чтобы вѣрнѣе погубить?

Плаваніе Скорезби, хотя и не принесло новыхъ научныхъ плодовъ, но снова обратило вниманіе мореплавателей на таинственный сѣверный полюсъ. И такъ какъ въ послѣдніе года передъ 1818 годомъ

громадное, вовсе необычное количество пловучихъ льдовъ занесено было въ Атлантическій океанъ, а въ 1817 г. уже четыре вѣка льдами закованные берега Восточной Гренландіи отъ 70° до 80° с. ш. совершенно очистились, то и понадѣялись, что недоступное доселѣ сдѣлалось наконецъ достижимымъ.

И въ 1818 г. Буханъ и Франклинъ, надѣясь достичь Берингова пролива, поплыли къ сѣверному полюсу. Но они къ Сѣверо-Западу отъ Шпицбергена встрѣтили тѣ же препятствія, которыя задержали плаванія Гудзона и Мульграва. Не разъ старались проложить себѣ дорогу между пловучими льдами, но постоянно прибывающія массы послѣднихъ отодвигали ихъ назадъ, и окружающія корабль ледяныя скалы не разъ грозиля гибелью.

Еще ужаснѣе было положеніе мореплавателей, когда буря понесла корабль къ главной сплошной массѣ льдовъ, и только неслыханная смѣлая мысль врѣзаться въ льды спасла ихъ.

«Нѣтъ словъ», говоритъ капитанъ Бичей, оставившій намъ мастерское описаніе этого замѣчательнаго путешествія, «которыми можно было бы описать страшную борьбу льда съ бушующимъ океаномъ. Повсюду гдѣ бурное море бьетъ своими громадными волнами о твердый предметъ, берегъ или скалу—повсюду оно представляетъ чудное, возвышенное зрѣлище, но эффектъ необыкновенно усиливается, если бурное море борется съ громадными массами, въ свою очередь находящимися въ мощномъ движеніи. Волна ударяетъ черезъ ледяную скалу и скрываетъ ее на нѣсколько саженей подъ водой; но вслѣдъ за этимъ снова выходитъ изъ-подъ воды скала; шумящими водопадами стекаютъ волны съ ея главы и каждая отдѣльная масса, покачиваясь на своемъ лонѣ, трется, бьется и борется съ своими сосѣдями, пока не раздробится на тысячи кусковъ и невзбросится на хребетъ ближайшей ледяной скалы. И такая гигантская битва неограничивается какимъ-нибудь отдѣльнымъ пунктомъ, а повторяется въ безконечномъ разнообразіи на всемъ горизонтѣ. Если къ этой судорожной сценѣ прибавить блескъ льда, отражающагося на темныхъ тучахъ какимъ-то неестественнымъ серебряннымъ блескомъ, то читатель можетъ себѣ представить, какое страшное и въ тоже время высокое впечатлѣніе должна произвести эта картина на душу зрителя».

Если когда-либо мужество и стойкость мореплавателей были испытаны, то конечно въ эту минуту, и «съ справедливою гордо-

стію», продолжаетъ разскащикъ, «я буду всегда вспоминать твердый, спокойный голосъ начальника нашего судна (лейтенантъ Франклинъ, впослѣдствіи знаменитый и всѣми оплаканный), когда онъ отдавалъ приказанія, и быстроту и точность, съ какими они исполнялись экипажемъ».

Летитъ корабль по вѣтру на встрѣчу льдамъ, рѣшительная минута все ближе и ближе. Все, затаивъ дыханіе, ждетъ страшнаго удара. Трещитъ остовъ корабля, какъ будто разламывается онъ, гнутся мачты, но судно отскакиваетъ назадъ. Хотя оно сдѣлало глубокую трещину въ ледяной стѣнѣ, но слѣдующія волны отбрасываютъ судно боковою стороною къ бурному морю. Отдѣльныя ледяныя скалы, какъ будто брошенныя рукою исполина, бьютъ бока корабля,—какъ выдержать ему такіе удары? Хотя мачты чуть не ломятся подъ напоромъ вздутыхъ парусовъ, но число послѣднихъ нужно еще увеличить, чтобы поворотить корабль и придать ему силу глубже врѣзаться въ ледъ. Трудная задача, во время бури и въ такомъ положеніи, но такимъ морякамъ все возможно. Корабль слушаетъ своего начальника какъ конь своего сѣдока; медленно поворачивается судно носомъ ко льду, рѣжетъ четырнадцати футовую толщу льдины, доселѣ грозившей гибелью, а теперь сдѣлавшейся спасительнымъ брустверомъ, защищающимъ корабль отъ ударовъ другихъ пловучихъ скалъ, и въ такой самодѣльной бухтѣ спокойно ждетъ корабль окончанія бушующаго шторма.

Но объ дальнѣйшемъ преслѣдованіи цѣли путешествія нечего и думать, съ трудомъ достигаютъ суда Шпицбергена, гдѣ исправляютъ ихъ для возвратнаго пути.

Какой мореплаватель послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ могъ понадѣяться достичь сѣвернаго полюса на кораблѣ — но можетъ быть это возможно инымъ способомъ.

Въ 1826 г. Парри, открывшій Мельвилевы острова, предпринялъ путешествіе еще никогда непридуманное человѣкомъ, еще никогда невыполненное имъ. Корабль *Гекла* долженъ былъ только довезти мореплавателя до окраины полярныхъ льдовъ, а отсюда онъ хотѣлъ достигнуть таинственной оконечности земной оси на лодкахъ-саняхъ. Эти лодки-сани были длиною въ 20 футовъ, а шириною въ 7, имѣли плоское дно, и такъ какъ ожидали сильныхъ толчковъ, то пазы были забиты толстымъ войлокомъ, обтянутымъ непромыкаемой парусиной. Съ обѣихъ сторонъ киля были придѣланы полозья. Ду-

мали, что можно достичь такимъ образомъ довольно скоро сѣвернаго полюса, и для той же цѣли посадили на корабль въ Гаммерфестѣ четыре пары сѣверныхъ оленей и запаслись большимъ количествомъ ихъ любимаго корма. Но какъ обманулись въ своемъ ожиданіи, — вмѣсто гладкой поверхности передъ путешественниками былъ такой неровный путь, въ сравненіи съ которымъ самая отвратительна дорога на материкѣ была превосходною. Сѣверные олени оказались совершенно безполезными и ихъ прирѣзали. Экипажъ принужденъ былъ на себѣ тащить лодку-сани по пути, состоящему изъ ледяныхъ скалъ и снѣжныхъ зажоръ. 33 дня путники неуклонно шли къ Сѣверу, и можетъ быть они бы достигли полюса, если бы во все это время вся ледяная банка, по которой они ѣхали, постоянно не подвигалась къ Югу. Тѣмъ не менѣе однако Парри достигъ 82°45, т. е. широты, до которой никто не доходилъ ни прежде, ни послѣ его.

Замѣтимъ вскользь, что Джемсъ Россъ впослѣдствіи ближе всѣхъ другихъ подошедшій къ южному полюсу, сопутствовалъ Парри какъ въ этомъ, такъ и въ прежнихъ его путешествіяхъ. Слѣдовательно ни одинъ мореплаватель не приближался болѣе Росса къ обоимъ полюсамъ.

На возвратномъ пути къ кораблю, который ожидалъ ихъ въ спокойной бухтѣ на Шпицбергенѣ, нашимъ путешественникамъ пришлось еще выдержать бурю въ открытомъ морѣ. Въ теченіи 65 часовъ носились они въ своихъ скорлупкахъ по бушующимъ волнамъ полярнаго моря. День и ночь, промокшіе насквозь отъ снѣга и морской воды, работали они для спасенія своей жизни. Послѣ невыразимыхъ трудовъ достигли они наконецъ острова Вальдена, къ Сѣверу отъ Шпицбергена, гдѣ они по счастію оставили провіантъ, но люди были до того измучены, что, только напрягая свои послѣднія силы, они успѣли вытащить свои лодки на землю. Впрочемъ теплый ужинъ, живительный огонь отъ костра изъ пловучаго лѣса и нѣсколько часовъ отдыха, совершенно возстановили ихъ силы. Тѣмъ, кто жалуется на вырожденіе человѣческаго рода и думаетъ, что люди въ доброе прежнее время были сноснѣе и сильнѣе нынѣшнихъ, тѣмъ можно указать на лѣтописи путешественниковъ къ сѣверному полюсу, изъ которыхъ увидятъ противное.

Если Парри достигъ самой сѣверной точки океана, то честь открытія самой сѣверной доселѣ извѣстной точки земли принадлежитъ Кэну. Потому что островъ Росса самый сѣверный изъ остро-

вовъ Шпицбергенскаго архипелага лежитъ южнѣе мыса Вашингтоновой земли (81°22 с. ш.), откуда вдали видна, покрытая снѣгами вершина, еще никѣмъ непосѣщенной, горы Парри.

Обозрѣвая всѣ поднятые мореплавателями, начиная съ Гудзона, труды для приближенія къ полюсу, мы увидимъ, что таинственный кругъ по ту сторону параллели 80° перейденъ только въ немногихъ точкахъ.

Какъ будто Кэнъ, Парри, Скорезби изъ Атлантическаго океана сдѣлали лишь нѣсколько отдѣльныхъ промѣровъ въ бездонномъ морѣ. Въ другихъ направленіяхъ, именно за Сибирью и Беринговымъ проливомъ область неизвѣстнаго начинается еще южнѣе. Никто не обогнулъ Таймурскаго мыса; только одному моржебойцу Исакову удалось объѣхать сѣверную оконечность Новой Земли и Врангель отъ Шелагскаго мыса не могъ проникнуть далѣе 72° с. ш. А внутренность громаднаго Гренландскаго полуострова до широты Шетландскихъ острововъ намъ также неизвѣстна и недоступна какъ страны сѣвернаго полюса. Не смотря на всѣ старанія арктическихъ мореплавателей, область, пространствомъ не многимъ уступающая Европѣ, находится въ совершенномъ мракѣ и никто не знаетъ земля ли, или льды открытаго моря окружаютъ полюсъ.

Извѣстно только то, что доселѣ самыя крайнія извѣстныя точки на Сѣверѣ принадлежатъ морю, а не землѣ. Скорезби имѣлъ передъ собой открытый фарватеръ, спутники Кэна видѣли открытое море, омывающее берега Вашингтоновой земли, а на самой крайней сѣверной точкѣ, достигнутой Парри, онъ видѣлъ куски пловучаго льда. Въ продолженіе всего его саннаго путешествія ледяныя поля двигались къ Югу, слѣдовательно за ними было еще море.

Знаменитые географы предполагаютъ, что продолженіе Гульфштрима между Шпицбергеномъ и Новой Землей вливается въ Полярное море, огибаетъ его и въ видѣ сѣверо-южнаго теченія изливается въ Атлантическій океанъ между Шпицбергеномъ и Гренландіей. Всѣ попытки достигнуть сѣвернаго полюса между двумя послѣдними землями необходимо должны были быть неудачными, ибо здѣсь приходилось бороться съ теченіемъ, которое несло на встрѣчу необозримыя ледяныя поля. Удивительно, что всѣ попытки со временъ Баренца, именно дѣлались въ этомъ направленіи. Можетъ быть надежнѣе было бы достигнуть изъ Атлантическаго моря Берингова пролива, избравъ первый, совсѣмъ забытый путь.

Что внутреннія части сѣвернаго полярнаго моря доселѣ покрыты густымъ мракомъ, тѣмъ менѣе удивительно, что еще весьма недавно стали извѣстны человѣку самыя границы этого моря. До начала XVI столѣтія весь сѣверный берегъ Сибири былъ еще географической тайной, точно также вначалѣ нынѣшняго столѣтія неизвѣстенъ былъ весь полярный берегъ Сѣверной Америки отъ пролива Баррова до Ледянаго мыса. Англіи и Россіи принадлежитъ заслуга этихъ открытій, которыя хотя не увеличили могущества этихъ державъ, но показали къ какому терпѣнію и къ какой стойкости способны сыны этихъ странъ. Не мало преимуществъ имѣетъ народъ, который можетъ показать своимъ сынамъ лѣтописи, гдѣ вписаны такія имена какъ Парри, Франклинъ, Бакъ, Симпсонъ, Ричардсонъ или Дешневъ, Пактусовъ, Лаптевъ, Миддендорфъ, Врангель и т. п.

Въ слѣдующихъ главахъ мы пойдемъ по слѣдамъ этихъ героевъ, а здѣсь только займемся явленіями и опасностями, представляемыми мореходу Ледовитымъ моремъ.

Повсюду, гдѣ только прорѣзаетъ лоно океана судно, опасны ему подводныя скалы, и мореходъ заботливымъ окомъ осматривается вокругъ или лотомъ спрашиваетъ у глубины, не скрывается ли тамъ что-нибудь недоброе. Вдвое, втрое опаснѣе въ арктическомъ морѣ, здѣсь скалы неприкрѣплены къ своимъ основаніямъ, а свободно плаваютъ вокругъ, затираютъ судно, раздавливаютъ его въ своихъ убійственныхъ объятіяхъ, или вмѣстѣ съ собой увлекаютъ его противъ воли.

Громадныя, встрѣчаемыя арктическимъ мореходомъ массы льда, различнаго происхожденія. Лишь только наступаетъ зима съ своими страшными морозами, всѣ бухты и замкнутые каналы покрываются твердой ледяной корой, которая мало по малу наростаетъ до толщины въ 10—15 футовъ. Этотъ бухтовый ледъ (bay-ice) лѣтомъ отрывается отъ береговъ и влечется отливомъ въ открытое море, и здѣсь онъ носится до тѣхъ поръ, пока растаетъ, или къ началу слѣдующей зимы опять не примерзнетъ къ чему-нибудь.

Но замкнутыя бухты вовсе не составляютъ необходимости для образованія льда. Скорезби видѣлъ, какъ въ совершенно открытомъ морѣ, подъ 72° ледъ достигъ толщины достаточной, чтобы задержать на пути корабль, несомый хорошимъ вѣтромъ. Сначала, образуется то, что называется англійскими матросами «Sludge», мелкіе отдѣльные кристаллы, будто снѣжинки, плавающія въ водѣ. Они

уравниваютъ поверхность моря, какъ масло налитое сверху. Такіе кристаллы должны были бы подъ вліяніемъ сильнаго холода смерзаться въ большія плоскости, но этому мѣшаетъ волненіе, такъ что обыкновенно образуются закругленные куски дюйма въ 3 въ поперечникѣ. Впослѣдствіи эти куски сростаются въ большіе диски, такъ называемые pancake-ice. Изъ нихъ наконецъ развиваются пластинки въ футъ толщиной при футовомъ поперечникѣ. Если послѣ этого волненіе на океанѣ прекращается, что также бываетъ, то въ теченіи 48 часовъ поверхность моря покрывается твердой корой на цѣлыя мили. Вѣроятно, большія ледяныя поля образуются въ свободныхъ сѣверныхъ водахъ именно такимъ образомъ, ибо такимъ громаднымъ массамъ трудно выплывать изъ бухтъ. Средняя толщина ледяныхъ полей равняется 10—15 футамъ.

Передъ концемъ іюля поверхность постоянно покрыта снѣгомъ, нерѣдко футовъ въ 6 глубиной, и здѣсь-то къ концу лѣта образуются на льду небольшія озера. Иногда большія ледяныя поля имѣютъ совершенно ровную поверхность, но обыкновенно они покрыты безчисленными льдинами, которыя смягчаютъ яркое отраженіе отъ снѣжной поверхности, принимая во всѣхъ направленіяхъ оттѣнки самаго нѣжнаго голубаго цвѣта.

Какъ уже говорено было прежде, ледяныя поля между Шпицбергеномъ и Гренландіей и широкимъ Девисовымъ проливомъ несутся къ Югу, и на этомъ странствіи ежегодно уничтожается большое количество ихъ. Волненіе океана ломаетъ ихъ съ страшнымъ трескомъ и превращаетъ въ пловучія льдины, которыя мало по малу совершенно исчезаютъ. Нерѣдко ледяныя поля приходятъ въ страшное круговое движеніе, такъ что ихъ окраины плывутъ съ быстротою нѣсколько англійскихъ миль въ часъ. Если такое вращающееся поле встрѣтится съ другимъ, которое можетъ при этомъ вращаться въ противуположную сторону, если встрѣчаются массы въ милліоны тоннъ вѣсомъ при такой быстротѣ, то едва ли возможно вообразить болѣе ужасную борьбу.

Ледяныя горы образуются совсѣмъ инымъ способомъ, нежели плоскія поля, именно, они образуются изъ ледниковъ, постепенно движущихся въ море. Какъ наши рѣки постоянно изливаютъ свои воды въ море, такъ точно ледяныя рѣки крайняго Сѣвера движутся все далѣе и далѣе въ океанъ, пока приливъ не отломитъ входящія въ море массы. Большинство пловучихъ ледяныхъ горъ, встрѣчаю-

щихся китоловамъ, образуется на Западномъ берегу Гренландіи и именно въ заливахъ Іакова и Диско. Нерѣдко такія горы достигаютъ громадной величины. Такъ Парри измѣрилъ въ Баффиновомъ заливѣ, приставшую къ берегу ледяную гору, которая имѣла 4169 локтей въ длину, 3869 въ ширину, и выходила изъ воды на 51 футъ, не смотря на то, что гора сидѣла на днѣ на глубинѣ 427 футовъ. Когда взошли на вершину этой совершенно плоской горы, то нашли на ней громаднаго бѣлаго медвѣдя, который, прежде чѣмъ успѣли схватить ружья, страшнымъ прыжкомъ бросился въ море. Мы менѣе будемъ дивиться такимъ исполинскимъ массамъ, если припомнимъ гигантскіе размѣры самихъ ледниковъ. Нерѣдко эти ледяныя рѣки вступаютъ въ море полосой въ 7,000 футовъ ширины и 300 футовъ надъ поверхностію воды, а Гумбольдтовъ глетчеръ, это чудо созданія, подставляетъ волнамъ свое чело, шириною въ нѣсколько миль.

При спокойной погодѣ эти плывущіе колоссы, при своемъ восхожденіи и паденіи по волнамъ океана, производятъ страшный шумъ и волненіе, такъ что не только глазъ, но и слухъ поражаются одинаково. Обыкновенная форма ледяныхъ горъ есть высокая вертикальная стѣна, которая постепенно спускается къ другому краю. Однакоже нерѣдко они имѣютъ самыя фантастическія формы, именно когда ихъ долгое время разъѣдаютъ теплота, прибой, буря и дождь. Они по большей части мѣловаго бѣлаго, или сѣраго цвѣта, на яркомъ солнечномъ свѣтѣ они блестятъ самыми чудными оттѣнками.

Такъ какъ ледяныя горы часто встрѣчаются далеко отъ земли и въ совершенно неожиданныхъ широтахъ, то моряки, бороздящіе океанъ между 50° и 60° и даже южнѣе, должны постоянно опасаться ихъ, особенно ночью. Иногда ледяныя горы появлялись длинными цѣпями при входѣ въ Девисовъ проливъ, и раздробляли тамъ не одно судно, занесенное туда бурею. Отдѣльныя ледяныя горы впрочемъ рѣдко опасны, они даже могутъ быть полезны мореходу. Самый сильный вѣтеръ какъ будто не производитъ никакого дѣйствія на ихъ массы, напротивъ, смотря на мелкія льдины, быстро несущіяся мимо горы, можно подумать что она плыветъ въ противуположномъ вѣтру направленіи. Слѣдовательно при сильномъ противномъ вѣтрѣ ледяная гора можетъ служить превосходною стоянкою, подъ ея защитой китоловъ не боится мелкихъ пловучихъ льдинъ или же совершенно спокойно предается своимъ занятіямъ послѣ удачнаго лова.

Однакоже стоять на якорѣ подъ ледяной горой не всегда безопасно, малѣйшаго толчка достаточно, чтобы равновѣсіе нарушилось и колоссъ тогда падаетъ черезъ голову.

Къ концу лѣта ледъ становится необыкновенно хрупкимъ, такъ что простой ударъ топора можетъ произвести самое неожиданное дѣйствіе. Скорезби разсказываетъ исторію двухъ матросовъ, желавшихъ укрѣпить якорь къ ледяной горѣ. Они начали вырубать яму, но лишь только раздался первый ударъ, какъ громада треснула сверху до низу и распалась на двѣ половины. Одинъ изъ матросовъ, надѣленный необыкновеннымъ присутствіемъ духа, взбѣжалъ въ противуположномъ паденію направленіи по падающей ледяной скалѣ до ея вершины и удержался тамъ, пока вся масса не пришла въ равновѣсіе. Но товарищъ его упалъ въ пропасть между обѣими массами и вѣроятно былъ бы раздавленъ или утонулъ, если бы вода не выбросила его на близкое разстояніе, отъ ожидавшей матросовъ лодки.

Иногда ледяныя горы даютъ возможность мореходамъ возобновить запасъ прѣсной воды.

Случается, что ледяныя, горы проплывая по проливамъ Ледовитаго моря, садятся на мель или задерживаются рифами, и здѣсь остаются на нѣсколько лѣтъ. Такъ Фабриціусъ и Кранцъ упоминаютъ о двухъ ледяныхъ горахъ, которыя сѣли на мель въ Юго-Западной бухтѣ Баффинова залива, и оставались въ такомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; голландскіе китоловы за огромную величину этихъ двухъ ледяныхъ горъ одну изъ нихъ прозвали Амстердамомъ, а другую Гарлемомъ.

Границы полярнаго льда весною и лѣтомъ подробно описаны нами въ другомъ сочиненіи (Море и его жизнь), такъ что здѣсь мы упомянемъ объ этомъ предметѣ только вкратцѣ.

Какъ въ нашихъ странахъ зимы бываютъ умѣренныя и холодныя, точно также и на крайнемъ сѣверѣ образованіе льда не всегда одинаково. Хотя полярные берега Азіи и Америки ежегодно опоясываются твердымъ льдомъ на неизвѣстныя протяженія, но китоловы различаютъ въ морѣ между Гренландіей и Шпицбергеномъ замкнутые и открытые *сезоны* (close and open seasons). Первые имѣютъ мѣсто, когда весною ледъ еще такъ толстъ и твердъ, что нельзя достигнуть береговъ Шпицбергена и пройдти къ сѣверу далѣе 75° и 76°; въ открытый сезонъ можно безпрепятственно доплыть до Гак-

люйтова-Гидленда. Иногда до 80° с. ш. между землей и льдомъ тянется свободный отъ послѣдняго каналъ въ 20—50 морскихъ миль шириною, этотъ каналъ къ Сѣверу мало по малу съуживается и наконецъ заканчивается у сѣверо-западной оконечности островной группы дугою. Въ замкнутые сезоны, хотя ледъ у южной оконечности Шпицбергена и образуетъ плотину, но она имѣетъ только 20, 30 или 40 морскихъ миль въ ширину и далѣе къ берегу переходитъ въ открытое море. Эта плотина обыкновенно состоитъ изъ *уложеннаго* льда (paket-ice); китоловы стараются всѣми возможными способами перейдти черезъ эту плотину, ибо по ту сторону есть надежда на хорошій ловъ. О возвратномъ пути заботиться нечего: льды постоянно растаиваютъ къ концу лѣта.

Въ Гудзоновомъ заливѣ обыкновенно въ ноябрѣ ледъ мѣшаетъ мореплаванію, здѣсь точно также какъ и въ Баффиновомъ заливѣ нельзя пройдти далеко до іюня или іюля, а иногда и гораздо позже. Баффинъ вначалѣ іюня безъ большихъ затрудненій достигъ до задняго берега по его имени названнаго моря; а Россъ встрѣтилъ даже въ половинѣ августа сильное препятствіе. Въ августѣ и сентябрѣ заливы почти совсѣмъ очищаются, и въ это время почти вовсе нѣтъ льда въ Гудзоновомъ и Девисовомъ проливахъ.

Къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ Полярнаго моря принадлежитъ отраженіе льда на небѣ. Свѣтлая полоса похожая на утреннюю зарю (только безъ краснаго отлива) появляется въ воздухѣ прямо надъ горизонтомъ и здѣсь рисуется подробнѣйшая карта льдовъ, находящихся за 20 или 30 миль за границею обыкновеннаго кругозора. Отраженіе льда иногда весьма полезно для опытнаго морехода, ибо это явленіе не только указываетъ на близость значительныхъ ледяныхъ массъ, но даже и на свойство этихъ послѣднихъ, т. е. сплошной ли ледъ, или отдѣльныя льдины, и есть-ли между ними проходъ.

Такъ Скорезби разсказываетъ, что 7 іюня 1821 г. на горизонтѣ появилось такое ясное отраженіе льда, что на 20—30 миль вокругъ можно было опредѣлить форму и вѣроятное протяженіе каждаго отдѣльнаго ледянаго поля. Сплошной ледъ узнавался по мутному желтоватому цвѣту, а проливы или свободныя отъ льда мѣста отличались темно-голубыми полосами или голубовато-чернымъ пятномъ на небѣ, все это ясно показывало мореходу, гдѣ находилась наибольшая масса воды и какія препятствія онъ встрѣтитъ въ сво-

емъ плаваніи Только этимъ способомъ Скорезби былъ въ состояніи найдти къ сѣверо-западу ото льдовъ, долго его задерживавшихъ широкій проливъ, только такимъ образомъ онъ, благодаря небесному путеводителю, могъ выйдти въ открытое море.

Къ обстоятельствамъ, благопріятствующимъ мореплаванію въ арктическихъ моряхъ, кромѣ непрерывнаго дня въ теченіе лѣта, должно причислить и свойство пловучихъ льдинъ, вслѣдствіе котораго онѣ при тихой погодѣ расходятся, такъ что можно подумать, что они взаимно отталкиваются.

Напротивъ весьма вредны частые и густые туманы, въ іюлѣ нерѣдко длящіеся по цѣлымъ недѣлямъ. Эти туманы страшно мѣшаютъ китоловамъ, дѣлаютъ необыкновенно тяжелое моральное впечатлѣніе, и такъ какъ въ это время температура даже въ полдень немногимъ выше точки замерзанія, то влажный холодъ производитъ еще и вредное физическое вліяніе.

Китоловы, пускающіеся весной въ Ледовитое море для преслѣдованія исполинскихъ китовъ, спѣшатъ оставить эти негостепріимныя воды, лишь только укорачивающійся день и усиливающійся холодъ возвѣстятъ приближеніе зимы. Китоловъ знаетъ Полярное море только въ то время, когда оно почти лишено своихъ ужасовъ. Иное дѣло съ путешественниками, желающими проникнуть къ полюсу, они знаютъ, что замерзнетъ ихъ корабль, и что ихъ ожидаетъ впереди долгая, преисполненная лишеній зимняя ночь, и часто нѣсколько такихъ ночей.

Такъ со временъ Баренца до новѣйшаго времени безчисленное число разъ европейскіе мореплаватели перезимовывали въ Ледовитомъ морѣ, и всѣ представляютъ такія зимовки въ самыхъ неутѣшительныхъ краскахъ. Но нигдѣ ужасы арктической зимы не изображены такъ поразительно, нигдѣ не выступаютъ они такъ ярко, какъ въ путешествіи Кэна, и не смотря на то, что боимся слишкомъ долго продержать читателя между ледяными горами и ледяными полями, мы все-таки рѣшаемся привести слѣдующій отрывокъ изъ дневника знаменитаго Американца. Дѣйствіе происходитъ подъ 79° с. ш., почти на одной широтѣ съ сѣверомъ Шпицбергена, но гораздо холоднѣе. Это была первая зима, проведенная здѣсь Кэномъ, во время его послѣдняго путешествія.

«10 сент. 1853, +14 F (—8 Р.) птицы отлетѣли. Морскія ласточки, въ томъ же числѣ какъ мы ихъ сначала застали, и даже мо-

лодыя Larus glaucus всѣ уже отлетѣли на Югъ. Только снѣжная чайка осталась, она послѣдняя изъ всѣхъ отлетныхъ. Намъ предстоитъ много работы. Скоро наступитъ длинная ночь и черезъ мѣсяцъ скроется солнце. По астрономическимъ вычисленіямъ оно должно закатиться 24 октября, но такъ какъ между нами и западнымъ горизонтомъ, находится цѣпь горъ, то на это разсчитывать нельзя, можетъ быть мы не увидимъ солнца послѣ 10 октября.

«11 сент. Длинный свѣтлый день начинаетъ уже нѣсколько темнѣть. Хотя полуночное небо все еще горитъ яркимъ блескомъ, но уже показываются Капелла и Арктуръ, а также видѣнъ маленькій свѣтъ напоминающій нашу родину — полярная звѣзда. Съ трудомъ разсматривая ее, я пожалѣлъ о тѣхъ немногихъ градусахъ отдѣляющихъ нашъ зенитъ отъ полюса, надъ которымъ стоитъ это свѣтило.

«28 октября. Луна достигла наибольшаго сѣвернаго склоненія, около 25°35. Она представляетъ чудный видъ; кружась по небосклону, она стоитъ на низшей точкѣ своей орбиты, все еще на 14° надъ горизонтомъ. Вотъ уже 8 дней какъ идетъ она своимъ путемъ, почти не перемѣняя свѣта. Это одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ ночей, которыя вызываютъ воспоминаніе объ катаньяхъ на саняхъ и общественномъ весельи съ людьми и въ странахъ отъ насъ далекихъ.

«Нашъ аппаратъ для топки и вентиляціи такъ устроенъ, что мы можемъ поддерживать среднюю температуру + 14° Р., а даже на покрытой крышею палубѣ температура выше 0°. На воздухѣ температура — 25° и вѣтрено.

«7 ноября. Мы все еще въ полдень смотримъ на термометръ безъ свѣчки, черныя массы горъ съ ихъ свѣтлыми снѣжными пятнами видны на разстояніи около 5 часовъ — все прочее темно. Исключая на Шпицбергенѣ, ни одинъ христіанинъ еще не зимовалъ въ такихъ высокихъ широтахъ. Я не могу удержаться отъ мысли о грустной хроникѣ первыхъ Голландцевъ. Нашей темнотѣ нужно еще 90 дней, чтобъ снова возвратиться къ теперешнему сомнительному сумраку. Вообще наша зима должна продлиться 140 дней безъ солнца.

«9 ноября. Средняя сентябрская и октябрская температура ниже, чѣмъ какую наблюдалъ Парри на Мельвилевыхъ островахъ.

«Мы измѣряли высоту горъ. Кабинетные ученые едва-ли могутъ себѣ представить, какъ трудно дѣлать наблюденія при такой низкой температурѣ. Дыханіе и даже теплота отъ лица тѣла покрываютъ

секстантъ и стекла тонкимъ инеемъ. Ну и измѣреніе основной линіи въ снѣгу при — 29° Р. вовсе необыкновенное дѣло.

«16 ноября. Бѣдный Гансъ Христіанъ (19-лѣтній Эскимосъ, котораго Кэпъ пригласилъ какъ охотника, и который кромѣ своего жалованья выпросилъ для своей матери 2 бочки хлѣба и 52 фунта сала) влюбленъ и заболѣлъ тоской по родинѣ (двойное несчастіе). Мы лечимъ его горькой солью и работой.

«21 ноября. Мы строимъ безчисленные планы, чтобы обмануть однообразное одиночество нашей зимы. — Bal costumé. — Газета. — Отраженіе отъ льда. — Бѣганіе въ перегонки.

«15 декабря. Послѣдніе слѣды нашихъ полуденныхъ сумерекъ исчезли. На разстояніи одного фута отъ глазъ нельзя перещитать пальцевъ. Кромѣ неяснаго отблеска на небѣ, которымъ какъ будто оттѣняются очертанія холмовъ на югѣ, нѣтъ и признака, что нашъ арктическій міръ обладаетъ солнцемъ.

«Въ темнотѣ и отъ нея происходящей праздности почти невозможно найти предмета для бесѣды и искусственной веселостью умѣрить успѣхи болѣзни.

«2 января. — 64°. — 67° F. (— 43°,7. — 44°, 4 Р.).

«5 января. Термометръ колебался отъ — 60° до — 75° F. Средняя высота нашего лучшаго спиртоваго термометра была — 67° F (— 44°, 4 Р.). (При такой низкой температурѣ *очень трудно* получить точный результатъ). Хлористый эфиръ замерзъ, заботливо приготовленный хлороформъ покрылся зернистой кожицей. Нефтяной спиртъ замерзъ при — 38° Р, Сассафрасное масло при — 36°, а зимнее зеленое масло при — 43°.

«Испаренія отъ поверхности тѣла покрывали слоемъ пара всѣ обнаженныя части тѣла. Воздухъ былъ замѣтно рѣзокъ, но я не ощущалъ болѣзненнаго чувства при вдыханіи, о которомъ разсказываютъ нѣкоторые сибирскіе путешественники. При продолжительномъ вдыханіи ощущалась сухость въ дыхательныхъ путяхъ. Я замѣтилъ, что мы всѣ, совершенно непроизвольно, дышали медленно и со сжатыми губами.

«21 января. Первые признаки возвращающагося свѣта. Южный горизонтъ окрашивается на короткое время яснымъ оранжевымъ оттѣнкомъ.

«Вліяніи долгой темноты дѣйствуетъ самымъ убійственнымъ образомъ. Даже собаки наши не могутъ выносить ее. Большинство

ихъ погибло отъ странной болѣзни, которая, какъ я убѣжденъ, настолько же обусловливается отсутствіемъ свѣта, насколько и холодомъ.

«22 января. Сегодня утромъ въ 5 часовъ — въ безсонные часы вѣчной ночи я встаю во всякое время между полуночью и полуднемъ — я вышелъ на палубу. Было совершенно темно, отъ холода не могла горѣть ни одна лампа. Когда я ощупывалъ свою дорогу, два моихъ водолаза положили свои холодные носы на мою руку и тотчасъ же предались живѣйшей радости.

«Мнѣ пришло въ голову, какъ грустно и одиноко должны себя чувствовать животныя въ вѣчной темнотѣ. Они воютъ при видѣ случайнаго свѣта, какъ будто онъ имъ напоминаетъ луну, и при этомъ ни инстинктъ, ни чувство не говоритъ имъ о теченіи времени, не объясняетъ имъ причины давно потеряннаго дневнаго свѣта. Съ этого дня они чаще будутъ видѣть фонарь.

«25 января. За собаками мышинаго цвѣта—вожаками моего ньюфундлендскаго экипажа—ходятъ какъ за дѣтьми. Сегодня я потерялъ всякую надежду. Ихъ радость рѣшительно душевная болѣзнь, какая только можетъ встрѣтиться у человѣка. Всѣ матеріальныя отправленія идутъ своимъ чередомъ. Но всѣ дальнѣйшіе признаки доказываютъ, что первоначальная эпилепсія (первый признакъ) перешла въ настоящее сумасшествіе. Часто онѣ лаютъ безъ причины и ходятъ по прямымъ и кривымъ линіямъ необыкновенно долго. Онѣ ласкаются, но кажется не замѣчаютъ ласокъ, оказываемыхъ имъ. Часто онѣ проводятъ цѣлые часы въ совершенномъ молчаніи, и потомъ вдругъ вскакиваютъ съ воемъ, какъ бы кто ихъ преслѣдовалъ и бѣгаютъ безъ цѣли по нѣскольку часовъ сряду. Обыкновенно они умираютъ съ признаками тетаноса 36 часовъ послѣ перваго припадка.

«22 февраля. Уже нѣсколько дней солнце серебритъ льды между высотами бухты, и сегодня въ полдень я отправился въ путь, что бы первому изъ нашихъ привѣтствовать солнце. Это самый долгій и трудный путь, который я сдѣлалъ со времени нашего заключенія, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе цинги и общей слабости я чувствую небольшую одышку. Однакоже мнѣ удалось достигнуть моей цѣли, я снова увидѣлъ солнце; меня облилъ солнечный свѣтъ когда я сидѣлъ на выдающейся скалѣ. Точно ванна въ благовонной водѣ».

Долгое лишеніе всегда усиливаетъ цѣну потеряннаго блага, и если мы послѣ нѣсколькихъ ненастныхъ дней съ радостію встрѣ-

чаемъ солнечный лучъ, то какъ же должна быть велика радость, видѣть его послѣ темноты, продолжающейся нѣсколько мѣсяцевъ.

Одного Лапландскаго священника въ теченіи 7 лѣтъ посѣтили только два соплеменника, говорящихъ родпымъ его языкомъ — его братъ и ботаникъ Шамиссо. «Конечно», говоритъ послѣдній, «онъ сумѣлъ оцѣнить радость приносимую человѣкомъ человѣку, но онъ не зналъ въ жизни бо̀льшей радости, съ которою никакая другая сравниться не можетъ, какъ та, которая ощущается при видѣ восходящаго солнца послѣ долгой зимней ночи».

Мы только что упомянули о цингѣ и позволяемъ себѣ описать эту болѣзнь, о которой часто будетъ идти рѣчь въ этой книгѣ. Хотя этою болѣзнью поражается мореплаватель во всѣхъ моряхъ, но нигдѣ такъ скоро не заболѣваютъ ею и не свирѣпствуетъ она такъ сильно, какъ во время перезимовокъ въ арктическомъ поясѣ, гдѣ совпадаютъ соединенными, почти непреоборимыми силами всѣ благопріятствующія этой болѣзни обстоятельства: исключительно мясная пища, дурной воздухъ, грязь, недѣятельность, темнота, холодъ, скука, упадокъ духа, тоска по родинѣ — однимъ словомъ все, что портитъ кровь и нарушаетъ правильное отправленіе нервной системы. Если даже сильный человѣкъ заболѣетъ цингой, то онъ тотчасъ же почувствуетъ страшную слабость, ноги подъ нимъ подламываются, дыханіе затрудняется. Ему хочется спать, но сонъ не подкрѣпляетъ его. Синія багровыя пятна отъ выступающей крови появляются на кожѣ. Десны размягчаются, дѣлаются губчатыми, покрываются легко точащими кровь язвами и издаютъ невыносимый запахъ. Ноги пухнутъ, скорчиваются и страшныя боли ощущаются въ членахъ, внутренностяхъ и вдоль спины. Если не будетъ благопріятной перемѣны во внѣшнихъ условіяхъ, признаки усиливаются все болѣе и болѣе; слабость съ каждымъ днемъ увеличивается, язвы разъѣдаютъ дальше вокругъ себя, начинается кровотеченіе деснами, легкими и кишечнымъ каналомъ, что еще увеличиваетъ слабость; боли усиливаются и наконецъ умираетъ несчастный отъ упадка силъ, удушенія и чрезмѣрной потери крови. Берега Шпицбергена покрыты тысячами могилъ, европейскія кости бѣлѣютъ на Новой Землѣ и Янъ-Майенѣ, на сибирской тундрѣ и въ полярной Америкѣ — почти всѣ были жертвою цинги. Противодѣйствовать ей составляетъ главнѣйшую заботу каждаго предводителя, зашедшаго въ арктическую пустыню. Пусть онъ занимаетъ своихъ людей работой

на чистомъ воздухѣ сколь возможно больше; пусть всѣми способами онъ имъ сокращаетъ время, пусть собираетъ противускорбутныя травы и ягоды и утѣшаетъ скорымъ освобожденіемъ изъ оковъ зимы и холода. Не менѣе славы принесетъ ему побѣда надъ этимъ врагомъ, нежели сколько приноситъ ему борьба съ бурями и льдами.

Послѣ такой небольшой эскурсіи въ область страданій человѣка, мы снова возвращаемся въ полярное море и разсмотримъ воздушныя явленія, обусловливаемыя неравенствомъ температуры и плотности различныхъ слоевъ атмосферы надъ водами крайняго сѣвера.

«Лишь только», говоритъ Скорезби, у котораго мы такъ часто заимствуемъ, какъ у одного изъ самыхъ достовѣрныхъ изслѣдователей арктическаго океана, «расчистился туманъ 16 іюля, вліяніе солнца значительно усилило испареніе отъ воды и льда и обусловило оптическія явленія неодинаковаго лучепреломленія, которыя, постоянно измѣняясь, продолжались отъ 60 до 70 часовъ. Въ продолженіи нѣкотораго времени эти явленія были повсемѣстны, такъ что пространство, по которому плылъ нашъ корабль, казалось громаднымъ амфитеатромъ, окруженнымъ высокими стѣнами базальтическаго льда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ черезъ преломляющую среду виднѣлась вода вмѣсто льда, тамъ она принимала видъ и цвѣтъ настоящихъ базальтовыхъ столбовъ, а тамъ гдѣ вода и ледъ отражались вмѣстѣ, ледяныя пятна имѣли такое сходство съ землей, что даже обманули одного изъ моихъ опытныхъ офицеровъ. Иногда миражъ со всѣхъ сторонъ представлялъ одинаковое зрѣлище, но чаще поразительное разнообразіе. Отдѣльныя ледяныя скалы подымались на необыкновенную высоту въ видѣ архитектурныхъ фигуръ, и иногда весь отдаленный глубоко вырѣзанный ледяной край, принималъ видъ огромнаго количества островерхихъ башенъ и минаретовъ или густаго лѣса изъ обнаженныхъ деревьевъ.

«Общій телескопическій видъ этихъ береговъ, подъ вліяніемъ неравномѣрнаго лучепреломленія, часто походитъ на огромный древній городъ съ развалинами, замками, церквами и колоннами. Но лишь только успѣешь разсмотрѣть одинъ предметъ, какъ тотчасъ онъ измѣняется въ другой. И видишь какъ попеременно замокъ превращается въ соборъ или обелискъ, или же, растекаясь въ ширину, чудной аркой перекидывается черезъ долину.

«Дрожаніе воздуха производитъ базальтовыя образованія, а неравномѣрная и мѣняющаяся плотность параллельныхъ атмосферичес-

кихъ слоевъ обусловливаетъ увеличеніе или сокращеніе предметовъ.

«Для морехода миражи непріятное явленіе, потому что на нѣкоторомъ разстояніи отъ паровъ всѣ предметы дрожатъ и имѣютъ неясное очертаніе. Такъ нельзя узнать корабля на разстояніи какихъ-нибудь 2 англійскихъ миль; кажется, что ледяная стѣна окружаетъ морехода и ему невозможно составить себѣ точнаго понятія о занятіяхъ отдаленнаго судна — что иногда очень важно для празднаго китолова».

Шамиссо набросалъ намъ живую картину миража, который онъ наблюдалъ въ зундѣ Коцебу.

«Лишь только низменности Американскаго берега начали подниматься надъ нашимъ горизонтомъ, какъ будто волшебникъ коснулся ихъ своимъ жезломъ. Эти низменности сильно заселены, покрыты юртами, окруженными частоколами и на сваяхъ построенными навѣсами, сваи которыхъ (китовые кости или стволы пловучаго лѣса) выступаютъ изъ подъ навѣсовъ. Эти частоколы показались надъ горизонтомъ въ удлиненномъ и измѣненномъ миражемъ видѣ. Нашимъ глазамъ представилось зрѣлище громаднаго флота, цѣлаго лѣса мачтъ. На островѣ Сарычева (зундъ Коцебу) насъ окружили всѣ ложныя обаянія миража. Я видѣлъ передъ собою водную поверхность, которая тянулась вдоль того берега, въ ней отражался низменный холмъ. Я подошелъ къ этой водѣ, и она исчезла, и я достигъ холма по суху. Когда я прошелъ половину пути, то Эшольцу, который оставался на мѣстѣ, казалось, что я до головы погруженъ въ отражающуюся поверхность и въ такомъ сокращенномъ состояніи, что меня легче было принять за собаку чѣмъ за человѣка. Чѣмъ ближе я подходилъ къ холму, тѣмъ болѣе я выходилъ изъ отражающей поверхности, и образъ мой удлинялся все болѣе и болѣе, такъ что я уже казался Эшольцу исполиномъ-гигантомъ».

Подобныя же причины обусловливаютъ въ жаркихъ странахъ такія же явленія. Среди тропическаго океана мореходъ видитъ выходящіе изъ водъ цвѣтущіе острова, и въ безлѣсной пустынѣ пальмовый лѣсъ манитъ утомленный караванъ. Но одно явленіе останется вѣчно чуждымъ тропическому поясу, это настолько же чудное, насколько и загадочное сѣверное сіяніе, которое такъ часто одѣваетъ волшебнымъ блескомъ арктическія ночи.

Какъ вообще обо всѣхъ великихъ явленіяхъ природы, такъ и о

сѣверномъ сіяніи нельзя составить яснаго представленія по описанію или рисунку. Кто не видалъ моря или не слушалъ шумъ Ніагары, кто не видалъ Альпійскихъ огней или не дивился свѣченію моря, тому ни слово, ни картина не дадутъ даже близкаго понятія объ этихъ дивныхъ явленіяхъ. Точно также трудно описать сѣверное сіяніе, тѣмъ болѣе, что здѣсь все измѣняется, какъ въ драмѣ или героической поэмѣ.

Ночь одѣваетъ покрытую снѣгомъ землю. Звѣзды матовымъ блескомъ свѣтятся сквозь легкій туманъ, который такъ часто на крайнемъ сѣверѣ затемняетъ ихъ свѣтъ. Далеко на горизонтѣ около той стороны, гдѣ онъ перерѣзывается магнитнымъ меридіаномъ, появляется широкая, ярко свѣтящаяся свѣтовая дуга, которая иногда по нѣскольку часовъ волнуется, измѣняетъ форму, пока начнутъ изъ нея выскакивать лучи и пучки лучей до зенита Вскорѣ изъ свѣтовой дуги поднимаются огненные столбы по одиночкѣ или же разомъ въ нѣсколькихъ противуположныхъ точкахъ горизонта, эти столбы сливаются въ одно мерцающее пламенное море, которое ежеминутно измѣняетъ форму своихъ свѣтящихъ волнъ. Въ точкѣ небеснаго свода, которая соотвѣтствуетъ направленію магнитной стрѣлки, лучи наконецъ скопляются въ одинъ дивный свѣтовой куполъ, такъ называемый *вѣнецъ*, съ образованіемъ котораго явленіе достигаетъ высшаго своего развитія. Блескъ въ основаніи красныхъ, въ срединѣ зеленыхъ, а къ зениту блѣдно-желтыхъ лучей усиливается, и они съ необыкновенною быстротою летаютъ по обширному небесному пространству. Дивно прозрачны эти цвѣта. Красный цвѣтъ близокъ къ свѣтлому кроваво красному, зеленый къ блѣдному изумрудному цвѣту.

Если восхищенное око отъ пламенѣющаго небосклона обратится къ землѣ, то и здѣсь оно увидитъ все въ какомъ-то волшебномъ свѣтѣ. Темное море, черное какъ асфальтовое озеро, рѣзко отрѣзается отъ далекой снѣжной поверхности, которая наконецъ теряется въ отдаленныхъ горахъ. Всѣ очертанія дрожатъ, какъ будто всѣ предметы не существуютъ на самомъ дѣлѣ, а созданы мечтой. Вершины скалъ одѣты мерцающимъ блескомъ, который самъ какъ будто выходитъ изъ скалы, какъ пламя изъ кратера. Безмолвіе ночи еще болѣе увеличиваетъ прелесть этого дивнаго зрѣлища.

Но вотъ мало по малу блѣднѣетъ вѣнецъ, свѣтовая дуга разрывается, лучи становятся рѣже, короче и безцвѣтнѣе. Вскорѣ по все-

му небесному своду неправильно разбрасываются широкія, блѣдныя, почти пепельнаго цвѣта, свѣтящіяся, неподвижныя пятна, которыя постепенно сливаются въ бѣловатое нѣжное облако. Наконецъ темная ночь поглощаетъ все чудное зрѣлище и снова зимній мракъ одѣваетъ пустынный ландшафтъ.

Всѣ наблюдатели согласны относительно прелести сѣвернаго сіянія, всѣ одинаково цѣнятъ благодѣяніе природы, которая наградила каждый поясъ земнаго шара ему только свойственными чудесами, чтобы человѣкъ повсюду познавалъ Творца въ Его твореніяхъ; но все еще не рѣшено доселѣ сопровождается ли это волшебное явленіе какимъ-нибудь трескомъ. Прежде это было всеобщимъ мнѣніемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ точнѣе стали наблюдать сѣверное сіяніе, оно сдѣлалось молчаливѣе.

Парри, Франклинъ и Ричардсонъ въ арктической Америкѣ, Тинемапъ на Исландіи, Гизике въ Гренландіи, Лоттинъ и Бравэ на Нордъ-Капѣ, Врангель и Анжу на берегахъ Сибирскаго Ледовитаго моря, видѣли болѣе тысячи сѣверныхъ сіяній и ни разу не слыхали треска.

Не смотря на то, что сѣверныя сіянія всего чаще бываютъ въ полярныхъ странахъ, но какъ извѣстно, они бываютъ и у насъ, гдѣ вмѣстѣ съ кометами и солнечными затменіями пугаютъ суевѣрныхъ людей.

Пылающіе мечи, считавшіеся знакомъ гнѣва Божія, и предвѣщавшіе кровавыя войны, конечно были ничто иное, какъ сѣверное сіяніе.

На вопросъ о причинѣ явленія, физики отвѣтятъ намъ, что оно имѣетъ значеніе магнитной бури. Какъ электрическое напряженіе атмосферы уравновѣшивается громомъ и молніею, такъ точно нарушенное равновѣсіе магнитныхъ силъ возстановляется явленіемъ сѣвернаго сіянія.

Прежде нежели оставимъ полярное море, бросимъ еще бѣглый взглядъ на жизнь, кипящую въ этихъ водахъ. Можно подумать, что въ водахъ, покрытыхъ въ теченіи бо́льшей части года льдомъ, и температура которыхъ даже лѣтомъ немногими градусами выше точки замерзанія, можно подумать, что океанъ точно также мало населенъ какъ и берега его — а между тѣмъ еще неизвѣстно, гдѣ больше растеній и животныхъ въ арктическомъ ли морѣ, или въ волнахъ тропическаго пояса. Не въ тропическихъ моряхъ скрываются на глубинѣ гигантскія морскія растенія, не тамъ видимъ мы

исполинскія аларіи съ саженными листьями, стофутовую нереоцисту, широкія таллассофилы, а эти растенія образуютъ густые подводные лѣса въ бухтахъ и каналахъ вдоль береговъ и по отмелямъ арктическаго моря. Гдѣ бы не появлялись мореплаватели въ Беринговомъ морѣ, у Шпицбергена или Новой-Земли, у береговъ Сибири, или въ проливахъ архипелага Парри, повсюду встрѣчали они воды, населенныя безчисленными ракообразными, медузами и моллюсками. Нерѣдко Гренландское море на тысячи квадратныхъ миль окрашивается въ оливково-зеленый цвѣтъ отъ трилліоновъ, квадралліоновъ маленькихъ ничтожныхъ медузъ. Безчисленныя стаи рыбъ держатся въ чащахъ водорослей, или ежегодно поднимаются въ рѣки. На такомъ изобиліи мелкой жизни основано существованіе легіоновъ морскихъ птицъ, тюленей, моржей и уродливыхъ китовъ, которые не только составляютъ главнѣйшую пищу многихъ сѣверныхъ народовъ, но и заманиваютъ ежегодно въ арктическое море тысячи храбрыхъ охотниковъ изъ Европы и Соединенныхъ-Штатовъ.

Живутъ тюлени и между тропиками и въ Средиземномъ морѣ, но исполины этого семейства морской котикъ и громадный морской левъ, живутъ только въ высшихъ широтахъ, да и вообще тюлени только здѣсь появляются въ достаточномъ количествѣ, и доставляютъ значительную выгоду отъ промысла за ними.

Громадный моржъ принадлежитъ исключительно крайнему сѣверу. Тысячи этихъ животныхъ живутъ на Азіятскомъ берегѣ Берингова моря, они питаютъ Прудгойскаго Эскимоса и населяютъ пустынные берега Янъ-Майена и Новой Земли.

Многочисленные виды китообразныхъ животныхъ въ арктическомъ морѣ, еще не всѣ извѣстны. Величина этихъ морскихъ звѣрей и быстрота ихъ движеній затрудняютъ ихъ ловъ и скрываютъ отъ взоровъ естествоиспытателя. Одни, какъ дельфины, снабжены острыми зубами и опустошаютъ стаи рыбъ; другіе, какъ киты, своими *усами* ловятъ громадное количество медузъ, моллюсковъ и раковъ. Рогозубъ, возводя въ дѣйствительность басню о единорогѣ, доказываетъ какъ трудно самой бойкой фантазіи превзойдти дѣйствительное творчество природы.

Обо всѣхъ этихъ животныхъ мы говорили подробно въ «Море и его жизнь», а здѣсь мы удовольствуемся только нѣсколькими замѣчаніями о главнѣйшихъ видахъ.

Обыкновенный или Гренландскій китъ, какъ извѣстно, больше

всѣхъ существующихъ животныхъ. Онъ достигаетъ 60 и даже 70 футовой длины и въ самой толстой части своего тѣла, нѣсколько сзади грудныхъ ластовъ, имѣетъ въ окружности отъ 30 до 40 футовъ. Уродливое созданіе непропорціонально во всѣхъ своихъ органахъ. Маленькіе глаза составляютъ рѣзкую противуположность къ огромной головѣ, занимающей третью часть всего тѣла, и къ громадному очертанію губъ. Хвостъ въ 24 фута шириной заканчивается двумя прямыми между собой сросшимися ластами или лучше кожистыми плавниками, сгибая и разгибая которые животное движется впередъ. Переднія ноги или грудные ласты имѣютъ въ длину только 6 футовъ, и служатъ для поддержанія равновѣсія, ибо въ минуту смерти животнаго, когда ослабнутъ вытянутые ласты, оно падаетъ на бокъ или даже на спину. Обыкновеннымъ ходомъ китъ рѣдко дѣлаетъ болѣе 4 миль въ часъ, но быстрота его страшно увеличивается при ощущеніяхъ страха или боли. И иногда китъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, такъ сильно бросается вверхъ, что весь выходитъ изъ воды. Или же подымая хвостъ, онъ имъ бьетъ по водѣ съ такою силою, что эти удары слышны за 3 англійскихъ мили. Въ противуположность къ такой силѣ, китъ страшно трусливъ, и даже птица, сѣвшая ему на спину, часто пугаетъ и безпокоитъ его. Но если раненъ дѣтенышъ, то всякій страхъ о собственной жизни совершенно исчезаетъ. Съ трогательною заботливостію онъ спѣшитъ на помощь своему любимцу, толкаетъ его впередъ, закрывая своимъ ластомъ, старается защитить его во время бѣгства, и рѣдко оставляетъ дѣтеныша пока онъ еще живъ. Въ это время опасно приближаться къ матери, ибо даже раненая многими гарпунами, она бросается въ средину своихъ враговъ и иногда взбрасываетъ на воздухъ и судно и людей.

Въ огромной пасти кита зубы замѣняются усами. Съ каждой стороны поперекъ нёба стоятъ на разстояніи полудюйма другъ отъ друга болѣе 300 трехугольныхъ пластинокъ. Самыя большія изъ нихъ имѣютъ до 15 футовъ въ длину и при основаніи отъ 12 до 15 дюймовъ въ ширину. Внутренній край пластинокъ покрытъ длинными волокнами, наружный край загнутъ и плосокъ, такъ что къ губамъ обращена гладкая поверхность. На нёбной занавѣскѣ сидятъ, такъ называемые, *ложные усы* четырехугольной формы, толщиною въ гусиное перо и около 4 дюймовъ длиною, они тоже распадаются на волокна. Весь нёбный сводъ кита похожъ на звѣриную шкуру,

покрытую густою щетиною или волосами, подъ которыми помѣщается огромный языкъ имѣющій около 10 футовъ въ ширину и 18 футовъ въ длину.

«Эти, только киту свойственные, усы необыкновенно важны для удовлетворенія его потребностей, ибо китъ питается не большими морскими животными, какъ того можно было бы ожидать, а самыми мелкими твореніями (медузами, раками, каратицами, Clio borealis и другими моллюсками), которыхъ такъ много въ сѣверномъ морѣ между параллелями 74° и 80°. Для принятія пищи китъ, широко разинувъ пасть, плыветъ впередъ по поверхности воды, потомъ когда пасть закроется и заглотанная струя воды, снова выбрасывается черезъ усы, то многія тысячи мелкихъ животныхъ, захватываются какъ въ сѣть густымъ лѣсомъ волоконъ; языкомъ эти животныя раздробляются и потомъ проглатываются. Какое множество такихъ тварей нужно чтобы образовать и питать колосса въ 100 тоннъ вѣсомъ?» (Море и его жизнь).

Гладкая спина Гренландскаго кита превосходнаго чернаго цвѣта съ бѣлыми полосами; брюхо и нижняя челюсть бѣлыя. Подъ кожей, имѣющей около дюйма толщины, находится слой жира въ 15 дюймовъ, который при выварке даетъ около $^3/_4$ своего вѣса жидкой ворвани. Легкостью своей этотъ жиръ помогаетъ движеніямъ кита и какъ дурной проводникъ тепла защищаетъ его отъ холода, а съ другой стороны изъ-за того же жира преслѣдуютъ бѣднаго гиганта.

Въ прежнее время ловля Гренландскаго кита ограничивалась берегами Исландіи, Шпицбергена и Гренландскимъ моремъ; потомъ эта область увеличилась Гудзоновымъ и Девисовымъ проливами и Баффиновымъ моремъ, а теперь кита преслѣдуютъ до пролива Баррова и на противуположной западной оконечности Новаго Свѣта; ежегодно нѣсколько сотенъ китоловныхъ судовъ проникаютъ въ полярный океанъ. Неизвѣстно еще, удаляется ли китъ отъ преслѣдованій человѣка все въ болѣе недоступныя воды, или же онъ становится рѣже на прежнихъ ловляхъ отъ уничтоженія промышленниками. Баски, первый народъ, который еще въ XIV столѣтіи снаряжалъ китоловныя суда для китоваго промысла въ Бискайскомъ заливѣ и въ сосѣднихъ частяхъ Атлантическаго океана, безъ всякаго сомнѣнія преслѣдовали другой видъ кита (вѣроятно по временамъ и теперь тамъ появляющагося спинопераго кита), ибо Гренландскій китъ ни-

когда не заходитъ въ Нѣмецкое море, и рѣдко подходитъ къ Британскимъ берегамъ ближе чѣмъ на 200 миль.

Преслѣдуютъ кита или въ открытомъ морѣ, особенно въ оливково-зеленыхъ водахъ, гдѣ онъ находитъ себѣ обильную пищу, или же ждутъ кита въ заливахъ и проливахъ, куда онъ заходитъ для метанія дѣтенышей.

Ловля кита такъ часто и такъ подробно описывалась, что здѣсь достаточно только упомянуть о ней. «Лишь только китоловы завидятъ кита, они тотчасъ же спускаютъ какъ можно скорѣе лодки и на веслахъ идутъ на встрѣчу чудовищу, сохраняя возможную тишину. Одинъ изъ охотниковъ — непремѣнно одаренный вѣрнымъ глазомъ и сильной рукой — стоитъ въ лодкѣ съ гарпуной въ рукѣ и ждетъ минуты, чтобы вонзить свое оружіе въ мягкія части звѣря. Раненый китъ ныряетъ въ глубь съ быстротою молніи, таща за собой бичеву прикрѣпленную къ острозубой гарпунѣ. Потребность дышать вызываетъ скоро кита снова на поверхность, здѣсь его встрѣчаетъ вторая гарпуна, потомъ третья, четвертая, и послѣ каждаго удара китъ ныряетъ въ глубь. Бѣснуясь отъ боли, онъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобы вырвать изъ своего тѣла раздирающее его копье — все напрасно. Изъ зіяющихъ ранъ, хотя неслишкомъ широкихъ и глубокихъ, все-таки теряется достаточно крови, чтобы истощить даже кита. Все слабѣе и медленнѣе становятся его движенія, все безнадежнѣе его храпѣніе; нѣсколько судорожныхъ движеній потрясаютъ его мощное тѣло — и плыветъ онъ, безчувственной массой по водѣ, а китоловы обогатились 2-мя, 3-мя тысячами талеровъ. Совершенно убѣдившись въ смерти кита, ибо до послѣдней минуты онъ можетъ ударомъ своего сильнаго хвоста опрокинуть лодку, осмѣлившуюся къ нему приблизиться, подводятъ трупъ его къ боку корабля, къ которому приковываютъ цѣпями. Матросы, одѣтые всѣ въ кожу, въ подкованныхъ сапогахъ (чтобы не поскользнуться на гладкой слизистой кожѣ кита) слѣзаютъ на убитаго звѣря, и топорами и большими ножами рубятъ и рѣжутъ толстый слой жира на длинныя полосы. Потомъ снимаютъ китовый усъ, а остальной уже нецѣнный остовъ предоставляютъ теченію, на немъ пируютъ морскія птицы и рыбы». (Море и его жизнь).

Въ прошломъ столѣтіи Голландскіе и Ганзейскіе города снаряжали много судовъ для ловли Гренландскаго кита; въ настоящее время поле почти исключительно осталось за Англичанами и Сѣверо-

Американцами. Китовый ловъ во всякомъ случаѣ очень рискованное дѣло, оно не только опасно для жизни экипажа, но и опасно для кошелька предпріимчиваго промышленника, на этомъ промыслѣ также легко потерять большія суммы, какъ и нажить ихъ.

Сѣверный полосатый или спинноперый китъ (Balaena physalus, boops, musculus, rostrata) отличается отъ предыдущаго плавникомъ на крестцѣ и глубокими бороздами подъ глоткой и грудью до середины живота. Онъ достигаетъ хотя большей длины, но легче сложенъ, и имѣетъ съ переди суживающуюся голову. Такъ какъ этотъ китъ питается сельдями и макрелями, то усы его короче, толще, слѣдовательно у него этотъ продуктъ хуже нежели у Гренландскаго кита. Кромѣ того онъ далеко не такъ жиренъ, а движенія его быстрѣе, слѣдовательно труднѣе бить его гарпуной. Онъ распространенъ въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ и по всему полярному морю, особенно его много по окраинамъ ледяныхъ полей между Медвѣжьимъ островомъ, Новой Землей и Янъ-Майеномъ. Онъ заходитъ дальше на югъ чѣмъ Гренландскій китъ, и иногда заплываетъ въ Нѣмецкое море. Такъ 5 ноября 1827 г. огромный спинноперый китъ въ 80 футовъ длины былъ выброшенъ на берегъ близь Остенде, а другой осенью въ 1849 г. близь Гельголанда.

Дельфины хотя не такъ велики какъ собственно киты, однакоже между ними встрѣчаютъ 20 — 30 футовые экземпляры, а хищностію они даже не уступятъ акулѣ. Морскія косатки (Delphinus aries, orca, gladiator) цѣлыми стаями преслѣдуютъ кита и вырываютъ у него отъ хвоста куски мяса. Древніе называли этого дельфина морскимъ бараномъ по бѣлому, рогомъ загибающемуся пятну надъ каждымъ глазомъ. Онъ достигаетъ 25 футовой длины, а челюсти сверху и снизу усажены острыми зубами.

Такой же величины достигаетъ черный дельфинъ или гриндъ (Delphinus melas, globiceps, deductor), который стадами является въ сѣверныхъ моряхъ и въ заливахъ Фероерскихъ островов, Аркадскихъ, Исландіи и Британскихъ островов, гдѣ нерѣдко выбрасывается на берегъ, или же загоняется на землю жителями. Въ 1664 г. на Фероерскихъ островахъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ было убито болѣе тысячи, а зимою 1809 — 1810 въ пальфіордѣ было поймано 1100 гриндовъ, слишкомъ приблизившихся къ берегамъ Исландіи. Голова этого дельфина совершенно кругла, а спинной плав-

никъ низокъ, длиненъ и остеръ. Челюсти съ каждой стороны вверху и внизу вооружены 9 — 10 зубами.

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ дельфиновъ крайняго сѣвера принадлежитъ бѣлуха или морская бѣлуга (Delphinus leucas; Beluga). Она не имѣетъ спинного плавника и достигаетъ 12 — 18 футовой длины. Бѣлуха встрѣчается на всемъ Ледовитомъ морѣ, отъ Девисова пролива вдоль Сибирскихъ береговъ до Берингова пролива. И особенно любитъ держаться въ устьяхъ большихъ рѣкъ. Преслѣдуя лососей (Salmo leucichthys) этотъ дельфинъ поднимается по Оби почти до устья Иртыша, а по Енисею до Тунгуски. Для добыванія ворвани бѣлуху ловятъ въ устьяхъ рѣкъ толстыми сѣтями и бьютъ копьями. Русскіе очень много бьютъ ее около береговъ Новой Земли.

Къ дельфинамъ или дельфиновиднымъ звѣрямъ (которые далеко не всѣ извѣстны и описаны) относится также клюворылъ (Delphinus rostratus, seu edentulus; hyperoodon). Вдругъ съуживающееся рыло почти имѣетъ видъ утинаго клюва, только на нижней челюсти спереди сидятъ два маленькихъ зуба. Отверстіе, изъ котораго выбрасывается вода, имѣетъ форму полумѣсяца, рога котораго обращены кзади. Клюворылъ водится около Шпицбергена, Исландіи и Норвегіи и иногда заплываетъ къ Англіи и Франціи, на берега которыхъ онъ иногда выбрасывается моремъ. Олафзенъ, говоритъ, что на Исландіи этого дельфина зовутъ andar-nefia (утиный носъ), что онъ бываетъ 20 — 24 и очень рѣдко 30 футовъ длины, часто выскакиваетъ на берегъ въ западныхъ заливахъ, но преимущественно держится близь Нордланда, гдѣ его и промышляютъ. Этотъ писатель, такой же охотникъ до басенъ, какъ и Понтоппиданъ, говоритъ далѣе, что ворвань клюворыла жидка настолько, что наполненный ею стаканъ даже смачивается снаружи, а если принять эту ворвань внутрь, то она немедленно распространится по всѣму тѣлу.

Повсюду въ сѣверныхъ моряхъ распространены тюлени, которые послѣ кита привлекаютъ наибольшее число европейскихъ промышленниковъ. Ежегодно сотни тысячъ тюленей на пловучихъ льдинахъ приплываютъ изъ Гренландіи къ Нью-Фундленду, и на этихъ-то льдахъ ихъ преслѣдуютъ смѣлые тюленебойцы. Въ гаваняхъ Эльбы и Везера снаряжаются корабли, которые въ мартѣ и апрѣлѣ идутъ промышлять тюленей до Янъ Майена. Лишь только замѣтятъ стадо этихъ животныхъ на пловучей льдинѣ, тотчасъ же на лод-

кахъ плывутъ къ нимъ на встрѣчу. Если тюлени хотятъ броситься въ море, прежде чѣмъ лодка пристанетъ, то матросы поднимаютъ крикъ, что иногда останавливаетъ удивленныхъ звѣрей, которыхъ бьютъ ударомъ по носу. Если тюленей очень много, то, закончивъ одну бойню, спѣшатъ на новое поле битвы, оставляя одного промышленника для снятія шкуръ и жира.

Въ мѣстностяхъ, куда нельзя подойдти на лодкахъ, тюленебойцы должны нерѣдко, перепрыгивая съ льдины на льдину, далеко преслѣдовать тюленей, пока добьютъ ихъ своими дубинами. Тогда каждый снимаетъ съ своей добычи шкуру, нагружается жиромъ и тащитъ все это къ лодкѣ. Въ счастливые года удается одному кораблю убить до 5000 тысячъ тюленей, доставляющихъ къ великой радости промышленника кромѣ шкуръ до 100 тоннъ ворвани.

Между многими видами тюленей, живущими на крайнемъ сѣверѣ, замѣчательнѣе другихъ слѣдующіе:

Тюлень съ капишономъ (Phoca cristata; stemmatopus cristatus) имѣетъ 8 футовъ длины и на лбу, растягивающуюся въ пузырь, кожу. Кажется онъ живетъ только въ европейскомъ Ледовитомъ морѣ, преимущественно около Гренландіи. Этотъ тюлень спитъ обыкновенно на льду, и лаетъ и воетъ какъ собака.

Крылатка (Phoca Groenlandica, oceanica) ростомъ больше обыкновеннаго тюленя и чаще всѣхъ другихъ видовъ встрѣчается по близости Ледовитаго моря, изъ котораго бо́льшею частію отплываетъ на зиму къ югу. Для Гренландца не существуетъ болѣе полезнаго животнаго. Въ этихъ же моряхъ часто встрѣчается и бородастый тюлень (Phoca barbata).

Наконецъ обыкновенный тюлень (Callocephalus vitulinus) обитаетъ повсюду въ сѣверномъ морѣ отъ Шпицбергена и Лабрадора до береговъ Германіи и Голландіи. По сходству физіономіи и по непріятному голосу, этого тюленя также называютъ морскимъ теленкомъ. Онъ достигаетъ 5 — 6 футовой длины. Голова велика и кругла, шея короткая, съ обѣихъ сторонъ морды сидятъ толстыя длинныя щетины какъ у собаки. Прекрасные, живые, совершенно черные глаза выражаютъ добродушіе и смышленность. Хотя его вытянутое рыбообразное тѣлосложеніе и короткіе ласты приспособлены болѣе къ плаванію, чѣмъ къ движенію по твердой почвѣ, но онъ умѣетъ и по землѣ или по льду ползать и прыгать такъ быстро, что его не-

скоро догонишь. Не смотря на то, что превосходно плаваетъ, онъ не удаляется болѣе 30 миль отъ земли, куда выходитъ для отдыха и сна. Лѣтомъ онъ очень любитъ грѣться на берегу на солнцѣ, а зимой онъ постоянно оставляетъ себѣ во льду отверстіе, которое нужно ему для дыханія и служитъ убѣжищемъ отъ человѣка и бѣлаго медвѣдя. Хотя этотъ тюлень не имѣетъ наружной ушной раковины, но онъ отлично слышитъ даже подъ водой, такъ что часто музыка и свистъ вызываютъ его на поверхность. Такое любопытство иногда ему стоитъ очень дорого, потому что тогда охотники стараются ослѣпить его цѣлымъ зарядомъ дроби и поймать, ибо смертельно раненый пулею, онъ обыкновенно бросается ко дну и не достается охотнику.

О большихъ ушастыхъ тюленяхъ или сивучахъ Берингова моря, морскомъ котикѣ и морскомъ львѣ, будетъ рѣчь въ другихъ главахъ (Берингово море: Сибирскій пушной промыслъ), такъ что мы теперь можемъ прямо перейдти къ описанію моржа (Trichechus Rosmarus.) Этотъ громадный звѣрь имѣетъ около 20 футовъ въ длину и 12 футовъ въ окружности среди тѣла. Формы его очень неуклюжи, маленькая голова, короткая, толстая шея, мѣшковатое тѣло и короткія ноги оканчивающіяся широкими ластами. Очень толстая верхняя губа съ разрѣзомъ по серединѣ, который дѣлитъ ее на двѣ круглыя лопасти, обсаженныя трехъ-дюймовыми полупрозрачными, почти въ соломенку толщиной, желтоватыми щетинами, также очень мало прибавляетъ къ его наружной красотѣ. Изъ-подъ губы выходятъ наружу два огромныхъ бивня, которые, какъ бивни слона, выходятъ изъ верхней челюсти, но концы ихъ не поднимаются впередъ и вверхъ, а напротивъ загибаются внизъ. Эти бивни служатъ моржу для срыванія водорослей отъ морскаго дна, и отрыванія въ землѣ ежевиковъ и раковъ, которыми онъ также питается.

Эти бивни кромѣ того служатъ моржу превосходнымъ оружіемъ противу враговъ, и помогаютъ ему всходить на ледяныя скалы. Моржа преслѣдуютъ, какъ изъ за этихъ зубовъ, которые плотнѣе и бѣлѣе слоновой кости, и особенно годны для приготовленія вставныхъ зубовъ, такъ и ради жира, и въ особенности ради толстой шкуры, изъ которой выдѣлывается крѣпкая эластическая кожа. Моржей бьютъ въ Беринговомъ морѣ и у береговъ Щпицбергена, Медвѣжьяго острова и Новой Земли. Какъ осѣдлые Чукчи, такъ и Эскимосы, жители Прудгойскихъ странъ, питаются моржовымъ жи-

ромъ и мясомъ, и кромѣ того они извлекаютъ изъ этихъ животныхъ многоразличную пользу.

Моржи живутъ обществомъ. Бичей видалъ на западномъ берегу Шпицбергена стада изъ нѣсколькихъ сотъ моржей, игравшихъ на окраинахъ пловучихъ льдинъ, и громкимъ лаемъ выражавшихъ свое удовольствіе. Когда спятъ моржи, то одинъ изъ нихъ всегда сторожитъ, и при приближеніи опасности тотчасъ же заботится о собственномъ своемъ спасеніи; но такъ какъ моржи, какъ свиньи лежатъ другъ на другѣ, то толчекъ быстро передается всему стаду, и всѣ, толкая другъ друга, бросаются черезъ голову въ воду. Галопъ моржей есть безъ всякаго сравненія самый смѣшной и неловкій аллюръ во всемъ царствѣ животныхъ. Какъ громадныя гусеницы ползутъ они на брюхѣ, при чемъ голова попеременно то опускается, то поднимается, чтобы облегчить поступательное движеніе зада. Въ водѣ, напротивъ, они плаваютъ легко и быстро какъ рыбы, и иногда хватаются за лодки стараясь прободать или опрокинуть ихъ своими мощными бивнями. Однажды на лодку корабля «Доротеи» напала съ бѣшенствомъ стая моржей, отъ которой съ трудомъ бы защитились, если бы не выстрѣлили въ самую пасть сильнѣйшему и злѣйшему моржу, который казался вождемъ стаи. Приступъ тотчасъ же кончился, потому что моржи отплыли прочь съ своимъ раненымъ предводителемъ, бивнями поддерживая его надъ водой, чтобы не дать ему задохнуться.

Только одинъ морженокъ, еще не имѣвшій бивней, остался на мѣстѣ, и продолжалъ нападеніе. Не смотря на то, что кровь текла изъ многихъ ранъ, онъ даже на льду старался преслѣдовать матросовъ. Ни у одного звѣря не высказывается такой взаимной привязанности родителей къ дѣтямъ какъ у моржей. Да и вообще они вѣрно помогаютъ другъ другу. Лишь только прошелъ первый страхъ, моржи возвращаются на ледъ къ своимъ раненымъ товарищамъ и стараются стащить ихъ въ воду, и потомъ изъ мщенія хватаются иногда за лодки, при чемъ нерѣдко имъ удается перевернуть ту или другую вверхъ дномъ. Эскимосы ни на какого звѣря не нападаютъ съ бо́льшею осторожностію. Однажды Бичей замѣтилъ 10 футоваго моржа, который вышелъ изъ воды, и, осторожно осмотрѣвшись вокругъ, встащилъ свое жирное тѣло на ледъ, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ валялся и потомъ залегъ спать. Бѣлый медвѣдь, который вѣроятно давно наблюдалъ за моржемъ, въ свою очередь осторожно

взобрался на льдину и также началъ валяться, но не для удовольствія, а съ злымъ намѣреніемъ, ибо разстояніе между обоими звѣрями постоянно уменьшалось. Подозрительный моржъ привсталъ, какъ будто бы желая обратиться въ бѣгство, но хитрый медвѣдь тотчасъ же притворился спящимъ, и только время отъ времени старался приблизиться. Всѣ хитрости были напрасны, ибо моржъ вдругъ нырнулъ въ море, и хотя медвѣдь, отбросивъ въ сторону притворство, какъ молнія бросился за моржемъ въ воду, но можно было биться объ закладъ 10 противъ одного, что на этотъ разъ медвѣдь воротился съ голоднымъ брюхомъ.

Бѣлый медвѣдь, впрочемъ, вовсе не дурной пловецъ, преимущественно въ морѣ онъ находитъ себѣ пищу, и его видали на разстояніи 40 англійскихъ миль отъ земли и льда. На твердой землѣ бѣлый медвѣдь точно также движется необыкновенно легко, бѣжитъ вдвое скорѣе человѣка и подкрадывается къ добычѣ, почти неслышно ступая по снѣгу. Такъ Скорезби разсказываетъ, что въ 1783 г. одинъ капитанъ изъ Линъ-Реджиса, который вмѣстѣ съ врачемъ и другимъ товарищемъ, присталъ къ берегу Шпицбергена, вдругъ попался въ лапы бѣлому медвѣдю. Въ такомъ критическомъ положеніи, гдѣ жизнь зависѣла отъ одного мгновенія, капитанъ отдалъ приказаніе врачу выстрѣлить. Послѣдній съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ прострѣлилъ чудовищу голову и такимъ образомъ, можно сказать, избавилъ капитана отъ когтей смерти.

Бѣлые медвѣди водятся на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ, около Гренландіи и на островахъ Парри, вообще по всѣмъ берегамъ Ледовитаго моря; но нѣтъ ихъ въ восточной Сибири и на островахъ между Азіей и Америкой. Еще не рѣшено, перезимовываетъ ли бѣлый медвѣдь въ ледяныхъ пещерахъ, или отыскиваетъ свободной ото льда воды. Бѣлый медвѣдь отличается отъ обыкновеннаго бо́льшею силою, бѣлою шерстью и вытянутымъ въ длину тѣломъ, онъ достигаетъ 9 футовъ длины и 4 футовъ вышины. Мы еще не разъ встрѣтимъ его въ этой книгѣ.

Надломится сила зимы, солнце освободитъ отъ льдяныхъ оковъ полярное море, и потянутся опять къ сѣверу огромныя стаи чистиковъ, чаекъ, нырцовъ и буревѣстниковъ, которыхъ холода изгнали отсюда, или лишили ихъ пищи, заковавъ каналы и бухты, и крикливые легіоны этихъ птицъ заселяютъ берега арктическаго моря. Иные виды прибываютъ сюда только на лѣтовье, и при наступле-

ніи холоднаго времени года далеко отлетаютъ на югъ; напротивъ, другія, настоящія морскія птицы крайняго сѣвера, остаются вѣрными ему и во время зимы, и только страшные холода заставляютъ ихъ удаляться. Въ числѣ послѣднихъ птицъ находится чрезвычайно рѣдкая и интересная чайка полярнаго круга, найденная въ самой сѣверной части Америки англійскимъ капитаномъ Сабиномъ, и названная въ честь его Larus Sabini. Даже въ южной Гренландіи эта птица такъ рѣдка, что Карлъ Гольбель (Датскій губернаторъ) въ теченіи 18 лѣтняго пребыванія и собиранія досталъ только одинъ молодой экземпляръ. Эта маленькая, красивая, бѣловато-сѣрая чайка въ самыхъ крайнихъ предѣлахъ своего распространенія находитъ себѣ товарищей только въ ледяныхъ чайкахъ; извѣстно, что она гнѣздится на 300 миль къ сѣверу отъ Гельголанда.

Къ морскимъ птицамъ, упоминаемымъ всего чаще путешественниками, относится буревѣстникъ или глупышъ (Procellaria glacialis) и большая сѣрая чайка (Larus glaucus), носящая почетный титулъ бургомистра. Когда послѣдняя птица съ чувствомъ собственнаго достоинства спускается на добычу, то ни одна другая птица не смѣетъ оспаривать ее.

Часто эта чайка паритъ надъ трупомъ кита, и лишь только приблизится она, какъ глупышъ и трехпалая чайка оставляютъ ей свой полупроглоченный кусокъ. Сѣрая чайка имѣетъ въ длину 28 дюймовъ, а въ распущенныхъ крыльяхъ отъ конца одного до конца другаго 5 футовъ.

Глупышъ, это постоянный спутникъ китолововъ отъ Шетландскихъ острововъ до самаго крайняго сѣвера. Тысячами снуютъ глупыши около корабля, особенно когда къ боку его притянутъ трупъ кита, и забавляютъ грубаго матроса своей баснословной прожорливостію. Сколько бы не убивали ихъ крюками, оставшіеся не заботятся объ убитыхъ товарищахъ, такъ заняты они богатой трапезой, и такъ боятся потерять отъ нея что-нибудь.

ГЛАВА III.

ШПИЦБЕРГЕНЪ. — МЕДВѢЖІЙ ОСТРОВЪ. — ЯНЪ-МАЙЕНЪ.

Романтическіе берега. — Опасное восхожденіе Скорезби. — Величественная панорама. — Дорогая находка мертваго кита. — Бухта Магдалины. — Безконечныя стаи морскихъ птицъ. — Животная жизнь. — Шпицбергенскіе ледники.— Громадные обломки льда. — Открытіе Шпицбергена — Большая смертность прежнихъ китолововъ. — Первая зимовка на Шпицбергенѣ. — Русскіе моржебойцы. — Шаростинъ. — Норвежскія и Датскія экспедиціи на Шпицбергенѣ. — Минеральное богатство. — Охоты на моржа на Медвѣжьемъ островѣ. — Посѣщеніе Мармье. — Янъ-Майенъ.

Нигдѣ природа крайняго сѣвера не является въ такой великолѣпной одеждѣ, и въ такихъ величественныхъ формахъ, какъ на западномъ берегу Шпицбергена. Лишь только разсѣется густой туманный покровъ, скрывавшій видъ мощныхъ береговыхъ горъ отъ осторожно приближавшихся мореходовъ, какъ изъ холодныхъ волнъ арктическаго моря какъ будто поднимается дивная волшебная картина. На высоту 2—3 тысячъ футовъ воздымаются къ небу дикія и какъ бы разорванныя скалистыя стѣны, здѣсь далеко заходя мысами въ море, тамъ образуя глубокіе фіорды, а игра свѣта и тѣней даетъ зрителю возможность со всею подробностію осмотрѣть очертанія величественной картины на разстояніи нѣсколькихъ миль. Обнаженная, выдающаяся скала кажется черною въ сравненіи съ ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ, который наполняетъ всѣ трещины, овраги и долины, и съ такою силою отражаетъ свѣтъ, что кажется будто бы сверкаютъ отъ солнечнаго блеска.

Дивно хороши и странны формы отдѣльныхъ горъ и скалъ. Высокая въ 4,395 футовъ Дикобразъ-гора въ Горнзундѣ показываетъ своимъ именемъ, какъ названіе всей группы островов пришлось кстати. На небольшомъ островѣ Карла выступаетъ высокій горный хребетъ въ 1500 — 2000 футовъ, и далеко заходитъ въ океанъ. Искривленный, совершенно обнаженный, безъ всякаго слѣда снѣга или растительности, этотъ хребетъ своимъ ли безжизненнымъ видомъ, а можетъ быть странностію формы заслужилъ названіе «Чортова пальца». На томъ же островѣ съ удивленіемъ видишь горныя вершины въ 2 — 3 тысячи футовъ высоты, на столько заостренныя, что если бы смѣлый искатель приключеній какъ-нибудь

и взобрался на нихъ, то все-таки не могъ бы найдти себѣ тамъ мѣста для отдыха. Въ бухтѣ Магдалины дугообразная стѣна скалъ, на концахъ ограниченная двумя высокими горами, имѣетъ видъ крѣпости съ брустверами, зубчатыми стѣнами и стрѣльницами. Иныя горы образуютъ совершенно правильныя четырехгранныя пирамиды, покоящіяся на четырехугольномъ основаніи, другія заканчиваются острымъ гребнемъ какъ крыши громаднаго ряда домовъ. На большинство этихъ горъ рѣшительно нельзя взойдти, и уже многіе смѣлые мореходы за попытку изучить шпицбергенскія высоты поплатились или большими опасностями или даже потерею жизни.

Когда Баренцъ и Гемскеркъ открыли этотъ островъ, то нѣсколько смѣлыхъ матросовъ вскарабкалось на скалы, чтобы набрать яицъ, но, сходя обратно внизъ, они увидѣли подъ собой ужасную смѣсь зіяющихъ пропастей, острыхъ скалъ и совершенно вертикальныхъ обрывовъ. Этотъ страшный видъ наполнилъ ужасомъ сердца смѣльчаковъ. Подать имъ помощь не было никакой возможности, и они рѣшились, не смотря на всѣ опасности, предпринять обратный путь. Послѣ необыкновенныхъ усилій, длившихся цѣлые часы, большею частью скатываясь лёжа съ одной скалы на другую, удалось имъ наконецъ достичь равнины.

Менѣе счастливъ былъ голландскій купецъ, который въ 1612 г. сопровождалъ на Шпицбергенъ первое голландское китоловное судно. При попыткѣ взойдти на одну изъ главныхъ горъ острова Карла, онъ поскользнулся и сломалъ себѣ шею.

Скорезби въ своихъ замѣткахъ объ арктическихъ странахъ оставилъ намъ интересное описаніе, горнаго восхожденія на Шпицбергенѣ.

На Mitre Cape поднимается холмъ въ 1500 футовъ высоты, къ нему съ сѣвера примыкаетъ другая гора, почти двойной высоты. 23 іюля въ 10 часовъ по полудни знаменитый китоловъ съ нѣсколькими спутниками, отправился въ путь, чтобы подняться на высоту, куда еще не ступала нога человѣка. Въ тѣни перваго холма термометръ показывалъ температуру + 2° Р. На вершинѣ онъ поднялся до + 4°, а на противоположномъ склонѣ даже до + 5° и 6°, такъ что на вершинѣ горы, имѣющей по малой мѣрѣ до 3,000 футовъ высоты, *полуночное* солнце имѣло еще на столько силы, чтобы поднять температуру на нѣсколько градусовъ надъ точкой замерзанія,

и вызвать нѣсколько шумящихъ водныхъ потоковъ съ оконечности покрытой снѣгомъ (*).

Склонъ холма былъ такъ крутъ и покрытъ такимъ количествомъ розсыпнаго камня, что не было возможности идти вверхъ обыкновеннымъ шагомъ, а нужно было всходить или прыжками, или бѣгомъ — что конечно было чрезвычайно затруднительно. Не далеко отъ вершины перваго холма лежалъ ледяной или снѣговой поясъ, черезъ который прямо перейдти не было никакой возможности. По краю этого пояса, вдоль почти отвѣсныхъ скалъ, прошли путники нѣсколько сотенъ шаговъ, бросая въ глубину при каждомъ шагѣ цѣлый дождь каменьевъ, наконецъ удалось смѣльчакамъ достичь обнаженнаго ребра, которое счастливо довело до вершины. Послѣ короткаго отдыха, во время котораго успѣли собрать нѣсколько геологическихъ экземпляровъ и небольшое количество растеній, влачившихъ свою жизнь въ трещинахъ скалъ, отправились въ путь, чтобы взойдти на второй холмъ. Въ одномъ мѣстѣ ребро скалы, по которому они шли было такъ узко, что Скорезби могъ на немъ сидѣть верхомъ, спустивъ по сторонамъ ноги. До самой вершины не было твердыхъ скалъ, а только каменныя розсыпи, отчасти покрытыя чернымъ лишаемъ. Различныя растенія (камнеломки, ивнякъ, ложечная трава и осока), сопровождавшія путниковъ до высоты 2000 футовъ, отсюда вверхъ совершенно исчезли. Когда достигли вершины, солнце коснулось сѣвернаго горизонта, и своими лучами освѣщало, снѣгомъ покрытыя, оконечности горъ. Закругленная вершина образовала площадь, около четверти моргена. Только съ южной стороны она была доступна, остальныя спускались почти вертикально въ глубину. Во время восхожденія, нѣсколько большихъ камней оторвалось отъ склона. Прыгая со скалы на скалу, эти камни при каждомъ толчкѣ поднимали густое облако пыли, и увлекали съ собой множество мелкихъ каменьевъ. Наконецъ все успокоивалось въ глубокомъ снѣговомъ ложѣ на 2000 футовъ ниже того мѣста, откуда первоначально сорвались камни. Нѣкоторые изъ нихъ во время паденія разбились на тысячи кусковъ, другіе имѣвшіе дискообразную

(*) Высшая температура замѣченная Скорезби на Шпицбергенѣ доходила до + 7°, но въ 1773 г., когда капитанъ Филиппсъ посѣтилъ эту сѣверную страну, термометръ однажды поднялся до + 12°, а Бичей наблюдалъ даже въ бухтѣ Магдалины на льду, освѣщенномъ полуночнымъ солнцемъ, теплоту въ + 18°, тогда какъ въ тоже время, въ тѣни термометръ показывалъ только + 2°.

форму, катясь на своемъ краю, не смотря на то, что дѣлали скачки въ нѣсколько сотъ футовъ, все-таки достигли глубины въ совершенной цѣлости.

Видъ съ вершины горы былъ не описанно далекъ и величественъ. Къ востоку и сѣверо-востоку взору представляются глубоко вырѣзанные фіорды, а къ западу раскрывается безконечная синева моря. Среди дикой панорамы вокругъ лежащихъ горныхъ колоссовъ, мѣстами, виднѣются громадныя массы ледниковъ, которые, наполняя долины и противясь дѣйствію солнечныхъ лучей, спускаются до приморскаго берега.

Надъ этимъ міромъ снѣга и черныхъ скалъ загибается сводъ безоблачнаго неба самаго темнаго голубаго цвѣта, неба, освѣщеннаго полуночнымъ дневнымъ свѣтиломъ — поразительное впечатлѣніе величественной картины усиливалось еще отъ смутнаго чувства опасности, возбуждавшагося вокругъ зіяющими пропастями и къ небу идущими горными вершинами.

Но безбоязненное сердце мужественныхъ моряковъ способно было ощущать только удивленіе и радость, — надѣясь на свои испытанныя силы, они чувствовали себя владыками ихъ окружающей пустыни. Высота, на которой они находились, и яркій свѣтъ вызвали явленіе замѣчательнаго оптическаго обмана.

Море, находившееся по крайней мѣрѣ на разстояніи часа отъ путниковъ, казалось ближе ружейнаго выстрѣла. Отдаленныя на нѣсколько миль горы казались весьма близкими, и кораблю, качавшемуся далеко отъ берега на волнахъ океана, какъ будто угрожала опасность отъ близкаго скалистаго берега.

Обратный путь съ завоеванной горы было предпріятіемъ весьма труднымъ и иногда даже болѣзненнымъ. Крутой путь казалось измѣнился въ страшную пропасть. Нужно было обдумывать каждый шагъ. Камни были такъ остры, что изрѣзали сапоги и изранили ноги, и такъ разсыпчаты, что уступали подъ каждымъ шагомъ, такъ что нерѣдко путники падали спиной на горный склонъ. Осторожно они должны были сходить, чтобы не поранить другъ друга.

Когда наконецъ съ большими усиліями достигли они вершины перваго холма, то рѣшились, чтобы избѣжать затруднительнаго пути вдоль уже нами описаннаго узкаго скалистаго ребра, скатиться съ крутаго склона подъ угломъ около 50°. Здѣсь камни были такъ малы и такъ сыпучи, что путники сидя катились очень быстро.

У подошвы холма путь перерѣзывался широкой полосой снѣга. Безъ страха продолжали моряки катиться по мягкой, легко подающейся массѣ, сначала съ уменьшенной скоростію, но потомъ, когда достигли ледянаго пояса шириною футовъ во 100, покатились они съ быстротою стрѣлы, такъ что внизу остававшіеся люди со страхомъ смотрѣли на такое опасное катанье съ горъ.

Счастливо окончивъ восхожденіе, Скорезби продолжалъ свой путь вдоль по берегу, усѣянному костями сѣверныхъ оленей и моржей. Попадались и человѣческія кости, которыя или валялись вокругъ или покоились въ гробахъ, похожихъ на ящики. Нашли нѣсколько когда-то обитаемыхъ русскихъ хижинъ, и въ нихъ и около нихъ валялась домашняя утварь. По берегу, мѣстами лежали капканы для лисъ и западни для птицъ. Что сдѣлалось съ охотниками разставлявшими эти снасти?

Подъ каменными береговыми розсыпями множество морскихъ птицъ построило свои гнѣзда, и громкимъ крикомъ и смѣлымъ отраженіемъ защищались они отъ нападеній хищныхъ чаекъ, летавшихъ вокругъ этого мѣста.

Единственное найденное здѣсь насѣкомое была небольшая зеленая муха, а вдоль берега въ морѣ кишили безчисленные слизняки (Clio borealis) и маленькія веселыя гренели. Сильные сѣверо-западные вѣтры покрыли берега массами пузырчатой водоросли (Fucus vesiculosus) и пластинчатой водорослею (Laminaria saccharina) — тѣ же виды выбрасываются бурей и на наши берега.

Хотя видъ этой жизни крайняго сѣвера и радовалъ любознательнаго Скорезби, но его еще болѣе заинтересовалъ мертвый китъ, который, несмотря на то что распухъ и началъ гнить, все же стоилъ около 400 фунтовъ стерлинговъ.

При первомъ сдѣланномъ разрѣзѣ ворвань полилась фонтаномъ. Затруднительно и не скоро совершалась перевозка дорогой ворвани на корабль, который, по причинѣ опасныхъ береговъ, стоялъ отъ острова на разстояніи 2 англійскихъ миль. Послѣ того какъ нагрузили 5 лодокъ жира, вдругъ перемѣнился вѣтеръ и отогналъ корабль такъ далеко, что лодка съ большимъ трудомъ достигла его. Между тѣмъ половина экипажа оставалась на берегу и могла только на слѣдующій день взойдти на корабль.

Гораздо менѣе извѣстный и посѣщаемый восточный берегъ Шпицбергена далеко не такъ крутъ, высокъ и изрѣзанъ какъ западный

берегъ этой нагорной страны, потому что горныя цѣпи, идущія отъ сѣвера къ югу, постепенно понижаются къ полуденной части острова. Западный берегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ очень удобенъ для стоянки кораблей. Лучшая и обширнѣйшая гавань въ 6 англійскихъ миль длиною и въ 2 мили шириною находится въ бухтѣ Магдалины, которая въ настоящее время очень мало посѣщается китоловами, но за то хорошо знакома путешественникамъ къ арктическимъ странамъ.

Здѣсь между прочимъ стояли «Доротея» и «Трентъ», которые въ 1818 г. подъ начальствомъ Бухана и въ послѣдствіи столь знаменитаго Франклина, шли къ сѣверному полюсу. Здѣсь нѣсколько недѣль провелъ французскій корветъ «la Recherche», который несъ въ арктическія страны Гемара, Робера, Мартина и Мармье. Французская веселость оживила Шпицбергенскія пустыни и пѣлись пѣсни Беранже, гдѣ только раздавался крикъ морскихъ птицъ.

Множество этихъ послѣднихъ на самомъ дѣлѣ здѣсь безчисленно. Большая пирамидальная гора въ глубинѣ бухты получила названіе Rodge-hill (Пыжиковый холмъ) отъ громаднаго количества этихъ маленькихъ чистиковъ, покрывающихъ ея подножіе. Бичей видѣлъ этихъ птицъ, сидящихъ сплошной линіей въ 3 англійскихъ мили, и притомъ такъ тѣсно, что однимъ выстрѣломъ было убито 30 штукъ. Ихъ насчитываютъ до 4 милліоновъ, взлетая они затемняютъ свѣтъ, и на разстояніи 4 англійскихъ миль еще ясно слышенъ ихъ оглушительный хоръ.

И другія животныя оживляютъ романтическую обильную ледниками бухту. Въ хорошіе лѣтніе дни кажется нѣтъ границъ радости этихъ животныхъ: къ крику чистиковъ, нырцовъ и чаекъ примѣшивается веселый ревъ грѣющагося на солнцѣ моржа и грубый лай тюленей.

Хотя всѣ эти звуки вовсе не гармоничны, все же имъ радовался Бичей, потому что въ нихъ выражалось ощущеніе счастія столькихъ существъ. Но лишь только солнце начинаетъ склоняться къ полюсу, какъ все умолкаетъ и надъ бухтой царитъ величественное молчаніе, которое только время отъ времени нарушается трескомъ ледниковъ. Здѣсь мы видимъ полнѣйшую противуположность тропическимъ странамъ, гдѣ въ поляхъ и лѣсахъ жизнь пробуждается только послѣ заката солнца, а во время дневнаго зноя вся природа предается покою.

Много ледниковъ заходятъ въ бухту Магдалины и одинъ изъ нихъ шириною въ 7000 футовъ представляетъ отвѣсную стѣну въ 300 футовъ вышиной. Здѣсь вся природа представляется въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что ни этотъ ледяной валъ, ни всѣ другія стѣны ледниковъ не возбуждаютъ удивленія, пока не подойдешь къ нимъ на самое близкое разстояніе. Только тогда выясняется величіе этой громадной стѣны.

Въ тихую погоду соединенное дѣйствіе подводнаго льда и отраженіе отъ находящейся надъ водою стѣны ледника производитъ замѣчательный оптическій обманъ. Вода принимаетъ молочно-бѣлый цвѣтъ, тюлени какъ будто ныряютъ въ массѣ густыхъ сливокъ, и ошибка замѣчается только тогда, когда, перегнувшись черезъ край лодки, смотришь въ прозрачную глубь.

Вблизи стѣны ледника должно сохранять самую глубокую тишину, ибо ледяныя массы всегда готовы оторваться и часто достаточно малѣйшаго движенія воздуха, чтобы произвести ихъ паденіе.

Въ первыя времена китовой ловли, когда заливы и гавани Шпицбергена часто посѣщались кораблями, которые иногда становились на якорѣ подъ самыми стѣнами ледниковъ, паденіе этихъ послѣднихъ имѣло по временамъ горестныя послѣдствія. Такъ въ 1619 году одно судно англійской Russia компаніи, занесено было бурей въ Белль-зундъ. Пока оно старалось удалиться отъ угрожающей ледяной стѣны, страшная глыба оторвалась, сломала мачты и опрокинула корабль на бокъ такъ сильно, что капитанъ и часть экипажа были выброшены въ море. Первый остался невредимъ, но два матроса убиты и многіе ранены.

Когда Бичей съ Буханомъ и Франклиномъ посѣтилъ бухту Магдалины, выстрѣлили изъ ружья на разстояніи половины англійской мили отъ ледника. Вскорѣ послѣ ужасный громъ послышался изъ лона закованныхъ водъ, громадныя глыбы отломились и упали въ море. Экипажъ спокойно смотрѣлъ съ лодки на величественное зрѣлище, какъ вдругъ поднялась огромная волна съ быстротою, противъ которой нельзя было предпринять никакихъ мѣръ, и выбросила на берегъ маленькое судно на 96 футовъ отъ моря.

Въ другой разъ Франклинъ и Бичей подошли къ описанному нами громадному ледяному валу. Какъ вдругъ съ него скатилась исполинская глыба, сопровождаемая страшнымъ шумомъ и водою, которая доселѣ скрывалась въ трещинахъ, а теперь, освобожденная, без-

численными водопадами и потоками стекала съ чела ледника. Волны покатились, гоняясь другъ за другомъ по широкимъ заливамъ бухты и раскатамъ имъ откликались берега.

Сначала ледяная гора совершенно скрылась въ глубинѣ кипучаго моря и въ облакахъ поднявшихся водяныхъ брызговъ, но скоро она вынырнула снова, поднявъ голову на сотни футовъ надъ водою, и закачалась на нѣсколько минутъ, стряхая съ себя потоки соленой воды. Когда льдина успокоилась, тогда нашли, что она имѣла въ окружности не менѣе 1,500 футовъ; на 60 футовъ она поднималась надъ поверхностію воды, и приблизительно вѣсила до 421,660 тоннъ.

Вѣроятно Норвежцы давно уже догадались о существованіи земли къ сѣверу отъ Финмарка по стаямъ перелетныхъ птицъ, стремящихся позднею весною къ полюсу, и по случайнымъ посѣщеніямъ бѣлыхъ медвѣдей на пловучихъ льдинахъ, приплывавшихъ къ югу. И безъ всякаго сомнѣнія Норвежцы первые открыли Шпицбергенъ, но исторія ничего не знаетъ о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу смѣлыхъ морскихъ королей, и только въ XVI столѣтіи Европа познакомилась съ этимъ безлюднымъ архипелагомъ. Сомнительно видѣлъ ли сиръ Гугъ Виллугби въ 1553 г. Шпицбергенъ, но достовѣрно извѣстно, что 16 іюня 1596 г. Баренцъ, Гимскеркъ и Рипъ, отправившіеся на двухъ корабляхъ для изслѣдованія полярнаго моря, замѣтили горную страну и дали ей имя, которое она еще носитъ доселѣ.

Позднее Шпицбергенъ окрестили въ Новую Землю, а потомъ назвали Восточной Гренландіей, ибо полагали, что онъ соединяется съ Гренландіей. Въ 1607 г. несчастный Генрихъ Гудзонъ посѣтилъ Шпицбергенъ, а 4 года спустя первые англійскіе китоловы стали посѣщать здѣшнія обильныя рыбою воды. Здѣсь встрѣтились Англичане съ Голландцами, Норвежцами и Бискайцами изъ Байонны и другихъ сѣверо испанскихъ гаваней — и скоро возгорѣлись кровавыя распри на этой крайней точкѣ земнаго шара.

Въ 1613 году Іаковъ I-й предоставилъ Russia Company исключительное право ловли въ Шпицбергенскихъ водахъ. Компанія тотчасъ же вооружила 7 кораблей и изгнала Голландцевъ, Норвежцевъ и Бискайцевъ. Но не долго побѣда оставалась за Англичанами, и она переходила то въ руки Голландцевъ, то снова къ Англичанамъ. Наконецъ всѣ партіи согласились мирно раздѣлить между собой

пользованіе Шпицбергеномъ. Англія, ссылаясь на открытіе Виллуг-би, завладѣла Белль-зундомъ и другими превосходными бухтами. Голландцы, опираясь на Баренца, выбрали островъ Амстердамъ своимъ главнымъ сборнымъ пунктомъ. Между обоими помѣстились Датчане или Норвежцы, которые, считая Шпицбергенъ за продолженіе Гренландіи, объявили себя обладателями всей земли. Наконецъ Бискайцы, не имѣя никакихъ достаточныхъ доводовъ, и, что еще хуже, не обладая силой, дающей вѣсъ самымъ неосновательнымъ требованіямъ, должны были удовольствоваться нѣсколькими плохими станціями на сѣверѣ.

Теперь сѣверные китоловы большею частью держатся въ открытомъ морѣ, и кромѣ того они рѣдко заходятъ въ эти части арктическаго моря, но тогда въ одной и той же бухтѣ нерѣдко стояло по 40 кораблей вмѣстѣ и высылали они свои лодки противъ китовъ. Въ огромныхъ котлахъ на берегу вываривалась ворвань и лѣтомъ Шпицбергенскіе фіорды считали тысячами своихъ гостей.

Многочисленныя могилы доказываютъ оживленность этой страны въ тѣ времена, и въ тоже время большую смертность тогдашнихъ китолововъ. Особенно часты могилы на Смеренской горѣ, гдѣ большія береговыя полосы усѣяны какъ кладбища надгробными камнями и крестами. Буханъ велѣлъ разрыть нѣсколько такихъ могилъ и нашелъ въ нихъ трупы, совершенно сохраненные холодомъ отъ гніенія.

Шерстяные колпаки и чулки Голландцевъ, можетъ быть уже столѣтія два покоившихся въ обледенѣлой землѣ, были совершенно какъ новыя.

Въ XVII столѣтіи Англичане и Батавы дѣлали попытки основать небольшія колоніи на необитаемомъ Шпицбергенѣ. Russia-Company старалась за высокую плату навербовать охотниковъ, которые должны были прожить тамъ цѣлый годъ. А такъ какъ таковыхъ не нашлось, то наконецъ и было обѣщано помилованіе преступникамъ, которые согласятся на это условіе. Нѣкоторые приняли предложеніе, но увидѣвъ здѣшнія пустыни, стали умолять чтобъ ихъ возвратили въ темницы.

Нѣсколько времени спустя, въ 1630 г. одинъ китоловъ выслалъ на берегъ 8 матросовъ для ловли сѣверныхъ оленей. Матросы остались ночевать на землѣ, въ это время поднялась буря, и когда они на слѣдующее утро подошли къ берегу, то всѣ суда уже исчезли.

Это случилось въ концѣ августа, и не было надежды, чтобы въ такое позднее время года появилось какое либо судно, которое бы снова возвратило обществу оставленныхъ людей. Можно вообразить себѣ отчаяніе несчастныхъ, но они рѣшились мужественно бороться съ угрожающей зимой, чѣмъ безъ всякой пользы жаловаться на свой жребій. Первой заботой былъ собрать запасъ жизненныхъ припасовъ, и въ короткое время они убили 19 сѣверныхъ оленей и 4 медвѣдей. По счастію они нашли въ Гринъ-Гарбурѣ, въ Белль-зундѣ нужный матеріалъ для постройки хижины. Здѣсь былъ построенъ для мастерской рабочихъ Russia-Company большой сарай въ 50 футовъ длины и 40 ширины. Въ этомъ пространствѣ они весьма разумно построили себѣ небольшое жилище изъ камней и толстыхъ брусьевъ. Такимъ образомъ они пріобрѣли бо́льшую защиту отъ леденящаго вѣтра, и пространство, въ которомъ они могли имѣть свободное движеніе, даже во время бури, — лучшее предохранительное средство отъ убійственной цинги. Постели и зимнія одежды они сдѣлали себѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя сшивали, употребляя вмѣсто иголъ обломки костей, а вмѣсто нитокъ обрывки канатовъ. 12 сентября хижина была построена, а чтобы сохранить сколь возможно долго запасъ мяса, они 4 дня въ недѣлю питались остатками китоваго жира, разбросанными въ большомъ количествѣ по землѣ.

Съ 14 октября до 3 февраля стараго стиля они не видали солнца, а съ 1 до 20 декабря не было даже сумерекъ. Новый годъ сказался страшнымъ морозомъ. Металлъ прилипалъ какъ клей къ пальцамъ, а когда необходимо было принести снѣгу или воды, то отъ рѣзкаго воздуха обнаженныя мѣста покрывались пузырями.

Третьяго февраля, когда снова показалось солнце, и освѣтило вершины горъ, страдальцамъ показалось, что они воскресли и пробудились отъ смерти къ жизни. Радость ихъ увеличилась, когда они замѣтили на льду двухъ медвѣдей, изъ которыхъ удалось одного убить, но они должны были узнать на опытѣ то, что нерѣдко послѣ испытывалось другими, а именно, что печень этого звѣря иногда обладаетъ ядовитыми свойствами, и отъ употребленія ея въ пищу, дѣлалась лихорадка и лупилась кожа.

Въ началѣ марта запасы истощились, но бѣлые медвѣди появлялись чаще и доставляли достаточную пищу. Скоро появились перелетныя птицы; лисы вышли изъ своихъ норъ и много этихъ звѣрей попалось въ капканъ.

24 мая на морѣ взломало ледъ, и на слѣдующій день половина бухты уже очистилась. Тутъ поднялся сильный вѣтеръ и маленькое общество собралось въ хижинѣ. Тамъ, сидя передъ огнемъ и говоря о проведенной зимѣ и о скоромъ избавленіи, вдругъ услышали моряки громкое англійское «Hallo boys». Они вскочили и бросились изъ хижины — и едва вѣрили своимъ глазамъ, когда ихъ встрѣтили друзья, а хорошо знакомый корабль спокойно стоялъ въ фіордѣ. Такимъ образомъ эти 8 матросовъ послѣ 10 мѣсячнаго пребыванія подъ 75° с. ш. совершенно здоровыми счастливо встрѣтились со своими.

Когда возможность перезимовать на Шпицбергенѣ сдѣлалась несомнѣнною, тогда общество изъ 7 Голландцевъ рѣшилось добровольно послѣдовать примѣру Англичанъ, и провести длинную ночь арктическаго пояса па островѣ Амстердамъ. Этотъ опытъ не такъ счастливо кончился какъ первый, всѣ 7 погибли отъ цинги. Въ оставшемся дневникѣ найдена грустная повѣсть ихъ страданій. «Четверо изъ нашихъ», говорятъ послѣднія слова, «еще живы и лежатъ растянувшись на землѣ, они могли бы еще ѣсть, если бы хотя одинъ изъ насъ могъ принести пищу и дровъ для огня: но отъ страданій и слабости мы не въ состояніи пошевелиться. Мы постоянно молимъ Бога, чтобы Онъ насъ освободилъ. Безъ пищи и тепла мы конечно долго не проживемъ. Мы не въ состояніи помогать другъ другу и каждый долженъ нести свой крестъ какъ можетъ».

Съ тѣхъ поръ Голландцы и Англичане оставили намѣреніе основать прочныя колоніи на Шпицбергенѣ; но почти не проходитъ года, чтобы нѣсколько Русскихъ не зимовали тамъ.

Уже съ XVII столѣтія Русскіе на своихъ нехитрыхъ ладьяхъ, отъ 60 до 160 тоннъ вмѣстимости, объѣзжаютъ берега этой сѣверной земли и охотятся за тюленями, бѣлухами и въ особенности за моржами. Въ іюлѣ мѣсяцѣ выѣзжаютъ промышленники изъ гаваней Архангельска, Мезени, Онеги, Колы и др. и остаются зимовать въ какой-нибудь изъ Шпицбергенскихъ бухтъ. Во все это время охотники живутъ на землѣ по двое или по трое въ маленькихъ хижинахъ (7—8 футовъ въ ширину и въ длину), которыя они строятъ изъ привезенныхъ досокъ вдоль берега на разстояніи 10—50 верстъ другъ отъ друга. Большая хижина въ 10—25 квадр. футовъ строится близь мѣста, гдѣ стоитъ судно. Въ этой хижинѣ хранятся привезенные запасы на 18 мѣсяцовъ. Запасы состоятъ изъ ржаной и

овсяной муки, ячменя, гороху, солонины, рыбы, кислаго молока, меду, льнянаго масла и большаго количества квасу; спиртные напитки по многимъ причинамъ совершенно запрещены. Дрова частью привозятся изъ Россіи, а частью набираютъ по берегамъ выброшенный пловучій лѣсъ. Зимой охотники рѣдко дѣлаютъ далекія экскурсіи, но предпринимаютъ небольшія путешествія на лыжахъ, причемъ везутъ за собой салазки, нагруженныя жизненными припасами. Иногда ихъ застаютъ въ пути страшныя метели, отъ которыхъ они ложатся на землю, впрочемъ охотники нерѣдко погибаютъ отъ продолжительныхъ метелей. Отъ цинги Русскіе защищаются движеніемъ и тщательно огребаютъ снѣгъ вокругъ своихъ маленькихъ жилищъ. Нерѣдко они принуждены употреблять вмѣсто двери дымовое отверстіе. Далѣе, они употребляютъ, какъ противуцинготное средство, здѣсь же ростущую ложечную траву, которой собираютъ большіе запасы, и которую ѣдятъ сырьемъ, или пьютъ какъ чай. Съ тою же цѣлью они пьютъ настой изъ сосновыхъ побѣговъ и различныхъ ягодъ, которыя привозятъ съ собой изъ родины. Однако же невсегда удается избѣжать страшной болѣзни. Такъ въ 1837 году на южномъ мысѣ погибло 22 русскихъ. Въ 1838 г. у Тысячи островов стала на якорѣ ладья съ 18 человѣками, а, 6 мѣсяцевъ спустя, на ладьѣ и въ хижинахъ царила смерть. Въ 1771 г. присталъ къ плоскому мысу въ царской бухтѣ Стевардъ изъ Уитби, чтобы набрать пловучаго лѣса, и нашелъ здѣсь русскую хижину. Послѣ тщетныхъ вызововъ отворили дверь и на землѣ увидѣли трупъ, лицо котораго было покрыто зеленою плесенью. Вѣроятно этотъ несчастный, похоронивъ своихъ товарищей, остался одинъ, такъ что ему никто не могъ отдать послѣдняго долга. Тѣ, которые счастливо перенесутъ невзгоды крайняго сѣвера, тѣ слѣдующимъ лѣтомъ обыкновенно возвращаются съ собранными продуктами охоты къ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидающимъ наемщикамъ. Бывали же однако примѣры, что иные по нѣсколько лѣтъ сряду переживали страшную Шпицбергенскую зиму. Но кто сравнится съ Шаростинымъ, который по свидѣтельству Петерманна, провелъ въ этихъ широтахъ 39 зимъ и въ томъ числѣ прожилъ здѣсь 15 лѣтъ сряду? Конечно этотъ человѣкъ заслуживаетъ титула Шпицбергенскаго царя.

Промышленники, ѣздящіе на Шпицбергенъ, дѣлятся по степени своей ловкости и умѣнья на 3 класса.

Къ первому принадлежатъ стрѣлки, смѣлѣе другихъ пробирающіеся между пловучими льдинами, и искусно подкарауливающіе моржей и тюленей. Эти отборные люди получаютъ жалованья 450 р. ассигнаціями, и кромѣ того имъ выдается часть добытыхъ шкуръ.

Двумя стами рублями и небольшимъ количествомъ шкуръ довольствуются промышленники 2 класса. Новички получаютъ только 124р. и имъ не даютъ даже самой дурной тюленьей шкуры въ награду. Наконецъ простые рабочіе не получаютъ болѣе 60 р. жалованья. Какъ плохо жить имъ на родинѣ, если они идутъ въ работу за такую ничтожную сумму. Шведскіе и Датскіе моржебойцы и тюленебойцы также ежегодно бываютъ на Шпицбергенѣ, но къ зимѣ они возвращаются домой, потому что могутъ ранѣе отплывать на сѣверъ и позднѣе возвращаться, чѣмъ Русскіе, приходящіе изъ Бѣлаго моря.

Корабли выходятъ изъ Гаммерфеста въ маѣ и возвращаются только въ сентябрѣ, при каждомъ кораблѣ находятся двѣ лодки на 10 или 12 человѣкъ, которые, взявъ съѣстные припасы, идутъ на берегъ, чтобы тамъ заниматься охотой, а въ это время корабль съ поваромъ и съ капитаномъ стоитъ въ виду берега на якорѣ. Лишь только поднимается туманъ или начинается буря, лодки идутъ подъ защиту корабля. Мармье говоритъ, что прежде наемщикъ, снарядившій экспедицію, получалъ $^2/_3$ лова, а остающаяся треть дѣлилась между капитаномъ и матросами. Но такъ какъ доходъ былъ обыкновенно очень малъ, то впослѣдствіи экипажу стали выдавать постоянное жалованье 20, 25 или 30 франковъ въ мѣсяцъ. Число кораблей, снаряжающихся для этой ловли, кажется, уменьшается съ каждымъ годомъ. Въ 1830 году у Шпицбергенскихъ береговъ стояли корабли изъ Вардое, Дрондгейма, Гаммерфеста, Бергена, Копенгагена и Фленсбурга; а въ 1839 г. въ тамошнихъ водахъ появилось только 4 маленькихъ корабля изъ Гаммерфеста, 2 изъ Борнгольма и 4 изъ Копенгагена.

Бѣдный растеніями и животными Шпицбергенъ скрываетъ много минеральныхъ богатствъ. Каменный уголь, который можетъ легко разрабатываться, найденъ въ царской бухтѣ и открытъ превосходный мраморъ. Скорезби удивляется, что до сихъ поръ не послали туда знающихъ людей для изысканія мѣдныхъ рудниковъ. Можетъ быть мы еще доживемъ, что на нашихъ биржахъ будутъ продавать съ высокой преміей акціи Шпицбергенскихъ рудниковъ.

Почти на полпути между Гаммерфестомъ и Шпицбергеномъ лежитъ Медвѣжій островъ, открытый въ 1596 году Баренцомъ, Гимскеркомъ и Рипомъ. Этотъ островъ нѣсколько лѣтъ спустя посѣтилъ Англичанинъ Стефанъ Беннеттъ, посланный къ сѣверу Лондонскимъ альдерменомъ Францискомъ Шери; Беннеттъ назвалъ островъ именемъ своего патрона, и, видѣвъ тамъ большое количество моржей, въ слѣдующемъ 1604 г. прибылъ къ этимъ берегамъ, чтобы вести добычливую войну съ морскими чудовищами на кораблѣ, снаряженнымъ имъ вмѣстѣ съ купцомъ Вельденомъ. Первыя попытки Беннетта были не слишкомъ успѣшны. Изъ стаи моржей по крайней мѣрѣ въ тысячу особей удалось убить только 15, въ другой разъ изъ такой же стаи убито 50. Брали съ собой только бивни, которые съ бивнями, найденными на берегу, составили главный доходъ экспедиціи. Сначала стрѣляли моржей изъ ружей, но такъ какъ пули мало причиняли вреда этимъ толстокожимъ животнымъ, то стали стрѣлять дробью въ глаза, и ослѣпленныхъ моржей добивали топорами.

Черезъ годъ Вельденъ самъ повелъ экспедицію, и такъ какъ научились лучше бить звѣрей, то на этотъ разъ убито большое количество моржей, но не на землѣ, а на льду. Также привезли съ собой котлы и дрова, чтобы вываривать на мѣстѣ жиръ и такимъ образомъ добыто было большое количество ворвани.

Въ 1606 г. Беннеттъ снова является на Медвѣжьемъ острову и сдѣлался такимъ искуснымъ моржебойцемъ, что менѣе чѣмъ въ 6 часовъ, набилъ 7—800 моржей, которые дали 22 тонны ворвани и 3 большихъ бочки бивней. Въ слѣдующую поѣздку Вельденъ въ 7 часовъ убилъ не менѣе тысячи моржей.

Такъ пустынный Медвѣжій островъ обогатилъ предпріимчиваго купца, и хотя моржи теперь не такъ многочисленны какъ прежде, но все же они заманиваютъ сюда многихъ промышленниковъ. Норвежцы ежегодно являются у закованныхъ еще льдомъ береговъ для боя моржей и тюленей, а Русскіе часто зимуютъ здѣсь. Одинъ человѣколюбивый купецъ изъ Гаммерфеста нѣсколько лѣтъ тому назадъ, построилъ на сѣверной оконечности острова хижину, чтобы моряки, задержанные бурями или льдами, могли здѣсь провести зиму. На западномъ берегу находится такая же хижина построенная Русскими. Другихъ зданій и памятниковъ нѣтъ на островѣ. Въ одномъ изъ этихъ жилищъ, по свидѣтельству Мармье, одинъ Русскій провелъ

7 зимъ, а одинъ Норвежскій капитанъ прожилъ здѣсь 2 года сряду. Въ первый годъ онъ убилъ 677 моржей, 30 песцовъ и 3 бѣлыхъ медвѣдей; вторая зима была слишкомъ бурна и холодна, такъ что охота была скудна. Голодные бѣлые медвѣди взлѣзали даже на крышу хижины, и здѣсь встрѣчали смерть. Мармье оставилъ намъ увлекательное описаніе своего краткаго посѣщенія Медвѣжьяго острова.

«Мы сѣли на двѣ лодки и должны были долго плыть на веслахъ вдоль берега, пока не нашли годное для высадки мѣсто. Повсюду видѣли мы утесы, о которые море билось бѣлой пѣной, и скалы, на причудливыя формы которыхъ мы не уставали смотрѣть: обелиски, развалины средне-вѣковыхъ замковъ, страшные идолы выставлялись изъ-за прибоя. Но удивительнѣе всѣхъ была скала, поднимавшаяся передъ нами, она имѣла видъ большей четырехугольной башни и казалась веркомъ могущественной крѣпости. Здѣсь все было: и выходящій уголъ, какъ уголъ бастіона, и зубчатый брустверъ и плоская терраса. Повсюду волны подмыли широкое подножіе больверка и съ шумомъ скрывались въ темнотѣ. По всѣмъ выдающимся мѣстамъ было разсѣяно безчисленное множество бѣлыхъ точекъ, которыя при ружейномъ выстрѣлѣ съ рѣзкимъ и меланхолическимъ крикомъ поднялись на воздухъ.

«Нѣсколько дальше мы увидѣли высокую, совершенно обнаженную гору, вершина которой была закрыта широкой туманной полосой: вѣроятно это былъ 1100 футовой Элендсбергъ старика Баренца. Я направился съ Гемаромъ къ сѣверу. Массы снѣга все еще покрывали большую часть сѣрой равнины: мѣстами вода образовала темныя лужи, неоживленныя никакою жизнію. Изъ печальной почвы не поднималось ни кустарника, ни растенія, за рѣдкимъ исключеніемъ тощаго лютика, клонящаго къ землѣ свой золотистый цвѣтокъ, или пятна исландскаго мха, или наконецъ стебля ложечной травы. На горизонтѣ стлалось сѣрое море, и только по временамъ удавалось солнцу матовому и блѣдному, какъ дискъ луны, проникнуть черезъ густой туманъ.

«Эта безжизненная, покрытая снѣгомъ и освѣщенная слабымъ свѣтомъ солнца, земля казалась намъ огромной гробницей, одѣтой траурнымъ покровомъ и освѣщенной слабой надгробной лампадой. Никогда сѣверная земля намъ не показалась грустнѣе этой. Никогда необитаемый островъ, никогда картина кораблекрушенія не рисовались въ моей душѣ такими грустными красками. Съ какимъ то стра-

хомъ мы обернулись въ сторону, гдѣ стоялъ нашъ корабль, и радостно вздохнули, когда увидѣли мачты прекраснаго судна, высоко подымающіяся изъ бухты. Тамъ наше убѣжище, тамъ мостъ, соединяющій насъ съ далекой отчизной. Туманъ густѣлъ, три пушечныхъ выстрѣла прокатились надъ моремъ и пробудили береговое эхо. Съ бьющимся сердцемъ мы поспѣшили къ лодкамъ. Едва возвратились мы на корабль, какъ туманъ скрылъ весь островъ изъ нашихъ глазъ. Какъ будто все это мы видѣли во снѣ или посѣтили берегъ, который силою волшебства вдругъ опять скрылся въ морской пучинѣ».

По прямой линіи между Шпицбергеномъ и Исландіей лежитъ Янъ-Майенъ, такой же безжизненный и пустынный островъ какъ и Медвѣжій. Почти вѣчно окруженный пловучими льдами и одѣтый туманомъ, онъ вовсе не имѣлъ бы значенія для человѣка, если бы многочисленныя стада тюленей и моржей, посѣщающія эти грустные берега, не привлекали алчности сѣверныхъ промышленниковъ. Только бѣлые мѣдвѣди и дикія морскія птицы живутъ на Янъ Майенѣ. Однажды Голландцы попытались перезимовать здѣсь, но всѣ погибли отъ цинги.

Янъ-Майенъ замѣчателенъ вулканомъ Эскъ и высокой въ 6870 футовъ Медвѣжьей горой. Ледники, спускающіеся съ этого колосса къ морю, походятъ на громадные окаменѣвшіе водопады, ибо они волнообразно одѣваютъ скалы, на которыхъ покоятся. Ихъ свѣтлозеленый съ бѣлымъ перемѣшанный цвѣтъ рѣзко противуположенъ чернымъ каменнымъ массамъ, мѣстами прободающимъ толстую ледяную кору. Рѣдко золотитъ ихъ солнечный лучъ, еще рѣже дивится имъ человѣкъ.

ГЛАВА IV.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Карское море. — Климатическое различіе восточнаго и западнаго береговъ Новой Земли. — Путешествія Пактусова вдоль восточнаго берега. — Умершіе отъ голода Самоѣды. — Научное путешествіе Бера на Новую Землю. — Ктенофоры Карскаго моря. — Приключенія въ Маточкиномъ шару. — Буря въ Костиномъ шару. — Морское купаніе и крестъ. — Счастливое возвращеніе. — Ботаническія свѣдѣнія. — Естественный садъ на Новой Землѣ. — Чувство одиночества. — Тишина. — Птичій базаръ. — Русскіе на Новой Землѣ еще до Баренца. — Ежегодныя русскія экспедиціи на Новую землю — Охоты на гусей на Колгуевѣ.

Карское море, ограниченное съ запада Новой Землей, а съ востока Таймурской страной, составляетъ одну изъ самыхъ непріютныхъ частей безпривѣтнаго Полярнаго моря. Весь ледъ, который въ теченіи лѣта несется вдоль Сибирскаго берега восточно-западнымъ теченіемъ, собирается именно въ Карскомъ морѣ, и почти всегда замыкаетъ между Новой Землей и островомъ Вайгачемъ лежащія Карскія ворота для всякаго моряка, который захотѣлъ бы съ запада проникнуть сюда.

Къ тому же огромныя рѣки Енисей и Обь, закованныя до іюня льдами, также впадаютъ въ Карское море, и лѣтомъ наполняютъ его безчисленными льдами. Поэтому неудивительно, что эти, охраняемыя льдами, воды, только чрезвычайно рѣдко открываются для мореходовъ, и окованный вѣчнымъ льдомъ восточный берегъ Новой Земли до 1833 г. почти вовсе не былъ извѣстенъ, тогда какъ главныя очертанія западнаго берега давно уже были нанесены на карту. Потому что западные берега пользуются тѣмъ преимуществомъ, что по крайней мѣрѣ лѣтомъ на широкомъ, совершенно свободномъ отъ льда морѣ, дуютъ теплые западные и юго-западные вѣтры и даже гольфстримъ, проходя какъ въ ворота между Исландіею и Шотландіею, несетъ часть своихъ водъ къ сѣверу и еще приноситъ сюда слабые слѣды своей благотворной теплоты.

Преданіе говоритъ впрочемъ, что одинъ человѣкъ, именно моржовый промышленникъ Ложкинъ, еще въ прошломъ столѣтіи обогнулъ

весь восточный берегъ, и для того чтобъ проникнуть въ Карское морѣ перезимовалъ на Новой Землѣ два раза. Позднѣе удалось Розмыслову, проникнувъ черезъ Маточкинъ шаръ съ запада, нанести на карту маленькую часть этихъ неизвѣстныхъ береговъ.

Съ 1819 по 1824 русское правительство посылало не менѣе 5 различныхъ экспедицій въ Карское море. Знаменитый кругосвѣтный путешественникъ Литке раза 4 пытался пробраться вдоль восточнаго берега Новой Земли, но напрасно; всѣ усилія обращались въ ничто передъ бурями и ходомъ льда, и казалось, что эти страны вѣчной зимы на всегда должны оставаться неизвѣстными для человѣка. Однакоже, не смотря на неудачу предшествовавшихъ попытокъ, 2 предпріимчивыхъ человѣка, оберфорштмейстеръ Клоковъ и богатый Архангельскій купецъ Брантъ, рѣшились употребить часть своего состоянія, чтобы еще разъ попытаться разъяснить тайны Карскаго моря, и съ этою цѣлью въ 1832 г. снарядили 3 корабля.

Первое судно, подъ начальствомъ лейтенанта Кротова, должно было проникнуть черезъ Маточкинъ шаръ, и, перерѣзавъ поперекъ Карское море, дойдти до устьевъ Оби и Енисея. Надѣялись, что Кротову удасться открыть снова старый торговый путь, по которому болѣе чѣмъ столѣтіе назадъ корабли нерѣдко доходили до Обдорска, но съ того времени, какъ Кротовъ и его товарищи отдѣлились отъ другихъ судовъ, о нихъ уже никогда не было никакого слуха.

Второй корабль, который долженъ былъ подняться вдоль западнаго берега, и по возможности обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли, счастливѣе окончилъ свое плаваніе. Хотя этому судну не удалось достигнуть сѣверо-восточной оконечности Новой Земли, все таки онъ возвратился назадъ съ богатымъ грузомъ моржевыхъ бивней.

Третій корабль, подъ начальствомъ Пактусова, долженъ былъ проникнуть черезъ Карскія ворота и отсюда подняться вдоль восточнаго берега. Мы намѣрены слѣдить за этимъ храбрымъ морякомъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ его путешествіяхъ, частію оттого, что они не имѣютъ такой извѣстности, какой бы заслуживали, а частію и для того, чтобы дать понятіе о страшныхъ трудностяхъ, которыя мѣшали открытію пустынныхъ береговъ Новой Земли.

Пактусовъ, слѣдуя своей инструкціи, достигъ Карскихъ воротъ, но далѣе уже не могъ пройдти. Напрасно нѣсколько разъ направлялся онъ къ востоку, всякій разъ бури и громадныя мас-

сы пловучихъ льдовъ отбрасывали его назадъ. Короткое лѣто приближалось къ концу и Пактусовъ, отложивъ до слѣдующаго года свои надежды, рѣшился перезимовать въ скалистой бухтѣ Карскихъ воротъ. Здѣсь изъ пловучаго лѣса была построена хижина, которая парусинною галлереею соединялась съ баней, этой необходимой потребностію Русскихъ. Здѣсь нужно было защищаться отъ нападенія бѣлыхъ медвѣдей и выдержать нѣсколько страшныхъ метелей. Въ хорошую погоду экипажъ занимался разстановкою капкановъ, въ которые попадались песцы, и собираніемъ пловучаго лѣса, который иногда приходилось переносить верстъ изъ-за 10. Въ хижинѣ кажется не страдали отъ холода, потому что изо мха, которымъ прокопопачены были бревна, выросли былинки дюймовъ въ 8 длиной — это едва ли не единственное тепличное растеніе, выгнанное на Новой Землѣ.

Въ апрѣлѣ Пактусовъ предпринялъ большую экскурсію вдоль берега на западъ. 24-го эту экспедицію застала такая страшная метель, что люди должны были лечь ничкомъ на землю, чтобы страшный вихорь не сбросилъ ихъ. Такимъ образомъ оставались подъ снѣгомъ въ теченіи 3 дней безъ пищи, потому что не могли достать съѣстныхъ припасовъ, зарытыхъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда. Въ подобную же метель еще Розмысловъ, прежде упомянутый путешественникъ на Новую Землю, потерялъ одного изъ своихъ спутниковъ. 24 іюня наконецъ расчистились Карскія ворота, и Пактусовъ охотно бы пустился въ открытое море, если бы все еще замерзшій корабль могъ двинуться съ мѣста. Поэтому Пактусовъ рѣшился, чтобы не потерять времени, ѣхать въ лодкѣ вдоль восточнаго берега, и такимъ образомъ достигъ небольшей рѣчки Савины, гдѣ найденъ деревянный повалившійся крестъ поставленный еще въ 1742 г. Вѣроятно этотъ крестъ былъ поставленъ Ложкинымъ, предшественникомъ Пактусова на томъ же пути открытій. Послѣ этого лодка воротилась къ кораблю, который наконецъ могъ оставить бухту 11 іюня послѣ 297 дневнаго заключенія.

На островѣ Стадольскомъ, близь мыса Менщикова, путешественники нашли остатки человѣческихъ слѣдовъ. Жалкая хижина указывала на то, что они не первые вступали въ эти пустыни. Но хижина была оставлена, и только человѣческія кости, лежавшія вокругъ нея на землѣ, доказывали, что нѣкогда и здѣсь кипѣла человѣческая жизнь. При этомъ одинъ изъ спутниковъ Пактусова разска-

залъ, что въ 1822 г. одинъ Самоѣдъ, Мавей съ женою и дѣтьми отправился на Новую Землю и не возвращался назадъ. Изъ обглоданныхъ вѣроятно дикими звѣрьми костей можно было сложить два дѣтскихъ и одинъ женскій скелеты; а мущины не осталось и слѣдовъ.

Вѣроятно несчастнаго во время экскурсіи застала метель и похоронила подъ бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ, или же голодный бѣлый медвѣдь растерзалъ его. А жена и дѣти, которыхъ судьба лишила кормильца, умерли съ голоду въ своей хижинѣ.

19 іюля дошли до рѣки Ставины, а 21 до Литкенской бухты, гдѣ видѣли много бѣлухъ и тюленей, какого-то неописаннаго систематиками вида. Здѣсь противные вѣтры задержали моряковъ, которые прожили на этомъ мѣстѣ 18 дней.

13 августа Пактусовъ вошелъ въ Маточкинъ шаръ и достигъ 19 августа западнаго устья этого пролива.

Такимъ образомъ Пактусову удалось по крайней мѣрѣ обойдти южный островъ Новой-Земли, чего доселѣ еще никто не дѣлалъ. Но такъ какъ запасы истощились, то нельзя было и думать о второй зимовкѣ въ этой ледяной пустынѣ, и Пактусовъ рѣшился возвратиться на родину. Противные вѣтры занесли его 25 августа къ острову Колгуеву, а нѣсколько дней послѣ къ устью Печоры, гдѣ наконецъ 3 сентября все еще продолжавшаяся буря разбила его судно. Экипажъ укрылся въ хижинѣ, но и она была залита и наконецъ снесена бурными волнами. Двоихъ больныхъ цингою принуждены были нести на спинѣ на разстояніи двухъ верстъ по водѣ. Послѣ этого Пактусовъ отправился сухимъ путемъ съ отчетомъ о своемъ путешествіи въ Петербургъ, гдѣ его приняли съ заслуженнымъ отличіемъ По сдѣланному можно было ожидать, что Пактусову посчастливится дополнить недостающее во второй экспедиціи, и по повелѣнію императора были снаряжены шкуна «Кротовъ» и транспортное судно, съ которыми 24 іюля стараго стиля 1833 г. Пактусовъ снова оставилъ Архангельскій портъ. Предназначалось перезимовать въ Маточкиномъ шарѣ, и отсюда слѣдующимъ лѣтомъ идти далѣе къ сѣверу вдоль восточнаго берега. Зимнее жилище на западномъ концѣ пролива было построено изъ 3 старыхъ хижинъ, и сюда перешли 8 октября. Для Новой Земли это помѣщеніе имѣло большіе размѣры (25 футовъ въ длину, 21 футъ въ ширину, въ серединѣ 8 футовъ, а по бокамъ 5 футовъ въ вышину) и состояло изъ

двухъ отдѣленій одно для экипажа, другое для офицеровъ. Относительно холодовъ пребываніе въ этомъ ультрагиперборейскомъ жилищѣ было совершенно сносно, но очень безпокоилъ дымъ, который не всегда свободно шелъ въ продѣланное для него отверстіе въ крышѣ. Метели заносили хижину такимъ толстымъ покровомъ или же такъ страшно бушевали, что путешественники дней по 8 не могли выходить изъ хижины. Не разъ отверстіе въ крышѣ должно было замѣнять имъ дверь. Въ теченіи зимы около хижины было убито 11 бѣлыхъ медвѣдей: одинъ на крышѣ, а другой даже въ сѣняхъ. Пактусовъ, зная, что постоянныя занятія лучше всего отгоняютъ печальныя мысли, держалъ экипажъ въ непрерывной дѣятельности. Пловучій лѣсъ набирался за 10—11 верстъ, и когда сосѣдняя рѣчка замерзла, то были принуждены приносить воду изъ озера, отдаленнаго на $5^1/_2$ верстъ, нерѣдко при 30° морозѣ. Экипажъ одѣтый въ самоѣдскія шубы, выносилъ такіе сильные морозы весьма хорошо, тѣмъ болѣе, что холода болѣе чѣмъ въ — 25° Р. совпадали всегда съ безвѣтренною погодою.

Еще иными работами были заняты люди на чистомъ воздухѣ, — разумный начальникъ велѣлъ разставить на значительномъ разстояніи капканы для песцовъ и приказывалъ часто ихъ осматривать. Также упражнялись стрѣляніемъ въ цѣль и гимнастикой. Вслѣдствіе всего этого, страшный бичъ сѣверныхъ странъ, цынга была настолько задержана, что первые слѣды ея показались въ мартѣ, и только одинъ матросъ, отличавшійся лѣнью, погибъ отъ этой болѣзни.

Уже въ апрѣлѣ неутомимый Пактусовъ предпринялъ экспедицію для описанія части восточнаго берега, и для этой цѣли велѣлъ сдѣлать пару деревянныхъ саней. Съ одними онъ отправился самъ въ путь въ сопровожденіи 7 человѣкъ, а другія сани онъ поручилъ штурману Циволкѣ съ 5 матросами. Обои сани отправились вмѣстѣ до восточнаго входа въ Маточкинъ шаръ, гдѣ путешественники нашли еще въ хорошемъ состояніи одну изъ хижинъ, въ которой зимовалъ Розмысловъ, 70 лѣтъ передъ этимъ. Здѣсь Пактусовъ съ товарищами отпраздновалъ Святую. Отсюда Пактусовъ отправился въ обратный путь, чтобъ геодезически снять берегъ пролива. А Циволка отправился далѣе вдоль восточнаго берега, имѣя при себѣ небольшую палатку и провіантъ на мѣсяцъ. Всѣ люди были одѣты въ самоѣдское платье, но они такъ привыкли къ холоду, что даже ночью не надѣвали на себя верхняго платья съ капишономъ,

не смотря на то, что не разъ заставала ихъ метель. Однажды у нихъ такъ замерзли сапоги, что ихъ нельзя было снять, не отогрѣвъ на огнѣ, а дровъ нельзя было найдти, и принуждены были сжечь штанги палатки и надъ этимъ костромъ держать ноги пока кожа сапоговъ не сдѣлалась снова мягкою.

6 мая, на 34 день своего путешествія, Циволка наконецъ возвратился къ своему начальнику, изслѣдовавъ восточный берегъ на 150 верстъ къ сѣверу.

Между тѣмъ Пактусовъ началъ строить лодку въ 18 футовъ длиной, на этой лодкѣ должны были обойдти съ запада сѣверный и восточный берега. Къ половинѣ мая появились первыя прилетныя птицы, и пріятно измѣнили однообразную пищу моряковъ. До 30 іюня было убито 41 большая чайка, 149 чистиковъ, 30 гагъ и собрано 814 яицъ, преимущественно гагачьихъ. Передъ отъѣздомъ появились травы и цвѣты, и найдено множество противуцинготныхъ растеній, ихъ ѣли въ видѣ салата. Такъ страна крайняго сѣвера оказалась болѣе чѣмъ когда-нибудь гостепріимною. 30 іюня Пактусовъ и Циволка на транспортѣ, имѣя при себѣ лодку, отправились вдоль западнаго берега къ сѣверу, а шкуна съ врачемъ и нѣсколькими больными осталась въ проливѣ. Сначала какъ будто вѣтеръ и волны благопріятствовали морякамъ, но 9 іюня двѣ громадныхъ льдины раздробили судно, и послѣ толчка немедленно разошлись. Судно было такъ повреждено, что лишь достало времени соскочить на пловучія льдины, захвативъ съ собой морскіе инструменты, мѣшокъ муки и нѣсколько масла и двѣ маленькихъ лодки, съ помощью которыхъ и достигли твердой земли. Здѣсь пришлось путешественникамъ провести 13 дней въ самомъ безнадежномъ положеніи, пока не появилось китоловное судно, которое взяло ихъ къ себѣ и 10 августа перевезло на ихъ зимнюю стоянку.

Такимъ образомъ первая попытка совершенно неудалась, а большая потеря времени ею причиненная отнимала надежду сдѣлать что либо еще. Но ревностный Пактусовъ намѣревался все еще воспользоваться послѣдними днями короткаго лѣта и уже 14 августа онъ снова поплылъ черезъ проливъ къ востоку, но здѣсь по ту сторону его именемъ названнаго острова льды прекратили дальнѣйшее плаваніе.

Убѣжденный въ безполезности дальнѣйшей борьбы съ сѣверной природой, Пактусовъ оставилъ еще не вполнѣ описанные берега и

8 сентября отправился въ Архангельскъ, чтобы уже никогда не свидѣться съ Новой Землей. Вскорѣ послѣ своего возвращенія смѣлый морякъ занемогъ, и 4 недѣли спустя друзья снесли его въ могилу.

Арктическій океанъ такъ капризенъ, что въ слѣдующемъ году тюленебоецъ Исаковъ изъ Кеми, никогда не думавшій объ открытіяхъ, безъ всякаго труда обогнулъ свободную ото льда сѣверовосточную оконечность Новой Земли, но худая слава этихъ береговъ побудила его воротиться назадъ черезъ нѣсколько часовъ.

Во время двоекратной зимовки на Новой Землѣ штурманъ Циволка дѣлалъ термометрическія наблюденія по нѣскольку разъ въ день. По этимъ наблюденіямъ на западномъ устьѣ Маточкина шара, средняя годичная температура равняется — 8°37 Ц., а на юго-восточной оконечности Новой Земли — 9°45 Ц.

Поэтому Новая Земля, какъ замѣчаетъ академикъ Беръ (мы заимствовали большую часть свѣдѣній, содержащихся въ этой главѣ изъ издаваемыхъ этимъ ученымъ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches), гораздо холоднѣе чѣмъ средній берегъ западной Гренландіи, около новаго Гернгута; гораздо холоднѣе сѣвернаго берега Лабрадора (—3°4) и все еще примѣтно холоднѣе, чѣмъ западные и южные берега, хотя болѣе сѣвернаго, но въ болѣе благопріятномъ положеніи находящагося Шпицбергена, гдѣ средняя температура не многимъ ниже —7°.

Даже знаменитый своей страшной зимой Якутскъ (средняя годичная температура равняется — 8°7) все еще нѣсколько теплѣе Новой Земли.

Напротивъ маленькій городишко Нижній-Колымскъ (средняя температура по Эрману — 10° Ц.), получившій по путешествію Врангеля печальную извѣстность, не многимъ холоднѣе Новой Земли, а Устьянскъ на Янѣ (— 15°24) гораздо холоднѣе, а съ Устьянскомъ очевидно и весь бассейнъ Пезины и Хатанги.

Точно также часть сѣверной Америки, которую перерѣзываетъ дуга отъ Вагеровой бухты на востокѣ черезъ Невольничье озеро къ Ледяному мысу на западѣ, холоднѣе Новой Земли.

Въ этихъ обширныхъ странахъ однакоже живутъ люди, и не только туземные жители этихъ пустынь — Эскимосы и Кучинскіе Индійцы, Самоѣды и Якуты — а и Русскіе въ такъ называемыхъ городахъ и Англичане въ нѣкоторыхъ фортахъ Гудзонъ-Байской Компаніи.

Не должно приписывать низкой годичной температурѣ того, что на Новой Землѣ нѣтъ постоянныхъ жителей, и что здѣсь растительность едва поднимается отъ почвы, тогда какъ въ вышеприведенныхъ странахъ, даже лѣса идутъ далѣе къ сѣверу, но должно приписать это обстоятельство неблагопріятному распредѣленію теплоты по различнымъ временамъ года.

Всѣ обитаемыя страны самыхъ холодныхъ частей Сибири и Сѣверной Америки, хотя имѣютъ несравненно болѣе суровую зкму чѣмъ Новая-Земля, но за то и несравненно болѣе жаркое лѣто, и это-то обстоятельство обусловливаетъ количество жизни на твердой землѣ въ высшихъ широтахъ.

На зиму органическій міръ отчасти засыпаетъ подъ защитою глубокихъ снѣговъ, отчасти предпринимаетъ дальнее путешествіе, или же наконецъ въ самомъ себѣ производитъ достаточное количество внутренней теплоты, противодѣйствующей внѣшнему холоду — и по этому для нѣкоторыхъ животныхъ и растеній морозъ на нѣсколько градусовъ болѣе или менѣе ничего не значитъ. Напротивъ лѣтняя теплота необходима какъ для перваго появленія жизни, такъ и для развитія ея періодическихъ явленій.

Сравнительно умѣренная зима Новой Земли, средняя температура которой доходитъ только до —19° 66 Ц., тогда какъ въ Устьянскѣ она равняется—33° Ц., а въ Якутскѣ даже—42° 5 Ц., мало благопріятна для органической жизни; напротивъ бо̀льшій вредъ приноситъ ей холодное, туманное лѣто, почти самое суровое изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ по наблюденіямъ, потому что средняя его температура равняется только +2° 53 Ц. Даже Мельвилевы острова и Боотія, самыя холодныя Американскія полярныя страны, пользуются болѣе теплымъ лѣтомъ (+3° 14 и 3° 09), и до сихъ поръ только на двухъ маленькихъ островахъ по термометрическимъ наблюденіямъ лѣто еще холоднѣе, чѣмъ на Новой Землѣ. Это Зимній островъ, гдѣ средняя лѣтняя температура равняется +2° 03, и Иглооликъ, гдѣ также температура доходитъ только до +1° 83.

Еще доселѣ внутренность Новой Земли совершенно неизвѣстна, и никогда нога человѣка не ступала на значительномъ разстояніи отъ берега, но, насколько заходили въ глубь, извѣстно, что лѣтомъ земля освобождается отъ снѣга. Но такъ какъ изо всѣхъ довольно обширнымъ извѣстныхъ пространствъ Новая Земля имѣетъ самое

холодное лѣто, то здѣсь и снѣжная линія должна начинаться ближе, чѣмъ гдѣ нибудь, отъ уровня моря.

Берегъ, гдѣ солнце, не смотря на день, длящійся нѣсколько мѣсяцевъ, развиваетъ такъ мало теплоты, и гдѣ все таки произростаютъ растенія, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе ботаниковъ и всѣхъ интересующихся географическимъ распредѣленіемъ растеній. Въ самомъ дѣлѣ если интересно въ Бразильскихъ первобытныхъ лѣсахъ познакомиться съ роскошною растительностію, обусловливаемою тропическимъ солнцемъ и необыкновенною влажностію почвы, то не менѣе любопытно для любителя естественныхъ наукъ, какъ флора, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, выдерживаетъ борьбу со смертію.

Нѣсколько лѣтъ послѣ славныхъ путешествій Пактусова потребовалось изслѣдовать Новую Землю въ ботаническомъ отношеніи. Академикъ Беръ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ естествоиспытателей Лемана и Редера предпринялъ такую научную экспедицію и помѣстилъ увлекательный и поучительный отчетъ объ ней въ Bulletins Императорской С.Петербургской Академіи. Если подумать о трудностяхъ и опасностяхъ такого путешествія, то нельзя не подивиться ученому, который уже въ старости, пользуясь вполнѣ заслуженной славой, оставляетъ всѣ удобства жизни, чтобы въ такой пустынѣ еще собрать плоды для науки.

Беръ и его спутники 17 іюля стараго стиля 1837 г. счастливо достигли Маточкина шара и въ концѣ того же мѣсяца на лодкѣ проникли въ шаръ и достигли Карскаго моря, гдѣ увидѣли громадное количество ктенофоръ (Beroë cucumis), которыя, кажется, жили совершенно привольно въ этихъ холодныхъ водахъ, и блистали роскошными цвѣтами, которыхъ нельзя изобразить ни кистью, ни перомъ. Положеніе ботаниковъ было не такъ хорошо, когда западный штурмъ воспрепятствовалъ возвращенію ихъ на лодкѣ, и они должны были провести ночь у промышленниковъ или моржебойцевъ. На другой день по счастію буря затихла, такъ что можно было попытаться вернуться назадъ, но они должны были пристать, дрожа и промокши до костей, къ одному изъ острововъ Бѣлужьей бухты и здѣсь воспользоваться почтеннымъ остаткомъ хижины, въ которой перезимовалъ Розмысловъ въ 1767 г., здѣсь они обогрѣлись, обсушились и приготовили себѣ теплую пищу. Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился къ востоку и принесъ дождевыя тучи; но все-таки путешественники подняли па-

русъ и уже ночью, вымоченные насквозь, возвратились на свою стоянку; въ это время на горахъ шелъ снѣгъ.

«Мы должны еще считать себя счастливыми», говоритъ Беръ, «что поплатились такимъ короткимъ наказаніемъ, отъ котораго только одинъ изъ насъ заболѣлъ простудой, за то, что пренебрегли правиломъ, по которому на Новой Землѣ, если отправляешься въ путь на одинъ день, то должно брать запасовъ на недѣлю».

4 августа, послѣ того какъ подробно изслѣдовали окрестности Маточкинаго шара въ ботаническомъ отношеніи, путешественники снялись съ якоря, чтобы на западномъ берегу, смотря по обстоятельствамъ, пристать къ сѣверу или къ югу отъ пролива. Вѣтеръ рѣшилъ послѣднее и привелъ ученыхъ въ Костинъ шаръ, такъ называются проливы между многочисленными островами, къ которымъ всего чаще пристаютъ моржебойцы Новой Земли. 9 августа предпринято плаваніе вверхъ по рѣкѣ Нехватовѣ. Хижина, когда-то построенная для ловли гольцовъ (Salmo alpinus), послужила временнымъ пристанищемъ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки разразилась страшная буря отъ сѣверо-востока, которая длилась 9 сутокъ и по счастію захватила ботаниковъ въ Костиномъ шару, а не въ открытомъ морѣ. Хотя судно стояло на якорѣ въ маленькой бухтѣ, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ морскихъ волнъ, однакоже вода нерѣдко перебрасывалась черезъ палубу судна и буря продержала путешественниковъ 9 сутокъ въ маленькой каютѣ. Еще разъ попытались они выдти на берегъ, но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ, а о научныхъ наблюденіяхъ нечего было и думать. Положеніе ученыхъ было тѣмъ опаснѣе, что экипажъ, посланный еще до бури на охоту за звѣрями, не возвращался и можно было опасаться, не сдѣлался ли онъ жертвою бушующихъ стихій.

По окончаніи бури казалось, что зима хотѣла стать. Каждую ночь рѣка покрывалась льдомъ, а земля снѣгомъ, покрывшимъ въ полномъ цвѣтѣ и такъ скудную растительность. Наконецъ послѣ страшныхъ страданій возвратился, уже считавшійся въ мертвыхъ, экипажъ, и стали готовиться къ рѣшительному отъѣзду. Всѣ вымылись въ банѣ, безъ чего никто не оставляетъ стоянки на Новой Землѣ, и по старому обычаю поставили на берегу крестъ въ память экспедиціи.

28 августа снялись съ якоря; но скоро опять вошли въ шаръ, чтобы пристать на сосѣдній островъ для изслѣдованія растеній и животныхъ земли и прибрежья. Земля дала очень мало, за то удивительно изобиліе продуктовъ моря.

Здѣсь густой туманъ задержалъ путешественниковъ на нѣсколько дней, т. е. гораздо долѣе, чѣмъ они желали, послѣ чего они направились обратно къ Бѣлому морю, но сѣверо-западные вѣтры загнали ихъ къ Тремъ-островамъ. Безжизненною и пустынною казалась имъ прежде тундра этихъ крайнихъ оконечностей Лапландіи, но теперь они нашли восхитительными зеленые склоны, отъ зрѣлища которыхъ они отвыкли на Новой Землѣ. 11 сентября наконецъ они достили Архангельска, радуясь пріятной перспективѣ провести зиму въ своихъ теплыхъ петербургскихъ жилищахъ, а не выдержать зимовку, какъ легко могло случиться, по ту сторону 70° с. ш. въ хижинѣ à la Розмысловъ.

Мы сообщимъ теперь нѣкоторые любопытные научные результаты ихъ путешествія.

Скалистый западный берегъ Новой Земли представляетъ почти такой же видъ, какъ и соотвѣтствующая сторона Шпицбергена, и здѣсь поднимаются высокія горы, особенно на сѣверномъ островѣ, до высоты 3—4 тысячъ футовъ. Напротивъ, восточный берегъ вообще плосокъ, здѣсь какъ тамъ склоны покрыты острыми, съ вершинъ скалъ сброшенными каменными глыбами, которыя нерѣдко возбраняютъ дальнѣйшему восхожденію. Вообще камни здѣсь не выдерживаютъ погоды: естественное слѣдствіе сырого лѣта и суровой зимы. Нигдѣ на Новой Землѣ нѣтъ сплошнаго, травою покрытаго пространства, которое можно было бы назвать лугомъ, даже нѣтъ мѣста сплошь покрытаго мохомъ. Даже листовидные лишаи, столь роскошные въ Лапландіи, прозябаютъ здѣсь скудно, что какъ замѣчаетъ Беръ, зависитъ болѣе отъ почвы, чѣмъ отъ климата, потому что эти растенія любятъ преимущественно известковую почву. Только коровидные лишаи покрываютъ своею пестрою одеждою каждую авгитовую или порфировую глыбу. Одно, что напоминаетъ Лапландскія тундры, это желтоватый дернъ, на которомъ ростетъ мѣстами Dryas octopetala, покрывающій сухіе горные склоны, образованные каменною розсыпью. Впрочемъ эта растительная одежда, которая образуется единственнымъ на Новой Землѣ обществомъ живущимъ

растеніемъ, имѣетъ только одинъ дюймъ толщины и снимается какъ парикъ съ лежащей подъ ней скалы.

Грустное украшеніе Лапландскихъ высотъ, Empetrum nigrum, Arbutus alpinus и болѣе красивыя Azalea procumbens и Betula nana здѣсь совершенно не существуютъ, точно также Ledum palustre, и Rubus chamaemorus, столь распространенныя вообще въ арктическихъ странахъ, вовсе здѣсь не видны, ибо почва никогда не образуетъ торфа.

Болѣе вывѣтренныя горныя породы покрыты нѣсколько болѣе роскошною растительностію, въ особенности растеніями, образующими дернъ, какъ Silene acaulis и Saxifraga oppositifolia.

На глиняной почвѣ въ глубокихъ мѣстахъ произрастаетъ мохъ, который служитъ убѣжищемъ для полярнаго тальника (Salix polaris), самый обыкновенный видъ изъ тамошнихъ кустарныхъ растеній, но и самый низкорослый, потому что на каждой вѣткѣ поднимаются только два листочка и сережка изъ-подъ моховаго покрова.

Даже растительный слой почвы съ трудомъ образуется на Новой Землѣ, потому что большое количество тамошнихъ растеній сохнетъ на мѣстѣ и потомъ уносится, вовсе не удобряя почвы. Земля казалась еще обнаженнѣе, если бы многія растенія, которыя вовсе не нуждаются въ растительномъ слоѣ, не прозябали въ трещинахъ скалъ, или на кремнистыхъ розсыпяхъ, гдѣ въ промежуткахъ собирается нѣсколько влажности, какъ напр. снѣжный лютикъ (Ranunculus nivalis), которому нужна лишь снѣговая вода, и уже цвѣтетъ когда почва еще не согрѣлась до 1°.

Но и на Новой Землѣ есть мѣста, гдѣ флора какъ бы расточаетъ всѣ свои богатства. Такой садъ нашелъ Беръ въ этой странѣ у подножія высокой, къ югу-западу обращенной и солнечными лучами освѣщаемой сланцевой горы. Съ удивленіемъ и восхищеніемъ онъ увидѣлъ пеструю смѣсь пурпуровыхъ силенъ, золотистыхъ лютиковъ, бѣлыхъ церастей, голубыхъ палемонъ, и въ особенности обрадовался, замѣтивъ въ такомъ обществѣ знакомую незабудку, которая по недостатку зелени казалась еще красивѣе.

Между отдѣльными цвѣтками повсюду видна земля. Двусѣмядольныя растенія на крайнемъ сѣверѣ производятъ зелени по стольку, по скольку нужно ея для того, чтобы усилить впечатлѣніе отъ смѣси цвѣтовъ, и смотря сверху больше видишь цвѣтковъ, чѣмъ листвы.

Еще болѣе похожимъ на садъ казалось это мѣсто отъ отсутствія сорныхъ травъ. Болѣе 30 различныхъ видовъ украшали пестрый коверъ, но такъ какъ каждое растеніе мало оказывало способности завладѣвать пространствомъ посредствомъ своего потомства, то эти растенія живутъ въ совершенномъ согласіи между собой. Большинство сѣмянъ этихъ растеній заносится сюда изъ отдаленныхъ мѣстностей льдомъ, потому что немногіе изъ нихъ производятъ зрѣлыя сѣмена. Пестрая смѣсь растеній зависитъ отъ случайностей ежегоднаго занесенія сюда сѣмянъ, которымъ ввѣрено ихъ размноженіе.

Наконецъ, здѣсь есть мѣста, гдѣ, вслѣдствіе особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, почва дѣйствительно одѣта довольно толстымъ растительнымъ покровомъ. Но эти мѣста всегда занимаютъ весьма ограниченное пространство, и постоянно отличаются разнообразіемъ растеній.

На Новой Землѣ вся растительность ограничивается высшимъ слоемъ почвы, и самымъ низшимъ слоемъ воздуха. Даже растенія, имѣющія въ болѣе теплыхъ климатахъ нисходящій корень, въ этихъ широтахъ имѣютъ корень только горизонтальный, и нѣтъ ни одного растенія, даже злаковъ и кустарниковъ, которыя были бы выше одного фута.

У полярнаго тальника на тонкомъ въ соломенку стеблѣ сидитъ только парочка листьевъ, хотя все растеніе довольно велико и весьма развѣтвлено.

Другой видъ вербы, который изъ деревьевъ Новой Земли можетъ назваться исполинскимъ, Salix lanata, поднимается надъ почвою до рѣдкой высоты одного фута, а толстый подземный стволъ, имѣющій до 2 дюймовъ въ поперечникѣ, можно отрыть на 10 — 12 футовъ и все еще не дойдти до конца. Слѣдовательно здѣсь лѣса ростутъ болѣе въ землѣ, чѣмъ надъ нею.

Причина такого горизонтальнаго распространенія растительности состоитъ въ томъ, что солнце преимущественно нагрѣваетъ поверхность почвы, и непосредственно надъ нею лежащій слой воздуха, и слѣдовательно позволяетъ растеніямъ развиваться только въ этихъ узкихъ границахъ По той же причинѣ вліяніе наклона равнины такъ велико на растительность, что поверхность равнины или отлогій склонъ горы, если не покрыты снѣгомъ или каменистою розсыпью, нерѣдко походятъ на садъ.

Недостатокъ деревьевъ и кустарниковъ и даже высокой травы

вызываетъ особенное чувство одиночества, которое овладѣваетъ даже самымъ грубымъ матросомъ, и какъ-то торжественно настраиваетъ. «Какъ будто», говоритъ Беръ, «наступило лишь утро творенія, а жизнь послѣдуетъ уже за тѣмъ». Только шорохъ какого-нибудь звѣря прерываетъ всеобщую тишину. Ландшафтъ оживляется лишь крикомъ въ воздухѣ кружащейся чайки, или шорохомъ робкой медвѣдки. При тихой погодѣ, не существуетъ звуковъ, не слышно и безъ того скудныхъ наземныхъ птицъ, не слышно еще болѣе скудныхъ насѣкомыхъ. Спокойствіе природы, особенно въ ясный день, напоминаетъ тишину могилы, и какъ привидѣнія являются выскакивающія изъ земли, бѣгущія по прямой линіи и также быстро скрывающіяся медвѣдки.

У насъ и легкое движеніе воздуха замѣтно по движущимся вершинамъ деревьевъ или на волнующихся хлѣбныхъ поляхъ, а здѣсь низкія растенія какъ будто нарисованы, такъ они неподвижны. Изрѣдка являющійся шмель, лѣниво летающій въ солнечные дни на согрѣтыхъ мѣстностяхъ, едва жужжитъ, какъ у насъ въ дождливое время.

Чаще видишь мухъ и комаровъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, и они такъ незлобивы и вялы, что ихъ надо отыскивать. Въ доказательство рѣдкости насѣкомыхъ на Новой Землѣ, Беръ приводитъ, что не нашелъ даже слѣдовъ личинокъ на трупѣ моржа, который 14 дней лежалъ на берегу. На крайнемъ сѣверѣ трупы гніютъ чрезвычайно медленно даже на поверхности земли.

Какъ ни скудна растительность Новой Земли, но она питаетъ большое количество медвѣдокъ, которыя кормятся злаками, стволами кустарниковъ и цвѣтками, но не ѣдятъ корней. Отлогіе склоны горъ часто изрыты во всѣхъ направленіяхъ подземными ходами этихъ животныхъ.

По многочисленности за медвѣдками стоятъ на Новой Землѣ песцы, которые находятъ себѣ обильную пищу въ медвѣдкахъ, молодыхъ птицахъ и въ томъ, что выбрасывается моремъ. Лѣтомъ почти вовсе не видать бѣлыхъ медвѣдей; сѣверные олени, по крайней мѣрѣ на западномъ берегу, также стали рѣдки, какъ кажется, отъ многочисленныхъ перезимовокъ въ послѣдніе года.

Стада морскихъ птицъ, живущихъ на отдѣльныхъ пунктахъ берега, доказываютъ, что море даетъ больше, чѣмъ земля. Особенно часто встрѣчается Uria troile, которыя тѣсно сидятъ въ нѣсколько

рядовъ другъ надъ другомъ, по едва замѣтнымъ выступамъ вертикальныхъ скалъ, и покрываютъ темные камни бѣлыми полосами и пятнами. Русскіе называютъ такое гнѣздовье базаромъ. На вершинахъ отдѣльныхъ утесовъ гнѣздится, не терпящая сосѣдства другихъ птицъ, большая сѣрая чайка (Larus glaucus), которую Голландскіе китоловы изъ уваженія или презрѣнія назвали бургомистромъ. Если бѣлый медвѣдь считаетъ себя царемъ на землѣ, то эта чайка можетъ считаться владыкою морской птицы, и не осмѣлится другая оспаривать у нея лакомаго куска.

Не однихъ морскихъ птицъ питаетъ обиліе моря: оно уже нѣсколько столѣтій привлекаетъ человѣка къ пустыннымъ берегамъ Новой Земли. Задолго до путешествія Баренца и его знаменитой зимовки (1594—1596), страна была извѣстна Русскимъ, и они промышляли здѣсь, ибо Голландцы встрѣтили у береговъ много русскихъ судовъ. Бурругъ, заѣзжавшій въ 1556 г. въ Колу отыскивать несчастнаго Виллугби, и послѣ доходившій до Печоры, видѣлъ въ Кольской губѣ не менѣе 30 ладей, предназначенныхъ для моржеваго промысла на Новой Землѣ.

Неизвѣстно посѣщали ли до Русскихъ эту полярную страну предпріимчивые Норманны; мы знаемъ только, что съ тѣхъ поръ какъ Голландцы познакомили образованную Европу съ Новой Землей, ея бурега постоянно посѣщаются русскими промышленниками. Какъ всѣ спекуляціи, основанныя на охотѣ, и эти промыслы имѣютъ характеръ азартной игры. Если море необычно свободно ото льда, то убытки очень велики, за то иногда одинъ день вознаграждаетъ за цѣлые мѣсяцы. Въ 1834 г. промыслы были чрезвычайно удачны, вслѣдствіе чего въ 1835 г. къ Новой Землѣ отправилось около 80 судовъ, на которыхъ было по крайней мѣрѣ тысячу человѣкъ. Но на этотъ разъ счастіе имъ не слишкомъ благопріятствовало, и на слѣдующій годъ число судовъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Въ 1837 г. число ихъ сократилось до 20, и Беръ говоритъ, что только одно судно, вошедшее въ Карское море, получило значительный барышъ, одно или два съ трудомъ покрыли издержки на снаряженіе, а большая часть едва покрыла половину расходовъ.

Самый важный звѣрь для промысла есть моржъ, потомъ бѣлуха (Delphinus leucas). Изъ тюленей морской заяцъ (Phoca albigena Pallasii) отличается толстой шкурой, обильнымъ жиромъ и величиной,

за нимъ слѣдуютъ Phoca groenlandica и Phoca hispida. Гренландскій китъ никогда не заходитъ къ берегамъ Новой Земли, поэтому можно полагать, что Норманны, въ IX столѣтіи, вблизи Нордъ-Капа преслѣдовали спинопераго кита съ очень короткими усами, который особенно часто появляется у сѣверныхъ береговъ Лапландіи. Страшная косатка (Delphinus Orca) живетъ въ этихъ моряхъ. Другой важный продуктъ водъ Новой Земли есть горный лосось (Salmo alpinus), который осенью поднимается въ горныя озера, и въ иные года ловится и увозится на материкъ въ огромномъ количествѣ. Наконецъ, казарка (Anser segetum), по крайней мѣрѣ на южномъ островѣ, встрѣчается такъ часто, что сборъ выпавшихъ крыловыхъ перьевъ, составляетъ предметъ охотничьей добычи.

Несравненно въ большемъ числѣ, чѣмъ на Новой Землѣ, гдѣ растительность слишкомъ скудна, собираются растеніями питающіяся водяныя птицы на островѣ Колгуевѣ, который какъ будто покрытъ гусями и лебедями. Архангельскій купецъ разсказывалъ Беру, что однажды въ двѣ охоты тамъ убили 15,000 гусей.

Русскіе промышленники нанимаютъ Самоѣдовъ для охоты на Колгуевѣ. Самоѣды кочуютъ съ своими подвижными юртами по всему острову, черезъ годъ обыкновенно приходятъ хозяева за ними и за убитыми тюленями, лисами, утками, лебедями и гусями. Впрочемъ нѣкоторые Самоѣды оставались лѣтъ по 10 на островѣ. Самые бѣднѣйшіе изъ этого бѣднаго народца отправляются на Колгуевъ; за минутное наслажденіе водкой, которую хитрые хозяева продаютъ имъ въ 30 разъ дороже чѣмъ она стоитъ, и которою самоѣды напиваются до безчувствія, они всегда готовы жертвовать своею будущностію. И нѣтъ возможности имъ избавиться отъ узъ рабства, въ которое они продались.

ГЛАВА V.

ЛАПЛАНДЦЫ.

Тромздаль. — Стадо сѣверныхъ оленей и ихъ пастухи. — Лапландское лѣтнее жилище. — Колыбель. — Конгрессъ кардиковъ. — Доеніе сѣверныхъ оленей. — Гамме. — Малочисленность Лапландцевъ. — Ихъ постепенное вымираніе. — Ихъ исторія и обращеніе въ христіанство. — Духовенство въ Лапландіи. — Суевѣріе Лапландцевъ. — Горные, лѣсные Лапландцы и рыбаки. — Путешествіе на лыжахъ и саняхъ. — Охота на медвѣдей. — Образъ жизни лапландцевъ-рыбаковъ на Энарскомъ озерѣ.

Бѣдный Лапландецъ! какъ рѣдко слышишь доброе слово о тебѣ, несчастномъ сынѣ крайняго сѣвера! При одномъ твоемъ имени въ душѣ тотчасъ же слагается понятіе о физическомъ недоразвитіи, нечистотѣ и невѣжествѣ, и не думаемъ мы о скромныхъ добродѣтеляхъ, которыми ты обладаешь, или о тѣхъ невзгодахъ, которыя ты испыталъ.

Гордый Скандинавъ, которому ты никогда не могъ противустоять, и который тебя постепенно тѣснилъ съ юга все далѣе и далѣе въ арктическую пустыню, называетъ тебя накипью человѣчества, употребляетъ твое имя какъ самую сильную брань, и, говоритъ, что ты вовсе не лучше собаки, которую съ презрѣніемъ толкаетъ ногой. Но должны ли мы сейчасъ же соглашаться съ такимъ безпощаднымъ судомъ, за которымъ можетъ быть скрывается угрызеніе совѣсти? Нѣтъ, такая несправедливость далека отъ насъ; нѣтъ, мы прежде пойдемъ въ твою суровую родину, войдемъ въ твою темную хижину, посмотримъ тебя у очага и на покрытой снѣгомъ горѣ, и постараемся познакомиться съ тобой поближе, прежде нежели произнесемъ надъ тобой судъ свой.

Мы начнемъ съ того, что послѣдуемъ за Англичаниномъ Гуртономъ (Voyage from Leith to Lapland), который во время своего пребыванія въ Тромзоѣ, посѣтилъ деревню твоихъ единоплеменниковъ и послушаемъ, что говоритъ о тебѣ этотъ достовѣрный наблюдатель. Можетъ быть мы составимъ послѣ того нѣсколько лучшее мнѣніе о тебѣ; но и во всякомъ случаѣ такая экскурсія интересна, потому что нельзя каждый день дѣлать прогулки къ Лапландцамъ въ такомъ хорошемъ обществѣ.

«Тромздаль», говоритъ Гуртонъ, «образуетъ огромную дугу между высокими рядами горъ. Дно долины, шириною отъ 700 до 2000 шаговъ, живописно покрыто кустарникомъ. Надо мной небо было также ясно и такого же голубаго цвѣта, какъ въ Италіи. Позади меня входъ въ долину казался замкнутъ высокими, снѣгомъ одѣтыми горами; впереди стлалась длинная зеленая полоса между ослѣпительно бѣлыми стѣнами, потому что на крайнихъ оконечностяхъ полоса эта ограничивалась скалами, покрытыми фантастическими ледниками. Съ сѣрыхъ утесовъ на обѣ стороны прыгали и катились безчисленные мелкіе потоки. На каждыхъ двухъ шагахъ перерѣзывали они дорогу, и стремились слиться съ Тромздаль-эльфомъ. Я уже на 4 или 5 англійскихъ миль углубился въ эту романтическую долину, какъ вдругъ легкій вѣтерокъ донесъ до моего слуха какой-то не лишенный мелодіи звукъ. Вотъ звукъ повторяется, это вѣроятно голосъ Лапландца, сзывающаго свои стада сѣверныхъ оленей. Я остановился, всмотрѣлся сквозь заслоняющіе видъ кустарники, и увидѣлъ тамъ сѣверныхъ оленей всѣхъ величинъ парами, тройками, дюжинами. Да, это были они, «природные граждане пустыни», соединившіеся для общей жизни и движенія! Посмотрите на ихъ поднимающіеся и опускающіеся рога, на блистающую отъ солнца ихъ пеструю шерсть.

«Въ одно мгновеніе я уже былъ среди ихъ, и только тутъ замѣтилъ, что Лапландскіе юноша и дѣвушка гнали сѣверныхъ оленей на ночлегъ. У юноши были ясные, веселые, каріе, нѣсколько впалые глаза. Руки его были малы. Его *поэскъ* (верхняя одежда) состоялъ изъ овчинной шубы шерстью внутрь, и спускался до колѣнъ. Сапоги имѣли обыкновенную заостренную форму, доходили на нѣсколько дюймовъ выше щиколотокъ, и были сдѣланы изъ толстой звѣриной кожи.

«На головѣ у него была круглая шерстяная шапочка съ красной кистью, и красной шерстяной полоской по краямъ. Такія шапочки очень нравятся Лапландцамъ.

«Одежда дѣвушки имѣла подобную же форму, но поэскъ былъ сдѣланъ изъ грубой цвѣтной шерстяной матеріи. Голова не была покрыта и волосы дѣвушки свободно спадали на плечи. Черты лица были мелки, но пріятны, пріятнѣе чѣмъ когда-либо я видѣлъ у Лапландокъ. Цвѣтъ лица, какъ и у всѣхъ Лапландцевъ красновато-жел-

тый. Ноги были обнажены отъ голенища до колѣна, и необыкновенно толсты и безобразны.

«И тотъ и другая при помощи 3 собакъ гнали стадо впередъ. Дѣвушка на спинѣ несла большой холстинный мѣшокъ, который она походя наполняла исландскимъ мохомъ, любимою пищею сѣверныхъ оленей. Лѣтомъ этотъ лишай коротокъ, зимой длиненъ. Подойдя къ болотистому мѣсту, я сорвалъ росшій тамъ особенно длинный и узкій злакъ, и спросилъ Лапландцевъ, не это ли растеніе кладутъ они въ сапоги вмѣсто чулокъ, что оба и подтвердили. Это была осока-рѣзунъ (Carex vesicaria), которою Лапландцы во всякое время года обвертываютъ себѣ ноги, и тѣмъ сохраняютъ ихъ отъ наминокъ и морозовъ. Мы шли впередъ, загоняя стадо, занятіе, въ которомъ я съ удовольствіемъ принялъ участіе.

«Время отъ времени Лапландцы покрикивали на сѣверныхъ оленей, чтобы подгонять ихъ, я тоже, къ очевидному удовольствію моихъ новыхъ друзей, изо всей мочи прокричалъ сильное, Британское hallo. Вся сцена была очень жива и весела. Яркое солнце, веселая зелень, новость, все соединилось, чтобъ сдѣлать эту прогулку самою пріятною, какую я когда-либо дѣлалъ.

«Меня менѣе поразилъ особый шумъ отъ копытъ сѣверныхъ оленей, чѣмъ я того ожидалъ. Сотни оленей стучали копытами, задѣвая ими другъ объ друга, и все таки я бы едва замѣтилъ этотъ стукъ, если бы не обратилъ на него особаго вниманія. Напротивъ очень поразителенъ храпъ оленей. Стадо линяло, мѣняя зимнюю шерсть, которая, вслѣдствіе этого, имѣла нѣсколько плѣшивый и обдерганный видъ. У прекраснаго передоваго оленя, вожака стада, на шеѣ висѣлъ колокольчикъ. Забывшись, можно было подумать, что находишься въ Швейцаріи.

«Наконецъ мы подошли къ лагерю Лапландцевъ, который состоялъ изъ двухъ гаммъ (лѣтняя хижина), какого-то навѣса на столбахъ и изгороди для сѣверныхъ оленей. Сюда загнали стадо и скоро цѣлое общество Лапландцевъ вышло изъ хижины, со всѣми нужными для доенья снарядами: длинныя петли изъ кожи сѣверныхъ оленей или изъ пеньковыхъ веревокъ для привязыванія животнаго и безобразныя деревянныя посудины для молока. Мое вниманіе обратилось на какой то предметъ, лежавшій на высокой травѣ около загороди — это была колыбель ребенка. Она искусно была сдѣлана изъ шкуры сѣвернаго оленя, и имѣла форму огромнаго башмака съ высокимъ

задкомъ и загнутымъ вверхъ носкомъ. Мнѣ тотчасъ же припомнились колыбели сѣверо американскихъ Индійцевъ изъ древесной коры, которыя мать точно также можетъ носить на спинѣ, вѣшать въ хижинѣ или на дерево на высотѣ, гдѣ не достать ребенка ни бродящимъ волкамъ, ни голоднымъ собакамъ.

«Отъ головной оконечности колыбели висѣлъ кусокъ грубой, красной шерстяной матеріи, которая вокругъ ребенка была такъ крѣпко запихана, что младенецъ едва не задыхался подъ ней, почти не имѣя возможности двигаться.

«Это герметическое закутываніе приносило, какъ я скоро замѣтилъ, свою пользу, ибо на ткань сѣла огромная муха, которая казалось очень охотно пососала бы крови невиннаго существа.

«Здѣсь сошлось до 40 Лапландцевъ, которые всѣ были одѣты какъ мои проводники. На женщинахъ были кожаные пояса, обсаженные свѣтлыми мѣдными бляхами, составляющими гордость прекраснаго пола. На простомъ поясѣ мущинъ висѣлъ ножъ въ ножнахъ. Это было собраніе карликовъ, всѣ мущины, казалось мнѣ, были ниже 5 футовъ, а женщины еще гораздо меньше.

«Однакоже большинство Лапландцевъ имѣетъ очень крѣпкое тѣлосложеніе, и объемъ грудной клѣтки не многимъ развѣ уступалъ всему росту. По ровной мѣстности походка ихъ была невыразимо неловка; тѣмъ не менѣе они весьма ловко управляются со всѣмъ, что нужно для ихъ простой жизни. Физіономіи ихъ вообще выражали глупость, мелкую хитрость и упрямство, которое рѣшительно доходило до отвратительности.

«Я, разумѣется, сдѣлался предметомъ любопытства, и замѣтилъ по нѣсколькимъ недовѣрчивымъ взглядамъ, которыми они обмѣнялись, что мое общество имъ вовсе не было пріятно. Жадно желая пріобрѣсти ихъ дружбу, я обратился къ каждому изъ нихъ съ нѣсколькими норвежскими словами, но вмѣсто всякаго отвѣта они какъ то мрачно посматривали на меня и трясли головами. Тѣмъ не менѣе однако, я снялъ мокрые башмаки и чулки и босой присоединился къ моимъ Лапландцамъ, желая посмотрѣть какъ они доятъ оленей. Первою заботою было поймать непослушныхъ животныхъ. Лапландецъ для этого очень ловко набрасываетъ петлю на рога животнаго имъ избраннаго. Иногда послѣ этого олень не противится; но нерѣдко онъ съ петлей и на ней висящимъ Лапландцемъ бѣгаетъ вокругъ загороди, нѣсколько времени таская за собой послѣдняго.

Наконецъ олень останавливается отъ усталости, тогда Лапландецъ очень ловко прикручиваетъ голову оленя къ одному изъ лежащихъ на землѣ бревенъ, и тогда приступаетъ къ доенію. Круглымъ числомъ сѣверный олень даетъ полпинты молока, которое почти точно также густо какъ обыкновенныя сливки и необыкновенно сладко. Этого молока нельзя много выпить, именно потому что оно слишкомъ жирно. Трудно описать, какъ живо шло дѣло въ загороди; каждому дѣла было по горло и даже маленькія дѣти упражнялись въ набрасываніи аркановъ.

«Вылѣзшая шерсть, падавшая съ бѣгающихъ животныхъ, весьма заботливо собиралась. Изъ нея приготовляютъ тюфяки, на которые стелетъ шкуры сѣверныхъ оленей.

«Сидя среди суматохи на камнѣ, я записалъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ въ своемъ бумажникѣ, что произвело всеобщее неудовольствіе. Вѣроятно они сочли меня за чиновника, ревизующаго подати, или пожалуй за нѣчто еще худшее.

«Въ то время какъ они съ кислыми минами смотрѣли на мое записываніе, я заговорилъ съ Лапландцемъ, понимавшимъ по норвежски, и объяснилъ ему дружескую цѣль своего посѣщенія. Довѣріе дѣтей я уже пріобрѣлъ, роздавъ имъ большія ржаныя булки, которыми я позаботился въ Тромсое наполнить карманы. Но дѣти-дикари также мало выказали благодарности, какъ будто я имѣлъ дѣло съ автоматами. Лишь только переводчикъ замѣтилъ это, какъ тотчасъ же приказалъ сказать одному изъ нихъ по норвежски: Taks! mange taks! (благодарю! очень благодарю!).

«Ново-Зеландецъ строитъ несравненно лучшія хижины, нежели крестьянинъ нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи; жилище Ирландца не много лучше уроженца огненной земли, а этотъ послѣдній по крайней мѣрѣ настолько же хорошій архитекторъ, если не лучше, какъ и Лапландецъ, гамма котораго состоитъ изъ почти безформенной массы земли, камней и древесныхъ вѣтвей съ небольшимъ четырехугольнымъ отверстіемъ для двери и еще меньшимъ отверстіемъ на верху для дыма. Я влѣзъ въ одно изъ такихъ превосходныхъ жилищъ, которое имѣло около 12 футовъ въ длину и ширину и въ серединѣ до 10 футовъ въ вышину. Весь свѣтъ, притекавшій въ эту нору, проходилъ вмѣстѣ съ дождемъ и снѣгомъ черезъ верхнее отверстіе. Почти весь полъ былъ покрытъ постелями изъ шкуръ сѣверныхъ оленей. Кругомъ дюжинами висѣли пузыри оленей, на-

полненные кипяченымъ молокомъ, которое предназначалось на зиму. Кромѣ этого вся прочая мебель состояла изъ желѣзнаго котла и двухъ маленькихъ шкапчиковъ, въ которыхъ хранилось нѣсколько ложекъ и другой незначительной, самими Лапландцами изготовляемой, утвари.

«Мнѣ очень хотѣлось купить лапландскаго сыра, но здѣсь его нельзя было найдти. Потомъ я спросилъ у своего переводчика нельзя ли достать нѣсколько сушоной оленины, и онъ повелъ меня къ особой постройкѣ, имѣющей видъ платформы, держащейся на древесныхъ пняхъ и покрытой шкурами. Вмѣсто лѣстницы, ведущей въ эту кладовую, стоялъ древесный стволъ съ обломанными вѣтвями, остатки которыхъ служили ступенями.

«За полъ талера, я купилъ цѣлую грудь, но этого было мало, мнѣ еще хотѣлось достать себѣ оленью собаку. Хотя Лапландецъ очень неохотно разстается съ этимъ неоцѣненнымъ домашнимъ животнымъ, но серебро имѣетъ такой соблазнительный звукъ и притомъ нигдѣ нѣтъ такихъ поклонниковъ маммонѣ, какъ между этими дѣтьми крайняго сѣвера.

«Оленья собака величиной почти съ шотландскаго террьера, но голова поразительно похожа на рысью. Цвѣтъ шерсти весьма различенъ, но она всегда длинна и курчава.

«Я взошелъ на гору по крутому склону, чтобы осмотрѣть сверху стоянку Лапландцевъ. Дикій потокъ бѣжалъ по склону, и, слѣдуя теченію источника, я достигъ высоты около 600 футовъ надъ дномъ долины. Здѣсь начинается вѣчна язима, и вода течетъ въ замерзшемъ снѣгу, а иногда и подъ нимъ. Въ глубинѣ стояли гаммы и изгороди, а весь *далэ* горѣлъ отъ яркаго солнечнаго свѣта, хотя уже было 10 часовъ пополудни. По окончаніи доенія, которымъ вся община была занята въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, мало по малу выпустили на свободу всѣхъ сѣверныхъ оленей. Стадо принадлежало 6 различнымъ владѣльцамъ, которые съ своими семействами и прислугою составляли небольшую общину.

«Когда я сошелъ съ горы, то на берегу Тромздальэльфа увидѣлъ безобразнаго Лапландца, у ногъ его лежалъ сѣверный олень, котораго онъ только что прирѣзалъ. Чтобы убить сѣвернаго оленя, Лапландецъ беретъ маленькій ножичекъ, клинокъ котораго не длиннѣе 2 дюймовъ и вонзаетъ его въ шею. Чтобы не потерять драгоцѣнной крови, ножа не вынимаютъ изъ раны, а вмѣстѣ съ нимъ пускаютъ

бѣдное животное, которое черезъ нѣсколько времени падаетъ на землю. Потомъ Лапландецъ съ большимъ искусствомъ снимаетъ шкуру, такъ что на нее не попадетъ ни одной капли крови. На возвратномъ пути я видѣлъ многочисленныя группы сѣверныхъ оленей, обгладывающихъ на полной свободѣ побѣги мелколѣсья, и встрѣтилъ Лапландца, который велъ 3 большихъ сѣверныхъ оленей. Они стройно шли другъ за другомъ, неся на спинахъ тяжелые вьюки, которые свѣшивались на пятнистые ихъ бока. Сѣверныхъ оленей можно употреблять какъ вьючное животное, только послѣ долговременной дрессировки».

Лапландцы занимаютъ довольно значительное пространство на земной поверхности, ибо начиная съ 63° с. ш., они живутъ по всей сѣверной Скандинавіи и Лапландіи до Ледовитаго моря, но число Лапландцевъ вовсе не соотвѣтствуетъ обширной странѣ, по которой они кочуютъ съ своими стадами сѣверныхъ оленей.

Во всей Швеціи, Норвегіи и Россіи живетъ не болѣе 9000 Лапландцевъ, почти по одному человѣку на квад. милю, да и эта маленькая кучка все уменьшается болѣе и болѣе и сливается съ Финнами. Можетъ быть не далеко то время, когда Лапландцы перестанутъ жить какъ особый народъ, и останутся лишь въ исторіи да въ воспоминаніяхъ. Это, какъ и многіе другіе подобные примѣры, показываетъ, что народы, точно также какъ и особи, проходятъ фазисы дѣтства, юношества, мужества и старости, и наконецъ умираютъ, чтобы дать дорогу новымъ, болѣе сильнымъ народамъ.

Лѣтописи Лапландцевъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ достовѣрностію можно слѣдить за ними, правда показывали намъ всегда этотъ народъ въ старческомъ возрастѣ, и нигдѣ не видимъ мы его смѣлымъ юношей и сильнымъ мужемъ. Но должна же была происходить борьба во время дальняго пути отъ Алтая, колыбели этого народа, до теперешней его сѣверной родины, и любопытно было бы знать, какъ враждебныя волны судьбы занесли его наконецъ на этотъ печальный берегъ. Кто узнаетъ въ этомъ униженномъ теперь народѣ племеннаго брата гордаго Мадьяра?

Преслѣдуя исторію Скандинавіи до самой глубокой древности, мы найдемъ, что Лапландцы были самыми древними обитателями страны. Потомъ пришли сыны Одина, прогнали ихъ съ юга на сѣверъ, овладѣли берегами, оставили имъ только горы да сѣверныхъ оленей, и наконецъ принудили платить рабскую дань.

Въ XIII столѣтіи король шведскій Магнусъ Владиславъ объявилъ, что онъ отдаетъ Лапландцевъ тѣмъ, кто ихъ покоритъ, вслѣдствіе чего племя Биркарле, жившее по берегамъ Ботническаго залива, поработило Лапландцевъ. Эти Биркарле платили шведскому королю ежегодную подать, и всею тяжестею тиранніи тяготѣли на Лапландцахъ, пока наконецъ Густавъ I-й не освободилъ страну отъ притѣснителей и не подчинилъ ее тѣмъ же законамъ, какими управлялись прочія шведскія провинціи. Онъ также послалъ нѣсколько священниковъ въ Лапландію, чтобы вывести ее изъ мрака суевѣрія. Въ 1600 г. Карлъ VII-й приказалъ построить церкви въ Умео, Питео, Лулео и Торнео. Наконецъ Густавъ Адольфъ основалъ въ Питео школу для Лапландцевъ и приказалъ напечатать на ихъ языкѣ нѣсколько элементарныхъ сочиненій, чтобы лучшимъ воспитаніемъ проложить христіанству легчайшій путь.

Въ 1602 г., когда Христіанъ IV, король Датскій и Норвежскій, проѣхалъ черезъ Финмаркъ, грубое суевѣріе Лапландцевъ привело этого властителя въ такую ярость, что онъ приказалъ преслѣдовать мечемъ лапландскихъ колдуновъ или шамановъ. Достойный священникъ Эрикъ Бредаль изъ Дрондгейма употребилъ болѣе кроткія, и евангельскому ученію болѣе сообразныя мѣры. Онъ воспиталъ нѣсколько молодыхъ Лапландцевъ и отправилъ ихъ назадъ къ своимъ, какъ миссіонеровъ.

Но недовѣрчивые земляки приняли ихъ, какъ измѣнниковъ, и убили, вѣроятно по наущенію шамановъ. Въ 1707г. Фридрихъ IV-й основалъ Финмаркскую миссію и приказалъ епископу Дрондгеймскому избрать духовныхъ лицъ, способныхъ быть миссіонерами. Въ 1716 г. Ѳома Вестенъ, человѣкъ одаренный рѣдкими душевными способностями, посѣтилъ самыя дикія страны Финмарка, другіе миссіонеры присоединились къ нему, за ними послѣдовали школьные учителя, и этимъ достойнымъ мужамъ и наслѣдникамъ ихъ обязанностей удалось обратить Лапландцевъ въ христіанство и вырвать ихъ изъ прежняго невѣжества.

Чтобы достойно оцѣнить человѣколюбивое стремленіе этихъ посланниковъ мира, нужно только представить себѣ, сколько лишеній они должны были вытерпѣть, сколько непріятностей должны были вынести. Идти къ дикимъ кочевникамъ въ такой странѣ какъ Лапландія, дѣлить грязь и бѣдность ихъ гаммъ, отказаться ото всего, что на наши глаза дорого въ жизни, чтобы исключительно имѣть

дѣло съ невѣжествомъ и варварствомъ, и, добровольно отбросивъ всѣ земныя надежды, выбрать нищету своей постоянною спутницей — да, для этого нужно побольше храбрости, чѣмъ для того, чтобы въ битвѣ смотрѣть смерти прямо въ глаза. Школьный учитель въ Лапландіи имѣетъ годоваго содержанія 25 талеровъ, и кромѣ того получаетъ въ награду по полуталеру за каждаго ученика. Священники не много богаче, отъ правительства они получаютъ 20 талеровъ въ годъ, 10 талеровъ изъ церковной кассы, и кромѣ того натурой на сумму 150 талеровъ. Между этими, такъ плохо оплачиваемыми священниками, есть люди, какъ и въ Исландіи, пріобрѣтшіе себѣ извѣстность своими литературными или научными трудами.

Образованный Ластадіусъ былъ священникомъ въ Карезуандо въ 75 часахъ отъ Тромзоя (самаго близкаго города) и въ 100 часахъ отъ Торнео. Его семейство питалось ржанымъ хлѣбомъ и рыбою и только время отъ времени ѣло мясо сѣверныхъ оленей.

Шамиссо разсказываетъ объ одномъ лапландскомъ священникѣ, проведшемъ 7 лѣтъ въ приходѣ, который находился за границею лѣснаго пояса, и притомъ лѣтомъ оставался совершенно одинъ, ибо въ это время года прихожане его удалялись со стадами сѣверныхъ оленей въ болѣе холодныя мѣстности, къ морю. Въ зимнюю ночь, когда луна свѣтила на небѣ, онъ разъѣзжалъ на саняхъ, останавливаясь иногда подъ открытымъ небомъ, когда ртуть замерзала въ термометрѣ, и отыскивалъ своихъ Лапландцевъ, которыхъ любилъ, чтобы отправлять свою обязанность. Въ эти 7 лѣтъ, только 2 раза онъ былъ посѣщенъ въ своемъ одиночествѣ людьми, говорившими съ нимъ на родномъ языкѣ. Однажды посѣтилъ его братъ, а въ другой разъ нечаянно заѣхалъ къ нему ботаникъ. Хорошо припоминать такіе примѣры, когда обстоятельства не такъ слагаются, какъ намъ хочется.

Благодаря человѣколюбивымъ стремленіямъ такихъ сильныхъ духовныхъ пастырей, Лапландецъ развѣ по имени знаетъ боговъ своихъ отцевъ — Айа, Акка, Туона. Но все еще знакомы ему деревянные и каменные идолы (Сайды), которымъ приноситъ въ жертву кости и рога сѣверныхъ оленей. Деревянные сайды изображаютъ человѣчковъ, какъ и доселѣ существующіе идолы Остяковъ, Самоѣдовъ и др. отдаленныхъ вѣтвей Финскаго племени.

Каменные сайды были большіе необыкновенной формы каменья,

иногда обдѣланные человѣческой рукой. Лапландцы вообще очень суевѣрны и доселѣ боятся этихъ идоловъ.

Кастренъ говоритъ: что Аккальскіе Лапландцы очень уважаются за свои знанія въ волшебствѣ. Они впадаютъ въ магическій сонъ, а душа ихъ въ это время странствуетъ. Они предсказываютъ будущее, и видятъ, что дѣлается на далекомъ пространствѣ. Наши магнитизеры и ясновидящіе вѣроятно могли бы поучиться у этихъ Лапландцевъ.

Но оставимъ тяжелую атмосферу, гдѣ играютъ роль обманъ и нервное раздраженіе, а лучше пойдемъ на Скандинавскія альпы къ нагорнымъ (Fjäll) Лапландцамъ, составляющимъ наибольшую часть и основное племя этого народа. Они ведутъ вѣчную кочевую жизнь, и почти постоянно переходятъ съ мѣста на мѣста съ своими стадами, потому что исландскій мохъ, эта пажить крайняго сѣвера, скоро поѣдается, и нужно ждать цѣлой человѣческой жизни, пока выростетъ новый. Само собою разумѣется, что при такомъ образѣ жизни нагорный Лапландецъ не строитъ каменныхъ или мраморныхъ палатъ. Легко разнимающаяся и также легко собирающаяся палатка вполнѣ удовлетворяетъ его умѣреннымъ требованіямъ. Четыре изогнутыхъ дугою столба вбиваются въ землю и связываются поперечинами. Вокругъ всего этого набивается шерстяная покрышка, край которой служитъ въ тоже время дверью. Въ срединѣ, около того мѣста, гдѣ будетъ раскладываться огонь, кладутъ нѣсколько камней, а дымъ выходитъ изъ небольшаго отверстія на маковкѣ этой эфирной постройки. Нѣсколько сосновыхъ вѣтвей, покрытыхъ шкурами сѣверныхъ оленей, лежатъ на полу — вотъ и все что составляетъ спальню и жилую комнату. Такая палатка (goatte) составляетъ главное помѣщеніе нагорныхъ Лапландцевъ, въ которомъ живутъ женщины, дѣти и старики. Самъ хозяинъ и его прислуга слѣдуютъ за сѣверными оленями и живутъ иногда въ снѣжныхъ юртахъ, а иногда въ такъ называемыхъ lavva, которые еще хуже нежели goatte. Когда поѣстся оленій кормъ, что обыкновенно дѣлается черезъ двѣ недѣли, лагерь снимается, чтобы стать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ пустыни. Менѣе чѣмъ въ полчаса все сломано и уложено, и, домашнимъ *скарбомъ навьюченные, сѣверные олени движутся* къ мѣсту новой стоянки. Олени связываются кожаными ремнями по пяти въ рядъ, и женщины ведутъ ихъ черезъ горы, отецъ семейства

идетъ впереди, чтобы выбрать мѣсто для новаго кочевья, а домочадцы и прислуга слѣдуютъ за свободно пасущимся стадомъ.

Весною Лапландецъ переходитъ съ горъ къ морскому берегу. Лишь только сѣверные олени завидятъ море, какъ бросаются, толкая другъ друга, къ фіорду, и съ жадностію пьютъ соленую воду, но напиваются ею только одинъ разъ. Лапландцы полагаютъ, что это необходимо для здоровья сѣверныхъ оленей, можетъ быть это и правда. Послѣ этого Лапландцы гонятъ свои стада снова въ горы, и, начиная съ нагорныхъ долинъ, по мѣрѣ того какъ наступаетъ лѣто и таютъ снѣга, они поднимаются все выше и выше. Осенью Лапландцы скрываются въ лѣсахъ, гдѣ хозяева съ прислугой и собаками только и дѣлаютъ, что охраняютъ стада отъ нападеній голодныхъ волковъ.

Между нагорными Лапландцами есть богачи, которые держатъ отъ 1000 до 1200 сѣверныхъ оленей, тогда какъ 300 достаточно для того, чтобы семейство было въ совершенно безбѣдномъ состояніи. Владѣлецъ можетъ ихъ убивать сколько нужно всему семейству для пищи, одежды и обуви, и кромѣ того, можетъ еще вымѣнивать шкуры и рога на муку, водку и шерстяныя ткани. Но семейство, имѣющее только 100 сѣверныхъ оленей, уже находится въ очень дурныхъ обстоятельствахъ, и должно перемѣнить горную жизнь на хижину осѣдлаго рыбака. Богатый нагорный Лапландецъ, имѣетъ превосходный столъ. Ежедневно, въ большомъ желѣзномъ котлѣ варится мясо сѣвернаго оленя, и на каждаго члена семьи приходится по крайней мѣрѣ по фунту оленины.

Когда мясо сварено, тогда старѣйшина семейства руками разрываетъ его на части, и дѣлитъ между остальными членами семейства, которые жадно и быстро проглатываютъ его. Оставшійся въ котлѣ бульонъ, приправленный густымъ оленьимъ молокомъ съ ржаною или овсяною мукою, составляетъ превосходный ужинъ. Рѣдко Лапландцы кладутъ не много соли, потому что они, какъ почти всѣ дикари, имѣютъ отвращеніе отъ этой превосходной приправы.

Въ жизни нагорныхъ Лапландцевъ, какъ и вообще въ жизни всѣхъ сѣверныхъ кочевниковъ, дѣлаетъ эпоху посѣщеніе зимнихъ ярмарокъ, которыя имѣютъ мѣсто въ главныхъ городахъ и деревняхъ, основанныхъ промышленными Шведами, Норвежцами или Финнами по берегамъ рѣкъ и озеръ, или же въ долинахъ своего отечества. Здѣсь ежегодно является Лапландецъ съ продуктомъ своего

стада, съ шкурами и рогами сѣверныхъ оленей, съ сушонымъ мясомъ или мороженнымъ молокомъ, или же съ своей охотничьей добычей. Заплативъ свою умѣренную подать сборщику податей, Лапландецъ принимается за торговлю, но такъ какъ при каждой куплѣ или продажѣ покупщикъ или продавецъ подноситъ Лапландцу полный стаканъ водки, то къ полудню онъ часто уже не понимаетъ, что дѣлаетъ — обстоятельство, которымъ пользуются хитрые купцы. Отрезвившись, онъ предается раскаянію, и тѣмъ сильнѣе, что блестящій талеръ имѣетъ для Лапландца необыкновенную прелесть, и что развѣ одна страсть къ предательской водкѣ превосходитъ его страсть къ деньгамъ. При своемъ неосѣдломъ образѣ жизни, при своей недовѣрчивости, Лапландецъ не умѣетъ иначе сохранять денегъ, какъ только зарывая ихъ, подобно Гарпагону Мольера, въ землю, и многіе, обладающіе нѣсколькими тысячами талеровъ, умираютъ, не оставляя ихъ своимъ наслѣдникамъ, ибо послѣдніе не знаютъ, гдѣ скрыты эти деньги.

Для своихъ зимнихъ поѣздокъ Лапландецъ употребляетъ или лыжи, или сани. Лыжи, изъ которыхъ одна обыкновенно въ ростъ человѣка, а другая на одинъ футъ короче, дѣлаются изъ еловаго дерева, и обтягиваются шкурой сѣвернаго оленя, шерстью къ снѣгу и впередъ, иначе лыжи были бы слишкомъ скользки. Нога приходится въ средину такой узкой, длинной лыжи, которая прикрѣпляется къ ней ремнемъ. Лапландецъ, ходящій на лыжахъ, несетъ въ рукѣ длинную жердь, къ концу которой прикрѣпленъ деревянный шаръ для того, чтобы конецъ не входилъ слишкомъ глубоко въ снѣгъ, и посредствомъ этой жерди онъ останавливается на бѣгу. Нерѣдко Лапландецъ дѣлаетъ на лыжахъ до 12 миль въ день, всходитъ на высокія горы, и съ изумительною быстротою съѣзжаетъ внизъ въ долину. Нерѣдко Лапландецъ догоняетъ по слѣду быстроногую дичь.

Еще съ бо́льшею быстротою летитъ Лапландецъ по равнинѣ покрытой снѣгомъ въ своей *пулькѣ*. Эти сани имѣютъ форму лодки, и скользятъ (не на полозьяхъ) всѣмъ дномъ; острый носъ рѣжетъ снѣгъ, точно также, какъ носъ корабля рѣжетъ податливыя волны. Такъ Лапландцы на землѣ выказываютъ такую же ловкость, какой удивляемся мы въ Алеутахъ, съ быстротою стрѣлы разъѣзжающихъ по морю въ своихъ байдарахъ. Запряженный въ сани сѣверный олень съ маленькимъ колокольчикомъ, веселящимъ ухо, проходитъ

не менѣе 10 — 12 нѣмецкихъ миль въ день. Обыкновеннымъ шагомъ онъ идетъ не менѣе мили въ часъ. Лапландецъ съ удивительною точностію отыскиваетъ свою дорогу въ пустынѣ: здѣсь скала, тамъ пихта служатъ ему маяками, и какъ превосходный лоцманъ, онъ направляется къ далекой гавани. Часто путь его освѣщается пламенѣющимъ сѣвернымъ сіяніемъ. На всякой точкѣ покрытаго снѣгомъ ландшафта глазъ замѣчаетъ какое-то колебательное движеніе. Всѣ горныя вершины одѣты этимъ дрожащимъ свѣтомъ, который поднимается изъ самыхъ горъ, какъ будто изъ кратера. Волшебный свѣтъ распространяется по всему небу, сверкаетъ нѣсколько времени и исчезаетъ, чтобы потомъ опять явиться и снова исчезнуть.

Лапландія богата и другими красотами природы: здѣсь есть поэзія и горъ, и лѣса, и водъ. Море съ пѣною бьется о береговыя скалы, и въ сотняхъ озеръ отражается чудное звѣздное небо или дискъ луны. Лѣтомъ безчисленные водопады шумятъ по горнымъ склонамъ, и чистые потоки вьются по зеленымъ горнымъ равнинамъ.

Кто родился и выросъ среди величественной природы, кто привыкъ къ свободной кочевой жизни, тотъ вѣчно останется привязаннымъ къ своей родинѣ. Этимъ-то объясняется почему Лапландецъ ни на какую страну не промѣняетъ своего суроваго отечества, и считаетъ себя счастливымъ лишь въ лѣсу или въ моховой степи, среди своихъ оленей.

Въ 1819 г. одинъ Шотландецъ задумалъ акклиматизировать сѣвернаго оленя въ Каледоніи, и для этой цѣли купилъ стадо этихъ животныхъ, и уговорилъ двухъ молодыхъ Лапландцевъ пасти и вести стадо. Сѣверные олени скоро погибли, Лапландцы тоже умерли бы съ тоски по родинѣ, если бы ихъ не отправили обратно при первомъ удобномъ случаѣ.

Религіозное чувство горныхъ Лапландцевъ высказывается, по свидѣтельству Кастрена, въ безконечной любви къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ. Одинъ нагорный Лапландецъ разсказывалъ этому ученому, что въ теченіи своей 30-лѣтней брачной жизни, онъ ни разу не сказалъ женѣ обиднаго слова, и не называлъ ее иначе, какъ loddadsham (моя птичка).

Лапландцы выбрали себѣ девизомъ миръ. Лишенный большинства наслажденій жизни, окруженный непобѣдимой природой, и

взросшій въ бѣдности и нищетѣ, Лапландецъ получилъ завидную долю—умѣнье выносить всѣ непріятности съ непоколебимымъ спокойствіемъ. Онъ требуетъ, какъ условія своего благосостоянія, только спокойнаго пользованія своимъ имуществомъ, требуетъ, чтобы не измѣняли его старыхъ свычаевъ и обычаевъ, требуетъ мира.

Мирный Лапландецъ, такъ легко подпавшій подъ владычество чужестранца, этотъ слабѣйшій братъ Финна, который никогда не могъ противиться Норманнамъ, тѣмъ не менѣе очень мужественный охотникъ, преслѣдующій не только дикаго сѣвернаго оленя и лося, но и смѣло нападающій на страшнаго медвѣдя. Онъ ловитъ его или въ ямы, которыя вырываетъ въ лѣсу, или же бьетъ изъ ружья, купленнаго на ярмаркѣ. Относительно охоты у Лапландцевъ существуютъ законы, которые всегда ими исполняются. Животное принадлежитъ человѣку въ чью яму оно попало, и тотъ, кто найдетъ медвѣжью берлогу, имѣетъ исключительное право убить дикаго звѣря. Съ нѣсколькими собаками и ружьемъ отправляется Лапландецъ одинъ одинешенекъ въ опасную чащу, и горе ему, если не ранитъ на смерть дикаго звѣря съ перваго же удара. Но за то велика и награда за побѣду. Сѣверный олень, на которомъ привезенъ убитый медвѣдь, освобождается на цѣлый годъ отъ всякихъ тяжелыхъ работъ. Его не запрягутъ въ сани, онъ не понесетъ тяжести на ярмарку. Вся община — мущины, женщины, дѣти — поютъ торжественную пѣснь вокругъ убитаго медвѣдя, и благодарятъ какъ *медвѣдя* за то, что онъ позволилъ себя убить, такъ и *небо*, что оно создало всѣхъ животныхъ на пользу человѣку, а этому дало силу и ловкость, чтобы побѣдить самаго сильнаго изо всѣхъ звѣрей. Три дня длится праздникъ, гдѣ главную роль играетъ медвѣдь, мясо котораго считается за лакомство. Герой-побѣдитель вмѣсто ордена прицѣпляетъ къ шапкѣ оловянную фигурку медвѣдя — и этотъ знакъ приноситъ ему столько же чести, какъ у насъ орденская ленточка въ петлицѣ. Не смотря на страшную грязь въ хижинѣ, и исполненную безпокойствъ жизнь, Лапландецъ вообще здоровъ и нерѣдко доживаетъ до глубокой старости. Частое движеніе на чистомъ воздухѣ и здѣсь оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе. Отъ зимняго холода защищается Лапландецъ одеждой изъ двойной оленьей шкуры, а питательная мясная пища поддерживаетъ въ немъ силы. Отъ цинги онъ охраняетъ себя употребленіемъ большаго количества ягодъ (един-

ственныхъ плодовъ крайняго сѣвера), и для той же цѣли варитъ съ пищей стебли Angelica. Но главнымъ лекарствомъ ото всѣхъ болѣзней Лапландецъ считаетъ теплую оленью кровь, которую пьетъ съ наслажденіемъ, и, владѣя такимъ драгоцѣннымъ средствомъ, мало думаетъ о врачѣ и аптекѣ.

Такъ называемые лѣсные Лапландцы составляютъ середину между описанными уже нами нагорными и Лапландцами-рыбаками, о которыхъ мы будемъ говорить, потому что лѣсной Лапландецъ лѣтомъ занимается рыбной ловлей, а зимой уходомъ за сѣверными оленями, но на рыбную ловлю онъ смотритъ какъ на главнѣйшее средство для добыванія пищи, и небрежно ходитъ за сѣверными оленями. Хотя олени лѣснаго Лапландца не сходятъ весною, какъ олени нагорнаго, къ берегамъ Ледовитаго моря, но привыкли проводить какъ зиму, такъ и лѣто въ лѣсахъ, однакоже и здѣсь требуютъ надзора, чтобы не потеряться, не одичать, не погибнуть отъ волковъ, или не исчезнуть среди многочисленныхъ стадъ нагорныхъ Лапландцевъ. Какъ необходимое слѣдствіе этого — сліяніе лѣсныхъ Лапландцевъ съ Лапландцами-рыбаками.

Лестадіусъ считаетъ жизнь лѣсного Лапландца за самую счастливую на землѣ, ибо состоитъ въ попеременномъ занятіи занимательной рыбной ловлей и наслажденіемъ охоты. Лѣсной Лапландецъ не подвергается, какъ нагорный, страшной суровости арктической зимы на обнаженныхъ высотахъ, обдуваемыхъ вѣтрами, и не такъ бѣденъ, какъ Лапландецъ — рыбакъ. И нерѣдко поетъ онъ подъ зеленой хвоей пихтоваго дерева. Онъ даже время отъ времени умывается, а женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы. Такая забота о внѣшности указываетъ на внутреннее довольство дикаря.

Чтобы ближе познакомиться съ образомъ жизни Лапландца-рыбака, мы вмѣстѣ съ Кастреномъ посѣтимъ его на озерѣ Энара. Видъ деревни также не очень привлекателенъ. Вокругъ по полямъ валяются внутренности и чешуи рыбъ, гнилая рыба и всякая нечистота. Черезъ низкое отверстіе юрты тѣснится толпа людей до такой степени покрытая грязью и насѣкомыми, что при первомъ взглядѣ отскочишь назадъ. Но сами они смотрятъ на это совершенно спокойно и ни мало не стыдятся чужестранцевъ. По условію лапландской вѣжливости здороваются всѣ, даже дѣти, пожимая путешественнику руку. Послѣ этой церемоніи, почти всегда нужно отвѣчать на слѣдующіе

вопросы: все ли мирно въ странѣ? Здоровъ ли король, епископъ и начальникъ округа? Особенно любопытные даже спрашиваютъ чужестранца объ его родинѣ, и на отвѣтъ, что она лежитъ за горами, они допытываются не изъ той ли это страны, гдѣ ростетъ табакъ? Какъ мы мечтаемъ о странахъ, гдѣ цвѣтутъ лимоны, такъ воображеніе Лапландца не можетъ себѣ представить земнаго рая, какъ только тамъ, гдѣ ростетъ табакъ, доставляющій ему величайшее земное наслажденіе.

Нижняя часть хижины энарскаго Лапландца, обыкновенно четвероугольникъ, построенный изъ положенныхъ другъ на друга брусьевъ, надъ нимъ поднимается досчатая пирамида. По недостатку въ деревѣ нижнее отдѣленіе строится иногда изъ камня, а для тепла вся хижина обкладывается торфомъ. Другія хижины имѣютъ круглую форму, и похожи на половину шара.

Вдоль хижины, т. е. отъ двери до задней стѣны, идутъ двѣ параллельныя балки, двѣ другія балки перерѣзываютъ первыя подъ прямымъ угломъ, и идутъ поперекъ хижины отъ одной стѣны до другой.

Такимъ образомъ хижина дѣлится на 9 отдѣленій. Три первыя, ближайшія къ двери, назначены для храненія дровъ, обуви и грубой утвари. Въ трехъ заднихъ отдѣленіяхъ хранятся съѣстные припасы и утварь болѣе цѣнная. Въ серединѣ помѣщается очагъ, направо отъ него комната или лучше койка хозяина и хозяйки, налѣво — какъ въ норѣ сидятъ всѣ остальные домочадцы.

Эта хижина, впрочемъ, не составляетъ единственной хижины энарскаго Лапландца. На высокихъ столбахъ устроивается рыбный складъ, чтобы сохранить зимній запасъ отъ голодныхъ волковъ или собакъ.

Важнѣйшую эпоху однообразной жизни этихъ Лапландцевъ составляетъ весна. Въ это время года они идутъ отъ Энара къ Норвежскому морскому берегу, чтобы заниматься рыбной ловлей въ такъ называемомъ Fälleds-Districte. Два или три Лапландца рыбака присоединяются обыкновенно къ норвежскому рыбаку, у котораго есть лодка и сѣти. На долю первыхъ приходится половина лова, но изъ этого они еще должны отдать 10 часть тамошнему духовенству.

На Ивановъ день начинается рыбная ловля въ ихъ собственныхъ озерахъ, которыя съ этого времени очищаются ото льда. Тутъ при-

ближается золотое время Лапландца: въ палаткѣ своей, съ сытымъ желудкомъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, онъ можетъ долго, очень долго спать, его даже мухи не обезпокоятъ.

Послѣ лѣта, онъ помѣщается въ своей зимней хижинѣ и питается сушеной рыбой. Но этихъ запасовъ не достаетъ на длинную зиму, и иногда Лапландецъ принужденъ довольствоваться супомъ изъ пихтовой коры, исландскаго моха и морошки (Rubus chamaemorus), который забѣливается небольшимъ количествомъ овечьяго молока.

ГЛАВА VI.

МАТТІАСЪ АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ.

Первые этюды. — Путешествіе въ Лапландію въ 1838 г. — Величественная природа на Ивалойоки. — Озеро Энара. — Прогулка по болотамъ. — Плаваніе отъ Рованими до Кеми. — Второе путешествіе 1841 г. — Лапландская поѣздка на саняхъ. — Кемскіе раскольники. — Буря и страданія на Бѣломъ морѣ. — Варварскіе рыбаки. — Мезенская тундра.—Всеобщее пьянство на Сомжѣ.—Зимняя поѣздка въ Пустозерскъ.— Самоѣдскій учитель. — Буря въ тундрѣ. — Одиночество. — Пустозерскъ. — Преслѣдованія въ Устьсыльмскѣ и Ижемскѣ. — Жалкая хижина. — Князь Урала. — Обдорскъ.— Второе Сибирское путешествіе 1845—1848. — Обь. — Туруханскъ. — Поѣздка къ Енисею. — Ученый кабинетъ въ Плахинѣ. — Отъ Дудинки до Толстаго носа. — Отмороженныя ноги. — Возвращеніе на югъ. — Замерзъ на Енисеѣ. — Чудесное спасеніе. — Саянскія горы. — Сойоты — Экскурсіи въ Китай. — Нижнеудинскъ. — Болѣзнь. — Буряты. — Мудрость ламъ. — Нъедакъ Банпиловъ. — Возвращеніе на родину. — Профессура въ Гельзингфорсѣ. — Смерть.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о человѣкѣ, за знакомство съ которымъ намъ читатель конечно скажетъ спасибо; ибо всегда благотворно дѣйствуетъ взглядъ на такого рѣдкаго человѣка, который весь предался великой задачѣ, и съ непреклонной волей шелъ къ своей цѣли, не смотря на никакія опасности и лишенія.

Еще рѣже встрѣчается, когда такой сильный характеръ соединяется со скромностію и почти дѣтской добротой, тогда мы не только удивляемся герою, но и любимъ человѣка. Но зачѣмъ направлять сужденіе читателя, лучше послѣдуемъ за самимъ Кастренъмъ въ его странствіяхъ по тундрамъ и лѣсамъ.

Маттіасъ Александръ Кастренъ, внукъ лапландскаго миссіонера

и племянникъ ученаго пастора Кастрена въ Кеми, родился въ 1813 г. въ Рованими (сѣверная Финляндія) подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Еще школьникомъ рѣшился Кастренъ поставить цѣлью своей жизни изученіе финскихъ племенъ (Финновъ, Эстовъ, Лапландцевъ, Остяковъ, Самоѣдовъ и пр.), и такъ какъ не было книгъ, чтобы вести его на этомъ поприщѣ, то съ каждымъ годомъ росло страстное желаніе, посѣтить сыновъ сѣвера въ ихъ отдаленныхъ пустыняхъ, и изучать ихъ тамъ, на мѣстѣ, такъ основательно, какъ ему бы хотѣлось. Послѣ этого можно себѣ представить радость бѣднаго матеріальными средствами юноши, когда его товарищъ по ученію докторъ Эрштремъ, далъ ему возможность осуществить наконецъ любимый планъ, далъ средства на поѣздку къ финскимъ Лапландцамъ. Никогда художникъ, переѣхавъ черезъ Альпы, не вступалъ въ Италію съ чувствомъ такого счастія, съ какимъ Кастренъ отправился въ суровую Лапландію.

Весной въ 1838 году друзья уложили свои чамоданы, отправились сначала въ Муоніоиска, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль, пока начинавшее склоняться солнце (16 іюля) не побудило ихъ отправиться въ путь, дабы возвратиться изъ Лапландіи еще въ хорошее время года. Съ большимъ трудомъ перетащивъ свою лодку и поклажу черезъ кряжъ, отдѣляющій рѣки Ботническаго залива отъ рѣкъ Ледовитаго моря, они водою отправились въ романтическую Ивалойоки.

«Въ теченіи трехъ сутокъ», говоритъ Кастренъ (Путешествія на Сѣверъ 1853), «вмѣсто музыки въ ушахъ нашихъ раздавался громъ шумящихъ водопадовъ. Какъ ни были страшны эти водопады, но намъ оставался одинъ исходъ, геройски броситься въ кипящій прибой, который угрожалъ намъ ежеминутною опасностію. Чтобы бушующая рѣка не бросила насъ на скалу или схеру, мы должны были постоянно отталкивать и удерживать нашу лодку посредствомъ большихъ шестовъ. Цѣлый день мы были заняты этой трудной работой, а ночью проводили у костра изъ древесныхъ стволовъ и вѣтвей. Мы не нашли никакого жилья, и почти 8 дней провели подъ открытымъ небомъ при постоянномъ дождѣ и холодной погодѣ».

Верхнее теченіе Ивало большею частію заключено рядами обнаженныхъ утесовъ, которые, за нѣсколько миль до впаденія рѣки въ озеро Энара, перехрдятъ въ прекрасныя травою покрытыя равнины. Изъ спокойныхъ волнъ выходятъ островки, поросшіе деревьями. Вотъ показались уже слѣды человѣка и едва вѣришь своимъ гла-

замъ, когда наконецъ, вмѣсто жалкихъ хижинъ въ деревнѣ Кирё, видишь хорошо построенные финскіе дома, окруженные лугами и прекрасными хлѣбными полями. Невѣроятно благотворное дѣйствіе на состояніе души производитъ такой видъ послѣ путешествія въ пустынѣ, ибо если нѣтъ слѣдовъ человѣка, то и прекраснѣйшая природа покажется намъ саваномъ, тогда какъ достаточно какой-нибудь мелочи, указывающей на присутствіе владыки земли, чтобы разлить жизнь и веселье въ самой безплодной пустынѣ.

Озеро Энара имѣетъ 12 миль въ длину и 8 въ ширину и такъ усѣяно островами, что еще никто не сосчиталъ ихъ. Пробывъ нѣсколько времени у тамошнихъ Лапландцевъ, путешественники отправились еще далѣе къ сѣверу въ Утсвоки, почти подъ 70° с. ш., гдѣ ихъ гостепріимно приняли въ скромномъ жилищѣ пастора. Но уже наступило время, которымъ необходимо было воспользоваться для отъѣзда.

Въ началѣ августа, мѣстами, по скалистымъ окраинамъ ростущій, березовый сланецъ уже потерялъ листву, цвѣты склонили свои обезцвѣченные лепестки, и горныя птицы летали вокругъ, отыскивая защиты отъ холоднаго вѣтра.

Слишкомъ долго разсказывать какъ друзья, подвергаясь дождю, бурѣ и лишеніямъ всякаго рода, достигли наконецъ рѣки Луиро, и потому приведемъ только собственными словами Кастрена описаніе небольшаго путешествія черезъ болота отсюда до церкви Соданкилэ, чтобы показать читателю, какъ пріятно путешествовать пѣшкомъ по Лапландіи.

«Не безъ страха посмотрѣлъ я на частію поросшую мхомъ, частію же совершенно обнаженную илистую поверхность этихъ болотъ. Тоже чувство, кажется, овладѣло и нашимъ вожакомъ, но мы его хорошо накормили и напоили, что совершенно ободрило его, и онъ, вооружившись шестомъ футовъ въ 5, безстрашно пошелъ впередъ. Мы послѣдовали за нимъ и особенно внимательно ставили ноги прямо въ слѣды оставленные вожакомъ, ибо одного невѣрнаго шага достаточно было, чтобы погубить насъ. Съ дѣтства знакомый съ этими болотами, проводникъ хотя и лучше нашего могъ судить о свойствахъ почвы, но нерѣдко сомнѣніе овладѣвало и имъ, и онъ принужденъ былъ ощупывать почву длиннымъ шестомъ. Когда довольно значительная полоса болота казалась подозрительною проводнику, то онъ останавливалъ насъ на мѣстѣ, а самъ одинъ отправлял-

ся на рекогносцировку. Однакоже рѣдко онъ возвращался къ намъ назадъ, чтобы вести далѣе, и только шестомъ указывалъ на нѣкоторомъ разстояніи направленіе, по которому мы должны были слѣдовать. Въ подобныхъ случаяхъ мы уже не имѣли слѣдовъ, въ которые могли бы ступать, и потому нерѣдко положеніе наше было затруднительно. Весьма трудно сохранить присутствіе духа, чтобы разсчесть свою тяжесть и твердость колеблющейся поверхности, когда на каждомъ шагу почти до колѣни вязнешь въ болотѣ. Болотистая почва подъ ногами поднималась и опускалась какъ морскія волны».

Единственными мѣстами отдыха, во время этого труднаго путешествія, были узкія полосы твердой почвы, которыя мѣстами перерѣзывали болото.

Незадолго до полуночи, проведя цѣлый день какъ болотныя птицы, достигли наконецъ путешественники до хижины, и вскорѣ послѣ того закончили свое путешествіе плаваніемъ въ лодкѣ отъ Рованими до Кеми.

«Это путешествіе совершалъ я подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній», говоритъ Кастренъ, «ибо каждый водопадъ не только мнѣ былъ знакомъ съ самаго ранняго дѣтства, но притомъ водопады въ этихъ мѣстахъ, гдѣ я впервые увидѣлъ дневной свѣтъ, были моими единственными знакомыми, которыхъ пощадила смерть. Рядомъ съ грустью, возбуждаемою въ душѣ моей могилами родныхъ, я ощущалъ и радость отъ того, что возобновилъ знакомство съ бушующей рѣкой и водопадами — моими первыми товарищами въ играхъ, которые нерѣдко чуть-чуть не опрокидывали моей лодки и не губили меня. Теперь, какъ и прежде, я смотрѣлъ, какъ на веселую игру летѣть по шумящимъ волнамъ и обливаться кипучимъ прибоемъ.

«Часто при опасныхъ водопадахъ уговаривали меня гребцы сойдти на берегъ и обойдти пѣшкомъ. Они торжественно увѣряли, что, не смотря на свою опытность, они не ручались за счастливый исходъ. Тѣмъ не менѣе однако, я постоянно оставался въ лодкѣ, и ни разу не случилось пожалѣть о своей дерзости, потому что Тотъ, Кто управляетъ всѣмъ, благословилъ нашъ путь и допустилъ счастливо доѣхать до Кеми, а здѣсь окончилось наше лапландское путешествіе».

Въ 1841 году, Кастренъ напечаталъ на шведскомъ языкѣ метрическій переводъ Калевалы, извѣстнаго цикла миѳическихъ стихотвореній древнихъ Финновъ; а въ концѣ того же года, онъ, по порученію

ращаешься со мной мирно, и за это я тебя люблю» — сказалъ онъ мнѣ однажды — «но я не могу жить въ комнатѣ. И поэтому будь милостивъ, освободи меня». Я возвысилъ тогда дневную плату, далъ Самоѣду больше водки, позволилъ ему привести жену и ребенка, угощалъ даже жену водкой, и всѣми средствами старался разсѣять мрачныя думы Самоѣда. Этимъ уговорилъ я его остаться еще на нѣсколько дней. Въ моей комнатѣ на полу, какъ въ юртѣ, сидѣли мужъ, жена и ребенокъ, мужъ все время былъ занятъ со мной, жена шила самоѣдское платье и иногда помогала мужу въ переводахъ. Часто я слышалъ какъ она глубоко вздыхала, и разъ, когда я спросилъ ее о причинѣ ея грусти, она залилась слезами, и рыдая, отвѣчала мнѣ, что горюетъ о своемъ мужѣ, который въ моей комнатѣ запертъ какъ въ тюрьмѣ. «Твоему мужу», возразилъ я, «вовсе не хуже, чѣмъ тебѣ самой. Ну скажи мнѣ, что ты думаешь о своемъ собственномъ положеніи?» — «Я о себѣ не думаю, а горюю о мужѣ», наивно отвѣчала они.

«Наконецъ и мужъ и жена такъ умоляли меня объ освобожденіи, что я рѣшительно не былъ въ состояніи отказать въ ихъ просьбѣ».

По дорогѣ отъ Пёши до Пустозерска, послѣ того какъ здѣсь Кастренъ попробовалъ еще разъ отыскать себѣ учителя самоѣдскаго языка, онъ близко познакомился съ бурей въ тундрѣ.

«Непогода началась и усилилась до такой степени, что къ полудню нельзя было видѣть оленей, запряженныхъ въ наши сани. Покрышку моихъ саней, сначала нѣсколько меня защищавшую, къ вечеру снесла буря. Страшась за свою судьбу, я спросилъ моихъ проводниковъ, сколько мы отъѣхали, на что они отвѣчали: «Мы не знаемъ мѣста и ничего не видимъ». Такъ отвѣчали ямщики каждый разъ, какъ сгребали массу снѣга, который заносилъ меня. При этомъ они замѣтили, что моя *малица* промокла отъ снѣга, и одинъ изъ нихъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ свой *савикэ*, часть одежды, которая соотвѣтствуетъ лапландскому пески, и надѣвается сверхъ малицы. Но на мое горе я нѣсколько выше обыкновеннаго роста, что часто меня затрудняло относительно саней и одежды, и въ настоящемъ случаѣ, я не могъ принять сердечнаго предложенія Самоѣда, и принужденъ былъ съ терпѣніемъ покориться закону необходимости мало по малу промокнуть насквозь. Мы продолжали путь шагъ за шагомъ, мѣняя направленіе, то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ мы доѣхали до хорошо знакомой ямщикамъ рѣки,

«Ѣхавшій впереди спустился съ своими оленями на ледъ и поѣхалъ далѣе по льду, чтобы отыскать дорогу получше. Но въ этой экскурсіи онъ совершенно пропалъ. Тогда другой ямщикъ отправился отыскивать своего товарища, а я остался въ тундрѣ совершенно одинъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, рѣшительно не зная куда дѣвались ямщики, потому что все, что я теперь разсказываю, я узналъ только когда мы пріѣхали къ ближайшей юртѣ. Сначала я даже не зналъ, что мои проводники исчезли, но потомъ, получивъ это печальное свѣдѣніе, я подумалъ, что они бѣжали со страха.

«Я не стану описывать внутренняго своего состоянія, но я чувствовалъ, что въ платьѣ, промокшемъ насквозь въ теченіи дня, меня затрясла страшная лихорадка, когда съ наступленіемъ ночи холодъ увеличился. Я думалъ, что пробилъ мой послѣдній часъ, и приготовился путешествовать въ иной міръ.»

Когда же наконецъ послѣ долгаго плутанія путешественники достигли нѣсколькихъ самоѣдскихъ юртъ, тогда старшій ямщикъ изъ ѣхавшихъ съ Кастреномъ, сталъ на колѣни и молитвой выразилъ свою радость. «Не я, а Онъ спасъ тебя въ эту ночь», закончилъ ямщикъ.

На слѣдующее утро, погода поутихла, и такъ какъ легко было отыскать дорогу вверхъ по рѣкѣ Индигѣ, на 40 или 50 верстъ до русскаго двора, то неутомимый Кастренъ рѣшился на дальнѣйшій путь. Въ послѣднемъ названномъ мѣстѣ онъ хотѣлъ пробыть нѣсколько времени съ учителемъ, котораго взялъ съ собой изъ самоѣдскихъ юртъ.

«Но точно также, какъ и въ предыдущій день снова поднялась непогода, которая къ вечеру такъ усилилась, что противъ вѣтра нельзя было ни дышать, ни сидѣть открывши глаза. Въ ушахъ слышался постоянный шумъ, который дѣйствовалъ одуряющимъ образомъ. Мокрый снѣгъ промочилъ меня днемъ, а вмѣстѣ съ ночью наступилъ и морозъ. Наконецъ, измерзшій я пріѣхалъ къ полуночи на русскій дворъ. Трудная поѣздка такъ истощила меня, что я едва держался на ногахъ. Я совершенно почти потерялъ разсудокъ, а зрѣніе такъ пострадало отъ вѣтра, что я нѣсколько разъ ударился лбомъ объ стѣну. Цѣлыя сутки послѣ этого раздавался у меня въ ушахъ свистъ вѣтра.»

Нѣсколько дней спустя, Кастренъ достигъ деревни Пустозерска,

безспорно самаго пустыннаго мѣста въ мірѣ. Здѣсь не видишь даже слѣдовъ деревьевъ, нѣтъ даже скалъ и камней, и только лишь зима стелетъ передъ глазами неизмѣримую, плоскую, снѣжную поверхность, по которой безпрепятственно разгуливаютъ вѣтры.

Они бушуютъ здѣсь безъ перерыва, и часто съ такою силой, что обитатели страны не могутъ достать себѣ воды и дровъ для отопленія своихъ жилищъ. Иногда вѣтеръ срываетъ крыши съ домовъ, и къ стѣнамъ наноситъ такія массы снѣга, что они поднимаются почти до кровли. Чтобы не быть совершенно занесенными снѣгомъ, жители прогребаютъ вокругъ домовъ узкіе ходы, потому что слишкомъ большаго труда стоило бы разгребать всю массу нанесеннаго вѣтромъ снѣга.

Въ этой странѣ Кастренъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, ибо, не смотря на всѣ неудобства этого мѣстопребыванія, ему представился превосходный случай, чтобы продолжать свои работы для изученія языка, обычаевъ и религіи Самоѣдовъ. Эти кочевники приходили въ Пустозерскъ преимущественно для мѣны своихъ товаровъ на муку и другія необходимости, но многіе изъ этихъ Самоѣдовъ часто повторяли свои посѣщенія, желая почаще удовлетворять свою страсть къ вину. Наконецъ Самоѣды перестали появляться, очевидно Пустозерскій сезонъ окончился, тогда Кастренъ въ апрѣлѣ переѣхалъ на 150 верстъ южнѣе въ деревню Устьсыльмскъ на рѣкѣ Печорѣ, гдѣ, какъ ему разсказывали, еще держались тундровые Самоѣды. Путь проходилъ по такой пустынной и грустной странѣ, что дѣйствительно можно подумать, какъ говорятъ тамошніе шаманы, что эта страна не создана Богомъ, а образовалась послѣ всемірнаго потопа, впрочемъ мѣстность становится лучше вблизи Устьсыльмска (65° 5 с. ш.), гдѣ еще ростутъ виды сѣверныхъ деревьевъ. Но чего въ Устьсыльмскѣ мало, такъ это разумныхъ людей, ибо мѣстечко было населено самыми грубыми и упрямыми раскольниками, какихъ Кастренъ когда-либо видѣлъ. Не зная ни одной изъ 10 заповѣдей, живя въ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, эти сектанты считаютъ себя лучше другихъ грѣшниковъ, и воображаютъ, что Богъ предназначилъ для нихъ свое небо, ибо они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, молятся передъ старинными иконами, Спасителя зовутъ Іисусомъ и никогда не ходятъ въ церковь. Эти раскольники объявили невиннаго филолога колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, и ругали и оскорбляли его во время

его странствія. Слѣпая ярость ихъ дошла наконецъ до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за нужное переѣхать еще на 100 верстъ южнѣе въ Ижемскъ на Ижмѣ. Но худая слава шла за нимъ по пятамъ, и, не смотря на то, что исправникъ и его жена весьма горячо взяли его сторону, все-таки толпа считала его за безбожника. Но по крайней мѣрѣ здѣсь, все время пока неустановился путь, Кастренъ могъ безпрепятственно заниматься изученіемъ самоѣдскаго языка. Въ концѣ іюня Кастренъ отправился вверхъ по Печорѣ, въ 400 верстахъ отстоящую деревню Кольву, гдѣ онъ и остановился на всѣ остальные лѣтніе мѣсяцы, а 19 сентября онъ продолжалъ свое путешествіе къ Обдорску, котораго впрочемъ онъ достигъ только черезъ 2 мѣсяца и съ большими затрудненіями, какихъ не приходилось испытать ему ни прежде, ни послѣ. По ту сторону Кольвы во всемъ бассейнѣ Усы болѣе не встрѣчается поселеній. Когда въ сентябрѣ поднимаешься вдоль по рѣкѣ, то видишь по ея берегамъ большіе, покрытые сѣрымъ осеннимъ цвѣтомъ луга, травою которыхъ никто не пользуется. Повсюду разсѣяны сгнившія деревья, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ, а другія повалились, изрѣдка блуждаютъ дикіе звѣри, но глазъ не встрѣчаетъ ни человѣка, ни человѣческихъ жилищъ. Ежедневно проносятся безчисленныя стаи дикихъ утокъ и гусей, которыя съ радостнымъ крикомъ возвращаются въ болѣе теплыя страны. Съ радостію можно было бы полетѣть по ихъ слѣдамъ.

Въ постоянной борьбѣ съ бурями и противнымъ вѣтромъ, наконецъ 27 сентября доплыли до бѣдной необитаемой хижины, отстоящей верстъ на 40 отъ Уральскаго хребта, и здѣсь Кастренъ съ 14 другими лицами, долженъ былъ прождать почти мѣсяцъ, пока не станетъ давно желанный зимній путь. Совершенное отсутствіе всякаго удобства, дурное общество, продолжительный дождь, пустынная страна, какъ бы оправдывающіе своебычное воззрѣніе Самоѣдовъ, что богъ смерти царитъ надъ землей, а елисейскія поля находятся въ ея нѣдрахъ — все это вмѣстѣ дѣлали пребываніе здѣсь болѣе и болѣе невыносимымъ. Наконецъ 25 октября наступилъ день освобожденія, и 3 ноября Кастренъ въ первый разъ увидѣлъ Уральскія горы во всей ихъ красотѣ — волнообразныя, высокія къ небу поднимающіяся вершины освѣщались звѣздами. Изъ средины хребта гордо поднималъ *князь Урала* свою бѣлую голову и безчисленныя звѣзды свѣтились вокругъ его. «Видишь ли какъ сегодня

милостивъ князь», сказалъ одинъ изъ Самоѣдовъ, «но иногда онъ иначе смотритъ». По этому поводу онъ разсказалъ о страшныхъ буряхъ, иногда бушующихъ на Уралѣ и сбрасывающихъ съ горы большіе камни и цѣлыя скалы. Переѣздъ по опасному проходу совершился счастливо и быстро, и 9 ноября 1843 г. Кастренъ доѣхалъ до Обдорска, и хотя силы ученаго поистощились и здоровье поиспортилось, но все-таки радовался онъ тому, что находится въ странѣ своихъ мечтаній, что вступилъ наконецъ на священную почву Азіи. Печальный Обдорскъ, самая сѣверная колонія Западной Сибири, былъ въ самомъ дѣлѣ высшей школой для ревностнаго филолога, ибо на здѣшній базаръ Остяки и Самоѣды тысячами стекались изъ самыхъ отдаленныхъ пустынь. Слѣдовательно здѣсь Кастренъ имѣлъ возможность расширить свои знанія, но разстроенное здоровье не позволило ему долго пробыть въ этомъ филологическомъ раю. И Кастренъ принужденъ былъ отправиться изъ Обдорска въ Березовъ, а отсюда въ Тобольскъ и наконецъ въ мартѣ 1844 г. кратчайшимъ путемъ онъ отправился въ Финляндію, чтобы на любимой родинѣ почерпнуть новыя силы для продолженія своихъ сибирскихъ работъ. Уже въ маѣ слѣдующаго 1845 г. мы встрѣчаемъ выздоровѣвшаго и по прежнему ревностнаго Кастрена снова въ Тобольскѣ, а въ іюлѣ онъ отправился вверхъ по величественной Оби въ Сургутъ.

Неограниченная берегами водная поверхность рѣки не представляла взору никакого разнообразія, кромѣ незначительныхъ лѣсныхъ островковъ и затопленныхъ деревень, да еще небольшихъ группъ древесныхъ вершинъ, выходящихъ изъ воды. Кругомъ одна нищета и запустѣніе. Многія семейства Остяковъ принуждены были отъ необычно-большаго разлива оставить свои жилища и удалиться въ лѣса.

Далѣе Кастренъ дивился дикости колоссальной природы. Число жителей здѣсь безконечно мало, да и тѣ занимаются охотой и рыбной ловлей, а земля предоставлена самой себѣ и остается въ невоздѣланномъ состояніи. Всего чаще человѣческія жилища окружены болотами и непроходимыми лѣсами. Болота, невоздѣланныя поля и сухіе перелѣски слѣдуютъ другъ за другомъ.

Старая трава не даетъ рости молодой и первая еще въ іюлѣ покрываетъ землю сѣропепельнымъ цвѣтомъ. Рѣдко видишь живое существо, кромѣ журавлей, дикихъ гусей и утокъ. Отъ Сыльярска до Сургута на 200 верстахъ всего 3 русскихъ деревни, а Остяки живутъ большею частію по побочнымъ рѣчкамъ.

Въ Красноярскѣ на Енисеѣ, гдѣ Кастренъ находился въ апрѣлѣ 1846 г., его ожидала радостная нечаянность. Припомните ижемскихъ раскольниковъ въ самоѣдской тундрѣ и помощь оказанную Кастрену тамошнимъ исправникомъ и его милой молодой женой. Она напоминала цвѣтокъ, благоухающій въ пустынѣ. Краснорѣчивая на словахъ она при этомъ обладала необыкновеннымъ таллантомъ письменно выражать свои мысли. Это рѣдкое существо была дочерью поселеннаго въ Красноярскѣ крѣпостнаго человѣка, который все свое нажитое состояніе употребилъ па образованіе своего талантливаго дитяти. Молодой, любезный полякъ покорилъ ея сердце, она вышла за него замужъ и послѣдовала за нимъ въ самоѣдскую тундру. Когда Кастренъ сообщалъ 3 года тому назадъ этой женщинѣ планъ своего путешествія, она сообразила, что онъ будетъ въ Красноярскѣ именно около этого времени и написала письмо, которое пришло на мѣсто своего назначенія изъ-за 6000 верстъ за нѣсколько часовъ до прибытія Кастрена. Это было рекомендательное письмо къ отцу этой женщины, котораго она просила принять чужестранца съ полнымъ участіемъ. Можно себѣ представить, какъ благотворно подѣйствовалъ и тронулъ одинокаго путешественника такой дружескій привѣтъ изъ другой части свѣта.

Но недолго наслаждается Кастренъ такими пріятными воспоминаніями, ибо сѣверъ зоветъ его къ себѣ для изученія тамошнихъ народцевъ вдоль мощнаго Енисея, какъ изучилъ онъ ихъ по Оби. Сначала іюня до конца іюля литературныя занятія съ туземцами задержали его въ Туруханскѣ, гдѣ близь полярнаго круга онъ много вытерпѣлъ отъ жары, невыносимыхъ мухъ и ежедневныхъ дождей. Въ началѣ августа, по народнымъ метеорологическимъ наблюденіямъ, начинается новая пора, обыкновенная муха исчезаетъ, ея мѣсто занимаетъ муха меньшей величины, но еще болѣе докучливая; трава желтѣетъ; сѣверный холодный вѣтеръ обрываетъ листья съ деревьевъ; туземный рыбакъ удаляется въ лѣса, утки и гуси мало по малу начинаютъ отлетать. И Кастренъ въ свою очередь готовится къ отъѣзду изъ Туруханска, но не для того, чтобы слѣдовать на югъ за отлетными птицами, а для того, чтобы, слѣдуя Енисею, еще глубже зарыться въ сѣверныя пустыни.

Ниже Туруханска Енисей укрощаетъ свой быстрый бѣгъ; лодку тащатъ собаками и при неблагопріятной погодѣ дѣлаютъ съ утра до вечера всего 5—10 верстъ. Во время этого скучнаго путеше-

ствія Кастренъ имѣлъ достаточно времени, чтобы восхищаться тальникомъ на лѣвомъ и сосновымъ лѣсомъ на правомъ берегу рѣки, неистаивающими, занесенными на берега весеннимъ разливомъ, массами льда и безчисленными стаями утокъ и гусей, съ крикомъ летѣвшими надъ головой путешественника. Черезъ день появилась юрта изъ древесной коры.

Около 365 верстъ ниже Туруханска находится Плахина, бѣдная стоянка, состоящая изъ 3 бѣдныхъ хижинъ. Недалеко отсюда князь Тазовскихъ Юраковъ раскинулъ свой лѣтній лагерь, чтобы по древнему обычаю ловить рыбу въ Енисеѣ. Намѣреваясь посвятить нѣсколько времени изученію этого маленькаго самоѣдскаго народца, Кастренъ велѣлъ очистить лучшую изъ упомянутыхъ хижинъ, которая все-таки отличалась обиліемъ неудобствъ.

Въ кабинетъ филолога дневной свѣтъ проникалъ черезъ небольшое, бумагой затянутое отверстіе, такъ что Кастренъ даже днемъ часто принужденъ былъ заниматься при огнѣ. Не менѣе было непріятно и то, что пламя находилось въ безпрерывномъ движеніи отъ вѣтра, проникающаго сквозь стѣны, — еще невыносимѣе былъ ѣдкій дымъ, отъ котораго даже захватывало дыханіе. Хотя поправили сквозную крышу, но все же нужно было при каждомъ сильномъ дождѣ — а дождь шелъ почти постоянно — прекращать всякую работу, прятать бумаги и самому укрываться какъ будто подъ чистымъ небомъ. Къ тому же присоединилась забота о необходимыхъ для поддержанія жизни предметахъ. Проведя 3 недѣли въ этомъ земномъ раю, Кастренъ поѣхалъ въ Хантайку, 40 верстъ еще далѣе, здѣсь онъ имѣлъ болѣе удобную квартиру, и могъ усовершенствоваться въ юракскомъ языкѣ. Потомъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дудинкѣ, деревнѣ (двѣ три хижины уже носятъ въ Сибири такое почетное названіе), лежащей въ 577 верстахъ ниже Туруханска; а 16 ноября Кастренъ отправился еще далѣе на сѣверъ въ зимнюю стоянку Толстый Носъ, которую самъ называетъ знаменитой, и которая уже по своему положенію (71° с. ш.) заслуживаетъ такое пазваніе.

Въ саняхъ, покрытыхъ шкурами сѣверныхъ оленей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Самоѣдовъ на оленяхъ выѣхалъ Кастренъ изъ Дудинки Непріятность лежать какъ покойнику въ темномъ узкомъ ящикѣ побудила Кастрена перемѣнить экипажъ на открытыя сани; за эту неосторожность онъ поплатился тѣмъ, что отморозилъ себѣ

ноги, пальцы рукъ и нѣкоторыя части лица. Сдѣлавъ это открытіе, на слѣдующей стоянкѣ Кастренъ опять залѣзъ въ сани подобныя первымъ, и послѣ 9 дневнаго путешествія въ темнотѣ, наконецъ доѣхалъ до Толстаго Носа, деревни состоящей изъ 4 хижинъ, одна бѣднѣе другой. Въ одной изъ этихъ хижинъ онъ устроился, какъ только могъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль продолжалъ свои занятія при огнѣ, ибо здѣсь солнце исчезаетъ уже въ ноябрѣ, и только въ полдень на горизонтѣ показывается слабая краснота. За то блѣдноликій мѣсяцъ даже середи дня разгуливаетъ на далекомъ небесномъ пространствѣ. По утрамъ тундра почти всегда покрыта сѣрымъ туманомъ, который обыкновенно исчезаетъ къ вечеру, послѣ чего луна, звѣзды и мерцающее сѣверное сіяніе, какъ бы волшебнымъ свѣтомъ, одѣваютъ неизмѣримыя снѣжныя поля.

Наконецъ нечему было научиться у кочевниковъ, собравшихся въ Толстомъ Носѣ, и Кастренъ отправился на югъ. Въ Хантайкѣ лѣтомъ свѣтлая, удобная комната оказалась, не смотря на массивную печь и четыре ледяныхъ окна, почти на столько же холодною и темною какъ и самоѣдская юрта. По стѣнамъ текла вода, тюфяки и платья примерзали къ стѣнѣ. Въ ночь подъ Новый годъ отъ невыносимаго дыма Кастренъ, вскочивъ съ постели, убѣжалъ въ лѣсъ. Въ этомъ жилищѣ провелъ Кастренъ 3 недѣли, занимаясь самоѣдскими нарѣчіями при свѣтѣ ночника изъ жира, который горѣлъ съ утра до вечера.

Конечно Туруханскъ мѣстечко очень жалкое, но обрадуешься и ему, проживши полгода въ болотистой равнинѣ, и не видавъ солнечнаго свѣта въ теченіи 2 мѣсяцевъ сряду. Въ Туруханскѣ ежедневно поднимается солнце надъ горизонтомъ, и можно даже въ комнатѣ пользоваться дневнымъ свѣтомъ, ибо въ Туруханскѣ по крайней мѣрѣ 4 дома имѣютъ стекляныя окна. Желая поскорѣе увидать этотъ городъ, Кастренъ по старой привычкѣ рѣшился ѣхать день и ночь, но уже въ первую ночь чуть-чуть не поплатился жизнію за свое нетерпѣніе. Самоѣдъ, его проводникъ, въ ночной темнотѣ не замѣтилъ, что вода выступила на Енисеѣ и что ледъ мѣстами поломался. По этому онъ въѣхалъ въ воду настолько, что сѣверные олени не могли вывезти саней на берегъ, и приходилось буквально замерзнуть въ рѣкѣ. Ихъ спасла удивительная случайность.

Изъ уваженія къ академическимъ пакетамъ изъ Туруханска была отправлена эстафета къ Кастрену. Почтальонъ встрѣтилъ его именно

въ то самое время, когда онъ находился въ опасномъ положеніи, помогъ выбраться на берегъ и довелъ его до самоѣдской юрты, гдѣ Кастренъ отогрѣлъ свои замерзнувшіе члены. Въ эту страшную ночь одинъ Самоѣдъ отморозилъ ноги, а другой посланный развѣдать дорогу, къ великому сожалѣнію Кастрена, погибъ.

Кромѣ того поѣздка отъ Хантайки до Туруханска была полна непріятностей и приключеній всякаго рода. То лопнулъ ремень, то сломались сани, то сбились съ дороги, или сѣверные олени такъ уставали, что приходилось пѣшкомъ добираться до станціи или зимовки, гдѣ путешественникъ едва находилъ нужное тепло, а нечего и говорить о пищѣ.

Послѣ этого можно себѣ вообразить восхищеніе Кастрена, когда наконецъ въ срединѣ 1847 г. онъ въѣхалъ въ Туруханскъ на саняхъ, въ которыя было запряжено 16 собакъ.

Здѣсь провелъ онъ 3 дня въ ревматизмахъ, съ зубной болью и съ стрѣляніемъ въ ушахъ, обезсиленный настолько, что даже не могъ написать письма. Страдая грудью, онъ добрался наконецъ до Енисейска 3 апрѣля 1847 г.

Не смотря на болѣзнь, онъ все таки ревностно занялся изученіемъ остятскаго языка: какъ ни слабо было тѣло, но оно должно было покориться любознательному духу.

Едва здоровье Кастрена нѣсколько поправилось въ Енисейскѣ, какъ потребовалось познакомиться съ Сойотами, и Кастренъ намѣревался отправиться въ небесную имперію черезъ Саянскія горы. Нужно было узнать принадлежатъ ли Сойоты къ самоѣдскому племени или нѣтъ, а добросовѣстный Кастренъ счелъ бы свое путешествіе не достигшимъ цѣли, если бы такой важный пунктъ остался не разъясненнымъ.

«Мое полное приключеній путешествіе окончено», пишетъ Кастренъ отъ 17 августа къ своему другу Скогрену изъ деревни Тесъ, на рѣкѣ Тубѣ. «Въ теченіи цѣлаго мѣсяца я почти каждый день съ восхода и до заката солнца не сходилъ съ сѣдла, и такъ какъ Саянскій іюльскій день былъ для меня все еще коротокъ, то я иногда прибавлялъ къ нему часть превосходнаго луннаго вечера. Путь мой шелъ по пустыннымъ и непроложеннымъ дорогамъ, по крутымъ пропастямъ и высокимъ горамъ, черезъ рѣки и болота, по пустыннымъ лѣсамъ и едва проходимымъ чащамъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ заведеній для промывки золота на моемъ пути не было человѣчес-

кихъ жилищъ, слѣдовательно я былъ принужденъ въ солнечный или дождливый день, въ жаръ и холодъ, въ бурю и непогоду, проводить время или подъ открытымъ небомъ, или въ палаткѣ. Пища моя въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ состояла изъ коровьяго, овечьяго или козьяго молока, иногда изъ корней различныхъ травъ, обыкновенно же я пилъ чай съ хлѣбомъ. Къ самымъ большимъ неудачамъ я все-таки причисляю безпрестанное спотыканіе моей Россинанты, на которой я почти также дурно чувствовалъ себя какъ и благородный ламанчскій рыцарь во время своей битвы съ вѣтреными мельницами.

«Дорога лѣтомъ такъ топка, что лошадь вязла въ илу, почти по брюхо. Иногда она дѣйствительно вязла въ глинѣ. Не слишкомъ горячая лошадь тотчасъ же ложится на бокъ, и я не разъ былъ въ опасности сломать ногу въ стремени. Если же лошадь нетерпѣлива, то она начинаетъ лягаться, бросаться въ стороны, такъ что сѣдоку угрожаетъ опасность разбить руки и ноги о близь стоящія деревья или проломить голову. Иногда же лошадь ложится на брюхо, чтобы спуститься съ горы вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Изъ безчисленныхъ опасностей, которымъ я подвергался, разскажу одинъ примѣръ.

«Бурей сломанное дерево лежало поперекъ дороги, но такъ высоко надъ землей, что ѣхавшему впереди меня пришлось только немного нагнуться. Я же наклонился такъ низко, что грудью лежалъ на передней лукѣ, но такъ какъ моя лошадь была значительно выше лошади передоваго ѣздока, то я страшно придавилъ себѣ грудь и безъ того уже больную.

«Впрочемъ ѣзда лѣсомъ имѣетъ и свои свѣтлыя стороны, именно, когда, остановившись вечеромъ, разсѣдлаешь коней, разложишь огонь и подвѣсишь котелъ. Разстелешь попону, сѣдло служитъ вмѣсто стула. Каждый приноситъ свою посуду; священникъ и золотопромышленникъ лучшую, а ученый самую плохую. Сыръ и водка, чай, бульонъ и мадера, рыба и мясо, шампанское и икра, все это поѣдается одно за другимъ, ибо здѣсь уже заразъ и завтракаешь, и обѣдаешь и ужинаешь. За виномъ поютъ и потомъ засыпаютъ подъ зеленью деревьевъ, не обращая вниманія ни на вѣтеръ, ни на дождь.

«Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ говоря о такомъ путешествіи припоминать, какъ ломили руки и ноги, зубную и всякую другую боль, но мое странствіе могло бы кончиться еще трагичнѣе —

китайскимъ плѣномъ. Русскимъ чиновникамъ весьма опасно переѣзжать китайскую границу безъ позволенія начальства, и кромѣ путешествующихъ ученыхъ никто бы не осмѣлился этого сдѣлать. Но золотопромышленники встрѣчаются же съ своими китайскими сосѣдями по обѣ стороны границы. На этомъ то я и основалъ свой планъ.

«Сойотскій дарга принялъ меня съ отверстыми объятіями; я долженъ былъ произнести ему рѣчь о здоровьи *бѣлаго* хана, а онъ самъ мнѣ разсказалъ, что и *великій* ханъ также совершенно здоровъ, что все благополучно, и что однимъ словомъ Далай-Лама оказывается во всѣхъ отношеніяхъ самымъ милостивымъ богомъ. Мы покурили и понюхали табаку вмѣстѣ, и дружба была заключена. Но на слѣдующій день все было забыто и я поплатился бы плѣномъ, еслибы немедленно не оставилъ страны. Поэтому я завлекъ даргу въ свой балаганъ, гдѣ за бутылку водки и за кусокъ краснаго сукна выхлопоталъ позволеніе остаться тутъ, пока не отдохнутъ мои люди.

«Я ужѐ прежде нанималъ бѣдняковъ, которые разсказали мнѣ все, что нужно было знать. Поэтому я уже вовсе не сомнѣвался, что Сойоты народъ, большею частію, самоѣдскаго происхожденія, хотя говорящій тюркскимъ діалектомъ. Окончивъ работу, я весело возвратился въ Русское царство.»

Въ мартѣ 1848 года мы находимъ Кастрена въ Иркутскѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ предпринимаетъ путешествіе за Байкалъ, чтобы у бурятскихъ ламъ продолжать, начатое въ Нижнеудинскѣ изученіе монгольскаго языка, и у этого по своему весьма образованнаго духовенства собрать выводы о доисторическомъ времени Сибири. Что касается до тѣлеснаго довольства, то на берегу Селенги Кастрену во всякомъ случаѣ было лучше, нежели 5 лѣтъ тому назадъ на берегахъ Печоры. Въ каждой бурятской юртѣ чужестранцу предлагали чашку монгольскаго чая, свареннаго съ молокомъ, жареную баранину, сыръ и молоко. У ламъ столъ еще лучше, а между Бурятами ламы встрѣчаются во всѣхъ закоулкахъ: изъ 4 человѣкъ одинъ ужь непремѣнно лама. Удобства жизни достались ламамъ впрочемъ не даромъ, они за это, какъ католическіе бенедиктинцы, должны много учиться и много учить наизустъ. Отъ каждаго хорошо ученаго буддійскаго жреца требуется, чтобы онъ зналъ какъ Гандчуръ, такъ и Дандчуръ, хотя эти книги и не отличаются особымъ лаконизм-

момъ, ибо въ своихъ 200 томахъ содержатъ богословіе, мораль, философію, астрономію и историческіе разсказы всякаго рода. Каждый изъ нихъ долженъ знать по-тибетски, а самые ученые изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ познанія и въ санскритскомъ. Свою врачебную мудрость они почерпаютъ изъ тибетскихъ источниковъ, и выписываютъ лекарства изъ Пекина. Кромѣ того ламы очень много занимаются каллиграфіей и рисованіемъ. Въ каллиграфическомъ отношеніи Кастренъ ничего не видалъ красивѣе рукописей бурятскихъ ламъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были украшены золотыми и серебряными буквами на сумму нѣсколькихъ тысячъ рублей сер.

Кастренъ нашелъ олицетворенное некорыстолюбіе въ Нендакѣ Банпиловѣ, повсюду уважаемомъ главѣ всѣхъ Бурятъ Селенгинскаго округа, корреспондентѣ Казанскаго университета, кавалерѣ разныхъ орденовъ и пр. и пр. Этотъ сановникъ подобно всѣмъ остальнымъ Бурятамъ ходилъ въ овчиномъ тулупѣ, и только въ праздники надѣвалъ сверху шелковое платье. Жилъ онъ либо въ юртѣ, либо въ обыкновенной бурятской избѣ, но для пріема именитыхъ гостей онъ воздвигъ прекрасное зданіе рядомъ съ своей низенькой хижиной. Преданный вѣрѣ и обычаямъ своихъ отцевъ, Нендакъ былъ очень хорошо знакомъ съ монгольской литературой и имѣлъ превосходное собраніе монгольскихъ религіозныхъ сочиненій, которыми онъ позволялъ пользоваться всякому желающему. У этого въ своемъ родѣ весьма замѣчательнаго человѣка, Кастренъ пробылъ 14 дней и потомъ отправился далѣе въ однообразную степь.

Хотя Буряты умѣютъ строить различныя зданія, но все-таки любимымъ ихъ жилищемъ остается войлочная праотеческая палатка (кибитка). У богатыхъ Бурятъ съ лѣвой стороны стоятъ другъ надъ другомъ дорогіе сундуки, въ которыхъ хранятся соболи, дорогія матеріи и проч. У стѣны направо блеститъ самоваръ и прочая домашняя утварь; напротивъ двери помѣщается диванъ, передъ которымъ парадируютъ буддійскіе идолы. По обѣ стороны дивана висятъ серебромъ отдѣланныя сѣдла, мечи, луки. Одежда точно также составляетъ предметъ заботы. Хотя въ обыденной жизни козій или бараній тулупъ составляетъ обычную одежду и бѣдныхъ и богатыхъ, но когда нужно, у грубаго Бурята найдется и шелковый халатъ, подбитый чернымъ соболемъ. Женщины очень любятъ различныя украшенія, которыми они почти совершенно покрыты, подъ этими украшеніями онѣ носятъ длинное шелковое платье, а подъ

нимъ плотно стягивающійся казакинъ. Мущины и женщины носятъ на головѣ остроконечныя шелковыя шапки, отороченныя собольимъ мѣхомъ, и съ кускомъ красной шелковой матеріи сверху. На пальцахъ блестятъ золотые, серебряные перстни. Такимъ образомъ и у Бурятъ богатые окружаются блескомъ и роскошью, а бѣднымъ достается въ удѣлъ трудъ и забота.

Бурятскіе князьки съ древнихъ временъ пользуются титуломъ тайши, который наслѣдственъ для мущинъ, но не для женщинъ. Послѣ покоренія Бурятъ Русскими, тайши какъ и прежде владѣли народомъ, но только должны были платить ясакъ. Кромѣ того Буряты должны поправлять дороги, давать лошадей для перевозки правительству принадлежащихъ тяжестей, и выставлять на границу 4 конныхъ полка. Бурятъ считаютъ до 180,000 душъ.

Дальнѣйшія странствованія Кастрена представляютъ мало интереснаго. Его задача была рѣшена; отъ Ледовитаго моря до Алтая онъ основательно изслѣдовалъ своихъ дикихъ соплеменниковъ, и, растративъ на этомъ поприщѣ здоровье и силы, отправился на свою родину. Но ни воздухъ отечества, ни профессорская каѳедра въ Гельсингфорсѣ, не могли поправить состоянія нѣкогда столь крѣпкаго тѣла.

Прострадавъ нѣсколько лѣтъ, Кастренъ умеръ осенью 1855 г. Вся Финляндія оплакивала его потерю, ибо чувствовала, что въ немъ потеряла человѣка, который передастъ позднимъ потомкамъ славу своего народа. Извѣстіе о преждевременной смерти Кастрена болѣзненно отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, даже въ сибирскихъ пустыняхъ.

ГЛАВА VII.

САМОѢДЫ.

Невѣжество Самоѣдовъ. — Шаманство. — Одежда и барабанъ шамановъ. — Самоѣдскіе идолы. — Идолъ на Вайгачѣ. — Духи. — Заклинаніе духовъ. — Шаманъ у постели больнаго. — Какъ дѣлаются шаманами? — Торжественная присяга. — Наружный видъ и характеръ Самоѣдовъ. — Одежда. — Самоѣдская свадьба. — Мрачный взглядъ Самоѣда на жизнь. — Число Самоѣдовъ.

Еще грубѣе, еще невѣжественнѣе, еще глубже погруженъ въ варварство нежели Лапландецъ его сосѣдъ и своякъ Самоѣдъ; и это легко объясняется тѣмъ, что послѣдній живетъ еще въ большей пустынѣ, и еще болѣе удаленъ отъ соприкосновенія съ образованными народами.

Онъ живетъ въ самыхъ дикихъ и недоступныхъ тундрахъ и лѣсахъ сѣверной Европы и западной Сибири. Или кочуетъ онъ съ своими оленями по безлѣснымъ пустынямъ отъ восточнаго берега Бѣлаго моря до береговъ Хатанги, или охотится по неизмѣримымъ лѣсамъ, которые тянутся отъ Оби до Енисея. Одинокій кочевникъ, онъ почти никогда не соприкасается съ жилищами осѣдлаго человѣка, а если это и бываетъ, то узнаетъ его съ самой дурной стороны, ибо на ярмаркахъ такихъ несчастныхъ мѣстечекъ, какъ Обдорскъ или Пустозерскъ, онъ слишкомъ часто дѣлается жертвою обмана. Возможно ли въ такихъ условіяхъ освободиться Самоѣду отъ узъ и невѣжества? Откуда придти свѣту, который бы разсѣялъ мракъ его души?

Къ Лапландцамъ проникли благородные люди и сообщили имъ благодать христіанства. Повсюду, хотя и на большихъ разстояніяхъ, поселились проповѣдники, которые словомъ и примѣромъ дѣйствуютъ на Лапландца, съ самопожертвованіемъ отыскиваютъ его по пустынѣ, поучаютъ и утѣшаютъ его. — Не такъ счастливъ Самоѣдъ, который по большей части упрямо держится за праотеческое язычество, и все еще слѣпо вѣруетъ въ своихъ лжепророковъ — шамановъ.

Мы встрѣчаемъ этихъ волшебниковъ подъ различными именами по всему крайнему сѣверу Стараго и Новаго Свѣта — повсюду, куда еще не проникло христіанство. Обычаи ихъ, за несущественными и малыми уклоненіями, повсюду одни и тѣ же; слѣдовательно описаніе шаманства у Самоѣдовъ годится для всѣхъ народовъ, о которыхъ будемъ говорить въ этой книгѣ.

Шамановъ собственно нельзя называть жрецами, какъ нельзя назвать шаманство религіей, ибо о богопочитаніи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Хотя Самоѣды признаютъ высшее существо — Нумъ или Илибеамбэртье (покровитель скотоводства) — которое живетъ въ воздухѣ, и какъ древній Юпитеръ ниспосылаетъ человѣку громъ и молнію, дождь и снѣгъ, вѣтеръ и бурю. Самоѣды даже поэтически украшаютъ его, и доказательствомъ, что даже у самыхъ грубыхъ народовъ существуетъ поэтическая фантазія, можетъ служить то, что они называютъ радугу окраиной его мантіи. Однакоже они очень мало думаютъ о немъ, какъ и Остяки о своемъ Турумѣ. Онъ слишкомъ далеко стоитъ отъ нихъ, чтобы они надѣялись пріобрѣсти его милость молитвами и жертвами, и по этому онъ долженъ довольствоваться, какъ и всѣ владыки, отъ которыхъ немногаго ждешь, безплоднымъ признаніемъ своего бытія. Въ честь его не прирѣжутъ даже исхудалой куропатки, а о сѣверномъ оленѣ и говорить нечего.

Кромѣ Нума, существуетъ еще множество подчиненныхъ божествъ, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбѣ человѣка; это какія-то капризныя существа, которыхъ подарками можно совратить съ пути справедливости, или заставить служить себѣ посредствомъ заклинаній. И къ этимъ то божествамъ обращается Самоѣдъ, когда нужна ему высшая помощь. Эти божества или идолы, или духи.

Самый знаменитый изъ всѣхъ самоѣдскихъ идоловъ лежитъ рядомъ со многими другими на островѣ Вайгачѣ, гдѣ еще нашелъ его старый Баренцъ.

Этотъ идолъ есть ничто иное, какъ большая каменная глыба, имѣющая человѣку подобный образъ, но только голова заостряется. Не рука художника сдѣлала его, а капризъ природы. Чудесность его явленія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никто не знаетъ откуда онъ взялся, ибо было отдаленное время, такъ говоритъ преданіе, когда островъ не былъ осчастливленъ его пребываніемъ.

По этому оригиналу Самоѣды надѣлали себѣ много большихъ и маленькихъ идоловъ изъ камня или дерева, которыхъ называютъ сьядеями, отъ человѣческаго лица (sja). Самоѣды одѣваютъ этихъ идоловъ (они могутъ быть мужескаго или женскаго пола) въ самоѣдское платье изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, и украшаютъ различнѣйшими привѣсками.

Впрочемъ сходство съ человѣкомъ по формѣ вовсе не составляетъ необходимости для самоѣдскаго идола. Достаточно камню или дереву имѣть нѣсколько странную форму, чтобы заслужить такую высокую честь. Если предметъ малъ, то дикарь заботливо окутываетъ его въ пестрыя тряпки и повсюду таскаетъ его съ собой. Если же онъ слишкомъ тяжелъ для странствованій, то считаютъ его за общаго народнаго бога. Какъ у Остяковъ за поѣздомъ кочующаго племени всегда слѣдуютъ особыя сани (гагенганъ), въ которыхъ везутъ домашнихъ боговъ (гаге). Одинъ изъ этихъ пенатовъ покровительствуетъ сѣвернымъ оленямъ, отъ другаго зависитъ здоровье, третій оберегаетъ семейное счастіе, четвертый наполняетъ рыболовную сѣть. Смотря по надобности, на пастбищѣ оленей, при охотѣ или рыбной ловлѣ домашній богъ выставляется въ палатку. Послѣ этого намазываютъ ему губы рыбьимъ жиромъ или кровью, и подставляютъ блюдо съ рыбой или мясомъ, надѣясь, что богъ сторицею заплатитъ за вкусную трапезу. Когда нужда въ богѣ прошла, то о немъ точно также мало заботятся, какъ Неаполитанскій рыбакъ о своей мадонѣ по окончаніи бури — и богъ голодаетъ.

Идолы тѣмъ удобны для Самоѣдовъ, что съ ними можно совѣтоваться и просить ихъ помощи, безъ всякаго знакомства съ таинствами и магіей. Иное дѣло съ духами или невидимыми божествами (тадебтсіосъ), которые витаютъ въ воздухѣ и готовятъ бѣдному человѣку болѣе зла, чѣмъ добра, и просить о помилованіи или заставить ихъ служить себѣ можно только посредствомъ тадиба или шамана. Этотъ проникаетъ своимъ окомъ въ міръ духовъ и укрощаетъ ихъ магической силой. Но прежде нежели снимется передъ нимъ завѣса съ невидимаго міра, онъ, какъ Кумская Сивилла, долженъ прійти въ экстазъ, ибо въ спокойномъ состояніи видитъ не далѣе обыкновеннаго человѣка. Когда потребуютъ услуги отъ шамана, то прежде всего онъ закутывается въ свой волшебный плащъ. Этотъ плащъ состоитъ изъ замшевой рубашки (самбуртсья), отороченной

краснымъ сукномъ. Швы точно также покрыты краснымъ сукномъ, а на плечахъ красуются изъ того же яркаго сукна сдѣланные наплечники. На глаза навѣшивается кусокъ сукна, ибо не глазами, а внутреннимъ окомъ проникаетъ тадибъ въ духовный міръ. Голова не покрывается ничѣмъ, а вышеупомянутый кусокъ сукна прикрѣпляется двумя тонкими красными суконными же полосками, изъ которыхъ одна идетъ по затылку, а другая по темени. На груди блеститъ полированная желѣзная пластинка. Впрочемъ этотъ торжественный нарядъ не у всѣхъ народовъ одинаковъ. Такъ тунгузскіе шаманы надѣваютъ родъ шлема со множествомъ бубенчиковъ (дурацкій колпакъ если угодно, но часто подъ нимъ скрывается плутъ), а на всемъ платьѣ виситъ множество тонкихъ полированныхъ стальныхъ пластинокъ, какъ бы ножовыхъ клинковъ, которые при каждомъ движеніи производятъ особенный звонъ. Часто множество звѣриныхъ хвостовъ, или, какъ у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ Индійцевъ, иголъ дикобраза пришивается къ мантіи, чтобы усилить страшное впечатлѣніе. Наряженный такимъ образомъ, шаманъ беретъ свой страшный волшебный барабанъ, мощные звуки котораго должны пробудить духовъ отъ сна. Барабанъ этотъ круглой формы, а величина его различна у различныхъ шамановъ. Самый большой, видѣнный Кастреномъ, имѣлъ $^5/_4$ фута въ поперечникѣ и $^1/_8$ фута въ вышину. На барабанѣ натянута прозрачная оленья кожа, и смотря по богатству тадиба, болѣе или менѣе украшенъ мѣдными кольцами и другими украшеніями.

При церемоніи заклинанія тадибу обыкновенно помогаетъ еще не вполнѣ посвященный въ магію ученикъ. Они или садятся, или ходятъ вокругъ. Старшій бьетъ въ барабанъ сначала тихо, потомъ сильнѣе и быстрѣе, и при этомъ поетъ какія-то слова мистическимъ ужасающимъ напѣвомъ. Ученикъ тотчасъ же начинаетъ вторить, и оба поютъ одни и тѣ же слова, безконечно растягивая каждый слогъ. Тутъ прилетаютъ духи и начинается переговоръ. Старшій тадибъ время отъ времени останавливается, вѣроятно для выслушиванія отвѣтовъ невидимаго духа, и слабо барабанитъ. Въ это время помощникъ продолжаетъ пѣть и повторять послѣднія слова, сказанныя учителемъ. Наконецъ нѣмой разговоръ окончился, и пѣніе превращается въ какой то дикій, звѣриный ревъ. Барабанъ кажется лопнетъ отъ страшныхъ ударовъ. Какъ у безумнаго горятъ глаза шамана, пѣна выступаетъ у него изо рта — страшный шумъ вдругъ прерывается и раздается предсказаніе оракула.

Къ шаману обращаются не только чтобы отыскать потеряннаго оленя, отвратить падежъ отъ стада, или вымолить у боговъ счастливой ловли, но и въ собственныхъ болѣзняхъ сѣверный дикарь не знаетъ другой помощи, кромѣ помощи тадибовъ. Какъ бы ни былъ труденъ больной, хотя бы паціентъ корчился отъ боли, или впадалъ въ бѣшенство отъ горячки — не прежде начинаетъ тадибъ свое леченіе, пока не загорится *первая утренняя заря*. Если къ этому времени больному стало нѣсколько легче, то шаманъ начинаетъ барабанить, въ противномъ случаѣ онъ ждетъ седьмой зари. Если и къ этому времени нѣтъ облегченія, то больной предоставляется судьбѣ или же начинается экзаменъ паціента. О постукиваніи и выслушиваніи, ощупываніи пульса и осмотрѣ языка здѣсь нѣтъ и рѣчи, а дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать происходитъ ли болѣзнь отъ воли высшаго бога или отъ злыхъ людей, и только въ послѣднемъ случаѣ духи призываются, ибо что возможно сдѣлать противъ воли могущественнаго илибеамбэртіе? Помощь духа состоитъ въ томъ, что тотъ, кто *нагналъ* болѣзнь, заболѣваетъ ею самъ.

Изъ этого можно видѣть, что тадибамъ вовсе не нужно большихъ медицинскихъ знаній, потому что услужливые духи берутъ на себя заботу о больномъ. Все дѣло въ томъ, чтобы вызвать духовъ барабаннымъ боемъ. Кромѣ этого шаманъ употребляетъ одно врачебное средство, именно на больномъ мѣстѣ сожигается кусокъ сухаго трута.

У другихъ сѣверныхъ народовъ шаманы при больномъ играютъ болѣе дѣятельную роль. Иногда онъ цѣлую ночь бьетъ въ барабанъ, чтобы отогнать злыхъ духовъ, или же запирается вмѣстѣ съ паціентомъ въ баню, и сидитъ тамъ пока есть возможность выдерживать жаръ, послѣ чего оба бросаются (конечно если больной еще можетъ броситься) въ ближайшую рѣку.

Шаманство почти всегда наслѣдственно. Но не каждый обладаетъ нужными для него свойствами. Такъ одинъ какъ бы ни старался не можетъ познакомиться ни съ однимъ духомъ, другому напротивъ всѣ духи объявятся сами.

Но если человѣкъ, иногда совершенно неожиданно, какъ бы наитіемъ дѣлается шаманомъ, то все таки обыкновенно требуется для этого долгое приготовленіе.

Ученикъ ищетъ одиночества, питается только травами, упражняется на барабанѣ и мало по малу вырабатываетъ въ себѣ способность

впадать въ экстазъ, которой удивляемся мы въ нашихъ мистикахъ и духовидцахъ. Очень трудно узнать, гдѣ въ шаманѣ оканчивается обманъ и начинается сумасшествіе. Во всякомъ случаѣ, онъ и духовидѣцъ и опытный фокусникъ, что конечно увеличиваетъ степень воздаваемаго ему почтенія.

Самый обыкновенный фокусъ есть слѣдующій: шаманъ садится на оленьей шкурѣ, разосланной посреди пола. Потомъ онъ приказываетъ связать себѣ руки ногги, оконныя ставни затворяются и шаманъ начинаетъ вызывать своихъ услужливыхъ духовъ. Въ темной комнатѣ совершается что то непостижимое. По сухой кожѣ что-то барабанитъ въ тактъ, медвѣди ревутъ, змѣи шипятъ, вокругъ комнаты бѣгаютъ бѣлки. Наконецъ внезапно прекращается шумъ; слушатели съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ все это кончится, черезъ нѣсколько мгновеній видятъ какъ развязанный шаманъ снова входитъ снаружи въ комнату. И никто не сомнѣвается, что его освободили духи.

На столько же невѣжественный какъ послѣдователи его, шаманъ не посѣетъ въ нихъ добра. Не сдѣлаетъ онъ ничего для улучшенія ихъ общественнаго состоянія, никогда изъ устъ его они не слышатъ слова утѣшенія и онъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы только усилить ихъ суевѣріе. По всему сѣверу отъ Бѣлаго моря до крайней восточной оконечности Азіи, отъ Тихаго óкеана до Гудзонова залива, все еще около полумилліона людей предано шаманству.

Какъ Остяки и другіе сибирскіе народы, Самоѣды имѣютъ обычай посредствомъ жертвъ и другихъ церемоній почитать умершихъ. Они думаютъ, что покойники, хотя и похороненные, имѣютъ тѣ же потребности, и тѣ же занятія, какъ и во время жизни. Поэтому кладутъ частію въ могилу, а частію подлѣ нея, сани, копье, устроиваютъ очагъ, приносятъ котелъ, ножъ, топоръ, дрова и другую утварь, съ помощію которой покойникъ можетъ достать и приготовить себѣ пищу. Какъ во время погребенія, такъ и нѣсколько лѣтъ спустя, родственники умершаго приносятъ въ жертву сѣверныхъ оленей. Если умретъ старикъ, пользовавшійся особымъ уважаніемъ, князь, старшина или владѣтель нѣсколькихъ тысячъ оленей (и у Самоѣдовъ есть богатые и бѣдные), то ближайшіе родственники покойника дѣлаютъ его образъ, который ставится въ палатку умершаго, и которому воздается та же честь, какая воздавалась живому. За каждымъ обѣдомъ становится такой идолъ, каждый вечеръ его раздѣваютъ и кладутъ въ постель, каждое утро одѣваютъ его и сажаютъ

на то же мѣсто, гдѣ сидѣлъ покойникъ. Три года честятъ такимъ образомъ эту фигуру, послѣ чего ее опускаютъ въ могилу. Въ эти три года тѣло покойника сгниваетъ, а съ этимъ вмѣстѣ кончается и его безсмертіе. Только шаманы и умершіе насильственною смертью имѣютъ преимущество витать въ воздухѣ послѣ земной жизни безсмертными духами. Не смотря на все это, и не смотря на лакомый кусокъ, который приходится послѣ каждаго жертвоприношенія, и на подарки получаемые за услугу, шаманы все-таки самыя несчастныя существа. Экстатическое состояніе, въ которое они такъ часто впадаютъ, разрушаетъ ихъ нервы, растлѣваетъ душу. Блѣдное лицо, усталые глаза, блуждающій взглядъ и нервная походка показываютъ какіе демоны раздираютъ внутренности шамана.

Самоѣды, точно такъ же какъ и Остяки, считаютъ присягу за дѣйствіе, имѣющее высшее религіозное значеніе. Если совершилось тайное преступленіе противъ Самоѣда, въ которомъ онъ подозрѣваетъ кого-либо, то можетъ требовать отъ него присяги. Если нѣтъ подъ руками деревяннаго или каменнаго гаге (лопгъ у Остяковъ), то дѣлаютъ божка изъ земли или снѣга, приводятъ запирающагося къ такому идолу, убиваютъ собаку, разбиваютъ идолъ и обращаются къ подозрѣваемому съ слѣдующими страшными словами: «Если ты укралъ, то издохнешь какъ эта собака». Самоѣдъ такъ боится нарушенія присяги, что дѣйствительный преступникъ почти никогда не доводитъ до убіенія собаки, скорѣе сознается въ совершенномъ преступленіи.

Самой страшной клятвой считается клятва на медвѣжьей мордѣ, ибо всѣ сибирскіе народы отъ Камчадаловъ до Самоѣдовъ считаютъ медвѣдя за весьма могущественнаго бога.

Медвѣдь вовсе не животное, а подъ его пушистой шкурой скрывается человѣческій образъ, соединенный съ божественною силою и мудростію. Остякъ, кромѣ того, считаетъ медвѣдя за сторожа всѣхъ низшихъ духовъ. Поэтому о медвѣдѣ не говорится иначе какъ съ благоговѣніемъ, его называютъ «прекрасный звѣрь,» «старецъ съ когтями», «шубный отецъ», и хотя при случаѣ пускаютъ въ медвѣдя стрѣлу или пулю, но при этомъ ему говорятъ столько комплиментовъ, что ему рѣшительно невозможно разсердиться за это.

Дика и пустынна страна Самоѣда, мраченъ первобытный лѣсъ, въ которомъ онъ кочуетъ съ своими оленями и настолько же дикъ и мраченъ его собственный видъ.

Низкій ростъ Остяка или Лапландца, широкія скулы, толстыя губы, маленькіе глаза, низкій лобъ, приплюснутый носъ, образующій со лбомъ почти прямую линію, широкія ноздри, какъ смоль черные, щетинистые волосы, рѣдкая борода, темный цвѣтъ лица — все это мало подходитъ къ образу Адониса, да и кромѣ того Самоѣдъ пренебрегаетъ искусствомъ украшать себя. Отъ своей оленьей шубы, въ которой расхаживаетъ неуклюжій Самоѣдъ, онъ требуетъ защиты отъ холода и дождя, и незаботится о покроѣ. Только аристократы, которые бываютъ и между Самоѣдами, носятъ, покрытыя сукномъ и чѣмъ нибудь отороченныя, шубы. Однакоже прекрасный полъ, пока еще не вступитъ въ бракъ, и здѣсь умѣетъ возвысить убранствомъ свою красоту. Короткій полушубокъ изъ шкуры сѣвернаго оленя туго обтягиваетъ станъ, расширяется книзу и у колѣнъ оканчивается оторочкой изъ собачьяго мѣха. На ногахъ носятъ пестрыя оленьи опучи. Двойныя, съ лентой заплетенныя, и покрытыя бездѣлушками, косы иногда спускаются до пятокъ. Если къ этому прибавить маленькое круглое лицо, полныя красныя щеки, бѣлый лобъ, черные локоны и темные, маленькіе, веселые глаза, то мы имѣемъ передъ собой образецъ принарядившейся самоѣдской красавицы, за которую пламенный женихъ охотно заплатилъ цѣлое стадо сѣверныхъ оленей. У Самоѣдовъ ни одинъ отецъ и не подумаетъ отдать свою дочь безъ выкупа: онъ ожидаетъ, напротивъ, чтобы женихъ заплатилъ ему за дѣвушку, вознаградилъ за службу, которую она могла бы нести въ домѣ. Женихъ со сватомъ отправляется къ жилищу своей невѣсты. Здѣсь по обычаю онъ остается въ саняхъ передъ хижиной, а сватъ входитъ и дѣлаетъ предложеніе отцу или опекуну дѣвицы. Если предложеніе принято, то договариваются въ цѣнѣ. Если же отецъ требуетъ слишкомъ дорого, то сватъ идетъ къ жениху и спрашиваетъ можно ли прибавить одного или пару оленей къ прежней цѣнѣ. Такимъ образомъ торгуются, пока наконецъ не согласятся или ужь рѣшительно не сойдутся.

Слѣдствіемъ такого для женщины унизительнаго обычая бываетъ то, что на нее смотрятъ какъ на рабыню, какъ на существо низшее, почти какъ на домашнее животное. Самоѣдъ, убившій свою жену, и приведенный за это преступленіе въ судъ, очень удивился, что его преслѣдуютъ за такіе пустяки. «Я, какъ честный человѣкъ, заплатилъ за нее, и могу, кажется, располагать своею собственностію какъ хочу.»

Въ прошлой главѣ мы уже бросили бѣглый взглядъ на грубые обычаи Самоѣдовъ. Описаніе самоѣдской свадьбы, которое заимствуемъ у Кастрена, можетъ дополнить картину духовной неразвитости этого народа.

«При нашемъ прибытіи въ свадебную палатку, нѣсколько гостей уже безъ чувствъ лежало на землѣ, они валялись безъ шапокъ, головой прямо въ сугробъ, и вѣтеръ покрылъ ихъ лица снѣгомъ. Но вотъ подходитъ женатый человѣкъ, осматриваетъ трупы, узнаетъ наконецъ свою супругу, хватаетъ ее за голову, поворачиваетъ спиной къ вѣтру и падаетъ подлѣ нея, а вотъ другой бѣгаетъ вокругъ съ кофейникомъ, отыскиваетъ свою подругу, и вливаетъ ей въ горло нѣсколько водки. Здѣсь одинъ наткнулся на своего врага, ударилъ его нѣсколько разъ и отошелъ прочь. Мы вошли въ палатку, здѣсь старикъ, молодыя дѣвушки, мущины и женщины сидѣли въ перемежку. Въ числѣ самыхъ пьяныхъ былъ и женихъ. Я сѣлъ и выпилъ чаю съ хозяиномъ и сватомъ. Только съ большимъ трудомъ удалось мнѣ добиться, чтобы хозяинъ пригласилъ въ общій кружокъ и мою спутницу, жену пастора.

«Послѣ чаю хозяинъ приказалъ убить сѣвернаго оленя, животное упало на землю отъ легкаго удара топоромъ по лбу. Послѣ этого прикололи оленя ножемъ въ сердце и вынули дыхательные пути. Изъ-за нихъ возникла драка между присутствующими, которая кончилась тѣмъ, что раздѣлили ихъ между ближайшими родственниками новобрачныхъ, которые должны были съѣсть ихъ тотчасъ же. Съ оленя сняли шкуру, вскрыли животъ, выбросили вонъ негодное для ѣды, и положили звѣря на спину. Онъ имѣлъ видъ большаго овальнаго сосуда, въ которомъ легкія, печень и другіе лакомые кусочки, плавали въ значительной массѣ крови. Хозяинъ взялъ меня за руку, подвелъ къ оленю и предложилъ начать трапезу. Какъ ясно онъ ни выговорилъ свое желаніе, я все-таки притворился, что не понимаю его, и остался такимъ образомъ совершенно безучастнымъ передъ жертвой. Между тѣмъ вокругъ звѣря собрались свадебные гости; они вынули длинные ножи, отрѣзали по ломтю теплаго дымящагося мяса, обмакнули его въ кровь, руками поднесли кусокъ ко рту, и начали жевать, поднявъ лицо къ верху, и во время жеванія ножемъ отрѣзывали часть ломтя. Оставшаяся часть снова мокалась въ кровь, и снова отправлялась въ ротъ. Кровь текла по бородѣ и шеѣ. Легкое и печень были съѣдены послѣ въ видѣ десерта. Во вре-

мя такого отвратительнаго обѣда, дѣвицы запѣли самоѣдскія пѣсни, прекрасныя по содержанію, но по мелодіи похожія на кваканье лягушекъ. Пѣніе и пиръ были прерваны трагическимъ случаемъ. Какой-то Самоѣдъ съ острымъ лицемъ взглянулъ въ дверь палатки и скрипучимъ голосомъ попросилъ позволенія участвовать въ пирушкѣ. Нѣкоторые изъ гостей пригласили его войдти и онъ воспользовался приглашеніемъ. Но это случилось безъ вѣдома хозяина. Лишь только послѣдній замѣтилъ незваннаго гостя, какъ приказалъ вытолкать его вонъ. Нѣсколько готовыхъ рукъ поспѣшили исполнить приказаніе, другія поднялись на защиту гостя. Хозяинъ схватился съ сватомъ и я попался между ними. Въ палаткѣ сдѣлалось большое смятеніе и безсмысленно били другъ друга; котелъ, кофейники, горшки и другіе сосуды были опрокинуты и разлетѣлись. Исторія кончилась тѣмъ, что Самоѣда вытолкали. Къ вечеру охота драться усилилась, куда ни посмотришь, вездѣ дерутся люди. Обыкновенно начиналось съ того, что хватали другъ друга за щетинистые черные волосы, и потомъ бились кулаками, а нерѣдко дрались костями и другими остатками пира. Битва начиналась безъ всякой причины, стоило двоимъ встрѣтиться, и ужь таскали они другъ друга за волосы, не обращая вниманія на возрастъ и полъ. Здѣсь не просили и не давали пощады; каждый билъ и защищался изо всѣхъ силъ, побѣжденный обыкновенно оставался на снѣгу, а побѣдитель отправлялся далѣе, чтобы совершать новые геройскіе подвиги. Соскучившись такимъ зрѣлищемъ, мы съ наступленіемъ ночи отправились домой».

Изъ подобныхъ сценъ, пожалуй, можно заключить, что Самоѣды гораздо необузданнѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Добродушіе, меланхолія, флегма составляютъ основный тонъ характера Самоѣда. Хотя онъ почти не имѣетъ понятія о правѣ, о добрѣ и злѣ, но всегда готовъ раздѣлить съ друзьями послѣдній кусокъ. Доброта Самоѣда между прочимъ выражается тѣмъ, что онъ какъ Лапландецъ беретъ къ себѣ и кормитъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Что онъ способенъ чувствовать благодарность, видно изъ черты, сообщенной Миддендорфомъ (см. XII главу). Жестокость, мстительность, кровожадность, эти мрачные пороки, которые пятнаютъ столькихъ дикарей тропическаго пояса, совершенно чужды Самоѣда. Въ вѣчной борьбѣ съ страшнымъ климатомъ, жертва невѣжества и нищеты, ему неизвѣстны многія наслажденія, намъ кажущіяся необходимыми. Но за

то онъ обладаетъ преимуществомъ смотрѣть совершенно равнодушно на большую часть случаевъ въ жизни. Естественно, что хорошій обѣдъ, по философіи Самоѣда, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, но и на этотъ вопросъ никто не смотритъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ Самоѣдъ. Онъ даже съ бо́льшимъ наслажденіемъ спитъ, чѣмъ ѣстъ. Чтобы не побезпокоиться, онъ готовъ голодать, терпѣть жажду, и вынести всякаго рода брань и обиды. Только изрѣдка вспыхиваетъ онъ дикою страстью, и тогда напоминаетъ жгучіе лучи южнаго солнца, нѣкогда освѣщавшаго родину его предковъ.

Общая черта характера всѣхъ Самоѣдовъ, есть какое-то мрачное воззрѣніе на жизнь и ея условія. Какъ его внѣшній міръ такъ и внутренній одѣты мракомъ ночи. По истинѣ эти ледяные или снѣжные люди живутъ въ отрицательномъ покоѣ, и безъ сожалѣнія оставляютъ жизнь, которую едва любятъ, ибо она доставляетъ имъ болѣе лишеній, чѣмъ радостей и наслажденій. Они недовѣрчивы и скрытны, какъ всѣ народы, которымъ пришлось терпѣть отъ умнѣйшихъ и сильнѣйшихъ сосѣдей. Упрямо держась за старые обычаи, они борятся противъ всѣхъ нововведеній, отъ которыхъ могъ бы улучшиться ихъ жребій, и только великій учитель нужда можетъ научить ихъ чему-нибудь.

Такъ въ 1831 и 1833 годахъ въ Тиманской тундрѣ свирѣпствовалъ падежъ, погубившій около 20,000 сѣверныхъ оленей и повергшій жителей въ нищету. Большинство тамошнихъ Самоѣдовъ также погибло отъ заразы, ибо они ѣли мясо дохлыхъ оленей. Послѣ этого испытанія Самоѣды Тиманской тундры сдѣлались благочестивымъ, тихимъ народомъ и большая часть ихъ обратилась въ христіанство. Хотя они также мрачно смотрятъ на жизнь, но дикія страсти затихли. Сердце и нравы смягчились; печаль живетъ въ глубинѣ души.

По вычисленію Кеппена европейскихъ Самоѣдовъ до 4,500 душъ обоего пола, а въ Тобольской губер. 5,054 души. Булгаринъ насчитываетъ до 70,000 азіятскихъ Самоѣдовъ, но такъ какъ во всей Западной Сибири, по Кеппену, только 66,684 туземца обоего пола, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, половина приходится на Остяковъ, то во всякомъ случаѣ число приводимое Булгаринымъ сильно преувеличено.

ГЛАВА VIII.

ОСТЯКИ.

Что такое Обь? — Обиліе рыбы. — Наводненія. — Лѣтняя остятская юрта. — Бѣдность остятскихъ рыбаковъ. — Русская кредитная система. — Зимняя юрта. — Недовѣрчивость и упрямство Остяковъ. — Остятскій князь и его семейство. — Стрѣльба изъ лука. — Неуваженіе къ женщинамъ. — Физіономія и характеръ Остяковъ. — Нечистота. — Обдорскъ. — Число Остяковъ.

Что такое Обь? «Одна изъ самыхъ безотрадныхъ рѣкъ земнаго шара», говорятъ немногіе европейскіе путешественники, видѣвшіе какъ катятся грязныя волны этой рѣки: «Дикіе, однообразные берега состоятъ изъ болотъ, невоздѣланныхъ полей, сухого тальника и тощихъ пихтовыхъ лѣсовъ, а изъ живыхъ существъ рѣдко встрѣтишь что-нибудь, кромѣ журавлей, гусей и дикихъ утокъ. Послѣ самаго короткаго знакомства съ этой рѣкой, все думаешь какъ бы поскорѣе уйти отъ нея!»

Если же мы обратимся съ вопросомъ, что такое Обь? къ родившемуся въ этой странѣ Русскому, то онъ отвѣтитъ, что «Обь наша мать-кормилица», а сѣдой Остякъ, сидящій на рулѣ, на тотъ же вопросъ отвѣтитъ слѣдующимъ похвальнымъ словомъ: «Обь это богъ, котораго мы чтимъ болѣе всѣхъ другихъ боговъ»!

Пожалѣемъ о бѣдномъ дикомъ сынѣ сѣвера, который воздаетъ сотворенному честь, принадлежащую одному Творцу; но не будемъ къ нему слишкомъ строги — благодарность внушила ему эти слова. Да, на твои глаза Обь меланхолическая, грязная рѣка, а для Остяка она тоже, что виноградникъ для винодѣлателя, что пашня для земледѣльца; это великій, почти единственный источникъ, снабжающій его пищею. Вверхъ по широкой Оби въ началѣ іюня, лишь только рѣка освободится ото льда, потянутся безчисленныя стаи лососей и осетровъ, которые поздней осенью мало по малу опять возвращаются назадъ въ море; тогда какъ другіе виды рыбъ: щука, окунь, ершъ, плотва, находятся въ рѣкѣ круглый годъ.

Сѣтями, вершами и удочкой ловитъ Остякъ, какъ странствующихъ, такъ и осѣдлыхъ жителей этой рѣки, и не мало бьющихся рыбъ вы-

таскиваетъ онъ на воздухъ. На осетра и различные виды лососей Остякъ смотритъ какъ на предметъ торговли; а другихъ рыбъ ѣстъ самъ или кормитъ ими собакъ, и, какъ собаки, нерѣдко и самъ, когда голоденъ, или когда по близости нѣтъ очага, ѣстъ ихъ сырьёмъ. Только что вытащенный изъ воды окунь часто попадаетъ въ зубы рыбака, — мало церемоній, но за то скорѣе достигается цѣль.

Раннимъ лѣтомъ, когда Обь и ея притоки ломаютъ свои ледяныя узы, нечего и думать о рыбѣ, по причинѣ страшнаго разлива, ибо плоская мѣстность на цѣлыя мили покрывается водой. Съ верховьевъ рѣки, гораздо ранѣе того времени, когда при устьѣ массы льда приходятъ въ движеніе, съ верховьевъ рѣки стремятся сюда воды покрытыя льдинами, и находятъ русло рѣки запертымъ, тогда они поднимаются и разливаются въ ширь и даль по низкимъ берегамъ. Можно себѣ вообразить какъ медленно стекаютъ воды съ промерзшаго берега; хотя на Оби мало что можно испортить, но наводненіе все таки составляетъ источникъ скорби и безпокойства для бѣдныхъ береговыхъ жителей. Если вода необыкновенно высока, то многія семейства принуждены оставлять свои жилища и скрываться въ пустынныхъ лѣсахъ, и здѣсь должны они питаться только довольно рѣдкими зайцами, тогда какъ во все такое голодное время воды кишатъ рыбою.

Наконецъ низкіе, песчаные берега поднимаются надъ поверхностію воды, и Остякъ ставитъ свою лѣтнюю юрту близь вошедшей въ русло рѣки. Эта юрта имѣетъ обыкновенно четырехъугольную форму, низкія стѣны и высокую остроконечную крышу, остовъ которой состоитъ изъ ивовыхъ стволовъ, а къ нимъ сверху прикрѣпляются гибкими ивовыми вѣтьвями большіе куски древесной коры. Для этого древесная кора вываривается, и, сшиваясь вмѣстѣ, получаетъ форму обыкновенныхъ ковровъ, которые легко свертываются и перевозятся. Очагъ, или лучше яма, окруженная камнями, находится въ серединѣ, а дымъ проходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Кромѣ того около большей части юртъ строятся небольшіе запасные магазины изъ бревенъ на высокихъ сваяхъ, какъ въ Лапландіи; и здѣсь нужно охранять запасы отъ росомахи, волка и собственныхъ собакъ.

Хотя Обь и ея притоки — Иртышъ, Вахъ и Васьюганъ доставляютъ Остяку свои дары въ весьма обильномъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе тѣ изъ Остяковъ, которые исключительно занимаются рыбною ловлею, находятся въ страшной бѣдности, а съ нею нерѣдко сое-

диняются лѣность, пьянство и испорченность нравовъ. Хитрые Русскіе поселенцы совершенно овладѣли этими Остяками, и простоватыя дѣти пустыни сдѣлались жертвою вредной кредитной системы, изъ сѣтей которой имъ невозможно спастись. Долги увеличиваются съ каждымъ годомъ, ибо съ каждымъ годомъ ростутъ потребности, а выручка и трудолюбіе не увеличиваются въ той же степени.

Въ настоящее время Остякъ уже не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Не будучи въ состояніи заплатить тотчасъ же за товаръ, потому что есть старые долги, Остякъ обязуется выдать довѣрителю рыбу, которую поймаетъ въ будущемъ году. Такимъ образомъ Остякъ находится совершенно въ рукахъ купца, который кладетъ произвольную цѣну какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ Остяка. Въ теченіи цѣлаго лѣта разгуливаютъ по Оби на своихъ ладьяхъ эти русскіе спекулянты изъ Обдорска, Березова и Тобольска, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, и послѣ отвозятъ ее въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Съ наступленіемъ осени, продавши съ хорошимъ барышемъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы. Нѣкоторые русскіе промышленники сами занимаются рыбной ловлей по Оби и ея притокамъ, и понятно съ бо́льшимъ успѣхомъ нежели Остяки, ибо употребляютъ и больше людей и лучшія снасти.

Хотя правительство признало Остяковъ за собственниковъ почти всѣхъ земель и водъ по нижней Оби и нижнему Иртышу, но Русскіе все-таки умѣютъ снимать на аренду лучшія мѣста, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, невѣжество и глупость всегда бываютъ въ проигрышѣ.

Остяки и послѣ отъѣзда русскихъ купцовъ отъ Оби продолжаютъ еще лѣтнее рыболовство. Часть пойманной рыбы сажается въ озера и пруды, потомъ позднею осенью вынимается отсюда и замораживается. По первозимью снова являются Русскіе для покупки мороженой рыбы, часть которой впрочемъ продается самими Остяками въ Обдорскѣ.

Пока морозъ не одержитъ рѣшительной побѣды, погода на Оби ужасная, и хотя борьба зимы съ лѣтомъ рѣшается обыкновенно въ нѣсколько дней, но бываютъ такіе, какихъ мы, благодаря Бога, въ Германіи не знаемъ! Льется безперерывный дождь какъ во времена праотца Ноя; вѣтры съ Ледовитаго моря воютъ въ запуски съ волками; ночные туманы покрываютъ землю; дождевые потоки журчатъ по разгрязнившейся почвѣ. Бываютъ ночи, о которыхъ азіят-

скіе дикари говорятъ, что мертвымъ въ могилахъ нѣтъ покоя. Кровожадные духи шамановъ витаютъ вокругъ ночлеговъ человѣка и наносятъ гибель тѣмъ, чьи пороки и преступленія отогнали духовъ хранителей ихъ жизни.

Наконецъ и непривередливому Остяку становится неудобно жить въ воздушной лѣтней юртѣ, и онъ подумываетъ какъ бы удалиться въ лѣса, гдѣ находитъ болѣе защиты отъ леденящаго зимняго вѣтра, и куда влечетъ его охота за пушными звѣрями. Но такъ какъ рыбная ловля и зимой добычлива, ибо хотя шкурками соболей и бѣлокъ можно выплатить ясакъ и укротить алчнаго кредитора, но не утолишь этимъ голода; то Остякъ обыкновенно выбираетъ на зимовку возвышенное, безопасное отъ наводненій мѣсто, близь какой-нибудь побочной рѣчки, гдѣ они удочкою, вершами или сѣтями изъ-подо льда добываетъ себѣ скудную пищу.

Зимняя юрта нѣсколько прочнѣе построена чѣмъ лѣтняя, ибо не строится каждый годъ вновь, но все-таки она весьма невзрачна. Вообразите себѣ небольшую, очень низкую землянку (впрочемъ эти качества неоцѣненны въ сѣверной Сибири) съ открытымъ глиняннымъ очагомъ въ углу. Окно замѣняется отверстіемъ въ стѣнѣ или крышѣ (смотря по вкусу Остяка-строителя), которое на зиму прикрывается кускомъ льда. Въ лучшихъ юртахъ пространство вдоль одной или нѣсколькихъ стѣнъ увѣшено камышевыми циновками, и это-то пространство составляетъ мѣстопребываніе семейства, т. е. спальню. Иногда передъ самымъ входомъ юрты устроивается небольшой чуланъ, гдѣ хранится одежда и утварь.

Кромѣ Остяковъ, исключительно питающихся и промышляющихъ рыбою и пролетными птицами, есть и такіе, которые въ тоже время водятъ сѣверныхъ оленей, и поэтому принуждены по крайней мѣрѣ на все лѣто дѣлиться на два хозяйства. Одно при рыбной ловлѣ, другое слѣдуетъ за сѣверными оленями, сначала къ болѣе холоднымъ приморскимъ странамъ и потомъ обратно въ лѣса. Иные прикочевываютъ къ самому морю, гдѣ ловятъ рыбу и бьютъ тюленей, но при наступленіи первыхъ провозвѣстниковъ зимы, и эти Остяки отходятъ къ лѣсамъ преимущественно для того, чтобы найти защиту для себя и оленей отъ страшныхъ бурь. Это путешествіе совершается чрезвычайно спокойно, идутъ медленно, часто дѣлаютъ дневки и прилежно охотятся на лисицъ. Какое счастіе, если удастся убить чернобурую.

Наконецъ въ болѣе южныхъ странахъ, по нижнему Иртышу и Васьюгану, живутъ обрусѣвшіе Остяки, которые кромѣ языка потеряли все свое. Они строятъ свои избы или юрты совершенно на русскій манеръ, но только гораздо хуже. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются скотоводствомъ, другіе земледѣліемъ или же на зиму нанимаются въ ямщики.

Впрочемъ вообще Остякъ упрямо противится всѣмъ нововведеніямъ, остается вѣренъ обычаю своихъ отцевъ. Его такъ часто обманываютъ Русскіе, что весьма неохотно принимаетъ отъ нихъ дары цивилизаціи, и если бы говорилъ онъ полатыни, то часто слышали бы отъ него стихъ Виргилія:

Timeo danaos et dona ferentes.

Онъ боится, что дитя, научившись читать и писать, не будетъ вести дикаго образа жизни, и поэтому боится, чтобы школа не отнимала у родителей подпору въ старости. Всѣ попытки улучшить положеніе Остяковъ посредствомъ воспитанія не удаются отъ ихъ непобѣдимой недовѣрчивости. Что-то трагическое въ этой любви къ старому невѣжеству, которое приноситъ столько несчастія; да, великая трагедія человѣчества въ томъ, что оно нерѣдко могло бы созидать свое собственное счастіе, но не хочетъ этого дѣлать.

Какъ держится Остякъ за обычаи своихъ отцевъ, также точно крѣпко держится онъ и за наслѣдованную имъ религію. Хотя по Иртышу онъ окрещенъ, хотя по Сургуту онъ носитъ на шеѣ крестъ и виситъ у него образъ на стѣнѣ, какъ попъ научилъ его, но весьма рѣдко мы найдемъ въ Остякѣ нѣсколько болѣе такого, совершенно внѣшняго отношенія къ христіанству. По притокамъ Оби и ниже Обдорска Остяки находятся въ полнѣйшемъ язычествѣ.

Какъ Самоѣды, такъ и Остяки распадаются на множество племенъ или родовъ, каждое изъ нихъ составляетъ особое государство, или вѣрнѣе семейство. Это устройство очень напоминаетъ кланы шотландскихъ горцевъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей одного происхожденія и потому всѣ считаютъ другъ друга дальними или близкими родственниками. У Остяковъ (еще чаще у Самоѣдовъ) есть роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ душъ, они въ большинствѣ случаевъ даже не знаютъ степени своего родства, а все-таки смотрятъ другъ на друга какъ на родственниковъ, не заключаютъ между собой браковъ и считаютъ долгомъ помогать другъ другу. Такъ счастливый рыболовъ братски дѣ-

лить дневную добычу съ своимъ менѣе счастливымъ соплеменникомъ, который смотритъ на это, какъ на принадлежащее ему по праву, и едва благодаритъ за подарокъ. Въ главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который въ случаѣ распри дѣлается судьей; если не довольны его рѣшеніемъ, то аппеллируютъ дѣло въ высшую инстанцію къ князю племени. Нѣсколько сосѣднихъ родовъ съ незапамятныхъ временъ признаютъ общаго начальника, который носитъ титулъ князя. Императрица Екатерина II-я признала это званіе и приказала выдать на него грамоту остятскимъ князьямъ въ Обдорскомъ и Березовскомъ округахъ. Эти князья конечно находятся въ вѣдомствѣ русскаго начальства, и вмѣстѣ съ старшинами обязаны являться на ярмарку, ибо они должны каждый въ своей сферѣ собирать подати, и заботиться, чтобы звѣриныя шкурки, назначенныя въ ясакъ, были доставлены въ должномъ количествѣ. Княжеское достоинство наслѣдственно и по прекращеніи потомства въ мужскомъ колѣнѣ переходитъ къ ближайшему родственнику. Но не должно думать, что эти князья отличаются особеннымъ блескомъ. Образъ жизни ихъ совершенно тотъ же какъ и простыхъ Остяковъ, и добровольные подарки послѣднихъ вовсе не избавляютъ первыхъ отъ необходимости ловить рыбу и охотиться для собственнаго своего пропитанія.

Во всякомъ случаѣ знакомство съ такимъ знатнымъ господиномъ и почетно и любопытно, и поэтому мы вмѣстѣ съ Кастреномъ войдемъ въ юрту такого остятскаго князя.

«Въ хижинѣ начальника», говоритъ филологъ-путешественникъ, «встрѣтила насъ веселая, открытая и невинная задушевность, которая заставляетъ любить и низкую юрту и бѣдныя одежды Остяковъ. Стоитъ только посмотрѣть, съ какимъ благодушіемъ даже древніе старики, смиренно кланяясь и снимая шапки, приглашаютъ войти въ ихъ плохія юрты. Женщины и молодыя дѣвушки привязываютъ собакъ, метутъ юрты, принаряжаются, чешутъ головы, заплетаютъ косы и вообще приводятъ въ порядокъ волосы, которые въ рабочіе дни всклокочены и падаютъ на лицо. Мущины надѣваютъ свои лучшія заячьи шубы, а дочери Евы просто ходятъ въ длинной пестрой рубашкѣ съ небольшимъ воротничкомъ, который застегивается на груди. Но самъ князь не заботится о своей внѣшности, и выходитъ въ истасканной шубенкѣ, потому что у него нѣтъ лучшей. Прошлой зимой охота была недобычлива, всего 150 бѣлокъ, 4 соболя

и нѣсколько лисъ и волковъ попалось въ его западни или было убито его стрѣлами, и если подумаешь, что пудъ муки стоитъ здѣсь 5 р. ассигнаціями, то простишь нѣсколько дыръ на тулупѣ. Кромѣ того, внушающій уваженіе видъ князя и благородное, прямое сердце его прикрываютъ маленькіе грѣшки его одежды. Поэтому нѣсколько прищурившись войдемъ въ юрту, чтобы познакомиться съ княжескимъ семействомъ. Первый попался на глаза отецъ княгини — это дряхлый сѣдой старикъ, который, казалось, позади очага былъ занятъ тѣмъ, что давалъ мудрые совѣты двумъ веселымъ мальчикамъ, своимъ внукамъ. Княгиня сидитъ въ самомъ отдаленномъ углу, и чтобы скрыть свое замѣшательство отъ нашего прихода, она начинаетъ ласкать маленькаго ребенка, и на ней нѣтъ другаго мундира, кромѣ рубашки, и нѣтъ другаго украшенія, кромѣ невинности сердца. Я сѣлъ на предложенное мнѣ мѣсто передъ очагомъ, рядомъ съ княземъ, который молча принялъ бутылку съ водкой, переданную мною его попеченію. Когда нѣсколько глотковъ водки мало по малу развязало враждебную остятскую флегму, князь началъ разсказывать о зимнихъ заботахъ и трудахъ. Онъ употребилъ всѣ свои силы, и все таки достигъ жалкаго успѣха. Не думая о томъ, чтобъ отдохнуть въ землянкѣ, съ первымъ же снѣгомъ онъ отправился въ лѣсъ. Во время своихъ походовъ по лѣсу и полямъ, онъ только въ крайнемъ случаѣ разставлялъ свою палатку изъ древесной коры, а обыкновенно ночь проводилъ на мокромъ снѣгѣ. Можно представить себѣ отчаяніе его, когда послѣ дневныхъ трудовъ ложась у огня, разложеннаго ожидающей дичи женой, онъ не приносилъ ей даже куропатки. Небольшой запасъ муки и сохраненной рыбы скоро вышелъ, и часто княжеское семейство принуждено было питаться волчьимъ мясомъ.

«Когда князь окончилъ свою еремiяду, старикъ, сидѣвшій за очагомъ, началъ разсказывать о прелестяхъ прошедшаго времени. Его собственная, давно уже пролетѣвшая юность, сдѣлалась для него какимъ-то сказочнымъ сномъ, и онъ говорилъ о полетѣ шамановъ по воздуху, о предсказаніяхъ духовъ, о спорахъ вѣдьмъ, какъ будто все это видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

«Поговоривъ такимъ образомъ нѣсколько времени, насъ дружески пригласили посмотрѣть на стрѣльбу изъ лука. Здѣсь на полѣ стоятъ молодые люди въ одинъ рядъ и жилистыми руками пробуютъ

крѣпость тетивы. За юношами стоитъ рядъ цвѣтущихъ дѣвицъ. И нерѣдко юноша, пустившій стрѣлу въ далекую ледяную цѣль, пускаетъ другую, болѣе нѣжную, въ сердце молодой дѣвушки. Здѣсь показывали силу столь необходимую для дикаря, и хлопотали менѣе о томъ, чтобы мѣтко попасть въ цѣль (хотя и на это Остяки мастера), но скорѣе о томъ, чтобъ показать силу руки. Поэтому нерѣдко пускали стрѣлы въ пустое пространство, гдѣ одна стрѣла догоняла другую, подобно летящимъ соколамъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли дѣвицы на каждую, ловко пущенную стрѣлу и продолжительнымъ «*гее*»! привѣтствовали счастливаго стрѣлка. На сколько пріятно звучало это одобреніе въ ушахъ юношей, можно было судить по раскраснѣвшимся ихъ щекамъ».

Какъ вообще всѣ сибирскіе охотничьи народы, Остяки чрезвычайно ловко употребляютъ свои различныя стрѣлы. На концѣ иныхъ стрѣлъ находится кусокъ дерева, они предназначены для оглушенія и сбиванія съ деревьевъ бѣлокъ и другихъ мелкихъ звѣрковъ, шкурка которыхъ не должна быть попорчена. Другія стрѣлы длинны, имѣютъ на концѣ трехугольный желѣзный наконечникъ или острый кусокъ стали, имѣющій форму ножа, или же два тонкихъ острія, имѣющія видъ раздвоеннаго хвоста ласточки — этими стрѣлами бьютъ медвѣдей и волковъ.

Мы только что говорили, какъ дѣйствуетъ на молодое сердце Остяка одобреніе дѣвицъ. Можно подумать, что здѣсь обращаются съ женщинами съ нѣкоторымъ уваженіемъ — но это вовсе несправедливо. У Остяковъ, какъ и у Самоѣдовъ, женщина рабыня въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, и она спокойно смотритъ на то, какъ отецъ продаетъ ея сердце тому, кто больше дастъ. Хотя здѣсь не выводятъ женщинъ на рынки, но все же высшая цѣна рѣшаетъ ея будущую судьбу. Цѣна молодой дѣвицѣ весьма различна. Богачъ не отдастъ своей дочери за 50 сѣверныхъ оленей, а бѣдный Остякъ-рыбакъ довольствуется нѣсколькими осетрами и лисьими шкурками. Чѣмъ богаче отецъ, тѣмъ дороже дочь. Какъ бы жалокъ былъ жребій дочерей нашихъ милліонеровъ, если бы и у насъ былъ въ ходу такой обычай. Теперь у нихъ множество жениховъ, а тогда ихъ было бы такъ мало, какъ ласточекъ зимой.

Остяки большею частію невысокаго роста, слабосильны и имѣютъ очень тонкія, худыя ноги. У большинства цвѣтъ лица темный и какъ смоль черные волосы, какъ и у Самоѣдовъ; однакоже не мало и

бѣлокурыхъ съ болѣе бѣлымъ цвѣтомъ лица. У Остяковъ нѣтъ ни плоскаго носа, ни узкихъ глазъ, ни безобразно широкихъ скулъ Монголовъ или Тунгусовъ, но они болѣе приближаются къ финскимъ, самоѣдскимъ и тюркскимъ племенамъ. Они робки, суевѣрны и простодушны, довольно добросердечны и, при постоянныхъ трудныхъ занятіяхъ, работящи съ дѣтства; но лишь только потребности удовлетворены, то, въ особенности мущины, склонны къ праздности. Услужливость и честность составляютъ отличительныя похвальныя свойства Остяка. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запретъ двери просящему убѣжища, но охотно дѣлится съ своимъ ближнимъ всѣмъ, что имѣетъ; богатый считаетъ долгомъ помогать бѣдному. Воровства почти никогда не бываетъ, въ домѣ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ, иногда имущество оставляется посреди тундры. Хотя они недовѣрчивы относительно Русскихъ, но любятъ другъ друга какъ братья и вѣрятъ во всемъ. Нечистоплотность, какъ общая черта всѣхъ рыбачьихъ народовъ, встрѣчается въ одинаковой степени и на берегахъ Норвегіи и на берегахъ Оби. Многія изъ занятій рыбака сами по себѣ уже грязны, а дымъ съ своей стороны усиливаетъ нечистоту тѣсной хижины. Передъ хижиной накопляется куча рыбьей требухи, которая не только противна на взглядъ, но, загнивая, распространяетъ заразительную вонь. Впрочемъ во всемъ этомъ нельзя упрекнуть заваленнаго работой рыбака, — носъ его съ дѣтства привыкъ къ этой вони и кто знаетъ можетъ быть она ему еще нравится.

Относительно религіозныхъ понятій и церемоній Остяки очень похожи на Самоѣдовъ, и желая повторять одно и тоже мы утомили бы нашихъ читателей. Полагая впрочемъ, что они не безъ интереса взглянутъ на торговый городъ Остяковъ Обдорскъ, мы проведемъ съ этимъ сѣвернымъ народомъ еще нѣсколько времени.

Торговлѣ съ Остяками обязанъ Обдорскъ своимъ основаніемъ, ибо нѣтъ другой причины, которая бы когда-нибудь заставила человѣка поселиться у устья Оби. Сначала русскіе купцы только изрѣдка пріѣзжали сюда изъ Тобольска и Березова, но трудность пути заставила ихъ скоро основать постоянное жилище въ этой пустынной странѣ. Слабое населеніе мѣстечка усиливается значительнымъ количествомъ ссыльныхъ. Рѣдкій сбродъ различныхъ народностей, въ числѣ которыхъ Кастренъ нашелъ: Калмыка, Киргиза и Поляка повара, который очень жаловался, что въ городѣ, гдѣ живутъ по са-

моѣдски, искусство его мало приноситъ дохода. На самомъ дѣлѣ большинство русскихъ жителей по пословицѣ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, приняли образъ жизни туземцовъ и не считаютъ кухни за необходимость. Прибывши въ Обдорскъ и войдя въ жилище переѣхавшаго сюда Тобольскаго мѣщанина, нашъ филологъ увидѣлъ всю семью сидящую на полу и пожирающую сырую рыбу; образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что въ теченіи цѣлаго полугода ѣлъ одно сырое мясо.

Впрочемъ иногда встрѣчаются здѣсь и слѣды цивилизаціи, по крайней мѣрѣ наружной — и среди варварства. хорошая одежда и шали, хотя явленія довольно рѣдкія, доказываютъ, что образованность заходитъ и къ устью Оби. Не ищите замѣчательныхъ зданій въ Обдорскѣ, ибо нельзя называть таковыми двухэтажныхъ тамошнихъ домовъ (т. е. нижняго этажа съ свѣтелкой на верху), но такъ какъ эти дворцы строятся изъ стараго барочнаго лѣса и вѣтеръ свободно ходитъ повсюду, то спрашивается: не удобнѣе ли помѣщены въ своихъ землянкахъ бѣдныя, полуобрусѣвшія, болѣе чѣмъ полуголодныя, вокругъ города поселившіяся семейства Остяковъ, чѣмъ русскіе купцы. Главное занятіе послѣднихъ состоитъ въ завладѣніи посредствомъ хитрости и обмана имуществомъ, которое собралъ простодушный туземецъ трудомъ и въ потѣ своего лица. Впрочемъ многіе купцы, кромѣ торговли, занимаются какъ Самоѣды оленеводствомъ. Въ Обдорскѣ встрѣчаются коровы и овцы, но лошадей вовсе нѣтъ, и вмѣсто ихъ запрягаютъ въ сани собакъ.

Ярмарка продолжается съ начала зимы до февраля, и въ это время туземцы располагаются вокругъ русской колоніи лагеремъ въ своихъ юртахъ изъ древесной коры. Съ приходомъ ихъ въ маленькомъ городѣ начинается новая, странная, какая-то пестрая жизнь. Ежедневно приходятъ сюда многочисленныя толпы сыновей и дочерей тундры, одѣтыя въ широкія неуклюжія шубы. Медленно расхаживаютъ туземцы по улицамъ и съ удивленіемъ заглядываются на высокіе дома. Но здѣсь вовсе нѣтъ той веселой оживленности, какую можно ожидать отъ ярмарки. Скрывая дорогія шкуры подъ своей широкой шубой, крадется дикарь къ купцу своему пріятелю, тотъ угощаетъ его и потихоньку заключается торгъ. И видитъ Остякъ, что теряетъ при такой таинственной торговлѣ, но онъ какъ бы боится открытаго торга, да и вообще не въ его волѣ отдать товаръ тому, кто дороже дастъ. Изъ многихъ тысячъ туземцевъ, ежегодно

приходящихъ на Обдорскую ярмарку изъ отдаленныхъ пустынныхъ странъ, едва ли найдется много такихъ, которые бы не задолжали мѣщанамъ, купцамъ или казакамъ на сумму бо́льшую чѣмъ могутъ уплатить. Горе бѣдному Остяку, котораго кредиторъ поймаетъ въ торговой сдѣлкѣ съ другимъ купцомъ. Лишеніе всего имущества есть меньшее наказаніе, которое его ожидаетъ. Отсюда робость, какая-то таинственность, характеризирующая Обдорскую ярмарку. Послѣдняя открывается только тогда, когда внесены шкуры, должныя государству, или когда купечество поручится за ихъ взносъ. Купеческіе амбары наполняются тогда постепенно пушнымъ товаромъ, готовымъ платьемъ изъ оленьихъ шкуръ, перьями, олениной, мерзлыми осетрами, мамонтовой костью и тому под. За эти товары туземцы получаютъ муку, печеный хлѣбъ, табакъ, горшки, котлы, ножи, иголки, мѣдныя пуговицы и кольца, бусы и много другихъ бездѣлокъ. Публичная продажа водки запрещена, но можно продавать спиртъ какъ врачебное средство, и иные Остяки ѣдутъ на ярмарку для леченія, совершенно противоположнаго методѣ Присница.

Къ концу февраля дикари снова исчезли въ лѣсахъ, гдѣ до открытія рыболовства занимаются охотой или же ходятъ со стадами сѣверныхъ оленей; русскіе посѣтители ярмарки изъ Березова возвратились опять на родину; купецъ скупаетъ свои шкурки и думаетъ о путешествіи въ Ирбить, гдѣ надѣется продать ихъ съ хорошимъ барышомъ, и Обдорскъ до слѣдующаго года предоставленъ покою, одиночеству, какому-то окаменѣлому однообразію.

Хотя Остяки живутъ въ странѣ въ нѣсколько разъ бо́льшей всей Германіи, но они могли бы помѣститься въ самомъ маленькомъ княжествѣ.

По Кеппену въ 1838 г. въ Тобольской губер. считалось 18,840 Остяковъ обоего пола. Въ Томской губерніи 6300, такъ что всѣхъ Остяковъ едва ли болѣе 25000 душъ. Булгаринъ насчитываетъ 110000, что очевидно преувеличено.

Такъ называемыхъ енисейскихъ Остяковъ, которые по мнѣнію собственно Кастрена вовсе и не Остяки, едва ли болѣе 200 душъ.

ГЛАВА IX.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Іоаннъ Грозный. — Ермакъ. — Его походъ въ Сибирь. — Битва подъ Тобольскомъ. — Покореніе Сибири. — Смерть Ермака. — Завоеванія Русскихъ до Охотскаго моря. — Экспедиція Семена Дежнева. — Состояніе туземцевъ Сибири подъ русскимъ владычествомъ. — Прончищевъ. — Арктическая путешественница. — Братья Лаптевы. — Шалауровъ. — Открытія въ Беринговомъ морѣ и Тихомъ океанѣ. — Леховскіе острова. — Биллингсъ. — Горячіе источники въ землѣ Чукчей. — Путешествіе Гедеиштрема въ Новую Сибирь. — Деревянныя горы. — Взглядъ на прошедшее.

Прежде нежели разскажемъ о покореніи Сибири, при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ (1533—1584), для лучшаго уразумѣнія этого замѣчательнаго происшествія, мы бросимъ бѣглый взглядъ на предшествовавшую исторію Россіи.

Въ началѣ XIII столѣтія Россія, какъ почти всѣ тогдашнія европейскія государства, была раздроблена на мелкія независимыя княжества (удѣлы). Поэтому въ 1236 г. внукъ грознаго завоевателя Чингисхана, Батый легко завладѣлъ этой страной.

Двойное зло чужеземнаго ига и внутренняго раздора хотя измѣнялось въ силѣ и формѣ, однакоже продолжалось почти въ теченіи 250 лѣтъ, пока наконецъ Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505) не далъ новаго направленія судьбамъ Россіи. Этотъ дѣятельный государь покорилъ въ 1471 г. Великій Новгородъ, который доселѣ оставался въ полной независимости, какъ отъ князей Русскихъ, такъ и отъ татарскихъ хановъ. Десять лѣтъ спустя Іоаннъ III не только вполнѣ освободился отъ ига Кипчатскаго хана, но и раззорилъ его царство. Съ другой стороны покореніе Константинополя Турками въ религіозномъ отношеніи перенесло вѣнецъ цезарей на его главу. Внукъ его Іоаннъ IV Васильевичъ, монархъ грозный и энергическій, пошелъ далѣе, по тому же побѣдоносному пути. Онъ въ 1547 г. принялъ титулъ царя, съ которымъ соединялось болѣе обширное понятіе о власти, чѣмъ съ прежнимъ титуломъ великаго князя. Въ

1552 г. Іоаннъ IV покорилъ Казань, главный городъ Татарскаго Казанскаго царства, и тѣмъ навсегда положилъ конецъ владычеству дикихъ азіятскихъ ордъ, болѣе трехъ столѣтій тяготѣвшему надъ Русскимъ народомъ. Два года спустя Іоаннъ покорилъ Астрахань и воздвигъ христіанскій крестъ на берегахъ Каспійскаго моря, въ волнахъ котораго доселѣ отражались лишь минареты да мечети.

Несмотря на всю жестокость Іоанна IV, онъ вовсе не былъ дурнымъ правителемъ. Онъ, какъ впослѣдствіи Петръ Великій, старался водворить въ своемъ царствѣ науки и искусства образованнаго запада и поднять русскую промышленность приглашеніемъ иноземныхъ мастеровъ.

Въ его царствованіе англичанинъ Ченслоръ открылъ морской путь изъ Англіи въ Бѣлое море, и Іоаннъ воспользовался случаемъ, чтобы завязать новыя торговыя сношенія, отъ которыхъ ожидалъ благопріятнаго вліянія на успѣхи своихъ подданныхъ. Вскорѣ послѣ этого былъ основанъ Архангельскъ и такимъ образомъ открытъ центръ образованности для крайняго сѣвера Россіи.

Послѣ покоренія Казани, въ этомъ царствѣ поселились многіе Русскіе и между прочими купецъ Строгоновъ, который по берегамъ Камы устроилъ соляныя варницы и велъ торговлю съ туземцами. Между чужестранцами, съ которыми Строгоновъ велъ торгъ, онъ замѣтилъ людей, непринадлежавшихъ дотолѣ извѣстнымъ народамъ, и узнавъ, что они приходятъ изъ странъ точно также принадлежащихъ Татарамъ, ханъ которыхъ живетъ въ городѣ Сибири, Строгоновъ послалъ туда нѣсколькихъ людей для развѣдки. Они возвратились съ соболиными мѣхами, которые пріобрѣли у Сибиряковъ за ничтожную цѣну, и такимъ образомъ открыли своимъ хозяевамъ новый источникъ богатства. Строгоновъ немедленно сообщилъ правительству о своемъ успѣхѣ и за открытіе новаго торговаго пути былъ награжденъ значительными помѣстьями при сліяніи Камы и Чусовой.

Завоеванія Іоанна по Каспійскому морю вызвали также новыя торговыя сношенія съ Бухаріею и Персіею, но этой торговлѣ мѣшали грабежи Донскихъ казаковъ. Царь послалъ значительное войско противъ казацкихъ шаекъ, которыя разсѣялись. Во главѣ бѣглецовъ, число которыхъ доходило до 6,000, стоялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, которому, какъ Кортецу и Пизарро, суждено было покорить новое царство и принести его въ даръ своему царю. Но въ то время, когда царскія войска преслѣдовали Ермака, разбойнику было не

до завоеваній, онъ думалъ лишь о томъ какъ спасти себя и свою шайку отъ топора палача; и считалъ себя Ермакъ счастливымъ, когда могъ подышать свободнѣе на сѣверѣ въ имѣніяхъ Строгонова, который получилъ право ставить крѣпости по рѣкѣ Тоболу, держать пушки и сторожей нанимать, и даже право вести не только оборонительную, но даже и наступательную войну съ сибирскимъ султаномъ. Строгоновъ принялъ Ермака и пригласилъ его попытать счастія въ войнѣ съ сибирскимъ ханомъ Кучумомъ, который своимъ фанатизмомъ и насиліемъ сдѣлался ненавистенъ своимъ подданнымъ, что давало надежду довольно легко побѣдить его. Надежда завладѣть царствомъ соболей прельстила Ермака, какъ прельщало Испанцевъ золото Перу и Мексики, и въ тоже время разсчетъ, что бороться съ Кучумомъ легче и не такъ страшно, чѣмъ попасться во власть Іоанна, рѣшили дѣло.

Съ своей стороны Строгоновъ имѣлъ основаніе помогать предпріятію. При удачѣ онъ могъ надѣяться на прибыль, а при неудачѣ все же онъ избавлялся отъ непрошеныхъ гостей.

Такимъ образомъ Ермакъ, лѣтомъ въ 1578 году, отправился въ Сибирь, вдоль берега Чусовой. Но или отъ незнанія страны, а можетъ быть и по неосторожности, его здѣсь захватила зима, и весною недостатокъ припасовъ заставилъ его возвратиться къ Строгоновымъ, гдѣ его приняли не очень ласково. Но эта неудача не уменьшила мужества Ермака, онъ еще крѣпче утвердился въ своемъ намѣреніи. Онъ пріобрѣлъ болѣе опытности, убѣдился въ своихъ силахъ, и когда Строгоновъ показалъ видъ, что не желаетъ ему помочь, то Ермакъ сталъ ему приказывать. О если бы всѣ смѣльчаки, затѣвающіе новые проекты, имѣли подъ рукой 6,000 казаковъ для подкрѣпленія своихъ намѣреній, сколько бы тогда было совершено славныхъ дѣлъ, которыя кажутся невыполнимыми!

На этотъ разъ Ермакъ принялъ нужныя мѣры, и взявъ у Строгоновыхъ большой запасъ провіанта и боевыхъ снарядовъ, въ іюнѣ слѣдующаго года отправился на востокъ съ своимъ войскомъ, число котораго уменьшилось до 5,000 человѣкъ.

Но должно быть Ермакъ встрѣтилъ страшныя препятствія какъ со стороны суровой природы, непроложенныхъ дорогъ, непроходимыхъ болотъ, также, можетъ быть, и со стороны туземцевъ, ибо къ концу 1580 года мы видимъ его на берегахъ Туры, только съ 1500 человѣками. Отсюда весь путь небольшой горсти героевъ со-

стоялъ изъ ряда битвъ и побѣдъ, отъ которыхъ впрочемъ войско таяло какъ снѣгъ отъ солнечныхъ лучей, и только 500 человѣкъ встрѣтили при сліяніи Иртыша и Тобола лагерь хана Кучума, который съ своимъ несмѣтнымъ войскомъ казалось долженъ былъ прекратить дальнѣйшіе успѣхи оружія Ермака. Но какъ волкъ не побоится стада овецъ, какъ соколъ не устрашится стаи голубей, такъ не испугали Ермака безчисленныя ставки Татаръ; онъ зналъ, что его вооруженные мушкетами казаки давно уже отвыкли считать своихъ враговъ, и твердо рѣшившись побѣдить или умереть, онъ пошелъ на врага. Завязалась страшная битва. Хотя Татары были вооружены только луками и стрѣлами, но въ храбрости не уступали они воинамъ Ермака, и чего не доставало у нихъ въ качествѣ вооруженія, то съ лихвою замѣнялось многочисленностію. И долго побѣда казалась сомнительною.

Подобно морскому прибою, бьющему волнами берегъ, Татары бросались на казаковъ, но каждый разъ нападающіе отбрасывались какъ отъ твердой скалы; и какъ волна покрываетъ берегъ раковинами и морскими животными, такъ Татары, послѣ каждой неудачной атаки, оставляли въ полѣ сотни раненыхъ и мертвыхъ. Наконецъ твердая скала побѣдила подвижную волну; Татары въ дикомъ безпорядкѣ обратились въ бѣгство, оставивъ лагерь совсѣми богатствами въ рукахъ казаковъ. И такъ бѣглый разбойникъ Ермакъ украсилъ свое чело побѣднымъ вѣнкомъ, и доказалъ, что онъ обладалъ всѣмъ, что нужно для великаго полководца и былъ вполнѣ достоинъ одержанной побѣды. Не теряя минуты, Ермакъ, тотчасъ же съ поля сраженія, послалъ часть своихъ казаковъ въ городъ Сибирь, чтобы занять эту резиденцію побѣжденнаго Кучума. Онъ зналъ, что побѣда лишь одержана въ половину, если промедлишь и тотчасъ же не пожнешь ея плодовъ. Казаки нашли городъ пустымъ, и вскорѣ Ермакъ какъ побѣдитель вступилъ въ столицу бѣжавшаго Кучума. Слабость Ермака сдѣлалась теперь его силой, испуганные безпримѣрнымъ мужествомъ и пораженные успѣхомъ этой кучки чужеземцевъ, сосѣдніе народы со всѣхъ сторонъ начали стекаться, чтобъ поклониться новому владыкѣ, и даже отдаленные князьки спѣшили признать себя вассалами Ермака. Одно остятское племя, жившее на Сосвѣ, добровольно покорилось Ермаку и обѣщалось ежегодно платить дань въ 280 соболей, другихъ Остяковъ,

которые медлили принести дань, обложили ясакомъ или податью въ 11 соболей на стрѣлка.

Ермакъ не безъ причины старался какъ можно скорѣе собрать большое количество этихъ драгоцѣнныхъ мѣховъ. Какъ Кортецъ пріобрѣлъ расположеніе Карла большимъ количествомъ присланнаго золота, такъ Ермакъ надѣялся войдти въ милость Іоанна Грознаго драгоцѣннымъ продуктомъ Сибири. Ермакъ зналъ, что ему не продержаться съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, и что безъ помощи царя не укрѣпить новопріобрѣтенныя владѣнія. Велико было изумленіе Іоанна, когда посланникъ бѣглаго разбойника привезъ извѣстіе о завоеваніи новаго царства, и положилъ къ ногамъ царя 2400 соболей. Онъ тотчасъ же понялъ, что одинъ герой Ермакъ, совершившій такое великое дѣло съ горстью людей, можетъ удержать пріобрѣтенное и еще расширить новыми завоеваніями, и не только простилъ ему прежнюю вину, но и утвердилъ за нимъ званіе правителя страны, завоеванной его мечемъ. Принятый въ Москвѣ съ большимъ почетомъ, посланникъ Ермака отправился въ Сибирь, и повезъ своему счастливому атаману деньги, почетную шубу съ плеча царскаго и вѣсть, что скоро прибудетъ подкрѣпленіе. Между тѣмъ завоеватель проникъ въ долину Оби, по ту сторону устья Иртыша, а когда подошли 500 Русскихъ онъ еще съ большею смѣлостію сталъ производить свои набѣги. Однажды, возвращаясь изъ одной такой экспедиціи, Ермакъ раскинулъ свой лагерь на небольшомъ островѣ Иртыша. Ночь была темна, шелъ дождь и утомленные продолжительнымъ походомъ Русскіе слишкомъ понадѣялись на дурную погоду, на безопасность мѣстности, а можетъ быть и на ужасъ своего имени. Но Кучумъ, узнавшій черезъ лазутчиковъ объ ихъ безпечности, перешелъ въ бродъ рѣку, напалъ на Русскихъ, число которыхъ не превышало 300, и перерѣзалъ всѣхъ за исключеніемъ одного, который привезъ горестную вѣсть въ Сибирь. Ермакъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа, когда врагъ напалъ на него въ расплохъ, и когда его дружина падала какъ колосъ подъ серпомъ. Съ мечемъ въ рукѣ, онъ проложилъ себѣ дорогу сквозь вражье войско къ берегу и хотѣлъ спастись въ лодкѣ, но въ замѣшательствѣ бѣгства упалъ въ воду и утонулъ. По приказанію Кучума трупъ павшаго героя былъ подверженъ всѣмъ возможнымъ безчестіямъ, какія только можетъ выдумать месть варвара. Но когда прошелъ первый пылъ бѣшенства, воины устыдились неблагородства

своего предводителя, и, перейдя изъ одной крайности въ другую, стали упрекать другъ друга и своего хана въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ останкамъ Ермака. Они пошли даже дальше, они воздали павшему Ермаку божескія почести, по царски погребли его, и приписали чудесную силу могилѣ героя.

Впослѣдствіи Русскіе также поставили памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ одержана первая рѣшительная побѣда надъ Кучумомъ. На памятникѣ начертанъ годъ этого замѣчательнаго событія, а также годъ несчастнаго дня, когда Ермакъ погибъ въ волнахъ Иртыша. *Но собственно памятникъ* Ермака есть вся далекая Сибирь отъ Урала до Тихаго Океана, и пока будетъ существовать русская исторія, не забудутъ имени разбойника-героя Ермака. Все величіе этого человѣка въ полномъ свѣтѣ появилось послѣ его смерти, потому что при первомъ извѣстіи о его гибели, гарнизонъ Сибири немедленно вышелъ изъ крѣпости, и поспѣшно оставилъ страну. Но бѣгущіе Русскіе чувствовали, что имя падшаго героя сдѣлается скоро мощнымъ орудіемъ завоеваній, какимъ нѣкогда было оно при его жизни, и что за теперешнимъ отливомъ счастія послѣдуетъ болѣе сильный приливъ побѣды.

Черезъ нѣсколько лѣтъ воротились Русскіе опять сюда, и на этотъ разъ, чтобы уже никогда не оставлять Сибири. Первымъ укрѣпленнымъ русскимъ поселеніемъ былъ Тюмень на Турѣ, и еще до конца 1587 года основанъ Тобольскъ. Конечно въ этомъ юго-западномъ уголкѣ Сибири Русскимъ пришлось выдержать много сильныхъ битвъ съ Вогулами и Татарами, но всѣ стремленія туземныхъ народовъ и ихъ прежнихъ властителей сбросить съ себя тяжкое иго остались тщетными. Какъ жажда къ золоту влекла Испанцевъ изъ Кубы въ Гиспаніолу и изъ Антильскихъ острововъ въ Мексику, какъ золото было могущественнымъ магнитомъ, притянувшимъ Бальбоа къ берегамъ Тихаго Океана и Пизарро къ Перу, такъ небольшой лѣсной звѣрокъ, соболь завлекалъ въ Сибири казаковъ отъ одной рѣки къ другой все далѣе и далѣе на востокъ. Хотя огнестрѣльное оружіе давало Русскимъ значительный перевѣсъ надъ дикими обитателями Сибири, но все же изумительно какъ такое малочисленное войско покоряло цѣлые народы, и, вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, ничтожная горсть людей не завладѣвала такою неизмѣримою страною.

Подвигаясь все далѣе, Русскіе строили въ удобныхъ мѣстахъ небольшія деревянныя крѣпостцы — остроги, которые въ свою оче-

редь становились исходной точкой для новыхъ завоеваній. Быстрота, съ какою разливалась рѣка завоеваній, всего яснѣе изъ слѣдующихъ хронологическихъ данныхъ. Въ 1604 году основанъ Томскъ, а въ 1621 г. заложенъ острогъ Енисейскъ, куда на рынокъ сосѣдніе кочевники приносили на продажу соболей. Русскіе на столько же дивились тому, что иногда лыжи Тунгусовъ были подбиты этимъ драгоцѣннымъ мѣхомъ, на сколько изумлялись Испанцы золотой утвари въ странѣ Инковъ. Казаки ревностно шли за Тунгускими ордами, изъ которыхъ многія приходили съ Средней и Нижней Тунгуски. Такъ Васильевъ въ 1630 г. достигъ береговъ величественной Лены, и воротившись обогатилъ казну 2000 соболей, и при этомъ укралъ такое же количество. Разсказываютъ, что послѣдовавшіе за нимъ промышленники вымѣнивали соболей у Якутовъ на желѣзные и мѣдные котлы, и брали за котелъ столько шкурокъ, сколько нужно для того, чтобы наполнить его до краевъ. Вотъ было золотое время мѣховой торговли. Въ 1639 году казаки перешли Алданскія горы, и по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ дошли до негостепріимныхъ береговъ Охотскаго моря. Въ томъ же году открытъ Амуръ, и на его лѣвомъ берегу заложенъ крѣпкій острогъ, названный Албазиномъ. Вскорѣ распространилась по всей Сибири вѣсть, что мощная рѣка течетъ по богатому золотомъ песку, и сюда начали стекаться поселенцы, какъ ради этихъ сокровищъ, такъ и для того, чтобы пользоваться плодами плодородной почвы и умѣреннаго климата. Но ревнивые Китайцы въ 1680 г. раззорили острогъ и отвели въ Пекинъ плѣнный гарнизонъ. Хотя Албазинъ былъ вскорѣ снова выстроенъ, но начались постоянныя столкновенія, и Россія, имѣвшая основаніе предпочесть хорошія отношенія съ Китаемъ обладанію такой отдаленной рѣки, важности которой тогда не знали, въ 1689 г., по Нерчинскому трактату, отказалась отъ всѣхъ видовъ на Амурскую область. Извѣстно, что въ послѣдніе годы это снова измѣнилось и Русскіе снова владѣютъ Амуромъ. При устьѣ рѣки поднимается сильная крѣпость Николаевскъ; рядъ крѣпостей тянется вдоль берега до 44°; пароходы плаваютъ по Амуру и Шилкѣ; положены основы прочнаго владѣнія. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы оцѣнить важность этого *новаго пріобрѣтенія, которое не только открываетъ для морской торговли самое сердце Сибири*, но и позволяетъ русской предпріимчивости овладѣть всѣмъ Тихимъ Океаномъ. Прекрасная рѣка, доселѣ протекавшая лишь по пустынямъ, можетъ быть уже въ слѣдующее десяти-

клонной волѣ Шалаурова, т. е. обогнуть и описать сѣверо-восточный берегъ Азіи. 22 го іюня экспедиція вышла изъ Нижне-Колымска и вскорѣ достигла восточнаго устья Колымы недалеко отъ того мѣста, гдѣ были когда-то зимняя стоянка Шалаурова и сигнальная башня Лаптева — почтенныя развалины, которыя на берегахъ полярнаго моря служатъ доказательствомъ славной борьбы человѣка съ ужасами арктической природы. Сарычевъ говоритъ: «Построенное Лаптевымъ на правомъ берегу зимнее жилище, гдѣ и судно было вытащено на берегъ, заставляетъ думать, что прежде фарватеръ шелъ съ той стороны. Теперь большое судно не можетъ идти здѣсь, и даже лодка съ трудомъ и то при высокой водѣ можетъ подойти къ берегу; а при низкой водѣ отмель тянется отсюда на 3 версты.» И такъ, на сѣверномъ берегу Сибири мы замѣчаемъ тоже явленіе, какое имѣетъ мѣсто на берегахъ Ботническаго залива. Берегъ отъ подземныхъ силъ медленно поднимается и напоминаетъ намъ, что даже граница земли и моря непостоянна и измѣнчива, какъ судьба человѣка.

Пловучіе льды, помѣшавшіе попыткамъ Лаптева и Шалаурова, принудили возвратиться Биллингса и Сарычева, которые, убѣдившись въ невозможности разрѣшить задачу въ этомъ направленіи, рѣшились на новую попытку съ юга и востока, напр. изъ Охотска достигнуть черезъ Беринговъ проливъ устья Колыма. Въ 1791 году Биллингсъ вышелъ изъ Авачинской губы, и направился къ восточному мысу, но здѣсь Чукчи увѣрили его, что проливъ наполненъ пловучими льдами, вслѣдствіе чего Биллингсъ отказался отъ своего намѣренія и возвратился сухимъ путемъ въ Нижне Колымскъ, перерѣзавъ страну Чукчей.

Удивительно, что въ верхнемъ теченіи Югнея, впадающаго въ Колючинскую губу, встрѣчаются горячіе источники. «Они находятся на утесистомъ возвышеніи: это четыре отдѣльныхъ овальныхъ бассейна отъ 6 до 8 саженъ въ окружности, край ихъ фута на полтора поднимается надъ поверхностью земли и загибается наружу. Эти края такъ тонки и правильны, что можно подумать, что здѣсь врыты котлы сдѣланные рукою человѣка. Бассейны до края наполнены теплой-бѣловатой мучной водой, и такъ глубоки, что мы не могли достать шестомъ дна. Въ срединѣ бассейна бьютъ ключи, какъ будто здѣсь кипитъ вода.» Такимъ образомъ мы повсюду находимъ слѣды огня, клокочущаго во внутренности нашей планеты, и въ пустынной

землѣ Чукчей и въ Карльсбадскихъ цѣлительныхъ источникахъ, въ струѣ воды, вызванной артизіанскимъ буромъ, и въ исландскомъ Гейзерѣ.

Въ 1806 г. Сироватскій открылъ Ново-Сибирскій архипелагъ, научно-изслѣдованный Геденштремомъ въ 1808 г. На почвѣ этихъ пустынныхъ островов, гдѣ не ростетъ теперь ни деревца, ни травки, найдено было большое количество череповъ и костей лошадей, буйволовъ, быковъ и овецъ, которые вѣроятно здѣсь когда-то жили цѣлыми стадами.

На столько же загадочны деревянныя горы на южной оконечности Новой-Сибири. Онѣ состоятъ изъ поднимающихся саженей на 30 горизонтальныхъ слоевъ песчаника, между которыми помѣщаются такіе же слои смолистыхъ древесныхъ стволовъ. Всходя на эти горы, всюду встрѣчаешь окаменѣлый древесный уголь, повидимому покрытый пепломъ; при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что этотъ пепелъ есть также камень, который трудно даже отскоблить ножемъ. На вершинѣ горъ новая странность: здѣсь видимъ мы длинный рядъ вертикально въ песчаникѣ стоящихъ стволовъ, такого же свойства какъ и вышеописанные, большею частію обломанный верхній конецъ этихъ стволовъ на полъ фута поднимается изъ песчаника. Древесина распадается на пластинки чернаго цвѣта, не очень тверда и имѣетъ слабый блескъ. На горячихъ угольяхъ она тлѣетъ и издаетъ смолистый запахъ.

Геденштремъ, возвращаясь чрезъ тундру въ Устьянскъ, на озерѣ Хоздогѣ долженъ былъ еще разъ припомнить, что нѣкогда климатъ Сибири былъ умѣренный. Каждую осень изъ этого маленькаго озера выбрасывается большое количество смолистыхъ кусковъ дерева, которыми въ иныхъ мѣстахъ берегъ покрытъ фута на 2 вышиной. Между этими кусками дерева встрѣчаются кусочки смолистаго вещества, которое горитъ какъ янтарь и сильно пахнетъ смолой. Озеро находится въ 80 верстахъ отъ ближайшаго лѣса.

На такомъ же разстояніи отъ теперешней границы лѣсовъ въ тундрѣ, въ крутыхъ песчанныхъ берегахъ озеръ и рѣкъ, находятъ большіе, совершенно сгнившіе березовые стволы. Они тлѣютъ, но не даютъ пламени и называются окрестными жителями *адамовщиной*. Первая зеленѣющая береза встрѣчается теперь отсюда не ближе 3° на югъ, да и то она ростетъ кустарникомъ.

Такъ нѣкогда паслись буйволы и допотопные слоны обрывали зеленые побѣги лиственнаго лѣса тамъ, гдѣ теперь сѣверный олень съ трудомъ отыскиваетъ лишаи подъ снѣжнымъ покровомъ, и песецъ роетъ свою нору въ вѣчно-мерзлой почвѣ.

Но что эти измѣненія, совершающіяся въ теченіи нашей короткой жизни, въ сравненіи съ перемѣнами, совершавшимися на поверхности нашей планеты въ теченіи ея существованія. Конечно наши дни исчезаютъ, какъ тѣнь, брошенная набѣжавшимъ облакомъ, какъ слѣдъ бѣгущаго по вѣтру корабля, но вѣдь и эпохи, проживаемыя вѣчно измѣняющейся землей — еслибъ даже онѣ длились милліоны лѣтъ — въ сравненіи съ вѣчностію также быстро проходятъ какъ тѣнь, какъ облако, какъ слѣдъ корабля.

ГЛАВА X.

СИБИРЬ.

Обширная страна земнаго шара. — Рѣдкое населеніе. — Въ произведеніяхъ нѣтъ недостатка. — Ссыльные. — Меншиковъ. — Долгорукій. — Минихъ. — Преступники. — Вольный сибирскій хлѣбопашецъ. — Сибирскіе холода. — Какъ ихъ выноситъ человѣкъ? — Байкалъ. —

На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ страны, которая по своей обширности могла бы сравниться съ Сибирью. Китай, Европейская Россія, Бразилія, Соединенные Штаты, Гудзонъ-Байскія земли, хотя занимаютъ весьма значительное пространство, но каждая изъ этихъ странъ могла бы совершенно покойно помѣститься въ Сибири, и еще осталось бы достаточно мѣста для полудюжины весьма порядочныхъ государствъ.

Какъ собственно велика Сибирь, этого не знаетъ никто. Ни Петерманъ, ни Берггаузъ, ни Риттеръ, ни даже Русскій царь. Сибирь ростетъ съ каждымъ годомъ, то на счетъ Туранскаго хана, то на

счетъ Китайскаго императора. Послѣдній напр. еще недавно думалъ, что Амуръ принадлежитъ ему, а теперь русская крѣпость при устьѣ этой рѣки показываетъ, какъ плохо Китаецъ знаетъ географію.

Чтобы не заслужить того же упрека, мы лучше вовсе не будемъ говорить объ южной границѣ Сибири, и удовольствуемся круглыми числами. Азіятская Россія занимаетъ пространство, по крайней мѣрѣ въ 200,000 квад. миль, слѣдовательно она почти въ 45 разъ болѣе Пруссіи, и въ 22 раза болѣе Франціи. Но населеніе такъ непропорціально къ этому огромному пространству, что даже маленькая Бельгія (въ 550 квад. мил.), имѣющая $4^1/_2$ милліона жителей, относительно народонаселенія, значительно превосходитъ Сибирь, гдѣ насчитываютъ всего до 3 милліоновъ душъ. Но и это ничтожное населеніе распредѣлено весьма неравномѣрно. Жители большею частію Русскіе и Татары преимущественно поселились на югѣ и западѣ по рѣкамъ и вдоль главныхъ путей сообщенія, ведущихъ изъ одной рѣчной области въ другую. На сѣверѣ точно также большинство жителей разсѣялось вдоль рѣкъ, а большая часть какъ неизмѣримой лѣсной области и необозримой тундры или вовсе необитаема, или же по ней разгуливаютъ небольшія орды кочевыхъ народцевъ.

Не продуктами бѣдна Сибирь, а скорѣе населеніемъ. На югѣ Сибири тысячи квад. миль способны къ воздѣлыванію хлѣбовъ, ибо, какъ мы видѣли уже въ первой главѣ, рожь, ячмень и картофель очень хорошо родятся до 61° с. ш., при этомъ мы не говоримъ о попыткахъ разведенія этихъ растеній еще далѣе къ сѣверу. Скотоводство во многихъ мѣстностяхъ могло бы сдѣлаться конечно во сто разъ значительнѣе чѣмъ теперь, и даже самый климатъ сталъ бы умѣреннѣе, если бы трудъ земледѣльца обуздалъ дикую природу. Легко пожелать населить Сибирь, но къ сожалѣнію трудно осуществить это желаніе. Свободными переселенцами Сибирь не можетъ конкурировать съ Соединенными Штатами или Канадой. Заслуженно или нѣтъ, но не пользуется Сибирь хорошой славой, и русскому правительству, желающему позаселить эту страну, ничего не остается болѣе какъ ежегодно высылать сюда на востокъ черезъ Уральскій хребетъ — ссыльныхъ.

Много знаменитостей прошло по этому печальному пути въ прошломъ столѣтіи, когда нерѣдко сильный временщикъ ссылался въ Сибирь при первомъ дворцовомъ переворотѣ. Этотъ жребій между прочимъ выпалъ и на долю перваго князя Меншикова. Въ закрытой

повозкѣ, въ крестьянскомъ платьѣ, со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ ссылку довѣренный человѣкъ Петра Великаго, человѣкъ нѣсколько лѣтъ управлявшій государствомъ. Въ Сибири Менщиковъ жилъ въ простой хижинѣ и занимался сельскимъ хозяйствомъ. Къ его несчастію прибавилось и семейное горе. Жена его не вынесла трудности пути, одна изъ дочерей вскорѣ послѣ нея умерла отъ оспы, тою же болѣзнею захворали и остальныя двое дѣтей, но выздоровѣли. Менщиковъ умеръ въ 1729 г., и похороненъ въ Березовѣ, рядомъ съ своей дочерью. Какъ кардиналъ Вольсей, онъ послѣ своего паденія вспомнилъ о Богѣ, котораго забывалъ въ счастливые дни. Въ ссылкѣ онъ проводилъ время въ молитвѣ и покаяніи. На свое наказаніе онъ смотрѣлъ какъ на благодѣяніе, которое открыло ему путь къ вѣчному блаженству. Онъ построилъ церковь, и при постройкѣ работалъ собственными руками, взялъ на себя должность дьячька, и каждый день первымъ входилъ въ храмъ Божій и послѣднимъ выходилъ изъ него. Послѣ Божественной службы онъ поучалъ народъ духовнымъ предметамъ. Жители Березова до сихъ поръ чтутъ память Менщикова, и считаютъ его за праведника. Это вѣрованіе еще болѣе утвердилось, когда останки его въ 1821 г. были вынуты изъ земли, и оказались нетлѣнными по прошествіи 92 лѣтъ.

Однажды дочь Менщикова шла по деревнѣ, и изъ окна избы съ ней заговорилъ крестьянинъ. Это былъ князь Долгорукій, который свергнулъ ея отца, и теперь самъ поплатился за это ссылкой. Вскорѣ послѣ этого императрица Анна помиловала какъ дочь, такъ и сына Менщикова, и Долгорукій перешелъ въ оставленную ими избу. Впослѣдствіи молодой Менщиковъ получилъ все состояніе и всѣ почести своего отца. Отъ него происходитъ по прямой линіи мужественный защитникъ Севастополя.

Шестидесятилѣтній маршалъ Минихъ, любимецъ императрицы Анны, при восшествіи Елизаветы на престолъ также былъ сосланъ въ Сибирь. Темница Миниха состояла изъ трехъ отдѣленій, въ первомъ находилась стража, во второмъ кухня, въ третьемъ жилъ ссыльный. Стѣна въ 20 футовъ вышины мѣшала солнцу проникать въ темницу.

Нѣкогда могущественный временщикъ здѣсь получалъ на пропитаніе всего полтину въ день. Но мрачная ссылка смягчалась любовью жены Миниха. Не смотря на то, что ей было 55 лѣтъ, она все же нашла въ себѣ достаточно мужества и самоотверженія, чтобы послѣ-

довать за мужемъ и служить ему вѣрной подругой. Великій человѣкъ училъ математикѣ дѣтей своихъ тюремщиковъ и тѣмъ пріобрѣлъ любовь послѣднихъ.

Двадцать одинъ годъ провелъ онъ здѣсь съ женой, и, возвратившись въ Москву, ихъ встрѣтили дѣти, внуки и правнуки въ числѣ 52 человѣкъ.

При восшествіи на престолъ Екатерины, 80-лѣтній старецъ едва опять не отправился въ ссылку, но онъ сумѣлъ спасти свою ладью во время бури и умеръ губернаторомъ Петербурга.

И въ нашемъ столѣтіи много было сослано въ Сибирь государственныхъ преступниковъ, прощенныхъ милосердіемъ Александра II-го.

Впрочемъ, большинство ссыльныхъ въ Сибирь состоитъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ, которыхъ у насъ (въ Германіи) наказываютъ смертью, или тюрьмой. Убійца, разбойникъ—въ Сибирь; пограничный контробандистъ, ведущій спокойно торгъ запрещеннымъ товаромъ — въ Сибирь; даже безпаспортный бродяга, который не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта о своемъ поведеніи, и тотъ получаетъ новый паспортъ — въ Сибирь.

Такимъ образомъ ежегодно ссылается въ Сибирь до 12000 человѣкъ, смотря по силѣ преступленія ихъ поселяютъ все далѣе на востокъ. Круглымъ числомъ, каждую недѣлю приходитъ въ Тобольскъ партія въ 300 ссыльныхъ или *несчастныхъ*, какъ называетъ ихъ народъ, здѣсь около $^1/_6$ части ихъ получаетъ прощеніе. Остальныхъ сортируютъ. Убійцы, поджигатели и грабители отправляются въ Нерчинскіе рудники; прежде, при ихъ отсылкѣ изъ Россіи, они еще наказывались кнутомъ и имъ рвали ноздри — цивилизація нашего столѣтія уничтожила этотъ способъ тѣлеснаго наказанія.

Англичанинъ Симпсонъ (Narrative of a journey round the world 1847) считаетъ Сибирь за лучшее ссылочное мѣсто въ мірѣ. Каждый ссыльный, неназначенный въ рудники, получаетъ участокъ земли, избу, лошадь, двѣ коровы, земледѣльческія орудія и провіантъ на цѣлый годъ. Въ первые три года, онъ не платитъ никакихъ податей, въ слѣдующіе 10 лѣтъ онъ платитъ только половину обыкновенной подати. Такимъ образомъ ссыльный имѣетъ полную возможность улучшить трудомъ свой жребій; не мало содѣйствуетъ и страхъ тому, чтобъ удержать его на пути къ добру, ибо онъ очень хорошо знаетъ, что за первый проступокъ его безъ всякаго сожалѣнія от-

правятъ въ рудники — перспектива очень непріятная. Поэтому нечему удивляться, что при такихъ сильныхъ побудительныхъ причинахъ, иные ссыльные достигаютъ благосостоянія, о которомъ и не снилось имъ въ Европейской Россіи. Симпсонъ посѣтилъ, недалеко отъ Канска, одного такого *несчастнаго*, который трудомъ пріобрѣлъ превосходное жилище и обширныя земли. Сынъ этого ссыльнаго только что пріѣхалъ изъ Петербурга, и съ радостію увидѣлъ отца, который былъ занятъ сборомъ богатаго урожая отъ хозяйства, для веденія котораго онъ употреблялъ 140 работниковъ.

Пятьдесятъ шесть верстъ отъ Нохлинска, посѣтилъ Эрманнъ богатый крестьянскій дворъ, принадлежавшій старому ссыльному изъ Новгородской губерніи. Этотъ человѣкъ сумѣлъ замѣнить своей неутомимой дѣятельностію то, чего казалось не давалъ климатъ. Какъ рогатый скотъ, такъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ; и ѣли сѣно, которое привозилось изъ-за 20 верстъ, съ низменныхъ, обильныхъ травою острововъ Лены. Этотъ ссыльный получалъ превосходный урожай ржи и ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Одиннадцать работниковъ и работницъ исполняли дѣло автократа-ссыльнаго.

Гоффманъ (Reise nach den Goldwäschereien Ost-Sibiriens) представляетъ намъ положеніе сибирскихъ ссыльныхъ далеко не въ такомъ розовомъ свѣтѣ. По мнѣнію этого путешественника цивилизація и процвѣтаніе Сибири находятъ въ поселеніяхъ ссыльныхъ наибольшаго врага. Въ Томской губерніи, какъ кажется особенно богатой самыми неблагонадежными ссыльными, всѣ ямщики принадлежатъ къ этому классу. Лестью старались они возбудить къ себѣ состраданіе. «Богу такъ было угодно,» обыкновенно говорили они, благочестиво поднимая взоръ къ небу, и при такой покорности Высшей Волѣ, страшное пьянство, безграничная ложь, дерзкій обманъ, воровство, гдѣ только можно, украсть и даже убійство, если представится благопріятный случай, вотъ краткій списокъ пороковъ, въ которыхъ Гоффманъ ихъ упрекаетъ.

И такъ, истина состоитъ въ томъ, что большинство преступниковъ остается почти тѣмъ же, чѣмъ были они дома, но если бы запереть въ тюрьму всѣхъ подвергнувшихся строгости законовъ, всѣхъ работающихъ и пользующихся плодами своихъ трудовъ въ обширной Сибири, то весьма вѣроятно, что и малое число преступниковъ,

здѣсь нравственно-улучшившихся, вслѣдствіе похвальнаго труда, еще глубже впали бы въ бездну порока.

Что же касается до свободнаго сибирскаго крестьянина, который происходитъ большею частію отъ *несчастныхъ*, то онъ заслужилъ отъ всѣхъ путешественниковъ необыкновенную похвалу.

«Лишь только перевалились мы за Уралъ,» говоритъ Врангель, «какъ мы были поражены совершенно особеннымъ дружелюбіемъ и добродушіемъ жителей; на-столько же поразительны роскошная растительность, хорошо обработанныя поля, превосходныя дороги и большія, хорошо выстроенныя деревни, которыя встрѣчаемъ въ южной части Тобольской губерніи. Вещи можно было оставлять на ночь просто посреди дороги. «Небось, у насъ воровъ нѣтъ,» такъ говорили намъ.» Это можетъ казаться удивительнымъ, но припомнимъ, что только что описанные Томскіе жители живутъ гораздо далѣе на востокъ, и что каждому ссыльному преступнику назначенъ округъ, за границы котораго онъ не смѣетъ перейдти, не отправившись за это прямо въ Нерчинскъ, гдѣ уже болѣе не видать ему дневнаго свѣта.

«Сибиряки,» замѣчаетъ Ганстенъ (Reisen in Sibirien 1828 — 1830) «извѣстны въ Россіи за самый красивый народъ, и пользуются желѣзнымъ здоровьемъ. Въ тулупѣ сверхъ рубашки, и тонкихъ холщевыхъ портахъ, они нипочемъ переносятъ холодъ въ 30 и 35 градусовъ. Они вовсе не такъ жадны къ деньгамъ, какъ крестьяне Европейской Россіи. Земли сибирякъ обработываетъ сколько хочетъ и почва доставляетъ все нужное для пищи и одежды. Сибиряки необыкновенно чистоплотны.»

Золотые промыслы конечно въ послѣднее время измѣнили такое состояніе невинности, однако-же Гоффманъ по пути въ Омскъ черезъ Ишимъ нашелъ у одного крестьянина Западной Сибири остатки вѣрности, честности и гостепріимства, которыми славились его предки.

Личной свободой сибиряки пользовались ранѣе своего европейскаго брата. Въ Сибири не было дворянства, не было дворянскихъ помѣстій, а слѣдовательно не было крѣпостныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Казенные же крестьяне управлялись общими законами, которые защищаютъ обладаніе имуществомъ и охраняютъ отъ произвола.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, сибиряки занимаются и перевоз-

кой товаровъ, и вѣроятно не существуетъ страны, гдѣ бы относительно народонаселенія было болѣе людей, занимающихся извозомъ.

Продукты богатыхъ рудниками Алтая и Нерчинскихъ горъ, эти массы мѣди, желѣза, свинца и серебра должны совершить долгій путь, чтобы достигнуть русскихъ рынковъ. Конечно легче перевозится золото съ промысловъ восточной Сибири, но нужно нерѣдко привозить сюда изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ припасы для многихъ тысячъ рабочихъ, занимающихся въ теченіи цѣлаго лѣта промывкою драгоцѣнныхъ золотыхъ зеренъ изъ песка. Милліоны мѣховъ отъ маленькой сѣрой бѣлки до огромнаго медвѣдя требуютъ также значительныхъ силъ для перевозки.

Къ этому еще должно прибавить значительную караванную торговлю съ Китаемъ, которая ежегодно доставляетъ многія тысячи тюковъ чая изъ Кяхты въ Ирбить. Если при этомъ примемъ въ соображеніе громадность разстояній, то ясно станетъ значеніе занимающагося извозомъ сибиряка.

Конечно Сибирь богата судоходными рѣками, но достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что, не смотря на обиліе воды, эти рѣки мало приносятъ пользы для внутреннихъ сообщеній. Всѣ рѣки текутъ съ юга на сѣверъ въ негостепріимное море, вѣчно закрытое для мореплаванія, да и сами онѣ закованы льдомъ въ теченіи большей части года. Огромныя пространства отдѣляютъ бассейнъ одной рѣки отъ бассейна другой, что требуетъ частой перегрузки товаровъ. Каналовъ вовсе нѣтъ, да въ такой странѣ едва ли они могутъ окупить издержки на нихъ. О пароходахъ много говорилось въ послѣднее время; но на рѣкахъ, по которымъ можно плавать никакъ не болѣе 4 мѣсяцевъ въ году, и въ странѣ, гдѣ города такъ незначительны и расположены такъ далеко другъ отъ друга, едва ли можно ожидать успѣха и отъ такого предпріятія.

Холода играютъ въ Сибири такую важную роль, что необходимо поговорить о нихъ. Не удивительно, что въ Устьянскѣ (70° 55 с. ш.) средняя зимняя температура — 38°, а средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (января) доходитъ до — 40°; но удивительно, что въ Якутскѣ (62° с. ш.) зима еще холоднѣе, чѣмъ въ этомъ мѣстечкѣ лежащемъ при полярномъ морѣ, ибо здѣсь средняя зимняя температура равняется — 38°9, а средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (февраля) — 49°5. Здѣсь ртуть, въ теченіи шестой части года, принадлежитъ къ твердымъ тѣламъ. Даже

подъ 75° на Американскомъ полярномъ океанѣ Парри нашелъ, что самый холодный мѣсяцъ на нѣсколько градусовъ теплѣе, чѣмъ въ Якутскѣ. Еще удивительнѣе зимній холодъ Иркутска (52°16 с. ш.), который конечно стоитъ на высотѣ 1,200 футовъ надъ уровнемъ моря, но все же южнѣе Берлина (52° 31 с. ш.). Что сказали бы на берегахъ Шпре о зимѣ, средняя температура которой имѣла — 17° 6, и объ январѣ — 19° 5, но стоитъ жителю Берлина подвинуться къ востоку на 90° долготы, нисколько не приближаясь къ полюсу, чтобы познакомиться съ холодомъ въ — 35° или — 40°, такого холода конечно не бываетъ въ Пруссіи.

Различныя причины обусловливаютъ такую низкую зимнюю температуру въ сердцѣ Сибири. Вопервыхъ, эта страна есть большая равнина, косвенно спускающаяся къ Ледовитому морю; вовторыхъ, Сибирь лежитъ такъ далеко отъ умѣряющаго холодъ океана, что по ту сторону Уральскихъ горъ теплый западный вѣтеръ уже дѣлается холоднымъ континентальнымъ вѣтромъ, и въ-третьихъ огромная въ 4,000 футовъ высоты Монгольская горная возвышенность не пропускаетъ въ Сибирь много тепла съ юга, такъ что зимой откуда ни дуй вѣтеръ, онъ приноситъ на своихъ крыльяхъ только одинъ холодъ.

Лѣтомъ сцена перемѣняется. Подъ вліяніемъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ около сѣвернаго полюса вращающагося солнца, волны тепла разливаются по внутренности Сибири и быстро поднимаютъ ртуть термометра. Нѣтъ близкаго моря, освѣжающаго воздухъ прохладнымъ вѣтромъ, подуетъ ли онъ съ раскаленной Монгольской пустыни, или же пройдетъ по громадной равнинѣ на всемъ своемъ пути, онъ лишь насытится тепломъ. И такимъ образомъ за страшной Якутской зимой слѣдуетъ такое же неумѣренное лѣто. Средняя лѣтняя температура Якутска равняется +17°2, а средняя температура іюля мѣсяца даже +20°3. Такого жаркаго лѣтняго мѣсяца нѣтъ даже въ Мексикѣ (2271 метръ надъ уровнемъ моря. Іюнь +19°7), и Якутскій іюль теплѣе іюля въ Прагѣ, Мангеймѣ и Ла-Рошели (во всѣхъ трехъ мѣстахъ +20°2). На почвѣ, вѣчно замерзшей на нѣсколько сотъ футовъ въ глубину, могутъ вызрѣвать рожь и ячмень. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ Якутскѣ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, всѣ крайности континентальнаго климата. По крайней мѣрѣ во всѣхъ передъ нами лежащихъ метеорологическихъ таблицахъ мы не находимъ другаго пункта, гдѣ бы разность лѣта и зимы

достигала громаднаго числа 65°. Хотя въ Иркутскѣ средняя температура самаго теплаго мѣсяца равняется только +17°5, все же эта теплота чрезмѣрна въ сравненіи съ значительными зимними холодами.

Вырубка лѣсовъ и осушка болотъ естественно придали бы еще болѣе силы сибирскому лѣту, точно также, какъ подобныя же измѣненія въ теченіи времени значительно умѣрили климатъ Германіи.

Чѣмъ болѣе увеличится земледѣльческое населеніе, тѣмъ болѣе оно приготовитъ себѣ благопріятной почвы для своего дѣла.

Спрашивается, какъ человѣкъ выноситъ такіе страшные холода? Обыкновенно дни, въ которые термометръ наиболѣе понижается, отличаются безвѣтріемъ, причемъ холодъ не такъ рѣзокъ; кромѣ того небольшія низкія жилища, окруженныя землянымъ валомъ, такъ устроены, чтобы противустоять леденящему вѣтру.

Эрманъ говоритъ, что въ остятскомъ зимнемъ платьѣ изъ двойной шкуры сѣвернаго оленя можно спокойно просыпать въ открытыхъ саняхъ ночи, когда мерзнетъ ртуть, и въ такой одеждѣ можно спокойно лежать на снѣгу, въ тонкой палаткѣ при—28°. Но ни въ одномъ внѣшнемъ мірѣ человѣкъ находитъ средство противодѣйствовать холоду. Удивительная акклиматизаціонная способность его даетъ также ему возможность побѣдоносно выдти изъ борьбы. Необыкновенно быстро, въ нѣсколько дней уже развивается въ тѣлѣ тѣмъ болѣе теплоты, чѣмъ болѣе усиливается холодъ; человѣкъ вдыхаетъ болѣе кислорода, внутренній процессъ горѣнія идетъ быстрѣе, усиливающійся аппетитъ доставляетъ больше матеріала и поддерживаетъ внутренній жаръ. Вслѣдствіе этого не только коренные сибиряки, но и путешественники скоро привыкаютъ къ зимнимъ холодамъ. И если Мейенъ зябнулъ при +22° въ Мапильѣ (онъ прибылъ изъ болѣе жаркихъ странъ), то Миддендорфъ находилъ удовольствіе, снявъ куртку, съ часокъ порубить дровъ на чистомъ воздухѣ, когда замерзла ртуть, и потомъ въ нижнемъ платьѣ и рубашкѣ грѣться въ палаткѣ передъ огонькомъ, въ это время термометръ обращенный къ огню, жаръ котораго едва выносила рука, показывалъ только +15°, а за спиной спокойно грѣвшагося Миддендорфа спускался до —10° и болѣе.

Большіе холода сноснѣе еще тѣмъ, что они дѣйствуютъ на здоровье скорѣе благопріятно, чѣмъ вредно. Разумѣется здоровый че-

ловѣкъ легче привыкаетъ къ внѣшнимъ условіямъ, чѣмъ человѣкъ одаренный меньшею жизненною энергіею.

Въ первой главѣ, мы уже сдѣлали краткій очеркъ сибирской природы, какъ ея безконечныхъ тундръ, такъ и неизмѣримыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о Байкальскомъ озерѣ, заслуживающемъ нашего вниманія во многихъ отношеніяхъ. Это самое большое прѣсноводное озеро Стараго Свѣта (100 миль въ длину, 18 миль въ ширину и 500 квад. миль поверхности), и за исключеніемъ большаго Невольничьяго озера (750 квад. миль) самое большое озеро всего полярнаго склона. Черезъ Байкалъ протекаетъ Селенга, которую можно считать главнымъ рукавомъ Енисея, слѣдовательно изъ нѣдра этого озера вытекаетъ самая большая по протяженію рѣка Стараго Свѣта. Окрестности Байкала очень романтичны, повсюду, какъ на Фирвальштедскомъ озерѣ, изъ воды отвѣсно поднимаются высокія скалы и тотчасъ же снова опускаются въ неизмѣримую глубь. Плаваніе по Байкалу весьма опасно, ибо, бѣдный гаванями, онъ подверженъ внезапнымъ бурямъ и страшнымъ вихрямъ. Иногда воды его приходятъ въ сильное волненіе безъ всякой видимой причины, какъ будто подземныя вулканическія силы приводятъ ихъ въ движеніе. Суда, на которыхъ плаваютъ по прекрасному озеру, своей постройкой напоминаютъ первобытное мореплаваніе, и удивляешься смѣлости рыбаковъ, предающихся своимъ занятіямъ въ такихъ непрочныхъ лодкахъ. Тѣмъ не менѣе рыбная ловля здѣсь очень добычлива, ибо ежегодно въ Байкалѣ и въ него впадающихъ рѣкахъ ловятъ не менѣе 13 милліоновъ однихъ лососей. На Байкалѣ водятся также тюлени, которые во всемъ мірѣ нигдѣ не заходятъ такъ далеко отъ своей естественной стихіи, океана.

Для перевозки товаровъ Байкалъ менѣе полезенъ, чѣмъ для рыбной ловли. Вся перевозка товаровъ между Иркутскомъ и Забайкальскимъ краемъ совершается или на саняхъ по замерзшему лону Байкала, или же объѣзжаютъ его южную оконечность по неровной дорогѣ.

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА XI.

СИБИРСКАЯ ТОРГОВЛЯ ПУШНЫМЪ ТОВАРОМЪ.

Соболь. — Горностай. — Кулоновъ. — Морская выдра. — Чернобурая лисица. — Рысь. — Бѣлка. — Бурундукъ. — Заяцъ. — Сусликъ. — Значеніе торговли пушнымъ товаромъ для сѣверныхъ странъ. — Какъ ведется эта торговля? — Торговля съ Китаемъ. — Кяхтинская ярмарка.

Самый знаменитый сибирскій пушной звѣрь есть безспорно соболь (Mustela zibellina), принадлежащій къ кровожадному роду хорьковъ. Соболь меньше куницы и отличается отъ нея только сѣрымъ пятномъ на шеѣ, болѣе тонкою шерстью, и болѣе короткимъ хвостомъ. Хотя соболь рожденъ для полной свободы въ лѣсахъ, и какъ трусливая серна боится человѣка, но онъ легко приручается, и тогда какъ бѣлку держатъ его на цѣпи. Ночью выходитъ онъ на добычу, и преимущественно ѣстъ мышей, но ѣстъ также ягоды и кедровые орѣхи. Вообще въ лѣсу соболю все годится въ пищу. Онъ живетъ въ подземныхъ норахъ, преимущественно между древесными корнями.

Постоянныя преслѣдованія охотниковъ мало по малу вытѣснили это животное въ непроницаемые лѣса. Уже прошли тѣ времена, когда Тунгусы за мѣдный котелъ давали столько соболиныхъ шкуръ, сколько въ него уложится. Однакоже, по мнѣнію Бера, все же ежегодно добывается до 45000 соболей. Лучшій соболь промышляется на Ленѣ, именно на Олекмѣ, самое же большое количество его доставляетъ Камчатка. Пара лучшихъ шкурокъ стоитъ на мѣстѣ 80 руб. сер., а въ Петербургѣ и въ Москвѣ охотно дадутъ за нихъ 170 руб. сер., особенно если ость длинна, густа и черна, а подпушь бурая. Очень красиво, когда длинная ость оканчивается бѣлымъ, но еще лучше если вся ость черная. Вообще Русскіе очень любятъ и цѣнятъ черные мѣха, а рыжій цвѣтъ считаютъ некрасивымъ. Китайцы, напротивъ, особенно цѣнятъ количество волоса и величину шкурки. Такая разница во вкусахъ относительно пушнаго товара зависитъ отъ того, что, по причинамъ еще неизвѣстнымъ естествоиспытателямъ, всѣ

мѣха звѣрей, подверженныхъ перемѣнѣ цвѣта, тѣмъ темнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку. Поэтому соболь съ береговъ Оби (соболь здѣсь обыкновенно больше, но шерсть свѣтлѣе) идетъ въ Кяхту, а съ Алданскихъ и Удскихъ горъ отправляется въ Петербургъ, Турцію и Лейпцигъ. Цивилизаціонныя попытки султана Махмута сильно повредили бѣдному Тунгусу и Якуту, ибо съ тѣхъ поръ именитые Турки одѣваются поевропейски, и цѣна лучшаго соболя понизилась на половину.

Шкурка нѣкогда столь дорогаго горностая (Viverra ermineа) стоитъ теперь въ Якутскѣ всего пять или восемь копѣекъ сер., такъ что вся охота за этимъ звѣркомъ едва ли приноситъ 200,000 руб. ассиг. Въ Китаѣ, куда въ 1840 году вывезено было 176,200 шкурокъ, конечно горностай еще въ большемъ уваженіи, и ни одинъ подданный не смѣетъ носить хвостиковъ—это привилегія императорской фамиліи. Горностай (около 10 дюймовъ въ длину) живетъ во всей Сибири по полямъ и лѣсамъ, всего чаще по берегамъ рѣкъ, и гнѣздится какъ въ древесныхъ дуплахъ, такъ и въ подземныхъ норахъ, которыхъ впрочемъ не роетъ самъ, а отнимаетъ у мышей. Кровожадный и прожорливый горностай бросается даже на медвѣдя, вгрызается послѣднему въ ухо, и такимъ образомъ замучиваетъ до смерти. Понтоппиданъ разсказываетъ, что горностай даже садится на спящаго орла или глухаго тетерева, поднимается съ ними на воздухъ, и кусаетъ до тѣхъ поръ, пока птица не упадетъ на землю, истощившись отъ потери крови; но и это кровожадное сердце согрѣто божественнымъ лучемъ любви къ дѣтямъ, и если отнимутъ дѣтей отъ самки, то она, недумая о своей безопасности, слѣдуетъ за похитителями. Осенью падаетъ тонкая красноватобурая лѣтняя шерсть, и горностай получаетъ всѣмъ извѣстную бѣлую шерсть, съ характеристичнымъ чернымъ пучкомъ шерсти на концѣ хвоста. За горностаемъ охотятся только изъ-за шкурки, даже Якуты и Калмыки не ѣдятъ мяса, потому что изъ желѣзокъ выдѣляется вонючая жидкость.

Самые большіе горностаи получаются съ береговъ Колымы, или же привозятся Чукчами изъ самыхъ холодныхъ странъ Америки.

Кулонокъ (Viverra sibirica) меньше горностая и обыкновенно достигаетъ только 7 дюймовой длины. Онъ часто за одинъ разъ съѣдаетъ болѣе своего собственнаго вѣса, всегда золъ и принадлежитъ къ числу самыхъ неприручимыхъ животныхъ. Онъ устраиваетъ свое жилище въ дуплахъ, сурчинахъ или же кучахъ камней, и находится въ

вѣчной враждѣ съ мелкими птицами, хотя преимущественно питается полевыми мышами. Быстрота движеній кулонка вошла въ пословицу; онъ лазаетъ вверхъ по стѣнамъ съ такою легкостію, что отъ него трудно уберечь что-нибудь. Къ тому же тѣло этого звѣрка такъ тонко, что трудно найдти отверстіе, въ которое онъ бы не пролѣзъ. Охотятся за кулонкомъ изъ за его бѣлой зимней шкурки, изъ этого мѣха шьютъ шубы, которыя прочнѣе и бѣлѣе горностаячихъ и отличаются отъ послѣднихъ отсутствіемъ черныхъ волосъ на концѣ хвоста.

Соболь, горностай и кулонокъ, вотъ главные представители рода хорьковъ, живущіе въ Сибири. Какъ кошки, собаки и медвѣди, всѣ эти звѣри имѣютъ по 6 острыхъ рѣзцовъ въ каждой челюсти. Всего болѣе отличаются они своимъ длиннымъ, тонкимъ, приземистымъ тѣломъ, такъ что ихъ даже называютъ червообразными хищными звѣрями. Почти у всѣхъ животныхъ этого рода близь порошицы находится желѣзистый мѣшокъ, выдѣляющій вонючую жидкость, которою они защищаются отъ преслѣдованія враговъ. И на этихъ животныхъ ясно необыкновенное соотвѣтствіе организаціи съ свойственнымъ имъ образомъ жизни. Они питаются крысами, мышами, птичками, которыхъ нужно преслѣдовать въ порахъ или же по деревьямъ и стѣнамъ. Какъ для этого пригодны легкость, длина и тонина тѣла хорьковъ.

Весьма близкая къ хорькамъ морская выдра (Lutra marina) имѣетъ изо всѣхъ русскихъ пушныхъ звѣрей самый дорогой мѣхъ, ибо круглымъ числомъ за шкурку платится 110 руб. сер. Высокая цѣна этого глянцовито чернаго, длиннаго, необыкновенно мягкаго и густаго мѣха объясняетъ, какъ Русскіе мало по малу послѣдовали за морской выдрой изъ Камчатки въ Америку, и почти совершенно истребили этого звѣря около многихъ островов и береговъ Берингова моря и сѣверной части Тихаго океана — настоящей родины морской выдры, гдѣ прежде она встрѣчалась такъ часто. Выдры очень похожи на хорьковъ, но имѣютъ плоскую голову и плавательную перепонку между пальцами ногъ. У морской выдры подошвы ногъ покрыты волосами и хвостъ очень коротокъ; у обыкновенной выдры подошвы голыя и хвостъ длиною равенъ половинѣ тѣла.

Послѣ морской выдры самый дорогой мѣхъ даетъ чернобурая лисица, кругомъ за каждую шкурку платится 60 — 70 руб. сер., но иногда весьма рѣдкія чернобурыя лисицы, такъ дороги, что охотники платятъ за шкурку 300 руб. сер. и болѣе.

Если въ теченіи времени количество соболей и морскихъ выдръ уменьшилось, то напротивъ количество чернобурыхъ лисъ увеличилось. Ермакъ послалъ царю всего 20 шкурокъ чернобурой лисицы, а Россійско-Американская Компанія съ 1821 по 1840 годъ вывезла ихъ 16,513. Въ Якутскъ ежегодно привозится до 200 шкурокъ. Причина этого состоитъ въ томъ, что чернобурая лисица есть случайная разновидность, являющаяся только одиночными особями, и потому нигдѣ не можетъ концентрировать корыстолюбіе промышленниковъ. Тогда какъ за чернобурую лисицу платятъ громадныя суммы денегъ, лисица огнянка стоитъ всего 20 руб., голубой песецъ 10—12, а простой песецъ даже 6—8. Нѣтъ мѣха теплѣе и гуще песцоваго мѣха, и при этомъ онъ такъ электриченъ, что стоитъ по немъ повести рукой, чтобы извлечь искры. Мездра, напротивъ, очень тонка и нѣжна. Близкій родичъ лисицы, волкъ также долженъ доставлять свою шкуру сибирскому промышленнику, который продаетъ ее за 3—6 талера.

Медвѣдей также преслѣдуютъ въ Сибири изъ-за мѣха. Черный мѣхъ молодаго обыкновеннаго или бураго медвѣдя (Ursus arctos) очень цѣнится для оторочекъ, мѣхъ стараго звѣря, напротивъ, очень дешевъ. Мѣхъ бѣлаго медвѣдя идетъ на прекрасныя санныя полости; и стоитъ 3—5 руб. Шкура розсомахи (Gulo borealis), обсаженная длинной почти щетинистой бурой и черной остью, на сибирскихъ рынкахъ стоитъ 2—4 руб. Розсомаха достигаетъ 3-футовой длины и отъ приподнятой шерсти кажется больше барсука. Едва ли есть другой звѣрь, о которомъ разсказывалось бы столько нелѣпостей. Олай великій говоритъ, что на сѣверѣ для гостей стелютъ постели изъ шкуръ розсомахи, чтобы гости видѣли во снѣ, что они ѣдятъ и пьютъ. Изъ мѣха розсомахи сдѣланное платье также должно имѣть хорошее вліяніе на аппетитъ. Нигдѣ розсомахи не встрѣчаются такъ часто, какъ въ лѣсистыхъ областяхъ сѣверо-восточной Сибири. Этотъ звѣрь удаляется отъ человѣческихъ жилищъ, спитъ въ снѣгу и ночью выходитъ на добычу, рѣже днемъ. Въ Сибири обыкновенно ловятъ розсомахъ въ капканы.

Прекрасный дорогой мѣхъ даетъ рысь (Felis Lynx), особенно живущая на Колымѣ. Зимній мѣхъ буроватый съ темно-бурыми крапинками, послѣднихъ болѣе на рыжеватой спинкѣ. Рысь, достигающая роста волка, отличается отъ прочихъ членовъ семейства кошекъ

черными пучками волосъ на концахъ ушей. Она лазаетъ по деревьямъ, и прячется между вѣтвями, чтобы подкараулить добычу.

Самый важный изъ всѣхъ сибирскихъ пушныхъ звѣрей есть сибирская бѣлка, доставляющая въ общей массѣ въ семь разъ болѣе соболя. Ежегодно отправляется въ Китай около 4 милліоновъ бѣличьихъ шкурокъ; въ Европу вывозится 2—3 милліона; на мѣстѣ также употребляется очень много, и вѣроятно въ Россіи употребляется болѣе бѣличьихъ мѣховъ, чѣмъ вывозится за границу. Беръ полагаетъ, что ежегодно добывается 15 милліоновъ бѣлокъ, большинство которыхъ доставляется Сибирью. Линія, идущая отъ восточнаго берега Онежскаго озера до впаденія Камы въ Волгу, приблизительно означаетъ юго западную границу низшаго сорта бѣлки, составляющей предметъ оптовой торговли, и носящаго техническое названіе *зырянки*. Здѣсь еще примѣшивается краснина къ сѣрому цвѣту. Но уже въ Печорскомъ краю сѣрый цвѣтъ рѣшительно преобладаетъ. Поэтому европейская бѣлка дешева. Иркутская стоитъ болѣе чѣмъ вдвое, а забайкальская болѣе чѣмъ втрое. За тысячу лучшихъ бѣлокъ платится 110 р. сер. Бѣлокъ ловятъ силками, западнями и бьютъ изъ ружья.

Бурундукъ (Sciurus striatus) не прыгаетъ съ дерева на дерево, какъ веселая бѣлка, а роетъ въ землѣ ходы, какъ сурокъ, но не засыпаетъ спячкой. У него какъ у хомяка есть защечные мѣшки. Бурундукъ живетъ во всей Сибири до сѣверовосточнаго берега Охотскаго моря и рѣки Анадыри, но только въ лѣсахъ. Бурундукъ питается кедровыми орѣхами и нерѣдко запасаетъ ихъ до 10—15 фунтовъ. Якуты, Остяки ловятъ бурундуковъ въ западни, бьютъ тупыми стрѣлами и приманиваютъ дудочкой изъ бересты. Бурундуковъ жарятъ и ѣдятъ какъ лакомство. Изъ не очень густаго мѣха (бурый съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами) шьютъ пестрыя одежды.

Заяцъ также играетъ значительную роль въ русской пушной торговлѣ. Въ 1793 году изъ всѣхъ русскихъ гаваней выслано было мѣховъ на сумму 396,377 руб. сер., въ этомъ числѣ заячихъ мѣховъ было на 266,215 а въ 1840 году было вывезено заячьихъ шкурокъ на 425,914 руб. сер., тогда какъ всѣхъ другихъ мѣховъ вывезено моремъ только на 482,871 р. сер. Большинство заячьихъ мѣховъ получается изъ среднихъ и южныхъ областей Россіи, ибо сѣверный бѣлякъ (Lepus variabilis) менѣе требуется въ торговлѣ, впрочемъ теперь больше, чѣмъ прежде.

Бѣлякъ нѣсколько больше русака. Зимою онъ бѣлый съ черною, весьма рѣдкою остью, лѣтомъ онъ сѣровато бурый съ желтоватою остью. Самые большіе бѣляки живутъ по Хатангѣ и Енисею, здѣсь же и лучшіе заячьи мѣха, почти неуступающіе песцовымъ. У бѣднаго зайца много враговъ. Его преслѣдуютъ лисица и соболь, хорекъ и горностай и даже ворона, которая садится ему на спину и выклевываетъ ему глаза. Сибиряки ловятъ бѣляка силками и капканами.

Байкальскій заяцъ (Lepus tolai) имѣетъ цвѣтъ обыкновеннаго и не мѣняетъ шерсти; онъ нѣсколько меньшаго роста; голова тоньше, хвостъ длиннѣе. Этотъ заяцъ встрѣчается въ большомъ количествѣ по ту сторону Байкальскаго озера, живетъ на чистомъ воздухѣ и только отъ опасности прячется въ разсѣлины скалъ.

Изъ грызуновъ, доставляющихъ промышленникамъ свой мѣхъ, мы еще упомянемъ только объ обыкновенномъ сусликѣ (Arctomys citillus), родъ сурка, похожій наружнымъ видомъ на хомяка. Бурый мѣхъ съ бѣлыми крапинками и полосками продается дорогой цѣной въ Китаѣ.

Сусликъ, называющійся въ Сибири евражкой, доходитъ на югъ до 53° и распространяется до Камчатки. Онъ живетъ въ лугахъ и поляхъ, которые нерѣдко совершенно подрываетъ. Норы часто имѣютъ до $1\frac{1}{2}$ сажени глубины. Самое гнѣздо, выложенное сѣномъ, имѣетъ около фута въ поперечникѣ; отсюда тянутся различные ходы, изъ которыхъ только одинъ, спрятанный въ травѣ, остается открытымъ, передъ спячкой онъ также закрывается. Весною суслика ловятъ въ западни или же вырываютъ изъ земли.

Весь доходъ отъ охоты за пушными звѣрями весьма значителенъ. По вычисленію Бера, Россійско-Американская Компанія доставляетъ на рынокъ мѣховъ на $\frac{1}{2}$ милліона руб. сер., европейская Россія на $1\frac{1}{2}$ и Сибирь на 3 милліона. По мѣрѣ того какъ къ сѣверу уменьшается земледѣліе, съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается значеніе охоты. Поэтому охота очень важна въ сѣверныхъ губерніяхъ европейской Россіи: Вятской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской. Въ Олонецкой губер. ежегодно убивается до 400 медвѣдей. Обширные Вологодскіе лѣса доставляютъ 100—200 чернобурыхъ лисицъ, 300 медвѣдей, 3 милліона бѣлокъ.

Хотя нѣкоторые дорогіе пушные звѣри, именно соболь и морская выдра, не такъ многочислены какъ прежде, но тѣмъ не менѣе ка-

жется, что вообще торговля пушнымъ товаромъ скорѣе усиливается, чѣмъ слабѣетъ. И нечего бояться, что эта торговля исчезнетъ отъ недостатка въ звѣряхъ, ибо дешовые мѣха (заяцъ, бѣлка), которые въ торговлѣ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ мѣха дорогіе, доставляются грызунами, а эти животныя сильно размножаются и для нихъ въ Сибири не будетъ недостатка въ травѣ и лѣсахъ. Ловля пушныхъ звѣрей есть единственное средство, которымъ добываютъ деньги кочевники сѣверной Сибири—Остяки, Юкагиры, Якуты, Тунгусы, Самоѣды. Поэтому вся изобрѣтательность и дѣятельность этихъ народовъ обращены на пушной промыслъ. Берега рѣкъ и лѣса, такъ сказать, усѣяны множествомъ самострѣловъ, силковъ и капкановъ всякаго рода на соболя, бѣлку, росомаху, лису и пр. Заботливый Юкагиръ по первому снѣгу обыкновенно ставитъ до 500 различныхъ капкановъ, которые обходитъ пять или шесть разъ въ зиму, и въ хорошіе года каждый разъ на 8 или 10 капкановъ одинъ приходится съ добычей. По устройству эти капканы, которые всѣ дѣлаются топоромъ изъ дерева, чрезвычайно разнообразны. Они такъ приспособлены къ особенностямъ, походкѣ и силѣ вышеназванныхъ животныхъ, что едва ли можно придумать какое-либо улучшеніе.

Добычу своей охоты несетъ Сибирякъ на ближайшую ярмарку, гдѣ уже дожидается его сборщикъ податей, чтобы получить ясакъ, впрочемъ ясакъ большею частію получается теперь деньгами (5 руб. ассиг.). Что остается отъ уплаты ясака, то мѣняетъ Сибирякъ на свои малыя потребности—желѣзные котлы, красное сукно для оторочки платья, порохъ и свинецъ, ржаную муку, бусы, табакъ и водку, публичная продажа которой хотя запрещена, но тѣмъ не менѣе очень велика втайнѣ. Послѣ этого дикарь уходитъ въ свою пустыню, и черезъ годъ возращается съ новымъ товаромъ для мѣны. Изъ маленькихъ мѣстечекъ русскіе купцы свозятъ пушной товаръ въ болѣе значительныя торговыя мѣста, ибо такимъ образомъ покупщикъ имѣетъ передъ собой большій выборъ и мѣха выигрываютъ въ цѣнности отъ сортировки. Ново-Архангельскъ (на Ситхѣ), Якутскъ, Нерчинскъ, Тобольскъ, Кяхта, Ирбить, Нижній-Новгородъ, Москва и Петербургъ, вотъ мѣста такихъ складовъ.

Конечно большинство мѣховъ потребляется въ Россіи, мало того Русскіе не довольствуются тѣмъ, что получается въ ихъ отечествѣ, а вводятъ, смотря по причудамъ моды, иностранные мѣха, хотя они обложены высокой пошлиной.

Къ выгодѣ русскихъ торговцевъ пушнымъ товаромъ, Китаецъ, лучшій иностранный потребитель, въ мѣхахъ считаетъ хорошимъ качествомъ то, что не цѣнится въ Россіи, ибо, какъ говорили мы, Китаецъ вовсе не пренебрегаетъ рыжими мѣхами, а цѣнитъ количество и длину волоса. Притомъ онъ все еще хорошій покупатель для нѣкогда столь дорогого, а теперь почти брошеннаго горностая, и рады купцы хотя немного выручить за огромное количество горностаичихъ шкурокъ.

Такъ какъ торговля между Россіей и Небесной Имперіей преимущественно основывается на мѣнѣ пушнаго товара на чай, то мы полагаемъ, что здѣсь болѣе всего кстати поговорить объ этой торговлѣ. Извѣстно, что по всей длинной границѣ Китая съ Сибирью, торговля можетъ производиться только въ одномъ пунктѣ, именно между русскимъ городомъ Кяхтой и китайскимъ мѣстечкомъ Маймачиномъ. Кяхта находится въ тысячи англійскихъ миль отъ Пекина и въ 4 тысячахъ отъ Москвы, но путь по Китаю несравненно затруднительнѣе. Въ 1837 г. Русскіе доставили на Кяхтинскую ярмарку товаровъ на 19,500,281 р., пушной товаръ былъ главнымъ предметомъ и простирался на сумму 7,406,188 р. За мѣхами слѣдовали шерстяныя матеріи на 5,156,296, бумажныя ткани на 1,722,747, выдѣланныя кожи на 1,508,395, бухарская овчина на 1,041,661 р. Въ числѣ незначительныхъ предметовъ находилось 542 стопы писчей бумаги и 4 тысячи фарфоровыхъ чайныхъ приборовъ. Чай составляетъ главный предметъ, вымѣниваемый на сибирскіе и русскіе продукты. Въ вышеупомянутомъ году было куплено Русскими не менѣе 77 тысячъ цибиковъ чернаго чая, вѣсомъ 133,274 пуда, 625 пудовъ зеленаго чая и 28,000 пудовъ кирпичнаго чая, кромѣ того Русскіе взяли 3,546 пудовъ леденца и 91 пудъ яблокъ, которыя, какъ извѣстно, не вызрѣваютъ въ Сибири. Мануфактурныхъ произведеній Китайцы промѣняли очень мало, небольшое количество шелковыхъ и бумажныхъ матерій, 1,500 листовъ бумаги, 4,154 фарфоровыя чашки.

Кирпичный чай приготовляется изъ листьевъ чайнаго дерева и другихъ дико-ростущихъ растеній, смѣшанныхъ съ свернувшеюся бычачьею кровью. Этотъ чай получилъ свое названіе отъ формы, какую даютъ его кускамъ. Для монгольскаго кочевника въ Китаѣ, для Бурята и Калмыка, для русскаго крестьянина къ югу отъ Байкала и для большей части сибирскихъ Татаръ, кирпичный чай настолько же

необходимъ, какъ хлѣбъ въ Европѣ. Изъ кирпичнаго чая приготовляютъ для тамошняго вкуса весьма лакомую похлебку съ ржаной мукой, бараньимъ саломъ и солью изъ степныхъ озеръ.

Какъ ни значительна описанная нами мѣновая торговля, все же касается она только оптовой торговли, результаты которой еще въ будущемъ. Поэтому кромѣ ея производится весьма значительная мѣстная, или розничная торговля, преимущественно удовлетворяющая потребностямъ сосѣднихъ странъ. Сельско-хозяйственныя произведенія плодороднаго Забайкалья находятъ здѣсь значительный сбытъ, и даютъ Китайцу чего не можетъ онъ получить на своихъ безплодныхъ высотахъ. Здѣсь покупаетъ Китаецъ пшеницу, рожь, яйца, верблюдовъ, лошадей, пеньку и ленъ почти на $^1/_2$ милліона рублей. Прежде эта торговля была еще значительнѣе, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ китайскіе Монголы по Орхону и другимъ притокамъ Селенги принялись также за земледѣліе и конкурируютъ съ Русскими и Бурятами, живущими по нижнему теченію той-же рѣки.

Китайская розничная торговля состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ (20,000 штукъ), бумажныхъ тканей (18,000 кусковъ), нанки (30,923 куска), и болѣе всего кирпичномъ чаѣ, котораго по крайней мѣрѣ 30 тысячъ пудовъ потребляется пограничной Сибирью.

Кяхтинская ярмарка происходитъ весной, при этой торговлѣ Китайцы имѣютъ преимущество, ибо чай, привозимый на рынокъ, никогда не остается у нихъ на рукахъ, тогда какъ русскіе товары, частію по недостатку въ запросѣ, частію по хитрости Китайцевъ, нерѣдко должны дожидаться второй и третьей ярмарки. Въ послѣднее время, вслѣдствіе увеличенія потребленія чая, Русскіе должны за этотъ товаръ приплачивать значительное количество чистаго серебра. Черный чай изъ Маймачина, впрочемъ, гораздо лучше, нежели какой пьемъ мы, западные европейцы. Этого чая нѣтъ на нашихъ рынкахъ, ибо онъ ростетъ въ сѣверномъ Китаѣ и легче доставляется на русскую границу, чѣмъ къ приморскимъ гаванямъ.

Почти всѣ товары, получаемые оптомъ отъ Китайцевъ, привозятся въ Нижній-Новгородъ, и везутся преимущественно водою по Енисею, Оби и ихъ притокамъ вверхъ и внизъ, пока наконецъ достигнутъ Тюменя на Тоболѣ. Съ большихъ рынковъ европейской Россіи этимъ товарамъ приходится нерѣдко совершать продолжительное странствованіе, пока они найдутъ себѣ потребителей. Такъ напр.,

большое количество кирпичнаго чая изъ Нижняго-Новгорода отвозится въ Астраханскую губернію, чтобы услаждать вкусъ тамошнихъ Калмыковъ.

ГЛАВА XII.

ТАЙМУРСКАЯ ЗЕМЛЯ. — МИДДЕНДОРФЪ.

Зачѣмъ Миддендорфъ поѣхалъ въ Таймурскую землю? — Затрудненія и препятствія. — Достигли Ледовитаго моря. — Буря на Таймурскомъ озерѣ. — Лодка погибла. — Миддендорфъ одинъ подъ 75° с ш. — Благодарные Самоѣды спасли его. — Путешествіе къ Охотскому морю и обратный путь вдоль Китайской границы. — Климатъ и растительность Таймурской земли.

Разсматривая карту сибирскаго берега, мы видимъ, что Новая Земля находится прямо противъ большой, выдающейся части материка, которая какъ будто стремится къ полюсу двумя длинными, мощными мысами. Это-то и есть Таймурская земля, самая сѣверная и самая пустынная часть Сибири. Послѣднія хижины русскихъ рыбаковъ находятся при устьѣ Енисея, но весь рѣчной бассеинъ Таймура и нижняго теченія Хатанги и Пезины совершенно необитаемъ. Впрочемъ здѣсь, гдѣ и поселился человѣкъ, населеніе такъ слабо, что оно совершенно исчезаетъ въ этихъ пустыняхъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Хатангѣ жило всего 61, а по верхнему теченію Пезины 35 человѣкъ Русскихъ. Проводятъ ли эти несчастные круглый годъ въ мѣстахъ, обозначенныхъ на картѣ громкими именами Хатангскъ, Попыгайское и пр., или же переходятъ сюда на лѣто для рыбной ловли, къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, но кочевые Самоѣды, являющіеся на берегахъ Таймура со стадами сѣверныхъ оленей въ теплое время года, оставляютъ съ приближеніемъ зимы тундры крайняго сѣвера, гдѣ буря и метель уже не находитъ человѣка.

Купцу и промышленнику здѣсь нечего дѣлать. Но для естествоиспытателя, желающаго изслѣдовать вліяніе климата на развитіе растительной и животной жизни, всѣ точки земнаго шара даютъ научный матеріалъ; для естествоиспытателя не безъинтересна и Таймурія. Мы видѣли, что Беръ съ одной научной цѣлію ѣздилъ на

Новую Землю, чтобы по ту сторону 70° с. ш. изслѣдовать жизнь, развивающуюся подъ вліяніемъ *холоднаго береговаго лѣта*. Поучительные результаты этого путешествія возбудили желаніе сравнить ихъ съ результатами путешествія въ возможно сѣверный *континентальный климатъ;* а для этой цѣли нельзя выбрать лучшей страны, какъ значительную массу Таймурской земли. Поле было открыто, но тѣмъ труднѣе было найдти дѣятеля, способнаго собрать здѣсь плоды для науки; для этого нуженъ былъ человѣкъ, одаренный рѣдкими способностями. Поэтому Петербургская Академія очень была рада принять предложеніе Миддендорфа, который, какъ истинный рыцарь, вызвался на борьбу съ ужасами Таймурской земли. Онъ съ наслажденіемъ могъ пролежать по цѣлымъ ночамъ въ Лапландскихъ болотахъ, подкарауливая водяныхъ птицъ, а какъ пѣшеходъ былъ въ состояніи утомить самаго крѣпкаго моржебойца. Умѣлъ онъ собственными руками построить лодку, умѣлъ и управлять ею, и, будучи превосходнымъ стрѣлкомъ, зналъ, что не уйдетъ отъ его пули дичь, подпустившая на нужное разстояніе. Кто бы осмѣлился проникнуть въ сѣверную пустыню безъ спутниковъ, запасовъ и перевозочныхъ средствъ, какъ то сдѣлалъ Миддендорфъ, который, зная свои силы, хотѣлъ взять съ собою только одного слугу. Впрочемъ позднѣе къ нему присоединился еще датчанинъ Брандтъ.

4-го апрѣля 1843 г. это общество трехъ человѣкъ отправилось по Енисейскому льду изъ Туруханска въ Дудино. Здѣсь спутники Миддендорфа заболѣли корью, которая въ это время не пощадила самыхъ отдаленныхъ самоѣдскихъ юртъ въ тундрѣ. Понятно, что въ такомъ случаѣ нельзя было и думать объ обыкновенныхъ гигіеническихъ средствахъ, тѣмъ болѣе, что нельзя было терять времени, чтобы зимнимъ путемъ успѣть достигнуть Хатанги. Больныхъ уложили въ обитые шкурами ящики, и общество, къ которому присоединились одинъ топографъ и 3 туруханскихъ казака, оставило 13 апрѣля при 30° морозѣ границу лѣсной области. Путешественники съ Тунгусами и Долганами ѣхали въ сѣверо-восточномъ направленіи по тундрѣ до Пезины, а отсюда, переходя отъ одной самоѣдской стоянки до другой, достигли Короннаго Филипповскаго (71°5) на Боганидѣ, притокѣ Хеты, впадающей въ Хатангу. Здѣсь остановились, частію отъ того, что всѣ спутники даже Миддендорфъ и Брандтъ заболѣли, а частію, чтобы выждать лѣтней перекочевки Самоѣдовъ къ сѣверу. Такъ какъ корь свирѣпствовала между жителями Хатанги, то и

выбрали путь по Таймуру, для плаванія по которому сработали остовъ лодки, имѣвшей 12 футовъ въ килѣ, эту лодку взяли съ собой, уложивъ ее на сани съ сѣверными оленями. Однакоже часть общества, подъ начальствомъ Брандта, осталась на Боганидѣ, для произведенія метеорологическихъ наблюденій.

Трудности Таймурскаго путешествія, когда снѣгъ уже становился мягкимъ, и при недостаточныхъ перевозочныхъ средствахъ, были во всякое время очень велики, но на этотъ разъ они усилились еще болѣе отъ эпидемической болѣзни. Изъ цѣлаго племени, высланныхъ впередъ Самоѣдовъ, которые должны были ожидать экспедицію на рѣчкѣ Новой, изъ 35 человѣкъ только одинъ не заболѣлъ, 7 умерло, всѣ остальные были больны. Поэтому Самоѣды не достигли вышеозначеннаго мѣста и не могли приготовить палаточныхъ стѣнокъ, заказанныхъ для дальнѣйшаго путешествія. Еще счастливо, что Миддендорфъ нашелъ ихъ стоянку, но вмѣсто помощи отъ нихъ долженъ былъ самъ помогать имъ въ качествѣ врача. Поэтому могли отправиться въ путь только 31-го мая, на канунѣ этого дня еще было —18° Р. при вѣтрѣ. Таймура достигли только 14 іюня. Здѣсь остовъ лодки обшили досками изъ саней, но только 30 іюня вскрылась рѣка, а можно было отправиться по ней не ранѣе 7-го іюля.

Главною цѣлію этого путешествія лѣтомъ было изслѣдованіе неизвѣстнаго теченія Таймура, но еще не достигли моря, какъ съ 6 на 7 августа былъ первый ночной морозъ, который послѣ этого повторялся каждую ночь. Между тѣмъ недостаточная пища и нерѣдко до совершеннаго истощенія силъ доводящіе труды ослабили путешественниковъ, и уже показались болѣзни, послѣдствіе необходимости часто входить въ холодную воду при вѣтреной погодѣ, когда лодка, шедшая на всѣхъ парусахъ, врѣзывалась въ безчисленныя отмели, или же когда нужно было проходить на берегъ по тянущимся илистымъ косамъ.

Уже два мѣсяца путешественники не знали палатки, и проводили ночи, развѣшивая защиту отъ вѣтра на веслахъ и шестахъ. Къ тому же въ послѣднее время рыбная ловля была очень недобычлива, такъ что вмѣсто заготовленія запасовъ, должны были употреблять находящійся подъ руками провіантъ. Тѣмъ не менѣе путешественники имѣли на столько мужества, чтобы плыть далѣе внизъ по рѣкѣ и 24 августа они достигли моря, по которому плыли до 76° с. ш. Но тутъ нужно было поторопиться обратнымъ путемъ, ибо зима при-

ближалась быстрыми шагами. Такимъ образомъ съ значительнымъ грузомъ пловучаго дерева они поплыли въ обратный путь 26 августа. По счастію попутный вѣтеръ дулъ постоянно, ибо только съ помощію сильныхъ порывовъ вѣтра и при распущенныхъ парусахъ удалось *Тундрѣ* (этимъ именемъ окрестили лодку) пробраться черезъ двѣ стремнины въ мѣстахъ, гдѣ рѣка суживалась крутыми береговыми скалами, и гдѣ нѣсколько разъ обрывалась лямочная бичева, а лодка нѣсколько разъ относилась назадъ. 31 августа сильный порывъ вѣтра изъ разсѣлины скалъ бросилъ *Тундру* на утесъ, такъ что руль сломался. Холодъ, сырость и голодъ мучили экипажъ, ежедневно шелъ снѣгъ и крупа.

Втораго сентября доплыли до пещеры и здѣсь привели въ порядокъ лодку, которая сидѣла теперь очень глубоко, ибо покрылась ледяной корой, и была обвѣшена сосульками.

4-го сентября, когда путешественники во время бури хотѣли обогнуть съ распущенными парусами скалистый островъ на Таймурскомъ озерѣ, волны били такъ сильно, что принуждены были врѣзаться въ песчаную мель, и тѣмъ спастись отъ гибели. Буря при—2° и—3° Р. въ полдень превратила ихъ совершенно промокшее платье въ обледенѣлую кору, такъ что едва можно было вынести. Такія затрудненія принудили путешественниковъ остановиться на нѣсколько дней пока не затихла буря. Рыболовная сѣть и двухствольное ружье доставляли все менѣе и менѣе припасовъ.

8-го сентября Миддендорфъ, охотившійся по высотамъ за куропатками, увидѣлъ въ трубу серебристую полосу. И такъ озеро уже покрывалось льдомъ, и на слѣдующій день должно было сняться съ якоря, не смотря ни на вѣтеръ, ни на погоду. На веслахъ шли къ западному берегу пока ледъ не преградилъ пути. Старались вдоль края ледянаго поля приблизиться къ рѣкѣ, которая во всякомъ случаѣ еще не замерзла (рѣка протекаетъ черезъ Таймурское озеро, какъ Рона черезъ Женевское). Тутъ наступило совершенное безвѣтріе, и Миддендорфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ только что пройденное пространство воды покрывалось тонкимъ сплошнымъ слоемъ льда. Грозила очевидная опасность замерзнуть среди озера, тотчасъ же повернули назадъ, чтобы найдти мѣсто, гдѣ только узкая полоса льда отдѣляла фарватеръ отъ непокрытаго льдомъ пространства. Пробиваясь черезъ свѣжій тонкій слой льда они достигли такого мѣста и начали прорубать болѣе старый ледъ. Оставалось прорубить нѣ-

сколько сажень, какъ ледъ пришелъ въ движеніе и раздробилъ лодку. Съ лодкою погибли и сѣти, но первая потеря была очень важна, ибо она не давала возможности получать припасы, зарытые въ различныхъ мѣстахъ, пока рѣка Таймуръ не станетъ. Единственною надеждою на спасеніе оставалось еще встрѣтиться съ Самоѣдами на рѣкѣ, и чтобы успѣть настичь кочевниковъ, наскоро сработали салазки и 10 сентября отправились въ путь.

Погода была отвратительная, острыя окраины льда какъ бы строгали сани и не болѣе какъ черезъ 3 версты они сломались.

Усиленная работа въ лодкѣ, фуражировка съ ружьемъ вмѣсто покоя, голодъ и тревога уже двѣ недѣли подрывали здоровье Миддендорфа, совершенная безсонница истощила послѣднія силы, такъ что 11-го сентября онъ почувствовалъ совершенную невозможность продолжать путь. Рыболовныя сѣти погибли, потеря силъ Миддендорфа лишила путешественниковъ послѣдняго источника добывать пищу; только въ самомъ скоромъ бѣгствѣ его товарищей была возможность спасенія.

Остатки крѣпкаго бульона, отложенные на крайній случай, раздѣлены на 5 равныхъ частей, вѣрная, совершенно голодная собака Миддендорфа, дрессированная для зоологическихъ цѣлей, и составлявшая ходячій запасъ мяса, была прирѣзана. Кровь и костяной наваръ были съѣдены сообща, а мясо раздѣлили на равныя части. Съ узелками платья на спинѣ, съ упомянутыми запасами въ карманѣ, экипажъ 12 сентября отправился въ путь, оставивъ своего больнаго предводителя близь 75° с. ш. совершенно одного въ снѣжной пустынѣ. Его оставили не изъ себялюбія, его собственное спасеніе зависѣло отъ встрѣчи экипажа съ Самоѣдами, которые бы могли выслать къ нему сани.

Миддендорфу оставалось только какъ можно лучше устроиться въ пустынѣ, и найдти мѣстечко, защищенное отъ вѣтра.

15 го сентября все озеро покрылось льдомъ и даже подорожникъ, доселѣ распѣвавшій свои пѣсенки, отправился на югъ. Силы больнаго совершенно исчезли, въ теченіи 3 дней онъ не могъ подняться съ мѣста, чтобы достать себѣ воды. Въ эти дни постоянно продолжалась метель, и она занесла Миддендорфа снѣгомъ. Въ безсонныя ночи у него разыгралась фантазія, и онъ думалъ, что сойдетъ съ ума. Тягостное чувство сдѣлалось невыносимымъ, но вдругъ промелькнула спасительная мысль. Тотчасъ же онъ зажегъ остатки

дровъ, разстаялъ на огнѣ нѣсколько снѣгу и влилъ сюда спиртъ изъ естественно-историческихъ препаратовъ. Напитокъ чудесно успокоилъ Миддендорфа. Онъ впалъ въ глубокій сонъ и проснулся безъ лихорадки съ возобновленными силами.

Восьмнадцать дней провелъ онъ среди опасности умереть съ голоду или замерзнуть. Тщетно помышляя о спасеніи, онъ убѣдился, что спутники его погибли. Съ возстановленіемъ здоровья возобновился и аппетитъ, Миддендорфъ съѣлъ кожаныя вещи, посуду изъ бересты и дерева, какъ вдругъ попалась ему отставшая куропатка, и подкрѣпленный этою пищею, хотя еще слабый, онъ рѣшился отправиться на поиски зарытыхъ припасовъ. Миддендорфъ уложилъ въ маленькія салазки платье, ружье, порохъ, дробь и записную книжку и отправился, медленно и часто отдыхая, въ путь. Къ полудню на хорошо знакомомъ склонѣ горъ онъ замѣтилъ три точки, которыхъ прежде не видалъ. Эти точки двигались и приближались. О счастіе! это былъ Тойчунъ, самоѣдскій старшина, которому Миддендорфъ помогалъ въ кори. Тойчунъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ спутниковъ путешественника, велъ къ нему на помощь трое саней. За недостаткомъ исландскаго моха, олени благодарнаго дикаря безъ корма прошли 150 верстъ. Экипажъ уже на четвертый день встрѣтился съ Самоѣдами, но метель задержала ихъ. 1-го октября Миддендорфъ достигъ юрты, а 10-го все общество простилось навсегда съ Таймуромъ.

Черезъ 5 мѣсяцевъ, 20 октября путешественники достигли опушки лѣса, и 21 октября, проведя 5 мѣсяцевъ въ палаткѣ, или подъ открытымъ небомъ, они взошли въ дымныя юрты на Боганидѣ, гдѣ Самоѣды угостили ихъ только что испеченымъ хлѣбомъ. 22 ноября вся экспедиція сошлась въ Туруханскѣ. Физическія страданія въ продолженіи Таймурскаго путешествія прошли не такъ скоро, кромѣ поносовъ и ревматизмовъ всѣхъ возможныхъ видовъ, всѣ путешественники во время и послѣ зимняго путешествія страдали странною болѣзнею, послѣдніе суставы всѣхъ пальцевъ (рукъ и ногъ) совершенно онѣмѣли, такъ что потеряли всякое осязаніе. Только у топографа болѣзнь пошла далѣе, у него пальцы на ногахъ покрылись пузырями, какъ отъ обжоги.

Миддендорфъ пробылъ въ Туруханскѣ столько времени, сколько необходимо было, чтобы запастись свѣжими силами для новаго путешествія, и уже 1-го января 1844 года онъ отправился въ Якутскъ, чтобы здѣсь (25 февраля) снарядиться въ путешествіе къ Удскому

острогу и на Шантарскіе острова. Путь по гористой пустынѣ къ Удскому хотя не былъ опасенъ, но почти также труденъ, какъ по арктической тундрѣ. Переѣхавъ черезъ Алданъ, потомъ черезъ снѣгами покрытыя горы, экспедиція счастливо достигла Учурской долины 27 мая. 30 мая при восхожденіи на Становой хребетъ путь все болѣе и болѣе затруднялся.

Поваленныя деревья, крутые склоны, кучи камней и каменныя розсыпи утомляли вьючныхъ животныхъ, какъ утомляли ихъ болота, въ которыхъ они вязли, и откуда приходилось ихъ вытаскивать, какъ зажоры, которыя приходилось переплывать, какъ бунтующія горныя рѣки. Затрудненія достигли крайней степени, когда вздувшаяся Солурная преградила имъ путь, и они должны были оставить издавна пробитую тропу. Топоръ долженъ былъ работать безпрерывно, и лошадямъ съ вьюками въ 250 фунтовъ пришлось лазать со скалы на скалу, какъ козамъ. Въ Удскомъ построили кожаную лодку, для которой матеріалъ (за исключеніемъ дерева) былъ привезенъ изъ Якутска, и экспедиція, увеличившаяся казаками, Якутами и Тунгусами до 12 человѣкъ, поплыла внизъ по Удѣ до моря. Смотря съ высоты видно было, что даже подъ 55° морской горизонтъ ограничивался льдомъ, и путешественники должны были прождать на берегу 13 дождливыхъ дней, пока не перемѣнился вѣтеръ; и тутъ съ грузомъ въ 100 центнеровъ они подняли паруса. Морской берегъ 31 іюля былъ покрытъ на 400 саженей въ вышину выброшенными моремъ льдинами, а по морю плавали ледяныя поля. Туманъ мѣшалъ дальнѣйшему плаванію и едва не погибли въ одну экскурсію въ лодкѣ. Океанъ едва ли когда былъ такъ непривѣтливъ, въ такой низкой широтѣ, какъ здѣсь. Большая часть береговъ материка поднимается изъ моря вертикальными утесами въ нѣсколько сотъ футовъ высоты. Каждый мысъ, какъ рифъ, тянулся въ море частію подъ водой, а частію далеко отъ берега, и какъ маякъ поднимался высокимъ утесомъ. Вся страна необыкновенно богата живописными видами. Небольшіе островки, не смотря на незначительную глубину моря, круто поднимаются изъ него. Въ узкихъ проливахъ быстрое теченіе, соединяясь съ проливомъ, поднимается на высоту 3 саженъ, причемъ необыкновенно сильно и дѣлаетъ до 12 верстъ въ часъ. Около мысовъ шумятъ настоящіе водопады. Море было гораздо холоднѣе лапландскаго Ледовитаго моря (въ быстринахъ + 2°3, + 2°4 Р., по окраинамъ на градусъ больше). Въ теченіи цѣлаго

лѣта идутъ почти непрерывные дожди, перемежающіеся самыми густыми туманами, которые происходятъ ото льда и поверхности протоковъ. Съ 10 іюля до 30 августа было всего 8 дней безъ дождя, и если въ эти дни въ защищенной бухтѣ, за мощными стѣнами скалъ теплота накопляется такъ, что термометръ поднимается до + 18°, то эти свѣтлыя минуты исчезаютъ въ ежедневномъ результатѣ + 3° до + 5° въ іюлѣ! Неудивительно послѣ этого, что хлѣбъ никогда не родится въ Удскомъ. Въ этомъ, такомъ непривѣтномъ для человѣка, морѣ находится множество тюленей и бѣлухъ (Delphinus leucas). 25 іюля мимо стоянки Миддендорфа послѣднихъ прошло болѣе тысячи; стая за стаей въ теченіи цѣлаго дня со стономъ преслѣдовали они лососей (Salmo leucocephalus), шедшихъ въ Удскую бухту. Въ тотъ же день киты также пустились въ ходъ, причиною котораго казалось были появившіяся вдали косатки (Delphinus orca). Послѣднія держались на высотѣ, а киты такъ тѣснились къ берегу, что нѣкоторые изъ нихъ уже засѣли на рифахъ. Болѣе $4^1/_2$ часовъ длился непрерывный ходъ китовъ, и иногда ихъ насчитывалось до 30 заразъ, всего прошло до 800.

Медвѣдь есть царь звѣрей этихъ странъ; безъ него невозможно было бы проникнуть во внутренность ихъ; пробитыя имъ тропы служатъ здѣсь почтовыми дорогами. Склоны покрыты такимъ непроходимымъ кустарникомъ, что вслѣдствіе этой чащи, не смотря на обиліе дичи, вся береговая полоса, почти никѣмъ не посѣщается, и лѣтомъ она совершенно необитаема.

Очевидно, что въ такомъ морѣ нечего было дѣлать съ большой лодкой. Брандтъ возвратился въ Якутскъ, а Миддендорфъ съ топографомъ въ маленькой байдарѣ поплылъ къ югу, и черезъ 3 дня достигъ рѣки и открылъ хорошую гавань на китайской границѣ. На рѣкѣ Тугурѣ, онъ встрѣтилъ тамъ живущихъ Гиляковъ и купилъ у нихъ пару живыхъ морскихъ орловъ (Aquila pelagica). Чтобы сберечь перья этихъ птицъ, заботливо вырощаютъ ихъ изъ гнѣздовиковъ. Гиляки убиваютъ выросшихъ орловъ, выщипываютъ у нихъ правильныя и маховыя перья, которыя должны быть совершенно цѣлы, нанизываютъ ихъ на нить, и отвозятъ въ Сахалію, гдѣ японскіе моряки скупаютъ ихъ за дорогую цѣну.

Гиляки считаютъ себя большими мастерами въ пѣніи. Оно состоитъ изъ послѣдовательныхъ носовыхъ и гортанныхъ трелей, съ прибавкою всхрапываній и удушливыхъ тоновъ, которые преимуще-

ственно производятся нѣбной занавѣской. Гиляки никакъ не хотятъ признать себя китайскими подданными, одно кулачное право имѣетъ у нихъ значеніе. Желудокъ ихъ очень легко удовлетворяется; если нѣтъ ничего лучшаго, то они ѣдятъ мохъ съ деревьевъ.

Миддендорфъ, возвратившись послѣ такого интереснаго плаванія, въ Удскій острогъ предпринялъ новое большое путешествіе, какого никто не дѣлалъ до него, и вѣроятно не легко найдетъ себѣ подражателей въ будущемъ. Онъ рѣшился проѣхать нѣсколько тысячъ верстъ по южной границѣ Русскаго Царства черезъ безлюдную, лишенную дорогъ пустыню, и притомъ зимой. Мы не будемъ безплодно утомлять читателя перечнемъ именъ доселѣ неизвѣстныхъ рѣкъ, перейденныхъ неутомимымъ путешественникомъ, и горъ, встрѣтившихся на его пути; достаточно замѣтить, что Миддендорфъ, достигнувъ 26 января самыхъ дальнихъ казачьихъ постовъ при сліяніи Шилки съ Аргуномъ, въ первый разъ послѣ болѣе нежели 6 мѣсячнаго путешествія отдохнулъ подъ крышей. Въ сопровожденіи якутскихъ и тунгускихъ оленьихъ и лошадиныхъ погонщиковъ, онъ очень рѣдко встрѣчалъ на пути своемъ человѣка, за то часто медвѣдя или хищную птицу.

Дальнѣйшее путешествіе Миддендорфа впадаетъ въ уровень обыкновенныхъ путешественниковъ. 13 апрѣля 1845 г. онъ возвратился въ Петербургъ, сдѣлавъ въ теченіи 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ 28,000 верстъ, и болѣе тысячи верстъ по пустынямъ, гдѣ не проложено дорогъ.

Слѣдуя за Миддендорфомъ, мы далеко ушли отъ Таймурской земли, куда мы снова намѣрены возвратиться, ибо полагаемъ, что читателю любопытно будетъ эту страну крайняго сѣвера сравнить по климату и продуктамъ съ Новой Землей.

На рѣкѣ Таймурѣ особенно поразительно различіе между свѣтомъ и тѣнью. При —30° Р. въ тѣни, уже таетъ на горныхъ склонахъ, обращенныхъ къ солнцу. Сильными бурями почти лишенныя снѣга вершины холмовъ и крутые утесы сильно нагрѣваются полуденнымъ солнцемъ въ половинѣ іюня, когда средняя температура все еще не болѣе 0°. На солнечной сторонѣ Таймура подъ 74° с. ш. уже вовсе нѣтъ снѣга, нога тонетъ въ глинѣ, кругомъ шумятъ ручьи, вздувшаяся рѣка поднимается на 3—6 саженей надъ зимнимъ уровнемъ,

и тяжелый ледяной покровъ долженъ взломаться. Съ 18 іюня термометръ уже не спускался ниже 0°, и только черезъ 2 мѣсяца, 20 августа, наступилъ первый ночной морозъ, за которымъ черезъ полторы недѣли послѣдовалъ первый дневной морозъ. Послѣднія двѣ недѣли іюня, и первые дни августа составляютъ такъ сказать ядро лѣта. Высшая температура въ тѣни была +9°2 Р. 22 іюня Миддендорфъ босикомъ и въ нижнемъ платьѣ ловилъ бабочекъ (74°5 с. ш.), термометръ показывалъ на солнцѣ +16°, а около самой земли даже +24°. Въ половинѣ сентября температура спустилась до —15°.

Замѣчательна сырость воздуха. Въ маѣ ежедневно снѣжные туманы наполняли мутную атмосферу. Солнце вечеромъ и къ ночи имѣло видъ и форму пламени огромной аргандовой лампы, выходящей изъ земли, и свѣтящей въ паровой банѣ. Солнечныя *уши* (halo) по той же причинѣ были ежедневнымъ явленіемъ. Они поднимались вертикально вверхъ, играли радужными цвѣтами, и въ серединѣ расширялись въ побочныя солнца. Въ іюнѣ эти снѣговые туманы переходили въ паровые туманы, излишекъ которыхъ падалъ на землю въ формѣ дождевой пыли. Въ маѣ, іюнѣ и первыя три недѣли іюля, выдалось только три дня, въ которые можно было измѣрить высоту солнца.

Также очень поразительно постоянное движеніе воздуха. Стоитъ солнцу только скрыться за облако, чтобы вызвать порывистый вѣтеръ.

Къ концу августа, какъ два борющихся исполина, начали бороться сѣверныя и южныя теченія воздуха, пока наконецъ бури достигли такой силы, какой Миддендорфъ не могъ себѣ представить. Но здѣсь нѣтъ лѣсовъ для опустошенія, а скалы мужественно выдерживаютъ натискъ вѣтра, сдувающій снѣгъ на сотняхъ квад. верстъ и сносящій его въ плотную массу, которая выдерживаетъ и человѣка и животныхъ.

Даже подъ 74° ледъ нигдѣ, ни на озерахъ, ни на рѣкахъ не бываетъ толще 8 футовъ, подъ большимъ снѣгомъ онъ еще тоньше: фактъ очень хорошо знакомый Самоѣдамъ, которые именно въ такихъ мѣстахъ рубятъ проруби, когда нужно достать воды. Всѣ озера, не имѣющія 8 футовъ глубины, могутъ вымерзать, прочія озера никогда не замерзаютъ до дна. Тогда какъ сибирская тундра представляетъ повсюду безконечную поверхность зыбкихъ моховыхъ болотъ, Таймурская страна представляетъ большею частію сухую возвышенность, покрытую лишаями и травой. Грязные, желтовато-бурые ли-

шаи мало отличаются отъ желтыхъ уже умершихъ травъ. Только въ незамѣтныхъ углубленіяхъ почвы, куда стекаетъ весенняя вода, свѣжая зелень беретъ перевѣсъ. Травяныя былинки гуще и травяной покровъ въ 3 и уже 4 дюйма вышиной вытѣсняетъ мхи. Обвѣтшалый коверъ тундры изрѣдка покрытъ маленькими пятнами цвѣтущихъ Dryas octopetala или Cassiope tetragona; еще рѣже встрѣчается исландскій мохъ, и только какъ исключеніе, такъ что трудно найдти, являются растительныя каррикатуры въ видѣ Ranunculus pygmaeus и тому под. Такимъ образомъ тундра убійственно скучна и наводитъ зѣвоту, какъ Миддендорфъ выражается, она похожа на бумагу, испачканную грязными сѣро-желтыми пробами кисти живописца.

Совсѣмъ иной видъ имѣютъ склоны и обвалы, которые смотрятся въ воды рѣки и озера Таймура (73°,76°) и защищены отъ раннихъ и позднихъ морозовъ. Здѣсь ярко-зеленая поверхность испещрена всѣми возможными цвѣтами, здѣсь надъ роскошной листвой красуются ярко-желтыя сиверсіи, красивые виды Oxytropis и Pedicularis, желтыя и голубыя камнеломки, красныя пуговки Armeria alpina, прелестныя формы Pyrethra ambigua, Erigerum uniflorum и др. сложноцвѣтныхъ, здѣсь голостебельный макъ и самый красивый Delphinium Middendorfii, не растущіе какъ карлики, а достигая высоты одного фута, украшаютъ склоны. Островокъ на Таймурскомъ озерѣ (74°5) казался густо засѣяннымъ sinecia. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній, которыя возвышались надъ другими, были сорваны, они имѣли болѣе полутора фута высоты. До 40 цвѣтковъ (1 дюймъ въ поперечникѣ) красовалось на одномъ стеблѣ толщиною въ дюймъ. Такіе-то чудеса производятся короткимъ лѣтомъ.

Песцовыя норы издали узнаются по роскошному росту Alopecurus, Aira, Festuca, что обусловливается разрыхленіемъ почвы, животной теплотой, отвратительными амміакальными испареніями и удобреніемъ отъ остатковъ добычи.

Растительность развивалась невѣроятно быстро; кто хочетъ видѣть, какъ ростетъ трава, тотъ поѣзжай на Таймуръ. Только что раскрывшійся цвѣтокъ, какъ будто предчувствуя близость осени, уже отцвѣтаетъ на другой день. 30 іюня на Таймурѣ зелень была едва замѣтна, а уже 3 іюля цвѣли различные виды: Draba, Sieversia и Rumex, за которыми ежедневно слѣдовали другіе. 27 іюля масса сиверсій отцвѣла, а различные драбы и кардамины завязались. 21 августа на известковыхъ горахъ уже все приняло ярко красный

цвѣтъ. Напротивъ, по морскому заливу еще 26 августа Myosotis alpestris, Saxifraga bulbifer, Luchnis и Senecio были въ полномъ цвѣту. Кажется, что здѣсь на роскошь и продолжительность растительности мало имѣютъ вліянія страны свѣта, куда обращены склоны; здѣсь, гдѣ источникъ свѣта и теплоты разгуливаетъ безъ заката, различіе относительно странъ свѣта гораздо ничтожнѣе, чѣмъ у насъ.

ГЛАВА XIII.

ЯКУТЫ.

Живучесть Якутской національности. — Происхожденіе. — Лѣтнія и зимнія жилища. — Якутская лошадь. — Невѣроятная привычка Якутовъ къ холоду. — Ловкость въ ремеслахъ. — Кинжалы, кожи, ковры. — Якутскіе обжоры. — Суевѣрный страхъ. — Якутская рѣчь. — Береговой Якутъ.

Якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ, народа, не только неподвергшагося вліянію завоевателей, но напротивъ втянувшаго его въ свою сферу. Такъ въ Якутскѣ или городѣ *Якутовъ*, (этимъ именемъ называютъ себя не безъ нѣкоторой національной гордости всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — Якуты, всѣ няньки—Якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на Якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ Якутскую область, онъ встрѣчалъ Русскихъ только по происхожденію; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинское, найдти проводника, говорящаго порусски. Точно также удивляло Миддендорфа, что въ пустынѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ, не только Тунгусы и ихъ жены говорили чисто по якутски, но и въ самой прислугѣ путешественника находился Тунгусъ, непонимавшій другаго языка, кромѣ якутскаго.

Ни одинъ Русскій не задумается вступить въ бракъ съ Якуткою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у Русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, не многаго требующіе, Якуты производятъ мирныя

завоеванія такого рода. Своими склонностями, хитрою ловкостію и безстыдствомъ Якуты, особенно городскіе, напоминали Миддендорфу жидовъ.

Народъ, который такимъ образомъ, умѣетъ господствовать, не смотря на чуждое владычество, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, нельзя ему отказать въ породности.

Откуда происходитъ Якутъ? Физіономія и языкъ ихъ подтверждаютъ преданія, что они принадлежатъ къ тюркскому или татарскому племени. Разсказываютъ, что Татаринъ, именемъ Сахаларъ, поселился когда то на Ленѣ, женился на Тунгускѣ и сдѣлался родоначальникомъ Якутовъ, которые доселѣ называютъ себя *Сахаларами.*

Вѣроятно они первоначально жили на Байкалѣ и Ангарѣ, потомъ, вытѣсненные сильными ордами, поднялись къ Ленѣ, вытѣсняя въ свою очередь Омоковъ, Юкагировъ и Чувашей.

Главныя мѣстопребыванія Якутовъ въ настоящее время находятся по Вилюю, Алдану, Ленѣ и Индигиркѣ. На крайнемъ сѣверѣ послѣднія якутскія хижины разсѣяны отъ Хатанги до Колымы. Ихъ насчитываютъ до 180,000 душъ и они составляютъ преобладающую часть народонаселенія огромной Якутской области.

Якуты собственно пастушескій народъ, и ихъ богатства состоятъ преимущественно въ лошадяхъ и рогатомъ скотѣ. Необщительные и скрытые Якуты живутъ какъ-то спорадически; но при этомъ они необыкновенно гостепріимны и добродушно стараются угодить заѣхавшему къ нимъ путешественнику. Большія поселенія очень рѣдки, только между Якутскомъ и Алданомъ, гдѣ населеніе гуще, мѣстами встрѣчаются роды по нѣскольку юртъ вмѣстѣ По ту сторону Верхоянскаго хребта, отдѣльныя юрты нерѣдко находятся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ другъ отъ друга такъ, что нерѣдко ближайшіе сосѣди не видаются по цѣлымъ годамъ.

Лѣтомъ эти пастухи живутъ въ *уросахъ*, легкихъ, конусообразныхъ палаткахъ на шестахъ, покрытыхъ березовой корой. Съ такими палатками Якуты кочуютъ по травяной степи, безпрерывно запасая сѣно на зиму. Скотоводство подъ 62° с. ш. достается имъ съ несравненно большимъ трудомъ, нежели другимъ пастушескимъ народамъ. Нерѣдко сѣна достаетъ только на зиму, а съ марта до мая скотъ питается ивовыми и березовыми побѣгами.

Съ наступленіемъ холоднаго времени года Якуты переходятъ въ теплую *юрту* — эта хижина, построенная изъ тонкихъ бревенъ, имѣетъ форму усѣченной пирамиды, сверху она обложена толстымъ слоемъ дерна, глины и травы. Вмѣсто оконъ вставляется пара льдинъ, которыя, при наступленіи оттепели, замѣняются рыбьими пузырями или промасленой бумагой. Полъ обыкновенно углубленъ на два или три фута, у богатыхъ напротивъ онъ возвышенъ и сдѣланъ изъ досокъ.

Вдоль стѣнъ устроены скамьи и постели. Въ центрѣ юрты помѣщается *чувалъ* или очагъ, труба котораго проходитъ въ крышу. По стѣнамъ висятъ одежды и оружіе. Все валяется въ совершенномъ безпорядкѣ и нечистотѣ. Снаружи около юрты находятся навѣсы для коровъ, которыя въ сильные холода вгоняются въ юрту. Лошади остаются на холодѣ, даже, когда замерзаетъ ртуть, они ходятъ подъ открытымъ небомъ, и сами должны разрывать снѣгъ, чтобы подъ нимъ найдти, побитую морозомъ, осеннюю траву. Эти животныя, до невѣроятности пріученныя къ лишеніямъ всякаго рода, мѣняютъ шерсть, какъ и всѣ другіе звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда сыты и сильны, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся, путешествій питаются исключительно сухой полусогнившей травой. Онѣ до глубокой старости сохраняютъ зубы и несравненно долѣе остаются молодыми, чѣмъ наши: круглымъ числомъ здѣсь лошадь служитъ 30 лѣтъ.

«Кто думаетъ объ улучшеніи якутскаго конноводства», говоритъ Миддендорфъ, «тотъ уже обратилъ свое вниманіе на нѣчто весьма близкое къ совершенству. Пусть вдумаются въ затруднительные пути, въ то, что здѣсь лошадь ѣстъ вмѣсто овса хвощи, кору лиственницы, ивовыя вѣтви и старую траву, или пусть попробуютъ проѣхать по почтовой дорогѣ до Якутска, тогда увидятъ, что эти лошади, безъ отдыха проскакавшіе 40 верстъ, ѣдятъ одну траву, и покрытые пѣной стоятъ безъ всякой покрышки при 40° мороза».

Здѣсь впрочемъ можно перевернуть пословицу, каковъ слуга, таковъ и господинъ, ибо Якутъ не менѣе пріученъ къ лишеніямъ всякаго рода, какъ и его лошадь.

«9 декабря,» говоритъ Врангель, «при — 33° мы провели ночь на открытомъ, ничѣмъ отъ сѣвернаго вѣтра не защищенномъ, плоскомъ пастбищѣ, вокругъ костра, разложеннаго подъ чистымъ небомъ. Здѣсь я имѣлъ случай наблюдать на сопровождавшихъ насъ Якутахъ,

на сколько человѣкъ можетъ пріучиться къ холоду и неудобствамъ. Якуты не берутъ съ собой въ самыя далекія зимнія поѣздки ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Якутъ во время своихъ путешествій носитъ свое обыкновенное домашнее платье и при этомъ почти всегда проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ; разосланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, деревянное сѣдло подушкой. Мѣховой курткой, которая днемъ служила ему платьемъ и которую снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ себѣ спину и плечи, а переднею частію тѣла, почти совершенно раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, Якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія, вотъ все, что Якуту нужно, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири Якутовъ называютъ желѣзными людьми. Безсчетное число разъ я видалъ, какъ они спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при — 20°, короткое *саннаяхъ* свалилось съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженное, тѣло спящаго покрылось толстымъ слоемъ инея.

«Къ физическимъ преимуществамъ Якутовъ должно отнести и необычайно острое зрѣніе. Одинъ Якутъ увѣрялъ Анжу, что неразъ видалъ (при этомъ онъ показывалъ на Юпитера) какъ эта голубая звѣзда проглатываетъ другую очень маленькую звѣздочку, и вскорѣ послѣ того выпускаетъ снова.

«На столько же удивительна ихъ память, особенно память мѣстности: лужа, камень, одинокій кустъ глубоко западаютъ въ память этого необразованнаго дикаря, и спустя годы вѣрно направляютъ его путь по неизмѣримой степи».

Способностію къ ремесламъ Якуты превосходятъ всѣ другіе сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Задолго до покоренія Сибири Русскими, они умѣли ковать ножи, топоры и другія орудія изъ вилюйской желѣзной руды. Эти желѣзныя издѣлія, отъ качества ли матеріала, или превосходной обработки, не лопаются даже въ самые сильные холода, качество, котораго не имѣютъ даже лучшіе англійскіе топоры. Рукоять Якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожей, для прочности ихъ оковываютъ жестяными полосами.

Якуты приготовляютъ совершенно непромокаемыя кожи слѣдующимъ образомъ. Для своихъ *сымиръ* или ведеръ, они берутъ только что содранную коневью шкуру, и на нѣсколько дней опускаютъ ее въ воду, послѣ чего волосъ очень легко стирается. За тѣмъ шкура вывѣшивается на воздухъ, и почти совершенно высушивается, потомъ вымачиваютъ ее въ крови такъ, чтобы послѣдняя совершенно пропитала шкуру, и наконецъ ее долгое время коптятъ въ дыму. Въ ведрѣ, сдѣланномъ изъ такой кожи, можно держать даже масло. Изъ той же кожи приготовляются превосходныя подошвы. Голенища дѣлаются изъ шкуръ жеребятъ, которыя точно также вымачиваются въ крови и коптятся въ дыму, послѣ чего ихъ нѣсколько разъ натираютъ древеснымъ углемъ и жиромъ, и наконецъ коптятъ еще разъ. Изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ якутскія женщины дѣлаютъ ковры, вывозимые даже въ Европу.

Едва ли нужно говорить, что въ странѣ столь обильной пушными звѣрями, привычный къ непогодамъ, зоркій, корыстолюбивый Якутъ со страстью, неутомимостью и необыкновеннымъ искусствомъ предается охотѣ.

Напротивъ разведеніе сѣверныхъ оленей нигдѣ и никогда не удавалось Якуту; но для него лошадь составляетъ тоже самое, что для Лапландца и Самоѣда сѣверный олень, что моржъ для береговаго Чукча, что верблюдъ для Бедуина или тюлень для Гренландца. На лошади Якутъ возитъ вьюки и ѣздитъ верхомъ, что дѣлаетъ мастерски; изъ кожи ея шьетъ себѣ одежду, изъ волосъ плететъ рыболовныя сѣти, вареная конина составляетъ его любимую пищу, а кобылье молоко (кумысъ) любимый напитокъ. Изъ кумыса вареннаго съ мукой и съ лубомъ пихты и лиственницы приготовляется густая похлебка или *саламата*, въ которую охотно прибавляютъ сушоную рыбу и ягоды. Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается масса прогорклаго жира, и неумѣренное потребленіе его Якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Симпсонъ призвалъ къ себѣ въ Якутскъ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленаго масла, каждому дали ровно по пуду мяса, а масло должны они были пить, или ѣсть большими ложками. Одинъ Якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній сначала имѣлъ преимущество. «У него зубы хороши», сказалъ старикъ, «но съ помощью святыхъ (здѣсь онъ перекрестился) я его скоро догоню».

Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей надзору своего секретаря. Когда путешественникъ возвратился черезъ два часа, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ.

Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, три, четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли, и только часто катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. Въ доказательство низкаго духовнаго развитія Якутовъ можно привести еще и то, что при каждой богатой свадьбѣ, двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ женихъ, другаго невѣста, и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошое предзнаменованіе.

Мы назвали Якутовъ народомъ пастушескимъ, къ этому должно прибавить еще, что на немъ лежитъ перевозка всѣхъ лицъ и товаровъ къ востоку отъ Лены. Въ Якутскѣ оканчивается ѣзда на телегахъ и саняхъ, отсюда далѣе нѣтъ болѣе проложенныхъ дорогъ, развѣ однѣ пѣшеходныя тропы идутъ черезъ болота, большіе лѣса и густой кустарникъ, такъ что болѣе ровной мѣстности можно достичь только верхомъ, затѣмъ дальнѣйшій путь совершается на саняхъ, запряженныхъ сѣверными оленями или собаками.

Только съ помощію Якута и его лошади, Русскіе достигли Охотскаго моря, и отсюда проникли на Алеутскіе острова и въ Америку. Безъ Якута Русскимъ бы не видать ни Индигирки, ни Колымы, и не узнать бы Чукчей и западныхъ Эскимосовъ. Ежегодно тысячи навьюченныхъ лошадей черезъ Становой хребетъ приходятъ въ Охотскъ, и ясно, что, при неслыханныхъ трудностяхъ этого пути, онъ гуще усѣянъ остовами лошадей, чѣмъ равнины Саскачевана костями буйволовъ.

Но не боится Якутъ ни ледянящаго мороза ночи, ни голода, который можетъ переносить почти до невѣроятной степени, какъ не страшится онъ бури на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, безконечной лѣсной чащи и глубины болотъ. Мужественно идетъ Якутъ противъ всѣхъ матеріальныхъ препятствій, затрудняющихъ его путь въ пустынѣ, но дрожитъ онъ передъ невидимымъ міромъ лѣшихъ и горныхъ духовъ.

На высотахъ, поросшихъ лиственницами и елями, видишь дерево, увѣшенное длинными конскими волосами. Чтобы это значило? Якутъ,

ведущій караванъ, разрѣшитъ намъ эту загадку. Онъ останавливается, слѣзаетъ съ лошади, вырываетъ нѣсколько волосъ изъ гривы, и благочестиво вѣшаетъ ихъ на вѣтвь — это жерта, принесенная горному духу, молитва о счастливомъ окончаніи путины. Пѣшеходные Якуты, шедшіе съ караваномъ, съ тою же цѣлью втыкаютъ въ землю палочки. Эти церемоніи замѣняютъ длинныя молитвы Монголовъ на молитвенныхъ холмахъ. Якутскія молитвы лучше, потому что короче.

Даже такъ называемые Якуты-христіане приносятъ тѣ же знаки почтенія, уже вышедшему въ отставку, горному духу, какъ и вообще старой вѣрѣ въ шамановъ, и у Якутовъ христіанъ глубоко гнѣздится въ сердцѣ безпредѣльный страхъ передъ всякаго рода злыми духами.

Во всю дорогу Якуты поютъ, почти не переставая. Въ монотонномъ, печальномъ напѣвѣ ихъ пѣсенъ выражается ихъ скрытный, мрачный, суевѣрный народный характеръ. Слова пѣсенъ болѣе разнообразны и поэтичны; ими обыкновенно воспѣваются красоты природы, высокій роскошный ростъ деревьевъ, журчанье рѣки, высоту горъ. Пѣвцы, по большей части импровизаторы, чтобы ублажить горнаго духа, восхваляютъ пустыню, по которой проходятъ, какъ будто она прекраснѣйшая страна въ мірѣ, и называютъ лужи кристальными озерами.

Не мало расточаютъ Якуты похвалъ и медвѣдю. Никогда не забудутъ они низко поклониться, проходя мимо его берлоги, и прозой и стихами восхваляютъ храбрость и благородство «любимаго дядюшки».

Въ путешествіи Миддендорфа мы находимъ прекрасный образецъ таланта Якутовъ произносить рѣчи. Сценой служитъ дикая нагорная сибирская мѣстность, гдѣ отдыхаетъ караванъ послѣ дневнаго пути.

Передъ ужиномъ якутскій Демосфенъ приноситъ жертву лѣснымъ и горнымъ духамъ.

«Вообразите» говоритъ знаменитый путешественникъ «надъ нами обнаженныя вершины крутаго Гинкана; дикіе пропасти и утесы окружаютъ насъ; на переднемъ планѣ щиплютъ траву сѣверные олени (это было на китайской границѣ въ странѣ оленьихъ Тунгусовъ) и дерево богато убранное въ жертву приносимыми гривами. Ораторомъ одѣтый въ кожу—Якутъ, стоящій передъ костромъ, онъ держитъ свою рѣчь, въ то время, какъ передъ нимъ другой Якутъ поднимаетъ небу горячую саламату. Вообразите въ тоже время клокочущее жер-

твенное масло въ видѣ отвѣта умоляемыхъ духовъ. Наконецъ вообразите, что послѣ рѣчи бросается вверхъ ложка, и если она упадетъ выдолбленною стороною вверхъ, то это сочтется хорошимъ предзнаменованіемъ, которое встрѣтится долгимъ *уруи!!* и радостнымъ крикомъ оратора, ставящаго ложку стойкомъ на затылокъ. Представьте себѣ, что за этимъ послѣдуетъ немедленно животное поглощеніе саламаты, и облизываніе и выскребаніе ложекъ, тарелокъ, котла».

Вотъ рѣчь оратора:

«Бабушка Кербе, отъ вѣка древняя. И ты дѣдушка Бурея (обѣ рѣки), равный первой годами! Пошлите милость намъ путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите счастіемъ и благословите насъ! Мы идемъ во имя великаго духа! Вы стекающія съ пѣніемъ съ высокихъ горъ! во имя ваше мы идемъ, пусть 9 разъ счастливо будетъ наше шествіе.

«И ты, живущая на нашемъ пути, ты вдругъ и повсюду являющаяся, и подобно снѣгу исчезающая, необъяснимо быстрая, волшебная дѣва Сыринай; ты быстро бѣгущій Курхачи, и вы гномы, живущіе справа на 9, а слѣва на 8 горахъ будьте милостивы къ намъ!

«Я васъ всѣхъ угощаю заразъ (въ это время изъ торжественно поднятаго котла бросается на огонь три ложки масла и саламаты) кушайте! — лакомьтесь! — но не пробуйте разборчивымъ языкомъ, будьте довольны.

«Будьте милостивы къ тоіонамъ (старшины, здѣсь изъ общества Миддендорфа), чтобы они счастливо и радостно достигли цѣли! Вѣдь дѣло идетъ о волѣ Императора!

«Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли рядомъ съ лучшими и обогнали посредственныхъ.

«Ты же здѣсь управляющій горный старецъ, ты страшно богатый Барилахъ! доставь намъ еще въ утреннемъ сумракѣ темныхъ звѣрей, и на ранней утренней зарѣ ярко-блестящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! наполни наши широкіе вьюки, нанижи соболей на наши длинные ремни, наведи на насъ краснаго звѣря!

«Ты же древній Чандай Кобольдъ (злое начало) не порази хромотой наши члены, не нападай на нашихъ 16 лѣтковъ, не моргай, не смотри сюда твоими искрометными очами, и не говори твоимъ злымъ языкомъ!

«Счастіе и благословеніе намъ на путь!!!

Какъ обнищалый Самоѣдъ и Лапландецъ, такъ и бѣдный Якутъ, неимѣющій скота, и въ особенности лошадей, переходитъ къ рѣкамъ. У него собака служитъ единственнымъ вьючнымъ животнымъ, и она, на легкихъ салазкахъ, везетъ пойманную рыбу отъ берега къ жилищу. Бѣдное созданіе приноситъ Якуту существенную пользу, содержаніе же собаки ничего не стоитъ, ибо она питается единственно отбросами и костями рыбъ. Между всѣми невольниками Сибири, собакѣ данъ въ удѣлъ самый тяжелый жребій.

Береговой Якутъ живетъ почти исключительно рыбою, и занимается только рыбной ловлей и охотой. Пойманными или убитыми пушными звѣрями онъ уплачиваетъ свой ясакъ, а если останется что нибудь, то употребляетъ на покупку крѣпкаго черкескаго табаку, и время отъ времени съ наслажденіемъ выкуриваетъ трубку.

ГЛАВА XIV.

ВРАНГЕЛЬ.

Путешествія Врангеля. — Отъ Петербурга до Якутска. — Красоты Лены. — Плаваніе черезъ пороги. — Сто разъ повторяющееся эхо. — Якутскъ. — Крайности холодовъ и жаровъ. — Путешествія съ торговой цѣлью якутскихъ купцовъ. — Зашиверскъ. — Бадараны. — Нижно-Колымскъ. — Описаніе страшнаго климата. — Люди и собаки. — Голодъ. — Юкагирскія охоты на сѣверныхъ оленей. — Любовь у проруби. — Первая поѣздка къ Шелагскому мысу по замерзшему морю (1821). — Страшное положеніе. — Экспедиція Матюшкина на Ледовитое море (1822). — Послѣднее приключеніе на полярномъ морѣ (1823). — Возвращеніе въ Петербургъ.

Экспедиціи, посланныя въ царствованіе Анны Іоанновны для описанія восточно-сибирскихъ береговъ Ледовитаго моря, такъ несовершенно выполнили свою задачу, что эти страны все еще могли считаться за terra incognita.

На долю нашего любознательнаго вѣка оставалось пополнить, какъ этотъ, такъ и многіе другіе пробѣлы землевѣдѣнія, и въ 1820 году Русское правительство снарядило двѣ новыя экспедиціи къ этому отдаленному концу Русскаго царства.

Результаты одной изъ этихъ экспедицій, которая подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, должна была изслѣдовать береговыя страны отъ

устья Яны, намъ вовсе почти неизвѣстны, вѣроятно потому, что всѣ бумаги Анжу впослѣдствіи погибли во время пожара. За то другая экспедиція, подъ начальствомъ нынѣшняго адмирала, а тогдашняго лейтенанта Врангеля, получила поэтому большую извѣстность, что насъ заставляетъ обратить на нее особенное вниманіе. Экспедиція Врангеля должна была начать свои изслѣдованія съ мѣстности еще болѣе восточной, а именно, съ устья Колымы. Врангель не только описалъ берега Сибири, отъ Индигирки на западѣ до острова Колючина на востокѣ съ точностію, съ какою доселѣ обозначаются на картахъ; но и нѣсколько разъ пытался на саняхъ проникнуть въ Ледовитое море, надѣясь открыть тамъ еще неизвѣстную полярную землю. Четыре года провелъ Врангель, разрѣшая свою задачу въ этомъ пустынномъ закоулкѣ земнаго шара; четыре года лишеній и препятствій; четыре года, принесшіе плоды для науки и доставившіе самому Врангелю славу и почести.

Экспедиція сначала отправилась по прямой линіи изъ Петербурга въ Якутскъ. Взглянувъ на карту, сравнивъ разстояніе этихъ мѣстъ съ разстояніемъ отъ Кельна до Берлина, припомнивъ, что здѣсь нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и что должны были ѣхать въ дурныхъ повозкахъ по дурной дорогѣ, нельзя не согласиться, что и этотъ путь — съ окончаніемъ котораго работа экспедиціи въ отдаленной пустынѣ должна была только начаться, что и этотъ путь, можно уже считать за весьма почтенное путешествіе. Не разъ на этомъ пути мѣнялись зима и лѣто. Въ Казани зеленѣли луга и лѣса красовались листвой, тогда какъ долины Урала лежали подъ глубокими снѣгами. Потомъ снова въ Тобольскѣ по склонамъ холмовъ показалась первая блѣдная зелень, а въ Красноярскѣ весна благоухала вполнѣ.

Экспедиція, проведя въ Иркутскѣ мѣсяцъ, 25 іюня 1820 г. отправилась въ Якутскъ. 27 іюня достигли мѣстечка Кочуги (236 верстъ отъ Иркутска) на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда становится судоходною. Кочуга есть складочное мѣсто, откуда вся, какъ купеческіе, такъ и казнѣ принадлежащіе, грузы, отправляются во всѣ города, расположенные по Ленѣ. Для перевозки употребляютъ или большія барки (па́возки), которыя ломаются въ Якутскѣ, или меньшія суда (ангарки), которыя идутъ на веслахъ, или тянутся лямкой обратно въ Кочугу. Путешественники, не ѣдущіе съ большимъ грузомъ, употребляютъ послѣднія суда, и на почтовыхъ станціяхъ имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколько лошадей назначено по подорожной.

И такъ Врангель плыветъ по величественной Ленѣ и дивится красотамъ ея береговъ. По обѣ стороны горы представляютъ вѣчное разнообразіе живописныхъ видовъ. Мѣстами за непроходимыми лѣсами слѣдуютъ воздѣланные поля, луга и сады, изъ-за которыхъ дружелюбно выглядываютъ маленькія деревеньки или отдѣльныя хижины. Изъ лона прозрачныхъ водъ, какъ изумруды выходятъ покрытые деревьями плоскіе острова. Это Рейнъ, но съ природою еще болѣе дикою и величественною — конечно, Рейнъ безъ виноградниковъ и замковъ, безъ городовъ и соборовъ, безъ преданій и исторіи. Горы мало по малу поднимаются все выше и круче и близь Риги (400 верстъ отъ Кочуги) кажется, что крутые берега стѣсняютъ теченіе рѣки. Но вскорѣ, какъ занавѣсъ, берега снова расходятся, и отсюда рѣка течетъ во всемъ величіи и во всей красѣ, между плоскими берегами.

Во время этого плаванія, тамъ, гдѣ Лена нерѣдко съ быстротою вихря прорывается между утесами, неразъ искусство гребцовъ, неуступающее многовосхваляемому искусству канадскихъ вояжоровъ, изумляло Врангеля. Приблизившись къ порогу, такъ, что слышенъ его шумъ и кипѣнье, начальникъ барки командуетъ «садитесь», что означаетъ, чтобы люди вынули весла изъ воды. Потомъ по командѣ «молите Бога!» и весь экипажъ, стоящій близь передняго штевена, оборачивается къ образу и крестится, затѣмъ начальникъ громко произноситъ короткую молитву. По окончаніи ея, экипажъ берется за весла и раздается команда «гребите сильно.» Съ каждымъ мгновеніемъ усиливается общее напряженіе. Такъ какъ за шумомъ волнъ не слышно команды, то лоцманъ всходитъ на передній штевенъ, и свернутымъ бѣлымъ платкомъ подаетъ знаки, назади судна стоящему, рулевому держать ли прямо или поварачивать вправо или влѣво. На заднемъ штевенѣ четыре человѣка, употребляя всѣ силы и все вниманіе, управляютъ длиннымъ рулевымъ весломъ. Если паденіе очень сильно, то человѣка два съ такими же длинными веслами становятся и на передній штевенъ для того, чтобы рѣшительно и быстро повернуть судно въ критическій моментъ. Все искусство состоитъ въ томъ, чтобы килъ шелъ по направленію рѣки. Наконецъ входятъ въ первыя волны порога; все находится въ напряженномъ ожиданіи; барка начинаетъ качаться; быстрота и шумъ бушующихъ волнъ усиливаются; все смотритъ на лоцмана, и по его знаку правитъ вправо или влѣво, крикъ: «сильно! сильно!» раздается въ слу-

чаѣ если судно поворачивается не довольно быстро. Наконецъ волны успокоиваются, лоцманъ сходитъ къ главному пассажиру и поздравляетъ его словами «дай Богъ вамъ счастія, Ваше Высокоблагородіе!» за тѣмъ поздравляетъ онъ рулеваго и со всѣхъ сторонъ слышно восклицаніе «слава тебѣ Богу!»

Киренскъ, называющійся городомъ, собственно довольно жалкая деревня. Жители преимущественно занимаются огородничествомъ, вырощаютъ превосходную капусту, картофель, рѣпу и даже огурцы, которыя весьма искусно защищаютъ отъ всеуничтожающаго сѣверовосточнаго вѣтра, и снабжаютъ всѣми этими продуктами отдаленный Якутскъ. Развѣ найдется другая мѣстность съ такимъ далекимъ огородомъ?

Недалеко отъ станціи Частыя Острова, почти 250 верстъ ниже Киренска, между высокими (въ 500 футовъ) утесистыми берегами, суживается Лена, имѣющая здѣсь 78 футовъ глубины. Это мѣсто замѣчательно своимъ удивительнымъ эхо, которое 100 разъ повторяетъ выстрѣлъ пистолета, причемъ звукъ такъ усиливается, что кажется будто слышишь громъ пушекъ цѣлаго артиллерійскаго парка.

Подивившись такому чуду природы, скоро доплываешь до устья Витимы, лѣсистая область котораго болѣе населена соболями, чѣмъ людьми. Отъ праваго берега Лены тянется непроходимый первобытный лѣсъ до Яблоннаго-Столбоваго хребта, который слѣдуетъ теченію рѣки съ запада на востокъ, въ его густыхъ лѣсахъ много дорогихъ пушныхъ звѣрей. Лѣвый болѣе плоскій берегъ менѣе лѣсистъ, и нѣсколько гуще населенъ, а слѣдовательно здѣсь менѣе дикихъ лѣсныхъ жителей.

Не смотря на почти постоянные дожди, Врангель часто видѣлъ большія полосы горящихъ лѣсовъ, своимъ пламенемъ освѣщавшихъ мракъ ночи. Неосторожность охотниковъ и путешественниковъ, которые, чтобы приготовить пищу или отогнать мухъ, раскладываютъ огонь, и, уходя, не тушатъ его, не заботясь о послѣдствіяхъ, нерѣдко въ одинъ день уничтожаетъ то, что природа произвела въ теченіи столѣтій, и гонитъ дичь и пушныхъ звѣрей все далѣе въ пустыню. Мы уже прежде говорили о замѣчательномъ явленіи, что послѣ такихъ пожаровъ, въ лѣсахъ, гдѣ прежде росъ хвойный лѣсъ, ростетъ не сосна или ель, а свѣтло зеленая береза.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ пустыннѣе становятся берега Лены. При Олекмѣ находятся послѣдніе слѣды

огородничества и земледѣлія. Далѣе туземцы питаются только скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей. Кромѣ почтовыхъ станцій, небольшія поселенія встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Жители находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно Русскіе, здѣсь живущіе, крестьяне, которые встрѣчаются до Улаханы (50 верстъ отъ Якутска). Далѣе, населеніе состоитъ изъ однихъ Якутовъ, которые менѣе терпятъ, чѣмъ чужеземцы.

Якутскъ, куда Врангель прибылъ 25 іюля, проплывъ по рѣкѣ отъ Кочуги 2500 верстъ въ 27 дней, носитъ на себѣ печать холоднаго сѣвера. Между европейскими постройками виднѣются зимнія юрты арктическихъ кочевниковъ, со стѣнами изъ навоза, земляными крышами и дверями изъ шкуръ. Единственная достопримѣчательность города состоитъ въ построенной казаками, завоевателями страны въ 1647 г., деревянной крѣпости съ ея угловатыми башенками.

Это печальное мѣстечко, имѣющее до 4000 жителей, большею частію находящихся въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, какъ извѣстно есть центръ внутренней сибирской торговли, и распространяетъ свою торговую дѣятельность на огромное пространство. Отъ Анабора до Берингова пролива, отъ Ледовитаго моря до Олекминскихъ горъ, изъ Алдана и Удска, даже изъ Охотска и Камчатки, изъ-за многихъ тысячъ верстъ стекаются сюда пушной товаръ, моржовые бивни и мамонтовая кость, и все это продается и вымѣнивается въ теченіи лѣта, которое продолжается какихъ-нибудь 10 недѣль. Годовой оборотъ цѣлыхъ горъ пушнаго товара доходитъ до 2½ милліоновъ руб. и болѣе. Якутскіе купцы совершаютъ громадныя путешествія съ торговою цѣлію. При 20 и 30 градусномъ морозѣ отправляются они на Леховскіе острова, на ярмарку въ Островное, въ Охотскъ, въ Кяхту. Якутскіе купцы первые осмѣлились плавать на своихъ плохихъ судахъ по Берингову морю, и первые проникли до острова Кадьяка, отстоящаго на 80° долготы отъ ихъ родины. Еслибъ на сѣверномъ полюсѣ было что-нибудь выгодное, то конечно якутскіе купцы давно бы открыли его.

12 сентября экспедиція оставила Якутскъ, чтобы слѣдовать къ отдаленнымъ берегамъ Ледовитаго моря; и 10-го октября, послѣ чрезвычайно затруднительнаго перехода черезъ Верхоянскій хребетъ, гдѣ никогда не бываетъ менѣе 16° холода, нерѣдко доходящаго до 24°5, достигли города Зашиверска. Самая большая замѣчательность этого города въ томъ, что все его населеніе состоитъ изъ 17 душъ.

На озерѣ Оринкино, 315 верстъ отъ Зашиверска, прекращаются послѣднія якутскія поселенія, и отсюда къ рѣкѣ Алазеѣ, еще далѣе на 250 верстъ, идетъ путь по совершенно необитаемой пустынѣ, преимущественно состоящей изъ болотъ. Эти болота, называющіяся здѣсь *бадаранами*, никогда не просыхаютъ совершенно. При засухѣ образуется твердая кора, черезъ которую лошади нерѣдко проваливаются, и не тонутъ только оттого, что на нѣкоторой глубинѣ находится навѣкъ замерзнувшее дно. Нельзя представить себѣ ничего печальнѣе и пустыннѣе этихъ бадаранъ. Куда ни окинешь взоромъ, повсюду видишь покровъ полусогнившаго мха, изъ-подъ котораго, и то на нѣсколько возвышающихся мѣстахъ, поднимаются скудные кустарники лиственницы. Только зимою осмѣливаются проходить по этимъ болотамъ, и горе путникамъ если захватитъ ихъ сѣверная вьюга и метель. Отъ ярости стихій нѣтъ другой защиты, кромѣ развалившихся *поваренъ*, гдѣ можно задохнуться отъ дыма, который крутится отъ вѣтра, проникающаго сюда со всѣхъ сторонъ.

Бадараны оканчиваются Алазейскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ бассейнъ Индигирки отъ бассейна Алазеи. Здѣсь снова встрѣчаются юрты и якутскія поселенія, которыя съ приближеніемъ къ Колымѣ становятся чаще.

21 октября, Врангель былъ удивленъ и обрадованъ. Въ Сардахъ, 250 верстъ отъ Нижне-Колымска, онъ нашелъ хорошую почтовую станцію, гдѣ могли отдохнуть его глаза, заболѣвшіе отъ постояннаго вида снѣжной поверхности. 25 октября Врангель достигъ берега Колымы, и 2 ноября, черезъ 52 дня послѣ выѣзда изъ Якутска, въѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, свою будущую главную квартиру, которая встрѣтила его морозомъ въ 32°.

Читатель избавитъ насъ отъ дальнѣйшаго описанія бассейна Колымы, но намъ кажется любопытно познакомиться съ природой и жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ Врангель прожилъ цѣлыхъ три года, не считая того времени, которое онъ провелъ или въ путешествіяхъ вдоль береговъ Ледовитаго моря, или на замерзшемъ океанѣ.

Даже въ Сибири Колыма знаменита суровостію своего климата. Къ западу тянется необозримая тундра, къ сѣверу море такъ, что здѣсь почти постоянные сѣверовосточные вѣтры могутъ дѣйствовать безпрепятственно и даже лѣтомъ нерѣдко случаются страшныя метели. Средняя годичная температура — 8° Р. Около Нижне Колымска рѣка уже замерзаетъ въ первыхъ числахъ сентября. При устьѣ нерѣдко

20 августа лошади съ вьюками переходятъ по льду, который нигдѣ не ломается до начала іюня.

Хотя солнце съ 15 мая по 6 іюня не заходитъ, но оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, а не грѣетъ, и на него очень свободно можно смотрѣть. Не смотря на постоянный свѣтъ, день все-таки отличается отъ ночи. Какъ только холодное солнце склоняется къ горизонту, такъ успокоивается природа, а какъ оно только нѣсколько поднимется черезъ нѣсколько часовъ, все снова пробуждается: птички громкимъ щебетаніемъ привѣтствуютъ новый день, сжавшійся желтый цвѣтокъ раскрываетъ свои лепестки, и все спѣшитъ, хотя нѣсколько воспользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Хотя здѣсь собственно два времени года зима и лѣто, но жители называютъ весной то время, когда въ полдень появляется солнечный свѣтъ, что обыкновенно случается въ половинѣ марта; въ такую весну случаются морозы въ 30°. Осенью считается время замерзанія рѣкъ, что бываетъ въ первыхъ числахъ сентября, когда холода достигаютъ — 35°. Здѣшнее лѣто есть собственно борьба между появленіемъ и уничтоженіемъ. Въ послѣднихъ числахъ мая пробиваются отдѣльные листочки на кустахъ тальника; въ іюнѣ термометръ въ полдень подымается до 18° — но вдругъ вся зелень уничтожается отъ порыва холоднаго морскаго вѣтра. Въ іюнѣ воздухъ чистъ, и кажется, что онъ вознаградитъ человѣка за его долгія лишенія, но тутъ новая бѣда. Изъ неизмѣримыхъ тундровыхъ болотъ поднимаются милліоны кровожадныхъ мошекъ, отъ которыхъ можно защититься только постояннымъ дымомъ. *Дымокуры*, большія кучи свалившагося листа, мха и сыраго лѣса зажигаются на пастбищахъ и около человѣческихъ жилищъ, и дымъ отгоняетъ докучныхъ мошекъ. Но всякое дѣло имѣетъ двѣ стороны, такъ и здѣсь эти громадныя стаи насѣкомыхъ приносятъ даже пользу бѣднымъ Колымцамъ. Дикіе сѣверные олени бѣгутъ отъ мошекъ изъ лѣсовъ на обнаженный морской берегъ, и стада этихъ животныхъ во сто, тысячу и болѣе особей попадаются подъ выстрѣлы охотниковъ. Точно также стаи мошекъ принуждаютъ табуны лошадей, которые никѣмъ не стерегутся, не удаляться отъ дымокуровъ, и пастись въ облакахъ густаго дыма. Когда по близости вытопчется вся трава, тогда раскладываютъ дымокуры въ другомъ мѣстѣ, куда перегоняютъ скотъ, за которымъ такимъ образомъ легко наблюдать.

Лишь только исчезнутъ мошки, какъ изъ моря поднимаются осенніе туманы, и не позволяютъ наслаждаться послѣдними умѣренными днями, предвѣщающими наступленіе 9 мѣсячной зимы. Изъ наблюденій Врангеля мы знаемъ, что зима начинается съ 2 ноября; холода все болѣе и болѣе усиливаются, пока въ январѣ не достигнутъ—43°. Въ это время трудно дышать, и даже сѣверный олень уходитъ въ лѣсную чащу, и стоитъ здѣсь неподвижно; даже отъ снѣга идетъ паръ.

Съ 22 ноября начинается 38 суточная ночь, мракъ который умѣряется отраженіемъ отъ ослѣпительно-бѣлаго снѣга и частыми сѣверными сіяніями. 28 декабря низко на горизонтѣ появляется первая утренняя заря, отъ которой даже въ полдень не блѣднѣютъ звѣзды. Съ возвращеніемъ солнца также наступаютъ чувствительные холода: въ февралѣ и мартѣ морозъ очень рѣзокъ при восхожденіи солнца. Совершенно ясные дни зимою черезвычайно рѣдки, ибо холодный морской вѣтеръ покрываетъ землю парами и туманами (морокъ). Замѣчательно, что восточный юго-восточный вѣтеръ (*теплый вѣтеръ*) иногда среди зимы измѣняетъ холодъ въ—35° въ короткое время на температуру въ 1°5, но этотъ вѣтеръ никогда не продолжается болѣе сутокъ.

Печальная растительность окрестностей Нижне-Колымска вполнѣ гармонируетъ съ страшнымъ климатомъ. Моховая степь, тощіе луга и небольшія пространства, покрытыя тальникомъ, вотъ всѣ произведенія этой равнины. Растительностъ нѣсколько лучше въ сосѣднихъ долинахъ Анюя, которыя горами защищены отъ холодныхъ вѣтровъ. Здѣсь ростутъ различныя ягоды, березы, осина, верба, богородская трава, полынь, и низкіе ползучіе кедры. Перейдя сюда изъ мерзлой, обнаженной моховой тундры можно подумать, что находишься въ Италіи. Животное царство имѣетъ здѣсь больше представителей. Здѣсь вездѣ, гдѣ есть лѣсъ, множество лосей, сѣверныхъ оленей, медвѣдей, лисъ, соболей и бѣлокъ, а песецъ роетъ свои норы въ обнаженной равнинѣ. Съ весною являются тысячи лебедей, гусей и утокъ, которыхъ преслѣдуетъ орелъ и сова. Многочисленные выводки бѣлыхъ куропатокъ держатся въ кустарникахъ, а мелкіе кулики бѣгаютъ во мхѣ болотистаго берега. Воронъ появляется близь юртъ, и здѣсь вмѣстѣ съ восхожденіемъ весенняго солнца раздается пѣніе воробьевъ, а нѣсколько позднѣе оно замѣняется щебетаніемъ голубой синицы. Но не смотря на эту быстро проходя-

щую жизнь, видъ страны все таки остается мертвеннымъ и пустынпымъ; все показываетъ, что здѣсь мы перешли за границу обитаемой земли, и съ удивленіемъ спрашиваешь, какъ когда нибудь человѣкъ могъ поселиться въ этихъ пустыняхъ.

Въ Колымскомъ округѣ, который пространствомъ превосходитъ многія европейскія королевства (объ такихъ странахъ, какъ Виртембергъ, Бельгія и Саксонія, и говорить нечего), народонаселеніе состоитъ изъ 325 Русскихъ, 1034 Якутовъ, и 1139 Юкагировъ мужескаго пола, 2173 души платитъ ясакъ. Ясакъ состоитъ изъ 803 лисицъ и 28 соболей, средней цѣной на 6704 руб. сер., кромѣ того вносится деньгами 10847 руб., такъ что на душу приходится по 8 руб. податей.

Казаки пользуются преимуществомъ, они свободны отъ всѣхъ податей, но за это обязаны являться по востребованію въ полномъ вооруженіи. Они несутъ гарнизонную службу въ Нижне-Колымскѣ, и наблюдаютъ за спокойствіемъ и порядкомъ. Кромѣ того 25—30 казаковъ отправляется въ Островное (см. главу о Чукчахъ), чтобы на тамошней ярмаркѣ держать дикихъ Чукчей въ повиновеніи.

Большею частію русское населеніе состоитъ изъ потомковъ ссыльныхъ, а казаки происходятъ отъ древнихъ завоевателей Сибири. Отъ смѣси съ Юкагирами и Якутами они многое заимствовали у нихъ, но отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Черты лица русскихъ женщинъ пріятнѣе чѣмъ у Юкагирокъ и Якутокъ, встрѣчаются даже хорошенькія. Они любятъ пѣніе, и обыкновенно выхваляютъ въ своихъ пѣсняхъ красоты природы, цвѣтами покрытый лугъ, журчащій потокъ, пѣніе соловья — все предметы, которыхъ не знаютъ и вообразить не могутъ, все преданіе, полученное отъ сосланныхъ сюда предковъ.

Жилища Русскихъ едва ли чѣмъ отличаются отъ юртъ здѣшнихъ коренныхъ жителей. Эти хижины очень малы и низки и строятся изъ пловучаго лѣса. Щели заботливо законопачиваются мхомъ, и все покрывается толстымъ слоемъ глины. Чтобы защитить юрту отъ холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, вокругъ ея поднимается земляной валъ, высотою равняющійся съ крышей. Печами и толстыми шубами здѣсь защищаются какъ умѣютъ отъ холодовъ; но нерѣдко приходилось Брангелю держать чернилицу въ кипяткѣ, для того чтобы писать, а Англичанинъ Кохрани, посѣтившій Врангеля въ Колымскѣ, отморозилъ себѣ носъ, лежа въ постели.

Все существованіе Колымцевъ основано на рыбной ловлѣ и охотѣ, при которыхъ собака доставляетъ имъ необыкновенную пользу. Если незавиденъ жребій самого хозяина, то можно смѣло сказать, что жизнь извощичьей лошади золото въ сравненіи съ жизнею колымской собаки. Палкой и пинькомъ награждаютъ ее за труды; въ самые сильные холода она спитъ на открытомъ воздухѣ; рыбьи отбросы составляютъ ея единственную пищу, а весною, когда запасы истощились, ей просто приходится голодать.

Вообще тяжело это время года для кочевниковъ въ тундрѣ. Тогда они кучами приходятъ къ русскимъ деревнямъ на Колымѣ, но и здѣсь терпятъ страшный недостатокъ. Хотя устроены здѣсь запасные магазины, но провозъ, нерѣдко длящійся нѣсколько лѣтъ, возвышаетъ цѣну муки до такой степени, что большинство не въ состояніи покупать ее. Врангель провелъ въ Колымскѣ три такихъ страшныхъ весны, и благодарилъ Творца, что не придется ему быть свидѣтелемъ такого ужаснаго бѣдствія.

Но именно въ то время, когда нужда достигаетъ крайней степени, является и помощь. Съ юга прилетаютъ сюда стаи птицъ, и даже своимъ видомъ поселяютъ бодрость въ душѣ бѣдствующихъ Колымцевъ; ружьями, стрѣлами и дубинами бьютъ пролетающихъ пернатыхъ, и добычею охоты утоляютъ голодъ, причемъ природа, какъ опытный врачъ, сначала даетъ пищу по немногу, а уже потомъ въ изобиліи.

Изобиліе наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ Колыма разорветъ свои ледяныя узы въ іюнѣ, и эта рѣка, не смотря на плохія сѣти и неискусство рыбаковъ доставляетъ главнѣйшій запасъ на будущую зиму. Но рядомъ съ своими дарами, она приноситъ и бѣдствіе своими разливами. Къ пріятнымъ эпизодамъ своего пребыванія въ Нижне Колымскѣ Врангель можетъ причесть цѣлую недѣлю, которую долженъ былъ провести лѣтомъ 1822 года на крышѣ своей хижины.

У Анюйскихъ Юкагировъ главнѣйшую роль играетъ охота на сѣверныхъ оленей. Добыча этой охоты преимущественно рѣшаетъ вопросъ, придется ли голодать зимой или нѣтъ.

Ходъ сѣверныхъ оленей бываетъ два раза въ годъ: весною, когда мошки гонятъ ихъ изъ лѣсовъ къ прохладнымъ морскимъ берегамъ, гдѣ находятъ себѣ пищу въ обильной лишаями тундрѣ; другой осенью, когда усиливающійся холодъ гонитъ оленей отъ суровыхъ береговъ. Оба хода близко слѣдуютъ другъ за другомъ. Весенній

ходъ, начинающійся въ половинѣ мая, не очень добычливъ, частію потому, что олени въ это время худы и шерсть ихъ плоха (весенняя шкура состоитъ 1—1½ рубля, осенняя 5—6 руб.), частію же оттого, что ихъ трудно бить при переходѣ черезъ замерзшія рѣки. Настоящая охота на сѣверныхъ оленей бываетъ въ августѣ и сентябрѣ. Въ хорошіе года, число переходящихъ съ сѣвера оленей доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ, они распадаются на стада въ 200—300 особей.

Путь неизмѣнно одинъ и тотъ же, между верхнимъ теченіемъ сухаго Апюя и Плотбищемъ. Для перехода черезъ рѣку, олени выбираютъ мѣсто, гдѣ къ одному берегу ведетъ сухой путь, а на противуположной сторонѣ плоскій песчаный берегъ удобенъ для выхода изъ воды. Здѣсь каждое стадо идетъ тѣсной кучей подъ предводительствомъ самаго сильнаго самца.

Переходъ совершается послѣ нѣкоторой пробы, и черезъ нѣсколько минутъ вся поверхность покрывается плывущими животными. Охотники, скрывавшіеся доселѣ подъ вѣтромъ за заливами, камнями и кустами, съ быстротою стрѣлы подплываютъ на своихъ лодкахъ къ стаду, и бьютъ и ранятъ оленей, кто сколько можетъ. Во время схватки охотникамъ опасно то, что лодка можетъ быть опрокинута. Самцы защищаются рогами, зубами и задними ногами, самки обыкновенно стараются впрыгнуть передними ногами на край лодки, и тогда плохо охотнику. Хорошо если при паденіи удастся ему уцѣпиться за сильнаго оленя, онъ вынесетъ его на берегъ. Впрочемъ эти случаи рѣдки, ибо охотники удивительно ловко умѣютъ избѣгать опасности. Хорошій охотникъ убьетъ 100 и болѣе оленей менѣе чѣмъ въ полъ-часа. Другіе челноки ловятъ убитыхъ животныхъ, и связываютъ ихъ ремнями, кто что поймаетъ, то и его. Раненые, приплывающіе къ берегу олени принадлежатъ стрѣлкамъ, и нужно имѣть много присутствія духа, чтобы въ такомъ смятеніи, когда напряжены всѣ физическія и нравственныя силы, такъ устроивать дѣло, чтобы большихъ оленей только сильно поранить.

Стукъ роговъ, волны, окрашенныя кровью въ темнокрасный цвѣтъ, крикъ охотниковъ, храпъ оленей, суматоха на берегу — всей этой сцены описать нельзя.

Убитыхъ животныхъ опускаютъ въ воду, чтобы не испортились. Потомъ мясо ихъ вялится, коптится, морозится. Самымъ лакомымъ кускомъ считается языкъ.

Въ Лобазномъ на Анюѣ уже свирѣпствовалъ голодъ, когда 12 сентября 1821 года на правомъ берегу рѣки появились давно желанные сѣверные олени. Никогда не видано было такого громаднаго количества животныхъ; всѣ высоты были покрыты ими, и рога издали казались какимъ-то движущимся лѣсомъ.

Засуетились въ Лобазномъ Якуты, Чуваши, Тунгусы и Ламуты, надѣясь на обильную добычу.

Но олени, вѣроятно испуганные толпой людей, немного подумавши, взяли другое направленіе, отошли отъ берега и скрылись за горами. Можно вообразить себѣ отчаяніе обманувшихся, иные вопили, поднимая къ верху руки, другіе бросались на землю и катались по снѣгу; болѣе старые остолбенѣли и со слезами на глазахъ смотрѣли вдаль—страшная картина всеобщаго бѣдствія.

Неудачна была и рыбная ловля, охота за гусями уже прошла, и нѣсколько сотъ этихъ пасынковъ природы погибло зимой отъ голода!

Въ то время, когда мущины на берегахъ Колыма въ теченіи короткаго лѣта безъ устали занимаются рыбной ловлей, охотой и сѣнокосомъ, женщины въ свою очередь собираютъ на зиму запасы скудныхъ продуктовъ растительнаго царства.

Женщины идутъ въ горы и собираютъ бруснику, голубиху (пьяницу), морошку, богородскую траву и полынь — здѣсь въ это время такой же праздникъ, какъ въ другихъ болѣе счастливыхъ странахъ сборъ винограда. Но и эта радость нерѣдко похищается жестокимъ климатомъ. Такъ съ 1821 по 1823 годъ ниже Нижне-Колымска ягодъ вовсе не уродилось.

Собранныя ягоды наливаются холодной водой и замораживаются, это составляетъ пріятную приправу къ ужину, обыкновенно состоящему изъ мучнистыхъ кореньевъ, которые весьма искусно отыскиваются женщинами въ подземныхъ мышиныхъ норахъ (см. главу I ю).

И на Колымѣ любовь находитъ себѣ мѣсто. Въ полдень дѣвушки идутъ на проруби за водой, и всегда находятъ здѣсь молодыхъ людей, которые помогаютъ имъ въ работѣ. Не одна Доротея нашла здѣсь своего Германа; не одинъ сибирскій Іаковъ у проруби попался въ цѣпи гиперборейской Рахили!

Вечеринки также извѣстны въ Нижне-Колымскѣ. Волны не очень крѣпкаго чая (въ самое дешовое время фунтъ чая стоитъ здѣсь 9 руб.) поглощаются безъ молока и почти безъ сахару ($4^1/_4$ руб. фунтъ). Каждый гость беретъ въ ротъ кусочекъ леденца, пропускаетъ черезъ

него чай, и послѣ этого вынимаетъ нѣсколько уменьшенный кусочекъ сахара, и кладетъ его на блюдечко. Страшно невѣжливо съѣсть весь кусокъ сахара. На вечеринкѣ, рядомъ съ чаемъ, водка составляетъ необходимое угощеніе. Разговоры, пѣніе, балалайка, а иногда и пляски сокращаютъ вечеръ.

Самое оживленное время въ Нижне-Колымскѣ есть начало февраля, въ это время изъ Якутска приходитъ караванъ, идущій на ярмарку въ Островное. Онъ состоитъ купцовъ изъ 20, изъ которыхъ каждый ведетъ отъ 10 до 40 навьюченныхъ товарами лошадей. Не только возобновляются теперь истощенные запасы, продаются шкуры, собранныя сосѣдними жителями, но и узнаются самыя свѣжія якутскія новости, и разсказывается объ томъ, что по крайней мѣрѣ за 6 мѣсяцевъ случилось въ Москвѣ или Петербургѣ. Можно вообразить себѣ, какую сенсацію произвелъ въ этомъ страшно отдаленномъ мѣстечкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ пріѣздъ Врангеля, который объявилъ почетнымъ жителямъ, что пробудетъ здѣсь три года.

Врангель провелъ зиму въ приготовленіяхъ къ весенней экспедиціи, ибо долгая арктическая ночь своимъ мракомъ препятствуетъ путешествію, и снѣгъ отъ чрезмѣрно сильныхъ морозовъ становится такъ жестокъ, что требуется вчетверо болѣе собакъ. Позднѣе оттепель также мѣшаетъ путешествію на саняхъ; и такъ Врангелю для выполненія его задачи оставалось только какихъ-нибудь 10 недѣль въ годъ; отъ марта до конца мая. Съ какимъ рвеніемъ и пользою онъ старался употребить это короткое время видно изъ того, что уже 19 февраля 1826 года съ санями, собаками и своими спутниками онъ выѣхалъ изъ Нижне-Колымска. 25-го февраля передъ Врангелемъ Ледовитое море разостлало свой бѣлый саванъ. Оно похоже было на необозримую, безлѣсную, снѣгомъ покрытую тундру. Какъ тундра ограничена высокими горами, такъ и по замерзшему морю тянутся высокіе ледяные хребты, образующіе глубокія долины, покрытыя волнообразнымъ, твердымъ покровомъ снѣга. Мѣсто озеръ и потоковъ занимали на морскомъ льдѣ широкія полыньи и ледяныя трещины. Сильный вѣтеръ при морозѣ въ — 30° также не былъ пріятенъ путешественнику, у котораго не было даже полѣна дровъ для разведенія огня.

5-го марта Врангель достигъ Шелагскаго мыса, объѣхать который было весьма затруднительно. Нужно было переходить черезъ торосы (горы, состоящія изъ смерзнувшихся льдинъ) въ 90 футовъ

высоты — работа и трудная и опасная. Въ иныхъ мѣстахъ нужно было проходить по рыхлымъ снѣжнымъ сугробамъ; въ другихъ поверхность льда была покрыта острыми кристаллами, что настолько затрудняло путь, что даже людямъ приходилось впрягаться, чтобы сдвинуть сани съ мѣста. Не смотря на всѣ эти препятствія, Врангель обслѣдовалъ берегъ на 50 верстъ по ту сторону мыса. На возвратномъ пути онъ нашелъ, что имъ оставленные мѣстами склады провіанта съѣдены розсомахами и песцами, такъ что послѣдніе два дня пришлось голодать. Послѣ трехнедѣльнаго отсутствія усталый Врангель возвратился въ Нижне-Колымскъ.

Но недолго длился отдыхъ, и 26 марта Врангель снова отправился въ путь для открытій на Ледовитомъ морѣ. Поѣздъ былъ великолѣпный: 240 собакъ везли 22 саней или нартъ, нагруженныя топливомъ и провіантомъ на 30 дней. Еще никогда песцы не видали такого каравана, ибо берегъ между устьемъ Колымы и Шелагскимъ мысомъ совершенно необитаемъ. Русскіе останавливаются у утеса Баранова, а Чукчи никогда не переходятъ черезъ рѣку Баранова. Между ними лежащее пространство въ 80 верстъ шириной составляетъ неутральную почву, пустыню, куда еще никогда не ступала нога человѣка. Перваго апрѣля достигли Ледовитаго моря, и по льду отправились на островъ Столбовой. Подъ 71° 31 с. ш. ледъ былъ только въ одинъ футъ толщины, очень рыхлъ и солонъ. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ; изъ подо льда слышенъ былъ шумъ подвижной стихіи, и ощущалось колебаніе тонкаго льда. Какъ только вѣтеръ затихъ и погода нѣсколько прояснилась, взяли двое лучшихъ саней и нагрузили ихъ провіантомъ на 24 часа, досками и лѣсомъ. Съ этимъ поѣздомъ Врангель отправился далѣе къ сѣверу. Проѣхавъ съ большимъ трудомъ около 7 верстъ по густому соляному болоту, Врангель достигъ широкой трещины, черезъ которую перешелъ съ помощію привезенныхъ досокъ. Рыхлый ледъ былъ едва въ футъ толщиною, а подъ нимъ море имѣло до 12 саженъ глубины; безчисленными трещинами выбивалась морская вода, такъ что вся мѣстность была похожа на безконечное болото. Проѣхали 2 версты еще далѣе къ сѣверу (71°43 с. ш.), переходя вышеприведеннымъ способомъ черезъ узкія трещины и объѣзжая большія. «Точно также дѣлалъ я въ Швейцаріи», при этихъ словахъ говоритъ туристъ, «когда посѣтилъ глетчеръ Роны». «Да, любезный другъ, но подъ твоими ногами не было волнующейся поверхности, не было Ледовитаго

моря, не было и пустыни за тобой, да къ тому же тебя ожидалъ хорошій ужинъ и теплая мягкая постель въ Hôtel du Rhône, а ночлегъ Врангеля на Полярномъ морѣ только и былъ хорошъ тѣмъ, что ничего не стоилъ.»

Наконецъ трещины стали многочисленны и широки настолько, что трудно было рѣшить, чего было больше—открытаго моря или льда — и Врангель рѣшился возвратиться назадъ. 17 апрѣля онъ выдержалъ на морѣ страшную бурю. Не было возможности раскинуть палатки и разложить огня, и это при морозѣ въ 12° Р. Послѣ трудной дневной работы, горсти двѣ снѣга, ржаной хлѣбъ и полугнилая рыба послужили ужиномъ. Поутру снова достигли Столбоваго острова, а 28 апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, послѣ 36 дневнаго отсутствія, и проѣхавъ 1210 верстъ.

На слѣдующій годъ Врангелю было очень трудно достать нужное количество собакъ, ибо зимой свирѣпствовалъ страшный падежъ на этихъ упряжныхъ животныхъ. Наконецъ на Индигиркѣ достали собакъ и 14 марта 1822 г. снова поспѣшилъ неутомимый Врангель съ провіантомъ на 40 дней къ берегу Ледовитаго моря. Въ эту поѣздку многочисленные берега, острова, бухты и мысы точно описаны и нанесены на карту, а мичманъ Матюшкинъ высланъ въ море на ненагруженныхъ саняхъ. Этотъ достойный спутникъ Врангеля проникъ до 72° на 300 верстъ отъ скалы Баранова далѣе къ сѣверу. Здѣсь видѣлъ онъ какъ полярное море ломаетъ свои льды, какъ громадныя льдины, почти вертикально поднимаясь волнами, съ страшнымъ трескомъ перебрасываются другъ черезъ друга. Тонина ледянаго слоя, на которомъ находился Матюшкинъ, заставила его возвратиться.

Полуживой отъ голода и истощенія силъ, Врангель достигъ 4 мая Паводска, мѣстопребыванія нѣсколькихъ Тунгусовъ, которые были почти въ такомъ же несчастномъ положеніи, ибо весь запасъ ихъ состоялъ изъ остатковъ шкуръ и костей. Вмѣсто такого неожиданнаго посѣщенія, бѣдняки съ большею радостію встрѣтили бы стаи прилетныхъ съ юга птицъ.

По счастію Нижне-Колымскъ былъ недалеко, и уже на слѣдующій день Врангель пріѣхалъ сюда, довольный превозможенными трудностями и научными плодами, собранными съ лишеніями и опасностями всякаго рода. Въ слѣдующемъ году, настолько же ученый, насколько и мужественный путешественникъ еще разъ попытался открыть,

не скрывается ли въ Ледовитомъ морѣ неизвѣстная полярная земля. 8 марта объѣхали Шелагскій мысъ, а 13 покинули островъ Шалаурова. Когда Врангель ѣхалъ по замерзшему морю, поднялась буря и взломала ледъ, такъ что Врангель вдругъ очутился на пловучей льдинѣ, и спасся отъ гибели только счастливой перемѣной вѣтра.

Экспедиція должна была желѣзными ломами пробивать себѣ путь черезъ нагроможденныя льдины. Слѣдуя все дальше къ сѣверу, путешественники достигли молодаго льда, который тянулся на 5 верстъ, и по которому переѣхали, только благодаря необыкновенной быстротѣ собакъ.

Но здѣсь образовалась трещина шириною въ 150 саженъ, и должно было отложить всякую надежду проникнуть далѣе къ сѣверу. Врангель взошелъ на самый высокій торосъ, чтобы еще разъ взглянуть на безконечный, неизвѣстный океанъ. Глазамъ путешественника представилась ужасная и торжественная, но для него печальная картина. Громадныя льдины съ страшною силою бились въ окраины ледяпаго поля на противуположной сторонѣ открытаго канала. Удары были такъ сильны, что ежеминутно отрывались огромныя массы льда, и очевидно недолго продержится ледяная полоса, отдѣлявшая каналъ отъ открытаго моря. И на той сторонѣ, гдѣ находился Врангель, безпрерывно трескался ледъ, и образовывались новые водяные потоки, которые, казалось, отрѣжутъ отступленіе. И такъ нужно было покориться необходимости и совершенно оставить надежду открыть новую полярную страну, въ существованіи которой Врангель все еще не сомнѣвался.

Возвратный путь по морю былъ ужасенъ, и нѣсколько разъ жизнь путешественниковъ висѣла на волоскѣ. Такъ, разъ они находились на ледяномъ островѣ, какъ вдругъ поднялась буря. Съ запада поднимались черныя тучи, вся атмосфера была насыщена парами, въ теченіи 3 часовъ путешественники носились по волнамъ. Наконецъ, плавающая ледяная масса вдругъ ударилась съ страшнымъ трескомъ объ большое поле, и раздробилась подъ ногами путешественниковъ. Инстинктивно впрыгнули они въ сани, погнали собакъ, и такимъ образомъ пролетѣли по обломкамъ на твердое ледяное поле, къ которому прибило ихъ волнами. Достигнувъ наконецъ твердой земли, экспедиція находилась въ 300 верстахъ отъ склада провіанта, а припасовъ оставалось дня на три, но по счастію Врангель

встрѣтился съ Матюшкинымъ, который подѣлился съ нимъ припасами. Тутъ Врангель продолжалъ свои изслѣдованія къ востоку, и зашелъ за Сѣверный мысъ, открытый Кукомъ въ послѣднее его путешествіе. Наконецъ, Врангель у острова Колючина встрѣтилъ Чукчей, которые съ торговою цѣлію пришли отъ Берингова пролива.

Этимъ путешествіемъ Врангель закончилъ свое дѣло на сѣверѣ, и на слѣдующую зиму отправился на родину. Вмѣсто неизвѣстнаго полярнаго острова, или арктическаго мыса, или неописаннаго берега, онъ стремился теперь къ населеннымъ мѣстамъ 10 января 1824 года онъ пріѣхалъ въ Якутскъ, изъ котораго выѣхалъ три года тому назадъ, а 25 февраля въ Иркутскъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Врангель возвратился въ Петербургъ, гдѣ милость царя и всеобщее признаніе его заслугъ были ему наградою. Затрудненія, съ которыми пришлось бороться Врангелю, ревность къ достиженію научныхъ результатовъ, вынесенныя имъ лишенія и опасности, безстрашіе и твердость воли — все это безъ всякаго сомнѣнія даетъ Врангелю право, рядомъ съ Франклиномъ или Парри, стать въ первомъ ряду арктическихъ путешественниковъ.

ГЛАВА XV.

ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И УРАЛА.—НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКЪ.

Тайга. — Первые нашедшіе здѣсь золото. — Расходы и труды при развѣдкахъ. — Расходы по промывкѣ золота. — Богатая добыча нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. — 100 пудовъ золота Никиты Мясникова. — Общій доходъ съ золотыхъ пріисковъ. — Безсмысленная роскошь нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ. — Страсть къ шампанскому. — Золото на Уралѣ. — Яковлевъ и Демидовъ. — Нижне-Тагильскъ.

Бассейнъ верхняго Енисея и его притоковъ, Верхней и Подкаменной Тунгуски, большею частію состоитъ изъ дикаго первобытнаго лѣса, который еще лѣтъ 20 тому назадъ былъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Только иногда кочевники да звѣроловы ходили по *тайгѣ* — такъ называется этотъ лѣсъ — и казалось, что бѣлка будетъ всегда самымъ драгоцѣннымъ продуктомъ этой чащи.

Даже вспомнить страшно объ путешествіи по тайгѣ. Съ горы на гору вьется маленькая, едва замѣтная тропа по болотамъ, въ которыхъ лошади вязнутъ по колѣна, и которые на высотахъ также топки, какъ и въ долинахъ. Сѣдокъ утомленъ неменѣе своего терпѣливаго животнаго, переносящаго его по этой невѣрной почвѣ. Дня черезъ два умолкаютъ пѣсни возщиковъ, умолкаетъ и ржаніе лошадей; люди проклинаютъ дорогу, лошади стонутъ. Не раздается здѣсь пѣнія птицъ, въ этомъ пустынномъ лѣсу даже не слышно карканья ворона; только вѣтеръ, шумящій въ вершинахъ деревьевъ, прерываетъ тягостную тишину. Вѣчное одно и тоже, надъ головами вершины, а по сторонамъ вокругъ стволы лиственницъ и кедровъ, настолько же утомляетъ душу, насколько трудный путь утомляетъ тѣло.

Вдругъ раздаются удары топора и шумъ водяныхъ колесъ; лѣсъ вырубленъ, множество хижинъ тянется по берегу потока, и сотни, тысячи рабочихъ заботливо снуютъ по пустынѣ взадъ и впередъ.

Зачѣмъ же ѣздятъ черезъ тайгу? Какимъ образомъ въ нѣдрахъ ея развивается такая дѣятельная жизнь? Можетъ быть здѣсь какъ въ Америкѣ вырубаютъ лѣсъ для распашекъ? Или можетъ быть европейскіе переселенцы вдругъ обратились въ Сибирь, чтобы строить здѣсь деревни, города?

Магнитъ болѣе сильный чѣмъ земледѣліе притягиваетъ въ тайгу эти легіоны рабочихъ, управляетъ ударами топора и заставляетъ шумѣть водяное колесо. Не пренебрегай илистой почвой, въ которой вязнетъ твоя лошадь; это вовсе не обыкновенное болото, а весьма почтенная топь, счастливый обладатель которой не промѣняетъ ее ни на превосходные виноградники, ни на роскошные луга, ни на хлѣбородныя поля — ибо здѣсь много золота. Да, золото объясняетъ намъ загадку дѣятельной жизни въ тайгѣ, и прежде всѣми ненавидѣнный лѣсъ рисуется теперь какимъ-то раемъ въ фантазіи Сибиряковъ, которымъ кажется онъ обѣтованной землей, гдѣ счастіе и случай дарятъ своимъ любимцамъ громадное богатство.

Нѣкто, Ѳедотъ Поповъ изъ Томска, первый открылъ золото въ Сибири, и, послѣ того какъ позволено было частнымъ лицамъ разрабатывать здѣшнія розсыпи, два предпріимчивыхъ человѣка обратили сначала свое вниманіе на предгоріе Саянскаго хребта. Блестящій успѣхъ вознаградилъ ихъ за труды. Въ 1836 году партія, посланная купцомъ Іоакимомъ Рязановымъ, первая открыла богатыя золо-

тыя розсыпи въ бассейнѣ Бируссы. Въ 1839 году были открыты золотыя розсыпи на верхней Тунгускѣ, и наконецъ въ 1840 году Екатеринбургскій купецъ Титъ Зотовъ нашелъ розсыпи еще сѣвернѣе на Октолыкѣ, рѣкѣ впадающей въ Питъ, эти розсыпи богаче всѣхъ доселѣ открытыхъ золотоносныхъ розсыпей.

Такъ какъ въ Сибири вся земля принадлежитъ казнѣ, то должно прежде всего испросить разрѣшенія на поиски и обозначить мѣстность, гдѣ хотятъ ихъ производить. Евреямъ запрещено отыскивать золотоносные пески, и точно также запрещено покупать золотые пріиски. Не допускаютъ Евреевъ ни работать здѣсь, ни даже посѣщать пріиски. Большинство Евреевъ въ Сибири сослано сюда за контрабанду, но конечно самымъ чувствительнымъ наказаніемъ—это изгнаніе изъ золотой страны.

Снарядить партію для развѣдки золотыхъ пріисковъ, стоитъ круглымъ числомъ около 3000 руб. сер., и такъ какъ нерѣдко вовсе не находятъ золота, что равняется полной потерѣ капитала, то для побѣды на этомъ поприщѣ, нужно имѣть или большое счастіе, или же обладать большими богатствами и настойчивостію. Такъ коммерціи совѣтникъ Никита Мясниковъ истратилъ на развѣдки 260,000 руб. сер., пока партія его не нашла золотоносныя розсыпи по Пескинѣ, которыя, какъ мы увидимъ, скоро вознаградили его богатымъ барышомъ за затраченный капиталъ.

О трудностяхъ съ какими связаны развѣдки можно составить себѣ только слабое понятіе, представивъ себѣ, что вся страна, въ которой находятся золотоносные пески, пространствомъ превосходитъ большую часть европейскихъ государствъ, и образуетъ непрерывную тайгу, или на болотахъ ростущій первобытный лѣсъ. Только изрѣдка встрѣчаются поляны, гдѣ могутъ пастись лошади; а для ночлега въ тайгѣ ничего не найдешь, кромѣ сырого мха.

Шурфованіе въ болотахъ работа очень трудная: стоя въ грязи, должно опускать шурфъ до материка, ибо только такимъ образомъ можно убѣдиться, что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ золотоноснаго слоя. Застанетъ партію на развѣдкахъ зима съ своими глубокими снѣгами, и нужда достигаетъ крайней степени. Однакоже и зимой партіи отправляются на развѣдки, но снаряжаются иначе. Безъ лошадей и везя въ легкихъ салазкахъ все нужное на себѣ, отправляется партія въ тайгу для обслѣдованія болотистой мѣстности, обозначенной лѣтомъ. Потомъ топоромъ и шестами шурфуютъ, вынутый изъ шурфа песокъ

оттаиваютъ и промываютъ его въ подогрѣтой водѣ. Въ шалашахъ изъ сосновыхъ вѣтвей проводятъ ночи, гдѣ лежатъ на голомъ снѣгу. Только сибирскія натуры осмѣливаются идти на лишенія и безпокойства такой зимней экспедиціи, но при этомъ гибнетъ не мало и этихъ желѣзныхъ людей. Когда найдена, стоющая разработки, золотоносная розсыпь счастливцу, нашедшему ее, отмѣривается участокъ въ 100 саженъ ширины и 2500 саженъ (5 верстъ) длины. Два такихъ участка сряду не могутъ назначаться одному и тому же лицу, или одной и той же компаніи, но могутъ пріобрѣтаться посредствомъ покупки или соглашенія.

Сначала правительство довольствовалось 15% съ добытаго золота, впослѣдствіи пошлина удвоилась. Кромѣ этой пошлины золотопромышленники, смотря по богатству розсыпей, должны платить 4—8 руб. сер. съ каждаго фунта на покрытіе издержекъ по казенному управленію. Въ послѣднее время можно пользоваться розсыпями только въ теченіи 12 лѣтъ, послѣ чего пріискъ переходитъ въ руки правительства, которое передаетъ его снова. Такъ какъ суровый климатъ тайги позволяетъ производить работу только съ 1 мая по 1 сентября, то концессія продолжается всего четыре года.

Первая забота золотопромышленника очевидно состоитъ въ подвозѣ провіанта для рабочихъ и матеріала нужнаго для работы. Бойный скотъ гонится сюда изъ Киргизской степи отъ Семипалатинска. Желѣзо и желѣзныя орудія идутъ съ Уральскихъ заводовъ. Другіе товары привозятся съ Ирбитской и Нижегородской ярмарки. Ржаная мука и рыба доставляется всею Сибирью. Водой и сухимъ путемъ все это привозится лѣтомъ въ резиденцію, такъ называютъ золотопромышленники свои поселенія по окраинамъ тайги. По самой тайгѣ провозъ совершается зимою на саняхъ и за огромную цѣну. Расходы значительно увеличиваются, если отъ непредусмотрительности не сдѣлаютъ во время запасовъ, ибо тогда недостающее привозится на вьючныхъ лошадяхъ. Въ такихъ приготовительныхъ работахъ проходитъ почти все первое лѣто. Почти 90% наемныхъ рабочихъ состоитъ изъ поселенныхъ ссыльныхъ, остальные 10% изъ свободныхъ крестьянъ, большею частію раззорившихся отъ дурнаго хозяйства или несчастій. Чтобы набрать рабочихъ золотопромышленники должны трудиться почти настолько же, насколько англійскіе вербовщики должны были недавно хлопотать въ Германіи. Передъ каждой лѣтней работой разъѣзжаютъ агенты во всѣ стороны, обѣщаютъ

золотыя горы, и [illegible]тся такъ, [illegible]ки, въ обмѣнъ которыхъ берутъ для вѣрности паспорты. Хотя паспортъ необходимъ въ Сибири, однакоже многіе рабочіе не являются по договору, а находятъ средство добыть себѣ другой паспортъ на чужое имя, и нанимаются къ другому хозяину—такимъ образомъ задатокъ пропадаетъ.

Рабочій, кромѣ содержанія, обыкновенно получаетъ 15 руб. ассиг. въ мѣсяцъ. Опытные рабочіе получаютъ впрочемъ 50—60 руб. асс. Содержаніе начинаетъ идти съ того дня, какъ рабочій явится въ резиденцію, съ этого дня ему уже нечего заботиться о своемъ столѣ, ибо можетъ ѣсть ржанаго хлѣба и пить квасу сколько угодно. Употребленіе вина впрочемъ запрещено, но утѣшаетъ себя рабочій мыслію о цѣлыхъ потокахъ водки, текущихъ вокругъ тайги, и которыми усладится по окончаніи рабочаго времени. На пріискахъ рабочіе дѣлятся на артели, и каждая выбираетъ себѣ уполномоченнаго. Каждый рабочій обязанъ по контракту сработать извѣстное количество; за получаемую плату онъ долженъ промыть извѣстное количество тачекъ песка. Если онъ промоетъ сверхъ положеннаго, то за каждый золотникъ золота получаетъ сверхъ того отъ 2—3 руб. асс.

Рабочіе такимъ образомъ зарабатываютъ нерѣдко очень много. Гоффманъ, изъ путешествія котораго по золотымъ пріискамъ въ Сибири мы заимствуемъ почти всѣ подробности изложенныя въ этой главѣ, видѣлъ какъ въ 1844 году послѣ обѣда каждый рабочій одной артели заработалъ по 72 руб. асс., и какъ рабочіе другой артели выработали въ воскресенье по 105 руб. асс. каждый. Ремесленникамъ нерѣдко такая вольная работа дается въ награду въ мѣстностяхъ извѣстныхъ богатствомъ и уже разработанныхъ. Такъ въ Ольгинскѣ, розсыпи, находящейся на Октолыкѣ, и принадлежащей лейтенанту Малевинскому, одинъ казакъ изъ 49 тачекъ песка промылъ 150 золотниковъ золота, и за это получилъ въ награду 300 руб. асс. Впрочемъ такая тароватость не раззоряетъ владѣльца, ибо все таки ему остается чистаго барыша 8—10 руб. асс. на золотникъ.

Все добытое золото должно доставляться въ Барнаулъ, и въ теченіи 4 мѣсячнаго рабочаго времени позволено привозить золото въ три раза. Часть стоимости доставленнаго золота по квитанціямъ немедленно выдается изъ Петербургскаго Коммерческаго Банка, остальное получается по доставкѣ золота въ Петербургъ. Въ самомъ Барнаулѣ никогда монетою не выплачивается болѣе стоимости 30 фунтовъ золота, какъ бы много его ни было доставлено.

Перевозка золота изъ Барнаула въ [illegible] совершается на 30 и болѣе тройкахъ, за конвоемъ офицера и какихъ-нибудь 2—3 солдатъ, которые даются болѣе для надзора, чѣмъ для прикрытія. По окончаніи рабочаго времени расчитываютъ рабочихъ, они получаютъ деньги и хлѣбъ на дорогу. Впрочемъ вообще мало пользы приноситъ выработанное, уже черезъ нѣсколько дней въ первой деревнѣ почти все пропито и проиграно, такъ что рабочему, чтобы воротиться на родину, нужно взять задатокъ на слѣдующій годъ, задатокъ, выдаваемый слѣдящимъ за рабочими агентомъ.

На зиму на пріискахъ остаются только помощникъ смотрителя и нѣсколько рабочихъ для пріемки и охраны привозимыхъ запасовъ.

Доселѣ мы говорили только о расходахъ и значительныхъ издержкахъ золотопромышленниковъ; теперь время говорить объ ихъ доходахъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Никольскія золотыя пріиски, принадлежавшія Голубкову и Кузнецову, доставили имъ въ 1845 году 29 пудовъ, 20 фунтовъ золота, работало 342 человѣка; въ томъ же году, тѣмъ же вотчинникамъ принадлежащій Марьинскій пріискъ, гдѣ было занято 458 рабочихъ, далъ не менѣе 81 пудовъ 19 1/3 фунт. благороднаго металла. Еще богаче былъ доходъ въ 1844 году съ Крестовоздвиженскаго пріиска, принадлежащаго Кузнецову и Щеголеву, здѣсь 1014 рабочихъ промыло 87 пудовъ 14 фун. золота.

Но и такой доходъ уступаетъ доходу съ Спасскаго пріиска при источникахъ Пескины, найденнаго послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ коммерціи совѣтникомъ Никитою Мясниковымъ, здѣсь въ 1842 году 1241 рабочій промыли не менѣе 100 пудовъ золота па сумму 1 1/2 милліопа талеровъ. И такъ мы видимъ, что золотопромышленники могутъ терпѣть убытки и платить пошлины, не раззоряясь отъ этого.

Во всей Восточной Сибири въ 1844 году добыто 816 пудовъ 12 фунтовъ, въ 1845 году—848 пудовъ 36 фунтовъ, въ 1856 году — около 1100 пудовъ и все еще до сихъ поръ добыча золота увеличивается. Правительству эти промыслы приносятъ ежегодно 5—6 милліоновъ талеровъ, слѣдовательно болѣе, чѣмъ получается всѣми другими путями съ цѣлой Сибири.

Ясно, что такой источникъ богатства долженъ былъ произвести большой переворотъ въ жителяхъ Сибири, конечно не для всѣхъ въ хорошую сторону. Богатства, добытыя отдѣльными счастливцами, довели до крайности роскошь въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Си-

бири, и расточаются такъ, что это служитъ доказательствомъ, что образованіе золотопромышленниковъ вовсе не соотвѣтствуетъ пріобрѣтенному ими состоянію. Такъ одному изъ этихъ золотопромышленниковъ, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бывшему бѣднымъ человѣкомъ, предложили купить стерлядей на 300 руб. асс., хотя рыба не стоила болѣе 150 руб. «Дуракъ, ты просишь такъ дешево за прекрасную рыбу, вотъ тебѣ 1000 руб. и поди разсказывай, что ты продалъ мнѣ!» вскричалъ богачъ съ чувствомъ Марія.

Городъ Красноярскъ, живописно расположенный на берегу Енисея, въ настоящее время служитъ мѣстопребываніемъ самыхъ богатыхъ золотопромышленниковъ, и въ тоже время центромъ золопромышленности. Въ прекрасныхъ Петербургскихъ и Московскихъ экипажахъ разъѣзжаютъ разряженыя дамы по моднымъ магазинамъ, изъ которыхъ самые значительные дѣлаютъ оборотъ въ $1\frac{1}{2}$ милліона руб. асс. Шампанское, бутылка котораго стоитъ въ Сибири 25 руб. асс., составляетъ ежегодный напитокъ золотопромышленниковъ.

До 1837 года круглымъ числомъ ежегодно продавалось на Ирбитской ярмаркѣ только 55 ящиковъ шампанскаго, большая часть его шла въ Кяхту и отсюда въ Китай. А въ 1843 году было продано до 550 ящиковъ, и еще при этомъ богатые золотопромышленники и купцы получаютъ свои запасы шампанскаго прямо изъ Нижняго-Новгорода и Петербурга.

Золотопромышленникъ безъ шампанскаго былъ бы уродливымъ явленіемъ, и ни одинъ посѣтитель не уйдетъ отъ золотопромышленника, не выпивъ по крайней мѣрѣ двухъ бокаловъ — одного при встрѣчѣ и другаго при прощаніи.

За то въ Красноярскѣ, городѣ шампанскаго и богатѣйшихъ модныхъ магазиновъ, блестящихъ экипажей и безсмысленной роскоши, нѣтъ ни одной книжной лавки, и такъ не будемъ завидовать богатству золотопромышленниковъ, которымъ неизвѣстны творенія великихъ людей, въ обществѣ которыхъ мы находимъ самыя чистыя радости и самыя благородныя наслажденія.

Хотя золотые пріиски быстро обогащаютъ нѣкоторыхъ счастливцевъ и доставляютъ правительству значительный доходъ, но съ другой стороны вызвали страшную дороговизну, отъ которой большая часть Сибири впала въ нищету.

«Весь Енисейскій сѣверъ,» пишетъ Кастренъ, «нѣкогда считавшійся золотымъ дномъ Сибири, по богатымъ золотымъ промысламъ,

страшно обѣднялъ отъ золотыхъ пріисковъ. Чтобы спасти жителей Туруханскаго округа отъ голодной смерти, казна должна была ихъ прокормить въ теченіи цѣлой зимы».

Менѣе богатъ золотомъ, чѣмъ Енисейская губернія, но богаче ея мѣдью и желѣзомъ и особенно богатъ платиной Уралъ, гдѣ горное дѣло основано Петромъ Великимъ въ концѣ XVII столѣтія, и съ тѣхъ горъ достигло колоссальнаго развитія. На Уралѣ золото впервые открыто было въ 1745 году въ кварцовыхъ жилахъ на рѣкѣ Пижмѣ, около 20 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Екатеринбурга. Это открытіе повело къ самымъ тщательнымъ развѣдкамъ, однакоже до нашего времени только рудники по Пижмѣ и Березовкѣ доставляютъ, стоющую разработки, руду.

Несравненно важнѣе было открытіе золотыхъ розсыпей. Часто бываетъ, что ищешь вдали того, что у насъ подъ ногами, тоже случилось здѣсь и съ золотомъ. Когда искали золотой руды по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Уральскаго хребта, вовсе и не думали, что во время этихъ поисковъ ходили по розсыпямъ, изъ которыхъ можно получать золото и съ меньшимъ трудомъ и въ бо̀льшемъ количествѣ.

Въ 1774 году при прорытіи галлереи около рѣки Березовки, открытъ былъ первый золотоносный песокъ. Однакоже галлерея была окончена и не получено свѣдѣній, имѣющихъ большое значеніе. Такимъ образомъ на золотыя розсыпи не обращали вниманіе до 1804 года, когда Ильманъ объѣхалъ эту страну, обратилъ вниманіе на золотоносный песокъ, и собралъ точныя свѣдѣнія о его положеніи и прежнемъ употребленіи. Ильманъ велѣлъ добыть песка и промыть часть его, остатокъ былъ незначителенъ, ибо въ пескѣ было мало золота. Что обусловило возобновленіе поисковъ золотоноснаго песка, этого съ точностію нельзя опредѣлить. Однакоже въ 1816 г. на Уралѣ добыто изъ песка 5 пудовъ 35 фунтовъ золота, и два года спустя близь Пыжеминскихъ заводовъ расшурфованы богатыя золотыя розсыпи.

Тогда всѣмъ уральскимъ горнымъ управленіямъ отданъ былъ приказъ раздѣлиться естественными границами на округи, и розыскивать золотоносный песокъ. Успѣхъ увѣнчалъ такое начало. Въ Кушвинскомъ округѣ въ 1821 году найдены первыя золотыя розсыпи, а въ

1823 г. Березовскій округъ доставилъ 12 пудовъ промытаго изъ песка золота. Вскорѣ золотые пріиски начали открываться и во владѣніяхъ частныхъ лицъ. Въ 1823 году Пермское горное управленіе получило свѣдѣніе, что въ Нижне-Тагильскомъ горномъ округѣ, принадлежащемъ тайному совѣтнику Демидову, въ руслѣ нѣсколькихъ рѣчекъ найдены золотоносные пески, и тогда же открыто, что въ промывномъ золотѣ находится и платина.

Въ 1834 году Уралъ доставилъ 405 пудовъ золота, и уже въ 1835 году на казенныхъ горныхъ заводахъ добыто 132 пуда золота и 6 фунтовъ платины.

Открытіе благороднаго металла въ имѣніяхъ Уральскихъ горнозаводчиковъ, которые и прежде этого принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ людей въ Русскомъ царствѣ, увеличило ихъ богатство до невѣроятности, и доставило всемірную извѣстность именамъ Яковлева и Демидова.

Верхне-Исецкъ и Верхне-Тагильскъ (Пермской губер.), въ 1834 году принадлежавшіе гвардіи корнету Яковлеву, состояли изъ 427,000 десятинъ пахатной земли и 360,000 десятинъ лѣса. Число душъ доходило до 11,000. Кромѣ неблагородныхъ металловъ въ 1834 году было добыто 58 пудовъ золота, и такъ какъ уральскіе помѣщики могли работать крѣпостными и перевозка припасовъ не такъ здѣсь дорога, какъ на тайгѣ, то очевидно здѣсь чистаго барыша оставалось болѣе, чѣмъ въ Восточной Сибири.

О громадности горнаго дѣла въ вышеназванныхъ имѣніяхъ, можно составить себѣ понятіе изъ того, что ежегодная пошлина въ казну доходила до 600,000 руб.

Впрочемъ Нижне-Тагильскъ, уже съ 1825 года принадлежащій Демидовымъ, еще богаче. Можно сказать, что нигдѣ во всемъ мірѣ нельзя встрѣтить столькихъ минеральныхъ богатствъ въ одномъ пунктѣ, ибо здѣсь менѣе, чѣмъ на пространствѣ одной квад. мили, 9 заводовъ ежегодно вырабатываютъ 300,000 пудовъ желѣза и 60000 пудовъ мѣди, и кромѣ того въ одинъ годъ было промыто 29 пудовъ золота и 113 пудовъ 3 фунта платины (почти все количество добываемой на Уралѣ платины).

Все имѣніе состоитъ изъ 636000 десятинъ пахатной земли и 450000 десятинъ лѣса. Лѣтъ 20 тому назадъ число душъ доходило до 17546, и въ казну платилось пошлины съ горнаго дѣла 875799 рублей.

Мѣстечко Нижне-Тагильскъ имѣетъ болѣе 2000 домовъ и 15000 жителей. Гельмерсенъ (Путешествіе по Уралу) хвалитъ благосостояніе и чистоту городка и превосходныя его постройки. Помѣщики всѣми средствами стараются распространить здѣсь европейское образованіе. Въ хорошо устроенной элементарной школѣ помѣщики на свой счетъ обучаютъ, одѣваютъ и содержатъ 150 мальчиковъ. Изъ нихъ отличающіеся способностію и прилежаніемъ переходятъ въ высшія учебныя заведенія, Ярославскій Демидовскій Лицей или Петербургскій университетъ. По окончаніи ученія — во времена крѣпостнаго права — они обыкновенно получали личную свободу и должность въ Демидовскихъ имѣніяхъ.

Отецъ и дѣдъ нынѣшняго владѣльца Анатолія Демидова жили попеременно въ Парижѣ и Италіи, гдѣ составили значительное собраніе произведеній искусства, украшающія Демидовскіе дворцы. Въ Нижне Тагильскѣ устроена превосходная больница на 150 кроватей. Гостепріимство, можно сказать, единственное. Пріѣзжаго прямо подвозятъ къ красивому дому, управляющій котораго тотчасъ же отводитъ хорошо убранную комнату. Для развлеченія пріѣзжаго къ обѣду и ужину приглашается кружокъ образованныхъ людей. Экипажи и верховыя лошади всегда готовы къ услугамъ, для поучительныхъ экскурсій. При этомъ полнѣйшая непринужденность, не спросятъ даже имени, и при отъѣздѣ напрасно требуешь счетъ. Родоначальникъ Демидовыхъ въ началѣ прошлаго столѣтія былъ извѣстнымъ тульскимъ оружейникомъ.

ГЛАВА XVI.

ТУНГУСЫ.

Родство ихъ съ Манджурами — Оленные, собачьи, скотоводные, конскіе, лѣсные и береговые Тунгусы. — Тунгусскій охотникъ. — Кочевники душой и тѣломъ. — Характеръ Тунгусовъ. — Одежда. — Лыжы. — Училище. — Пища. — Шаманство — Похороны. — Наказаніе соблазненной. — Бивакъ Тунгусовъ. — Ловкость ихъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. — Шахматная игра. — Охотскъ.

Чрезвычайно странна исторія Тунгусовъ, ибо въ то самое время, когда часть того же племени — Манджуры — завоевываетъ громадный Китай, другая часть, распространившаяся почти по всей Восто-

чной Сибири, и изгнавшая отсюда Якутовъ, Юкагировъ и Чукчей, сама подпадаетъ подъ русское владычество. Въ 1640 году казаки въ первый разъ встрѣтили Тунгусовъ, а въ 1644 году на китайскій тронъ вошелъ первый манджурскій императоръ. Тоже самое племя, которое въ Китаѣ покоряетъ $^1/_3$ всего человѣческаго рода, само побѣждено въ Сибири нѣсколькими удальцами. Не трудно объяснить этотъ, на первый разъ весьма страннымъ кажущійся, фактъ: Тунгусы вооружены были только луками и стрѣлами, казаки имѣли ружья и пули, а побѣда выпадаетъ всегда на долю того, кто храбрѣе и лучше вооруженъ.

Относительно духовнаго развитія Манджуры почти настолько же отличаются отъ сибирскихъ Тунгусовъ, насколько различна судьба этихъ одноплеменныхъ народовъ. Манджуры представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи цивилизаціи; менѣе нежели 350 лѣтъ тому назадъ, они были такими же кочевниками, какъ ихъ сѣверные собратія, и не умѣли ни читать, ни писать; въ настоящее же время они уже имѣютъ богатую литературу и языкъ ихъ сдѣлался придворнымъ языкомъ въ Пекинѣ. Напротивъ того покоренные и обнищалые Тунгусы и теперь также грубы и невѣжественны, какъ въ то время когда казаки познакомились съ ними впервые.

По занятіямъ и различнымъ животнымъ удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, Тунгусовъ дѣлятъ на оленныхъ, собачьихъ, скотоводныхъ, конскихъ, лѣсныхъ и береговыхъ Тунгусовъ. Не смотря на такое дѣленіе и на огромныя пространства, занимаемыя Тунгусами отъ бассейновъ Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западнаго берега Охотскаго моря, и отъ Китайской границы и Байкала до Ледовитаго моря, число всѣхъ Тунгусовъ не превышаетъ 30,000 душъ. Разведеніемъ лошадей и рогатаго скота они занимаются въ настоящее время только въ Нерчинскомъ округѣ и по рѣкѣ Вилюю. Сѣвернаго оленя Тунгусы приручили съ незапамятныхъ временъ. Обѣднѣвшій Тунгусъ, у котораго стадо истребилось отъ падежа, живетъ рыбакомъ по рѣкамъ, и здѣсь изъ домашнихъ животныхъ остается при немъ одна собака, служащая для перевозки тяжестей, или же такой Тунгусъ становится *промышленникомъ* и переходитъ въ ледяную пустыню. Какъ ему здѣсь плохо приходится, объ этомъ можно получить понятіе изъ разсказаннаго Врангелемъ примѣра. Этотъ путешественникъ нашелъ въ маленькой хижинѣ такого, отдѣлившагося отъ своихъ соплеменниковъ, Тунгуса съ его дочерью. Нужно видѣть

и ужасную страну и почти сквозную хижину, чтобы понять страшное положеніе этихъ двухъ анахоретовъ. Особенно жалка была бѣдная дѣвушка: въ то время какъ отецъ нерѣдко по нѣсколько дней на своихъ длинныхъ лыжахъ преслѣдовалъ какого-нибудь сѣвернаго оленя, ей приходилось оставаться въ несчастной хижинѣ, и лѣтомъ едва доставляющей защиту отъ вѣтра и дождя, одинокою, безпомощною, безъ достаточно теплой одежды, на страшномъ холодѣ, нерѣдко страдая отъ голода и въ совершенной праздности. По свидѣтельству «Сѣверной Пчелы» (18 января 1847 года), совершенно обнищавшіе Тунгусы нерѣдко дѣлаются даже людоѣдами. Отъ прожорливости этихъ дикарей ихъ болѣе счастливымъ братьямъ приходится охранять сѣверныхъ оленей и собакъ, женъ и дѣтей. Очевидно, что съ такими Тунгусами въ свою очередь обращаются какъ съ дикими звѣрями, и истребляютъ ихъ безъ всякаго сожалѣнія. Впрочемъ съ ними ведутъ мѣновую торговлю, но торгуются только издали посредствомъ знаковъ; при этомъ обѣ стороны кладутъ товары на землю и подходятъ къ вымѣненному товару большими обходами, недовѣрчиво наблюдая за каждымъ движеніемъ своего *противника*.

Къ чести русскаго правительства должно отнести то, что оно всѣми силами старается помочь въ нищетѣ этимъ кочевникамъ. Вслѣдствіе новой организаціи Восточной Сибири (этимъ устройствомъ Сибирь обязана просвѣщенной дѣятельности генералъ-губернатора Сперанскаго) предписано селить Тунгусовъ вдоль береговъ большихъ, обильныхъ рыбою рѣкъ и снабжать поселенцевъ всѣми нужными для рыбной ловли снастями.

Только одна крайняя нужда можетъ заставить Тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ; потому что Тунгусъ кочевникъ со всею страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто, и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ по-русски или якутски. Своей беззаботностію и веселостію, подвижностію, ловкостію и остротой, пріятностію и веселымъ юморомъ, Тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ, мрачнаго Самоѣда, неуклюжаго Остяка, кислаго, непривѣтнаго Якута, и потому Тунгуса можно назвать Французомъ тундры и лѣса. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, ибо хитеръ и пронырливъ. Одежда Тунгуса очень соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ тоже время показываетъ его легкомысліе. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ

шкуръ сѣверныхъ оленей, а изъ тѣхъ же шкуръ шьетъ себѣ *фракъ*, обыкновенно изукрашенный бусами, полосками сукна и конскими волосами, и на столько узкій, что едва можно застегнуть, ибо по тунгусской модѣ нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ Тунгусъ носитъ татарскую ермолку, всю унизанную бусами. Короткія, доходящія до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, точно также украшены полосками изъ бусъ, на плечахъ виситъ ожерелье изъ бусъ съ мѣшечкомъ съ огнивой, трутомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая длинную косу, красиво унизана оловянными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенія Тунгуски очень искусно нашиваютъ сухожильями сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья сначала дѣлятся на волокна нужной толщины, потомъ размачиваются во рту пока не станутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваются ладонью на правомъ колѣнѣ. Признакомъ работящей женщины можетъ служить лоснящееся, покрытое клеемъ мѣсто на кожанныхъ панталонахъ. Работая она куритъ крѣпкій черкесскій табакъ, и такъ какъ онъ настолько же дорогъ, насколько дуренъ, то къ нему постоянно примѣшиваются мелкія, постоянно свѣжія сосновыя стружки. Сильно затянувшись, тунгуска выпускаетъ клубы дыма изъ носа.

Когда Тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу (при этомъ онъ сидитъ такъ гордо на своемъ оленѣ, какъ будто они созданы другъ для друга) или отправляется на охоту за дичью по болотамъ, тогда естественно онъ снимаетъ нѣкоторыя украшенія, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромыкаемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. Для этой цѣли разсказываетъ Эрманъ, набираютъ жиръ въ ротъ и мелкими брызгами вспрыскываютъ кожу.

Охотничьи снаряды Тунгуса необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожанный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ вяленнаго мяса, собака, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга, вотъ-все, что нужно маленькому, некрасивому съ выдающеюся челюстью, съ жолтымъ, полосами нататуированнымъ, лицомъ Тунгусу для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи въ 5 футовъ длиной и 4 дюйма шириной имѣютъ видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ какъ стрѣла носится по ослѣпительно бѣлой

поверхности, и защищаетъ, какъ и Якутъ, свои глаза отъ отраженія снѣга весьма красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ, частою сѣтью.

Само собою разумѣется, что вѣчно-кочующему оленному Тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, коптитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго Тунгуса и по внутреннему расположенію похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею, и такой величины, чтобы оно быстро прогрѣвалось каминомъ изъ битой глины.

Относительно пищи и питья Тунгусы вовсе неразборчивы, а пьютъ и ѣдятъ, что попадется. Одно изъ любимыхъ ихъ кушаніи состоитъ изъ непереваренпаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя, прибавивъ къ нему ягодъ они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или вѣтру. Тунгусы, и именно поселившіеся по Вилюю или близъ Нерчинска, очень много употребляютъ кирпичнаго чая, изъ него съ жиромъ и ягодами приготовляютъ густую кашицу. Отъ этого нездороваго кушанья Тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ.

Весьма немногіе Тунгусы обратились въ христіанство, большею же частію они по прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости, тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у Остяковъ и Самоѣдовъ, такъ и у Тунгусовъ на женщину смотрятъ какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20—100 сѣверныхъ оленей, или же женихъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить продолжительной кабалой. Многоженство здѣсь допускается, но немногіе могутъ себѣ позволить роскошь имѣть двухъ женъ. Штурманъ Кузминъ, спутникъ Врангеля, («Описаніе берега отъ впаденія малой Чукочи до устья Индигирки, 1821») выхваляетъ чистоту тунгускихъ нравовъ. Наказаніе соблазненной тунгуской дѣвицы состоитъ въ томъ, что ее ведутъ съ завязанными глазами,

пока она не натолкнется на дерево, *всѣ* вѣтви котораго употребляются для ея наказанія. Но послѣ этого о проступкѣ нѣтъ и рѣчи, сѣченіе все очистило.

Въ Восточной Сибири Тунгусы вмѣстѣ съ Якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники неразъ имѣли случай подивиться тунгуской ловкости и веселости. Пріѣхавъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и повѣшены на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ, оно само позаботится о своемъ кормѣ. За тѣмъ мущины, ушедшіе съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ лиственницъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы кладутся на расчищенномъ для костра мѣстѣ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами, и хвоей, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ наполненный снѣгомъ уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, вкось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Такъ какъ Тунгусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то очевидно они мастерски къ этому приладились.

Спокойно сидя на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любуется игрою пламени, освѣщающаго то исполинскіе стволы деревьевъ, то блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ веселыхъ Тунгусовъ, которые водятъ его подъ мелодическія звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивиться ловкости Тунгусовъ въ рыцарскихъ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ и роздать по нѣскольку глотковъ водки. Двое Тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ чтобы она не касалась земли. Въ это время третій Тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые Тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изо всей силы машетъ лежащій на землѣ Тунгусъ.

Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то Тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно въ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой лучшей и благороднѣйшей игрѣ. Тунгу-

сы не рокируютъ и ферзь у нихъ не прыгаетъ по коневьи, вѣроятно потому, что они считаютъ эксцентрическіе боковые прыжки не *совмѣстными съ достоинствомъ королевы.*

Какъ и всѣ другіе сибирскіе кочевники, Тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ различныя ярмарки, которыя имѣютъ мѣсто въ громадной области ихъ кочевьевъ — въ Киренскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, *чрезвычайно живописной Читѣ и крайне печальномъ* Охотскѣ. Очевидно, что на этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ нами описанныхъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣже, ибо и продукты и потреб*ности кочевниковъ почти вездѣ одинаковы.* Тунгусъ *страстно любитъ* водку, и нерѣдко послѣ перваго глотка онъ отдастъ за одинъ стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй стаканъ не пожалѣетъ послѣдней своей верхней одежды (саннаякъ). Понятно, что Русскіе *любятъ такихъ кліентовъ, и что многимъ Тунгусамъ изъ-за водки* пришлось сдѣлаться *промышленниками.* Православные торговцы пушнымъ товаромъ, лучше всѣхъ другихъ купцовъ въ мірѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ Тунгусамъ *язычникамъ съ большимъ запасомъ водки, хотя* продажа ея запрещена подъ опасеніемъ штрафа въ 500 руб.

Мы уже назвали Охотскъ крайне печальнымъ. Остановимся здѣсь на нѣсколько времени, и посмотримъ на сколько оправдывается этотъ *неблагозвучный эпитетъ. Ни одинъ путешественникъ, побывавшій* въ Охотскѣ, не сказалъ объ немъ добраго слова. На десять миль кругомъ не ростетъ ни одного дерева, едва зеленѣетъ листокъ и среди бѣдныхъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ хижинъ находится *страшное болото, которое, оттаивая, испускаетъ вредныя испаренія.* Только въ концѣ мая вскрывается ото льда, около Охотска впадающая въ море, Охота, и ледъ идетъ по ней до 15 и 20 іюня. Непосредственно за этимъ наступаетъ отвратительное время года, такъ на*зываемый буса сибиряковъ, отличающееся безпрерывнымъ мелкимъ* дождемъ и густымъ туманомъ. Наконецъ въ іюлѣ погода улучшается, но уже въ августѣ почва снова покрывается бѣлымъ морозомъ.

Охотскъ вовсе не имѣетъ вспомогательныхъ средствъ другихъ *сибирскихъ городовъ. Превосходные лососи, которыхъ въ охотскомъ* морѣ насчитываютъ не менѣе 14 видовъ (Симпсонъ говоритъ, что никогда не ѣдалъ рыбы вкуснѣе *нерки*, одной изъ охотскихъ лососей), составляютъ единственную пищу, получаемую изъ окрестно-

стей. Всѣ потребности привозятся изъ Якутска или же (конечно небольшая часть) доставляются съ Сандвичевыхъ острововъ, ежегодно приходящимъ сюда, кораблемъ Американской компаніи, и потому естественно страшно дороги. Мясо является только за столомъ богатыхъ людей, а хлѣбъ считается роскошью. Не удивительно, что при такой плохой пищѣ цинга всякую зиму свирѣпствуетъ въ Охотскѣ. Припасы подвозятся только лѣтомъ, можно вообразить себѣ какая скудость бываетъ здѣсь зимой. Многіе охотскіе жители идутъ на встрѣчу перваго каравана, перешедшаго черезъ Алданъ и состоящаго изъ многихъ тысячъ вьючныхъ лошадей, съ неменьшею поспѣшностію встрѣчаютъ приходъ корабля Американской компаніи.

Какъ ни жалокъ Охотскъ, все-таки жители его смотрятъ на себя какъ на жителей большаго города, ибо на сотни верстъ кругомъ нѣтъ ни одного мѣстечка, гдѣ бы набралось, какъ здѣсь, народонаселеніе въ 1000 человѣкъ. Впрочемъ этому величію угрожаетъ близкое паденіе — и Охотскъ скоро какъ Тиръ и Карѳагенъ будетъ считаться *бывшимъ* торговымъ городомъ. Вѣроятно уже теперь новыя русскія поселенія по Амуру надѣлали вреда охотскимъ жителямъ, ибо вся торговля Россійско-Американской компаніи пошла по новому пути. Впрочемъ можно только пожелать счастія жителямъ Охотска, если нужда принудитъ ихъ перемѣнить мѣстопребываніе — едва ли перемрутъ они съ тоски по родинѣ.

ГЛАВА XVII.

ГЕОРГЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ СТЕЛЛЕРЪ.

Рожденіе его и юность. — Вступаетъ врачемъ въ русскую службу. — Ученое путешествіе въ Камчатку. — Сопровождаетъ Беринга во второе путешествіе. — Страданія во время путешествія. — Островъ Каякъ. — Находки. — Возвратный путь. — Зимовки на пустынномъ Беринговомъ островѣ. — Смерть Беринга. — Опасный переѣздъ въ Камчатку. — Потеря имущества. — Двукратное возвращеніе въ Сибирь съ дороги въ Петербургъ. — Стеллеръ умираетъ въ Тюмени.

Какъ странно иногда судьба располагаетъ нами смертными! Жизнь одного течетъ какъ спокойная рѣка; ясное небо отражается въ свѣтлыхъ водахъ, а по берегамъ одинъ видъ красивѣе другаго. Жизнь другаго проходитъ въ безпрерывныхъ бурхъ и непріятностяхъ; ту-

чами и туманомъ покрыта окрестность; едва несчастный избавился отъ одного удара судьбы, какъ уже новый коснулся его, пока наконецъ челнокъ не погибнетъ въ пучинѣ. Горе родившемуся подъ вліяніемъ враждебнаго созвѣздія, напрасно онъ думаетъ завоевать заслугами и добродѣтелью земное счастіе; какъ покрытая плодами вѣтвь, мучившая тантала, постоянно убѣгаетъ оно отъ его поисковъ. Къ этой замѣткѣ привела насъ біографія Стеллера, человѣка несчастнаго, какіе рѣдко встрѣчаются. Тѣмъ болѣе необходимо намъ разсказать о грустной судьбѣ Стеллера, что она связана со вторымъ путешествіемъ Беринга.

Георгъ Вильгельмъ Стеллеръ родился въ 1709 году въ Винсгеймѣ, въ Франконіи. Съ самаго нѣжнаго возраста онъ отличался и большими способностями и большимъ прилежаніемъ; съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивались первыя, послѣднее никогда не уменьшалось. Съ раннихъ лѣтъ естественныя науки занимали его разумъ, и сдѣлали то, что онъ въ университетахъ оставилъ богословіе, къ изученію котораго Стеллеръ былъ предназначенъ. Онъ получилъ потомъ мѣсто преподавателя ботаники, но жажда знанія развила въ немъ стремленіе къ путешествіямъ, и наконецъ онъ рѣшился отправиться въ Россію, тогдашнее Эльдорадо всѣхъ любознательныхъ умовъ.

Сначала Стеллеръ опредѣлился врачемъ въ русскія войска, въ то время осаждавшія Данцигъ. По взятіи этого города его отправили съ больными и ранеными солдатами въ Петербургъ, куда и прибылъ онъ уже зимою 1734 года, неразъ подвергая жизнь опасности. Здѣсь Стеллеръ скоро обратилъ на себя вниманіе своими знаніями, что слѣдуетъ уже изъ того, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался членомъ Академіи наукъ, и въ 1738 году былъ отправленъ правительствомъ въ Камчатку, для изслѣдованій естественныхъ произведеній этой страны. Сочиненія Стеллера и многочисленныя коллекціи, присланныя имъ въ Академію, служатъ доказательствомъ добросовѣстности, съ какою онъ исполнилъ свою задачу.

Почти закончивъ свои работы въ Камчаткѣ, Стеллеръ въ 1740 году просилъ разрѣшенія сопровождать капитана Шпангберга въ Японію, но прежде нежели пришелъ отвѣтъ, Берингъ, намѣревавшійся предпринять свое второе путешествіе, уговорилъ Стеллера, сопутствовать ему въ этой несчастной экспедиціи.

Цѣль экспедиціи, снаряженіе которой заняло не менѣе 10 лѣтъ съ участіемъ цѣлыхъ народовъ Сибири (не легко было доставить все нужное для экспедиціи изъ внутренности Сибири, и для перевозки туземцы были принуждаемы къ исполненію трудныхъ повинностей, многимъ стоившихъ жизни), состояла въ томъ, чтобы розыскать, какъ далеко отстоитъ Америка отъ Камчатки и не соединяются ли обѣ страны на сѣверѣ. Вопросы, на которые, какъ извѣстно, первое путешествіе Беринга (1730) не дало отвѣтовъ.

Такое путешествіе должно было показаться привлекательнымъ Стеллеру, тѣмъ болѣе, что ему были сдѣланы самыя лестныя обѣщанія помогать во всѣхъ его работахъ. И такимъ образомъ съ радостною надеждою сѣлъ онъ на находящійся подъ командою Беринга корабль «Св. Петръ», который вмѣстѣ съ другимъ кораблемъ «Св. Павелъ», находящимся подъ командою Чирикова, 4 іюня 1741 года вышелъ изъ Авачинской губы. Но съ самаго начала несчастіе стало преслѣдовать экспедицію, надъ ней какъ бы тяготѣли проклятія сибиряковъ. Много потеряно было драгоцѣннаго времени, ибо мѣсяцемъ раньше можно было выйдти изъ гавани, но больной Берингъ, вовсе неимѣвшій уже силъ для выполненія такого предпріятія, почти не выходилъ изъ каюты.

Черезъ нѣсколько дней туманъ разлучилъ корабли, которые не свидѣлись потомъ, и св. Петръ вслѣдствіе юго-западнаго вѣтра, дувшаго въ началѣ путины, взялъ слишкомъ къ югу, такъ что Алеутскіе острова остались неоткрытыми, и только послѣ 4 недѣльнаго плаванія увидѣли первую землю близь Беринговой бухты. Во время всего этого пути Стеллеру пришлось вытерпѣть всѣ непріятности, какія могутъ только встрѣтиться честному, добросовѣстному ученому въ борьбѣ съ тупоуміемъ и надменностію. Напрасно онъ указывалъ на слѣды, по которымъ можно было предполагать, что къ сѣверу находится земля, напрасно просилъ онъ, чтобы хотя одинъ только день плыли въ этомъ направленіи: всѣ его замѣчанія были осмѣяны, ибо онъ не былъ морякомъ, какъ будто, какъ замѣчаетъ самъ Стеллеръ, «съ правилами навигаціи научаются всѣмъ наукамъ и логическимъ выводамъ».

Когда же наконецъ 15 іюля изъ морскихъ волнъ выглянули высокія горы Америки, и 19 стали на якорь около небольшаго острова Каяка, собранъ былъ совѣтъ, чего требовала важность самого дѣла, для рѣшенія какъ лучше употребить время; должно ли въ такую позд-

нюю пору продолжать плаваніе вдоль береговъ земли, не нужно ли перезимовать здѣсь, или, наконецъ, прямымъ путемъ возвратиться назадъ. Но всего этого не обсуждалось на совѣщаніи, каждый про себя молчалъ и дѣлалъ, что хотѣлъ. Единогласно рѣшено было только одно: налиться свѣжей водой, такъ что Стеллеръ не выдержалъ и сказалъ Берингу: «и такъ мы сюда пришли, чтобы американскую воду перевезти въ Азію.»

Когда же послѣ этого отправлена была лодка для рекогносцировки, и Стеллеръ желалъ высадиться на землю, ему не позволяли сдѣлать береговой экскурсіи. Это обстоятельство слишкомъ хорошо характеризируетъ степень образованія тогдашнихъ русскихъ морскихъ офицеровъ, и потому мы приведемъ собственныя слова естествоиспытателя.

«Сначала меня старались испугать разсказами о страшныхъ убійствахъ, и когда я на это отвѣтилъ, что никогда не былъ настолько бабой, чтобы бояться опасностей, и что вовсе не понимаю, почему меня не хотятъ спустить на землю, тогда какъ моя цѣль, призваніе, обязанность и притомъ твердая воля состоитъ въ томъ, чтобы служить по мѣрѣ силъ правительству, какъ служилъ доселѣ; тогда назвали меня дикаремъ, котораго нельзя удержать отъ исполненія обязанностей, даже шоколадомъ, которымъ тогда забавлялись. Когда же я увидѣлъ, что меня хотятъ принудить къ силою безотвѣтственному неисполненію службы, то я, отбросивъ наконецъ всякую вѣжливость, *взмолился особой молитвой*, что тотчасъ же смягчило господина командира, и онъ отпустилъ меня на землю съ водовозами, но не далъ ни малѣйшей помощи. Съѣзжая съ корабля, я еще разъ показалъ командиру хорошо ли умѣю ругаться и сердиться, ибо онъ велѣлъ трубачамъ трубить мнѣ вслѣдъ».

Лишь только Стеллеръ въ сопровожденіи своего собственнаго казака сошелъ на берегъ, какъ всѣми силами постарался съ пользою употребить драгоцѣнное время. Онъ тотчасъ же направилъ свой путь во внутренность земли, чтобы открыть людей и человѣческія жилища, и едва Стеллеръ прошелъ нѣсколько тысячъ шаговъ, какъ уже нашелъ подъ деревомъ выдолбленый пень, въ которомъ дикари еще недавно, за неимѣніемъ котла или другой утвари, варили мясо раскаленными каменьями, кромѣ того онъ нашелъ различныя чашки съ солодковымъ корнемъ, и деревянный снарядъ для добыванія огня, совершенно такіе же, какіе видалъ въ Камчаткѣ. Изъ этого Стеллеръ

заключилъ, что жители американскаго берега одинаковаго происхожденія съ Камчадалами, и слѣдовательно обѣ страны на сѣверѣ сходятся гораздо ближе другъ къ другу, ибо совершенно невѣроятно, чтобы Камчадалы на своихъ жалкихъ судахъ могли переплыть по морю такое далекое разстояніе.

Продолжая свою дорогу и пройдя около 3 верстъ, Стеллеръ нашелъ тропинку, которая вела въ густой мрачный лѣсъ, находящійся у самаго берега. Здѣсь Стеллеръ переговорилъ съ своимъ казакомъ, вооруженнымъ заряженнымъ ружьемъ, ножомъ и топоромъ, какъ поступать при встрѣчѣ съ однимъ или нѣсколькими человѣками, и приказалъ казаку не предпринимать рѣшительно ничего безъ приказанія. Самъ Стеллеръ имѣлъ при себѣ только якутскій кинжалъ, которымъ вырывалъ растенія и каменья.

Черезъ полъ-часа они пришли на мѣсто, покрытое срѣзанной травой. Трава тотчасъ же была снята, и подъ ней найдена каменная прикрышка. Сложивъ въ сторону камни, подъ ними нашли древесную кору, положенную на шестахъ, и покрывавшую прямоугольное пространство въ 3 сажени длиною и въ двѣ шириною. Подъ корою и шестами находился погребъ въ 3 сажени глубиной, и въ немъ сохранялось множество копченой рыбы, солодковаго корня, свертковъ луба лиственницы или пихты, который во всей Сибири идетъ въ пищу въ голодное время, и большихъ связокъ морскихъ водорослей. Здѣсь также лежало нѣсколько выкрашенныхъ черною краскою и очень чисто выстроганныхъ стрѣлъ, которыя были значительно длиннѣе камчатскихъ.

Стеллеръ, не смотря на страхъ, что на него нападутъ, когда онъ находился еще въ погребѣ, подробно осмотрѣлъ все и послалъ своего казака съ образцами, находившихся въ погребѣ предметовъ, къ мѣсту, гдѣ наливались водой, и приказалъ отнести все это капитану Берингу, при чемъ просилъ двухъ или трехъ человѣкъ себѣ на помощь. Послѣ этого онъ привелъ погребъ въ прежній порядокъ и съ изумительнымъ мужествомъ одинъ отправился на дальнѣйшіе поиски въ чуждой странѣ. Пройдя около 6 верстъ Стеллеръ пришелъ къ горному кряжу, и увидѣлъ дымъ, поднимавшійся надъ сосновымъ лѣсомъ, которымъ поросъ отдаленный холмъ, и такъ можно вполнѣ было надѣяться встрѣтить людей и узнать отъ нихъ все то, что было нужно для полнаго описанія страны.

Съ поспѣшностію человѣка, имѣющаго сообщить нѣчто важное, воротился Стеллеръ къ мѣсту высадки, и приказалъ матросамъ, отчаливавшимъ отъ берега, объявить начальнику экспедиціи о своемъ открытіи, и попросить у Беринга небольшой лодки и нужныхъ людей на нѣсколько часовъ. Между тѣмъ совершенно утомленный Стеллеръ собралъ и описалъ самыя рѣдкія растенія на берегу и напился превосходной воды.

Черезъ часъ времени Стеллеръ получилъ отъ Беринга, какъ самъ называетъ, *патріотическій* и *вѣжливый* отвѣтъ «немедленно возвратиться на судно, иначе его не будутъ дожидаться и онъ будетъ оставленъ на берегу». Честный Стеллеръ! Въ какую ярость должно привести тебя приказаніе, которое обмануло всѣ ожиданія твоей любознательности!

Утромъ 21 іюля Берингъ противъ обыкновенія вышелъ на палубу и приказалъ поднять якорь, чтобы возвратиться прежнимъ путемъ. Открытый материкъ не удостоился даже посѣщенія, а на изслѣдованіе небольшаго передъ нимъ лежащаго острова употребили всего 10 часовъ! Такъ вотъ для чего хлопотали въ теченіи 10 лѣтъ и пожертвовали жизнію столькихъ людей.

Мы умолчимъ о многочисленныхъ невзгодахъ возвратнаго пути, которыя должно приписать скорѣе дурному управленію судна, чѣмъ неблагопріятнымъ вѣтрамъ и бурямъ. Не будемъ говорить о часто видѣнныхъ и только одинъ или два раза посѣщенныхъ островахъ, и то только чтобы запастись водой, о болѣзняхъ, развившихся на кораблѣ, который болѣе трехъ мѣсяцевъ крейсировалъ по морю и бросался въ разныя стороны; не будемъ говорить и о бѣдствіяхъ, усиливавшихся съ каждымъ днемъ!

Какъ всѣ обрадовались, когда наконецъ 5-го ноября увидали землю, которую приняли за Камчатку, на самомъ же дѣлѣ это былъ пустынный Беринговъ островъ, отстоявшій на 20 миль отъ Камчатки! Даже полуживые выползли на палубу, чтобы посмотрѣть на землю, и каждый отъ души благодарилъ Бога за его милость. Моряки въ своемъ невѣдѣніи громко хвалились: «будь хоть тысячу мореплавателей, никто не пришелъ бы вѣрнѣе къ цѣли! Мы не ошиблись даже на полъ-мили»!

Всѣ полагали, что находятся при входѣ въ Авачинскую губу, и уже называли отдѣльныя горы. Ошибка разъяснилась, когда, огибая

небольшой мысъ, не нашли нѣсколькихъ весьма знакомыхъ островковъ.

Тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвался, что страна дѣйствительно Камчатка, и такъ какъ, вслѣдствіе дурной погоды и малаго числа годныхъ къ работѣ людей, считали труднымъ достигнуть Авачинской губы, рѣшились войдти въ находящуюся здѣсь бухту и отсюда отправиться въ Нижне-Камчатскъ, чтобы выслать лошадей для перевозки экипажа.

Стеллеръ одинъ изъ первыхъ вышелъ на берегъ, и вѣроятно первый открылъ ошибку образцовыхъ мореплавателей. Морскія выдры встрѣтили Стеллера при выходѣ на землю, а зналъ онъ очень хорошо, что уже давно эти преслѣдуемыя промышленниками животныя исчезли у Камчатскихъ береговъ. Не менѣе замѣчательно было множество, почти вовсе человѣка небоявшихся, песцовъ, и большое количество игравшихъ въ водѣ морскихъ коровъ (Manatus) — все знаки, что нога человѣка не привыкла ступать на этотъ берегъ. Слѣдуя указаніямъ неизбѣжной судьбы, Стеллеръ первый нашелъ мѣсто, годное для зимовки, первый подумалъ объ постройкѣ хижины, и образовалъ съ нѣсколькими товарищами общество, которое поклялось помогать другъ другу, какъ бы не расположились обстоятельства.

Въ слѣдующіе дни малу по малу высадили на берегъ больныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые умерли лишь только вышли на свѣжій воздухъ, а другіе во время перевозки. «Вся страна представляла печальный и ужасный видъ, покойниковъ, которыхъ не успѣли еще предать землѣ, обгладывали песцы, не боялись они подходить и по собачьи обнюхивать безпомощныхъ больныхъ, лежавшихъ на берегу безъ всякой покрышки. Иной больной кричитъ отъ холода, другой жалуется на голодъ и жажду, — цинга многимъ такъ страшно изуродовала ротъ, что отъ сильной боли они не могли ѣсть, почти черныя, какъ губка распухшія десны переросли и покрыли зубы». (Стеллеръ).

Мы будемъ продолжать выписки изъ дневника мужественнаго естествоиспытателя, ибо невозможно изобразить болѣе яркими красками печальнаго положенія экспедиціи, и пролить болѣе свѣта на характеръ человѣка, которымъ Германія можетъ гордиться. «13 ноября. Сегодня, послѣ обѣда, я въ первый разъ пошелъ съ Пленснеромъ и Бедге на охоту: мы убили четырехъ морскихъ выдръ, и

воротились уже ночью. Изъ печени, почекъ, сердца и мяса этихъ животныхъ мы приготовили различныя вкусныя блюда, которыя съѣли съ желаніемъ, чтобы Провидѣніе намъ и впередъ давало такую пищу. На дорогія шкуры мы смотрѣли, какъ на нѣчто вовсе не имѣющее цѣны, ибо теперь дорожили болѣе такими предметами, на которые прежде мало или вовсе не обращали вниманія — какъ топорами, ножами, иглами, нитками, веревками и т. п. Мы увидѣли, что чинъ, ученость и другія заслуги здѣсь не даютъ никакого преимущества, и вовсе не помогаютъ находить средствъ къ жизни, и такъ, прежде нежели стыдъ и нужда насъ принудили къ тому, мы рѣшились сами работать изо всѣхъ оставшихся силъ, чтобы впослѣдствіи не смѣялись надъ нами, и чтобы намъ не дожидаться приказаній. Мы ввели общежительство между нами пятерыми, и завели такое хозяйство, чтобы намъ не терпѣть нужды. Мы удержали при себѣ нашихъ трехъ казаковъ, съ условіемъ слушаться нашихъ общихъ приказаній, за что они получали отъ насъ всѣ нужные припасы. При этомъ, мы начали обращаться съ казаками вѣжливѣе и начали называть ихъ по имени и отчеству, и вскорѣ замѣтили, что Петръ Максимовичъ сталъ гораздо услужливѣе прежняго Петрухи.

«14 ноября. Мы продолжали строить жилище, и раздѣлились на три партіи; первая пошла работать на корабль, чтобы перевезти на землю больныхъ и провіантъ; другая возила бревна изъ-за четырехъ верстъ, а я и больной канонирь остались дома, я готовилъ кушанье, а онъ устроивалъ сани для перевозки дровъ и другихъ потребностей. Принявъ на себя обязанность повара, я получилъ еще два другихъ побочныхъ назначенія, именно, я долженъ былъ посѣщать время отъ времени командира Беринга, и помогать ему въ разныхъ случаяхъ. И такъ какъ мы первые устроили хозяйство, то кромѣ того, я былъ еще обязанъ разносить больнымъ и слабымъ теплый супъ, что и продолжали мы дѣлать, пока они нѣсколько не поправились, и уже сами могли помогать себѣ.

«Сегодня же были устроены казармы, куда послѣ обѣда перенесли многихъ больныхъ, которые по недостатку мѣста валялись на землѣ, покрытые тряпками и платьемъ. Никто изъ нихъ не могъ помогать другъ другу, и со всѣхъ сторонъ слышались только стоны да жалобы, причемъ не разъ призывался судъ Божій на виновниковъ ихъ несчастія. Зрѣлище было такъ ужасно, что самые сильные падали духомъ.

«15 ноября наконецъ всѣ больные были перевезены на берегъ. Мы взяли одного, Бориса Зенда, въ свое жилище, и съ Божіею помощью онъ выздоровѣлъ черезъ 3 мѣсяца. Сегодня же получено извѣстіе, отъ котораго каждый еще болѣе упалъ духомъ. Наши развѣдчики не нашли на западѣ ни какого признака соединенія этой земли съ Камчаткой, и ни малѣйшаго слѣда человѣческихъ жилищъ. Кромѣ того мы каждый день боялись, что при безпрерывныхъ буряхъ, судно наше загонитъ въ море, и мы потеряемъ весь провіантъ, а съ этимъ вмѣстѣ и всякую надежду на спасеніе. Вслѣдствіе сильнаго морскаго волненія часто по нѣскольку дней мы не могли на лодкѣ подойти къ кораблю, чтобы свезти съ него потребности. Къ этому 10—12 человѣкъ, доселѣ работавшіе сверхъ силъ, также заболѣли. Вообще недостатокъ, нагота, холодъ, сырость, потеря силъ, болѣзнь, нетерпѣніе и отчаяніе были нашими ежедневными гостями».

По счастію буря выбросила корабль на берегъ и притомъ сдѣлала это такъ, какъ не сдѣлать руками человѣка. Это обстоятельство не только сохранило остававшіеся жизненные припасы, но и дало средства для будущаго освобожденія.

Мало по малу многіе больные цингой умерли; и 8 декабря скончался несчастный начальникъ экспедиціи. Берингъ уже пожилой и болѣзненный человѣкъ, нерѣдко самъ жаловавшійся на недостатокъ силъ для такого труднаго командованія, вѣроятно не умеръ бы, если бы достигъ Камчатки, жилъ тамъ въ теплой комнатѣ и ѣлъ свѣжую пищу. И такъ Берингъ погибъ отъ голода, холода, жажды, безпокойства и горя; поучительный примѣръ для всѣхъ, пускающихся въ предпріятія, на которыя неспособны.

Между тѣмъ весь экипажъ въ пяти землянкахъ защитился отъ зимнихъ холодовъ. Здоровье большинства возстановлялось отъ употребленія превосходной воды и свѣжаго мяса различныхъ хищныхъ звѣрей. Всѣ заботились объ одномъ, какъ собрать сколько можно болѣе силъ, чтобы весною приняться за дѣло освобожденія. Въ апрѣлѣ начали передѣлывать изъ совершенно негоднаго коробля маленькое судно для переѣзда въ Камчатку. И наконецъ 13 августа, не безъ волненія, всѣ перешли изъ своихъ жилищъ на судно, которое либо довезетъ ихъ до отечества, или же инымъ чѣмъ разрѣшитъ ихъ судьбу.

Но съ трудомъ покидаетъ несчастіе человѣка, котораго разъ начало преслѣдовать; не обошелся безъ страха и заботъ и этотъ ко-

роткій переѣздъ, черезъ, неизвѣстно гдѣ находящуюся, щель вода стала наполнять маленькое, вполнѣ нагруженное судно. Помпы, подъ которыя забыли поставить чаны, вскорѣ засорились оставшимися стружками, и опасность росла съ каждымъ мгновеніемъ, ибо вѣтеръ крѣпчалъ, а судно, какъ можно представить себѣ, было построено очень непрочно. Тотчасъ же уменьшили парусовъ, часть экипажа отставляла въ сторону грузъ, чтобы отыскать щель (корабль былъ такъ малъ, что лежали другъ на другѣ и приходилось другъ черезъ друга перелѣзать), другая постоянно отливала котлами воду, или выбрасывала въ море, взятые съ земли ядра и картечи. Наконецъ плотнику удалось по облегченіи корабля заткнуть отверстіе — и на этотъ разъ путешественники были спасены. 17 августа увидали материкъ Камчатки, но только 27 вечеромъ, послѣ 9 дневнаго лавированія, вошли въ желанную гавань.

«Какъ ни радовались мы своему спасенію и пріѣзду», говоритъ Стеллеръ, «но въ большее волненіе насъ привело извѣстіе, которое получили у самаго устья отъ одного Камчадала. Насъ всѣхъ сочли за умершихъ и все, что мы здѣсь оставили, перешло въ чужія руки, и большею частію было увезено. Отъ этого въ нѣсколько мгновеній радость перешла въ горе, впрочемъ мы всѣ уже привыкли къ бѣдамъ и несчастіямъ, и вмѣсто новыхъ плановъ, думали только о продолженіи прежняго образа жизни, и теперешнее обстоятельство сочли за сонъ».

Въ 1744 году, Стеллеръ получилъ приказаніе возвратиться въ Петербургъ, но своимъ свободомысліемъ онъ навлекъ себѣ много враговъ, или же пробудился слишкомъ сильный страхъ, чтобъ онъ не открылъ чего нибудь, и потому сдѣлано было все, чтобы не допустить его возвратиться. Уже достигъ Стеллеръ Новгорода, уже видитъ онъ себя въ образованномъ мірѣ, послѣ многолѣтней разлуки, какъ вдругъ настигаетъ его приказаніе немедленно возвратиться въ Иркутскую Канцелярію по поводу обвиненія въ раздачѣ пороха азіятскимъ народамъ во вредъ Россіи. И снова принужденъ Стеллеръ возвратиться въ глубь Сибири, и только черезъ годъ отпускаютъ его судьи.

Опять спѣшитъ Стеллеръ въ Петербургъ, уже достигъ онъ Москвы — какъ вдругъ новое повелѣніе немедленно явиться въ Якутскую Канцелярію. Путешествіе въ Сибирь даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ очень затруднительно, каково же оно было для

нашего мужественнаго Стеллера, который вмѣсто заслуженнаго покоя, послѣ столькихъ лишеній и страданій, принужденъ въ четвертый разъ совершить этотъ далекій и трудный путь, чтобы защищаться передъ мошенниками. Въ необыкновенно холодный день конвой остановился у близь дороги стоящаго кабака, чтобы подкрѣпиться водкой, а Стеллеръ, который остался въ саняхъ, и хотѣлъ подождать, пока казаки утолятъ свою жажду, заснулъ и замерзъ. Стеллеръ погребенъ близь города Тюменя, и нѣтъ памятника надъ могилой несчастнаго естествоиспытателя.

ГЛАВА XVIII.

КАМЧАТКА.

Благословенная страна. — Чудные луга. — Обиліе рыбы. — Рѣдкое населеніе. — 28 вулкановъ. — Большое количество водяныхъ источниковъ. — Превосходныя гавани. — Петропавловскъ. — Камчадалы. — Здорова-ли для нихъ рыбная пища? — Туземныя растительныя кушанія. — Кипрей. — Клубни сараны. — Опьяненіе отъ мухомора. — Блюдо изъ морскихъ водорослей. — Особенная ловля китовъ. — Камчатскіе медвѣди. — Странная ловля рыбы. — Камчатская собака. — Польза ея. — Душевныя свойства Камчадаловъ.

Полуостровъ Камчатка принадлежитъ къ числу довольно нерѣдкихъ странъ, для которыхъ природа сдѣлала многое, а человѣкъ очень мало. Хотя на восточномъ берегу холодные морскіе вѣтры мѣшаютъ высокому росту деревъ, но далѣе во внутренность страны горные склоны и долины покрыты большими лѣсами, въ которыхъ во множествѣ живутъ и драгоцѣнный соболь, и сѣверный олень, горностай, медвѣдь и голубой песецъ, котораго считаютъ опаснѣе медвѣдя. Еще выше, на обнаженныхъ горахъ лазаютъ стада аркаровъ. Къ самымъ загадочнымъ фактамъ ботанической географіи Эрманъ причисляетъ распространеніе хвойныхъ деревьевъ, и именно лиственницы по Камчаткѣ, ибо область этого дерева имѣетъ здѣсь видъ острова оттого, что обѣ береговыя полосы недоступны лиственницѣ.

Камчатская зима не такъ строга, какъ зима во внутренности Сибири, и лѣто здѣсь не такъ жарко. Поздніе и ранніе ночные морозы

и частые туманы и дожди здѣсь мѣшаютъ воздѣлыванію хлѣбовъ, однакоже здѣсь вызрѣваютъ овесъ и яровой ячмень. Стеллеръ приводитъ какъ замѣчательное явленіе то, что на Камчаткѣ колосъ ячменя не имѣетъ ости, очень великъ и совершенно гладокъ; изъ этого видно какое вліяніе имѣетъ различный климатъ на измѣненіе формы растенія. Сырость воздуха очень способствуетъ росту луговыхъ злаковъ, и даже голландскій скотъ пожелалъ бы жить въ Камчаткѣ, если бы зналъ, какъ роскошно ростетъ здѣсь кормъ. Какъ около рѣкъ и озеръ, такъ и по лѣсамъ и кустарникамъ трава достигаетъ высоты 12 футовъ, и въ особенности до колоссальной высоты развиваются нѣкоторыя зонтичныя и сложноцвѣтныя растенія.

Нерѣдко Heraclium dulce и Senecio cannabifolius скрываетъ верхомъ ѣдущаго человѣка. Отъ обильной сырости стебли злаковъ остаются сочными до глубокой осени, потомъ отъ холодныхъ осеннихъ вѣтровъ они засыхаютъ, и такимъ образомъ даже зимою доставляютъ хорошій кормъ. При такомъ изобиліи неудивительно, что приведенные сюда изъ Якутска лошади и рогатый скотъ улучшаются настолько, что черезъ годъ не признаешь ихъ за тѣхъ же самыхъ животныхъ. Луга такъ хороши, что большею частію можно косить сѣно три раза въ годъ, а вслѣдствіе высокаго роста травъ маленькой лѣсной полянки или луговинки достаточно, чтобы на зиму запастись сѣномъ для скотины цѣлаго мѣстечка.

Нѣтъ въ мірѣ другой страны, гдѣ было бы больше превосходной вкусной рыбы, составляющей главную пищу Камчадаловъ.

Весною лососи въ такомъ громадномъ количествѣ поднимаются вверхъ по рѣкамъ, что послѣднія, вздуваются, и живыми волнами выходятъ изъ береговъ. Ударивъ дротикомъ въ воду, рѣдко случается, что не попадешь въ рыбу, и Стеллеръ утверждаетъ, что здѣсь медвѣди, собаки и другія животныя по берегамъ ловятъ зубами и лапами болѣе рыбы, нежели въ другихъ мѣстностяхъ человѣкъ ловитъ ея всѣми возможными рыболовными снастями. Какъ различныя перелетныя птицы не разомъ летятъ къ сѣверу, а для пользы человѣка частями слѣдуютъ другъ за другомъ, такъ точно и лососи одинъ видъ прежде, другой позднѣе идутъ въ ходъ, такъ что изобиліе рыбы продолжается въ теченіи цѣлаго лѣта. Эрманъ дивится безконечному рыбному богатству Камчатскихъ рѣкъ, ибо въ рукавахъ рѣки Камчатки встрѣчаются Slagocephalus въ руку длиною, которыя либо спутъ на берегахъ, либо все таки идутъ противу те-

ченія. На выходящихъ изъ воды кремневыхъ банкахъ, или на отмеляхъ, эти рыбы тѣснились страшными кучами, и иныя прыгали на нѣсколько футовъ въ высоту, какъ бы желая побѣдить препятствіе, но всѣ они были близки къ смерти.

Видъ этой рыбы, какъ бы умышленно себя убивающей, стремясь на отмели и даже берега, и изо всѣхъ силъ плывущей къ такой незавидной долѣ, такъ страненъ, что хочется повѣрить въ курьезное камчадальское объясненіе этого явленія. Камчадалы разсказываютъ, что лососи, не погибнувшіе во время хода, и достигшіе истока рѣкъ, прячутся здѣсь въ разсѣлины скалъ и превращаются въ сурковъ, вотъ почему послѣдніе живутъ спорадически по острымъ горнымъ вершинамъ

И такъ въ Камчаткѣ на 4000 квад. миль поверхности, вовсе нѣтъ недостатка въ пищѣ для значительнаго населенія: но къ сожалѣнію оно вовсе не соотвѣтствуетъ богатствамъ пажитей и водъ. Во всей Камчаткѣ едва-ли насчитывается жителей болѣе нежели квад. миль, и это крайне рѣдкое населеніе и то концентрируется въ немногихъ пунктахъ: по рѣкамъ Камчаткѣ, Авачѣ, Паратункѣ, Большерѣцкой, Тигилу, по Пенжинской губѣ и пр., такъ что почти весь полуостровъ предоставленъ одной природѣ.

До завоеванія Камчатки русскими, населеніе было въ 20 разъ болѣе нежели теперь; но казаки и опустошительная оспенная эпидемія почти также быстро уменьшили здѣсь число жителей, какъ уменьшилось населеніе Кубы или Санъ-Доминго отъ появленія Испанцевъ. Тогда морской выдрой и соболемъ дорожили болѣе нежели человѣкомъ, и только теперь увидѣли, что человѣкъ и его трудъ одни могутъ увеличить естественное богатство страны.

Кто же населитъ Камчатку? Переселенцы изъ Германіи и Англіи едва ли пойдутъ туда, а Россія и сама слабо населена, такъ что ей нечего думать о снабженіи людьми этой крайней точки своего азіятскаго царства.

И такъ по всему кажется, что произведенія Камчатки еще долго останутся безъ всякой пользы, ибо и подъ нынѣшнимъ гуманнымъ правительствомъ внутреннее приращеніе народонаселенія въ Камчаткѣ чрезвычайно мало.

Извѣстно, что вдоль всего полуострова тянется высокій горный хребетъ, въ которомъ насчитываютъ 28 дѣятельныхъ вулкановъ (сопокъ), и самый большой изъ нихъ, Камчатка достигаетъ 14,800

футовъ высоты. Ясно, что эта земля, прорытая подземнымъ огнемъ, богата минералами, но эти богатства доселѣ не приносятъ пользы.

Во всемъ мірѣ нѣтъ страны, которая была бы богаче Камчатки водяными ключами. По всей равнинѣ они бьютъ въ такомъ большомъ количествѣ, что лѣтомъ нигдѣ нельзя пройдти или проѣхать по суху, и нужно дѣлать большіе обходы и объѣзды. Зимою ключи мѣшаютъ замерзанію рѣкъ, такъ что и въ это время года путешествія затруднительны и очень опасны, и нерѣдко бываешь принужденъ выбирать дорогу по самымъ высокимъ и дикимъ горамъ. Сколько здѣсь неизвѣстныхъ и безполезныхъ минеральныхъ источниковъ — холодныхъ, теплыхъ и горячихъ — воды которыхъ текутъ обратно въ материнскія нѣдра океана.

Положеніе Камчатки весьма выгодно для торговли съ Америкой, Китаемъ и по всему Тихому Океану, здѣсь же находятся превосходныя гавани. Въ одной Авачинской губѣ, которая рѣдко вся замерзаетъ, достаточно мѣста для военныхъ флотовъ всего міра. Здѣсь находится Петропавловскъ или Петропавловскій портъ, въ настоящее время главный городъ Камчатки, описанный Крузенштерномъ (1804) весьма неутѣшительными красками. Этотъ мореплаватель нашелъ берега, усѣянными гнилой рыбой, которую пожирали голодныя собаки, и небольшими въ упадкѣ находящимися хижинами, между которыми паслись коровы. Въ Петропавлоскѣ въ настоящее время около 600 жителей. Въ царствованіе Николая онъ укрѣпленъ, и, какъ извѣстно, въ послѣднюю войну англійскій адмиралъ Спенцеръ посѣтилъ его, но такъ какъ гарнизонъ вышелъ изъ Петропавловска, то Англичане, заклепавъ пушки, удалились. Близъ Петропавловска находятся могилы двухъ знаменитыхъ людей, астронома Делиля де ла Кроеръ, сопровождавшаго Беринга въ первое его путешествіе, и кругосвѣтнаго путешественника Кларка, принявшаго команду послѣ смерти Кука. Мѣстоположеніе Петропавловска чрезвычайно романтично, онъ окруженъ горами, надъ которыми поднимается нѣсколько высокихъ конусообразныхъ вулкановъ.

Камчадалы небольшаго роста, широкоплечи, имѣютъ широкія выдающіяся скулы, необыкновенно широкія, идущія впередъ челюсти, очень толстыя губы и черные волосы. Цвѣтъ лица у мущинъ буровато черный, иногда желтоватый, у женщинъ бѣлый. Послѣднія не только предохраняютъ свою красоту медвѣжьими кишками, которыми

весною посредствомъ рыбьяго клея заклѣиваютъ себѣ лице, чтобы не загорѣть отъ солнца, по и румянятся морскою водорослію, которая стирается съ китовымъ жиромъ и даетъ прекрасный красный цвѣтъ. Во время Стеллера, умывались только тѣ женщины, которыя еще надѣялись поправиться, тѣже, которыя не думали о побѣдахъ, довольствовались омовеніемъ, посланнымъ съ неба въ видѣ дождя.

Далѣе Камчадалы отличаются чрезвычайно маленькими хорошей формы носами, можно почти подумать, что этотъ органъ недоразвился, ибо получалъ одни отвратительныя впечатлѣнія. Плохое обоняніе благодѣтельно для племенъ, питающихся юколою.

Многіе считаютъ рыбу за нездоровую пищу, но посмотримъ, какъ она дѣйствуетъ на Камчадаловъ. Очень многіе достигаютъ 70—80 лѣтняго возраста, ходятъ и работаютъ до смерти, и большинство не теряетъ зубовъ. Рѣдкіе сѣдѣютъ до 60 лѣтняго возраста. Даже древніе старики имѣютъ быструю и легкую походку. Бѣгаютъ Камчадалы быстрѣе всѣхъ извѣстныхъ народовъ, и никогда не задыхаются при самой сильной усталости. Вѣсъ тѣла у Камчадала значительно болѣе нежели у Якута, не смотря на то, что послѣдній ѣстъ только молоко и мясо, а первый исключительно питается рыбою. Камчадалы часто страдаютъ воспаленіями глазъ, чему причиной дымныя хижины и отраженіе солнечнаго свѣта отъ снѣга. Между Камчадалами часто встрѣчаются хромые и горбатые, ибо еще дѣтьми, они какъ кошки должны лазать по лѣстницѣ, ведущей въ дверь, устроенную въ крышѣ. Затѣмъ рѣдко болѣютъ Камчадалы, у нихъ не бываетъ ни горячекъ, ни лихорадокъ. Поэтому Стеллеръ полагаетъ, что Камчадаловъ нельзя привести, какъ хорошій примѣръ въ доказательство того, что рыбная пища нездорова. Конечно движеніе на чистомъ воздухѣ и большое количество выпиваемой воды не мало способствуютъ здоровью. Какое-то инстинктивное предпочтеніе растительныхъ соковъ удаляетъ цингу: по цѣлымъ часамъ Камчадалы ѣдятъ морошку. Цѣлыя бочки этихъ ягодъ заготовляются на зиму, изъ морошки приготовляютъ напитокъ, ее найдешь за всякимъ столомъ, и ее запекаютъ во всѣ возможныя печенья.

Кромѣ того Камчадалы ѣдятъ и многія другія ягоды, какъ напр. голубиху, бруснику, пьяницу (Schikscha Empetrum). Маленькіе красновато-черные плоды черемухи (Prunus padus) также считаются лакомствомъ въ Камчаткѣ.

Далѣе употребляютъ совершенно особенное, легко перевозимое растительное кушанье, это ткань похожая на войлокъ изъ стеблей кипрея (копорскій чай, Epilobium angustifolium). Эти стебли сжимаются и сбиваются полосами въ 2—3 дюйма шириной, и образуютъ твердые, темно-зеленые ремни въ 4—6 футовъ длиной. Эти ремни ѣдятъ сырьемъ, но всегда намазываютъ масломъ и тюленьимъ жиромъ. Эрманъ считаетъ это кушанье очень вкуснымъ, удобоваримымъ и питательнымъ. Клубни сараны (Fritillaria sarrana), находимые въ норахъ мыши-эконома, также считаются любимымъ кушаньемъ, а когда нѣтъ сушоной рыбы, то ѣдятъ лубъ ивы, ольхи и березы, истертый въ порошокъ съ сухою икрой.

Любимое средство для опьяненія есть мухоморъ. Этотъ грибъ сушится и его ѣдятъ сырымъ, запивая большимъ количествомъ холодной воды. Свѣжій мухоморъ такъ клѣекъ и рыхлъ, что его нельзя проглотить не жевавши. А по отвратительному вкусу, жуя, невозможно съѣсть мухомора столько, сколько нужно для опьяненія. Пріятное возбужденіе начинается нѣсколько времени спустя и ему предшествуетъ нѣсколько мучительное состояніе. Говорятъ, что употребленіе мухомора развиваетъ удивительную силу.

Камчадалы употребляютъ и морскія водоросли въ пищу. Они собираютъ на берегъ выброшенныя моремъ большіе куски водорослей (Fucus marinus ruber et albus), сушатъ ихъ и варятъ въ кипяткѣ, пока не образуется родъ бульона, потомъ прибавляютъ китоваго жира и степнаго чеснока; Стеллеръ нашелъ это блюдо довольно вкуснымъ.

Земледѣліе и скотоводство въ Камчаткѣ все еще играютъ незначительную роль, и ихъ продукты не имѣютъ значенія. Охота и рыбная ловля доставляютъ туземцамъ все, что имъ нужно.

Пушнымъ товаромъ уплачиваютъ они подати, и на него покупаютъ чужеземные предметы роскоши — муку и чай, табакъ и водку. Морская выдра, которая отъ преслѣдованій почти совершенно истребилась, въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ начали поступать съ ней похозяйственнѣе, снова стала размножаться.

Камчатское море очень обильно бѣлухами (Delphinus leucas). Изъ пойманныхъ или выброшенныхъ на берегъ бѣлухъ Камчадалы извлекаютъ многоразличную пользу. Изъ шкуры они приготовляютъ подошвы, кожи и ремни; изъ костей нижней челюсти дѣлаютъ санныя полозья, рукояти для ножей, всякаго рода кольца и застежки для собачьей упряжи, изъ кишокъ — пузыри и сосуды, изъ сухожилій —

эластическія веревки для лисьихъ капкановъ. Жиръ и мясо естественно идутъ въ пищу или для освѣщенія.

Въ Елуторской губѣ, Камчадалы ловятъ китовъ сѣтями, сдѣланными изъ моржовыхъ шкуръ, которыя передъ тѣмъ долго коптятся, пока не сдѣлаются твердыми, какъ камень. Потомъ шкуры эти рѣжутся на ремни въ руку толщиною, и изъ нихъ плетутся большія толстыя сѣти. Эти сѣти растягиваются внутри Елуторскаго залива, противъ его устья и нижній край сѣти грузятъ громадными каменьями. Входя въ заливъ или выходя изъ него, киты своими хвостами запутываются въ сѣти, которыя, не смотря на страшную силу, не могутъ разорвать, и здѣсь китовъ бьютъ быстро приплывающіе на байдарахъ Елуторы. Тюленей бьютъ точно также какъ и китовъ. Кромѣ собственно пушныхъ звѣрей Камчадалы охотятся за сѣверными оленями, аркарами и медвѣдями. Изъ шкуръ Камчадалы дѣлаютъ себѣ платье и наружную сторону окрашиваютъ въ ярко-желтый цвѣтъ корою черной ольхи. Они варятъ кору въ водѣ, или же жуютъ ее во рту и натираютъ слюной кожу. Какъ мущины, такъ и женщины носятъ панталоны изъ кожи сѣвернаго оленя, но въ дорогу надѣваютъ панталоны изъ собачьей шкуры, или изъ шкуры, снятой съ ногъ сѣвернаго оленя (послѣдняя шкура очень тепла, вслѣдствіе своей плотности), или же изъ волчьихъ и медвѣжьихъ шкуръ. Уже во времена Стеллера въ Камчаткѣ носили рубашки изъ русскаго полотна или бухарской китайки. Эти рубашки стоили такъ дорого, что на такія же деньги можно было бы пріобрѣсти сорочки изъ голландскаго полотна съ брабантскими кружевами. Тканые чулки тогда также были въ модѣ, и вообще Камчадалы ставили себѣ за честь одѣваться, какъ можно пестрѣе.

Черные медвѣди водятся по всей Камчаткѣ въ огромномъ количествѣ, и безъ всякаго сомнѣнія они давно бы ужь истребили жителей, если бы они не были такъ смирны и миролюбивы, какъ нигдѣ. Весною медвѣди сходятъ съ горъ къ устьямъ *рѣкъ*, чтобы здѣсь пожирать идущую вверхъ рыбу. При обильномъ ловѣ, медвѣди ѣдятъ, какъ собаки, одну голову. Къ осени, когда рыба выше поднимается по рѣкамъ, медвѣди слѣдуютъ за нею въ горы. Дюпети-Туаръ (Voyage sur la frégate la Vénus 1836—39), на котораго мы слагаемъ отвѣтственность за достовѣрность, разсказываетъ о хитрости, употребляемой медвѣдями для ловли мелкой рыбы. Медвѣдь входитъ въ воду по рыло и остается здѣсь неподвиженъ. Мелкая рыба, принимая гу-

стую шерсть за траву, прячется въ ней и тогда медвѣдь, полагая, что уже довольно набралось рыбы, осторожно выходитъ изъ воды, такъ чтобы добыча не ушла слишкомъ рано. На берегу онъ отряхается и поѣдаетъ своихъ гостей.

Медвѣди здѣсь такъ смирны, что Камчадалы ихъ не боятся, даже дѣвочки, собирающія на открытомъ полѣ сарану, не пугаются присутствія медвѣдя; если онъ подходитъ, то это ради клубней, которые отнимаетъ и ѣстъ. Медвѣдь никогда не нападаетъ здѣсь на людей, даже если его разбудятъ.

Безспорно въ Камчаткѣ самое драгоцѣнное животное есть собака, которую во всей Сибири считаютъ за самую долговѣчную и быструю. Камчатская собака похожа на нашу овчарку, и покрыта долгою, густою обыкновенно красноватою или изъ желта-бѣлою шерстью. Короткія, торчащія уши придаютъ ей веселый видъ. Она исключительно питается рыбою. Съ весны до поздней осени о собакѣ здѣсь вовсе не заботятся, она цѣлый день бѣгаетъ на свободѣ и подкарауливаетъ по рѣкамъ рыбъ, которыхъ мастерки ловитъ. Когда рыбы много, собака ѣстъ однѣ головы. Въ октябрѣ Камчадалы собираютъ своихъ собакъ, привязываютъ ихъ къ столбамъ балагана и заставляютъ голодать, чтобы онѣ потеряли жиръ, быстрѣе бѣжали и не задыхались. Съ первымъ снѣгомъ начинается страдная пора для собакъ, и онѣ день и ночь страшнымъ воемъ жалуются на свою судьбу. Это уличная музыка въ Петропавловскѣ. Зимой кормятъ собакъ или вонючей рыбой или заплѣсневѣлой на вѣтру сушоной рыбой. Послѣднею кормятъ собакъ по утрамъ во время ѣзды, чтобъ придать имъ болѣе силы; первую даютъ по вечерамъ, какъ говоритъ Стеллеръ, въ видѣ лакомства. Дорогою, хотя бы собаки бѣжали 10 часовъ сряду, имъ не даютъ ничего.

Нельзя достаточно надивиться силѣ этихъ собакъ. Обыкновенно въ сани запрягаютъ 5 собакъ, которыя во всю прыть везутъ 3 взрослыхъ людей и 60 фунтовъ поклажи. Съ небольшимъ грузомъ 5 собакъ по дурнымъ дорогамъ и глубокому снѣгу дѣлаютъ 30—40 верстъ въ день, по хорошимъ дорогамъ 80—140. Лошадь, какъ упряжное животное, никогда не вытѣснитъ собаки, потому что въ глубокомъ снѣгу, по которому бѣгутъ собаки, лошадь вязнетъ по брюхо, такъ и потому, что здѣсь много горъ, и много рѣкъ и источниковъ, которые или вовсе не замерзаютъ, или ледъ на нихъ такъ тонокъ, что не выдержитъ лошади. Страшныя и частыя метели мѣ-

Сибири, и близко подходящихъ къ соболю. Кромѣ того Чукчи привозятъ на рынокъ медвѣжьи шкуры, моржовые ремни и бивни, санные полозья изъ реберъ кита, родъ чемодановъ изъ тюленьихъ шкуръ и одежды изъ шкуръ сѣверныхъ оленей. Американскій пушной товаръ обыкновенно укладывается въ упомянутые чемоданы изъ тюленьихъ шкуръ, которые искусно приготовляютъ, вынимая кости и мясо черезъ небольшое отверстіе, прорѣзанное въ кожѣ живота.

Съ своей стороны русскіе купцы, кромѣ табака, привозятъ на ярмарку желѣзный товаръ, преимущественно котлы и ножи для Чукчей, и чай, сахаръ и различныя матеріи для Русскихъ, живущихъ по Колымѣ. Впрочемъ въ Островномъ на ярмаркѣ Русскіе встрѣчаются не съ одними Чукчами, но сюда съѣзжаются и другіе окрестные жители изъ за 1000—1500 верстъ. Юкагиры, Ламуты, Тунгусы, Чуваши, Коряки пріѣзжаютъ въ Островное, частію верхомъ на лошадяхъ, частію въ нартахъ на собакахъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на мѣха, привозимые Чукчами.

Представимъ себѣ эту варварскую смѣсь ежегодно собирающуюся въ Островное, въ началѣ марта, подъ 68° с. ш. на островѣ Малаго Анюя; вообразите странную вечернюю декорацію: огни съѣхавшихся на ярмарку гостей, расположившихся биваками подъ открытымъ небомъ; красный дымъ изъ палатокъ Чукчей, поднимающійся къ небесному своду, усѣянному блестящими звѣздами; желтое, красное или зеленое сѣверное сіяніе; глухой бой шаманскихъ барабановъ и вой нѣсколькихъ сотъ собакъ; представьте все это, и невольно убѣдитесь, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе оригинальной ярмарки. Русскій чиновникъ съ небольшимъ конвоемъ наблюдаетъ за порядкомъ и спокойствіемъ, и собираетъ въ казну довольно незначительную пошлину съ Чукчей. Передъ открытіемъ ярмарки опредѣляется такса для того, чтобы купцы не подрывали другъ друга (такъ напр. 2 пуда черкесскаго табаку стоимостію приравниваются 16 лисьихъ и 20 куньихъ шкуръ), и кто отдастъ свой товаръ ниже такой нормальной цѣны, тотъ подвергается денежному штрафу.

По окончаніи этихъ предварительныхъ работъ, всѣ православные идутъ въ церковь и слушаютъ обѣдню, потомъ поднимается флагъ на башенкѣ острога, и ярмарка открывается. Тотчасъ же Чукчи, вооруженные дротиками, стрѣлами и луками, приходятъ въ движеніе и ставятъ свои сани съ товаромъ полукругомъ передъ крѣпостію, передъ ними устанавливаются русскіе и другіе торговцы, и всѣ, за-

таивъ дыханіе, ждутъ колокольнаго звона, по знаку котораго начинается торговля. Лишь только пронесется гулъ отъ перваго удара колокола, какъ по Русскимъ будто пробѣжитъ электрическая искра. Каждый, самымъ страннымъ образомъ нагруженный табакомъ, котлами, ножами и другими произведеніями нужными для Чукчей, спѣшитъ изо всѣхъ силъ стать первымъ у саней, перескакиваетъ черезъ своего конкурента или же самъ растягивается на снѣгу. Что за дѣло, что дорогой потеряетъ шапку, рукавицы и можетъ быть пару зубовъ, — при 30° мороза безъ шапки и рукавицъ бѣжитъ онъ, сломя голову, чтобы вознаградить удвоенною дѣятельностію потерянное время.

Не добѣжавъ еще до перваго Чукча, онъ уже издали расточаетъ передъ нимъ рѣки краснорѣчія, и на странной смѣси русскаго, чукотскаго и якутскаго языковъ восхваляетъ удивительную доброкачественность табака и необыкновенную прочность котла. Этой суетливости совершенно противуположны спокойствіе и непоколебимая важность Чукча, молча онъ выслушиваетъ болтовню, и качаетъ головой, если по его мнѣнію слишкомъ мало даютъ за его товаръ, и при этомъ ни на мгновеніе не теряется, тогда какъ Русскій въ поспѣшности нерѣдко отдаетъ 2 пуда табаку за одинъ, и хватаетъ красную лисицу за чернобурую.

Хотя у Чукча нѣтъ вѣсовъ, но трудно обмануть его вѣсомъ, онъ на рукѣ услышитъ, если въ пудъ табака не достаетъ хоть четверти фунта. Вся ярмарка рѣдко продолжается долѣе 3 дней, и бѣдное Островное, вѣроятно имѣющее очень мало постоянныхъ жителей, (въ статистикахъ, гдѣ приводятся даже города съ 17 жителями, не поименовываютъ Островнаго) опять остается надолго въ ультрасибирскомъ одиночествѣ.

Ярмарка окончилась, но палатки привезенныя Чукчами, или въ которыхъ они проводятъ большую часть своей кочевой жизни, настолько замѣчательны, что мы считаемъ нужнымъ посѣтить ихъ, пока они не исчезли въ тундрѣ. Поэтому мы воспользуемся случаемъ и вмѣстѣ съ Матюшкинымъ, сотоварищемъ знаменитаго Врангеля, сдѣлаемъ визитъ дамамъ одного изъ главныхъ старшинъ въ ихъ переносномъ жилищѣ. Сначала мы входимъ въ верхнюю палатку, *памётъ*, сдѣланный изъ дубленыхъ оленьихъ кожъ, которыя растягиваются и держатся посредствомъ тонкихъ жердей. Дымовое отверстіе вверху и котелъ по срединѣ показываютъ, что здѣсь передняя и кухня на-

ходятся вмѣстѣ. Но гдѣ же хозяева? Вѣроятно подъ большимъ сшитымъ изъ тонкихъ шкурокъ оленятъ, двойнымъ мѣшкомъ, занимающимъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ котломъ середину намета. Чтобы войдти въ него нужно нѣсколько подняться къ единственному не зашитому краю боковой стѣнки, на четвереньках взлѣзть въ отверстіе, осторожно пройдти подъ шкуру закрывающую полъ, и вотъ мы въ собственно жилой и пріемной комнатѣ, *пологѣ*. Этотъ ящикъ довольно удобенъ, но къ сожалѣнію онъ такъ низокъ, что можно сидѣть только на полу, и нѣтъ никакого отверстія ни для свѣта, ни для воздуха. Страшный чадъ встрѣчаетъ насъ, мы протираемъ глаза, и нѣсколько привыкнувъ къ ѣдкой атмосферѣ и слабому полусвѣту лампы, въ которой горитъ китовый жиръ, мы замѣчаемъ на полу почти совершенно голыхъ, и что-то жующихъ членовъ семейства, къ которому пришли засвидѣтельствовать свое почтеніе. Нисколько нескопфузившись, хозяйка и ея дочь принимаютъ насъ въ своемъ невинномъ домашнемъ костюмѣ; но чтобъ показать намъ, что и Чукчи умѣютъ жить и знаютъ приличіе, они немедленно вплетаютъ въ свои всклокоченные, жиромъ намазанные волосы, нити съ бусами. Въ пологѣ также умѣютъ угощать, и тогда какъ въ Европѣ нерѣдко гостю ничего не дадутъ поѣсть, здѣсь намъ тотчасъ же подали превосходное блюдо вареной оленины, которую хозяйка полила значительнымъ количествомъ прогорклаго китоваго жира. Къ несчастію нашъ избалованный вкусъ не гармонируетъ съ гастрономіей арктической кухни, и въ то время какъ хозяинъ, восхваляя искусство жены, съ какимъ она портитъ китовый жиръ и придаетъ ему нужную горьковатость, въ то время какъ хозяинъ поглощаетъ громадные куски оленины, мы не въ состояніи взять въ ротъ даже маленькаго кусочка.

На ярмаркѣ въ Островномъ происходило еще другое празднество. Чукотскій старшина Макомоль, безъ сомнѣнія хорошо торговавшій, устроилъ скачку, къ которой милостиво пригласилъ и насъ. Призы состояли не изъ большихъ серебрянныхъ вазъ, наполненныхъ золотомъ, какъ въ Эпсомѣ или Аскотѣ, а въ дорогомъ голубомъ песцѣ, превосходномъ бобрѣ и парѣ прекрасныхъ моржовыхъ бивней. Мы подивились при этомъ случаѣ необыкновенной быстротѣ оленей и ловкости кучеровъ. Еще болѣе подивились мы, во время бѣга Чукчей пѣшкомъ, быстротѣ, съ какою они въ своихъ тяжелыхъ зимнихъ одеждахъ пробѣгали дистанцію въ 15 верстъ вокругъ горы, что даетъ высокое понятіе о ихъ силѣ.

Послѣ бѣга начались пляски. Съ головы до ногъ завернутыя въ неуклюжія, жесткія шубы, баядерки становятся тѣснымъ кружкомъ, медленно движутся, несходя съ мѣста, взадъ и впередъ ногами и сильно размахиваютъ руками по воздуху; при этомъ баядерки дѣлаютъ лицомъ самыя глупыя гримасы. Акомпанирующая музыка, можетъ быть очень пріятная для уха туземца, напомнила намъ свиное хрюканіе. Наконецъ три лучшія танцовщицы исполнили самый любимый танецъ, на лицѣ Чукчей выразилось такое же удивленіе и восхищеніе, какія выражаются на чертахъ европейскаго дилеттанта, когда онъ смотритъ на смѣлые прыжки Петиты или Лолы; мы же невѣжды видѣли только трехъ, жиромъ покрытыхъ, уродовъ, которые, схватившись руками, и страшно кривляя рожу, то наскакивали другъ на друга, то отпрыгивали прочь, пока потъ не покатился съ нихъ градомъ. Въ знакъ того удовольствія, которое намъ доставили танцовщицы, мы дали имъ по чаркѣ водки и нѣсколько табаку, послѣ чего мы разстались съ Чукчами довольные другъ другомъ.

Хотя большинство оленныхъ Чукчей крещены, но мы не имѣемъ свѣдѣній бываютъ ли когда-нибудь въ ихъ сторонѣ миссіонеры или священники, и хотя библія переведена на чукотское нарѣчіе, но крещеные Чукчи не умѣютъ читать; поэтому мы имѣемъ право считать Чукчей все еще за послѣдователей шаманства. Чукчи живутъ въ многоженствѣ, и по произволу мѣняютъ своихъ женъ, что настолько же мало подходитъ къ христіанству, какъ и жестокость, съ какою убиваютъ они слабыхъ дѣтей и уродовъ, а также бросаютъ стариковъ, которые не въ силахъ выносить трудностей кочевой жизни.

Кромѣ кочевыхъ оленныхъ Чукчей, называющихъ себя *Тенныгками*, есть еще осѣдлые Чукчи, которые живутъ на морскомъ берегу по Анадырской губѣ и Берингову проливу; послѣдніе значительно отличаются отъ первыхъ тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Эти *Онкилоны* (морскіе люди) принадлежатъ къ далеко распространенному эскимосскому племени, и живутъ, какъ большинство ихъ соплеменниковъ, китовой, тюленьей и моржовой охотою. Рабская зависимость, въ какой они находятся у оленныхъ Чукчей, по мнѣнію Врангеля, доказываетъ, что послѣдніе пришли позже.

Тогда какъ Онкилоны, какъ и вообще всѣ народы, живущіе исключительно рыбною ловлей, чрезвычайно бѣдны, у Тенныгковъ встрѣчаются старшины, владѣющіе болѣе 1000 оленей, и посредствомъ торговли постоянно увеличивающіе свое благосостояніе.

Береговые и оленные Чукчи живутъ въ добромъ согласіи между собой. Первые добываютъ китовое мясо, моржовые ремни и ворвань, и на эти продукты вымѣниваютъ у своихъ кочевыхъ собратій оленьи шкуры и сдѣланное изъ нихъ готовое платье.

Осѣдлые Чукчи живутъ въ небольшихъ деревенькахъ, построенныхъ вдоль берега. Ихъ хижины сдѣланы изъ шкуръ, натянутыхъ на жерди, а иногда китовые ребра, и похожи на большіе, неправильные конусы, къ сѣверу обращенная сторона которыхъ сильно выгнута, а южная сторона напротивъ прямая. Съ южной стороны находится, служащее дверью, отверстіе, завѣшенное шкурой. Дымъ выходитъ черезъ круглую дыру на вершинѣ, сюда же проходитъ небольшее количество свѣта. Въ выпуклой, къ сѣверу обращенной части конуса, находится вторая четырехугольная низкая палатка, сшитая изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ *(пологъ)*, въ большіе холода здѣсь помѣщается и кухня.

Для ловли тюленей Чукчи употребляютъ родъ сѣтей, сплетенныхъ изъ ремней, ихъ растягиваютъ подо льдомъ и звѣри запутываются въ нихъ головой и ластами. Чукчи очень хитро ловятъ волковъ. Довольно толстый, съ обоихъ концевъ заостренный, китовый усъ веревкой связывается въ кольцо и поливается водой, такъ что на усѣ образуется ледяная кора; послѣ чего веревка снимается прочь, а все кольцо густо намазывается жиромъ. Волкъ, нашедшій такое кольцо, съ жадностію проглатываетъ его, но едва успѣетъ онъ облизаться, какъ обтаявшій китовый усъ расправляется и раздираетъ ему внутренность, и обманутый звѣрь околѣваетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если моржъ, преимущественно водящійся около Колючина острова, изъ моря выйдетъ на берегъ, то Чукчи внезапно нападаютъ на звѣря, отрѣзаютъ ему путь къ водѣ, и убиваютъ своими дротиками. Моржъ для осѣдлыхъ Чукчей почти настолько же полезенъ, какъ сѣверный олень ихъ кочевымъ собратьямъ. Изъ кожи они дѣлаютъ прочные ремни для упряжи и подошвы, изъ внутренностей—легкую непромокаемую лѣтнюю одежду. Вообще Чукчи не охотники; они охотятся только на медвѣдя, мясо котораго считаютъ за лакомство. Осѣдлые Чукчи ѣздятъ на собакахъ, и здѣсь этотъ другъ человѣка несетъ такую же службу, какъ и въ Гренландіи, на другомъ концѣ эскимосскаго міра. Чукчи питаются исключительно животной пищей. Кромѣ мяса бѣлаго медвѣдя, они считаютъ за лакомство и кожу кита, которую ѣдятъ сырьемъ, и которая, по мнѣнію русскихъ путе-

шественниковъ, нѣсколько похожа вкусомъ на стерлядь. Мясной бульонъ съ примѣсью снѣга есть любимый напитокъ Чукча, который всегда имѣетъ при себѣ небольшую трубочку изъ оленьей кости, черезъ которую всасываетъ изъ чашки упомянутый напитокъ. Рыба считается только подспорьемъ, ее ѣдятъ только отъ нужды, и не очень цѣнятъ. Чукчи, какъ и Лапландцы, терпѣть не могутъ соли, и ѣдятъ свои кушанья почти совершенно холодными. За ужиномъ обыкновенно съѣдается большой комъ снѣга.

Число Чукчей, кажется, вовсе не такъ мало, какъ можно было бы ожидать по пустынности страны. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ русскими миссіонерами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось 52 улуса осѣдлыхъ Чукчей съ 1568 юртъ и 10000 жителей. А такъ какъ Врангель считаетъ оленныхъ Чукчей за главную массу населенія, то мы можемъ положить число ихъ вдвое больше.

ГЛАВА XX.

БЕРИНГОВО МОРЕ. — РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ. — АЛЕУТЫ.

Характеръ Берингова моря. — Сравненіе Алеутскихъ острововъ съ Фероёрскими. — Уналашка. — Аляска. — Прибиловскіе острова. — Островъ св. Матѳея. — Островъ и бухта св. Лаврентія. — Беринговъ проливъ. — Обиліе жизни въ водахъ. — Россійско-Американская компанія. — Ново-Архангельскъ. — Алеуты. — Морскія выдры, морскіе котики, киты, моржи и сивучи. — Камлейка и трубка табаку.

Берингово море для насъ тѣмъ болѣе любопытно, что оно въ климатологическомъ отношеніи составляетъ рѣзкую противуположность съ тою частью океана, которая находится между Гренландіей, Исландіей, Норвегіей и Шпицбергеномъ. По Берингову морю мы можемъ разгадать, какія были бы отношенія температуры въ Нѣмецкомъ морѣ, еслибы согрѣвающее вліяніе гульфстрима вовсе до насъ не доходило, и притомъ можемъ видѣть, какъ велико для насъ благодѣяніе, какъ гульфстрима, такъ и теплыхъ юго западныхъ вѣтровъ, которые несутся къ намъ, пробѣгая по широкому лону Атлантическаго океана.

Часть теплоты, возбужденной въ тропическомъ поясѣ, черезъ широкія ворота, находящіяся между Исландіей и Шотландіей, достигаетъ до Шпицбергена и Нордкапа, и даже ощутительна на западномъ берегу Новой Земли; Берингово море вовсе лишено этого благопріятнаго обстоятельства. Къ его волнамъ не примѣшивается никакое болѣе теплое теченіе, и длинная цѣпь высокихъ горныхъ острововъ, отдѣляющая это море съ юга отъ Тихаго океана, мѣшаетъ уравненію температуры, какъ воды, такъ и воздуха. Должно еще прибавить, что сюда каждую весну изъ большихъ рѣкъ и заливовъ заносятся громадныя массы льдовъ. Лишь только мореходъ успѣетъ войдти въ Берингово море, какъ уже чувствуетъ почти внезапное пониженіе температуры, и ясно видитъ, что онъ вошелъ въ область океана, находящуюся исключительно подъ вліяніемъ крайняго сѣвера. Ни одно море не имѣетъ такъ много тумановъ, какъ Берингово море. Они здѣсь такъ часты, какъ въ водномъ бассейнѣ между Европой и Америкой, около самыхъ льдовъ. Понятно, что лѣтомъ туманы бываютъ постоянно, ибо со всѣхъ сторонъ вѣтеръ приходитъ изъ болѣе нагрѣтыхъ пространствъ, и потому необходимо долженъ осаждаться туманомъ на поверхность холоднаго Берингова моря.

Хотя сравнительно Берингово море не такъ далеко заходитъ къ сѣверу, ибо даже Беринговъ проливъ не достигаетъ полярнаго круга, а Андріяновскіе острова лежатъ на 10° южнѣе Фероерскихъ; но тѣмъ не менѣе мы въ этихъ непривѣтныхъ водахъ, въ климатическомъ отношеніи, ближе подходимъ къ сѣверу, чѣмъ въ полярной части Атлантическаго океана. Климатъ и растительность Уналашки, Прибиловскихъ острововъ, Св. Лаврентія и Берингова пролива на широтѣ въ 10° имѣютъ такое же различіе, какое находимъ мы въ Атлантическомъ океанѣ на Шотландскихъ островахъ, Исландіи, Медвѣжьемъ островѣ на широтѣ почти въ 20 градусовъ. И такъ въ Беринговомъ морѣ уменьшеніе температуры совершается почти вдвое быстрѣе, нежели въ водномъ бассейнѣ между сѣверной Европой и сѣверной Америкой.

Нигдѣ во всемъ мірѣ вліяніе самаго положенія, оставляя въ сторонѣ широту мѣста, не выказывается такъ поразительно ясно, какъ на узкомъ полуостровѣ Аляскѣ, языкомъ входящемъ въ океанъ. Сѣверная сторона этого полуострова рѣшительно принадлежитъ арктической природѣ, тогда какъ южная сторона его на столько же рѣшительно принадлежитъ умѣренному поясу.

Хребта, проходящаго вдоль всего полуострова, и отдѣльными вершинами достигающаго высоты 5000—6000 футовъ, совершенно достаточно для того, чтобы сдѣлаться границею двухъ различныхъ міровъ. Безлѣсенъ берегъ, находящійся подъ вліяніемъ холодныхъ вѣтровъ Берингова моря, тогда какъ превосходные лѣса украшаютъ южный берегъ. Одна сторона этого полуострова видитъ моржей, заходящихъ до 56° 30 с. ш., а другая сторона любуется колибри, залетающими до 61° с. ш.

Аляска служитъ также границею распространенія песца. Этихъ звѣрей еще много на западныхъ Алеутахъ, но никогда не встрѣчались песцы на Кадьякѣ.

Конечно Фероерскіе острова не отличаются пріятнымъ климатомъ, но его можно назвать прекраснымъ въ сравненіи съ Уналашкой, одного изъ извѣстнѣйшихъ острововъ Алеутской группы. На Фероерскихъ островахъ, хотя часто бываютъ туманы, но на Уналашкѣ они безпрерывно продолжаются отъ апрѣля до половины іюля. Съ этого времени до конца сентября бываютъ почти исключительные ясные дни въ цѣломъ году, ибо область тумана отъ южныхъ вѣтровъ поднимается въ это время далѣе къ сѣверу.

Но скоро полярное теченіе осиливаетъ снова, и снова мрачный покровъ одѣваетъ мрачную землю. Снѣгъ обыкновенно начинаетъ падать съ начала октября, и нерѣдко снѣгъ идетъ въ концѣ мая.

Бываютъ года, когда въ теченіи цѣлой зимы на Уналашкѣ идетъ дождь. На Фероерскихъ островахъ, по крайней мѣрѣ въ саду губернатора, ростетъ нѣсколько защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ рябинъ, которыя развѣтвляясь отъ самой земли достигаютъ высоты 12 футовъ, на Уналашкѣ, напротивъ, никогда не выростало ни одного дерева.

Шамиссо разсказываетъ, что сынъ одного уналашкинскаго русскаго чиновника, посѣтивъ Унимакъ, видѣлъ здѣсь деревья и даже влѣзъ на одно изъ нихъ. По своемъ возвращеніи онъ напрасно старался объяснить изумленнымъ слушателямъ, что такое дерево.

Противоположности временъ года необыкновенно смягчены на Фероерскихъ островахъ, на Уналашкѣ они гораздо рѣзче, хотя и здѣсь ощутительно умѣряющее вліяніе моря. Такъ лѣтомъ термометръ рѣдко поднимается надъ + 15°, а зимою рѣдко спадаетъ ниже—15° Р. Эта сырая холодная температура, непозволяющая воздѣлывать хлѣба, необыкновенно благопріятна для роста травъ.

На влажныхъ низменностяхъ кустарникъ тальника едва перерастаетъ роскошныя травы. Переходя изъ этихъ низменностей на ближайшіе холмы, мы найдемъ здѣсь совершенно альпійскую флору. Впрочемъ влажный воздухъ охраняетъ въ совершенной свѣжести зеленый покровъ земли до самыхъ обнаженныхъ вершинъ утесовъ и до границы вѣчнаго снѣга, и нѣкоторыя обществомъ живущія растенія (Lupinus nootkeanus, Rhododendron kamtschadalicum) роскошными цвѣтами украшаютъ этотъ печальный міръ. Живая зелень луговъ напоминаетъ зелень Урзерпской долины. Мхи и лишаи на Уналашкѣ начинаютъ завоевывать у флоры большія пространства, какими вообще владѣютъ въ арктическомъ поясѣ.

На нѣсколько градусовъ къ сѣверу находятся знаменитые въ исторіи пушной торговли Прибиловскіе острова, Св. Георга и Св. Павла, послѣдній любимое мѣстопребываніе морскихъ котиковъ, первый— морскихъ львовъ (сивучей).

Поразительно было для Шамиссо на сколько здѣсь природа суровѣе, чѣмъ на Уналашкѣ. Здѣсь, какъ въ послѣдней, защищенныя долины и низменности не производятъ такой роскошной растительности. На высокихъ горахъ и обломкахъ скалъ ростутъ одни черные и желтые лишаи; мѣста же, орошаемыя тающимъ снѣгомъ, покрыты мхами и изрѣдка осокою. По замершей почвѣ не текутъ ни ручьи, ни источники. (Прибиловскіе острова лежатъ южнѣе Оркадъ, гдѣ превосходно родится ячмень). Различныя арктическія растенія, смотря по своимъ свойствамъ, избираютъ каменистую или болотистую почву, но ни одно растеніе не поднимается надъ землей, а стелется по ней.

Оба острова до открытія ихъ Русскими не были извѣстны сосѣднимъ народамъ, и здѣсь безопасно жили только водяныя птицы и тюлени. Теперь на обоихъ островахъ Русскіе поселили Алеутовъ.

Странное зрѣлище представляютъ безчисленныя стада сивучей (Phoca leonina), которые вокругъ острова Св. Георга до самыхъ поселеній покрываютъ каменистый, обнаженный берегъ широкимъ, отъ жира чернымъ поясомъ. Эти животныя не болѣе какъ уродливыя громадныя массы жира и мяса, они неловки и неуклюжи на землѣ.

Пыжики (Uria) занимаютъ свободныя мѣста на берегу между семействами тюленей. Пыжики безъ страха летаютъ среди сивучей, и даже передъ самою пастью на сторожѣ стоящаго самца, не оборачивая головы на его рычаніе. Въ безчисленномъ множествѣ гнѣздятся эти птицы въ углубленіяхъ, омываемыхъ моремъ, утесовъ, и на ка-

менной розсыпи, образующей вдоль берега плотину. Вершина этой плотины бѣла отъ помета птицъ.

Далѣе къ сѣверу лежитъ еще необитаемый островъ Св. Матвѣя. Извѣстна судьба желавшихъ здѣсь поселиться. Зимою переселенцевъ оставили звѣри, которыми намѣревались питаться, и всѣ умерли съ голоду, за исключеніемъ трехъ, которые сохранили жизнь, питаясь найденною глиною.

Туманы такъ сильны и часты около Св. Лаврентія, что очень часто мореходы проходили мимо этого острова, не замѣчая его, и много прошло времени, пока онъ не нанесенъ былъ на карту съ нѣкоторою точностію. Шамиссо былъ радостно пораженъ видомъ растительности этого сѣвернаго острова. Это была флора Швейцарскихъ Альпъ близь снѣжной линіи, флора, раскрывшая путешественнику всѣ свои богатства, и всю прелесть растеній-карликовъ, какъ бы прижатыхъ къ землѣ, изъ которыхъ только нѣкоторые жили обществомъ. Здѣсь Шамиссо въ нѣсколько минутъ набралъ болѣе цвѣтущихъ растеній, нежели сколько наблюдалъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль на Радакскихъ островахъ, лежащихъ между тропиками.

Сосѣдняя бухта Св. Лаврентія въ землѣ Чукчей, напротивъ, представляетъ печальный и пустынный видъ. Здѣсь на низменностяхъ были одни снѣжныя поля (въ іюлѣ) и болота съ рѣдкими растеніями, въ высшей степени носящими альпійскій характеръ. Подъ здѣшнимъ суровымъ небомъ непокрытыя и незащищенныя растительностію горы старѣютъ и разрушаются.

Отъ мороза трескаются скалы; съ каждымъ лѣтомъ умѣренная теплота вызываетъ новыя развалины, и разрушеніе продолжается до конца. Почва повсюду состоитъ изъ обломковъ скалъ, если Sphagnum не образовалъ въ болѣе низкихъ орошаемыхъ мѣстахъ торфяной или болотистой почвы.

«Подъ болѣе счастливымъ небомъ», говоритъ Шамиссо, «лѣсами покрытыя вершины горъ въ душѣ поэта пробуждаютъ мысль о безконечности, а сѣверный бардъ воспѣвая свои скалы, указываетъ на разрушительную силу старости».

Во время проѣзда къ Берингову проливу, если не помѣшаетъ туманъ, можно разомъ видѣть и Старый и Новый Свѣтъ. Обѣ вереи водныхъ воротъ состоятъ изъ высокихъ горъ, находящихся въ виду другъ отъ друга. Круто поднимается изъ моря скала на азіятской сторонѣ; а на американской подножіе горы опоясано заливающеюся

низменностію. На азіятской сторонѣ море имѣетъ наибольшую глубину, и морское теченіе, входящее съ юга въ проливъ съ быстротою 2—3 узловъ, наибольшую силу. Только съ азіятской стороны часто видны киты и безчисленныя стада моржей.

Прежде только байдара Эксимоса проходила черезъ ворота, отдѣляющія двѣ части свѣта, да и со временъ Семена Дежнева, впервые обогнувшаго восточную оконечность Азіи, только очень рѣдкіе европейскіе мореплаватели проникали черезъ Беринговъ проливъ въ Ледовитое море. Впрочемъ въ послѣдніе года и въ этомъ удаленномъ уголкѣ океана стали производить дѣятельную ловлю китовъ, ибо вездѣ, гдѣ только путешественникъ съ научною цѣлью откроетъ новую отрасль промышленности, тотчасъ же за нимъ послѣдуетъ купецъ, и въ свою очередь пролагаетъ новые пути успѣхамъ землевѣдѣнія.

Безлѣсны и пустынны берега Берингова моря. Безчисленное множество дѣятельныхъ вулкановъ, пирамидами поднимающихся изъ горнаго хребта, который образуетъ цѣпь Алеутскихъ острововъ, идя дугою между обоими материками, освѣщаетъ извергающимся пламенемъ однѣ лишь неизвѣстныя пустыни, и твердая земля нигдѣ не производитъ продуктовъ, которые могли бы возбудить алчность человѣка. За то напротивъ, тѣмъ болѣе жизни развивается въ лонѣ водъ. Вокругъ скалистыхъ береговъ гигантскія водоросли образуютъ покрытые водой лѣса, какихъ нѣтъ въ жаркомъ поясѣ.

Медузы, зоофиты, моллюски, черви и ракообразныя, безчисленные виды рыбъ въ невѣроятномъ множествѣ, исполинскіе морскіе звѣри, киты, моржи и тюлени наполняютъ море и его прибрежье, а надъ ними вьются громадныя стаи водяныхъ птицъ, которыя въ сумеркахъ могутъ показаться носящимися по воздуху островами.

Обиліе дорогихъ звѣрей въ океанѣ, обиліе, которымъ съ поконъ вѣка обусловливается существованіе туземныхъ народовъ, оно же послужило причиною и покоренія послѣднихъ, оно же переманило русскій двуглавый орелъ съ одного материка на другой. Не будь морской выдры и Алеуты вѣроятно наслаждались бы прежнею независимостію. Не будь моржей и сивучей, тюленей и китовъ, и едва ли знамена русскаго Царя и англійскіе флаги развивались на американскомъ материкѣ.

Какъ Англія передала Гудзонбайской компаніи монополію всей пушной торговли Британской сѣверной Америки, такъ точно и Россія передала исключительное право торговли своего крайняго востока Россійско-Американской компаніи. Владѣнія Россійско-Американской компаніи занимаютъ громадное пространство, ибо она владѣетъ не только всѣми островами Берингова моря, но и американскимъ берегомъ до 55°. Крайнія точки круга дѣятельности этой компаніи дальше стоятъ другъ отъ друга, чѣмъ Лондонъ отъ Тобольска; но коммерческія дѣла ея далеко уступаютъ пространству ей отведенной территоріи. Россійско-Американская компанія была основана въ царствованіе Павла I въ 1799 году, въ 1842 году привилегія ея продолжена на 20 лѣтъ. Въ 1839 году она имѣла 36 охотничьихъ постовъ (на Курильскихъ островахъ, Алеутахъ, Аляскѣ, Бристольской бухтѣ, островѣ Кука, Нортонъ-Зундѣ и т. д.) въ ей принадлежащей области, и цѣлую цѣпь конторъ отъ Охотска до Петербурга. Вся территорія компаніи дѣлится на 6 округовъ, директоры которыхъ подчинены генералъ-губернатору, находящемуся въ Ново-Архангельскѣ на Ситхѣ. Это маленькое мѣстечко (менѣе 1000 жителей) основано было въ 1804 году и укрѣплено, если можно выразиться, съ военною роскошью, ибо Симпсонъ въ 1842 году нашелъ здѣсь 58 пушекъ и 300 человѣкъ гарнизона. Причина этого были политическіе виды, потому что Россія въ 1819 году имѣла виды на весь берегъ Америки до рѣки Колумбіи, и даже хотѣла занять Сандвичевы острова. Но здѣсь къ несчастію Россія встрѣтила на дорогѣ Британца, съ которымъ никто сравниться не можетъ, если дѣло идетъ о завладѣніи, и въ 1825 году опредѣлена теперешняя граница, которая идетъ не такъ южно, какъ того бы хотѣлось Россіи. Въ 1834 году случилось новое столкновеніе съ Гудзонбайской компаніей, которая основала новые посты по рѣкѣ Стикинѣ подъ 56° 20 с. ш. и требовала права свободнаго плаванія по морской области, принадлежащей Россіи. Споръ впрочемъ кончился мирно. Англичане взяли спорную область на аренду у Русскихъ за 2000 рѣчныхъ выдръ въ годъ, и съ тѣхъ поръ обѣ торговыя компаніи живутъ въ полномъ согласіи, и вмѣсто ядеръ онѣ къ обоюдной выгодѣ обмѣниваются товарами.

Въ Ново-Архангельскѣ собирается вся добыча отъ охоты, и отсюда всѣ округи снабжаются нужными запасами и товарами. Небольшая флотилія хорошо снаряженныхъ кораблей (въ 1842 году было

12 кораблей отъ 100 до 400 тоннъ вмѣстимостію) поддерживаетъ всѣ сообщенія. За свою превосходную гавань, которая притомъ круглый годъ свободна отъ льда, Ново Архангельскъ былъ сдѣланъ главнымъ пунктомъ компаніи, въ другихъ же отношеніяхъ, какъ утверждаетъ Симпсонъ, это самое бѣдное и грязное мѣсто въ мірѣ. Окруженныя болотами, лѣсами и крутыми утесами, ни луга, ни рощи не оживляютъ печальныхъ окрестностей. Здѣсь же находится кафедра Ситхинскаго епископа, самая обширнѣйшая въ мірѣ епархія котораго занимаетъ Камчатку до Охотска.

Около 20 англійскихъ миль къ сѣверу отъ Ново-Архангельска находится нѣсколько горячихъ источниковъ, къ которымъ ежегодно съѣзжается значительное количество гостей. Въ 1842 году скромная лечебница состояла изъ 3 хижинъ, находившихся подъ присмотромъ стараго инвалида. Строенія пріятно расположены по склону холма въ сотнѣ шаговъ отъ моря. Спереди видна красивая маленькая бухта, защищенная группою утесовъ отъ суроваго вѣтра; сзади поднимаются остроконечныя горы, и ближайшія окрестности покрыты роскошной зеленью, развивающеюся отъ теплоты источниковъ, которые издали уже замѣтны по высокимъ столбамъ пара. Когда Симпсонъ 26 апрѣля посѣтилъ это мѣсто, всѣ кустарники оазиса были въ полномъ цвѣту, тогда какъ окрестная пустыня была еще покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Главный источникъ при выходѣ изъ земли имѣетъ температуру + 54° Р. Отсюда вода идетъ въ два бассейна, и охлаждается до 43°5 Р. Кажется сѣра, которая узнается и по запаху и по вкусу, составляетъ дѣйствующую составную часть этихъ источниковъ. Общество на этихъ водахъ состоитъ изъ русскихъ служителей компаніи, лечащихся здѣсь отъ ревматизма и накожныхъ болѣзней, и изъ сосѣднихъ Колошей, которые дѣлаютъ 200 или 300 англійскихъ миль, чтобы воспользоваться благодѣяніемъ здѣшнихъ водъ. За путевыя издержки вознаграждаютъ себя Колоши продолжительностію купанья, ибо они ѣдятъ, пьютъ и даже спятъ по горло въ горячей водѣ. Уставъ и истощившись, они освѣжаютъ себя тѣмъ, что кладутъ въ ротъ кусокъ снѣга.

Возвратимся, послѣ такого эпизода, къ сѣверо-американской компаніи. Слѣдующая таблица представляетъ среднія данныя ежегоднаго вывоза съ 1823 по 1841 годъ:

1161 шкурокъ морской выдры,
16000 « морскаго котика,

900	шкурокъ	чернобурой лисицы,
8029	«	бобра,
1070	«	хвостовъ морской выдры,
1279	«	чернобрюхихъ лисицъ,
2246	«	рыжей лисицы,
667	«	бѣлаго песца,
2430	«	бураго песца,
243	«	медвѣдя,
201	«	рыси,
78	«	розсомахи,
789	«	рѣчной выдры,
810	«	американскаго соболя,
236	«	ондатры,
10	«	волка,
325	пудовъ	моржовыхъ бивней,
92	фунта	китоваго уса,
262	«	бобровой струи.

Товары частію добываются вполнѣ подвластными компаніи народами (Алеуты, Кадьяки, Кенанцы, Чугачи, Аляскайцы), частію же вымѣниваются у независимыхъ, на материкѣ живущихъ Колошей или у Гудзонбайской компаніи. Большая часть товаровъ везется въ Охотскъ, а оттуда во внутрь Россіи до Петербурга, остальная часть высылается въ Кантонъ, гдѣ превосходно идутъ шкурки молодыхъ морскихъ котиковъ. Расходы Россійско-Американской компаніи съ 1826 года до 1833 достигли 6,608,077 руб., около 800,000 ежегодно.

Изо всѣхъ народовъ, обитающихъ въ обширной области Россійско-Американской компаніи, наибольшаго вниманія заслуживаютъ Алеуты. Менѣе счастливые нежели ихъ свободные родичи, сѣверные Эскимосы, которые, не смотря на бѣдность, необыкновенно веселы, наши островитяне давно уже разучились смѣяться. Неслыханныя притѣсненія въ 1817 году уменьшили число Алеутовъ до 1000 человѣкъ, впрочемъ съ тѣхъ поръ число ихъ увеличилось, ибо наконецъ увидѣли, что человѣкъ въ странѣ всего дороже, и что только отъ его труда прочія произведенія страны получаютъ цѣну. Что сталось бы съ охотой, если бы погибли охотники?

Каждый Алеутъ между 18 и 50-лѣтнимъ возрастомъ обязанъ прослужить компаніи 3 года. На первый взглядъ такое требованіе очень

умѣренно. Но если вспомнимъ, что потребности островитянъ вообще увеличились, и что средства къ удовлетворенію ихъ исключительно находятся въ рукахъ компаніи, то мы увидимъ, что разъ задолжавшій Алеутъ принужденъ охотиться, пока можетъ, за самую рабскую цѣну.

Епископъ Іоаннъ Веньяминовъ, прожившій 10 лѣтъ на Уналашкѣ, и считающійся за самаго основательнаго знатока Алеутовъ, описалъ намъ этотъ замѣчательный народъ, на которомъ нельзя не видѣть слѣдовъ продолжительнаго рабства.

Всѣ Алеуты, какъ нравственными такъ и тѣлесными свойствами, какъ будто отлиты въ одну форму, что тѣмъ удивительнѣе, что малое число ихъ разсѣяно по большому пространству.

На первый взглядъ это самый безчувственный народъ въ мірѣ. Алеуты никогда не дерутся между собой, никогда не крадутъ, а объ убійствахъ и не слыхано. Терпѣніе ихъ почти невѣроятно. Самая сильная боль не вырываетъ у Алеута ни одного стона. Если напр. Алеутъ попадется въ капканъ, поставленный для лисицъ, то совершенно хладнокровно даетъ вынуть изъ ноги зубья капкана; при этомъ должно замѣтить, что зубьевъ нельзя вынуть тѣмъ же путемъ, какимъ они вонзились въ ногу, а нужно расколоть дерево, въ которое они вбиты, и протащить ихъ сквозь ногу. Если же нѣтъ никого, кто бы могъ помочь Алеуту въ этомъ дѣлѣ, онъ самъ производитъ операцію.

Алеутъ никогда не выражаетъ сильной радости, и кажется невозможно довести его до восхищенія. Если послѣ долгаго поста дать даже ребенку лакомство, онъ не бросится на него съ жадностью, и дѣти не выказываютъ естественной радости.

Уже ли же Алеутъ не способенъ къ внутреннимъ ощущеніямъ? Конечно нѣтъ. Противоположное доказывается нѣжною любовью къ дѣтямъ, и страшно обидится Алеутъ, если кто посмотритъ на него съ презрѣніемъ.

Очень малымъ доволенъ Алеутъ. Табакъ, водка, ружье и топоръ, вотъ единственные предметы, которые ему хочется имѣть. Въ его глазахъ самый богатый человѣкъ тотъ, кто во всякое время можетъ пуститься въ море вооруженнымъ. Онъ не льстивъ и не щедръ на обѣщанія, обѣщать, по его мнѣнію, значитъ выполнить. Однажды Веньяминовъ во время своего путешествія забылъ двѣ подаренныя

ему камбалы, и, не смотря на то, что это случилось во время голода, ему переслали этихъ рыбъ въ январѣ.

Въ нашихъ элегантныхъ кружкахъ Алеуту бы не понравилось, ибо онъ не любитъ лжи, презираетъ болтовню и не охотникъ до важничанья. Любовь его къ родителямъ даже трогательна. Такъ Алеутъ Овсянниковъ, заработавшій много денегъ, катая на своей байдарѣ гуляющихъ по Невѣ, возвратился въ Уналашку, чтобы ходить здѣсь за слѣпою матерью.

Въ любимой стихіи, въ морѣ, Алеуты преслѣдуютъ морскихъ животныхъ съ удивительною ловкостію и неустрашимостію. Чтобы убить дорогую морскую выдру, имъ нерѣдко приходится совершать далекія путешествія на своихъ непрочныхъ байдарахъ.

Въ апрѣлѣ или маѣ 30—100 байдаръ выступаетъ въ море, чтобы сойтись въ заранѣе назначенное сборное мѣсто. Предводителемъ избирается одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ старшинъ. Такія экспедиціи ежегодно снаряжаются въ округахъ Курильскомъ, Ачинскомъ, Уналашкинскомъ и Кадьякскомъ, и слѣдовательно занимаютъ пространство около 3000 итальянскихъ миль.

Самая охота чрезвычайно занимательна. Общество, собравшись гдѣ-нибудь, гдѣ по близости думаютъ найдти морскихъ выдръ, ожидаетъ тихой погоды и спокойнаго моря. Тогда всѣ байдары пускаются въ море и удаляются на 40 и болѣе верстъ отъ береговъ, гдѣ, по замѣчанію Алеутовъ, знакомыхъ съ образомъ жизни выдры, должны водиться эти звѣри. Здѣсь байдары становятся по прямой линіи. Между каждыми двумя байдарами оставляется пространство, около 250 саженъ, т. е. разстояніе, на которомъ видно, гдѣ вынырнетъ выдра. Такимъ образомъ партія въ 30 байдаръ занимаетъ пространство въ 10—12 верстъ. Чѣмъ болѣе байдаръ въ партіи, тѣмъ тѣснѣе онѣ становятся. Съ напряженнымъ вниманіемъ каждый смотритъ въ море. Ничто не ускользнетъ отъ зоркаго глаза Алеута; по маленькой едва замѣтной черной точкѣ, на мгновеніе являющейся на поверхности воды, привычный глазъ уже узнаетъ выдру. Байдара, съ которой замѣченъ звѣрь, быстро идетъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ вынырнулъ. Здѣсь Алеутъ, сидящій въ байдарѣ, поднимаетъ весло, и остается неподвиженъ на мѣстѣ. Тотчасъ же весь флотъ приходитъ въ движеніе, и образуетъ широкій кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ байдара, гдѣ поднято весло. Послѣдняя тихо скользитъ къ тому мѣсту, гдѣ ожидаютъ слѣдующаго появленія морской

выдры, и лишь только звѣрь покажется изъ воды — Алеутъ пускаетъ въ него свою стрѣлу.

Съ перваго раза рѣдко убиваютъ животное, часто стрѣла даже не попадаетъ въ слишкомъ отдаленную цѣль; выдра исчезаетъ мгновенно. Снова поднимается на байдарѣ весло, снова смыкается кругъ, но уже тѣснѣе чѣмъ прежде, усталая выдра чаще выходитъ на поверхность воды, со всѣхъ сторонъ летятъ въ нее стрѣлы, и наконецъ убитый или истощенный ранами звѣрь достается тому, кто первый попалъ ему въ голову. Если нѣсколько выдръ покажется разомъ, то образуется нѣсколько круговъ, конечно, если это возможно по числу байдаръ. Всѣ движенія совершаются съ необыкновенною быстротою и точностію. При этомъ сохраняется совершенная тишина, которая прерывается лишь свистомъ стрѣлъ.

Самые смѣлые охотники, именно Алеуты съ Лисьихъ острововъ, бьютъ морскую выдру и зимой. Если только что описанная нами охота удивляетъ быстротою и правильностію движеній, остротою глазъ и мѣткостію охотниковъ, то зимняя охота приводитъ въ совершенное изумленіе смѣлостію и ловкостію охотниковъ Алеутовъ.

Во время самыхъ сильныхъ зимнихъ вьюгъ и бурь морская выдра ищетъ себѣ защиты на берегу маленькихъ необитаемыхъ острововъ, или на отдѣльно стоящихъ утесахъ. Убѣдившись, что нѣтъ по близости людей, выдра свертывается въ клубокъ и засыпаетъ. Тогда два Алеута, пока еще продолжается буря, приплываютъ на двухъ *одинокихъ* (бываютъ и двойныя) байдарахъ къ утесу съ подвѣтренной стороны. Охотникъ, находящійся на передней байдарѣ съ ружьемъ или дубиной въ рукѣ, стоя, ожидаетъ волны, которая поднесла бы его поближе къ утесу. Тутъ, съ быстротою молніи, онъ выпрыгиваетъ на землю, и въ то время, какъ его товарищъ хлопочетъ у оставленной байдары, подкрадывается подъ вѣтромъ къ спящей выдрѣ, убиваетъ ее пулей или дубиной, и съ помощію новой волны и оставшагося въ морѣ Алеута, снова садится въ свою байдару.

На нѣкоторыхъ островахъ Ачинскаго округа ловятъ морскихъ выдръ также сѣтями. Изо всѣхъ охотъ ловля морской выдры требуетъ наибольшаго терпѣнія, ловкости и опытности.

Почти настолько же важное значеніе для компаніи имѣетъ и ловля морскихъ котиковъ, ибо мягкая шерсть молодыхъ звѣрей, только у одного этого вида тюленей, доставляетъ дорогой мѣхъ. Морскихъ котиковъ преимущественно бьютъ на Коммодорскихъ

и Прибиловскихъ островахъ, всего же больше на стровѣ Св. Павла, гдѣ съ этою цѣлью живутъ партія Алеутовъ съ Лисьихъ острововъ и нѣсколько Русскихъ. Морскіе котики питаются въ морѣ рыбою и моллюсками. Голосъ ихъ похожъ на блеяніе овцы. Взрослый самецъ, который втрое или вчетверо больше самки, ростомъ съ двухгодовалаго теленка. Цвѣтъ шерсти темно-сѣрый, волосъ отъ головы до половины туловища курчавъ и гораздо длиннѣе, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла. Морскіе котики постоянно подходятъ къ острову Св. Павла около 20 апрѣля, даже, если берегъ окруженъ еще льдами, впереди идутъ самцы, самки слѣдуютъ за ними. Охота начинается въ послѣднихъ числахъ сентября, при чемъ стараются подходить къ звѣрямъ со стороны вѣтра. Впереди идутъ самые смѣлые охотники, умѣющіе бѣгать по каменьямъ и оврагамъ, они идутъ по одному другъ за другомъ, за ними слѣдуютъ старики и дѣти. Предводитель идетъ послѣдній, чтобы управлять своей охотой. Всѣ вооружены дубинами. Искусство охотниковъ состоитъ въ томъ, чтобы внезапнымъ нападеніемъ на стадо звѣрей какъ можно скорѣе отрѣзать его отъ моря. Взрослыхъ самцовъ и самокъ отгоняютъ прочь и даютъ имъ свободу; а молодыхъ котиковъ иногда гонятъ верстъ на 10 отъ моря, и потомъ часть ихъ убивается дубинами. Очень молодыхъ, не старше 4 мѣсяцевъ, убиваютъ всѣхъ до единаго, изъ одно, двухъ и трехлѣтковъ бьютъ только самцовъ, а самокъ напротивъ заботливо подгоняютъ къ морскому берегу. Нѣсколько дней матери убитыхъ звѣрей плаваютъ вокругъ острова, и жалобнымъ крикомъ сзываютъ дѣтей. Съ 5 октября морскіе котики мало по малу оставляютъ островъ. Со времени открытія острововъ св. Павла и св. Георга убито 3,178,562 морскихъ котика. Въ настоящее время на сибирскихъ рынкахъ за шкурку молодаго звѣря платятъ 25—30 руб.

Познакомимся теперь съ Алеутами, какъ съ безстрашными охотниками на китовъ, моржей и морскихъ львовъ или сивучей. Одинъ одинешенекъ въ своей одновесельной байдарѣ, и вооруженный только короткимъ копьемъ, Алеутъ осмѣливается нападать на исполина морей. Алеутъ осторожно и сзади подплываетъ къ киту и идетъ рядомъ съ нимъ до головной части, вонзаетъ ему въ тѣло свое оружіе подъ передній ластъ, и удаляется со всею возможною быстротою. Если копье проникло въ мясо, то уже ничто не спасетъ кита, онъ издохнетъ дня черезъ два, и теченіе или волны выбросятъ его на ближайшій берегъ. Каждое копье отмѣчено особымъ знакомъ, по кото-

рому узнается хозяинъ. Иногда байдара удаляется не такъ быстро, какъ нужно; а китъ отъ боли мечется во всѣ стороны, бьетъ хвостомъ, и бросаетъ байдару высоко въ воздухъ или же глубоко погружаетъ въ море. Китобойцы пользуются у Алеутовъ особеннымъ уваженіемъ, и въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ его удивительною ловкостію. Понятно, что при такой охотѣ много китовъ пропадаетъ. Такъ лѣтомъ 1831 года, около Кадьяка было ранено 118 китовъ, а найдено всего 43. Остальные, можетъ быть, отчасти были занесены въ открытое море, и здѣсь сдѣлались добычею акулъ и морскихъ птицъ, или же, частію были выброшены на иные берега, и здѣсь безъ труда достались туземцамъ. Впрочемъ эти киты относятся къ мелкой породѣ. Съ 1833 года Русскіе употребляютъ по европейски снаряженныя суда и гарпуну для боя китовъ. Ловкіе англійскіе китоловы должны обучать Алеутовъ своему искусству; успѣхъ такого ученія неизвѣстенъ.

Моржевые бивни составляютъ также немаловажный предметъ торговли. Компанія закупаетъ ихъ у жителей Берингова пролива и Бристольской бухты; кромѣ того ежегодно отправляется партія Алеутовъ къ сѣверному берегу полуострова Аляски, гдѣ лѣтомъ обыкновенно встрѣчается большое количество молодыхъ моржей, вѣроятно выгнанныхъ старыми самцами изъ своего общества, которое предпочитаетъ мѣстопребываніе у полярныхъ льдовъ. Моржи живутъ здѣсь на нижнемъ краю берега, который весною заливается водой. Алеуты, снаряжаясь на бой этихъ звѣрей, прощаются другъ съ другомъ, какъ будто идутъ на вѣрную смерть, ибо боятся какъ мощныхъ бивней, такъ и неосторожности сотоварищей. Вооруженные копьями и тяжелыми топорами, они ползутъ вдоль самой окраины берега и окружаютъ такимъ образомъ становище звѣрей, потомъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи вскакиваютъ на ноги и съ сильнымъ крикомъ бросаются на моржей, чтобы отогнать ихъ отъ берега. При этомъ стараются, чтобы ни одинъ моржъ не ушелъ въ море, ибо если удастся уйдти хотя одному, ближе другихъ къ берегу лежащему, моржу, то всѣ другіе послѣдуютъ за нимъ, и своимъ натискомъ задавятъ охотника. Когда моржи довольно далеко отогнаны отъ берега, то Алеуты нападаютъ на нихъ съ крикомъ и поднятыми копьями, и стараются наносить раны въ мѣста, гдѣ кожа не такъ толста, если же копье угодитъ въ грудь, то его поворачиваютъ нѣсколько разъ, чтобы расширить рану и сдѣлать ее смертель-

ною. Убитые звѣри падаютъ другъ на друга, и наконецъ сваливаются въ большія кучи, а охотники буквально купаются въ крови. Убитымъ моржамъ раздробляютъ челюсти и вынимаютъ бивни, ради которыхъ бьютъ до 4000 моржей, ибо ни мясо, ни жиръ въ колоніяхъ не идутъ въ дѣло. Симпсонъ разсказываетъ, что въ моржовую кожу укладываютъ тюки мѣховъ, идущихъ въ Кяхту, потомъ въ нее зашиваютъ цибики чая, отправляемые въ Москву, и послѣ такихъ странствованій шкура морскаго звѣря опять возвращается къ родимому морю, и здѣсь, изрѣзанная на куски, служитъ размѣнною монетою въ торговыхъ постахъ компаніи.

Послѣ описанной бойни первый высокій приливъ сноситъ оставленные трупы въ море, и смываетъ всякій слѣдъ кровавой охоты. На слѣдующій годъ неистощимый сѣверъ опять вышлетъ на берега новыя жертвы.

Шкура морскаго льва (сивучъ, Otaria Stelleri) въ торговлѣ по короткости и жесткости волоса неимѣютъ никакой цѣны, но за то тѣмъ болѣе пользы приноситъ Алеуту могучій морской звѣрь. Выдѣланными шкурами Алеутъ обтягиваетъ малыя и большія байдары, изъ кишокъ и пищевода онъ шьетъ себѣ непромокаемую *камлейку*, широкую, длинную рубашку, которую надѣваетъ сверхъ платья, и которая сохраняетъ Алеута отъ частыхъ дождей его туманной родины и морскихъ волнъ. Изъ плавательной перепонки дѣлаетъ Алеутъ подошвы, усами украшаетъ свою шапку, а свѣжее, сушоное и соленое мясо употребляетъ въ пищу. Морской левъ встрѣчается около всѣхъ береговъ и острововъ Тихаго океана отъ 61° с. ш. (даже сѣвернѣе у острова Стуарта 63°5 с. ш.) до неизвѣстной еще намъ южной широты. Всего чаще встрѣчается онъ на островѣ Св. Георга, гдѣ бьютъ морскихъ львовъ дубинами и стрѣляютъ изъ ружей. Этотъ звѣрь сильнѣе и злѣе морскаго котика. Ежегодно 1500 шкуръ идетъ на обтяжку байдаръ, и 12000 саженъ кишекъ употребляется на камлейки. Все это потребляется въ самой колоніи.

Жители береговъ Берингова моря съ удивительною ловкостію шьютъ камлейки, для этого полосы кишекъ сшиваются жилами морскихъ звѣрей непромокаемымъ швомъ, который красиво и со вкусомъ украшается перьями морскихъ птицъ. «Самая искусная швея», говоритъ Шамиссо, «должна употребить нѣсколько и даже много дней на шитье самой грубой камлейки, а между тѣмъ ихъ съ радостію отдаютъ безъ различія за нѣсколько листьевъ табака, которыхъ

едва достанетъ курильщику на утро. Странный обычай курить табакъ, происхожденіе котораго загадочно, перешелъ къ намъ изъ Америки. Мы распространили его и онъ сдѣлался необходимою потребностію человѣка. На двухъ питающихся хлѣбомъ можно насчитать пятерыхъ, которые въ табачномъ дымѣ находятъ радость и утѣху жизни. Народы всего свѣта одинаково жадно присвоили себѣ этотъ обычай, какъ чистоплотные лотофаги Южнаго моря, такъ и грязные рыбоѣды Ледовитаго моря. Кто не понимаетъ прелести куренья, тотъ пусть посмотритъ, какъ Алеутъ набиваетъ свою маленькую каменную трубку драгоцѣннымъ табакомъ, изъ экономіи смѣшаннымъ на половину съ древесными стружками, пусть посмотритъ, какъ онъ осторожно закуриваетъ трубку, закрывъ глаза, жадно вдыхаетъ дымъ въ легкія, и потомъ выпускаетъ его къ небу, а глаза окружающихъ устремлены на курильщика, и сосѣдъ уже протягиваетъ руку, чтобы взять трубку, и въ свою очередь затянуться съ наслажденіемъ.

ГЛАВА XXI.

ЭСКИМОСЫ.

Распространеніе Эскимосовъ. — Естественныя свойства ихъ родины. — Физіономія Эскимоса. — Его свойства. — Одежда. — Ледяныя хижины. — Жилище Эскимоса въ Зундѣ Коцебу. — Каякъ или байдара. — Осміякъ или женская лодка. — Оружіе и утварь. — Ненависть краснокожаго Индійца къ Эскимосу. — Жизнь центральнаго Эскимоса. — Бой моржей въ Прудгойской странѣ. — Охота на медвѣдя.

Изо всѣхъ существующихъ дикихъ народовъ нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ бо̀льшее распространеніе, какъ Эскимосы, живущіе какъ въ Америкѣ, такъ и въ Азіи, и равно принадлежащіе, какъ Старому, такъ и Новому Свѣту. Эскимосы встрѣчаются и на восточной оконечности земли Чукчей, и въ сѣверной части Ньюфундленда, на островахъ Берингова моря и въ Гренландіи, они встрѣчаютъ китолова въ Девисовомъ и Гудзоновомъ проливахъ, въ Ледовитомъ морѣ, по ту сторону Берингова пролива, и если съ одной стороны эскимосскія племена спускаются на югъ до широты Вѣны, то съ другой стороны на сѣверѣ они достигаютъ 80°—ближе ихъ къ полюсу не живетъ ни одинъ намъ извѣстный народъ.

Громадная Эскимосами населенная область, за весьма малыми исключеніями, лежитъ по ту сторону крайней границы лѣсовъ, въ самыхъ пустынныхъ и непривѣтныхъ частяхъ земнаго шара. Суровые вѣтры полярнаго моря вѣютъ по ледяной родинѣ Эскимоса и не даютъ развиваться растительной жизни. Только самыя живучія растенія, какъ лишаи и мхи, камнеломки и тальники, въ состояніи противиться вліянію такихъ уничтожающихъ вѣтровъ, и эти-то растенія составляютъ скудную пищу немногихъ наземныхъ животныхъ и перелетныхъ птицъ. Какъ бы плохо пришлось Эскимосу, если бы онъ былъ принужденъ кормиться только тѣмъ, что даетъ мачиха земля, и еслибы море съ своими моржами, тюленями, китами и рыбами не заботилось о потребностяхъ Эскимоса? Поэтому онъ селится вблизи неистощимаго океана, и никто не имѣетъ права называться береговымъ жителемъ болѣе Эскимоса, котораго природа принудила занять такое огромное протяженіе по берегу полярнаго моря.

Ясно, что народъ, который на восточной границѣ своего распространенія, цѣлыя столѣтія находится въ общеніи съ Датчанами и Англичанами, на крайнемъ западѣ подвластенъ Россіи, а средній членъ его вовсе или рѣдко сталкивался съ Европейцами — ясно, что части такого народа должны представлять нѣкоторое различіе въ образѣ жизни, обычаяхъ и степени образованія. Понятно также, что одно и тоже описаніе вовсе не годится и для учениковъ Моравскихъ Братій на Лабрадорѣ и Гренландіи, для православныхъ Алеутовъ, и для центральнаго Эскимоса, вполнѣ преданнаго шаманству. Но какъ всѣ канаты военнаго Британскаго флота узнаются по находящейся внутри красной нити — точно также всѣ члены далеко распространеннаго эскимосскаго племени узнаются по нѣкоторымъ основнымъ чертамъ, которыми отличаются отъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ. По физіономіи и тѣлосложенію, по широкому плоскому лицу, выдающимся скуламъ, маленькимъ болѣе или менѣе косвеннымъ глазомъ, Эскимосы болѣе похожи на монгольскія татарскія племена, и вовсе не имѣютъ сходства съ Сѣверо-Американскими Индійцами. Цвѣтъ кожи Эскимоса точно такъ же ближе къ бѣлому, а у мущинъ съ возрастомъ на лицѣ ростетъ болѣе волосъ, чѣмъ у ихъ краснокожихъ сосѣдей.

Большинство мущинъ нѣсколько ниже средняго европейскаго роста, но встрѣчаются иные, къ которымъ вовсе не подходитъ названіе *скрелингерз* (карлики), какимъ ихъ назвали первые нор-

манскіе поселенцы Гренландіи. Такъ, между прочимъ Симпсонъ въ Камденской бухтѣ видѣлъ 3 Эскимосовъ (имѣвшихъ благозвучныя имена Кенавейваугъ, Коовокно и Кооувокхена), которые имѣли отъ 5 футовъ 10 дюймовъ до 6 футовъ роста. Кенъ въ Прудгойской странѣ также видѣлъ Эскимоса, который на цѣлый футъ былъ выше его. Женщины, напротивъ, всѣ малаго роста.

Чего обыкновенно недостаетъ Эскимосу въ ростѣ, то замѣняется шириной плечъ и торса, и хотя мускулы его мягки и вялы, однакоже Эскимосъ сильнѣе всѣхъ другихъ коренныхъ жителей Америки. Кенъ видѣлъ на сѣверѣ Эскимосовъ, которые могли бы бороться съ бѣлымъ медвѣдемъ или моржемъ.

Поразительно, что у Эскимосовъ обоего пола руки и ноги очень малы и красивы, и даже лордъ Байронъ, какъ извѣстно, дѣтски гордившійся этими внѣшними признаками аристократическаго происхожденія, могъ бы позавидовать Эскимосамъ. Что ноги малы, это легко объясняется тѣмъ, что Эскимосы почти никогда не ходятъ, и почти всю жизнь проводятъ сидя въ саняхъ или лодкѣ, но руками имъ приходится исполнять самыя грубыя плебейскія работы, и не могутъ они сидѣть сложа руки, какъ англійскій денди. Послѣдній хлопочетъ о красотѣ своихъ оконечностей и старается ихъ украсить красивой формой ботинокъ и узкими перчатками; Эскимосъ, напротивъ, мало заботясь объ такомъ дарѣ природы, надѣваетъ широкіе сапоги и рукавицы, и не смотря на то, что вовсе не обращаетъ вниманія на красоту своихъ рукъ и ногъ, тѣмъ не менѣе передаетъ эту красоту своему потомству.

Въ лицѣ молодыхъ Эскимосовъ обыкновенно выражается веселость, довольство и довѣрчивость — и женщины, вовсе неспособныя удерживаться отъ смѣха, выказываютъ при этомъ два ряда бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, какихъ нѣтъ у многихъ европейскихъ красавицъ. Еслибъ эскимосскія женщины рѣшились умываться почаще, то многія изъ нихъ могли бы погордиться своимъ цвѣтомъ лица.

Но не должно думать, что эскимосскія женщины совершенно равнодушны къ нарядамъ и не желаютъ ими возвысить природную красоту. У несчастныхъ сосѣдокъ Эскимосовъ, у заячьихъ и собакореберныхъ Индіянокъ тиранское обращеніе убило, сродное женскому сердцу, желаніе нравиться до такой степени, что бѣдныя созданія вовсе и не думаютъ о нарядахъ — Эскимоски напротивъ могутъ

считаться самыми счастливыми женщинами въ мірѣ, ибо мужья не только хорошо съ ними обращаются, но незнакомы съ ревностію, и относительно супружескихъ правъ даже трогательно либеральны.

Что же можетъ быть естественнѣе того, что Эскимоски стараются красотой своей быть достойными гуманнаго обращенія своихъ мужей. Подъ тираннiей живущая, собакореберная Индіянка не чешетъ и не плететъ своихъ длинныхъ косматыхъ волосъ, которые падаютъ на лицо и плечи; но Эскимоска причесывается со вкусомъ и по вискамъ ея вьются красивые локоны, не разъ прельщавшіе сердца молодыхъ Эскимосовъ.

Всѣ Эскимосы имѣютъ обычай татуировать подбородокъ, лобъ и скулы — но не такъ, какъ островитяне южнаго моря, которые выцарапываютъ хитрые рисунки на кожѣ, а только проводятъ довольно красивыя полоски.

Къ западу отъ Берингова пролива до рѣки Мекензи, мущины имѣютъ отвратительный обычай прокалывать нижнюю губу у угловъ рта, и такимъ образомъ въ продѣланныя отверстія продѣвать осколокъ моржовой кости, къ концамъ которой прикрѣплены голубыя или зеленыя бусы или куски кварца. Иные прокалываютъ себѣ носовую перегородку и сюда вставляютъ или костяную иглу, или раковину. Эскимосы Калифорнійскаго берега полагаютъ, что такое украшеніе придаетъ имъ необыкновенно воинственный видъ.

Не такъ интересно намъ слѣдить за болѣе или менѣе удачными стремленіями украшать себя, но гораздо любопытнѣе посмотрѣть, какъ Эскимосы умѣютъ защищаться отъ страшныхъ зимнихъ холодовъ на берегахъ, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни каменнаго угля, и какими средствами они добываютъ себѣ пищу изъ Ледовитаго моря. Здѣсь мы видимъ человѣка въ неблагопріятныхъ условіяхъ, и потому съ участіемъ спросимъ, какъ удается ему выдти побѣдоносно изъ борьбы съ враждебными климатомъ и природой?

Эскимосъ относительно одежды превосходно приноровился къ своимъ потребностямъ. Въ двойныхъ панталонахъ изъ оленьихъ и тюленьихъ шкуръ (шкура нижнихъ панталоновъ шерстью обращена внутрь), въ двухъ платьяхъ или накидкахъ (верхняя, *парка*, снабжена колпакомъ, капишономъ), въ сапогахъ, подбитыхъ птичьими шкурками и волосомъ сѣверныхъ оленей, въ огромныхъ рукавицахъ Эскимосы защищаютъ себя отъ арктическихъ холодовъ и работаютъ

на чистомъ воздухѣ зимой, какъ только мѣсяцъ начинаетъ кружиться по небосклону, сѣверное сіяніе сверкать на небѣ и полуденные сумерки распространять свой сомнительный свѣтъ. Изъ тюленьихъ и моржовыхъ кишокъ женщины приготовляютъ непромокаемыя рубашки или камлейки, замѣняющія лѣтомъ тяжелую парку, и чрезвычайно полезныя при, такъ сказать, земноводномъ образѣ жизни Эскимосовъ. Точно также мастерски шьютъ женщины обувь изъ тюленьихъ кожъ, сквозь эту обувь не проникаетъ ни малѣйшая сырость, и притомъ она такъ красива, что сдѣлала бы честь искусству первыхъ европейскихъ сапожниковъ. Одежда женщинъ мало чѣмъ отличается отъ одежды мущинъ, только у первыхъ сзади къ платью пришивается хвостъ, висящій до пятокъ.

Въ архитектурѣ своихъ хижинъ Эскимосы выказываютъ большое искусство. Лишь только удлиняющіеся дни призываютъ племена, живущія на мысѣ Бардгурстѣ и около устья Мекензи къ морскому берегу для боя тюленей, Эскимосы строютъ себѣ колоколообразныя или полушаровидныя жилища изъ снѣга, который въ это время года отъ сильныхъ вѣтровъ и страшнаго холода становится такъ твердъ, что составляетъ превосходный, легкій строительный матеріалъ. Постройку начинаютъ съ того, что на ровной поверхности снѣга очерчиваютъ кругъ, внутри его снѣгъ вырѣзывается плитами, которыя впослѣдствіи послужатъ для стѣнъ, до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до замерзшей земли, это полъ будущей хижины. Чего не достанетъ для завершенія купола, то недостающій снѣгъ берется по сосѣдству. Каждая снѣжная плита прикрѣпляется искусно къ находящейся подъ ней плитѣ тѣмъ, что по спайкамъ проводятъ горячимъ ножемъ, вслѣдствіе чего плиты подъ вліяніемъ холода мгновенно смерзаются. Обыкновенно два человѣка работаютъ вмѣстѣ одинъ снаружи, другой внутри. Послѣдній по завершеніи свода вылѣзаетъ изъ прорѣзанной въ основаніи узкой двери.

Такъ какъ стѣны всего въ 3—4 дюйма толщиной, то сквозь нихъ проходитъ пріятный, мягкій полусвѣтъ, совершенно достаточный для обыкновенныхъ занятій обитателей хижины; если же такого свѣта мало, то на самой вершинѣ помѣщается вмѣсто окна кусокъ прозрачнаго льда. Толщина стѣны очень хорошо разсчитана, вѣтеръ не проходитъ насквозь, а холодъ проникаетъ на столько, что внутренняя поверхность не обтаиваетъ.

Посредствомъ сѣней и коридоровъ, отверстія которыхъ обращены

къ югу, рѣзкій воздухъ не пропускается внутрь. По нѣскольку жилищъ смыкается вмѣстѣ и между ними устроиваются соединительныя двери и крытые ходы, что помогаетъ общенію. Цѣлые мѣсяцы выстаиваютъ эти повидимому столь непрочныя хижины. Круглая форма легко выдерживаетъ напоры вѣтра, а снѣжныя стѣны не растаиваютъ до тѣхъ поръ, пока среди лѣта солнце сильно не разогрѣетъ атмосферы. Мебель — скамьи, столъ, постель — также сдѣланы изъ снѣга, для комфорта на мебель стелются звѣриныя шкуры. Понятно, что подъ такимъ снѣжнымъ колпакомъ нельзя развести сильнаго огня, но въ томъ-то и состоитъ торжество эскимосской архитектуры, что сильный огонь и не нуженъ.

Постоянно горящая лампа (горитъ ворвонь) даетъ совершенно достаточно тепла, чтобы просушить мокрыя одежды и обувь возвращающихся домой Эскимосовъ; таже лампа, съ помощію животной теплоты отъ самыхъ жителей, достаточно поднимаетъ температуру въ тѣсномъ пространствѣ хижины; и такъ какъ Эскимосъ особенно любитъ сырое мясо, то ему не нужно и очага для приготовленія пищи. Самая хижина тѣмъ болѣе тепла, что ея гораздо болѣе подъ уровнемъ снѣжнаго покрова, чѣмъ надъ нимъ.

Хижина Эскимоса, состроена ли изъ снѣга, какъ здѣсь, или сдѣлана изъ камней, земли или плавучаго лѣса, какъ въ другихъ странахъ и для иного времени года, повсюду отъ Берингова пролива до Гренландіи она чрезвычайно цѣлесообразно приспособлена къ климату и обстоятельствамъ.

Въ зундѣ Коцебу Шамиссо нашелъ эскимосское жилище, которое описываетъ слѣдующимъ образомъ: «комната квадратная, футовъ по 10 въ сторонѣ, стѣны въ 6 футовъ высоты, потолокъ сводомъ, въ маковкѣ четырехугольное окно, затянутое пузыремъ. Постройка сдѣлана изъ бревенъ, обтесанныхъ съ внутренней стороны. Противъ двери помостъ на $1\frac{1}{2}$ фута отъ земли, онъ служитъ спальней и занимаетъ треть всего пространства. По стѣнамъ лѣстницею расположенныя полки для помѣщенія утвари. Дверью служитъ круглое отверстіе, продѣланное въ серединѣ стѣны, оно имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ. Похожія на ходы кротовъ, деревомъ обложенныя, галлереи, въ которыхъ только мѣстами можно стоять не согнувшись, ведутъ отъ двери внутренней камеры къ наружному входу, послѣдній имѣетъ четырехугольную форму въ 3 фута вышиной и открывается на юго-востокъ между двумя земляными валами. Отъ главнаго

входа ведетъ побочная вѣтвь въ яму, здѣсь хранится зимній запасъ, куски сала въ футъ величиной, тутъ же стоятъ рѣшета на длинныхъ палкахъ для вынимапія сала. Какъ главное строеніе, такъ и входы покрыты землей.»

Шесть лѣтъ послѣ кругосвѣтнаго плаванія Шамиссо, въ 1822 году, Скорезби присталъ къ восточному берегу Гренландіи, и здѣсь, на противуположномъ концѣ эскимосскаго міра, видѣлъ туже обыкновенную архитектуру. Горизонтальный почти въ 15 футовъ длиною туннель однимъ концемъ обращенъ къ югу, а другимъ открывается во внутренность хижины. Галлерея такъ низка, что нужно ползти по ней на четвереньках. Хижина мало поднимается надъ поверхностію земли, и такъ какъ крыша обыкновенно обкладывается дерномъ, который лѣтомъ покрывается мхомъ или травой, то строеніе мало чѣмъ отличается отъ окружающаго его пространства.

Иногда полъ галлереи находится на одномъ уровнѣ съ поломъ хижины; но нерѣдко встрѣчается и такое устройство, что потолокъ туннеля приходится въ уровень съ поломъ хижины. Такимъ образомъ внѣшній, холодный и слѣдовательно болѣе тяжелый воздухъ еще лучше отдѣленъ отъ внутренней теплой атмосферы. Такъ Эскимосъ, никогда неучившійся физикѣ, умѣетъ разумно и практично прилагать къ дѣлу ея правила.

Лучшее и самое своеобразное изобрѣтеніе этого замѣчательнаго народа есть безспорно *каякъ* или *байдара*—лодка, въ которой можетъ сидѣть одинъ человѣкъ.

Легкій, длинный и узкій деревянный остовъ обтянутъ со всѣхъ сторонъ за исключеніемъ отверстія въ серединѣ, тюленьими кожами, такая лодка не промокаетъ. Человѣкъ, протянувъ ноги, сидитъ въ байдарѣ, и только туловище его выходитъ изъ середняго отверстія. Это отверстіе обшито мѣшкомъ, сдѣланнымъ изъ матеріала, изъ котораго шьютъ камлейки, мѣшокъ затягивается вокругъ тѣла подъ самыми руками, такъ что, какъ ни сильно было бы волненіе, внутрь лодки не попадетъ ни одной капли воды. Съ легкимъ весломъ въ рукѣ, съ оружіемъ передъ собой, поддерживая равновѣсіе, какъ эквилибристъ, пляшущій на лошади, стрѣлою летитъ Эскимосъ по подвижной стихіи, а опрокинетъ байдару волна, то сумѣетъ онъ справиться весломъ, и снова принять нужное положеніе.

Если одномѣстная байдара похожа на быстроногаго коня, который, какъ бы сросшись съ своимъ сѣдокомъ, догоняетъ бѣгущую

дичь, то большая байдара или женская лодка напоминаетъ тяжелую фуру, которая слѣдуетъ за кочевниками. Это судно также состоитъ изъ остова обтянутаго тюленьими шкурами, но оно такъ велико, что въ немъ можетъ помѣститься до 50 человѣкъ. На мачтѣ находится трехугольный парусъ, сшитый изъ кишекъ тюленей и легко надувающійся отъ вѣтра.

Мущина уронилъ бы свое достоинство, если бы сталъ грести веслами на такой тяжелой, семейной лодкѣ. Онъ исключительно предоставляетъ эту работу женщинамъ, которыя подъ звуки однообразной пѣсни правятъ *ооміакомъ*, такъ называется судно.

Это обстоятельство, по разсказу Ричардсона, ввело Эскимосовъ, живущихъ между рѣками Мекензи и Коппермиромъ, въ ошибку, они принимали за женщинъ англійскихъ матросовъ, потому что послѣдніе гребли веслами по нѣскольку человѣкъ разомъ. Одинъ Эскимосъ даже спросилъ — у всѣхъ ли бѣлыхъ женщинъ ростутъ бороды?

Эскимосы очень искусны въ изготовленіи оружія, а также охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ. Весло съ большимъ вкусомъ выложено моржовою костью, копье красиво вырѣзано, упругій лукъ, обвитый струнами, далеко и вѣрно пускаетъ 6 футовую стрѣлу. Стрѣлы, предназначенныя для боя большихъ звѣрей, имѣютъ на концѣ острый кремень или заостренную кость, стрѣлы для птицъ тупы и короче первыхъ. Какъ въ постройкѣ жилища и байдары, такъ и въ приготовленіи охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ, Эскимосъ на столько же превосходитъ краснокожаго Индійца, на сколько превосходитъ его тѣлесной силой и храбростію. И все-таки никогда правовѣрный Турокъ не смотритъ съ такимъ презрѣніемъ на собаку христіанина, никогда Норвежецъ не глядитъ съ такимъ пренебреженіемъ на грязнаго Лапландца, какъ Индіецъ на Эскимоса. Онъ считаетъ послѣдняго скорѣе за животное, чѣмъ за человѣка, и подойдетъ къ нему развѣ только чтобы убить. Примѣръ такой кровожадной ненависти видѣлъ извѣстный Геарне во время своего путешествія къ рѣкѣ Коппермінѣ.

Когда сопровождавшіе его Индійцы услыхали, что нѣсколько Эскимосовъ расположили свои жилища у устьевъ этой рѣки, то немедленно лютость тигра пробудилась въ душахъ дикарей.

Геарне, единственный европеецъ между ними, не имѣлъ силы удержать ихъ отъ злаго намѣренія, скорѣе можно мольбами укротить бѣлаго мѣдвѣдя, чѣмъ возбудить человѣческое чувство въ

шайкѣ дикарей. Безъ шума подползли они къ эскимосскимъ жилищамъ, и въ то время, какъ незаходящее солнце близко подошло къ горизонту, они съ страшнымъ ревомъ бросились въ палатки своихъ безо всякаго опасенія спящихъ жертвъ. Они безчеловѣчно убивали каждаго кого только могли настичь и съ злорадствомъ старались увеличить мученіе, нанося новыя раны. Одной старухѣ передъ смертельнымъ ударомъ вырвали оба глаза, молодая дѣвушка съ визгомъ бросилась къ ногамъ Геарна, который сдѣлалъ все, что могъ для ея спасенія, но напрасно. Два Индійца копьями пригвоздили бѣдняжку къ землѣ, и въ то время, какъ она съ страшнымъ крикомъ и корчась отъ боли испускала духъ, убійцы обратились къ Англичанину съ дьявольской насмѣшкой: не хочетъ ли онъ жениться на Эскимоскѣ?

И все-таки несчастныя жертвы ничего не сдѣлали варварамъ! Bloody falls (кровавый рѣчной порогъ) такъ назвалъ Геарне мѣстность, гдѣ происходила ужасная сцена, и это названіе передастъ дальнѣйшимъ потомкамъ легенду объ ней.

Неудивительно, что такія набѣги пробудили ненависть и въ душѣ Эскимоса, и онъ съ своей стороны, гдѣ представится случай копьемъ и стрѣлой преслѣдуетъ Индійца, какъ хищнаго звѣря. Такимъ образомъ на пустынномъ сѣверѣ кровавая месть переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому и здѣсь, какъ и въ тропическихъ пустыняхъ Гвіаны, вѣчно воюетъ человѣкъ противъ человѣка. Къ ужасамъ своей арктической родины прибавляетъ человѣкъ, самимъ имъ приготовленную, муку.

Мы посѣтили Эскимоса въ его низкой хижинѣ и знаемъ, какъ онъ защищается отъ леденящей вьюги, которая бушуетъ по безлѣсной равнинѣ; мы знакомы съ байдарой, въ которой Эскимосъ стрѣлою летаетъ по волнамъ, и знакомы отчасти съ оружіемъ, которое, мать всѣхъ полезныхъ изобрѣтеній, нужда научила дѣлать Эскимоса; теперь послѣдуемъ за нимъ на охоту и рыбную ловлю, и посмотримъ, какъ онъ употребляетъ байдару и оружіе.

Изъ году въ годъ, говоритъ Ричардсонъ, у центральныхъ Эскимосовъ повторяется тотъ же самый жизненный кругъ. Лишь только въ маѣ или іюнѣ рѣки освободятся отъ ледянаго покрова, Эскимосы спѣшатъ къ порогамъ и водопадамъ, здѣсь раскидываютъ свои лѣтнія палатки и бьютъ копьями, идущіе противъ воды легіоны рыбъ. Въ то же время, или въ болѣе южныхъ странахъ ранѣе, Эскимосы преслѣдуютъ сѣверныхъ оленей, которые идутъ къ берегамъ и на

острова, чтобы здѣсь телиться, пока еще снѣгъ несовершенно сойдетъ. Тамъ, гдѣ открытая страна не позволяетъ подкрасться къ оленямъ, тамъ роются глубокія ямы, въ наполненныхъ снѣгомъ оврагахъ, эти ямы, снаружи прикрываются снѣговыми плитами. Первый вѣтеръ замететъ слѣды человѣческой работы. Беззаботный сѣверный олень, не чуя замышленнаго противъ него зла, разгуливаетъ по снѣжной поверхности—вдругъ обманчивая почва проваливается подъ его ногами и не выйдти ему живому изъ узкой темницы, куда завела его злая судьбина.

Громадныя стаи лебедей, утокъ и гусей спѣшатъ къ растаявшимъ болотамъ сѣвера, чтобы здѣсь класть яйца и водить дѣтей—и эти животныя должны питать Эскимоса въ теченіи короткаго лѣта. Для ловли птицъ Эскимосъ придумалъ весьма хитрый снарядъ: 6 или 8 маленькихъ, по серединѣ пробуравленныхъ шариковъ изъ моржовой кости надѣты по одиночкѣ на снурки изъ звѣриныхъ сухожилій въ 3 фута длиной. Свободные концы снурковъ связаны вмѣстѣ. При взбрасываніи шарики съ снурками разлетаются врозь, какъ спицы колеса, и горе птицѣ, попавшейся въ этотъ кругъ.

Въ началѣ сентября сѣверные олени собираются въ большія стада, чтобы идти опять къ югу, но тамъ, гдѣ они обыкновенно вбродъ переходятъ рѣки, или гдѣ суживающіяся озера могутъ переплываться, тамъ съ копьемъ и стрѣлами ожидаетъ оленей Эскимосъ, и дѣлаетъ страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ.

У береговъ, посѣщаемыхъ китами, послѣднихъ преслѣдуютъ въ августѣ мѣсяцѣ, и счастливая охота даетъ возможность цѣлой общинѣ, безъ недостатка, прожить зиму. Ловля китовъ требуетъ дѣйствія цѣлымъ обществомъ; для этой ловли Эскимосы вдоль береговъ полярнаго моря строятъ изъ пловучаго лѣса зимнія хижины и располагаютъ ихъ цѣлыми деревнями: къ востоку отъ мыса Парри, гдѣ Ричардсонъ не встрѣчалъ болѣе китовъ, онъ не видалъ и деревень, а лишь отдѣльныя хижины. Такая деревня обыкновенно строится на крутомъ берегу, ибо здѣсь, вслѣдствіе глубокой воды, можно подтащить убитаго кита къ самому берегу. Въ темное время года горитъ китовый жиръ, и вокругъ почва, какъ бы пропитана этою вонючею ворвонью. Объ томъ, что около устья Мекензи или на мысѣ Бардгурстѣ, Эскимосы постятся въ теченіи сутокъ въ честь убитаго кита, чтобы онъ неразсердился и не наказалъ болѣзнями за свою смерть, какъ то дѣлаютъ Лабрадорскіе Эскимосы, Ричардсонъ, не упоминаетъ.

Въ мартѣ тюлени мечутъ дѣтенышей, и вскорѣ послѣ этого, они дѣлаются главнымъ предметомъ охоты. Тюленю необходима продушина во льду, которую онъ даже въ самые сильные морозы, постоянно поддерживаетъ, обгрызая ледъ зубами. Это очень осторожный звѣрь, одаренный острымъ зрѣніемъ и слухомъ, но и ему не безопасенъ Эскимосъ, который съ дѣтства изучилъ привычки тюленя, и считаетъ за лакомство его черное, невкусное мясо. Успѣхъ охоты на тюленей много зависитъ отъ свойства льда, а между тѣмъ недостатокъ и голодъ бываютъ послѣдствіями недобычливой охоты.

Весна, или по крайней мѣрѣ, время года, совпадающее съ нашей весной, нерѣдко для центральнаго Эскимоса составляетъ эпоху страшнаго голода, и май не напоминаетъ ему пѣнья соловья и зелени луговъ, а истощенные припасы и продолжительный постъ. Но лѣтомъ, когда въ долинахъ стаетъ снѣгъ, рѣки освободятся ото льдовъ, сѣверный олень и птица, снова возвращаются къ морскому берегу, опять изобиліе окружаетъ Эскимоса и исчезаетъ у забывчиваго дитяти природы воспоминаніе объ перенесенной нуждѣ.

Конечно Эскимосъ въ продолженіи года много убьетъ жирныхъ и сытыхъ животныхъ, и достаточно было бы ихъ количества для двойнаго числа ѣдоковъ нашего умѣреннаго климата; но морской воздухъ и холодъ сильно возбуждаютъ обмѣнъ матеріи и истощаютъ человѣческое тѣло. Много матеріала нужно для поддержанія органическаго процесса горѣнія; и дѣйствительно мы видимъ, что Эскимосъ преспокойно съѣстъ заразъ 4—5 фунтовъ мяса, и запьетъ его большимъ количествомъ китоваго или тюленьяго жира. Неудивительно, что зимніе запасы истощаются и иногда наступаетъ голодъ! Но не должно обвинять во всемъ холодный морской воздухъ и обмѣнъ. матеріи: животная прожорливость далеко заходитъ за границы необходимаго, а непредусмотрительный дикарь среди изобилія забываетъ объ будущемъ.

Едва ли нужно упоминать, что нами описанный охотничій циклъ въ частностяхъ неодинаковъ для всего эскимосскаго міра, но что въ различныхъ мѣстностяхъ нѣтъ того или другаго животнаго, или же оно является въ большомъ количествѣ въ другую эпоху, и что соотвѣтственно этому измѣняется и образъ жизни охотниковъ Такимъ образомъ моржъ играетъ главную роль, какъ у Эскимоса Берингова моря, такъ и у самыхъ сѣверныхъ соплеменниковъ его, живущихъ въ Прудгойской странѣ, гдѣ Кенъ провелъ двѣ страшныхъ зимы,

Далѣе къ югу, по временамъ года смѣняются тюлени, рогозубы и бѣлухи; а въ зундѣ Смита эти животныя составляютъ скорѣе предметъ случайнаго преслѣдованія, чѣмъ правильной охоты.

Способъ какимъ бьютъ моржей жители Прудгойскихъ странъ не всегда одинъ и тотъ же. Въ концѣ короткаго лѣта, когда еще ледъ не совершенно образовался, моржи держатся въ большомъ количествѣ въ неутральныхъ областяхъ, гдѣ ледъ перемѣшанъ съ водой, чѣмъ болѣе наростаетъ съ теченіемъ зимы твердаго льда, тѣмъ болѣе моржи спускаются къ югу. Въ это время охотники по молодому льду подходятъ къ моржамъ, и въ трещинахъ и полыньяхъ бьютъ этихъ животныхъ *налегайтой* или гарпуной. Въ одну изъ такихъ экспедицій Мортонъ, спутникъ Кена, сопровождалъ своего пріятеля опытнаго моржебойца Эскимоса Мыука, они неслись на саняхъ по ледяной поверхности, пока Мыукъ, по признакамъ и звукамъ, неощутимымъ для его образованнаго спутника, не убѣдился, что моржи находятся на еще недавно открытомъ мѣстѣ, лишь въ послѣдніе дни покрывшемся тонкимъ слоемъ льда. Тутъ они поѣхали медленнѣе и вскорѣ послышался характерическій ревъ моржа самца. Какъ многіе двуногіе пѣвцы, любитъ моржъ наслаждаться собственнымъ пѣніемъ. Черезъ нѣсколько минутъ показалось 5 чудовищъ, они то ныряли, то разомъ выскакивали на тонкій ледъ, который тотчасъ же проламливался съ трескомъ, далеко раздававшимся по пустыни. Два большихъ, страшнаго вида самца казались предводителями небольшой стаи. Лишь только поднимется моржъ, какъ охотникъ уже неподвижно лежитъ, протянувшись во всю длину, опустится моржъ и охотникъ готовится къ прыжку, и лишь только животное скроетъ голову подъ водой, какъ охотникъ бѣжитъ впередъ, сломя голову, но снова выглянетъ изъ воды моржъ и снова охотникъ бросается на ледъ или прячется за льдину. Наконецъ Мыукъ достигъ до тонкаго льда, который едва держитъ Эскимоса, флегматическое лицо котораго оживляется охотничьей страстью. Длинная бичева изъ моржовой кожи лежитъ въ боку; гарпуну крѣпко держитъ онъ правой рукой. Поверхность воды зашумѣла и мощное ластоногое тяжело, выдыхая задержанный воздухъ, поднимается передъ Мыукомъ. Медленно поднимается и Мыукъ, отбросивъ назадъ правую руку, и прижавъ лѣвую къ боку. Моржъ оглядывается кругомъ, стряхая съ головы воду: вдругъ Мыукъ поднимаетъ лѣвую руку вверхъ, и животное, вышедшее до груди изъ воды, прежде чѣмъ нырнуть снова взглядываетъ

на Эскимоса. И за этотъ единственный взглядъ поплатится моржъ всѣмъ, чѣмъ можно поплатиться за любопытство—ибо глубоко вонзилась гарпуна подъ лѣвый передній ластъ.

Раненый звѣрь высоко выпрыгиваетъ изъ воды, и старается подняться на ледъ который проламывается подъ его тяжестью. Напрасное усиліе придаетъ чертамъ моржа какое-то мстительное выраженіе; ревъ переходитъ въ вой и красная пѣна течетъ изъ пасти.

Охота на моржей страшно опасна, когда зима своими холодами, мракомъ и бурями завладѣетъ всѣмъ. Въ это время года, чтобы спасти отъ голода всю общину два Эскимоса — Аваклокъ и нашъ пріятель Мыукъ—рѣшились отыскивать моржей на открытомъ льду. Они знали опасность, но лучше они хотѣли подвергнуться ей, чѣмъ пожертвовать собаками, и оба Эскимоса въ высшей степени обладали стоическимъ фатализмомъ дикарей.

Эскимосамъ удалось убить большаго звѣря, какъ вдругъ сѣверный вѣтеръ погналъ ледъ. Первымъ порывомъ европейцевъ было бы броситься къ твердой землѣ—но знали Эскимосы, что пловучіе льды всего опаснѣе около береговъ, и потому они бросились съ своими собаками на ближайшую ледяную гору. Это было въ декабрѣ, подъ ущербъ луны, и буря покрывала все глубокимъ мракомъ. Эскимосы привязали своихъ собакъ къ ледянымъ остріямъ, а сами легли на ледъ, чтобы не смело ихъ вѣтромъ. Сначала морской прибой обливалъ ихъ, но они всползли на болѣе высокую поверхность и построили себѣ родъ загородокъ изо льда. На пятую ночь, по ихъ счету, Мыукъ отморозилъ ногу, а Аваклокъ потерялъ большой палецъ на ногѣ. Но не потеряли они бодрости, и питались моржемъ, между тѣмъ льдина медленно неслась къ югу. Подъ ущербъ второй луны, пробывъ на льдинѣ цѣлый мѣсяцъ, и проживъ такъ, какъ только желѣзные люди прожить могутъ, наконецъ выбросило ледяную гору на берегъ.

Охотники возвратились въ свою деревню, гдѣ ихъ встрѣтили, какъ будто вставшихъ изъ гроба, но гдѣ имъ пришлось еще разъ испытать нужду и голодъ.

У этихъ жителей крайняго сѣвера январь и февраль всегда бываютъ эпохою лишеній; но съ началомъ весны, или лучше нѣсколько послѣ того, какъ солнце снова появилось на горизонтѣ, опять начинается охота на моржей, и тогда въ этихъ странахъ все жизнь, все движеніе.

Авука (моржа) бьютъ двумя способами; иногда моржъ выходитъ изъ воды, и слишкомъ долго наслаждается солнечной теплотой на льдинѣ или окраинѣ трещины, и находитъ, возвращаясь назадъ, отверстіе замерзшимъ; тутъ моржу уже печего дѣлать, ибо онъ какъ тюлень можетъ прогрызать отдушину только снизу вверхъ.

Такимъ образомъ пойманнаго моржа Эскимосы отыскиваютъ, рыскающими по ледяному полю собаками, и бьютъ копьями.

Моржи весною мечутъ дѣтенышей, и тогда эти животныя наслаждаются полною жизнію. Самка, моржонокъ и сопровождающій ихъ самецъ играютъ въ полыньяхъ ледяныхъ горъ, грѣются на солнцѣ, или же, ныряя, втроемъ плывутъ изъ одной трещины въ другую. Когда моржи разгуливаютъ, такимъ образомъ, Эскимосы нападаютъ на нихъ съ копьями и гарпуной—но на этотъ разъ между охотникомъ и моржами обходится не безъ борьбы, ибо самецъ храбро встрѣчаетъ нападающаго, и самъ съ яростію бросается на охотника. Въ это время въ эскимосскихъ хижинахъ, этихъ бѣдныхъ снѣжныхъ порахъ, бываетъ *пиръ и веселіе. Куски моржоваго мяса лежатъ на* льду; женщины кроятъ подошвы, мужчины рѣжутъ ремни для гарпуны, про запасъ на зиму. Моржовыя головы лежатъ на снѣжномъ валу, куда ихъ положили для того, чтобы впослѣдствіи вытащить бивни, кость которыхъ идетъ на разныя подѣлки; а дѣти вооружившись ребрами громадныхъ звѣрей, играютъ въ лапту и веселятся.

Жители Прудгойскихъ странъ нападаютъ и на бѣлаго медвѣдя. Они дрессируютъ собакъ не для боя на льду съ сильнымъ звѣремъ, а для того, чтобы задержать его бѣгъ. Тогда какъ одна собака занимаетъ медвѣдя спереди, другая рветъ его сзади; и такъ какъ собаки быстро прыгаютъ въ стороны и помогаютъ другъ другу, то рѣдко приходится медвѣдю серьозно поранить или убить собакъ, и рѣдко не удается послѣднимъ задержать звѣря, пока не подойдетъ охотникъ.

Эскимосъ на саняхъ ѣздитъ по снѣгу, отыскивая слѣды бѣлаго медвѣдя, внимательно разсматриваетъ ихъ дикарь, чтобы опредѣлить возрастъ звѣря и направленіе имъ принятое. Собаки бѣгутъ по слѣдамъ, а охотникъ молча бѣжитъ съ ними рядомъ.

Вдругъ на загибѣ окраины ледяной горы показавается медленно идущій медвѣдь; время отъ времени онъ недовѣрчиво обнюхиваетъ воздухъ и черезъ наброшенныя льдины направляется къ своей берлогѣ. Эскимосъ впрыгиваетъ въ сани изо всей мочи кричитъ: «нанноокъ!

паннооокъ!» и собаки съ волчьимъ воемъ (эта порода не умѣетъ лаять) стрѣлою бросаются въ ту сторону. Медвѣдь поднимается на заднія лапы, взглядываетъ на своего преслѣдователя, и самъ изо всѣхъ силъ бросается въ бѣгство, направляясь къ ледяному морю. Охотникъ на всемъ бѣгу нагибается съ саней, отстегиваетъ постромки пары собакъ и пускаетъ ихъ на волю. Это дѣло мгновенія, и отъ этого скорость ѣзды не уменьшается, ибо прочія собаки въ охотничьемъ задорѣ какъ бы не чувствуютъ тяжести саней. Наконецъ медвѣдь останавливается и пара переднихъ собакъ на нѣкоторомъ разстояніи спокойно поджидаетъ охотника. Тутъ спускается вся стая собакъ, а *охотникъ, схвативъ копье бѣжитъ по снѣгу и льду*, готовясь къ рѣшительному нападенію.

Два Эскимоса легко сладятъ съ бѣлымъ медвѣдемъ. Одинъ дѣлаетъ видъ будто хочетъ нанести ударъ въ правый бокъ звѣря, но лишь только онъ, вытянувъ переднія лапы, оборотится въ эту сторону, какъ уже другой Эскимосъ наноситъ смертельный ударъ въ незащищенный лѣвый бокъ.

Но и одинъ охотникъ не побоится вступить въ опасный бой съ царемъ сѣверныхъ звѣрей. Схвативъ копье обѣими руками, быстро прыгая передъ медвѣдемъ, и умышленно бросаясь въ бѣгство, вызываетъ его Эскимосъ на преслѣдованіе. Но лишь только медвѣдь вытянетъ свое длинное, неуклюжее тѣло, чтобъ броситься за Эскимосомъ, какъ охотникъ отпрыгиваетъ и становится въ первое положеніе. Медвѣдь оборачивается и въ тоже мгновеніе копье вонзается подъ лѣвую лопатку. Такой ударъ требуетъ большой ловкости, и неопытный охотникъ нерѣдко принужденъ бросить копье и въ бѣгствѣ искать спасенія. Но и въ такой опасности собаки почти всегда своими маневрами спасаютъ охотника. Мы не оставимъ Прудгойцевъ, этихъ смѣлыхъ охотниковъ и жителей крайняго сѣвера, не сказавъ нѣсколько словъ объ томъ, какъ они дѣлятъ годъ, ибо такое дѣленіе характеристично для суроваго климата, которымъ Провидѣніе ихъ надѣлило.

Эскимосъ, обитающій на зундѣ Смита, не знакомъ съ временами года нашихъ астрономовъ и метеорологовъ: онъ отмѣряетъ свою жизнь зимами и называетъ этотъ наибольшій періодъ года *окипокъ* — время твердаго льда.

Когда день снова появляется, и на солнцѣ начинаетъ таять, тогда начинается *уперназакъ* — время капели.

Въ это время возвращается куропатка, и подъ снѣгомъ зеленѣетъ Andromeda tetragona.

Съ конца мая начинается *упернакъ* — время таянья снѣговъ. Это настоящее лѣто Прудгойскихъ странъ. Животная и растительная жизнь возвратились, ледяныя поля взломались на морѣ и тянутся пловучими льдинами вдоль береговъ. Снѣгъ на склонахъ исчезаетъ и водные потоки текутъ по такъ долго закованнымъ оврагамъ и долинамъ.

Около середины августа *упернакъ* переходитъ въ — *аозакъ*, короткій промежутокъ между совершеннымъ истаиваніемъ снѣговъ (по крайней мѣрѣ подъ 78° с. ш.) и новымъ замерзаніемъ. Море никогда вполнѣ не освобождается отъ льдовъ, но ледяныя поля и пловучія льдины отплыли къ югу, и потому около береговъ море открыто болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Во второй половинѣ сентября оканчивается аозакъ и тутъ всѣ животныя, перемѣняющія мѣсто жительства, уходятъ на зимовье.

Пятое время года *окіакутъ* — составляетъ переходъ къ зимѣ. Ручьи начинаютъ замерзать, но вполдень еще таетъ. Вскорѣ фіорды покрываются твердымъ льдомъ и *окипокъ* снова возвратился съ своимъ холодомъ и мракомъ.

«Не безъ особеннаго чувства», говоритъ Кенъ, «я пишу это послѣднее, мнѣ хорошо знакомое имя. Оно напоминаетъ лишенія, образъ жизни простодушнаго народца, для котораго по всей вѣроятности годъ скоро перестанетъ обходить свой кругъ.

«(Потому что собаки этихъ бѣдныхъ людей большею частію подохли въ послѣдній голодъ, а безъ собакъ имъ нельзя охотиться)».

Если спросить, что тамъ на востокѣ, гдѣ никѣмъ непреслѣдуемый сѣверный олень разгуливаетъ по обнаженнымъ холмамъ, вамъ отвѣтятъ *сермикъ* (глетчеръ)! Покажешь къ югу и сѣверу и снова услышишь *сермикъ! сермикъ соакъ!* большой ледяной валъ, за которымъ уже ничего нѣтъ: *но крезукъ!* Пловучіе лѣса, которыми пользуются болѣе южные соплеменники этихъ Эскимосовъ, никогда не доходятъ до этихъ береговъ. Здѣсь не знаютъ ни лука, ни стрѣлъ, и каякъ или байдара, столь необходимая для Гренландцевъ, здѣсь живетъ только въ преданіи.

Узкая полоса ихъ кочевьевъ занимаетъ не менѣе 600 англійскихъ миль въ длину, поперечное же протяженіе никому неизвѣстно. По исчисленію Кена отъ Мельвилева мыса до Апаотокской хижины на-

родонаселеніе состоитъ почти изъ 140 душъ. Они живутъ между собой, какъ члены одного семейства.

Но что принудило ихъ жить въ пустынѣ, гдѣ человѣкъ отрѣзанъ отъ всего остальнаго міра? Какія обстоятельства забросили сюда первыхъ здѣшнихъ поселенцевъ? Отъ Кена получили они свѣдѣнія о мірѣ, лежащемъ по ту сторону ихъ тѣсныхъ владѣній. И мы будемъ надѣяться, что и Прудгойцамъ удастся разбить ледяныя стѣны своей темницы и предоставить страну бѣлымъ медвѣдямъ и моржамъ.

ГЛАВА XXII.

ПУШНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПУШНЫЕ ЗВѢРИ ВЪ ГУДЗОНБАЙСКИХЪ СТРАНАХЪ.

Жизнь лѣсныхъ бѣгуновъ. — Берестовыя лодки. — Вояжоръ. — Канадская пушная торговля въ прошломъ столѣтіи. — Кровавая борьба Сѣверо-западной компаніи съ Гудзонбайскою компаніею. — Образованіе нынѣшней компаніи. — Торговля послѣдней. — Плохія надежды на будущее. — Характеръ Гудзонбайскихъ странъ. — Черный медвѣдь. — Енотъ. — Куница. — Канадская вонючка. — Лисы. — Американскій бобръ. — Ондатра. — Вапити.

Какъ Европа впервые познакомилась съ сѣверовосточнымъ берегомъ Америки вслѣдствіе стремленія отыскать кратчайшій путь въ Индію, такъ первоначально торговля пушнымъ товаромъ была главною и даже единственною причиною того, что европейцы отъ Канадскихъ озеръ и береговъ Гудзоновой бухты все глубже и глубже заходили въ пустыню и дошли до устья Мекензи и береговъ Тихаго океана.

Французскіе Канадцы — coureurs des bois — были первыми пушными торговцами въ Сѣверной Америкѣ; самое названіе ихъ (лѣсные бѣгуны) показываетъ, что они болѣе пріучились къ лѣсной жизни Индійцевъ, чѣмъ къ обычаямъ образованнаго міра. Обыкновенно два, три человѣка сговаривались вмѣстѣ отправиться въ экспедицію, брали у купцовъ въ кредитъ товаръ, строили себѣ лодку изъ бересты, и весело отправлялись въ пустыню нерѣдко на нѣсколько лѣтъ. Это путешествіе, хотя соединено было со многими затрудненіями и

опасностями, но тѣмъ не менѣе оно было весьма заманчиво для искателей приключеній, которымъ предоставлялось право наслаждаться полнѣйшей свободой. Уже давно вымерли эти лѣсные бѣгуны, но ихъ средство перевозки, ихъ берестовая лодка, все еще въ употребленіи, и современный канадскій вояжоръ разъѣзжаетъ на ней вверхъ и внизъ по рѣкамъ обширной области Гудзонбайской компаніи. И вояжоры совершенно похожи какъ образомъ жизни, такъ и развитіемъ на прежнихъ лѣсныхъ бѣгуновъ, такъ что стоитъ взглянуть на первыхъ, чтобы получить полное понятіе объ ихъ совершенно свободныхъ предшественникахъ.

Однимъ словомъ вояжоръ ничто иное, какъ законами управляемый и за жалованье служащій стрѣлокъ-промышленникъ; а coureurs des bois былъ тотъ же вояжоръ, но ведшій торговлю пушнымъ товаромъ для себя самого.

Верблюда называютъ кораблемъ пустыни, съ такимъ же правомъ можно назвать берестовую лодку верблюдомъ сѣверо-американскихъ степей. Если представимъ себѣ безчисленныя рѣки, какъ бы сѣтью покрывающія эту страну; пороги и водопады, такъ часто прерывающіе судоходство и превращающіе вояжора въ вьючное животное; мелкую воду рѣкъ, текущихъ по дну, усѣянному острыми камнями, которые необходимо раздробили бы всякую лодку сдѣланную изъ дерева; наконецъ пустыню, гдѣ каждый въ случаѣ несчастія предоставленъ себѣ—если представимъ все это, то убѣдимся, что разъѣзжать по этой странѣ можно лишь въ суднѣ, сдѣланномъ изъ такого легкаго, упругаго, крѣпкаго матеріала, какъ береста, въ суднѣ, для исправленія котораго не нужно ни молотка, ни гвоздей, ни пилы, ни рубанка.

Дѣйствительно Гудзонбайскимъ странамъ природа принесла драгоцѣнный даръ бумажной березой (Betula papyracea), которая здѣсь приноситъ такую же пользу, какую пальма въ тропическомъ поясѣ. Гдѣ нѣтъ кожъ, тамъ большими кусками гибкой коры этого дерева обтягиваютъ палатки. Изъ бересты искусно сшиваются и украшаются иглами дикобраза корзины, мѣшки, блюда, тарелки, стаканы, однимъ словомъ вся легко переносная утварь Индійца племени Кри. Менѣе образованное и болѣе грубое племя Тинне точно также употребляетъ бересту для различныхъ цѣлей, хотя не такъ разнообразно, какъ его южный сосѣдъ. Изъ дерева дѣлаютъ весла, лыжи и сани; а весной добываютъ изъ березы сокъ, который служитъ освѣжаю-

щимъ напиткомъ; и изъ котораго вываривается жидкой сиропъ. По ту сторону арктическаго круга бумажная береза попадается рѣдко и ростетъ кривымъ деревомъ, въ видѣ куста она еще живетъ подъ 69° с. ш. Самаго роскошнаго роста это дерево достигаетъ на сѣверномъ берегу Верхняго озера, близъ форта Вилліама, гдѣ Гудзонбайская компанія имѣетъ главную лодочную фабрику.

Такая лодка бываетъ отъ 30—40 футовъ длиной. Береста, изъ которой она сдѣлана, сшивается корневыми волокнами канадской ели, и смолится смолою той же ели. Если во время путины у такой лодки пробивается бокъ, то тутъ кладутъ заплатку, какъ на старомъ платьѣ, и лодка служитъ, какъ новая. Такъ какъ эта лодка имѣетъ плоское дно, то она не глубоко сидитъ въ водѣ, и почти совершенно пересохшая рѣченка не можетъ нести такого судна. Грузъ дѣлится на тюки въ 90—100 фунтовъ, и хотя онъ нерѣдко доходитъ до тяжести слишкомъ 4 тоннъ, но вмѣщающая его лодка такъ легка, что легко переносится на плечахъ экипажа. Послѣдній состоитъ изъ 8 или 10 человѣкъ, изъ которыхъ двое должны быть уже испытанными знатоками дѣла, они получаютъ двойную плату, и одинъ изъ нихъ стоитъ на носу, а другой на кормѣ. При попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ парусъ, что облегчаетъ работу.

Канадскій вояжоръ веселъ какъ Французъ, и стоикъ какъ Индіецъ, самая одежда его есть, что-то среднее между одеждой краснокожаго и одеждой европейскаго колониста.

Нерѣдко и самъ вояжоръ происходитъ отъ смѣси французской и индійской крови — такъ называемой bois—brulè (обожженое дерево) — и тогда онъ вдвое легкомысленнѣе и беззаботнѣе. Въ шерстяномъ одѣялѣ вмѣсто верхняго платья, въ рубашкѣ изъ полосатой бумажной матеріи, въ суконныхъ панталонахъ, въ кожаныхъ индійскихъ чулкахъ и мокассинахъ изъ оленьей шкуры, въ пестромъ шерстяномъ поясѣ, за который затыкается ножъ, кисетъ съ табакомъ и проч., въ этомъ нарядѣ вояжоръ считаетъ себя за жемчужину созданія.

Онъ говоритъ французскимъ языкомъ съ огромною примѣсью индійскихъ и англійскихъ словъ. Хотя такая смѣсь могла бы довести филолога до сумашествія, но нравится она вояжору, который болтаетъ безъ умолку. Его запасъ анекдотовъ и пѣсенъ рѣшительно неистощимъ, а, какъ бы ртутью налитые, ноги всегда готовы плясать. Вояжоръ примѣрно вѣжливъ, и не зоветъ товарища иначе какъ

«mon frère» и «mon cousin». Едва ли нужно говорить объ томъ, что вояжоръ превосходный пловецъ и управляетъ лодкой, какъ искусный наѣздникъ лошадью. Во время плаванья, кормчій поетъ французскій водевильный куплетъ, въ тактъ котораго гребцы гребутъ веслами, припѣвъ повторяется всѣмъ хоромъ.

Симпсонъ въ своемъ путешествіи далъ намъ интересное описаніе живости вояжоровъ и ихъ неистощимой веселости, съ которою они выносятъ безпрерывныя затрудненія своей жизни. Послѣ дневной работы въ ближнемъ лѣсу стучитъ топоръ и менѣе чѣмъ въ 10 минутъ палатки путешественниковъ уже построены и на яркомъ огнѣ привѣтно шипитъ котелъ. Тогда какъ пассажиры грѣются и обсушиваются, вояжоры вытаскиваютъ разгруженную лодку на берегъ, переворачиваютъ ее вверхъ дномъ и тщательно осматриваютъ не нужно ли гдѣ-нибудь наложить заплату или подновить смолу. Подъ защитою противъ вѣтра поставленнаго судна и пылающаго костра спереди, не боятся вояжоры ни вѣтра, ни дождя, ни холода. Въ 1 часъ утра раздается крикъ léve! léve! léve! и въ какихъ-нибудь полъ-часа лагерь снятъ, лодка нагружена и весла гребутъ въ тактъ веселой пѣсни. Въ 8 часовъ утра снова отдыхъ для завтрака, и $^3/_4$ часа употребляются на туалетъ и трапезу. Около 2 часовъ по полудни получасовой отдыхъ для холоднаго обѣда. На 6 часовъ отдыха приходится 18 часовъ работы. Трудъ невѣроятный, но вояжоръ не только безъ ворчанья выноситъ его, но и веселится какъ другому не удастся въ дни наибольшаго счастія. Такая работа требуетъ желѣзной натуры. Въ тихую погоду у гребцовъ сильно работаютъ руки и грудь. На отмеляхъ, стоя въ водѣ по колѣно и выше, вояжоры перетаскиваютъ лодку на себѣ. Придется опять грести веслами вояжоръ только отряхаетъ съ ногъ воду, а обсушить платье предоставляетъ вѣтру. Гдѣ нужно подняться черезъ порогъ, тамъ бичевой тащатъ лодку и идутъ по утесамъ, пнямъ, болотамъ и лѣсной чащѣ; наконецъ, чтобъ перейдти изъ одной рѣки въ другую вояжорамъ приходится по самымъ отвратительнымъ дорогамъ перетаскивать на себѣ и лодку и грузъ. Въ такомъ случаѣ вояжоръ кладетъ себѣ на спину пару тюковъ (по 90 фунтовъ каждый), связанныхъ ремнемъ, который надѣвается на лобъ — руками нужно расчищать дорогу.

Такихъ переходовъ нерѣдко нужно сдѣлать 10—11 въ день. Каждый разъ какъ пристаютъ къ берегу вояжоры переносятъ пассажи-

ровъ на спинѣ, и нерѣдко вояжоръ самаго маленькаго роста несетъ самаго толстаго изъ пассажировъ.

Возвратимся къ нашимъ лѣснымъ бѣгунамъ, этимъ смѣлымъ и неутомимымъ перелетнымъ птицамъ еще неизвѣданной пустыни. Какъ много различныхъ приключеній въ ихъ жизни? Какое напряженіе всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ? Имъ нечуждо все, что можетъ только потрясти душу путешественника, торговца, воина и браконьера. Кто не позавидовалъ бы ихъ гордой независимости свободнымъ странствованіямъ? Кто бы охотно не промѣнялъ свою городскую, мирную, строго опредѣленную жизнь на то, чтобы вмѣстѣ съ ними дышать ароматнымъ воздухомъ неизмѣримыхъ хвойныхъ лѣсовъ, или плыть по серебристой рѣкѣ къ еще неизвѣстнымъ странамъ?

Coureurs des bois пускались въ своихъ берестовыхъ лодкахъ изъ французской деревни la Chine по рѣкѣ св. Лаврентія, одной изъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ Канадскихъ колоній, имя которой напоминаетъ времена, когда полагали, что рѣка св. Лаврентія есть ближайшій путь въ Китай и скоро пустыня поглотила веселыхъ гребцовъ. Только черезъ 12—15 мѣсяцевъ они снова выходили изъ чащи съ богатымъ грузомъ бобровыхъ и куньихъ мѣховъ, вымѣненныхъ у Индійцевъ. Весело купецъ, снарядившій ихъ, бралъ свою львиную часть—остальное скоро проматывалось. Но что до этого легкомысленному бѣгуну; пустыня съ ея пушнымъ богатствомъ всегда для него открыта, и, отдохнувъ нѣсколько недѣль, онъ снова возвращается сюда, какъ матросъ, послѣ короткаго отдыха на твердой землѣ, снова отправляется по зыбкимъ волнамъ. Не думалъ бѣгунъ объ будущей старости, когда слабаго остатка силъ будетъ мало, чтобы провезти лодку черезъ порогъ или протащить ее черезъ чащу; такая забота объ будущности вовсе не подошла бы къ его сангвинической, веселой натурѣ! Нельзя ожидать отъ быстроногой лани и бодраго коня такой же запасливости, къ какой способны хомякъ и крыса.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ далеко иные coureurs des bois заходили во внутренность страны, извѣстно только, что они совершали правильныя поѣздки къ берегамъ Саскачевана, 2500 англійскихъ миль по ту сторону послѣднихъ европейскихъ поселеній въ Канадѣ. Они основали по этой рѣкѣ нѣсколько факторій, или такъ называемыхъ фортовъ, изъ которыхъ вѣроятно они бы еще расширили кругъ своихъ дѣйствій, если бы завоеваніе Канады Англичанами (1761) не дало новаго направленія всей пушной торговлѣ.

Въ первые года эта торговля почти совершенно уничтожилась, но съ 1766 Британцы начали разработывать въ этомъ отношеніи свою новую колонію, и возобновили торговлю съ дикими индійскими племенами запада. Легкомысленный coureurs des bois долженъ былъ уже служить за жалованье разсчетливому купцу, и сдѣлавшись вояжоромъ углубляться все далѣе и далѣе въ пустыню, пока не дошли до краснокожихъ по Атабаскѣ и Чурчелю, которыя уже доставляли свои мѣха въ конторы Гудзондайской компаніи. И такъ мы видимъ, что интересы англійскихъ торговцевъ враждебно встрѣтились съ различныхъ сторонъ, но прежде чѣмъ мы поговоримъ объ ихъ раздорахъ, познакомимся съ началомъ сильной компаніи, которой серьозно угрожала торговля Канадцевъ.

Гудзонбайская компанія была основана въ 1670 году принцемъ Рупертомъ и другими вліятельными лицами, и получила отъ короля не только исключительную монополію торговли въ Гудзонской бухтѣ и прилежащихъ странахъ, но и признано было за ней право собственности на вѣчныя времена всѣмъ бассейномъ рѣкъ, впадающихъ въ это большое средиземное море. Компанія немедленно построила нѣсколько фортовъ по берегамъ Гудзонской бухты и основала торговлю съ индійцами, которая доставляла акціонерамъ большіе дивиденды до конца прошлаго столѣтія, когда канадскіе пушные торговцы энергической конкуренціей стали напосить ей все болѣе и болѣе чувствительныя раны.

Не смотря на доставляемые барыши, вѣроятно вслѣдствіе легкости ихъ добыванія отъ монополіи, эта торговля, пока Канада была въ рукахъ Французовъ, находилась въ какомъ-то сонномъ состояніи; просто дожидались, что Индійцы принесутъ добычу охоты къ Гудзонской бухтѣ, а не розыскивали Индійцевъ во внутренности страны, и улучшеніемъ торговыхъ путей не усиливали мѣноваго торга. 80 лѣтъ по основаніи компаніи она имѣла всего 4 небольшихъ форта по берегамъ Гудзонова залива, и только когда Британскіе конкуренты изъ Канады, какъ уже сказано, стали серьозно портить торговлю, Компанія въ свою очередь рѣшилась идти во внутренность страны и основать фортъ на восточномъ берегѣ озера Стуржона подъ 53°56 с. ш. (1774). Компанія точно также мало сдѣлала для успѣховъ географическихъ свѣдѣній относительно ей предоставленной страны, за исключеніемъ экспедиціи (1770) храбраго Геарне къ устью Мѣдной рѣки.

Въ это время между канадскими пушлыми торговцами шли постоянные раздоры, безпрерывно они вредили другъ другу и сдѣлались такъ ненавистны Индійцамъ, что послѣдніе рѣшились ихъ совершенно истребить. На счастіе бѣлымъ именно въ это время свирѣпствовала у краснокожихъ оспенная эпидемія, которая пожирала ихъ такъ, какъ огонь пожираетъ сухую траву прерій. Повсюду валялись трупы Индійцевъ на снѣдь волкамъ и дикимъ собакамъ, оставшіеся же въ живыхъ были такъ слабы и такъ упали духомъ, что ничего не могли предпринять противъ чуждыхъ пришельцевъ.

Въ свою очередь и Канадскіе торговцы замѣтили необходимость соединиться вмѣстѣ для общаго дѣла. Поэтому въ 1783 году они составили Сѣверо-Западную Компанію, состоявшую сначала изъ 16, а потомъ изъ 20 пайщиковъ, нѣкоторые изъ нихъ были въ Канадѣ, другіе по различнымъ станціямъ, расположеннымъ во внутренности страны.

Тутъ торговля Канадцевъ приняла громадные размѣры, и какъ прежде они мѣшали другъ другу, такъ теперь соединенными силами старались опередить ненавистную Гудзонбайскую Компанію. Пока послѣдняя, проснувшись, протирала себѣ глаза, агенты Сѣверо-Западной Компаніи неутомимо ѣздили по лѣсамъ, озерамъ и горамъ, и во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ основывали новые торговые посты. Знаменитѣйшій изъ этихъ агентовъ, Александръ Мекензи, въ 1789 году достигъ устья большой, по его имени названной, рѣки и видѣлъ бѣлухъ (Delphinus Beluga), игравшихъ въ арктическомъ морѣ. Во второмъ путешествіи онъ перешелъ черезъ Скалистыя горы и по теченію дотолѣ неизвѣстной рѣки Фразера дошелъ до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ заливъ Георгія. Здѣсь на скалѣ, обращенной къ морю, онъ написалъ киноварью

А. Мекензи,

пришедшій изъ Канады сухимъ путемъ 22 іюля 1792.

Буря и дождь давно уничтожили эту надпись, но имя и слава путешественника остались безсмертными.

Сѣверо-Западная Компанія нѣсколько времени владѣла всѣмъ материкомъ отъ Канадскихъ озеръ до Скалистыхъ горъ, а въ 1806 она перешла за эту мощную преграду и основала форты на сѣверныхъ притокахъ Колумбіи. Къ сѣверу она вширь и глубь распространялась по привилегированной области Гудзонбайской Компаніи, которая въ свою очередь стала дѣйствовать энергичнѣе, устроивала по-

сты все далѣе и далѣе во внутренность страны, и въ 1812 году основала колонію на Красной рѣкѣ, впадающей въ озеро Винипегъ. Но такой силѣ, какъ Сѣверо-Западная компанія, которая во время своего процвѣтанія содержала 50 агентовъ, 70 переводчиковъ и 1120 вояжоровъ, и директоры которой со всею пышностію и роскошью феодальныхъ бароновъ ежегодно съѣзжались на конференцію въ фортъ Вилльямъ, такой силѣ не могло понравиться непріятное сосѣдство, и послѣ многихъ столкновеній и отдѣльныхъ насильственныхъ поступковъ между обѣими компаніями возгорѣлась открытая война, вслѣдствіе которой черезъ два года, послѣ ея начала, колонисты Красной рѣки были изгнаны и управляющій Симпль былъ убитъ.

Это происшествіе случилось въ 1816 году, и составляетъ одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ, кровавой распри двухъ торговыхъ компаній, которая продолжалась до 1821 года. Можно было бы удивляться, что въ наше время между соплеменниками, подданными того же государства можетъ процвѣтать средне-вѣковое кулачное право, но вспомнимъ, что тогда въ американскихъ пустыняхъ европейскіе законы почти ничего не значили; что соперничество въ торговлѣ совершенно достаточная причина, чтобъ возбудить ненависть, месть и другія страсти, и что тотъ, кто полжизни провелъ среди Индійцевъ, тотъ ихъ примѣромъ можетъ побудиться къ варварской самовольной расправѣ.

Распри европейцевъ были гибельны для краснокожихъ, ибо обѣ компаніи, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ и повредить другъ другу, немилосердо расточали *огненную воду* (водку), соблазну которой не устоитъ ни одинъ Индіецъ, и этимъ довели послѣдняго до физической и нравственной гибели. Весь округъ Саскачевана и Атабаски былъ поприщемъ безпорядковъ и кровопролитій. Отъ прежде бывшей эпидеміи значительно уменьшенное коренное народонаселеніе уменьшалось все болѣе и болѣе и можно было опасаться, что если безсмысленная война между двумя соперничествующими торговыми компаніями еще долго продлитъ всеобщую деморилизацію, то большая часть самыхъ значительныхъ индійскихъ племенъ совершенно истребится.

Финансовыя дѣла обѣихъ враждующихъ партій также шли очень дурно; съ каждымъ годомъ уменьшалась добыча отъ охоты; самоубійственная конкуренція увеличила расходы, и Гудзонбайская Ком-

панія, прежде выдававшая своимъ акціонерамъ 50 и 20 процентовъ девиденда, не могла выдать имъ ни одного шиллинга съ 1808 по 1814 годъ.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ рѣшились наконецъ на то, что нужно было бы сдѣлать сначала, не совершилось бы тогда столькихъ преступленій и обѣ партіи не понесли бы столькихъ утратъ. Жестокіе враги протянули другъ другу руки, соединили свои интересы и въ 1821 году образовали нынѣшнюю Гудзонбайскую Компанію, которой Англійскій Парламентъ предоставилъ исключительное право пушной торговли по всѣмъ Гудзонбайскимъ странамъ (Гудзонбайская территорія и Сѣверо-Западная территорія) отъ Лабрадора до Тихаго океана и отъ Красной рѣки до Ледовитаго моря.

Успѣхъ скоро увѣнчалъ такой союзъ, ибо уже черезъ нѣсколько лѣтъ новая компанія получила возможность выдавать акціонерамъ по 5% полугодичнаго девиденда, этому обычаю компанія осталась вѣрна до сегодняшняго дня къ большому удовольствію акціонеровъ. Возстановленное согласіе не менѣе благодѣтельно подѣйствовало и на Индійцевъ, ибо водку перестали раздавать и подъ вліяніемъ компаніи страсти дикарей не только не стали разжигаться, а напротивъ затихли и успокоились.

Каждому мыслящему человѣку любопытно познакомиться съ механизмомъ и способомъ управленія торговаго общества, которое неограниченно владѣетъ областями, по крайней мѣрѣ въ 15 разъ пространствомъ превосходящими Германію, и потому мы думаемъ, что насъ не упрекнутъ въ сухости и слишкомъ большой подробности, если на этомъ остановимся подолѣе.

По напечатанному отчету 17 ноября 1847 года, Гудзонбайская Компанія состояла изъ 239 владѣльцевъ акцій съ капиталомъ 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Управляющій, вице-управляющій и Комитетъ изъ 7 членовъ составляютъ Лондонскую Дирекцію, эти лица избираются всѣми акціонерами, владѣющими акціями на сумму 900 фунтовъ стерлинговъ. Каждый членъ Дирекціи долженъ имѣть акцій компаніи по крайней мѣрѣ на сумму 1800 фунтовъ стерлинговъ.

Ежегодный доходъ дѣлится на 100 частей, изъ нихъ 60 частей идетъ акціонерамъ, а 40 частей выдается вмѣсто постояннаго жалованья Chief-factors и Chief-traders, такъ называются главные агенты компаніи. Такое устройство тѣмъ хорошо, что каждаго поощря-

етъ работать изо всѣхъ силъ для общей пользы. Компанія держитъ 25 Chief-factors и 28 Chief-traders, которые первоначально были избраны изъ служителей обѣихъ прежнихъ компаній. 40% изъ дохода дѣлится на 85 паевъ, каждый Chief-factor получаетъ 2 пая, а каждый Chief trader одинъ пай; остающіеся 7 паевъ идутъ на пенсіи. Chief factors управляютъ различными главными станціями или фортами, а Chief traders ведутъ дѣла съ Индійцами. Подъ начальствомъ тѣхъ и другихъ находится множество помощниковъ, получающихъ опредѣленное жалованье отъ 20—100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и такъ какъ изъ среды этихъ помощниковъ избираются Chief-traders и Chief-factors, а изъ послѣднихъ въ свою очередь избирается генералъ-губернаторъ Гудзонбайскихъ странъ, то очевидно, что и здѣсь каждый старается отличиться трудолюбіемъ и дѣятельностію.

Въ каждомъ торговомъ постѣ 4 Chief factors образуютъ судъ, которому предоставлено право приговорить виновнаго служителя компаніи къ денежному штрафу, выговору или на извѣстное время отставить его отъ должности.

Ежегодно одинъ изъ трехъ Chief factors и изъ двухъ Chief traders получаетъ годичный отпускъ. Каждый Chief-factor или Chief-trader, прозимовавшій на службѣ компаніи три года во внутренности страны, получаетъ если захочетъ выйдти въ отставку полный пай въ теченіи одного года и половинный пай въ слѣдующіе 4 года. Если онъ прозимуетъ 5 лѣтъ, то получаетъ половинный пай въ теченіи 6 лѣтъ. Если онъ умретъ въ это время, то семейство пользуется преимуществами покойнаго.

Въ 1837 году компанія имѣла 136 торговыхъ станцій, или такъ называемыхъ фортовъ, которыхъ ненужно воображать себѣ какими то Севастополями, а это просто укрѣпленные магазины, которые однако же могутъ защищаться отъ нападеній Индійцевъ. Въ фортахъ, построенныхъ въ области племени, съ которымъ давно уже находятся въ мирныхъ сношеніяхъ и на вѣрность котораго можно надѣяться, вовсе не содержатъ карауловъ. И только въ новоустроенныхъ и отдаленныхъ фортахъ принимаютъ нѣкоторыя предосторожности. Форты разсѣяны по всей странѣ и всегда стоятъ на берегу озера или рѣки, какъ для болѣе удобной перевозки товаровъ, такъ и для рыбной ловли, которая на иныхъ станціяхъ, почти исключительно доставляетъ пищу небольшому гарнизону.

Компанія, кромѣ factors, traders и ихъ помощниковъ постоянно доставляетъ работу 1200 служителямъ-вояжорамъ — кромѣ многихъ Индійцевъ гребцовъ, которыхъ нанимаютъ на одну поѣздку. При этомъ не должно забывать, что все индійское населеніе обширной области, доходящее до 140000—160000 душъ, бьетъ пушныхъ звѣрей для компаніи, и потому, хотя не непосредственно, но также служитъ ей.

Вліяніе Компаніи на сыновъ пустыни можно назвать благодѣтельнымъ. Индійцы это дѣти и Компанія съ ними поступаетъ такъ, какъ нужно поступать съ дѣтьми, т. е. съ добротою, но съ твердостію и рѣшительностію. Какъ изъ человѣколюбія, такъ и съ торговою цѣлію, Компанія старается мало по малу просвѣтить Индійцевъ, часто помогаетъ имъ въ нуждѣ, въ которую они впадаютъ отъ недостатка предусмотрительности, и примѣрной честностію пріобрѣтаетъ полное ихъ довѣріе. Это нравственное превосходство, а также, удивляющія Индійцевъ обширныя свѣдѣнія и искусства Европейцевъ, составляютъ главнѣйшія причины покорности и уваженія, съ какими входитъ дикарь въ фортъ Гудзонбайской Компаніи и относится къ ея агентамъ, *это же объясняетъ, какъ горсть бѣлыхъ, разсѣянная по громадной области*, и окруженная варварскими народами, не только пользуется совершенной безопасностію, но управляетъ и укрощаетъ въ 100 разъ сильнѣйшее индійское населеніе.

Впрочемъ Индійцы пріучились ко множеству потребностей, которыхъ прежде не знали, и потому подпадаютъ все въ большую зависимость отъ европейскихъ торговцевъ. Сѣверный Индіецъ уже не *прежній, свободный, своимъ потребностямъ самъ удовлетворяющій*, человѣкъ, который самъ безъ чужой помощи сумѣетъ сдѣлать нужныя для его существованія и оружіе и утварь. Нѣтъ теперь ему не прожить безъ англійскаго огнестрѣльнаго оружія, безъ англійскихъ снастей, безъ желѣзныхъ товаровъ, сукна и шерстяныхъ одѣялъ, и несчастное племя неминуемо погибло бы, если бы Гудзонбайская Компанія закрыла ему свои магазины.

Пушной товаръ, набирающійся въ теченіи года въ различныхъ фортахъ во время короткаго лѣта, когда рѣки и озера освобождаются отъ ледянаго покрова свозится, описаннымъ въ началѣ этой главы способомъ въ Іоркскую или Музскую факторіи на Гудзоновомъ заливѣ, или въ Монтреаль или въ фортъ Ванкувера на Орегонѣ, а отсюда на корабляхъ, принадлежащихъ самой Компаніи пересылается въ Лондонъ.

Перевозка товара изъ отдаленныхъ постовъ, находящихся во внутренности страны, нерѣдко длится по нѣскольку годовъ, ибо медленно можно ѣхать по водяному пути, ежеминутно прерываемому порогами и переходами изъ одной рѣки въ другую; при этомъ понятно, что всѣ сообщенія прекращаются во время продолжительной зимы. Еще медленнѣе идутъ во внутренность страны, назначенные для мѣны съ Индійцами, европейскіе мануфактурные товары (кромѣ вышеназванныхъ предметовъ стоитъ упомянуть еще: пестрыя бумажныя матеріи, шелковые носовые платки, бусы и другіе предметы, служащіе для украшеній, а также всего болѣе любимый табакъ); ибо такая путина должна совершаться вверхъ по рѣкѣ. И поэтому Компанія нерѣдко ждетъ 5, 6 и даже 7 лѣтъ уплаты за высланные изъ Лондона товары.

Конечно должно допустить, что за это Компанія получаетъ хорошіе проценты, ибо она, по свидѣтельству Армштронга, одного изъ новѣйшихъ арктическихъ путешественниковъ, даетъ Эскимосу, при устьѣ Мекензи, за песца, стоющаго въ Лондонѣ 20—30 фун., всего желѣзный котелъ, который стоитъ не болѣе 7 шиллинговъ.

Гудзонбайская Компанія ежегодно вывозитъ въ Англію мѣховъ на сумму 150000—200000 фун. стерлинговъ, кромѣ того она находится съ Россійско Американской Компаніей и дѣлаетъ прямыя отправки въ Китай. Впрочемъ главнѣйшій рынокъ Гудзонбайской Компаніи есть Лондонъ, гдѣ напр. въ 1844 году продано 433398 шкурокъ на сумму 173936 фунтовъ 17 шиллинговъ. Помѣщеніе Компаніи (Hudson's Bay House, Tenchurch Street) ежегодно по нѣскольку разъ производится аукціонная продажа мѣховъ. Чтобы получить понятіе объ различныхъ пушныхъ звѣряхъ, которыхъ бьютъ въ области Гудзонбайской Компаніи, мы представляемъ два ея продажныхъ каталога.

Въ мартѣ 1848 года продано съ публичнаго торга:

5780	шкурокъ	рѣчной выдры,
4580	«	пекана (канадской куницы),
900	«	песца,
18100	«	рыжей и бѣлой лисицы,
2566	«	чернаго медвѣдя,
536	«	бураго, сѣраго и бѣлаго медвѣдей,
30100	«	рыси,
9800	«	волка,

680 шкурокъ разсомахи (Wolverine),
121000 « куницы,
24000 « минкса (Mustela vison)
и нѣкоторыя другія.

30 августа того же года продано:

21349 шкурокъ бобра,
808 « рѣчной выдры,
195 « морской выдры,
150 « тюленя (fur seal),
744 « пекана,
1344 « лисицъ,
2997 « медвѣдя,
29785 « куницы,
14103 « минкса,
18553 « ондатры (Musquash, Fiber zibethicus),
1551 « лебедя,
1015 « рыси,
632 « кошки,
1494 « волка,
228 « розсомахи,
2090 « енота (Racoon),
2884 « дикой козы.

Хотя вообще дѣла Гудзонбайской Компаніи идутъ хорошо, но иногда приходится терпѣть ей значительные убытки, вслѣдствіе измѣняемости цѣнъ на мѣха. Ничто однакоже не причинило ей такихъ потерь, какъ фабрикація шелковыхъ мужскихъ шляпъ, которая вытѣснила дотолѣ во всеобщемъ употребленіи бывшихъ касторовыхъ шляпъ. Такъ въ 1839 году до начала этой фабрикаціи, было продано 55486 бобровыхъ шкурокъ по 27 шиллинговъ и 6 пенсовъ за штуку, всего на сумму 76312 фунтовъ стерлинговъ, а въ 1846 году 45389 шкурокъ принесли всего 7856 фунтовъ, такъ что, вслѣдствіе конкуренціи шелковаго червя, цѣна упала до ничтожныхъ 3 шиллинговъ 5 пенсовъ за штуку. Конечно Компанія должна была почувствовать пониженіе цѣнности въ 450000 талеровъ. Надежда на будущность также не совсѣмъ успокоительна, ибо со многихъ сторонъ на горизонтѣ компаніи поднимаются сильныя тучи. Въ маленькой колоніи, основанной на Красной рѣкѣ, сама Компанія воспитала змѣю, которая грозитъ гибелью всей торговлѣ. Населеніе этой

колоніи (около 6000 душъ) состоитъ большею частію изъ креоловъ, дѣтей индіянокъ и вышедшихъ въ отставку вояжоровъ, которымъ вмѣсто пенсіи дали по участку земли. Говоря круглыми числами $^3/_5$ населенія происходитъ отъ канадскихъ вояжоровъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, а $^2/_5$ происходятъ отъ оркадскихъ вояжоровъ протестантовъ. Послѣдніе наслѣдовали серьозный, сельско хозяйственный характеръ своихъ отцовъ, и потому завладѣли почти всѣмъ цѣннымъ имуществомъ колоніи, тогда какъ въ кровь первыхъ перешло все легкомысліе отцовъ, и потому они образуютъ предпріимчивый пролетаріатъ.

Такъ какъ колонія находитъ мало сбыта земледѣльческихъ продуктовъ на сѣверѣ, то большинство креоловъ ревностно старается дѣлиться пушной торговлей съ Гудзонбайской Компаніей, которая кажется не имѣетъ средствъ долго бороться съ этими конкурентами. Близость Соединенныхъ Штатовъ и родственныя связи креоловъ съ бѣлыми племенами до Portage la Loche даютъ имъ возможность захватить часть торговли Компаніи, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ водка, не смотря на всѣ возможныя запрещенія дѣлаетъ свое дѣло. Ричардсонъ разсказываетъ, что въ 1848 году судья колоніи пригласилъ къ суду одного креола, уличеннаго въ преступленіи противъ торговой привилегіи Компаніи, а креолъ тотчасъ же собралъ 500 вооруженныхъ молодыхъ людей и судья принужденъ былъ спрятаться. Креолы полагаютъ, что по матерямъ они имѣютъ болѣе правъ на страну, чѣмъ привилегированная Компанія. Ричардсонъ впрочемъ того мнѣнія, и вѣроятно читатель согласится съ нимъ, что допущеніе свободной торговли пушнымъ товаромъ совершенно раззоритъ коренныхъ жителей. Они постоянно быстро исчезали на границахъ колонизированныхъ округовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Канадѣ, и совершенному уничтоженію индійскихъ племенъ положило предѣлы истребленіе пушныхъ звѣрей, что отняло у Индійцевъ средства добывать водку.

Гудзонбайская Компанія имѣетъ и въ Англіи много враговъ. Ее упрекаютъ въ томъ, что она мѣшаетъ колонизаціи плодородныхъ прерій Саскачевана и лѣсной области Атабаски, весьма годныхъ для скотоводства. А такъ какъ срокъ привилегіи окончится черезъ нѣсколько лѣтъ, то уже теперь поднимается сильная буря противъ ея дальнѣйшаго существованія, по крайней мѣрѣ, на нынѣ существующихъ правахъ.

Само собою разумѣется, что владѣніе землями по берегу Гудзоновой бухты, навсегда останется за Компаніей, которая имѣетъ на нихъ не менѣе правъ всякаго другаго собственника въ Англіи на свое наслѣдственное имѣніе; и Ричардсонъ полагаетъ, что разработка минеральныхъ богатствъ этихъ странъ, негодныхъ для земледѣлія, съ лихвою вознаградитъ Компанію за утрату всей торговли пушнымъ товаромъ.

Чтобы ни ожидало въ будущемъ Гудзонбайскую Компанію, все же за ней останется въ исторіи слава самаго лучшаго по управленію и самаго громаднаго торговаго общества въ мірѣ.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы видѣть, что громадная область, управляемая Гудзонбайской Компаніей, состоитъ изъ глубокой долины, спускающейся къ полярному морю и Гудзоновой бухтѣ. Пространство, ограниченное съ запада Скалистыми горами, съ юга небольшимъ горнымъ кряжемъ, который идетъ отъ Лабрадорскаго берега до Скалистыхъ горъ, въ свою очередь служащихъ водораздѣломъ бассейна Саскачевана, воды котораго текутъ къ сѣверовостоку, отъ бассейновъ Мисури и Миссисипи текущимъ къ югу, все это пространство занимаетъ не менѣе 100000 квад. миль. Отличительный характеръ этой области состоитъ въ томъ, что она представляетъ однообразную, ровную или холмистую поверхность, по которой мѣстами неправильно тянутся горные кряжи. По всей странѣ идетъ сѣть многихъ рѣкъ и озеръ, уровень которыхъ имѣетъ такое свойство, что часто трудно сказать текутъ ли они въ Гудзонову бухту или въ полярное море, ибо многіе озера имѣютъ различные стоки, и многія рѣки принимаютъ иное направленіе, смотря потому высока ли вода или нѣтъ. Такъ напр. если рѣка Мира полна, то она впадаетъ въ Атабаску; напротивъ при низкой водѣ, рѣка Мира принимаетъ воды этого озера, и, принимая названіе Невольничьей рѣки, впадаетъ въ Большое Невольничье озеро. При такомъ богатствѣ водъ и маломъ наклонѣ почвы въ цѣломъ мірѣ не было бы страны болѣе удобной для судоходства. Но съ одной стороны многочисленные пороги причиняютъ много труда нашему веселому пріятелю вояжору, а съ другой суровая и продолжительная зима заковываетъ льдами рѣки и озера на большую часть года. Такъ какъ арктическая Америка къ востоку отъ Скалистыхъ горъ, подобно Сибири, постепенно склоняется къ сѣверо востоку и сѣверу, то очевидно, что вслѣдствіе этого положенія и климатъ похожъ на

климатъ Сибири, даже можно сказать, что вообще въ Гудзонбайскихъ странахъ зимніе холода еще суровѣе, чѣмъ на азіятскомъ сѣверѣ; ибо нигдѣ тундра не заходитъ такъ далеко на югъ, какъ въ Лабрадорѣ и по берегамъ Гудзонова залива. Даже въ бассейнѣ Саскачевна, подъ одинаковою широтою съ Англіею, полярные вѣтры, дующіе по голымъ преріямъ, производятъ долго держущіеся холода въ — 35°, и хотя тамъ лѣто производитъ нерѣдко тропическія жары, но тѣмъ не менѣе даже среди этого времени года нерѣдко случаются ночные морозы.

Послѣ того, что мы говорили въ первой главѣ объ полярныхъ странахъ вообще, мы бы только утомили читателя, если бы стали описывать подробнѣе пустыни крайняго американскаго сѣвера. Обнаженные тундры и мрачные хвойные лѣса, необозримыя болота и и крутыя скалы характеризуютъ Лабрадоръ и Новый Валисъ, и ихъ скудный, однообразный коверъ покрываетъ всю страну. За исключеніемъ небольшаго округа по Красной рѣкѣ, впадающей въ озеро Винипегъ, и весьма незначительныхъ попытокъ около различныхъ торговыхъ постовъ, во всей громадной области Гудзонбайской Компаніи земледѣліе вовсе не имѣетъ мѣста, ибо статутами, какъ извѣстно, земледѣліе запрещено самой Компаніи и не позволено селиться колонистамъ въ ея владѣніяхъ. Точно также въ нѣдрахъ земли не разрабатываются минеральныя богатства. Компанія исключительно занимается пушной торговлей; единственный продуктъ страны, имѣющій цѣну въ глазахъ Компаніи и ею доставляемый на рынки, состоитъ только въ пушномъ товарѣ, и только съ цѣлію собиранія звѣриныхъ шкуръ агенты ея разъѣзжаютъ по рѣкамъ и озерамъ и устраиваются торговые посты отъ Гудзоновой бухты до Тихаго океана и отъ Юкона до Ассинибоина.

И мы послѣдуемъ примѣру Компаніи, и мы пойдемъ въ лѣсъ и тундру по слѣдамъ самыхъ замѣчательныхъ пушныхъ звѣрей, и потомъ поспѣшимъ оставить страну, гдѣ человѣкъ является лишь звѣроловомъ или странникомъ, и кромѣ немногихъ бѣдныхъ хижинъ не основалъ здѣсь никакихъ прочныхъ памятниковъ своего существованія.

Къ самымъ драгоцѣннымъ звѣрямъ Гудзонбайскихъ странъ принадлежитъ черный американскій медвѣдь (Ursus americanus), который, какъ извѣстно, не водится ни въ Азіи ни въ Европѣ. Хотя онъ принадлежитъ къ числу самыхъ мелкихъ медвѣдей, но нѣжный бле-

стящій долговолосый мѣхъ его даетъ ему мѣсто въ пушной торговлѣ, котораго не занять его собратіямъ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта. Кромѣ желтобураго пятна съ каждой стороны длинной морды, онъ весь чернаго цвѣта. Американскій медвѣдь живетъ въ лѣсной области и питается преимущественно плодами, ягодами, кореньями, птицами, яицами и медомъ. Онъ нападаетъ на другихъ четвероногихъ только когда очень голоденъ, и рѣдко наноситъ вредъ человѣку, развѣ для собственной защиты. Онъ очень быстро лазаетъ по деревьямъ и скаламъ, и такъ какъ онъ очень остороженъ, то лѣтомъ весьма трудно подойти къ нему. Но именно излишняя осторожность иногда вовлекаетъ его въ бѣду, и изъ его примѣра мы можемъ видѣть, что во всемъ вредно доходить до крайности. Изъ боязни всѣхъ возможныхъ опасностей американскій медвѣдь при малѣйшемъ шорохѣ поднимается на заднія лапы, чтобы посмотрѣть сквозь кусты, и въ это время падаетъ отъ пули, которой старался избѣжать. Зимою, когда на снѣгу остаются слѣды, чаще стрѣляютъ американскаго медвѣдя, тѣмъ болѣе, что въ это время года мѣхъ его лучше и жиръ вкуснѣе. При отыскиваніи его слѣдовъ Индійцы выказываютъ необыкновенную ловкость, какой только можно ожидать отъ острыхъ чувствъ этихъ испытанныхъ охотниковъ. Индійцы убившіе медвѣдя, предъ тѣмъ какъ сдирать шкуру, тысячу разъ извиняются передъ *бабушкой* (такъ зовутъ они его).

Тогда какъ богачъ не постыдится носить шубу американскаго медвѣдя, мѣхъ бураго (Ursus arctos) идетъ только на санныя полости. Тождественъ ли американскій бурый медвѣдь съ европейскимъ еще достаточно не разъяснено; во всякомъ случаѣ они очень близки. Лѣтомъ онъ доходитъ до береговъ полярнаго моря и нападаетъ на другихъ животныхъ гораздо чаще своего чернаго собрата. Говорятъ когда онъ очень голоденъ, то нападаетъ даже на человѣка; но всѣ медвѣди, которыхъ видѣлъ Ричардсонъ, при появленіи его, немедленно обращались въ бѣгство. Сѣрый медвѣдь, Миссурскій (Ursus ferox, Grisly bear), поднимается въ Скалистыхъ горахъ до 61° с. ш. Въ пушной торговлѣ этотъ звѣрь имѣетъ малое значеніе, но заслуживаетъ упоминовенія, потому что онъ больше, хищнѣе и независимѣе всѣхъ другихъ медвѣдей, онъ одолѣваетъ даже мощнаго бизона. Онъ иногда достигаетъ громадной длины 9 футовъ и относительно высокъ и широкъ. Вообще хищные звѣри Америки меньше и слабѣе соотвѣтствующихъ видовъ Стараго Свѣта; ягуаръ уступаетъ

тигру и кугуаръ льву, но такого медвѣдя мы напрасно будемъ искать въ Африкѣ, Азіи или Европѣ, и Американцы съ гордостію указываютъ на сѣраго медвѣдя, когда говорятъ имъ, что въ ихъ отечествѣ менѣе проявляется силы и хищности, чѣмъ въ восточномъ полушаріи.

Объ бѣломъ медвѣдѣ, звѣрѣ болѣе принадлежащемъ водѣ чѣмъ землѣ, мы уже говорили во второй главѣ; и потому переходимъ къ описанію енота или ракупа (Procyon lotor), который собственно не принадлежитъ къ роду медвѣдей, шкуры его также составляютъ товаръ Гудзонбайской Компаніи. Хотя енотъ на ходу становится, какъ медвѣди, всею ступнею, точно также питается животною и растительною пищею, но гораздо меньше медвѣдей и имѣетъ довольно длинный хвостъ. Шерсть енота обыкновенно бываетъ сѣро-бѣлаго цвѣта, морда бѣлая, бурая полоса идетъ отъ оконечности носа по лбу; хвостъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ поперечныхъ волосъ. Енотъ красивъ, легокъ въ движеніяхъ и легко приручается; веселыя глаза и морда придаютъ его лицу хитрое выраженіе. Онъ имѣетъ замѣчательную особенность, которая состоитъ въ томъ, что онъ полощетъ въ водѣ свою пищу, отсюда и нѣмецкое названіе енота (Waschbär, медвѣдь полоскунъ), впрочемъ образомъ жизни онъ очень похожъ на барсука. Енотъ встрѣчается во всей умѣренной Сѣверной Америкѣ до 56° с. ш. и потому также житель Гудзонбайскихъ странъ, хотя его больше въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Замѣчательно, что мѣхъ енота преимущественно носятся въ Россіи, не смотря на высокую ввозную пошлину; можетъ быть именно потому онъ и въ большемъ ходу, что дорогъ. Въ 1841 году въ Петербургъ было привезено 111316 енотовыхъ шкурокъ, кромѣ того въ Лейпцигѣ оставался запасъ въ 550000 шкурокъ, которыя вѣроятно перешли черезъ границу посредствомъ контрабанды.

Росомаха (Gulo luscus), которую описали мы въ главѣ о сибирской пушной торговлѣ, также встрѣчается въ Америкѣ. Можно сомнѣваться въ тождественности американской росомахи съ росомахой Стараго Свѣта, это замѣчаніе впрочемъ относится ко всѣмъ одноименнымъ животнымъ обоихъ полушарій. Ископаемые остатки росомахи находятся даже на островахъ Парри, почти подъ 75° с. ш. Мѣхъ росомахи хотя появляется на рынкахъ, но американскій звѣроловъ ненавидитъ это животное, которое ловко умѣетъ выхватывать изъ капкана приманку, и труды охотника пропадаютъ даромъ.

Сибирь гордится соболемъ, а Сѣверная Америка гордится своей куницой (Mustela martes, Pine Martin), которой нѣтъ въ сѣверной Азіи. Куница въ огромномъ количествѣ встрѣчается въ лѣсной области, гдѣ живетъ въ дуплахъ деревьевъ и въ гнѣздахъ хищныхъ птицъ и вороновъ, и преимущественно питается зайцами, мышами и птицами. Ради прекраснаго дорогого мѣха охотники неутомимо стрѣляютъ куницъ или ловятъ ихъ въ капканы. Куница даетъ хорошія деньги Гудзонбайской Компаніи и въ Англіи этотъ звѣрь продается за соболь — настоящій рѣдко доходитъ до Лондона.

Пеканъ или сѣверная куница (Mustela canadensis), самая большая изъ куницъ, также не встрѣчается въ Азіи. Въ Америкѣ пеканъ живетъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана и отъ Пенсильваніи до Большаго Невольничьяго озера. Онъ живетъ въ лѣсахъ и питается преимущественно мышами, но болѣе всего любитъ канадскаго дикобраза (Hystrix dorsata). Волосъ пекана тонокъ, у корня сѣроватъ или буроватъ, въ срединѣ изъ желта бѣлъ, а къ концу черновато бураго цвѣта. Мѣхъ пекана извѣстный на рынкахъ подъ именемъ «Woodshock» не считается дорогимъ. Между всѣми пальцами заднихъ ногъ находится небольшая плавательная перепонка. Не питается ли пеканъ также рыбою?

Многіе виды горностая (Mustela longicaudata, Richardsonii, Cigognanii) живутъ также въ Гудзонбайскихъ странахъ, но Компанія мало заботится объ шкуркахъ этихъ звѣрковъ, ибо горностай идетъ въ Англію изъ Россіи. Горностай, какъ извѣстно относится къ семейству хорьковъ, которые всѣ издаютъ непріятный запахъ, но ни одно созданіе не распространяетъ такой страшной вони, какъ родственный съ хорьками скунксъ или вонючка (Mephitis americana), за это свойство Французы назвали скункса чертовымъ сыномъ, enfant du diable.

Преслѣдуемая человѣкомъ или собаками вонючка сначала бѣжитъ изо всѣхъ силъ и быстро взлѣзаетъ на деревья, чтобы уйдти отъ враговъ. Но если нѣтъ другаго исхода, то на нѣсколько футовъ выбрасываетъ она изъ себя жидкость, убійственный запахъ которой превосходитъ все, что можно вообразить. Изъ платья ничемъ и никогда не выведешь этой вони, руки и лицо нужно тереть по крайней мѣрѣ часъ землей. «Я однажды спалъ», говоритъ Кальмъ, «на дворѣ, гдѣ лежалъ убитый ягненокъ: вонючка закралась сюда, собаки бросились на нее и она пустила въ нихъ свою жидкость. Хотя я спалъ довольно

далеко отъ этого мѣста, но я думалъ, что задохнусь; даже коровы стали мычать во все горло. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, кухарка замѣтила, что изъ погреба пропадаетъ мясо, и чтобы поймать вора она закрыла всѣ выходы. Ночью она услыхала шумъ и вооруженная толстой палкой вошла въ погребъ; въ темнотѣ она увидѣла звѣря по свѣтящимся глазамъ и тотчасъ же убила его. Тутъ внезапно распространилась такая вонь, что кухарка чуть не упала въ обморокъ. Нѣсколько дней пролежала она въ постели, и нужно было выбросить все, что находилось въ погребѣ. Не смотря на это отвратительное свойство вонючку иногда приручаютъ, но при этомъ вырѣзываютъ железки, выдѣляющія отвратительную жидкость. Дикари ѣдятъ мясо скункса, которое говорятъ похоже на мясо поросенка. Шерсть груба, долговолоса, чернаго цвѣта съ бѣлою полосою по бокамъ. Индійцы дѣлаютъ изъ мѣха вонючки кисеты для табака, которые носятъ спереди. На аукціонахъ Компаніи никогда не продаются мѣха скункса. За то очень много продается мѣховъ близкаго къ вонючкѣ минкса (Putorius vison), который образомъ жизни очень похожъ на выдру, ибо питается мелкою рыбою, прѣсноводными моллюсками и раками, и превосходно плаваетъ и ныряетъ. Мѣхъ минкса, хотя темнѣе, но волосъ не такъ длиненъ какъ у куницы, а потому и самъ мѣхъ дешевлѣ.

Мѣхъ канадской выдры (Lutra canadensis) несравненно лучше мѣха своего европейскаго собрата; за шкурку платится 7—14 талеровъ. Канадская выдра доходитъ къ сѣверу до 66° и 67°.

Американская лисица (Vulpes fulvus) точно также даетъ мѣхъ, который гораздо дороже мѣха нашей лисицы. Она глянцовито краснаго цвѣта; горло и грудь бѣлыя, брюшко блѣдно-красное, ноги и уши черные. Еще дороже лисица крестовикъ (Vulpes fulvus decussatus), за шкурку которой платятъ 4—5 гиней, но все-таки она дешевлѣ шкурокъ чернобурой и серебряной лисицы. Черный волосъ серебряной лисицы имѣетъ бѣлый кончикъ. Она очень рѣдка, рѣдко поймаютъ 4—5 такихъ лисъ въ одномъ постѣ; поэтому за шкурку платятъ 20—30 гиней. Лисица живетъ только въ лѣсной области, охотно держится по берегамъ озеръ, гдѣ ловитъ птицъ, мышей и медвѣдокъ.

Менѣе цѣнится степная лисица (Vulpes cinereo-argentatus), которая все-таки дороже песца (Vulpes lagopus).

Канадская рысь (Felis canadensis) имѣетъ прекрасную густую шерсть и питается преимущественно зайцами (Lepus americanus), которые въ свою очередь ѣдятъ ивовую кору, и по Мекензи дости-

гаютъ 68° с. ш. Еще далѣе къ сѣверу идетъ полярный заяцъ (Lepus glacialis), который доходитъ до островов Парри подъ 75°. Этотъ заяцъ питается арктической вербой, лабрадорскимъ чаемъ и другими растеніями крайняго сѣвера, любитъ каменистыя мѣстности, гдѣ повсюду находитъ себѣ убѣжище, а зимой роетъ въ снѣгу норы. Лѣтомъ спинка полярнаго зайца свѣтло-сѣраго цвѣта, а зимою онъ весь бѣлый, исключая оконечности ушей, которыя постоянно остаются черными.

Прежде самымъ важнымъ звѣремъ Гудзонбайскихъ странъ былъ американскій бобръ (Castor fiber), такъ что и въ настоящее время въ мѣновой торговлѣ съ Индійцами бобровая шкурка составляетъ единицу цѣнности. И кромѣ того бобръ своими удивительными постройками имѣетъ всеобщій интересъ, и въ высокой степени заслуживаетъ вниманія любителя природы. Лѣтомъ бобръ живетъ одиноко въ земляныхъ норахъ, которыя роетъ по берегамъ озеръ и рѣкъ, но съ приближеніемъ суроваго времени года, онъ оставляетъ свое убѣжище и соединяется нерѣдко съ нѣсколькими сотнями своихъ собратій для общаго зимняго жилища. Мѣстомъ для него бобры избираютъ озеро или рѣку, на столько глубокія, что не вымерзаютъ до дна, и обыкновенно предпочитаютъ текучую воду, которою пользуются для переноски матеріаловъ. Чтобы вода постоянно находилась на одинаковомъ уровнѣ, бобры прежде всего строятъ плотину въ 10—12 футовъ толщиной внизу и только въ 2 фута вверху, плотина всегда имѣетъ кривую форму, выгнутостію обращенную къ теченію; длина плотинъ бываетъ до 80 и 100 футовъ. Плотина состоитъ изъ древесныхъ стволовъ въ руку или ногу толщиной, которые плотно вбиваются въ землю и потомъ переплетаются вѣтвями. Промежутки выполняются камнями и глиной, потомъ все обкладывается прочнымъ и толстымъ слоемъ глины. По окончаніи этой работы бобры дѣлятся на семейства и строятъ свои хижины или къ самой плотинѣ, или по краю водянаго русла. Хижины имѣютъ форму колокола, внутренній поперечникъ которыхъ имѣетъ 6—7 футовъ, а стѣнки точно также состоятъ изъ вѣтвей, обложенныхъ глиной. Хижины на $^2/_3$ выходятъ изъ воды и состоятъ изъ двухъ этажей. Верхній сухой служитъ жилищемъ бобрамъ, въ нижнемъ, находящемся подъ водой, хранятся припасы. Входъ въ хижину точно также находится подъ водой, такъ что никто, кромѣ человѣка, не обезпокоитъ бобровъ въ ихъ жилищѣ. Прежде думали, что, похожій на рыбій, хвостъ бобра служитъ глав-

нымъ орудіемъ въ работахъ, но кажется, что бобръ употребляетъ для нихъ зубы и переднія лапы. Сильными рѣзцами онъ грызетъ дерево и тащитъ его ртомъ или передними лапами. Но мастерски умѣетъ пользоваться бобръ теченіемъ воды, и потому постоянно беретъ лѣсъ выше мѣста будущей постройки, куда сплавляетъ его водой. Лапами мнетъ и лепитъ глину, а хвостомъ смазываетъ ее и снимаетъ излишекъ. Эти удивительныя работы, необыкновенно быстро производятся по ночамъ на озерахъ и рѣкахъ, сколь возможно болѣе удаленныхъ отъ преслѣдованій человѣка. Только въ лѣсахъ крайняго сѣвера бобровъ еще довольно много, чтобы предпринимать такія общественныя постройки; да и здѣсь бобръ сталъ рѣже встрѣчаться и былъ бы совершенно истребленъ, если бы Гудзонбайская Компанія не заботилась объ томъ, чтобы въ различныхъ округахъ охота на бобра производилась черезъ каждыя 4 или 5 лѣтъ. Въ 1743 изъ Монтреаля въ Ла-Рошель выслано было 127000 бобровыхъ шкурокъ, кромѣ 26070 посланныхъ Гудзонбайскою Компаніею въ Лондонъ. Въ настоящее время вывозъ едва ли достигаетъ до трети этого количества. Такъ какъ бобръ преимущественно питается корою ивы, березы и тополя, то онъ и не выходитъ за лѣсную область, но тѣмъ не менѣе достигаетъ высокой широты по берегамъ Мекензи. Извѣстно, что бобръ живетъ въ Европѣ и Азіи, по Дунаю, Ронѣ, въ Польшѣ, Россіи и Сибири; но нигдѣ не дѣлаетъ такихъ построекъ, какъ въ сѣверной Америкѣ.

Кромѣ прекраснаго мѣха бобръ даетъ еще такъ называемую бобровую струю, выдѣляющуюся изъ двухъ мѣшечковъ на брюшкѣ, и употребляющуюся какъ врачебное средство въ нервныхъ болѣзняхъ. Впрочемъ сѣверо-американская бобровая струя, гораздо дешевлѣ сибирской, послѣдняя стоитъ 300 и болѣе талеровъ за фунтъ, первая не дороже 17. Индійцы ѣдятъ мясо бобра. Замѣчательна огромная величина слюнныхъ железокъ бобра, питаясь бо́льшею частію сухою пищею, ему необходимо, чтобы переварить ея, большое количество слюны. Для каждой потребности природа умѣетъ создавать соотвѣтствующіе органы, — какъ здѣсь, такъ и во всемъ животномъ мірѣ подтверждается это положеніе.

Ондатру (Ondatra zibethica, musquash; watsuss или wachusk) сѣверо-американскіе Индійцы называютъ младшимъ братомъ бобра, съ которымъ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ она имѣетъ сходство. Зимою ондатры живутъ обществомъ и строятъ себѣ хижины

различной величины. Смыслъ этихъ животныхъ выказывается при выборѣ мѣста для построекъ. Имъ не только нужно имѣть защиту на зиму, но и быть вблизи кореньевъ и воды, не подвергаясь наводненіямъ. Поэтому они строятъ свои жилища въ болотахъ или по берегамъ рѣкъ и озеръ значительной величины, гдѣ дно русла ровно и много тамъ питательныхъ кореньевъ. Если мѣсто, гдѣ строится хижина довольно низко, то его подпимаютъ; хижина имѣетъ форму купола въ 2 фута шириной, здѣсь живетъ 7—8 ондатръ, а для нѣсколькихъ семействъ хижина дѣлится на нѣсколько комнатъ. Матеріаломъ для постройки служатъ камыши, которые вбиваются какъ сваи въ землю, потомъ правильно переплетаются и смазываются глиной. Такая въ 3—4 дюйма толщиной стѣна прикрывается еще слоемъ камыша дюймовъ въ 8 безъ глины. Иногда хижины построены въ такомъ количествѣ, что ихъ можно сравнить съ деревнею. Зимою хижины находятся подъ слоемъ снѣга въ 3—4 фута, но ондатры не засыпаютъ спячкой (изъ первой главы мы уже знаемъ какъ тепло подъ снѣгомъ) и въ землѣ роютъ ходы, ведущіе къ водѣ, и такимъ образомъ могутъ находить коренья, хотя все еще покрыто снѣгомъ и льдомъ. Такъ ондатры проживаютъ суровое время года въ полномъ спокойствіи, ибо куница и миксъ слишкомъ боятся воды, чтобы ловить ихъ, а рѣчная выдра слишкомъ толста, чтобы проникнуть въ ходы ондатръ. Но лишь только растаетъ снѣгъ и изъ-подъ него покажутся верхушки построекъ, какъ являются охотники, разрушаютъ жилища и бьютъ жителей. Бурый, похожій на бобровый и издающій запахъ мускуса, мѣхъ ондатры продается всего за 6—9 пенсовъ за штуку, но эти мѣха важны своимъ количествомъ, ибо ежегодно не менѣе полумилліона шкурокъ вывозится въ Англію, гдѣ идетъ для фабрикаціи шляпъ. Нечего бояться, что ондатры, не смотря на множество враговъ, истребятся когда-нибудь, потому что они встрѣчаются на каждомъ озерѣ, берега котораго покрыты травой, или болотѣ до береговъ арктическаго моря, и притомъ самка мечетъ по 6 дѣтенышей въ годъ. Ондатра нѣсколько больше нашей обыкновенной черной крысы, и болѣе похожа на водяную крысу, хотя имѣетъ другіе хвостъ и лапы. Хвостъ длиненъ, сплющенъ съ боковъ и очень съуживается къ концу Мы могли бы закончить этимъ интереснымъ животнымъ' краткое описаніе звѣрей, доставляющихъ мѣха Гудзонбайской Компаніи, если бы въ ея каталогахъ не значились оленьи шкуры, эти шкуры принадлежатъ вапити (cervus strongylo-

ceros Schraeber), который больше нашего оленя. Онъ живетъ въ Новой Каледоніи и равнинахъ Саскачевана. Но гдѣ находится Новая Каледонія? можетъ быть спроситъ читатель; такъ называется, находящійся между двумя рядами Скалистыхъ горъ, бассейнъ рѣки Фразера, впадающей въ Тихій океанъ подъ 49° с. ш., слѣдовательно Новая Каледонія не имѣетъ ничего общаго съ крайнимъ сѣверомъ Америка кромѣ того, что также находится въ числѣ странъ принадлежащихъ Гудзонбайской Компаніи.

ГЛАВА XXIII.

ИНДІЙЦЫ КУЧИНЫ.

Мѣстопребываніе ихъ. — Одежда. — Любовь къ бусамъ. — Коса. — И на Мекензи косѣ не долго жить. — Безсмысленный обычай стягивать у дѣтей ноги. — Болтливость. — Битва Эскимосовъ съ Кучинами.

По нижнему теченію Мекензи къ западу отъ Медвѣжьяго озера, по рѣкѣ Пилю и по верхнему Юкону живетъ индійское племя Кучиновъ или Loucheux.

Языкъ ихъ, какъ утверждаетъ Симпсонъ, совершенно отличается отъ языковъ другихъ народовъ Сѣверной Америки; точно также они отличаются и обычаями отъ прочихъ Индійцевъ, живущихъ къ западу отъ Скалистыхъ горъ; такъ что, не смотря на малое число Кучиновъ (по Юкону считается способныхъ къ охотѣ мущинъ и юношей до 1100 душъ) и сравнительно малому пространству ими населенному, этотъ народъ заслуживаетъ особаго описанія. Мы послѣдуемъ описанію Муррая, который прожилъ между ними на Юконѣ много годовъ, находясь на службѣ Гудзонбайской Компаніи, счастіе, которому позавидуютъ немногіе изъ нашихъ читателей.

Мущины ростомъ съ европейцевъ имѣютъ правильныя черты лица, и кожа ихъ свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ краснокожихъ Индійцевъ, однимъ словомъ это прекрасная расса, и между прочимъ Мурраю такъ понравилась жена одного изъ старшинъ, что Англичанинъ утверждаетъ, что она повсюду считалась бы замѣчательной красавицей. Женщины татуируютъ себѣ подбородокъ и употребляютъ темныя

Кечетнейцы Мѣдной рѣки (Русская Америка) строятъ подобныя же изгороди. У дикихъ народовъ нерѣдко встрѣчается совпаденіе въ способахъ достиженія полезныхъ цѣлей. Это напоминаетъ намъ Мадрасовъ и Тоннаровъ, которые ловятъ тунцовъ одинаково съ средиземнымъ рыбакомъ.

Прежде лукъ, стрѣлы и копье были оружіемъ Кучиновъ, но, съ тѣхъ поръ какъ Гудзонбайская Компанія устроила въ ихъ странѣ нѣсколько торговыхъ постовъ, Кучины выучились употребленію огнестрѣльнаго оружія. Тѣ, которые еще не успѣли пріобрѣсти охотничьяго ружья, носятъ порохъ и свинцовыя пули и за это получаютъ пай въ охотничьей добычѣ. Собакореберные Индійцы также употребляютъ огнестрѣльное оружіе.

Но не смотря на изгороди и ружья, Кучинамъ, какъ и всѣмъ народамъ, живущимъ охотою и рыбной ловлей нерѣдко приходится терпѣть голодъ; ибо годъ дологъ, аппетитъ великъ, а въ изобиліи слишкомъ легко забывается забота о завтрашнемъ днѣ. Поэтому лишь только дичь становится рѣдка, стариковъ безжалостно выгоняютъ и часто приходится имъ умирать съ голоду.

Напрасно пытались для улучшенія быта сѣверныхъ индійскихъ племенъ, завести у нихъ одомашненныхъ сѣверныхъ оленей. Но суевѣріе Индійцевъ мѣшаетъ этому полезному нововведенію: они опасаются, что если приручить нѣсколько такихъ животныхъ и держать ихъ въ неволѣ, то остальные олени немедленно уйдутъ изъ страны.

«Къ чему же», прибавляютъ они, «намъ слѣдовать рабами за стадами домашнихъ животныхъ, когда въ нашихъ лѣсахъ и въ моховой степи въ изобиліи водится лось, сѣверный олень и пахучій быкъ, а наши рѣки и озера наполнены рыбою. А эти животныя не требуютъ иного труда, какъ только труда ловить ихъ.»

Такъ всегда, на всякой степени человѣческаго развитія предубѣжденіе мѣшаетъ всякому прогрессу, и какъ трудно дикаря-охотника довести до пастушеской жизни, точно также приверженность къ старому и любимыя теоріи часто мѣшаютъ ученымъ идти впередъ, хотя успѣхи науки вполнѣ уже доказали ничтожность этихъ теорій. Въ основаніи эти явленія одинаковы.

Каждое семейство Кучиновъ владѣетъ палаткой или хижиной изъ звѣриныхъ шкуръ. Лѣтомъ во время охоты рѣдко раскидывается палатка, но зимою лагерь обыкновенно разбивается въ сосновомъ лѣсу. Расчистивъ первоначально снѣгъ съ земли, шкуры натягиваютъ

на гибкіе ивовые шесты, которые вбиваются въ землю въ видѣ круга и связываются вверху, при чемъ оставляется небольшое дымовое отверстіе. Такимъ образомъ устроивается палатка, имѣющая форму снѣговыхъ жилищъ Эскимосовъ или юртъ анадырскихъ Чукчей. Форма палатокъ Хепевайцевъ и Кри похожа на сахарную голову, ибо шкуры натягиваются не на гибкіе, но на твердые шесты. Снаружи хижина заваливается до половины снѣгомъ, внутри она выкладывается сосновыми вѣтвями, чтобы сидя или лежа не прикасаться къ холодной стѣнѣ. Входъ завѣшивается двойными звѣриными шкурами, подъ которыя приходится подлезать, и хотя хижина не имѣетъ никакой претензіи на элегантность, но тѣмъ не менѣе она удобна для жизни дикарей и тепла. Небольшаго огня въ серединѣ палатки достаточно для нагрѣванія хижины.

Запасы зарываются снаружи въ снѣгъ и сверху прикрываются сосновыми вѣтвями, а чтобы обезопасить припасы отъ собакъ сверху ямы наваливаютъ сани.

ГЛАВА XXIV.

ТИННЕ.

Различныя племена, принадлежащія семейству Тинне. — Собакореберныя Индійцы. — Нечистоплотность. — Несчастное положеніе женщинъ. — Одежда и наряды. — Пляска. — Соціализмъ. — Лѣнь. — Мастерство лгать. — Суевѣрный страхъ. — Понятіе о будущей жизни. — Прогрессъ. — Легкомысліе.

Индійское племя Тинне имѣетъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ Кучипы, ибо занимаетъ пространство въ пятеро большее, чѣмъ пространство, занимаемое всѣми государствами Германскаго союза. Остановимся на перечнѣ главнѣйшихъ племенъ, относящихся къ семейству Тинне.

Индійцы *Зайцы* (Kancho tinné) живутъ по берегу Мекензи отъ Невольничьяго озера, а Индійцы *Собачье ребро* (Tleingohah tinné) во внутренности страны отъ озера св. Мартина до Мѣдной рѣки. Наружностію едвали отличаются эти племена; они встрѣчаются въ томъ же охотничьемъ округѣ и говорятъ почти одинаковымъ языкомъ.

Первые живутъ въ весьма лѣсистой области, гдѣ въ огромномъ количествѣ встрѣчается американскій заяцъ, и изъ шкуръ этого звѣрка они шьютъ себѣ зимнія платья. Послѣдніе на пищу и одежду преимущественно бьютъ сѣвернаго оленя.

Къ востоку отъ *Собачьихъ реберъ*, въ полосѣ земли между Мѣдной и Большой Рыбной рѣками живутъ *Красные ножи* (Tantssawhot). Названіе это они получили отъ ножей приготовляемыхъ изъ отечественной мѣдной руды. Всѣ эти три племени, охотясь, заходятъ далеко къ сѣверу до границы Эскимосовъ, но взаимная боязнь оставила между Индійцами и Эскимосами большую неутральную область, рѣдко посѣщаемую охотниками.

Другіе народы семейства Тинне живутъ по устьямъ Миссисипи и мѣняютъ добытыя шкуры въ фортѣ Чурчилль, гдѣ дружелюбно встрѣчаютъ приходящихъ съ сѣвера Эскимосовъ. Широкая полоса пустынной земли лежитъ между Чурчилльскими Тинне, Красными ножами, и племенами, живущими по Невольничьей и Лосиной рѣкѣ, и посѣщающими фортъ Хепевайанъ, въ этой пустынной странѣ живутъ только отдѣльныя семейства Индійцевъ, которыя не имѣютъ особыхъ названій. *Хепейвацы* (Athabasca tinné) живутъ въ области Лосиной и Невольничьей рѣки, также какъ и въ странѣ, находящейся къ западу отъ рѣки Акулъ, впадающей въ Большое Невольничье озеро.

Къ югу отъ Хепевайцевъ, по верхнему теченію Миссисипи держится много племенъ семейства Тинне и смѣшиваются съ *Кри* (Cree) и вмѣстѣ съ послѣдними посѣщаютъ форты Lac la Rouge и Isle à la crosse.

Племя Сарси, живущее по верхнему теченію сѣвернаго рукава Саскачевана, точно также принадлежитъ къ семейству Тинне.

Между рѣкой Мира и западнымъ рукавомъ Мекензи живутъ *Бобровые* Индійцы, которые бобру обязаны и своимъ именемъ и главнѣйшими доходами.

Другія племена, живущія по нагорному рукаву Мекензи, болѣе или менѣе отличаются отъ восточныхъ Тинне языкомъ, обычаями и своими названіями. По сосѣдству съ бобровыми Индійцами въ углу, образованнымъ нагорнымъ рукавомъ Мекензи, и главною рѣкой живутъ Noh'hanne. Далѣе вверхъ находятся *Натянутыя луки* (Idchahtawaht) которые держатся въ Скалистыхъ горахъ вмѣстѣ съ Индійцами племени Brushwood.

Между Мекензи (65° с. ш.) и Скалисгыми горами живетъ народъ Daha-tinné, посѣщающій фортъ Норманъ; языкъ этого народа плохо понимается Собачьими ребрами, занимающими въ фортѣ должность переводчиковъ. Далѣе, ниже по Мекензи другой маленькій народецъ сходитъ съ горъ для торговли съ фортомъ Гутъ-Гопе. Такъ какъ этотъ народъ охотится за дикими овцами съ горахъ, то его называютъ *Овечьимъ народомъ* (Sheep people).

Наконецъ къ націи Тинне принадлежатъ Индійцы племенъ Tahkeli или Carrier, живущіе къ западу отъ Скалистыхъ горъ, въ большей части Новой Каледоніи

Мы опишемъ по Ричардсону (Arctic Searching Expedition) преимущественно Индійцевъ племенъ *Собачьи ребра* и *заячьихъ*, которыя во время пребыванія знаменитаго путешественника на Медвѣжьемъ островѣ посѣщали фортъ Франклинъ и фортъ Confidance; но сдѣлаемъ напередъ замѣчаніе, что другихъ и болѣе новыхъ извѣстій и не существуетъ объ этихъ мало еще изслѣдованныхъ странахъ.

Эти племена имѣютъ болѣе правильныя черты лица, чѣмъ Эскимосы, и имѣютъ общіе характеристическіе признаки съ другими далѣе къ югу живущими краснокожими — но стоятъ ниже послѣднихъ по развитію, что доказывается скотскою нечистоплотностію и льстивымъ, какимъ-то подлымъ обращеніемъ.

Уже Мекензи, первый европеецъ познакомившійся съ *Собачьими ребрами*, описываетъ намъ этотъ народъ грязнымъ, уродливымъ. Ихъ уродливыя ноги были покрыты какъ бы корой, что по мнѣнію Мекензи зависитъ отъ частаго сидѣнія передъ огнемъ. Индійцы эти казались ему вообще нездоровыми, вѣроятно вслѣдствіе ихъ нечистоплотности, ибо они съ головы до пятокъ вѣчно покрыты грязью и жиромъ.

Болѣе 60 лѣтъ прошло со времени путешествія (1789), обезсмертившаго имя Мекензи; а *Собачьи ребра* все еще остаются вѣрными праотеческой грязи.

Женщины, эти несчастнѣйшія существа изо всѣхъ несчастныхъ ордъ, кочующихъ по американской пустынѣ, стоятъ еще ниже мущинъ, какъ по тѣлеснымъ свойствамъ, такъ и по заботамъ о внѣшности. Мущины, по крайней мѣрѣ, раскрашиваютъ свои неумытыя лица и надѣваютъ кое-какія украшенія въ праздничное время, а женщины и этого почти никогда не дѣлаютъ. Скотское обращеніе, которому подвержены эти бѣдныя существа, уничтожило даже отличи-

тельное свойство ихъ пола. Однакоже большинство татуируетъ себѣ подбородокъ и углы рта, тогда какъ мущины проводятъ двѣ черныя или голубыя линіи отъ уха къ носу. Носовой хрящъ у мущинъ проколотъ и въ отверстіе вставляется или перо или кусокъ дерева.

Они приготовляютъ лѣтнюю одежду изъ кожъ сѣвернаго оленя, которыя выдѣлываются какъ кожи серны, вымазываются ворвонью, и пока новы очень бѣлы и мягки. Изъ этого матеріала сшитая рубашка доходитъ до пояса, спереди и сзади котораго виситъ по куску сукна; панталоны или индійскія чулки идутъ отъ лядвей до ладыжекъ; наконецъ пара мокассиновъ или башмаковъ изъ мягкой кожи стягиваются у ладыжекъ — вотъ и весь нарядъ.

Кромѣ того мущины идя на охоту, вокругъ головы повязываютъ полосу бѣлой заячьей шкурки, такъ что длинные, черные, нечесаные волосы свѣшиваются назадъ; мѣшокъ съ охотничьими снарядами виситъ на вышитой перевязи; другой мѣшокъ съ табакомъ и снарядомъ для добыванія огня затыкается за поясъ, и длинное охотничье ружье небрежно забрасывается за плечи. Различные предметы, упомянутые нами въ этомъ перечнѣ, обыкновенно разукрашены кожанными снурками, иглами дикобраза и бусами.

Такимъ образомъ снарядившійся юноша, хотя бы принадлежалъ къ некрасивому племени *Собачьихъ реберъ*, все же производитъ пріятное впечатлѣніе, когда идетъ по моховой степи, своимъ, какимъ-то эластическимъ шагомъ. Но красивая одежда, однажды надѣтая, уже не снимается и не моется, пока держится на тѣлѣ, и скоро пріобрѣтаетъ запахъ, по которому издали можно угадать Индійца.

На стоянкѣ Индіецъ днемъ накидываетъ на плечи закопченое, жиромъ испачканое одѣяло, изготовляемое на англійскихъ фабрикахъ. Эта дневная одежда ночью служитъ вмѣсто постели.

Зимняя одежда шьется изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, съ которыхъ шерсть не снимается. Изъ того же матеріяла дѣлается длинная накидка, висящая на плечахъ и доходящая до пятокъ, она замѣняетъ лѣтнее одѣяло. Въ новѣйшее время Индійцы стали употреблять англійское сукно.

Одежда женщинъ очень похожа на мужскую, только рубашка нѣсколько длиннѣе и подъ ней носятъ они нижнее платье, доходящее до колѣнъ.

Только что описанный нами покрой платья одинаковъ у всѣхъ племенъ семейства Тинне, но матеріялъ различенъ, смотря по мѣст-

постямъ. Такъ на югѣ и западѣ употребляются во множествѣ кожи лося, красныхъ звѣрей и бизона, тогда какъ Заячьи Индійцы шьютъ свои рубашки изъ заячьихъ шкурокъ. Но заячья шкурка слишкомъ нѣжна, чтобы употреблять ее обыкновеннымъ образомъ; по этому ее рѣжутъ на узкія полоски, скручиваютъ ихъ и потомъ переплетаютъ. У сѣверныхъ Индійцевъ нѣтъ работы, которая бы ближе этой подходила къ тканью. Заячій мѣхъ такъ густъ и нѣженъ, что, несмотря на рѣдкое плетеніе, такая одежда чрезвычайно тепла.

Какъ мущины, такъ и женщины племени *Собачьихъ Реберъ*, оставляютъ рости волосы по произволу природы, и уже не заботятся объ нихъ, развѣ обтираютъ свои грязныя руки объ всклоченные волосы, когда прійдетъ имъ въ голову натереть тѣло костнымъ мозгомъ, что иногда случается.

Какъ уже сказано, женщины Собачьихъ Реберъ и Заячьихъ Индійцевъ безспорно составляютъ нижнюю ступень лѣстницы рода человѣческаго въ Сѣверной Америкѣ. Съ ними не поступаютъ жестоко, но мущины смотрятъ на нихъ, какъ на низшія существа, и кажется, что сами они совершенно подчинились такому суду. Мальчикъ скоро замѣчаетъ, что можетъ грубо обходиться съ своими сестрами, которыхъ запрягаютъ въ сани лишь только они станутъ на ноги, а маленькій охотникъ на своихъ лыжахъ бѣгаетъ за отцомъ и учится у него презирать женщинъ. Всѣ работы и даже приготовленіе пищи исполняются женщинами. Имъ не запрещено ѣсть вмѣстѣ съ мущинами, но во время недостатка послѣдніе ѣдятъ больше; ибо у всѣхъ народовъ семейства Тинне существуетъ убѣжденіе, что женщина, готовя кушанье, можетъ насытиться паромъ, если того захочетъ.

Но и этимъ несчастнымъ существамъ въ будущемъ мерещутся лучшіе дни, ибо вліяніе европейцевъ начинаетъ имѣть значеніе.

Часто описанный и прославляемый стоицизмъ Индійцевъ не существуетъ у *Собачьихъ Реберъ*, они пугаются тѣлесной боли, плачутъ какъ дѣти, и боятся какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ враговъ.

Острота легко возбуждаетъ въ нихъ смѣхъ; они очень любятъ пляски, хотя въ нихъ очень неграціозны. Сгорбившись и согнувъ колѣна, медленно поворачиваются они, причемъ сильно стучатъ ногами, какъ будто хотятъ пробить землю. Этотъ прекрасный танецъ сопровождается хоромъ вздоховъ, какими мостовщикъ сопровождаетъ удары своей тромбовки или дровосѣкъ удары топора.

По своей невоинственной природѣ они стараются измѣнически мстить своимъ врагамъ. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ они напали и избили большое число, довѣрчиво охотившихся въ ихъ области, *Красныхъ Ножей*, которые когда то тирански поступили съ *Собачьими Ребрами*.

Собачьи Ребра на практикѣ соціалисты, и давно уже ввели въ жизнь теоріи нашихъ новѣйшихъ философовъ, желающихъ осчастливить людей. Всѣ имѣютъ одинаковое право на дичь убитую искуснымъ охотникомъ, который даже не дѣлитъ этой добычи. Лишь только орда Индійцевъ получитъ извѣстіе, что сѣверный олень или лось убиты въ ихъ области, какъ старый и молодой на саняхъ съѣзжаются сюда, убитое животное рѣжется на куски, и счастливому стрѣлку, убившему звѣря, предоставляются только ребра да языкъ, вотъ на что по понятіямъ Индійцевъ и по старому обычаю онъ имѣетъ неотъемлимое право. Такъ въ дни изобилія лѣнивый питается на счетъ трудящагося, а объ недостаткѣ, который необходимо наступитъ, никто и не думаетъ. Сушоное мясо на ребрахъ относится охотникомъ въ ближайшій фортъ и тамъ вымѣнивается на порохъ, свинецъ и табакъ.

Горькій опытъ научилъ иныхъ, и часто хорошіе охотники съ своими семействами удаляются отъ лѣнивыхъ трутней и поселяются вблизи рыболовной станціи, гдѣ при нѣкоторомъ трудолюбіи живутъ очень хорошо. Рыбная діэта впрочемъ не слишкомъ нравится этимъ людямъ, и лишь только по большей части весьма преувеличенные слухи о добычливой охотѣ дойдутъ до ихъ ушей, какъ при одной мысли объ мясной пищѣ загорится въ нихъ желаніе, и всѣ разомъ отправляются на охоту. Если во время похода голодная толпа найдетъ спрятанные кучи мяса, то они немедленно ихъ пожираютъ; но не всегда такъ счастливы они и нерѣдко въ странѣ уже давно нѣтъ дичи Нужда принуждаетъ охотниковъ снова возвратиться къ рыбной ловлѣ, но по слѣдамъ своимъ много труповъ оставятъ они въ пустынѣ.

Гостепріимства у Собачьихъ Реберъ также мало какъ и храбрости.

Съ чужестранцемъ при входѣ въ хижину не здороваются и не предложатъ ему пищи, но онъ имѣетъ право отрѣзать себѣ кусокъ отъ висящаго на стѣнѣ мяса, или принять участіе въ трапезѣ.

Лгать и притворяться умѣютъ они мастерски. Счастливый охотникъ возвращается съ вытянутымъ лицомъ — дичи нигдѣ не ви-

далъ — наконецъ, когда другіе печально насмотрятся на него, онъ вытащитъ два или три языка сѣверныхъ оленей изъ-подъ платья; «остальное привезите сами».

Но, не смотря на всѣ ихъ недостатки, ихъ нельзя не похвалить за строгую честность. Не раскрадутъ они, какъ Эскимосы, имущества бѣлаго, и смѣло можно оставить Индійца одного въ комнатѣ, не боясь пропажи.

Большинство признаетъ *великаго духа*, но иные, ссылаясь на свою нищету, сомнѣваются въ его существованіи. За то всѣ безъ исключенія боятся злыхъ духовъ, находятъ ихъ подъ видомъ медвѣдей, волковъ или розсомахъ, встрѣчаютъ ихъ въ лѣсахъ, водахъ и на моховой степи, и слышатъ ихъ вой въ вѣтрѣ, и вздохъ—на могилѣ покойника. Они до такой степени боятся невидимыхъ духовъ, что рѣдкій охотникъ осмѣлится спать на чистомъ воздухѣ. Великому духу никогда не приносятся жертвы и никогда не молятся, онъ слишкомъ далеко отъ нихъ, чтобы надѣяться или страшиться отъ него идущаго добра и зла. Но за то злыхъ духовъ они стараются постоянно умилостивлять жертвами и молитвами, и въ честь ихъ всегда бросаютъ на вѣтеръ горсть шерсти съ убитаго звѣря. Индійцы при этомъ вѣрятъ въ будущія мученія и блаженство въ иномъ мірѣ. Душа садится на каменную лодку и плыветъ по широкой рѣкѣ къ противоположному берегу, гдѣ ждетъ ея райское блаженство. Если душа отягчена грѣхами, то тонетъ лодка подъ тяжестію, а бѣдная душа по горло въ водѣ тщетно изо всѣхъ силъ старается доплыть до райскаго берега, но не достигнетъ его во вѣкъ.

Тинне несовершенно чуждо Пиѳагорово ученіе о переселеніи душъ, и если случайно родится ребенокъ съ зубами, то непремѣнно отыщутъ въ немъ сходство съ кѣмъ-нибудь изъ умершихъ, и видятъ въ ребенкѣ возродившійся его образъ.

Прежде бывало, что когда кто-нибудь изъ Индійцевъ Тинне умретъ, то все его наслѣдство — хижина, одежда, охотничьи снаряды, оружіе — сожигается или уничтожается опечаленнымъ семействомъ, которое потомъ, совершенно раззорившись, пристаетъ къ сосѣдней ордѣ, или идетъ въ ближайшую факторію. Этотъ обычай, столь противный правиламъ политической экономіи, болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія.

И въ другихъ отношеніяхъ замѣтно вліяніе европейцевъ. Католическіе миссіонеры съ 1846 года поселились у Хепевайцевъ и обу-

чили чтенію и письму многихъ прозелитовъ. Атабаски прежде имѣли только маленькихъ слабыхъ собакъ; теперь водворена болѣе сильная порода, что нѣсколько улучшило положеніе женщинъ. Еще большаго успѣха можно ожидать отъ недавняго водворенія лошади.

Уже нѣсколько лѣтъ Гудзонбайская Компанія лѣтомъ даетъ работу многимъ молодымъ Индійцамъ, они на лодкахъ перевозятъ мѣха и товары въ склады, а отсюда на станціи.

Эти поѣздки уничтожили прежнее предубѣжденіе и ввели въ обычай трудолюбіе и покорность. И такъ какъ Индійцамъ платятъ хорошо, то они имѣютъ возможность пріобрѣсти лучшую одежду и въ нихъ пробуждается идея о порядкѣ и чистоплотности, которая мало по малу распространяется во всемъ народѣ. И такъ можно ожидать, что участь Тинне и въ особенности ихъ бѣдныхъ женщинъ улучшится въ будущемъ, хотя нельзя отрицать, что прогрессъ въ пастушескомъ народѣ, такъ рѣдко населенномъ въ громадной области, доселѣ очень медленъ и почти не замѣтенъ.

Тинне легкомысленны и недовѣрчивы какъ дѣти. Подъ надзоромъ европейца они точно и вѣрно совершаютъ длинную путину, но одному нельзя довѣрить письма какъ бы ни была велика награда за доставленіе его, ибо малѣйшее развлеченіе или минутный капризъ уже отклонитъ Индійца отъ пути.

Каждый Тинне обыкновенно довольствуется одной женой. Желающій вступить въ бракъ, не находя свободной дѣвицы, вызываетъ болѣе слабаго на борьбу и въ награду за побѣду беретъ къ себѣ жену побѣжденнаго. Послѣдній утѣшается тѣмъ, что въ свою очередь отыскиваетъ другаго женатаго земляка и надѣется отплатить ему тою же монетою.

Тинне любитъ и ласкаетъ дѣтей, но совершенно равнодушенъ къ страданіямъ безпомощной старости и безсильной слабости. Когда Бакъ жилъ въ фортѣ Reliance на Большомъ Невольничьемъ озерѣ, то въ день пасхи пришла туда старая женщина. Одѣтая въ оленьи шкуры, почти слѣпая, съ грязными и всклоченными волосами, сморщившаяся, старуха опиралась обѣими руками на палку и тѣмъ поддерживала свое истощенное, почти къ землѣ согнувшееся тѣло. Она въ своемъ отвратительномъ образѣ представляла человѣчество, сдѣлавшееся животнымъ.

Бѣдное созданіе! Въ нѣсколькихъ словахъ разскажемъ ея исторію. Дряхлая, слабая старуха сдѣлалась тягостію для ея семейства.

Прежніе услуги и труды ея были забыты и ей попросту сказали, что хотя она живетъ, но почти уже умерла, и потому ее нужно оставить безъ помощи. Ступай въ Новый фортъ, прибавили ей. Бѣлые великіе медики (колдуны) можетъ быть они тебѣ помогутъ. Это случилось мѣсяцъ передъ ея приходомъ въ фортъ, и все это время она медленно тащилась по горамъ, утоляя голодъ ягодами, попадавшимися на дорогѣ. Хорошій уходъ въ фортѣ не помогъ бѣдной старухѣ, она умерла черезъ нѣсколько дней.

ГЛАВА XXV.

ИНДІЙЦЫ КРИ ИЛИ КНИСТИНОСЫ.

Перемѣна въ судьбѣ Кри. — Легенда о *Розсомахѣ*. — Ужасъ индійской войны. — Татуированіе. — Одежда. — Дурное обращеніе съ женщинами. — Игры. — Постройки. — Кепухиканъ. — Сказаніе о всемірномъ потопѣ и образованіи новой суши. — Рай и адъ.

Отъ равнинъ Саскачевана до болотъ Гудзонова залива, кочуетъ племя Кри или Книстиносовъ, какъ называютъ ихъ французскіе канадцы. Къ западу они соприкасаются съ племенами семейства Тинне, къ востоку и югу съ соплеменными Оиббевайцами или Прыгунами (Sauteurs), которые живутъ въ странахъ между озерами Венипегомъ и Верхнимъ. Около 50 лѣтъ тому назадъ, въ то самое время когда Наполеонъ войною опустошалъ Европу, Кри также выступили завоевателями и покорили обширнѣйшія, хотя несравненно менѣе цѣнныя области, нежели области, попавшія подъ власть честолюбиваго Корсиканца. Вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, еще неизвѣстнымъ ихъ сѣвернымъ и западнымъ сосѣдямъ, Кри проникли побѣдителями до полярнаго круга, и по ту сторону Скалистыхъ горъ заставили племена Тинне платить себѣ дань, и заклеймили ихъ именемъ рабовъ. Но недолго длился тріумфъ, убійственная оспа страшно разрѣдила ряды Кри, которые умирали цѣлыми тысячами. Между тѣмъ болѣе сѣверныя племена не подверглись страшному бичу эпидеміи, и познакомились въ свою очередь съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ постахъ сѣверо-американской компаніи,

все далѣе и далѣе проникавшими къ сѣверу и западу. Въ свою очередь эти племена напали на Кри и загнали ихъ въ тѣсныя границы. Тогда часть Кри перекочевала далѣе на югъ, оставила лѣсную область, гдѣ прежде охотились Кри за сѣверными оленями и лосями, и распространилась по преріямъ Саскачевана, гдѣ верхами стали преслѣдовать стада бизоновъ. На новой родинѣ не нашли впрочемъ Кри золотаго мира, и живутъ они въ постоянной враждѣ съ своими сосѣдями Ассинибоинцами и Черноногими. И много мѣстностей ознаменовано кровавыми преданіями. Такъ напр. мѣсто при рѣкѣ Ассинибоинѣ «la Butte du Carkajou» (холмъ разсомахи), гдѣ однажды Ассинебоинцы напали на небольшую кучяу Кри и почти совершенно истребили ее. Между побѣдителями находилась убѣжавшая жена одного изъ Кри и во время битвы она умоляла всѣхъ, чтобы убили ея прежняго мужа. Но *Розсомаха* (такъ звали мужа) бѣгствомъ спасся отъ смерти и удалился въ пустыню, однако жена изъ ненависти не отставала отъ него; какъ гончая собака гонялась она за нимъ по горамъ и долинамъ, и наконецъ, когда онъ, не чуя опасности, заснулъ отъ усталости подъ деревомъ, она стрѣлою пробила ему голову. Еще не наступило слѣдующее утро, какъ эта женщина уже принесла въ даръ новому любовнику кожу, содранную съ черепа прежняго мужа. Какъ Индійцы увѣряютъ, часто непомирившіяся тѣни убійцы и ея жертвы борятся на холмѣ, и когда вѣтеръ шумитъ въ еляхъ ясно слышится предсмертный стонъ Розсомахи.

Изъ разсказовъ романистовъ обыкновенно составляютъ понятіе объ великодушіи Индійцевъ, но теперь его нигдѣ нѣтъ и по всей вѣроятности нигдѣ и не было. Поступки, слѣдствіе минутнаго каприза, казались результатомъ болѣе тонкаго чувства, и обыкновенная хитрость дикаря черезъ очки предвзятаго мнѣнія получала видъ зоркой политики. Войны Индійцевъ, какъ междоусобныя, такъ и съ европейцами, представляютъ мало примѣровъ геройства; но за то чрезвычайно богаты примѣрами жестокости побѣдителей и ужасовъ вѣчнаго раздора этихъ несчастныхъ народовъ.

Однажды большая шайка Черноногихъ Индійцевъ совершила счастливый набѣгъ на область Кри, но послѣдніе въ тоже время напали на ничѣмъ не защищенный лагерь Черноногихъ, гдѣ оставались женщины и дѣти, и возвратившіеся побѣдители нашли лишь обломки и трупы, тамъ, гдѣ ожидали найдти пиръ и веселіе. Въ отчаяньи бросили

Черноногіе добычу и оружіе и ушли въ горы, гдѣ три дня и три ночи выли и терзали себя собственными своими руками.

Въ 1840 году возгорѣлась кровавая война между племенемъ Кри и Черноногими Индійцами, какъ обыкновенно изъ-за самой ничтожной причины. Можетъ быть уже въ сотый разъ праздновали Индійцы скачкою заключеніе мира. Призы лежали кучею вмѣстѣ, какъ вдругъ одинъ Кри утаскиваетъ какое-то изорванное одѣяло, тогда начинается общая битва между воинами, только что праздновавшими заключеніе мира. На возвратномъ пути Черноногіе встрѣтили одного изъ начальниковъ Кри съ двумя товарищами, и тотчасъ же убили всѣхъ троихъ, послѣ короткаго разговора.

Вскорѣ послѣ того и племени Кри удалось напасть и убить 9 Черноногихъ; кровавая месть возгорѣлась болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Губернаторъ Гудзонбайскихъ странъ Симпсонъ разъѣзжалъ по области именно въ это время, когда эти событія имѣли мѣсто, и посѣтилъ хижину одного раненаго Кри. Онъ былъ раненъ во время битвы на скачкѣ, онъ скакалъ пригнувшись на лошади, какъ пуля попала ему подъ правое плечо, и остановилась вблизи лѣваго плечеваго сочлененія. Уже 33 дня лежалъ раненый, лѣвая рука его страшно распухла, все тѣло исхудало и имѣло видъ скелета.

Подлѣ умирающаго воина, стеклянныя глаза и искаженныя черты лица котораго только высказывали ужасную боль, которую боялся высказать голосомъ, лежалъ его трехъ-лѣтній ребенокъ, отъ него остались только кости да кожа, и онъ безпрерывнымъ стономъ жаловался на болѣзнь и голодъ. Еще грустнѣе было смотрѣть на безпомощныхъ жену и мать раненаго, которыхъ угнетала двойная тяжесть—забота и усталость. Ночью медикъ или шаманъ барабаннымъ боемъ изгонялъ злыхъ духовъ. Вотъ плоды невѣжества и суевѣрія.

Хотя Кри выносятъ голодъ и другія невзгоды охотничьей жизни съ стоическою твердостію, но при каждомъ необыкновенномъ случаѣ они падаютъ духомъ и боятся въ открытомъ полѣ сражаться съ врагомъ и даже напасть на него въ расплохъ, если значительно не превышаютъ его численностію.

Между Кри встрѣчаются люди болѣе красивые нежели между Эскимосами и Тинне, и любятъ Кри нарядиться получше. Киноварь играетъ важную роль въ ихъ туалетѣ, и они умѣютъ красиво испещрять себя этою краскою и туземными голубою, бѣлою и бурою землями, а также древеснымъ углемъ.

У Кри татуировка также въ обычаѣ, женщины обыкновенно довольствуются двумя линіями, идущими въ стороны отъ угловъ рта, но большая часть мущинъ испещряетъ все тѣло линіями и фигурами. Большинство кажется смотритъ на татуировку скорѣе какъ на доказательство мужества, чѣмъ на украшеніе, ибо операція очень болѣзненна и при многочисленныхъ и хитрыхъ фигурахъ длится нѣсколько дней. Линіи на лицѣ производятся слѣдующимъ образомъ: подъ кожицу искусно подпускаютъ шило и такимъ образомъ въ образовавшійся каналъ продергиваютъ снурокъ, смоченный водою и вываленный въ угольномъ порошкѣ. Тѣло накалывается по узору иглами различной величины: стоны страждущаго заглушаются пѣніемъ присутствующихъ или звономъ множества колокольчиковъ, прикрѣпленныхъ къ скамьѣ, на которой сидитъ татуирующійся. Наколотыя мѣста натираются небольшимъ количествомъ въ порошокъ истертаго ивоваго угля, который никогда не смывается. Полуиндіецъ, ампутировавшій руку Ричардсону, говорилъ послѣднему, что татуировка операція очень болѣзненная и иногда длится, какъ у него самого длилась, три дня.

Одежда Кри проста и удобна. Узкія панталоны или индійскіе чулки идутъ отъ бедра до ладыжки. Суконная или кожаная полоса (ассіапъ), въ одинъ футъ шириной и въ 5 футовъ длиной, повязывается въ видѣ пояса, такъ что концы висятъ спереди и сзади. Узкая рубашка покрываетъ грудь и спину. Шапочка изъ шкуры какого-нибудь мелкаго звѣря (хвостъ оставляется какъ украшеніе) служитъ головнымъ уборомъ и защитою отъ холода. На все набрасывается родъ мантіи или одѣяла, которое употребляется и днемъ и ночью. Матеріаломъ служатъ выдѣланныя звѣриныя шкуры и европейскія шерстяныя ткани. Кожи превосходно красятся и въ иныхъ округахъ оторачиваются иглами дикобраза или волосами лося. Рубашка и панталоны, мокассины и перчатки разукрашены бахромами и кистями. Орлиныя и лебединыя перья, зубы, рога и когти различныхъ звѣрей также идутъ на украшеніе головы и шеи.

Изъ многихъ дикорастущихъ растеній Кри умѣютъ добывать прекрасныя красящія вещества. Корнями двухъ видовъ марены (Galium tinctorium и boreale), которую безъ различія называютъ *савочанъ*, они окрашиваютъ въ превосходный пунцовый цвѣтъ иглы дикобраза. Корни марены тщательно моются и потомъ съ небольшимъ количествомъ сока клюквы (Oxycoccos palustris) и нѣсколькими красными

черешками лиственницы медленно варятся въ чистомъ, мѣдномъ котлѣ. Въ эту жидкость до совершеннаго ея охлажденія опускаются иглы дикобраза, которыя тотчасъ принимаютъ прекрасный пунцовый цвѣтъ.

Кри приготовляютъ черную краску изъ ольховой коры, прибавляя къ ней небольшое количество сушеной и толченой болотной желѣзной руды. Въ желтыхъ красильныхъ веществахъ у нихъ нѣтъ недостатка. Самое яркое изъ нихъ приготовляется изъ сушенаго корня какого-то растенія, судя по описанію, вѣроятно омега (Cicuta virosa). Не такъ яркая желтая краска добывается изъ давленныхъ почекъ восковаго вереска (Myrica Gale).

Кри также умѣютъ красить различными лишаями. Справедливо называютъ необходимость матерью всѣхъ изобрѣтеній — necessitas artis magistra — но какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ и суетность можетъ возбуждать человѣческое искусство.

Вообще Кри не обращаются варварски съ своими женами, но за то сваливаютъ на нихъ всѣ работы. Женщина должна строить зимнюю хижину и разбивать лѣтнюю палатку, дубить кожи, колоть дрова, а во время путешествій тащить на себѣ наибольшую тяжесть.

Случается, что Индіянки племени Кри убиваютъ своихъ дѣтей женскаго пола, чтобы избавить ихъ отъ тяжелаго жребія, который сами принуждены выносить. Но все-таки эти Индіянки далеко не терпятъ такого притѣсненія, какъ женщины племени Тинне, что видно изъ того, что первыя нѣсколько заботятся о свой красотѣ и гораздо чистоплотнѣе послѣднихъ.

Въ нравственномъ отношеніи Кри гораздо ниже Эскимосовъ и Тинне, причину этого должно искать въ болѣе долгомъ знакомствѣ ихъ съ пушными торговцами. Войны свои ведутъ они измѣнническимъ образомъ, во время набѣговъ не щадятъ ни женщинъ ни дѣтей, и примѣры личной храбрости, столь частые у мужественныхъ Эскимосовъ, у нихъ чрезвычайно рѣдки. Отвратительные пороки составляютъ достояніе Кри, живущихъ въ равнинѣ, и вся нація страстно предана игрѣ. Обыкновеннѣйшая игра называется *пукезанъ*, ее играютъ косточками одного изъ видовъ сливъ. Дѣло въ томъ, чтобы угадать разомъ число косточекъ, выбрасываемыхъ изъ небольшой деревянной посуды, и охотники цѣлыя ночи проводятъ за этой игрой и часто проигрываютъ самые необходимые предметы, какъ порохъ, дробь и пр.

Впрочемъ у нихъ есть и болѣе мужественная забава, называющаяся *крестомъ*, хотя и въ эту игру никогда не играютъ даромъ. Для такой игры Кри собираются на большой лугъ, выигрышъ привязывается къ столбу или отдается на руки двумъ старикамъ. Игроки раздѣваются, раскрашиваются, и, вооружившись орудіемъ, имѣющимъ видъ буквы *P* (рукоять имѣетъ около 2 футовъ длины, на верхнюю часть слабо натягивается сѣть, которая образуетъ неглубокій мѣшокъ), становятся рядами по обѣ стороны. Тогда въ серединѣ бросаютъ вверхъ мячикъ, и каждая партія старается загнать его на свою сторону. Быстрый бѣгунъ, поймавшій мячъ въ свой мѣшечекъ, изо всѣхъ силъ бѣжитъ къ своей цѣли, но противникъ преслѣдуетъ его, останавливаетъ и старается выбить изъ мѣшечка мячъ. Не имѣя возможности защититься, нагнанный Кри бросаетъ мячъ вверхъ и другой игрокъ изъ той же партіи гонитъ его далѣе, или же кто-нибудь изъ соперниковъ отбиваетъ мячъ назадъ. Игра кончается и побѣда остается за той стороной, которая загонитъ мячъ за свой конъ.

Палатки и хижины Кри гораздо удобнѣе и чаще выстланы внутри свѣжими вѣтвями бальзамической ели, нежели палатки и хижины Типпе.

Паровыя бани очень употребительны у Кри и составляютъ главное врачебное средство шамановъ или *медиковъ*.

Шаманъ запирается съ своимъ паціентомъ въ небольшую баню, въ которой страшно жарко отъ поддаванія воды на раскаленные каменья, выламываетъ все тѣло больнаго и при этомъ поетъ родъ гимна для быстрѣйшаго отогнанія злыхъ духовъ. Пока выноситъ шаманъ, и паціентъ долженъ вытерпливать невыносимую атмосферу, послѣ чего оба и врачъ и больной, конечно если послѣдній можетъ еще двигаться, бросаются въ ближайшую рѣку. Выздоровѣетъ больной, онъ во всякомъ случаѣ въ барышахъ тѣмъ, что скоро избавился отъ страданій посредствомъ такого лошадинаго лѣченія.

Ни Эскимосы, ни Типпе не имѣютъ идоловъ, или видимыхъ предметовъ религіознаго почитанія: Кри напротивъ носятъ повсюду съ собой деревянныя, грубо вырѣзанныя фигурки, обыкновенно хитраго или, по крайней мѣрѣ, очень капризнаго *Кепухикаца*, которому Кри приносятъ жертвы вмѣстѣ съ другими духами и демонами.

Великому духу или владыкѣ жизни, *Киче-Манито*, который полагаютъ уже вовсе не заботится объ своихъ созданіяхъ, даже никог-

да не молятся: доказательство того, что страхъ и надежды болѣе дѣйствуютъ *на сердцѣ человѣка, чѣмъ благодарность.*

Но и съ Кепухиканомъ Кри также мало церемонятся, какъ ладзарони съ своими святыми. Если божокъ, не смотря на молитву, не поможетъ Кри въ игрѣ, то Кри къ молитвамъ примѣшиваетъ угрозы и упреки.

О происхожденіи міра Кри не имѣютъ никакихъ легендъ, но разсказываютъ они о всемірномъ потопѣ, причиненномъ будто бы рыбами, которыя старались утопить полубога Вазакоочахтъ.

Послѣдній построилъ себѣ плотъ и посадилъ на него свое семейство, различныхъ птицъ и звѣрей. Когда потопъ продержался еще нѣсколько времени Вазакоочахтъ приказалъ нѣсколькимъ водянымъ птицамъ нырнуть до земли, но всѣ птицы потонули; одна ондатра, получившая тотже приказъ, принесла во рту нѣсколько ила, изъ котораго полубогъ построилъ новую сушу подобно тому, какъ ондатры строятъ свои жилища. Сначала надъ водой показался небольшой конусообразный холмикъ ила. Мало по малу расширилась подошва холма и образовался морской берегъ, который подъ вліяніемъ солнца отвердѣлъ и создалась твердая земля. Не смотря на силу, проявленную въ этомъ случаѣ, полубогомъ, Индійцы мало почитаютъ его; и онъ съ своей стороны не упускаетъ случая мучить Индійцевъ. Поведеніе полубога совершенно безнравственно, а въ любовныхъ похожденіяхъ и различныхъ образахъ, которые онъ принимаетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ гораздо замысловатѣе греческаго Юпитера; но такъ какъ Вазакоочахтъ незнакомъ съ приличіями, то мы лучше умолчимъ о его похожденіяхъ, а замѣтимъ только, что онъ можетъ на особомъ языкѣ разговаривать со всѣми птицами и звѣрями и называетъ ихъ не иначе, какъ братьями, хотя птицы и звѣри, недовѣряя ему, обыкновенно не признаютъ такого родства.

Кри также вѣрятъ въ адъ и рай. Въ страну блаженныхъ, гдѣ *кишитъ дичь всякаго рода, гдѣ постоянно ходятъ въ новыхъ одеждахъ,* гдѣ царитъ вѣчное довольство, въ эту страну ведетъ трудный путь *по тонкому гнилому бревну, переброшенному* черезъ широкую рѣку, наполненную вонючей и мутной водой. Кто жилъ хорошо, тотъ смѣло переходитъ по бревну, его ободряютъ знаки райскихъ жителей, которые напротивъ пугаютъ злаго, и онъ отъ тяжести грѣховъ падаетъ въ грязную рѣку, откуда нѣтъ спасенія.

Одхипевы, родственные съ Кри, нѣкогда имѣли богослуженіе и религію, напоминавшую ученіе Зороастра. На южномъ берегу Верхнего озера, четыре жреца подъ начальствомъ Мучекевы (знаменитый старшина) поддерживали вѣчный огонь. Каждые 8 лѣтъ всѣ Одхипевы собирались въ главную деревню, закуривали у священнаго огня *трубку мира* и передавали ее изъ рукъ въ руки. Нѣсколько дней длилось куренье, пляски и пировство.

Такое поклоненіе огню, вскорѣ по прибытіи Французовъ къ большимъ Канадскимъ озерамъ, прекратилось. Одхипевы вѣроятно переняли эту религію отъ своихъ соплеменниковъ Шавніевъ, тогда обитавшихъ въ нынѣшнемъ штатѣ Кентукки.

Этотъ культъ напоминаетъ Финикіянъ, объ которыхъ сохранилось преданіе, что они уже открыли Америку и такимъ образомъ могли водворить въ Новомъ Свѣтѣ древнія религіозныя понятія Халдейцевъ.

Въ Британскихъ владѣніяхъ, между Индійцами христіанство мало имѣло успѣха. Въ христіанство обратились только нѣсколько общинъ Одхипевовъ по озеру Гуропу и небольшое число Кри, живущихъ въ Гудзонбайскихъ странахъ. Индійцы по Винипегу и охотники на бизона, вовсе не хотятъ знать миссіонеровъ.

ГЛАВА XXVI.

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОДЪ.

Фробисгеръ. — Девисъ. — Три его путешествія. — Гудзонъ. — Баффинъ. — Джонъ Россъ. — Первое неудачное путешествіе. — Эдвардъ Парри. — Открываетъ Мельвилевъ островъ. — Великіе достоинства Парри, какъ начальника. — Перезимовка. — Парри драматическій писатель. — Первое сухопутное путешествіе Франклина. — Второе путешествіе Парри (1821). — Иглооликъ. — Лайонъ (1824). — Третье путешествіе Парри. — Второе сухопутное путешествіе Франклина къ Ледовитому морю. — Бичей. — Четвертое путешествіе Парри. — Второе путешествіе Джона Росса. — Четырекратная перезимовка. — Путешествіе Бака къ Большей Рыбьей рѣкѣ. — Его морское путешествіе на «Террорѣ». — Сухопутное путешествіе Деазе и Симпсона къ полярному морю. — Смерть Симпсона. — Послѣднее путешествіе Джона Франклина. — Сухопутное путешествіе Ричардсона для отысканія его. — Джемсъ Россъ. — Аустинъ, Пенни, Де Гавенъ. — Оммани находитъ первую зимнюю стоянку Франклина. — Кеннеди и Белло. — Инглефильдъ. — Эдвардъ Бельхеръ. — Келлетъ. — Рэ находитъ слѣды Франклина. — Кэпъ. — Макъ-Клинтокъ.

Если мы сравнимъ карту Сѣверной Америки, изданную въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ такою же картою, изданною въ послѣднее время, то увидимъ, что въ этотъ короткій промежутокъ времени человѣкъ открылъ на крайнемъ сѣверѣ новый міръ.

Хотя Геарне, слѣдуя теченію Мѣдной рѣки, еще въ 1771 г. достигъ арктическаго моря, хотя безсмертный Мекензи прослѣдилъ мощную рѣку названную впослѣдствіи его именемъ, до самаго впаденія въ полярный океанъ; но весь сѣверный берегъ материка отъ Ледянаго мыса Кука на западѣ, до Баффинова залива на востокѣ былъ вовсе неизвѣстенъ 37 лѣтъ тому назадъ. Тогда считали Баффиновъ заливъ за замкнутую съ запада бухту, и не думали, что это не болѣе какъ широкій протокъ, который удобнѣе всякаго пролива поведетъ будущихъ мореплавателей, хотя къ безполезнымъ, по тѣмъ не менѣе славнымъ открытіямъ. Впрочемъ за геройскими дѣлами нашихъ современниковъ мы не должны забывать великихъ людей, которые прежде ихъ пытались открыть въ Сѣверной части Америки западный проходъ въ Индію, имена этихъ людей не забудутся, пока живетъ человѣкъ. Первые европейцы, увидѣвшіе впервые сѣверные берега Америки, и здѣсь основавшіе поселенія, были Норманны, которые

за 5 столѣтій до Колумба открыли Гренландію, Лабрадоръ, Ньюфундлендъ и берега Массачусетта. Но вслѣдствіе малаго общенія Норманновъ съ прочими европейцами въ средніе вѣка (исключая появленія скандинавскихъ морскихъ разбойниковъ у береговъ иныхъ европейскихъ странъ, но тутъ объ географическихъ свѣдѣніяхъ не было и рѣчи), и вслѣдствіе печальнаго жребія Норманнскихъ поселеній въ Америкѣ, имена Гюнбіорна, Эриха Краснаго, Біорна Герюльфзона и Лейфа оставались неизвѣстными южно-европейскимъ народамъ, на столько же, на сколько не знали они обо всемъ западномъ мірѣ, слѣды котораго также открыты Норманнами. Такимъ образомъ мракъ все еще покрывалъ Америку, и туманъ, который казалось сталъ рѣдѣть, снова опустился густыми массами.

Не будемъ говорить объ путешествіяхъ Іоанна Вацъ-Кортереаля, который почти 100 лѣтъ до Кабата снова нашелъ Ньюфундлендъ, какъ не будемъ говорить о печальной судьбѣ его сыновей, которые, появившись послѣ отца у береговъ Лабрадора и у входа въ Гудзоновъ проливъ, нашли здѣсь неизвѣстную могилу:— не будемъ говорить объ нихъ потому, что эти люди, не смотря на свое геройство, почти ничего не сдѣлали для открытія путей къ крайнему сѣверу. Точно также не упомянемъ объ менѣе успѣшныхъ и менѣе извѣстныхъ попыткахъ, а удовольствуемся тѣмъ, что изо всѣхъ старинныхъ арктическихъ путешественниковъ представимъ читателю только 4 людей — Фробисгера, Девиса, Гудзона и Баффина; ибо землевѣдѣніе обязано имъ всѣмъ, что было извѣстно до Росса и Парри о сѣверныхъ моряхъ и берегахъ Америки.

На трехъ небольшихъ судахъ (въ 35, 30 и 10 тонъ) въ 1576 году Мартинъ Фробисгеръ отправился въ путь, чтобы, какъ онъ надѣялся, обогнуть Сѣверную Америку, читатель вѣроятно улыбнется тогдашнему незнанію, которое возбуждало подобныя мечты, но нельзя не изумляться желѣзной волѣ людей, осмѣлившихся съ такими несчастными судами бороться со всѣми ужасами неизвѣстнаго полярнаго океана. Маленькая экспедиція счастливо достигла береговъ Гренландіи и Лабрабора и привезла оттуда нѣсколько блестящихъ камешковъ, которые сочли по ошибкѣ за золото. Такая ошибка впрочемъ была сильнѣе всякой другой находки, ибо возбудила страсть къ новымъ снаряженіямъ къ Meta incognita (такъ Фробисгеръ назвалъ открытые имъ берега); и уже въ слѣдующемъ году Фробисгеръ съ 3 большими кораблями снова отправляется на сѣверъ, чтобы

привезти оттуда большое количество драгоцѣнностей. При входѣ въ проливъ Фробисгера пловучіе льды помѣшали плаванію: поднялась страшная буря и на первый случай нечего было думать объ дальнѣйшемъ плаваніи въ Индію. Но грузъ въ 200 тоновъ, все-таки принимаемаго за золото, а въ самомъ дѣлѣ не имѣющаго никакой цѣны лабрадорскаго камня (родъ полеваго шпата) казалось такъ богато вознаградилъ за всѣ издержки и опасности, что въ 1578 году цѣлый флотъ изъ 15 кораблей со всѣмъ нужнымъ для основанія колоніи отправился къ Meta incognita подъ предводительствомъ Фробисгера. Результатъ путешествія былъ не удаченъ; одинъ изъ самыхъ большихъ кораблей, *Деннисъ*, былъ разбитъ ледяной горой при входѣ въ Фробисгеровъ проливъ, и потонулъ такъ быстро, что экипажъ едва успѣлъ спастись на другія суда; остальные корабли долго носились бурею и потерпѣли поврежденіе; густые туманы окружали ихъ; лѣто приходило къ концу, и не сдѣлавъ ничего для успѣховъ землевѣдѣнія принуждены были возвратиться въ Англію. Тутъ Фробисгеръ на вѣкъ простился съ крайнимъ сѣверомъ и началъ искать новыхъ лавровъ на менѣе пустынномъ и болѣе привѣтномъ поприщѣ. Онъ послѣдовалъ за знаменитымъ Драке въ западную Индію, командовалъ однимъ изъ самыхъ большихъ кораблей, высланныхъ Англіею противъ испанской армады и погибъ при нападеніи на небольшой французскій фортъ во время войны Генриха IV противъ *лиги*. Фробисгеръ принадлежалъ къ числу людей, всегда стремящихся къ трудамъ и безпокоящихся лишь во время бездѣйствія.

Между тѣмъ золотые сны исчезли, однакоже въ 1585 году нѣсколько лондонскихъ купцовъ снова обратились къ Джону Девису съ просьбою отыскать сѣверо-западный проходъ въ Индію. Среди бурь и тумановъ достигъ Девисъ юго-западной Гренландіи и видѣлъ гору, которая какъ громадная сахарная голова (Sukkertoppen) поднималась за облака. Все было покрыто снѣгомъ и пловучія льдины такъ печально стонали у берега, что Девисъ назвалъ его «Страна запустѣнія». Даже море казалось чернымъ и густымъ, какъ стоячее болото и путешественники рады были оставить эти берега и по открытому морю направиться къ сѣверо-западу. Нѣсколько дней спустя, опять показался берегъ Гренландіи, но на этотъ разъ, не смотря на то, что былъ сѣвернѣе, онъ имѣлъ болѣе привѣтный видъ. Здѣсь познакомились съ Эскимосами и завязалась между ними оживленная

мѣновая торговля, но свѣжій вѣтеръ разлучилъ Англичанъ съ туземцами. Остальную часть лѣта Девисъ употребилъ на плаваніе по свободному отъ льдовъ проливу въ 20—30 морскихъ миль шириной; этотъ проливъ казалось тянулся къ сѣверо-западу и давалъ надежду, что доселѣ столь часто неудачныя предпріятія наконецъ достигнутъ своей цѣли. Но приближеніе зимы принудило Девиса возвратиться и онъ не могъ слѣдовать болѣе чѣмъ на 60 миль по ново открытому проливу, извѣстнаго теперь всему міру подъ именемъ Девисова. Девисъ возвратился въ Англію, гдѣ одушевленіе его нашло отголосокъ въ сердцахъ его друзей, и въ слѣдующемъ году полный надежды на этотъ разъ достигнуть индійскихъ береговъ черезъ ново-открытыя ворота, снова отправился къ сѣверу. Подъ 64° с. ш. на Гренландскомъ берегу онъ встрѣтился съ своими старыми пріятелями Эскимосами и вскорѣ послѣ этого снова отправился на западъ. Громадныя ледяныя поля, которыя какъ извѣстно наполняютъ средину Баффинова залива, нерѣдко даже въ концѣ лѣта плыли на встрѣчу путешественникамъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней Девисъ плылъ по окраинѣ этихъ подвижныхъ острововъ, какъ вдругъ холодный туманъ окуталъ корабли, а паруса и снасти покрылъ ледяной корой. Экипажъ сталъ роптать и говорить, что онъ своею дерзкою смѣлостію навлечетъ на себя проклятіе вдовъ и сиротъ. Поэтому Девисъ отпустилъ домой два судна, а самъ на третьемъ кораблѣ съ самыми смѣлыми изъ людей проникъ далѣе черезъ ледъ и туманъ, и въ началѣ августа подъ 66° 30 с. ш. достигъ западнаго берега Баффинова залива, вдоль котораго поплылъ къ югу, но замѣчательно, что Девисъ не вошелъ ни въ Фробисгеровъ, ни въ Гудзоновъ проливы. На Лабрадорскомъ берегу Эскимосы убили двухъ матросовъ Девиса, и такъ какъ въ сентябрѣ начались сильныя бури, то безстрашный мореплаватель рѣшился возвратиться въ Англію, гдѣ снарядившіе экспедицію купцы встрѣтили его съ печальными лицами, ибо какъ ни были интересны его записки, но изъ нихъ вѣдь не начеканишь монеты. Однако воодушевленіе и замѣчательный талантъ убѣждать сдѣлали то, что смѣлый Девисъ 16 іюня 1587 года снова былъ вблизи Гренландскихъ береговъ.

На этотъ разъ съ него взяли торжественное обѣщаніе не упускать удобнаго случая для китовой ловли — и такъ главною цѣлью экспедиціи было добываніе ворвони и тюленьихъ шкуръ, открытіе же сѣверо-западнаго прохода стало побочнымъ дѣломъ. Поэтому Де-

висъ оставилъ два большихъ судна вблизи прежней своей стоянки и поручилъ имъ употребить время наивыгоднѣйшимъ образомъ, а самъ на самомъ плохомъ и маломъ суднѣ пустился въ область неизвѣстнаго. Сначала онъ поплылъ вдоль Гренландскаго берега къ сѣверу до 72° с. ш., гдѣ самую сѣверную точку имъ достигнутую онъ назвалъ по имени своего мецената «Сандерсоновой надеждою». Потомъ Девисъ направился къ западу, гдѣ льды, и прежде стоившіе ему столькихъ трудовъ, снова помѣшали его плаванію. Но время и терпѣніе преодолѣли всѣ препятствія и 19 іюля онъ достигъ противоположнаго берега Девисова пролива. Два дня плылъ Девисъ вверхъ по каналу Кумберланда, но принявъ его за замкнутую бухту и проплывъ мимо входа въ Гудзоновъ проливъ, онъ возвратился къ тому мѣсту, гдѣ должны были ожидать его другіе корабли. Кто опишетъ удивленіе Девиса когда онъ увидалъ, что его недостойные товарищи уже отплыли въ Атлантическое море, не заботясь объ опасностяхъ, которымъ необходимо долженъ былъ подвергнуться Девисъ на своемъ плохомъ суднѣ во время возвратнаго пути. Океанъ поприще всего геройства и добродѣтели, къ какимъ только способенъ человѣкъ, къ несчастію въ тоже время служитъ поприщемъ всего отвратительнымъ въ человѣчествѣ.

Спутники Девиса вѣроятно желали, чтобы волны поглотили и тайну ихъ себялюбиваго поступка и славнаго ихъ предводителя, но Девисъ на своемъ плохомъ суднѣ при недостаткѣ провіанта и прѣсной воды хотя страшно бѣдствовалъ, но сжалился надъ нимъ Всемогущій, который уничтожилъ столько флотовъ и счастливо довелъ до гавани маленькую скорлупку.

Тѣмъ окончились арктическія путешествія нашего героя, напрасно умолялъ онъ дать средства на четвертую попытку за успѣхъ которой ручался. Но три сряду неудавшихся предпріятія во всей націи охладили стремленіе къ открытіямъ и Девису пришлось на опытѣ узнать, что обманутыя ожиданія хуже опасностей въ бурномъ морѣ.

Послѣ этого Девисъ сдѣлалъ еще пять путешествій въ Остъ-Индію и 27 декабря 1605 г. былъ убитъ на берегахъ Малакки въ битвѣ съ Малайцами. Такимъ образомъ и этотъ арктическій мореплаватель похороненъ въ тропической странѣ.

Мы уже познакомились съ Генрихомъ Гудзономъ, какъ съ мореплавателемъ, впервые попытавшимся плыть прямо къ полюсу: по-

слѣдуемъ же теперь за Гудзономъ въ его вѣчно-памятномъ путешествіи для открытія сѣверо западнаго прохода.

На жалкомъ суднѣ въ 55 тоннъ съ еще болѣе жалкими матросами, является нашъ герой въ концѣ іюля 1610 года у входа, впослѣдствіи по его имени названнаго, пролива.

Уже здѣсь экипажъ упалъ духомъ, но Гудзонъ, не обращая вниманія на ропотъ, пошелъ далѣе, пока передъ нимъ не раскинулось безграничное темно-синее море.

Гудзоновъ заливъ открытъ нашимъ путешественникомъ, но Гудзонъ полагалъ, что найденъ сѣверо западный проходъ, и что его судно уже бороздило волны Тихаго океана. Это было въ началѣ августа, и все громче раздавались требованія возвратиться на родину, но Гудзонъ рѣшился довести предпріятіе до конца, и если можно перезимовать на азіятскомъ берегѣ.

«Три мѣсяца плылъ Гудзонъ, вдоль южнаго берега громаднаго залива, пока наконецъ не наступилъ ноябрь и не заковалъ его ледянымъ поясомъ.

«Путешественникамъ пришлось перезимовать въ этой печальной пустынѣ почти безъ запасовъ и къ сожалѣнію безъ геройскаго терпѣнія и согласія, которыя могутъ сдѣлать сноснымъ всякое ужасное положеніе. Это грустная эпоха для бѣднаго Гудзона, который былъ одинъ, безъ друзей, среди ропчущихъ спутниковъ.

«Наконецъ желанная весна возвратилась, корабль снова веселъ и 21 іюля 1611 года рано утромъ Гудзонъ вышелъ изъ каюты, чтобы сдѣлать дневныя распоряженія. Но лишь только онъ вошелъ на палубу, какъ ему связали руки и онъ подпалъ подъ власть взбунтовавшихся матросовъ. Со всѣхъ сторонъ онъ видѣлъ одни угрожающіе взоры. Не было отвѣта на его вопросы, мольбы, убѣжденія, приказанія. Наконецъ несчастный покорился судьбѣ, и, рѣшившись на все, смотрѣлъ на идущія приготовленія. Спустили небольшую лодку, въ которую посадили Гудзона, его единственнаго приверженца, корабельнаго плотника, наконецъ больныхъ и слабыхъ, уже не могшихъ приносить пользу на кораблѣ, и дали имъ небольшое количество пороха и свинца. Раздается сигналъ, лодка отталкивается и корабль уходитъ, и скоро не доноситъ къ нему криковъ оставленныхъ легкій вѣтерокъ, который гонитъ взбунтовавшихся на родину. Такимъ образомъ Гудзонъ долженъ былъ безъ слѣда погибнуть тамъ, гдѣ пріобрѣлъ славу». (Море и его жизнь).

Зачинщики бунта скоро подверглись справедливому наказанію, и не многимъ пережили они своего начальника, котораго такъ постыдно бросили. Иные пали въ битвѣ съ Эскимосами, другіе умерли съ голода на возвратномъ пути. Во всякомъ случаѣ, Гудзонъ страдалъ менѣе, ибо совѣсть его была чиста.

Открытіе громаднаго Гудзонова залива должно было снова оживить, столь часто обманывавшія, надежды, и различные мореплаватели послѣдовали за Гудзономъ, чтобы по ту сторону залива найдти проливъ, который бы велъ къ Индіи. Едва ли нужно говорить о безплодности всѣхъ этихъ попытокъ. Наконецъ Баффинъ въ 1616 году получилъ приказаніе попытать счастія по ту сторону Девисова пролива.

Ни особыя страданія и приключенія, ни борьба со стихіями и мрачныя преступленія не придаютъ этому путешествію романтическаго интереса, но за то принесло оно богатые плоды землевѣдѣнію, хотя съ другой стороны распространило ошибки, долго мѣшавшія дальнѣйшимъ успѣхамъ географіи.

Баффинъ обогнулъ весь огромный заливъ, названный по его имени, но не попробовалъ проѣхать черезъ широкіе проливы, открывающіеся на западѣ Баффинова моря. Мореплаватель думалъ, что это море замкнуто съ этой стороны и всѣ повѣрили ему, такъ что два столѣтія прошло до тѣхъ поръ, пока снова не попробовали поискать западнаго прохода по ту сторону Девисова пролива. Наконецъ въ 1818 году снова пробудилась страсть къ открытіямъ, и Джонъ Россъ, ветеранъ королевскаго флота съ 1790 года прослужившій 15 лѣтъ мичманомъ, 7 лѣтъ лейтенантомъ и 7 лѣтъ капитаномъ, былъ приглашенъ еще разъ попытать счастія въ Баффиновомъ заливѣ. Выборъ былъ не совсѣмъ хорошъ, ибо Россъ, хотя былъ отличнымъ морякомъ, но не имѣлъ онъ свѣдѣній, терпѣнія и воодушевленія, необходимыхъ для выполненія такого предпріятія. Хотя Россъ объѣхалъ Баффиновъ заливъ, но вмѣсто того, чтобы изслѣдовать широкіе зунды Смита, Іона и Ланкастера, онъ къ первому едва подошелъ на разстояніи 60 англійскихъ миль, почти на такомъ же разстояніи посмотрѣлъ на второй и въ третьемъ проѣхалъ только небольшое пространство. Обманутый миражемъ, онъ увидѣлъ передъ собой цѣпь высокихъ горъ (онъ назвалъ ихъ Croker mountains), и, полагая, что прохода быть не можетъ, поспѣшилъ къ большому неудовольствію

офицеровъ оставить каналъ и возвратиться въ Англію, гдѣ его ожидали неудовольствія и насмѣшки.

Въ слѣдующемъ году спутникъ и помощникъ Росса, Эдвардъ Парри, былъ приглашенъ довершить несдѣланное и прежде всего обслѣдовать зундъ Ланкастера.

Путешествіемъ Парри начинается славный рядъ новѣйшихъ открытій въ сѣверномъ полярномъ морѣ. Въ самомъ дѣлѣ Парри былъ созданъ для такого предпріятія, ни одинъ мореплаватель не умѣлъ лучше его завладѣть сердцами и пріобрѣсти полнаго довѣрія своихъ спутниковъ. Послѣдніе были убѣждены, что должны слѣпо повиноваться, и что подъ начальствомъ такого человѣка хорошее судно и дѣльные матросы могутъ совершить даже невѣроятное.

31 іюля 1819 года Парри достигъ входа въ зундъ Ланкастера и вскорѣ исчезли фантастическія горы открытыя Россомъ, ибо 4 августа *Гекла* и *Гриперъ* уже на 3° перешли за пространство назначенное этимъ горамъ. Проливъ Баррова, такъ былъ названъ новооткрытый каналъ, былъ почти свободенъ ото льдовъ, но отъ острова Леопольда потянулись къ сѣверу непроницаемыя кристальныя массы. Парри, путь котораго здѣсь былъ прегражденъ, а энергическій характеръ не позволялъ дожидаться, пока лѣтнее тепло не взломаетъ льды, взялъ болѣе южное направленіе и вошелъ въ проливъ Регента. Но и здѣсь 8 августа толстая ледяная банка, которая тянулась отъ одного берега до другаго помѣшала дальнѣйшему плаванію. Оставалось выбрать одно изъ двухъ, или дожидаться пока солнце, вѣтеръ и теченіе удалятъ препятствіе, или же немедленно еще разъ попытаться на сѣверѣ. Парри предпочелъ послѣднее.

Плывя къ сѣверной сторонѣ пролива Баррова (счастіе всегда служитъ смѣлому), 20 августа онъ нашолъ узкій фарватеръ между льдомъ и землей. Слѣдуя ему къ западу, онъ прошелъ мимо Велингтонова пролива и достигъ 1 сентября острова Мильвилея, гдѣ нашолъ необыкновенное изобиліе животной жизни. Здѣсь видѣли сѣверныхъ оленей и пахучихъ быковъ, и стаигусей и утокъ летѣли къ сѣверу. 4 сентября подъ 74°45 с. ш. перерѣзали меридіанъ 110° зап. дол. отъ Гринвича, за что отъ парламента уже была назначена премія въ 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Этотъ успѣхъ еще болѣе побудилъ Парри постараться достигнуть 130° зап. дол., за что была обѣщана вторая награда.

Но уже на слѣдующій день непроницаемыя массы льда замкнули проходъ, и здѣсь подъ 110° западной долготы Парри въ первый разъ, какъ вышелъ изъ Англіи, спустилъ якорь. Утромъ 7 сентября Георгъ Фифъ главный лоцманъ Грипера осмѣлился съ 6 человѣками отправиться во внутренность острова. Прошло двое сутокъ, и такъ какъ Фифъ взялъ провіанта всего на одинъ день, то полагали, что съ нимъ случилось что нибудь недоброе. Тутъ трое товарищей вызвались отыскать заблудившихся, но сами сбились съ дороги и возвратились только къ 10 часамъ вечера, истощенные холодомъ и усталостію и не принеся никакихъ свѣдѣній. Поэтому 13 сентября отправлены были четыре новыя партіи на поиски, которымъ удалось повстрѣчать путешественниковъ. Послѣдніе хотя вытерпѣли многое, но не страдали отъ голода, ибо могли настрѣлять столько куропатокъ, сколько имъ было нужно.

Фифъ и его товарищи нашли на островѣ зеленыя луга и мхомъ покрытыя равнины, также нашли они прѣсноводное озеро, въ которомъ было множество форелей. Видѣли они также сѣверныхъ оленей и лосей и спугнули много трусливыхъ полярныхъ зайцевъ.

Однакоже зима стала наступать исполинскими шагами и Парри счелъ за лучшее изъ открытаго моря войдти въ гавань, мимо которой проплыли нѣсколько дней передъ этимъ. 23 сентября бросили якорь у устья гавани, а термометръ упалъ до—13° Р. Нужно было во льду 8—9 вершковъ толщиной пробить каналъ въ 15000 футовъ длиной, черезъ который должно было провести корабль въ самую гавань. Во время этой работы экипажу выдавалась двойная порція солонины и рома, и всякій скажетъ, что экипажъ заслужилъ такую прибавку, ибо исполинская работа была совершена въ теченіи трехъ дней.

Теперь Британцамъ довелось провести 10 мѣсяцевъ среди льдовъ, но Парри умѣлъ и здѣсь сдѣлать такъ, что ни прежде, ни послѣ него не было лучшей перезимовки на крайнемъ сѣверѣ. Парри обращался съ матросами, какъ отецъ съ дѣтьми, и не упускалъ изъ виду ничего, чтобы могло быть полезнымъ для ихъ нравственнаго и тѣлеснаго довольства.

Ежедневно въ хорошую погоду люди должны были выходить на чистый воздухъ на охоту, или заниматься устройствомъ высокой снѣжной плотины вокругъ корабля. Если же полярный вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ, то на палубѣ подъ крышею, сдѣланною изъ ва-

точныхъ одѣялъ подъ звуки органа или пѣсни, которую запѣвалъ самъ Парри, весь экипажъ долженъ былъ маршировать.

Чтобы отогнать скуку, которая такъ часто отворяетъ двери неудовольствіямъ и болѣзнямъ, Парри устроилъ школу, гдѣ преподаваніе полезнаго занимало нѣсколько часовъ, а для отдыха основалъ газету «The Winter Chronicle or New Georgia Gazette» и устроилъ театральныя представленія, которыя съ 5 ноября повторялись черезъ каждыя двѣ недѣли. Первое представленіе прошло превосходно, и конечно ни въ одномъ театрѣ въ мірѣ не хохоталось такъ отъ души, какъ здѣсь на неочень-то теплой палубѣ Геклы, когда играли «Miss in her teens» Для представленія 23 декабря самъ Парри сочинилъ піесу, предназначенную для того, чтобы оживить надежды мореплавателей. Піеса была въ трехъ актахъ, дѣйствіе происходило въ будущемъ. Въ первомъ актѣ корабли, пройдя черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ къ Камчаткѣ, во второмъ счастливые мореплаватели возвращаются въ Лондонъ, получаютъ премію въ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и дѣлятъ ее между собой. Въ третьемъ актѣ чрезвычайно живо представлено, какъ храбрые моряки легкомысленно проматываютъ на лондонскихъ улицахъ деньги, заслуженныя такимъ трудомъ въ арктическомъ поясѣ. Можетъ быть многія піесы, написанныя на разные случаи, лучше этой, но конечно ни одна не сравнится съ ней по оригинальности обстановки.

Не менѣе заботливо и смотрѣлъ Парри за ежедневными религіозными упражненіями, онъ зналъ какая сила почерпается въ молитвѣ. Какъ удались эти мѣры можно видѣть изъ дневника, бывшаго при экспедиціи, медика Фишера.

«Первый день Рождества», говоритъ онъ, «хотя замурованные въ полярныхъ льдахъ, мы провели такъ весело и пріятно, какъ на родинѣ, и жалѣли только, что съ нами не было нашихъ семействъ. Пили и ѣли столько, сколько могли при нашемъ веселомъ настроеніи. У насъ былъ превосходный ростбифъ и прекрасный порт-вейнъ, и что всего лучше, мы были здоровы и слѣдовательно могли пользоваться всѣми этими прелестями».

Въ мартѣ, когда большіе холода начали уже ослабѣвать, показалась цинга, но энергическія мѣры побѣдили ее. Парри изо всѣхъ силъ старался вырощать въ своей каютѣ горчицу и кроссъ для экипажа.

Мы можетъ быть слишкомъ долго останавливались на этихъ подробностяхъ, но намъ извинятъ ихъ, ибо они бросаютъ болѣе свѣта на человѣка по истинѣ великаго.

Наконецъ появился май съ своимъ длиннымъ непрерывнымъ днемъ крайняго сѣвера; но еще цѣлые мѣсяцы ледъ оставался неподвиженъ въ гавани, и Парри имѣлъ достаточно времени для обслѣдованія внутренности острова. Только 1 августа корабли на буксирѣ были выведены изъ гавани, и передъ ними открылся широкій фарватеръ. Въ теченіи 26 дней Парри старался проникнуть въ одинъ изъ западныхъ проходовъ, но даже и для такого человѣка это оказалось невозможнымъ, нельзя было пробиться сквозь громадныя массы льда, которыя, ударяясь о корабли, грозили ихъ раздробить. Такимъ образомъ всѣ дальнѣйшія попытки плыть въ этомъ направленіи были оставлены и воспользовались свѣжимъ западнымъ вѣтромъ, который быстро погналъ корабли къ востоку. Скоро Мельвилевъ островъ скрылся изъ глазъ, но прежде чѣмъ возвратиться въ Англію, Парри захотѣлъ еще разъ обслѣдовать проливъ Регента, который впрочемъ нашелъ совершенно запертымъ льдами. Можно себѣ представить съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили Парри, когда онъ 3 ноября вошелъ въ лондонскую гавань. Онъ разомъ сталъ полубогомъ у народа и его имя стало выше всѣхъ другихъ адмираловъ.

Одновременно съ Парри не менѣе знаменитый мореходъ Джонъ Франклинъ, уже прежде отличившійся на «Трентѣ», отправился въ Сѣверную Америку, чтобы здѣсь сухимъ путемъ разрѣшить вопросъ объ сѣверозападномъ проходѣ. Франклину сдѣлали предложеніе плыть внизъ по Мѣдной рѣкѣ, которую никто не посѣтилъ со временъ Геарна, и отсюда къ востоку обслѣдовать берега полярнаго моря. Бѣдствіями Франклина въ это путешествіе можно было бы наполнить цѣлую книгу. Экспедиція цѣлыя недѣли страдала отъ голода на пути отъ мыса Турнагаина, крайней точки открытой Франклиномъ на полярномъ берегу, къ форту Энтерпризу. Обыкновенно питались лишаемъ — tripe de roche; но нерѣдко должны были довольствоваться сапогами и жареными костями. Однажды нашли остовъ сѣвернаго оленя, волки и хищныя птицы обглодали мясо, но оставалось небольшое количество спиннаго мозга, и хотя онъ испортился и былъ такъ ѣдокъ, что губы покрылись язвами, но все-таки онъ показался превосходнымъ кушаньемъ. Проведя въ покинутомъ фортѣ Энтерпризѣ 18 голодныхъ дней, и потерявъ почти всѣхъ сво-

ихъ спутниковъ, умершихъ отъ истощенія, наконецъ 7 ноября 1821 Франклинъ, д-ръ Ричардсонъ и матросы Гепбурнъ и Адамъ были спасены Индійцами, которыхъ выслалъ съ припасами другъ и товарищъ Франклина Георгъ Бнекъ. Съ жадностію ѣли путешественники хорошее сушеное оленье мясо и превосходные языки, но за свою неосторожность поплатились страшною болью въ желудкѣ (объ предшествовавшемъ голодѣ врачъ Ричардсонъ совершенно забылъ). Стоитъ упомянуть, что путешественники во время крайняго недостатка видали во снѣ, что ѣдятъ и пьютъ и [illegible] сонъ уменьшалъ ихъ страданіе и природа даже въ отчаянномъ положеніи можетъ давать радости.

Второе путешествіе предпринятое Парри въ 1821 году имѣло цѣлью изслѣдовать, не существуетъ ли между Rowe-Welcome или Repulse Bai на сѣверѣ Гудсонова моря и открытаго самимъ Парри пролива Регента воднаго сообщенія, которое находясь южнѣе пролива Баррова, должно было бы открыть легчайшій путь на западъ. Тогда еще не знали, что Мельвилевъ полуостровъ, между обоими далеко тянется къ сѣверу. Лѣтомъ 1821 года обслѣдованы островъ Судгамптонъ, бухта Репульзи и проливъ Фроцепъ, и потомъ путешественники на зиму ввели корабли въ открытую бухту небольшаго зимняго острова, къ югу отъ полуострова Мельвиля. Здѣсь частыя посѣщенія Эскимосовъ пріятно нарушали однообразіе зимы. Между этими дикарями особенно отличалась свѣтлымъ умомъ дѣвушка, по имени Иглооликъ. Ея смѣтливость была такъ велика, что она сдѣлалась переводчицей между Англичанами и своими соплеменниками; такъ хорошо поняла она значеніе географическихъ картъ, что къ удовольствію и удивленію Парри, сама начертила большой Мельвилевъ полуостровъ, и каналъ его отдѣляющій отъ острова Кокбурна. Эти данныя, полученныя отъ дикарки, не мало укрѣпили надежды моряковъ, которые, лишь только корабль освободился ото льда, что впрочемъ не случилось ранѣе 8 іюля, поспѣшили на дѣлѣ узнать на сколько эти свѣдѣнія вѣрны. Испытавъ страшныя опасности, достигли наконецъ небольшаго острова, положеніе котораго Эскимоска совершенно вѣрно обозначила на картѣ; Парри изъ благодарности назвалъ этотъ островъ Иглооликъ. Далѣе проливъ былъ совершенно загроможденъ громадными льдинами, такъ что нельзя было ожидать, чтобы онѣ растаяли въ этомъ году, и Парри тотчасъ же отправился сухимъ путемъ, для обслѣдованія канала между полуостровомъ Мельвиля и островомъ Кокбурномъ. Многое обѣщалъ этотъ каналъ на

будущее лѣто, и Парри отъ радостнаго предчувствія назвалъ его «проливомъ Геклы и Фьюри», и возвратился потомъ къ своимъ судамъ, которыя у острова Иглооликъ стали на зимнюю квартиру. Холодъ былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году, ледъ образовывался даже въ печныхъ трубахъ, хотя печи топились день и ночь. Съ наступленіемъ лѣта оказалось, что нужно отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе къ западу, ибо здоровье экипажа слишкомъ было ненадежно, чтобы рѣшиться на третью перезимовку. Только 9 августа, послѣ 319 дневнаго заключенія освободились корабли ото льда, и такъ какъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, для плаванія оставалось всего не болѣе 6 недѣль, то Парри немедленно рѣшился возвратиться въ Англію, гдѣ продолжительное отсутствіе его уже возбудило сильное безпокойство.

Въ 1824 году снова снарядилось нѣсколько экспедицій, чтобы съ различныхъ пунктовъ продолжать арктическія открытія.

Капитанъ Лайонъ, бывшій спутникомъ Парри въ только что описанномъ путешествіи, получилъ приглашеніе обслѣдовать Мельвилевъ полуостровъ и его окружающіе проливы, и если возможно достигнуть мыса Турнагаина, открытаго Франклиномъ. Задача была далеко не легкая тѣмъ болѣе, чѣмъ для ея выполненія корабль былъ слишкомъ старъ. Изъ Англіи вышли только 20 іюня, слѣдовательно опоздали цѣлымъ мѣсяцемъ, и уже наступилъ конецъ августа прежде нежели «Гриперъ» обогнулъ южную оконечность острова Судгамптона и вошелъ въ проливъ Rowe-Welcome.

Но здѣсь встрѣтили мореплавателей страшныя бури, порвавшія всѣ якорные канаты у корабля, такъ что думать о дальнѣйшихъ открытіяхъ было бы нелѣпостью и нужно было радоваться, что могли еще возвратиться въ Англію.

Въ томъ же году Парри попытался въ третій разъ разрѣшить великій вопросъ, доставившій великую славу путешественнику, отчасти приподнявшему завѣсу, его покрывающую. Парри пріобрѣлъ такую любовь и уваженіе къ себѣ, что лишь только онъ принялъ начальство надъ экспедиціей, какъ немедленно собрались всѣ его прежніе спутники. На этотъ разъ должны были попытать счастія черезъ проливы Баррова и Принца Регента. Съ половины іюля до половины сентября судамъ пришлось бороться съ страшными массами льда въ Баффиновомъ заливѣ, и корабли съ менѣе прочными ребрами разъ сто были бы разбиты льдами. Весь августъ прошелъ въ туманѣ, до-

ждѣ и снѣгѣ, и только 10 сентября Парри достигъ входа въ зундъ Ланкастера, который былъ довольно свободенъ ото льда. Но скоро образовался новый ледъ, который, утолщаясь ежедневно, наконецъ окружилъ корабли, и ихъ снова снесло западно восточнымъ теченіемъ въ Баффиновъ заливъ. Неутомимая настойчивость и желанная помощь сильнаго восточнаго вѣтра дали возможность Парри снова вознаградить потерянное пространство и 27 сентября онъ достигъ входа въ портъ Боуэнъ на восточномъ берегу пролива Регента, гдѣ Парри рѣшился перезимовать. 131 день термометръ не поднимался выше — 14° Р.; 121 день длилась зимняя ночь.

Только 19 іюля корабли освободились ото льдовъ и Парри направился вдоль берега Нортъ-Сомерсета, чтобы посмотрѣть не найдется ли здѣсь открытаго пути.

Въ началѣ узкій протокъ воды между берегомъ и льдами позволялъ плыть дальше, но 28 іюля массы льда поплыли къ землѣ и невозможно стало произвольно управлять кораблями. «Фьюри» отъ сильныхъ толчковъ такъ повредился, что послѣ 25 дневныхъ безплодныхъ усилій принуждены были вырубить во льду небольшую гавань для починки этого судна, но это не помогло, нужно было бросить корабль. Въ такихъ неудачахъ прошла большая часть лѣта и Парри возвратился въ Англію, совершивъ самое безплодное изъ своихъ путешествій.

Читатель помнитъ бѣдствія, претерпѣнныя Франклиномъ, Ричардсономъ и Бакомъ, во время предпринятаго ими въ 1819 году сухопутнаго путешествія, когда имъ пришлось почти два мѣсяца бороться съ голодомъ; но тѣмъ не менѣе въ 1825 году мы снова видимъ тѣхъ же трехъ героевъ на пути къ тѣмъ же сѣверо-американскимъ берегамъ. Наученные горькимъ опытомъ, путешественники на этотъ разъ приняли лучшія мѣры, передъ тѣмъ какъ пустились въ неизвѣстную пустыню, и экспедиція прежде нежели остановилась на зимовку въ фортѣ «Франклинъ» (такъ названа была хижина, построенная на берегу большаго Медвѣжьяго озера), уже обслѣдовали рѣку Мекензи до моря. Лишь только на слѣдующее лѣто рѣка взломила льды, какъ Англичане отправились въ путь на четырехъ лодкахъ, и тамъ, гдѣ Мекензи дѣлится на различные рукава, раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ подъ начальствомъ Франклина и Бака, должна была описать берега къ западу, другая подъ начальствомъ Ричардсона обслѣдовать берега къ востоку.

У западнаго устья Мекензи, Франклинъ 7 іюня встрѣтилъ толпу Эскимосовъ, которые разграбили его лодки, и только рѣшимостью и осторожностью удалось ему наконецъ отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ гостей. Послѣ этого Франклинъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ скучномъ и затруднительномъ плаваніи на лодкѣ и не могъ идти далѣе мыса Бака, ибо осторожность требовала возвратиться назадъ.

21 сентября, Франклинъ въ фортѣ своего имени, снова встрѣтился съ Ричардсономъ; послѣдній съ своей стороны обогнулъ берега до противуположной стороны канала, который, по именамъ своихъ лодокъ, назвалъ проливомъ «Dolphin et Union». Въ фортѣ Франклинѣ зима была такъ сурова, что термометръ одинъ разъ опустился до — 44° Р; но такъ какъ не было недостатка въ хорошей пищѣ, и все общество пользовалось здоровьемъ, то зиму провели пріятнымъ образомъ.

Др. Ричардсонъ читалъ своимъ спутникамъ лекціи практической геологіи, а Друммондъ преподавалъ естественную исторію. Рѣдко на такой сѣверной и пустынной точкѣ земнаго шара удастся послужить наукѣ словомъ.

Нельзя не упомянуть, что Франклинъ, уѣзжая изъ Англіи, оставилъ свою первую жену на смертномъ, одрѣ, и она скончалась на другой день послѣ отъѣзда знаменитаго мореплавателя. Съ геройскою настойчивостію она требовала, чтобы отъѣздъ совершился въ назначенный день и умоляла мужа для ея собственнаго спокойствія и ради его славы не мѣшкать ни минуты. Можно вообразить себѣ, съ какимъ чувствомъ Франклинъ водрузилъ на мысѣ Св. Георга шелковое знамя, подаренное ему женой на прощаніи, съ просьбою развернуть знамя не иначе какъ на берегу полярнаго моря.

Въ то время какъ Парри и Франклинъ такимъ образомъ стремились къ западу, капитанъ Бичей получилъ предложеніе идти къ нимъ на встрѣчу отъ Берингова моря, чтобы доставить имъ жизненные припасы, а самому моремъ возвратиться въ отечество; но такое дѣло легче предпринять, чѣмъ исполнить. Поэтому неудивительно, что «Блосомъ», прійдя на мѣсто свиданія въ бухту Эшольца на островѣ Шамиссо, не нашелъ тамъ Франклина. Однакоже немногаго не доставало, чтобы Бичей встрѣтилъ впослѣдствіи Франклина на берегу Ледовитаго моря, ибо, на востокъ высланный, ботъ достигъ мыса Баррова, около 126 англійскихъ миль къ сѣверо-западу отъ Леднаго мыса и

только въ 150 англійскихъ миляхъ отъ крайней западной точки, до которой въ тоже время дошелъ Франклинъ отъ устья Мекензи.

Въ 1827 году Парри предпринялъ пятое и послѣднее свое путешествіе къ сѣверному полюсу, о которомъ мы говорили въ первой главѣ.

Мы считаемъ нужнымъ представить краткій очеркъ дѣятельной жизни этого великаго путешественника, имя котораго можетъ смѣло стать на ряду съ именами героевъ древности. Въ 1790 году родился Парри, отецъ его былъ морякомъ, и съ самаго нѣжнаго возраста сынъ душой и тѣломъ посвятилъ себя службѣ, въ которой посѣдѣлъ его отецъ. На 28 году Парри получилъ всемірную извѣстность открытіемъ острова Мельвиля, а послѣдующія путешествія закрѣпили за нимъ заслуженную славу и уваженіе. Съ 1829 по 1834 Парри жилъ въ Австраліи и занималъ должность уполномоченнаго Австралійской Земледѣльческой Компаніи, въ 1837 году онъ занимался устройствомъ морской почты, составлявшей тогдашнюю заботу адмиралтейства, и потомъ получилъ мѣсто главнаго смотрителя за машинами королевскихъ пароходовъ. Въ 1846 году, Парри былъ суперъ-интендантомъ большаго морскаго госпиталя въ Газларѣ, а потомъ губернаторомъ знаменитаго Гринвичскаго госпиталя.

Адмиралъ сиръ Вильямъ Едвардъ Парри скончался лѣтомъ 1855 года на минеральныхъ водахъ въ Эмсѣ; предсмертные взоры человѣка, расширившаго извѣстные предѣлы океана, и отворившаго врата крайняго сѣвера, покоились на водахъ романтическаго источника.

Уже 10 лѣтъ старый Россъ (ему было тогда 52 года) жилъ въ бездѣйствіи, послѣ своего перваго неудачнаго путешествія, но слава Франклина и Парри и желаніе поправить ошибки 1818 года не давали покоя Россу, и онъ штурмовалъ правительство просьбами послать его еще разъ къ неизвѣстному сѣверу, но легче было бы Россу смягчить сердце бѣлаго медвѣдя, или убѣдить моржа, нежели подвинуть адмиралтейство, и вѣроятно не удалось бы Россу перезимовать въ Ледовитомъ морѣ, если бы частное лицо, богачъ Феликсъ Бутъ (Booth) не далъ 17000 фунтовъ стерлинговъ на снаряженіе корабля для этой экспедиціи.

Небольшой пароходъ, довольно дерзко названный «Викторія», купленъ въ Ливерпулѣ и снабженъ провіантомъ на три года.

Неудаченъ былъ выборъ судна, ибо что можно придумать непрактичнѣе колесъ парохода среди полярныхъ льдовъ, но за то удаченъ

выборъ помощника. Россъ взялъ себѣ въ помощники своего племянника Джемса Росса.

Джемсъ Россъ, въ послѣдствіи открывшій землю Викторіи въ южномъ полярномъ морѣ, сопровождалъ Парри въ четырехъ послѣднихъ его путешествіяхъ, и уже провелъ въ арктическомъ поясѣ 14 лѣтнихъ и 8 зимнихъ компаній. Со всѣми свойствами превосходнаго моряка онъ обладалъ еще свѣдѣніями естествоиспытателя, и почти ему одному обязаны тѣмъ, что сдѣлано было въ научномъ отношеніи во время настоящаго путешествія. Это путешествіе гораздо менѣе извѣстно открытіемъ полуострова Boothia Felix, точнымъ обслѣдованіемъ западнаго берега пролива принца Регента, обогащеніемъ карты земнаго шара дотолѣ неизвѣстными берегами на протяженіи 700 англійскихъ миль и открытіемъ магнитнаго полюса, чѣмъ извѣстно оно неслыханною продолжительностію (путешествіе длилось 5 лѣтъ) и удивительными приключеніями, случившимися въ это время.

Первый сезонъ окончился счастливо. 10 августа 1829 года «Викторія» вошла въ проливъ принца Регента и достигла 13-го того мѣста, гдѣ Парри (третье путешествіе) бросилъ «Фьюри»; отъ корабля не осталось и слѣдовъ, но запасы найдены въ совершенной цѣлости. Герметически закупоренныя жестяныя коробки, спасли ихъ отъ прожорливости медвѣдей, и мука, хлѣбъ, вино, ромъ и сахаръ черезъ 4 года были также хороши, какъ въ день ихъ укупорки.

Этой находкѣ обязана экспедиція своимъ спасеніемъ, безъ нея ей невозможно было бы перезимовать 4 раза въ арктической пустынѣ. Нигдѣ Провидѣніе такъ ясно и наглядно не управляло жизнью человѣка, какъ здѣсь!

15 августа достигли мыса Гарри, самый южный пунктъ, видѣнный Парри въ его третьемъ путешествіи.

Туманъ и массы пловучаго льда мѣшали плаванію, но Россъ, хотя медленно, все-таки стремился далѣе къ югу, такъ что къ половинѣ сентября 500 миль новооткрытыхъ береговъ нанесены были на карту. Но тутъ наступила зима съ своими холодами, и корабль принужденъ былъ дожидаться слѣдующаго лѣта въ бухтѣ названной Феликсъ Гарбуръ. Здѣсь выбросили за бортъ, совершенно оказавшуюся безполезной, машину и извѣстными средствами старались провести суровое время года сколь возможно пріятно. На слѣдующую весну отъ 17 мая до 13 іюня, Джемсъ Россъ совершилъ путешествіе

на саняхъ, которое повело къ открытію зунда короля Вильгельма и земли того же имени, при этомъ мужественный путешественникъ, такъ далеко зашелъ къ западу, что на возвратный путь въ 200 англійскихъ миль по обнаженной пустынѣ оставалось провіанта лишь на 10 дней, и то размѣреннаго по кусочкамъ.

Послѣ 12 мѣсячнаго заключенія «Викторіи» снова поплыла по водамъ, и 13 сентября опять началось ея плаваніе по неизвѣстнымъ морямъ.

Но какъ недолго длилась свобода «Викторія»! Въ постоянной борьбѣ съ пловучими льдинами и теченіемъ, она проплыла всего на *три* англійскихъ мили далѣе и снова заковало ее льдомъ 23 сентября. Весь октябрь употребили на то, чтобы завести корабль въ безопасное положеніе, и потомъ снова пришлось провести здѣсь безпримѣрно суровую зиму.

На слѣдующую весну Джемсъ Россъ опять занялся экскурсіями, и въ одну изъ нихъ ему удалось водрузить Британскій флагъ въ сѣверномъ магнитномъ полюсѣ. Впрочемъ изъ послѣдующихъ открытій оказалось, что это подвижная точка внутри полярнаго круга. 28 августа 1831 года, послѣ 11 мѣсячнаго заключенія, выбуксировали «Викторію» изъ зимней стоянки въ открытое море, но 27 сентября, проплывъ всего *четыре* англійскихъ мили въ теченіи цѣлаго мѣсяца, опять заковало ее льдомъ, и здѣсь пришлось провести *третью* арктическую зиму, которая была гораздо ужаснѣе прежнихъ, вслѣдствіе претерпѣнныхъ лишеній, скуки и уже ощутительно уменьшавшагося провіанта.

Семь миль въ два года—по этому масштабу трудно было надѣяться на «Викторіи» достигнуть береговъ старой Англіи. И потому рѣшено было бросить это судно, не ожидать слѣдующаго лѣта въ проливѣ, а съ открытіемъ весны пуститься въ путь, воспользоваться припасами и лодками, еще находившимися въ бухтѣ Фьюри, и потомъ съ ихъ помощью достигнуть Девисова пролива, гдѣ надѣялись встрѣтить китолововъ.

23 апрѣля 1832 года, по обычаю моряковъ прибили гвоздями къ мачтамъ флаги «Викторіи» и на вѣкъ простились съ этимъ судномъ. Старикъ Россъ былъ сильно огорченъ. Прослуживъ 42 года на 35 различныхъ судахъ, ему въ первый разъ случилось бросить свое судно на произволъ судьбы.

Пришлось протаскивать на громадное разстояніе провіантъ и лодки по неровному льду, а большая тяжесть заставила нѣсколько разъ пройдти по одной и той же дорогѣ. Страшныя метели задерживали путниковъ, а непроходимыя мѣста заставляли ихъ дѣлать большіе обходы. Въ первый мѣсяцъ этого пѣшеходнаго путешествія по пустынѣ хотя прошли 329 миль, но по прямому направленію всего лишь 30.

9 іюня Джемсъ Россъ съ двумя спутниками и провіантомъ на 14 дней отправился осмотрѣть лодки и припасы въ бухтѣ Фьюри, а 25 іюня снова сошелся съ слѣдовавшей за нимъ экспедиціей. Хотя приливъ унесъ три лодки, но все же оставалось достаточное количество лодокъ на мѣстѣ, и провіантъ былъ въ хорошемъ состояніи.

1 іюля всѣ сошлись въ бухтѣ Фьюри и 1 августа вычиненныя лодки отчалили отъ берега. Но только къ концу мѣсяца, послѣ долгой борьбы съ пловучими льдами достигли путешественники входа въ проливъ Баррова.

Къ несчастію проливъ былъ запертъ пловучими льдами, и подождавъ до половины сентября открытаго фарватера, экспедиція принуждена была опять возвратиться въ бухту Фьюри, гдѣ еще остававшіеся запасы могли сдѣлать возможною *четвертую* арктическую зимовку. На возвратномъ пути путешественники должны были въ заливѣ Бетти вытащить лодки на берегъ и остальное пространство пройдти пѣшкомъ. Наконецъ 7 октября достигли они хижинъ, сдѣланныхъ изъ парусовъ, которыхъ не надѣялись болѣе увидѣть.

Вокругъ устроили ледяной валъ и съ помощью хорошей печи можно было жить въ такой хижинѣ довольно удобно; но холода и бури держали путешественниковъ какъ въ тюрьмѣ.

Показалась цинга и въ февралѣ трое умерло отъ этой болѣзни. Къ этому прибавились заботы о будущемъ, ибо если не удастся освободиться слѣдующимъ лѣтомъ, то всѣ неминуемо погибнутъ — весь провіантъ истощится.

Весною перетащили оставшіеся запасы къ бухтѣ Бетти, гдѣ оставлены были лодки, и хотя разстояніе было всего въ 33 англійскихъ мили, но на такую работу пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ, ибо экипажъ ослабѣлъ отъ болѣзни, тяжесть была велика, и потому нужно было 8 разъ совершить одинъ и тотъ же путь. 12 іюля Россъ собрался съ товарищами въ бухтѣ Бетти и здѣсь цѣлый мѣсяцъ про-

ждалъ, можно вообразить съ какимъ нетерпѣніемъ, пока море освободится ото льдовъ.

Наконецъ 15 августа расчистилась узкая полоса воды, и много испытавшіе путешественники отправились въ путь. Уже на слѣдующее утро они достигли того мѣста, до котораго въ предыдущемъ году доходили съ страшными затрудненіями, здѣсь они шли между ледяными глыбами и наконецъ 17 августа передъ ними открылась широкая поверхность пролива Баррова. Вскорѣ экспедиція обогнула мысъ Іоркъ, и, плывя то на веслахъ, то на парусахъ, съ возрастающею надеждою достигли 25 августа восточнаго берега острова Navy-Board, гдѣ переночевали въ хорошей гавани. Рано утромъ раздался крикъ «корабль въ морѣ!» и никогда съ большею поспѣшностію не отчаливали лодки отъ берега, никогда матросы не гребли сильнѣе. Но стихія противится имъ: штиль и теченіе мѣшаютъ спасенію путешественниковъ и къ невыразимому ихъ горю корабль исчезаетъ изъ глазъ, нельзя ни нагнать его, ни подать знака.

Однакоже черезъ нѣсколько часовъ отчаяніе снова замѣняется радостію, снова на горизонтѣ показался парусъ. На этотъ разъ успѣхъ увѣнчалъ дѣло. Замѣчательно, что судно, спасшее экспедицію, было «Изабелла», на которомъ Россъ совершилъ свое первое арктическое путешествіе.

Экипажъ «Изабеллы» самъ разсказывалъ Россу о его собственной смерти, и съ большимъ трудомъ убѣдился, что передъ нимъ стоитъ самъ Россъ. Но сомнѣнія исчезли, и раздалось троекратное ура.

Пусть Россъ самъ разскажетъ намъ послѣдовавшую за этимъ сцену.

«Каждый былъ голоденъ и нужно было накормить его, каждый былъ оборванъ и нужно было одѣть. Всѣмъ хотѣлось умыться, у всѣхъ длинная борода скрывала человѣческій образъ. Всѣ мылись, одѣвались, брились и ѣли — все это дѣлалось за разъ, а тутъ безконечные вопросы и отвѣты: судьба «Викторіи», наши приключенія, англійская политика и европейскія новости за 4 года.

«Наконецъ успокоились. Больнымъ роздано лѣкарство, здоровые разошлись по каютамъ и сдѣлано все, что только могли сдѣлать доброта и заботливость.

«Ночь принесла миръ въ наши души, и конечно каждый изъ насъ принесъ дань благодарности Тому, Кто избавилъ насъ отъ отчаянія и смерти, и возвратилъ насъ друзьямъ и образованному міру.

«Но привыкли мы къ холодной постелѣ, къ жосткому снѣгу или обнаженнымъ камнямъ, и немногіе изъ насъ могли уснуть на покойной койкѣ. Я самъ былъ принужденъ встать съ постели и провести ночь въ креслахъ, другимъ было не лучше.

«Одно время могло сгладить такую быструю и сильную перемѣну.»

«Изабелла» оставалась еще нѣсколько времени въ Баффиновомъ заливѣ для китовой ловли, и потому только 15 октября 1833 года, достигли Гуля. Уже давно въ Англіи считали Росса и его спутниковъ умершими, по этому ихъ встрѣтили теперь, какъ будто воставшихъ изъ гроба. 15 лѣтъ тому назадъ Росса приняли очень холодно, за то теперь со всѣхъ сторонъ посыпались на него почести. Иностранныя государства, иностранныя и отечественныя ученыя общества слали Россу ордена, дипломы, медали. Лондонъ, Ливерпуль и Бристоль избрали его въ свои почетные граждане, Парламентъ назначилъ ему 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ награду; гдѣ только показывался Россъ повсюду народъ бѣжалъ за нимъ, а публичные обѣды, къ которымъ приглашали героя, ему сдѣлались опаснѣе, чѣмъ лишенія, пережитыя во время путешествія.

Когда Россъ былъ заточенъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Англіи не разъ раздавалось требованіе послать къ нему помощь. Нація чувствовала, что она обязана подать руку помощи людямъ, жертвующимъ жизнію на служеніе наукѣ; нація чувствовала, что британскій офицеръ, водружающій народный флагъ въ дотолѣ неизвѣстныхъ странахъ, и гибнущій тамъ отъ враждебной природы и людей, не долженъ умирать безъ мысли, что на далекой родинѣ не забудутъ его, и что до послѣдней минуты тамъ думаютъ о его спасеніи. И когда капитанъ Бакъ, прежній спутникъ Франклина, предложилъ свои услуги быть начальникомъ экспедиція для спасенія Росса, публика тотчасъ же подписалась на 4 тысячи фунтовъ, нужныхъ для покрытія издержекъ. Экспедиція должна была идти сухимъ путемъ, чтобы обслѣдовать и разыскивать слѣды погибшихъ по берегамъ полярнаго моря, отъ устья еще европейцами никогда непосѣщенной Большой Рыбьей рѣки. 8 августа 1833 года, Бакъ достигъ форта Resolution на Большомъ Невольничьемъ озерѣ и 19 августа поплылъ по рѣкѣ Hoar-Frost, все теченіе которой состоитъ изъ цѣпи пороговъ и водопадовъ. Густые лѣса и болота, почти рѣшительно не позволяли перетаскивать лодки по берегу около пороговъ, и наконецъ затруд-

ненія возрасли до такой степени, что спутники Бака совершенно упали духомъ, но самъ онъ не былъ изъ такихъ людей, которыхъ пугаютъ опасности, и воодушевляя своихъ спутниковъ, онъ достигъ 27 августа Аильмерскаго озера. Трое людей съ лодкой были отправлены для розыскиванія истока изъ этого озера Большой Рыбьей рѣки (Thlu-it-Scho); во время отсутствія посланныхъ, Бакъ случайно открылъ не подалеку отъ своей стоянки истокъ этой рѣки въ озерѣ Sand-Hill. Съ радостію, съ какою нѣкогда Мунго Паркъ увидѣлъ впервые волны Нигера, преклонился Бакъ на колѣни и отъ души напился чистой какъ кристаллъ воды.

Но въ этомъ году было уже поздно помышлять о дальнѣйшемъ путешествіи, и Бакъ возвратился къ Невольничьему озеру, гдѣ между тѣмъ спутники его построили себѣ жилище (Fort Reliance). Зима была страшно холодна и кучи голодныхъ Индійцевъ приходили сюда просить милости у европейцевъ. Всѣмъ имъ помогать было невозможно, но все-таки заплѣсневѣлый, собакамъ предназначенный *пеммиканъ*, многихъ спасъ отъ смерти, и нерѣдко Бакъ отдавалъ часть своего обѣда дѣтямъ, кричавшимъ отъ голода. Въ апрѣлѣ пришло извѣстіе, что Россъ счастливо возвратился въ Англію, и Баку не оставалось иной задачи, кромѣ обслѣдованія теченія Большой Рыбьей рѣки. Однакоже это путешествіе было вовсе нелегко, ибо до 28 іюня, когда лодка Бака поплыла по рѣкѣ, нужно было тащить весь провіантъ и лодку черезъ льдины и утесы на разстояніи 200 англійскихъ миль. На самой рѣкѣ, по пустыннымъ берегамъ которой не ростетъ ни дерева ни куста, 83 порога слѣдуютъ другъ за другомъ, пока наконецъ пробѣжавъ 530 географическихъ миль, воды ея не изольются въ Ледовитое море, по ту сторону полярнаго круга. 28 іюля Бакъ достигъ моря, или лучше сказать губы, въ которую впадаетъ Большая Рыбья рѣка, и онъ рѣшился слѣдовать далѣе вдоль восточной окраины губы. Но тутъ проливной дождь шелъ въ теченіе 10 дней сряду, дулъ холодный вѣтеръ и единственный горючій матеріалъ — мохъ и лишай — не загорался, такъ что во все это время путешественники одинъ только разъ поѣли теплаго кушанья. Не удивительно, что лучшіе изъ спутниковъ Бака стали роптать и жаловаться на свой жребій, ибо почти безъ воды, дрожа отъ холоду, имъ приходилось по колѣна вязнуть, въ рыхломъ полурастаявшемъ снѣгѣ.

И такъ 15 августа принуждены были возвратиться назадъ, и если плыть по теченію рѣки было затруднительно, то конечно затру-

дненія удвоивались, когда шли противъ теченія. Оставленные путешественниками склады провіанта, на которые они разсчитывали, большею частію поѣли волки.

24 сентября нужно было бросить лодку, ибо стало невозможно перетаскивать ее черезъ ледяныя горы, и путешественники, неся на себѣ по 75 фунтовъ тяжести, принуждены были совершить остальной путь пѣшкомъ. Поздно вечеромъ 27 сентября возвратились они въ Fort-Reliance, послѣ 4 мѣсячнаго отсутствія, счастливо совершивъ такое трудное и опасное путешествіе. Большая Рыбья рѣка, въ честь открывшаго ее была впослѣдствіи названа рѣкою Бака, и конечно Бакъ вполнѣ заслужилъ такую почесть своимъ мужествомъ и настойчивостію.

8 сентября 1835 года, храбрый мореходъ сталъ на якорь въ Ливерпульской гавани, а въ слѣдующемъ году снова отправился въ полярное море. Баку предложили отправиться въ заливъ Repulse, и оттуда сухимъ путемъ дойдти до пролива Регента, тогда какъ другая часть его людей должна была обслѣдовать пути къ сѣверу до пролива Фьюри и Геклы, и къ западу до мыса Турнагаина. Но ни одно изъ этихъ путешествій сухимъ путемъ не удалось, ибо «Террора» затерло льдами, прежде нежели онъ успѣлъ зайдти въ проливъ Фроценъ. Среди зимы буря разбила ледъ, и съ декабря по іюль судно непроизвольно носилось по волнамъ. Наконецъ избавившись отъ борьбы со льдами, «Терроръ» едва былъ въ состояніи, вслѣдствіе большихъ пробоинъ, довезти экапажъ по бурному океапу до отечества, а о новыхъ открытіяхъ не могло быть и рѣчи.

Хотя путешествія Франклина и Бака повели къ открытію большей части сѣверо-американскихъ полярныхъ береговъ, тѣмъ не менѣе оставались значительные пробѣлы, для выполненія которыхъ Гудзонбайская Компанія въ 1836 году, снарядила экспедицію подъ начальствомъ Деазе и Симпсона. Мы будемъ говорить только о послѣднемъ, ибо онъ былъ героемъ настоящаго путешествія.

Лѣтомъ 1837 года прежде всего были описаны и обслѣдованы берега между крайней западной точкой, достигнутой Франклиномъ въ 1826 году, до мыса Баррова. Большая часть пути, вслѣдствіе сильнаго пловучаго льда, должна была совершиться пѣшкомъ, при чемъ экипажъ, кромѣ 40—50 фунтовъ клади на каждаго человѣка, долженъ былъ тащить на себѣ и лодку. Не смотря на то, что дѣло было поздпимъ лѣтомъ, тѣмъ не менѣе однако продолжительные туманы, рѣз-

кій сѣверный вѣтеръ и многочисленныя мелкія губы и болотистыя отмели, по которымъ нерѣдко приходилось идти въ бродъ въ холодной водѣ, затрудняли путь. Однакоже Симпсонъ счастливо довелъ предпріятіе до конца, и, достигнувъ мыса Баррова, возвратился назадъ. Впрочемъ Симпсонъ былъ созданъ для такого путешествія, онъ еще прежде совершилъ разъ путешествіе среди зимы отъ факторіи Іорка до Атабаски, на разстояніи 2000 англійскихъ миль, изъ которыхъ 50 онъ прошелъ пѣшкомъ въ одинъ день, и во все время имѣлъ только суконную шинель.

Въ слѣдующемъ іюнѣ 1838 года, послѣ перезимовки на Большомъ Медвѣжьемъ озерѣ, Симпсонъ поплылъ внизъ по Мѣдной рѣкѣ и обслѣдовалъ берега къ западу отъ ея устья, какъ сдѣлалъ еще прежде него Франклинъ, но проникъ на 140 миль за мысъ Турнагаинъ, откуда позднее время года снова принудило его возвратиться къ Большому Медвѣжьему озеру.

Еще болѣе посчастливилось Симпсону на слѣдующее лѣто: спустившись по Мѣдной Рѣкѣ, онъ открылъ весь берегъ по ту сторону мыса Турнагаина до устья Большой Рыбьей рѣки, и еще далѣе до залива Акколи, и обслѣдовалъ часть береговъ Боотіи и земли Викторіи. Послѣ такого удачнаго плаванія въ лодкѣ на 1600 миль вдоль полярныхъ береговъ Америки, Симпсонъ 24 сентября вошелъ въ фортъ Confidence, перезимовалъ на Красной рѣкѣ, и въ іюнѣ 1840 года отправился къ Мисиссипи, потому что избралъ эту рѣку для возвращенія въ Англію, и на дорогѣ былъ убитъ сопутствовавшими ему Индійцами.

Такимъ образомъ погибъ 36 лѣтъ отъ роду одинъ изъ лучшихъ людей, когда либо служившихъ наукѣ на крайнемъ сѣверѣ.

Еще болье горькій жребій достался въ удѣлъ великаго мореплавателя, послѣ Симпсона продолжавшаго открытія на сѣверо-американскомъ Ледовитомъ морѣ. О Симпсонѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, гдѣ и какъ онъ погибъ, но никому неизвѣстна судьба, постигшая Франклина.

Получивъ предложеніе найдти проходъ къ Берингову морю черезъ проливъ Баррова, предложеніе столько разъ неудававшееся, 59 лѣтній морякъ-герой Франклинъ (родился 1786 — умеръ?) 26 мая 1845 съ кораблями «Эребусъ» и «Терроръ» и 138 человѣкъ экипажа вышелъ изъ Темзы, и достигъ 12 іюля Китоваго острова въ Баффиновомъ заливѣ, откуда онъ выслалъ въ Европу черезъ океанъ по-

слѣднее извѣстіе о себѣ. Ожидали возвращенія Франклина никакъ не позже конца 1847 года, но зима прошла, а таинственный сѣверъ молчалъ. Съ каждымъ днемъ возрастало всеобщее напряженіе и уже весной 1848 года Джонъ Ричардсонъ спѣшилъ къ берегамъ полярнаго моря, чтобы тамъ искать слѣдовъ безъ вѣсти пропавшаго друга. Съ Ричардсономъ отправился Рэ (Rae), только что возвратившійся изъ путешествія къ заливу Боотіи и Комитетской бухтѣ. Но тщетны были розыски этихъ неутомимыхъ путешественниковъ, осмотрѣвшихъ всѣ берега между Мекензи и Копперминомъ: во всей пустынѣ никто не видалъ Франклина и нечего не слыхалъ о немъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отплытія Ричардсона, явился въ полярномъ морѣ Джемсъ Россъ, онъ объѣхалъ берега пролива Баррова, но розыски Франклина были также тщетны. Россъ желалъ проникнуть до острова Мельвиля, но западный вѣтеръ отогналъ его назадъ, и принудилъ отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ.

Хотя и въ то время казались химерическими надежды найдти Франклина и его спутниковъ въ живыхъ послѣ пяти арктическихъ зимъ, но чтобы не оставалось сомнѣнія, тогда же рѣшено было еще разъ оглядѣть всѣ закоулки полярнаго моря. Съ этою цѣлью въ 1850 году отправилось не менѣе 12 кораблей, часть которыхъ черезъ Беринговъ проливъ, другая черезъ Баффиновъ заливъ, пустились розыскивать слѣды погибшаго. Еще были посланы экспедиціи въ 1852 и 1853 годахъ, и хотя ни одна изъ нихъ не отыскала Франклина, но многія сдѣлали любопытныя открытія, изъ которыхъ главнѣйшія мы сообщимъ въ краткихъ словахъ (*).

(*) 1850 „Enterprise“, капитанъ Коллинсонъ. Беринговъ проливъ.
« „Investigator“, « Мэкъ-Клюръ. «
« „Resolute“, « Аустинъ. Зундъ Ланкастера.
« „Assistance“, « Оммапни. «
Оба послѣднія судна имѣли при себѣ буксирные пароходы.
« „Lady Franklin“, капитанъ Пенни. Зундъ Ланкастера.
Съ транспортомъ „Sophia“.
« „Prince Albert“, капитанъ Forsyth. «
снаряженъ на счетъ вдовы Франклина.
« „Rescue“, лейтенантъ Гриффинъ. «
« „Advance“ « Де Гавенъ, Кэнъ. «
снаряжены на счетъ богатаго Нью-Іоркскаго купца Гриннеля.
« „Felix“, капитанъ Джонъ Россъ. Зундъ Ланкастера.
В я честь 73-хъ лѣтнему моряку!

Эскадра капитана Аустина, преодолѣвая льды Баффинова залива своимъ сильнымъ буксирнымъ пароходомъ, достигла входа пролива Ланкастера. (Въ то-же время прибылъ сюда и капитанъ Пенни). Здѣсь эскадра раздѣлилась и Аустинъ остался въ Резолюти для обслѣдованія окрестностей Пондской бухты, и капитанъ Оммани въ это время нашелъ первые слѣды Франклина на мысѣ Рилей (сѣверный Девонъ). Аустинъ, Пенни и Американцы послѣдовали за Оммани и нашли на мысѣ Спенцерѣ и небольшомъ островѣ Бичеѣ слѣды первой зимней квартиры Франклина. Здѣсь открыли хижину, на очагѣ которой еще лежала зола отъ послѣдняго огня, большой магазинъ, кузницу, 3 могилы и даже маленькій садикъ, гдѣ мохъ, лишай, макъ и анемоны, тощія произведенія арктической флоры, были расположены клумбами, какимъ-то садоводомъ-любителемъ (гдѣ онъ теперь?). Но вокругъ царило могильное молчаніе и не было слѣдовъ, по которымъ можно было бы узнать направленіе, взятое Франклиномъ.

Между тѣмъ подошла зима и закончила изслѣдованія этого года. Одинъ Пенни поплылъ вверхъ по Велингтонову каналу, но сплошной ледъ заставилъ его возвратиться. Пенни за ледянымъ валомъ видѣлъ широкое открытое море, что заразъ и обрадовало и огорчило его. У южнаго берега острова Корнваля остановились на зимовку всѣ корабли за исключеніемъ «Принцъ Альбертъ», который прямо возвратился въ Англію, и Американцевъ, которые надѣялись до наступленія зимы прибыть въ Нью-Іоркъ. Но судьба иначе распорядилась съ Американцами, ибо скоро ихъ заперло льдами и имъ пришлось провести 8 мѣсяцевъ, какъ въ темницѣ. Волны носили ихъ взадъ и впередъ по Велингтонову каналу, пока въ декабрѣ сильная буря не занесла ихъ пловучую темницу въ проливъ Баррова, а потомъ въ зундъ Ланкастера. Нѣсколько разъ во время этого опаснаго плаванія, расходившіеся и потомъ снова замыкавшіеся льды готовы были раздробить корабли, но постоянно новыя встрѣчающіяся массы льдинъ поднимали на себя небольшія, но крѣпкія суда. И въ Баффиновомъ заливѣ пришлось имъ долго ждать освобожденія, которое наступило

1852 „Isabel“, капитанъ Инглефильдъ.
« „Assistance“, „Resolute“ (капитанъ Келлетъ), „North-Star“ (капитанъ Пулленъ) съ двумя буксирными пароходами, подъ начальствомъ Эдварда Бельхера.
1853 „Advance“, капитанъ Кэнъ.
« „Phoenix“, « Инглефильдъ.

9 іюня 1851 года. Послѣ короткаго отдыха въ бухтѣ Диско, Де Гавенъ хотѣлъ продолжать свои разысканія. Но извѣстіе о непроходимыхъ массахъ льда измѣнили его планъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ достигъ Нью Іоркской гавани, переживъ опасности какія рѣдко достаются въ удѣлъ морякамъ.

Между тѣмъ остававшіеся Англичане не бездѣйствовали. Весною 1851 года, *по всѣмъ направленіямъ выслано было 15 саней и 105* человѣкъ — но они всѣ возвратились назадъ, не отыскавъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Франклина. Съ наступленіемъ лѣта, Пенни поплылъ въ лодкѣ вверхъ по Велингтонову каналу, и послѣ цѣлаго ряда приключеній и трудностей, побѣжденныхъ геройскою настойчивостію, онъ проникъ въ каналъ Королевы до мыса Бельхера, но отсюда долженъ былъ возвратиться. Открытое море находилось передъ нимъ, и тянулось къ сѣверу; но лодка была мала и непрочна, провіанта было мало и слѣдовательно нельзя было пуститься для новыхъ открытій. Пенни, убѣжденный, что Франклинъ именно этимъ путемъ пустился въ неизвѣстный океанъ, напрасно старался убѣдить въ томъ же Аустина, и принужденъ былъ идти по слѣдамъ адмиралтейской эскадры, которая послѣ двухъ тщетныхъ попытокъ пройдти черезъ зунды Смита и Іоны возвратилась въ Англію.

А между тѣмъ извѣстіе, привезенное «Принцомъ Альбертомъ», что удалось найдти первую зимнюю стоянку Франклина, возбудило новыя надежды и немедленно было выслано небольшое судно подъ начальствомъ Кеннеди.

Счастливо достигъ онъ гавани Боузна на восточномъ берегу пролива Регента, здѣсь Кеннеди оставилъ корабль и съ 4 человѣками въ лодкѣ поѣхалъ въ проливъ, наполненный пловучими льдинами, чтобы осмотрѣть гавань Леопольда на западномъ берегу пролива. Когда Кеннеди хотѣлъ возвратиться, то нашелъ свой путь совершенно запертымъ льдами и не было возможности ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ добраться до «Принца Альберта», темнота наступила, трескъ отъ ударяющихся другъ объ друга льдинъ ежеминутно заставлялъ опасаться, что вотъ, вотъ взломается ледяное поле, на которомъ находился Кеннеди и ничего не оставалось болѣе, какъ обойдти льдину.

10 сентября 1851 года, провели страшно холодную ночь безъ всякаго крова, кромѣ лодки, подъ которой поочередно спали по часу, а остальные движеніемъ спасали себя отъ того, чтобы не замерз-

нуть — на слѣдующее утро уже не видно было корабля. Пловучіе льды занесли его куда то и Кеннеди думалъ, что при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ не увидать ему «Принца Альберта» до весны.

По счастію не далеко отъ этого мѣста на Whaler Point находился оставленный Джемсомъ Россомъ складъ провіанта. Припасы оказались неповрежденными, и тутъ же нашли большую лодку, которую превратили въ зимнее жилище. Здѣсь сидѣли 17 сентября у разложеннаго костра, совершенно покорившіеся своей судьбѣ, путники, какъ вдругъ къ невыразимой ихъ радости, они услышали знакомые имъ голоса. Это былъ лейтенантъ Белло, смѣлый французскій волонтеръ, помощникъ Кеннеди. Белло послѣ многихъ попытокъ наконецъ нашолъ своего капитана; пяти-недѣльныя бѣдствія скоро забыты и всѣ возвратились на корабль. На слѣдующую весну предпринято большое путешествіе на саняхъ, обслѣдовали весь Сѣверный Сомерсетъ до южной оконечности земли Принца Валлійскаго, сдѣлавъ въ 97 дней 1100 англійскихъ миль, но не нашли никакихъ слѣдовъ Франклина.

Въ Англіи пришли къ убѣжденію, что можно было еще надѣяться найдти что-нибудь въ каналѣ Веллингтона и зундахъ на сѣверѣ Баффинова залива, и въ эти еще неизвѣстныя страны весною 1852 года отправились Эдвардъ Бельхеръ съ цѣлой эскадрой и Инглефильдъ съ небольшимъ винтовымъ пароходомъ «Изабелла».

Инглефильду удалось проникнуть въ зундѣ Смита до 77° с. ш., гдѣ хотя море было совершенно открыто, но сильная буря принудила возвратиться.

Экспедиція Бельхера имѣла двойную цѣль: искать слѣдовъ Франклина въ Веллингтоновомъ каналѣ и въ тоже время подать помощь кораблямъ «Enterprise», и «Investigator» которые, какъ читатель помнитъ, подъ начальствомъ Колинсона и Мэкъ-Клюра отправились въ 1850 году въ Беринговъ проливъ, чтобы отсюда идти на востокъ. У острова Бичея остался «North Star» съ припасами, а остальныя суда раздѣлились; Бельхеръ съ «Assistance» и «Pioneer» отправился въ Веллингтоновъ каналъ, а Келлетъ съ «Resolute» и «Intrepid» поплылъ къ западу къ острову Мельвиля. Лишь только Келлетъ 7 сентября 1852 года остановился на свою зимнюю стоянку на южномъ берегу острова Мельвиля, какъ лейтенантъ Мэкъ-Клинтоккъ занялся трудной перевозкой припасовъ къ бухтѣ Геклы и

Гринера для весенней экскурсіи на саняхъ. Такая экспедиція весною, когда глубокіе снѣга представляютъ довольно ровную поверхность, ничего въ сравненіи съ экспедиціей въ сентябрѣ или октябрѣ, когда покрытая неровностями и трещинами почва совершенно обнажена. Затрудненія, преодолѣнныя Мэкъ-Клинтоккомъ, были такъ велики, что онъ совершилъ перевозку только въ 19 дней, хотя разстояніе южнаго берега отъ сѣвернаго по прямой линіи не болѣе 36 англійскихъ миль. Между тѣмъ лейтенантъ Мехамъ устроилъ складъ провіанта въ направленіи къ Зимнему Гарбуру и Лиддонской бухтѣ. Мехамъ привезъ радостное извѣстіе, что въ зимней гавани онъ нашелъ бумаги Мэкъ Клюра, отъ апрѣля 1851 года. Изъ нихъ видно было, что «Investigator» находился тогда въ бухтѣ Мерси, на противуположномъ берегу пролива Банкса, и слѣдовательно вопросъ о сѣверо-западномъ проходѣ разрѣшенъ.

9 мая 1853 года начались весеннія санныя экспедиціи. Лейтенантъ Пимъ отправился къ бухтѣ Мерси, чтобы помочь «Инвестигатору» и если не найдетъ его болѣе тамъ, то идти по его слѣдамъ. Спустя мѣсяцъ, три другія санныя экспедиціи пустились въ путь. Мэкъ-Клинтоккъ по заливу Геклы и Гринера отправился къ западу и возвратился черезъ 106 дней, проѣхавъ въ это время 1200 англійскихъ миль—путешествіе единственное въ лѣтописяхъ арктическихъ путешествій. Мехамъ въ тоже время отправился вдоль Зимней Гавани и Лиддонскаго залива, и проѣхалъ болѣе тысячи миль въ 93 дня. Третья партія, подъ начальствомъ лейтенанта Гаммильтона, направилась къ сѣверо востоку, чтобы сойдтись съ Бельхеромъ въ напередъ назначенномъ мѣстѣ. Эта экспедиція возвратилась первою. На «Resolute» появились новые гости, блѣдные, грязные, исхудалые, обезсиленные, медленно тянувшіеся по неровной поверхности льда. Громкое ура уже издали встрѣтило оборванцевъ, отъ души имъ жали руки, а сами они какъ будто недовѣрчиво смотрѣли на дружескія лица, отъ которыхъ отвыкли, это былъ Мэкъ Клюръ съ своимъ геройскимъ экипажемъ, который три года провелъ среди льдовъ и наконецъ встрѣтился съ земляками.

5 августа 1850 года Мэкъ-Клюра видѣли въ послѣдній разъ корабли «Герольдъ» и «Плоуэръ» (*), потомъ онъ находился на мысѣ Лисбурнѣ,

(*) Эти корабли были отправлены въ 1847 году въ Ледовитое море по ту сторону Берингова пролива, и тамъ они открыли острова Геральда и Плоуэра.

по ту сторону Берингова пролива. 6 сентября достигъ онъ берега земли Банкса, а 9 открылъ землю Альберта, вдоль береговъ котораго онъ плылъ до 8 октября, пока въ проливѣ Принца Валлійскаго, не застала его зима и кораблей не заковало льдомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ совершена была поѣздка на саняхъ къ сѣверной оконечности пролива, вслѣдствіе этой поѣздки узнали, что этимъ путемъ можно дойти до пролива Баррова. Въ слѣдующемъ іюлѣ, лишь только освободился корабль, Мэкъ Клюръ, желая воспользоваться этимъ открытіемъ и проливомъ Банкса, поѣхалъ къ сѣверо-востоку, но льды принудили возвратиться. Оставалось одно: войдти въ южный конецъ канала, обогнуть мысъ Ламбтонъ, и потомъ плыть къ сѣверу вдоль западнаго берега земли Банкса. До 20 августа фарватеръ былъ довольно чистъ, но съ этого времени корабль попалъ въ пловучіе льды, которые въ продолженіи цѣлаго мѣсяца грозили гибелью. Часто льды прибивали судно къ берегу и потомъ снова носили его по морю, пока наконецъ путешественники не достигли гавани, извѣстной читателямъ подъ именемъ бухты Мерси. Путешественники должны были провести здѣсь двѣ зимы, пока лейтенантъ Пимъ весною 1853 года не принесъ имъ радостнаго извѣстія, что «Resolute» находится недалеко отъ этого мѣста. Послѣ этого Мэкъ-Клюръ съ своимъ экипажемъ простился съ «Инвестигаторомъ», который все еще былъ затертъ льдами. Таковы были приключенія Мэкъ-Клюра, до минуты когда Келлетъ принялъ его на бортъ своего корабля. Между тѣмъ ни одной экспедиціи съ «Resolute», ни экспедиціямъ, высланнымъ по всѣмъ направленіямъ въ Веллингтоновъ каналъ, Эдвардомъ Бельхеромъ не удалось найдти слѣдовъ Франклина. Зима (1853—54) прошла и въ слѣдующемъ апрѣлѣ удалось лейтенанту Пиму въ проливѣ Принца Валлійскаго и потомъ на маленькомъ островѣ Рамзая (71° с. ш. 119° зап. дол. отъ Гринвича) найдти бумаги, давшія объясненіе о судьбѣ Коллинсона, со времени его разлуки съ Мэкъ Клюромъ до 27 августа. Тогда какъ Мэкъ-Клюръ въ 1850 году открылъ сѣверо-западный проходъ, Коллинсонъ, не имѣя возможности пробиться черезъ льды, поплылъ къ Гонгъ Конгу, на слѣдующее лѣто (въ 1851) онъ снова является на прежнемъ поприщѣ, гдѣ удается ему войдти въ проливъ Принца Валлійскаго и объѣхать сѣверные и южные берега земли Принца Альберта. За тѣмъ Коллинсонъ перезимовалъ на берегу земли Уольстона и намѣревался войдти въ заливъ Русселя, чтобы тамъ продолжать поиски за Франклиномъ.

Когда Пимъ привезъ эти извѣстія на «Resolute», то онъ нашелъ, что все было готово для отъѣзда въ Англію. Бельхеръ уже провелъ двѣ зимы въ Ледовитомъ морѣ и мало было надежды, что и этимъ лѣтомъ корабли вырвутся изъ ледяныхъ оковъ. Поэтому рѣшились бросить «Resolute» и «Assistance» съ двумя буксирными пароходами, и возвратиться на родину на «North-Star». Отъѣзжая, на островѣ Рамзая оставили письмо къ Коллинсону, чтобы извѣстить его о томъ, какъ шли дѣла и посовѣтовать возвратиться въ Беринговъ проливъ, котораго онъ счастливо достигъ въ томъ же году (1854).

Такимъ образомъ къ началу слѣдующей зимы (1854—55) ото всѣхъ экспедицій, высланныхъ изъ Англіи, въ Ледовитомъ морѣ осталось лишь нѣсколько пустыхъ кораблей, а Мэкъ-Клюръ съ своими спутниками возвратился въ Англію черезъ проливъ Девиса. Еще за годъ до этого (1853) часть экипажа «Инвестигагора» съ лейтенантомъ Крессуэлемъ и Вейнниантомъ возвратились въ Англію, имъ удалось въ одной экскурсіи на островѣ Бичея встрѣтитъ «Phoenix, капитанъ Инглефильдѣ, который приплылъ въ Англію тѣмъ же лѣтомъ. Инглефильдъ съ своимъ другомъ Белло весною снова является въ Ледовитомъ морѣ, чтобы доставитъ провіантъ эскадрѣ Бельхера. Въ это путешествіе смѣлый Французъ погибъ, во время одной санной экскурсіи онъ упалъ въ трещину между льдами и утонулъ. Всѣ любили Белло за его превосходныя качества. Каменный памятникъ воздвигнутъ въ Гринвичскомъ госпиталѣ французскому волонтеру, имя котораго тѣсно связано съ именемъ Франклипа.

Много открыто было новыхъ береговъ, неизвѣстныхъ дотолѣ проливовъ и острововъ, даже найденъ сѣверо-западный проходъ, первоначальная причина столькихъ геройскихъ дѣлъ и несказанныхъ бѣдствій; но не нашли кромѣ первой зимней стоянки никакихъ слѣдовъ Франклина, уже 8 лѣтъ пропавшаго безъ вѣсти. Наконецъ въ 1854 году уже извѣстный своими прежними путешествіями и обслѣдованіемъ земли Уольстона (1851) д-ръ Рэ получилъ предложеніе отъ Гудзонбайской Компаніи обслѣдовать западный берегъ Боотіи, и Ре здѣсь весною встрѣтилъ Эскимосовъ. Послѣдніе разсказали ему, что весною 1850 года Эскимосы встрѣтили на землѣ короля Вильгельма около 40 человѣкъ бѣлыхъ, медленно шедшихъ къ югу. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по эскимосски, но знаками объяснили, что ихъ корабль или корабли разбиты льдами, и теперь идутъ въ страну, гдѣ надѣются бить оленей. Позднѣе, въ томъ же году еще до вскры-

тія рѣкъ на материкѣ, на день пути къ сѣверо-западу отъ Большой Рыбьей рѣки, Эскимосы нашли 30 труповъ и еще 5 труповъ на близь лежащемъ островѣ. Иные трупы были погребены, другіе валялись на землѣ, изъ умершихъ на островѣ одинъ вѣроятно былъ офицеромъ, ибо черезъ плечо висѣла у него зрительная труба, а рядомъ лежало превосходное двухствольное ружье. Положеніе нѣкоторыхъ труповъ и находившееся въ котлѣ не оставляли сомнѣнія, что несчастные, мучимые голодомъ, передъ смертью питались человѣческимъ мясомъ. Серебряныя ложки и вилки и серебряная тарелка съ надписью: Sir John Franklin K. C. B.; звѣзда ордена Гвельфовъ съ девизомъ «nec aspera terrent» и нѣкоторые другіе предметы, которые Рэ купилъ у Эскимосовъ, подтверждали печальную вѣсть.

Такимъ образомъ узнали, какъ погибла часть несчастныхъ моряковъ, но многое все еще оставалось въ неизвѣстности.

Что сталось съ кораблями и съ остальнымъ экипажемъ? Какая судьба послѣ столькихъ перезимовокъ довела ихъ до гибели и положила конецъ ихъ путешествіямъ? Можетъ быть, хотя безъ всякой надежды найдти кого-нибудь въ живыхъ, по крайней мѣрѣ, смертные останки ихъ привезти на родину удастся Мэкъ-Клинтокку, еще прошлымъ лѣтомъ отправившимуся въ Боотію (1857) (*). Можетъ быть ему, этому послѣднему изъ путешественниковъ, отыскивающихъ Франклина, удастся разъяснить нѣкоторыя тайны.

Мы уже знаемъ, что послѣдніе Англичане уплыли на «North-Star» и только изо всѣхъ путешественниковъ, отправившихся на поиски за Франклиномъ съ 1850 по 1853 остался лишь одинъ Американецъ Кэнъ. Возвратившись съ экспедиціею Де-Гавена, онъ во второй разъ весною въ 1853 г. отправился изъ Нью-Іорка, чтобы по ту сторону зунда Смита отыскивать Франклина, котораго надѣялся все еще застать въ живыхъ. Прозимовавъ два раза на берегу Прудгойской страны, ибо замерзшая «Advance» не могла двинуться съ мѣста (вѣроятно и теперь стоитъ она въ той же одинокой гавани), Кэнъ пустился въ экспедицію на саняхъ. Хотя эти поѣздки не могли долго продолжаться, вслѣдствіе большой смертности собакъ, но все-таки они повели къ открытію самыхъ сѣверныхъ странъ земнаго шара.

Потеря силъ всего экипажа, безнадежность продолжать изслѣдованія при маломъ количествѣ собакъ и наконецъ недостатокъ прові-

(*) Эта книга была написана въ 1858 году. Прим. пер.

анта не позволили Кэну прозимовать въ третій разъ, поэтому лѣтомъ 1854 года онъ простился съ пріятелями Эскимосами и съ замерзшимъ судномъ, и на лодкахъ отправился съ своими людьми. Послѣ долгаго 83 дневнаго плаванія вдоль береговъ, Кэнъ достигъ датской колоніи Упернавикъ.

Ни бури, ни пловучіе льды не мѣшали этому плаванію, но за то голодъ преслѣдовалъ Американцевъ, въ своихъ скорлупкахъ пришедшихъ въ большую бухту, изъ которой главныя массы пловучаго льда идутъ въ Атлантическій океанъ. Силы путешественниковъ совершенно исчезли, дыханіе ихъ было трудно, ноги распухли, всѣ страдали безсонницей; грести веслами и отливать воду становилось все труднѣе и труднѣе. Въ то время, какъ голодъ достигъ самой сильной степени, вдругъ замѣтили путешественники тюленя на льдинѣ, дрожа отъ страха, какъ бы не спугнуть его, и затаивъ дыханіе, приблизились Американцы. Уже подходятъ путешественники на разстояніе выстрѣла, какъ морской звѣрь пошевелился, на всѣхъ лицахъ выразилось отчаянье—ибо жизнь зависѣла отъ удачной охоты. Рука дрожитъ у стрѣлка, тюлень поднимается на передніе ласты, съ удивленіемъ смотритъ на Американцевъ и собирается прыгнуть въ воду. Но тутъ раздается выстрѣлъ и тюлень падаетъ на льдину, свѣсивъ голову за ея край. Съ дикимъ крикомъ бросились голодные путешественники изъ лодки на ледъ. Двадцать рукъ хватаются за добычу и тащатъ ея далѣе, на болѣе покойную льдину. Почти обезумѣвъ, смѣясь и плача, махая ножами, бѣгаютъ Американцы вокругъ, и менѣе чѣмъ въ 5 минутъ каждый гложетъ уже оставшіяся кости. Ни золотника мяса, ни капли крови тюленя не пропало даромъ.

ГЛАВА XXVII.

ГРЕНЛАНДІЯ.

Загадочная страна. — Эрихъ Рауда. — Древнія Гренландскія колоніи. — Введеніе христіанства. — Гибель Норвежскихъ колоній. — Розыски о ихъ судьбѣ. — Магнусъ Гейнсонъ. — Линденовъ. — Гансъ Эгеде. — Его бѣдствія. — Основанъ Годтгабъ. — Гернгутскіе миссіонеры. — Открытія обоихъ Скорезби. — Клаверингъ. — Граагъ. — Датскія поселенія у западнаго берега. — Сѣверогренландскій климатъ. — Годъ въ заливѣ Диско.

Во многихъ отношеніяхъ Гренландія есть одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ странъ крайняго сѣвера. Мы знаемъ всѣ арктическіе берега Сѣверной Америки, отъ мыса Лигбурна до пролива Belle-Isle; вся сѣверная окраина Сибири обслѣдована частію съ моря, частію съ твердой земли; извѣстно на сколько Шпицбергенъ и Новая-Земля приближаются къ полюсу: но какъ далеко заходитъ на сѣверъ Гренландія, этого никто не знаетъ. Почти тысячу лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Исландецъ Гюнбіорнъ увидѣлъ впервые высокій нагорный берегъ Гренландіи изъ за-тумановъ арктическаго моря. Послѣ Гюнбіорна, многіе мореплаватели пытались и съ востока и съ запада проникнуть къ сѣверу, и обогнуть Гренландію. Безсмертный Кэнъ вдоль западнаго берега этой страны, подошелъ ближе къ полюсу, чѣмъ приближаются къ нему крайнія точки Шпицбергена — но все-таки не разрѣшенъ географическій загадочный вопросъ. Но пробьетъ ли кто-нибудь ледяныя преграды, которыя у человѣка, владыки земли, отнимаютъ эту пустынную часть его владѣній? Кто послѣ того, что перенесъ и испыталъ тамъ Кэнъ, еще разъ попробуетъ проникнуть черезъ каналъ Кеннеди, чтобы искать новыя пустыни по ту сторону горы Парри и земли Вашингтона?

На сколько неизвѣстны границы Гренландіи, на столько же мало мы знаемъ внутренность острова самаго большаго въ мірѣ, имѣющаго по крайней мѣрѣ 30000 квад. миль, острова, который можетъ быть вѣрнѣе было бы назвать, какъ Новую Голландію, страною свѣта. Нигдѣ, на всей сушѣ нашей планеты, нѣтъ такого значительнаго пространства, совершенно не посѣщеннаго человѣкомъ. Доступна и

населена, кажется, только западная береговая полоса. Слѣдуя по берегамъ глубокихъ фіордовъ, и по нимъ углубляясь въ самую страну, мы находимъ всѣ долины наполненными льдами, а восходя на высоты, видимъ, что такая ледяная долина переходитъ въ однообразную ледяную поверхность. Линія, которая касается начала фіорда и ограничиваетъ его съ востока полосою въ 10—12 миль шириной, въ тоже время означаетъ границу неизмѣримыхъ ледяныхъ массъ, покрывающихъ и скрывающихъ внутренность страны. Такимъ образомъ Гренландія своими физическими свойствами заслуживаетъ названія таинственной, какой то фантастической страны. Въ историческомъ отношеніи Гренландія также загадка, вполнѣ еще неразрѣшенная. Исторія этой страны ведетъ насъ черезъ большой промежутокъ времени къ эпохѣ, когда первые европейскіе колонисты поселились въ Америкѣ.

Въ IX столѣтіи теперь столь мирная Исландія, гдѣ одни вулканы нарушаютъ всеобщее спокойствіе, была населена безпокойнымъ племенемъ честолюбивыхъ Ярловъ и хищническихъ Викинговъ. Одинъ изъ этихъ нарушителей общественнаго спокойствія, Эрихъ Рауда, два раза запятнавшій свои руки кровью, былъ приговоренъ къ изгнанію изъ отечества. Наказаніе небольшое, но тогда судъ, какъ иногда и теперь, былъ до извѣстной степени снисходителенъ къ сильнымъ. Эрихъ Рауда слышалъ о сѣверной странѣ открытой Гюнбіорномъ на западѣ, и рѣшился провести тамъ годы своего изгнанія, вѣроятно потому, что не было для него другаго убѣжища (982). По своемъ возвращеніи онъ описалъ своимъ землякамъ такими увлекательными красками зеленые луга и богатыя рыбныя ловли Гренландіи (такъ назвалъ онъ страну), что предложеніе основать такъ колонію нашло отголосокъ, и уже на слѣдующее лѣто небольшой флотъ изъ 25 судовъ сопровождалъ Эриха въ эту страну запустѣнія.

Изъ этихъ судовъ только 14 дошли счастливо того мѣсто, но вскорѣ колонія увеличилась новыми пришельцами изъ Норвегіи и Исландіи и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась довольно значительною.

Извѣстно, что къ концу X столѣтія двое англійскихъ миссіонеровъ Бернгардъ и Гутебальдъ ввели христіанство въ Норвегію, гдѣ король Олай Триггесонъ распространялъ эту религію со всею ревностію пламеннаго послѣдователя. Когда послѣ этого Лейфъ, сынъ Эриха Рауда, въ 999 году посѣтилъ Норвегію, благочестивый король

уговорилъ его тогда принять святое крещеніе, и взять съ собою въ Гренландію христіанскаго проповѣдника. Первое Гренландское епископство было основано въ 1121 году, и Кранцъ утверждаетъ, что въ то время Норманскія колоніи простирались отъ мыса Фаревелля на 5—6 градусовъ къ сѣверу, какъ по восточнымъ, такъ и по западнымъ берегамъ. Вдоль восточнаго берега считалось 19 фіордовъ или бухтъ, по берегамъ которыхъ находилось 119 селеній, раздѣленныхъ на 12 приходовъ, а на западномъ береду 110 деревень составляли 4 прихода и оживляли берега 9 фіордовъ. На восточномъ берегу находился епископскій соборъ и (какъ будто бы въ Гренландіи человѣкъ не слишкомъ удаленъ отъ міра) основаны были 2 монастыря. 17 прелатовъ, подвѣдомственныхъ Дрондгеймскому архіепископу, по очереди высылались въ Гренландію, которая, несмотря на свою бѣдность и отдаленность, все же платила десятину въ пользу папскаго престола. Такъ между прочимъ читаемъ мы въ лѣтописяхъ, что въ 1326 году папа Іоаннъ XXII послалъ Бертрама сртолійскаго для сбора десятины въ Норвегію, Швецію, Исландію и Гренландію, и изъ счета этого агента видно, что десятина съ Гренландскаго епископства состояла изъ 127 фунтовъ моржовыхъ бивней, которые были проданы фландрскому купцу за 12 ливровъ 14 су tournois.

Но приближались времена, когда, нѣкогда цвѣтущія, Гренландскія *колоніи не только не могли платить десятиннаго сбора, но и совершенно* должны были погибнуть, ибо въ теченіи XIV столѣтія эти колоніи подверглись ужаснымъ бѣдствіямъ. Страшно свирѣпствовала *черная смерть* на этихъ отдаленныхъ берегахъ, и почти уничтожила все населеніе, какъ впослѣдствіи оспа, истребившая въ сѣвероамериканскихъ пустыняхъ цѣлыя племени Индійцевъ. Частыя войны съ Эскимосами и увеличеніе пловучихъ льдовъ у берега, причинили окончательное паденіе колоніи, а мятежи и войны, возгорѣвшіеся въ Скандинавіи по смерти великой королевы Маргариты Вальдемарской, заставили совершенно позабыть о Гренландіи. Прежнія общенія съ Европой прекратились; остатки поселенцевъ, если еще были такіе, были брошены на произволъ судьбы, и прошло много лѣтъ пока не вспомнили о нихъ. Наконецъ Датскій король Фридрихъ II послалъ мореплавателя Магнуса Гейнсона къ юго-восточному берегу Гренландіи, чтобы разузнать, живутъ ли еще люди Скандинавскаго происхожденія за ледянымъ валомъ, замыкающимъ утесистые фіорды.

Гейнсонъ увидѣлъ берега и попутный вѣтеръ надувалъ паруса его судна, но прозрачность воздуха въ полярныхъ странахъ, часто обманывающая глазъ, такъ что разстоянія кажутся меньшими и горы болѣе низкими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ввела Гейнсона въ странную ошибку. Плывя въ одномъ направленіи въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и замѣчая, что повидимому берегъ не приближался, Гейнсонъ подумалъ, что его задерживаетъ невидимая сила, и возвратился назадъ съ донесеніемъ, что онъ не могъ достичь береговъ Гренландіи, ибо его корабль не пустила впередъ *магнитная скала*.

Въ 1605 году, по повелѣнію Датскаго короля Христіана IV, адмиралъ Годске Линденовъ и англійскій лоцманъ Джонъ Галль съ 3 кораблями отправились въ Гренландію. На этотъ разъ на пути не встрѣтилось магнитнаго утеса; Галль присталъ къ западному берегу, столь часто посѣщенному въ послѣдствіи Девисомъ, Гудзономъ, Баффиномъ и другими арктическиими путешественниками, а Линденовъ подошелъ къ южной оконечности Гренландіи, гдѣ похитилъ двухъ туземцевъ, впослѣдствіи умершихъ въ Даніи съ тоски по родинѣ. Но ни Линденовъ, въ слѣдующемъ году еще разъ появившійся у западныхъ береговъ Гренландіи, ни позднѣйшія экспедиціи Карстена, Ричардсона и Даннелля, не могли пристать къ какой-нибудь точкѣ восточнаго берега. ибо хотя онъ былъ въ виду, но громадные пловучіе льды не допускали приблизиться къ нему. Точно также не удалось отыскать слѣдовъ погибшей колоніи, которую послѣ тщетныхъ поисковъ привыкли наконецъ считать за миѳическое преданіе. Но въ то время, когда уже никто не думалъ о Гренладскихъ поселенцахъ, память о нихъ все еще жила въ пламенной душѣ Ганса Эгеде, пастора въ Вогенѣ въ сѣверной Норвегіи. Онъ прочелъ о прежнихъ христіанскихъ Норманнахъ въ Гренландіи и не могъ помириться съ мыслію, что они исчезли безслѣдно съ лица земли. Въ одинокихъ странствованіяхъ и въ тишинѣ семейной жизни, все сильнѣе и сильнѣе тревожила Эгеде мысль, что оставленные потомки гренландскихъ поселенцевъ, такъ долго удаленные отъ всего міра, должны были впасть во мракъ язычества и невѣжества. Наконецъ, послѣ долгой внутренней борьбы, рѣшился онъ посвятить всю свою жизнь на розыски о нихъ, и пожертвовать всѣмъ, чтобы снова озарить ихъ жизнь свѣтомъ Евангелія. Тысячи различныхъ затрудненій мѣшали плану Эгеде, но они лишь укрѣпляли его настойчивость и ревность. Ни публичныя насмѣшки, ни холодность

правительства, ни уговоры друзей, не могли отклонить его отъ принятаго рѣшенія, ибо Эгеде принадлежалъ къ числу тѣхъ непреклонныхъ натуръ, которыхъ ничто земное не можетъ отклонить отъ однажды принятой обязанности. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ стараній убѣдить правительство и сильныхъ въ истинѣ своего плана, и послѣ того какъ Эгеде, чтобы дѣйствовать энергичнѣе, оставилъ свою должность и пожертвовалъ всѣмъ своимъ небольшимъ состояніемъ, удалось пастору устроить акціонерное общество съ капиталомъ въ 9000 талеровъ и получить отъ коллегіи миссіонеровъ 300 талеровъ ежегоднаго содержанія, къ чему еще король прибавилъ въ видѣ подарка 200 талеровъ.

Съ тремя кораблями (самый большой изъ нихъ «Надежда» помѣщалъ только 40 человѣкъ) въ сообществѣ своей жены, вполнѣ сочувствовавшей ревностному стремленію мужа и 4 дѣтей, Эгеде 12 мая 1721 года отправился въ путь и 3 іюля, послѣ весьма труднаго плаванія, онъ достигъ желанной страны. Вѣтры прибили его къ западному берегу подъ 64° с. ш. и здѣсь-то рѣшился Эгеде начать свое святое дѣло. Изъ досокъ построенъ домъ, который долженъ былъ послужить ядромъ, еще нынѣ существующаго поселенія, Годтгаба, и уже 31 августа была сказана здѣсь первая проповѣдь на текстъ 117 псалма:

«Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людіе. Яко утвердися милость его на насъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ. Аллилуія».

Здѣсь Эгеде во время его апостольской жизни ожидали еще болѣе жесткія испытанія, чѣмъ какія перенесъ онъ до своего прибытія въ Гренландію. Не только пришлось ему бороться съ дикостію и недовѣрчивостію туземцевъ, съ враждебными ихъ шаманами и жрецами, съ ужаснымъ климатомъ и нерѣдко даже съ голодомъ; но здѣсь даже земляки Эгеде, обманувшіеся въ надеждахъ на добычливую торговлю, оставили его, и кромѣ того черезъ 10 лѣтъ трудовъ, онъ опечаленъ былъ извѣстіемъ, что послѣ смерти Фридриха IV, правительство отказалось помогать миссіи, и даже приказало уничтожить колонію.

Все сѣло на корабли и отправилось въ Данію, но Эгеде, не смотря на силы, истощенныя безпримѣрными усиліями, что заставило его передать сыну управленіе миссіей, нельзя было принудить отказаться безъ дальнѣйшей борьбы отъ цѣли всей жизни, и онъ рѣшился до самой смерти оставаться вѣрнымъ своему посту.

Наконецъ въ 1733 году, послѣ того какъ потеря жены сильно поразила Эгеде, послѣ того какъ онъ утратилъ всякую надежду когда-нибудь пожать плоды отъ своихъ пожертвованій, вдругъ дни его стали свѣтлѣе. Эгеде получилъ утѣшительное извѣстіе, что король рѣшилъ снова приняться за торговлю Гренландіи и за устройство миссіи, и для послѣдней назначилъ 2000 талеровъ въ годъ. Еще бо̀льшимъ утѣшеніемъ для Эгеде было прибытіе 3 миссіонеровъ изъ Гернгута, которые обѣщались всѣми силами помогать и вести далѣе имъ начатое дѣло—этому слову и они и ихъ послѣдователи остались вѣрными до нашего времени.

Итакъ Эгеде съ спокойнымъ сердцемъ могъ возвратиться въ свое отечество, гдѣ, всѣми оплакиваемый, онъ скончался въ 1758 году, 72 лѣтъ отъ роду.

Можно вообразить себѣ, какъ ревностно Эгеде старался разыскивать слѣды своихъ пропавшихъ соотечественниковъ во время своего пребыванія въ Гренландіи; желаніе помочь имъ было первою причиною, завлекшею его въ эти пустыни. Но напрасно высматривалъ онъ въ Эскимосахъ древне-скандинавскихъ обычаевъ и нравовъ; ни въ чертахъ лица Эскимосовъ, ни въ ихъ языкѣ, ничто не указывало на европейское происхожденіе, и даже преданія ихъ ни слова не говорили о древнихъ Норманнахъ, нѣкогда обитавшихъ въ Гренландіи. Только развалины нѣсколькихъ церквей и другихъ зданій, разсѣяныхъ вдоль западнаго берега, служили доказательствомъ ихъ прежняго существованія и связывали прошедшее съ настоящимъ. Итакъ, если еще оставались въ Гренландіи жители скандинавскаго происхожденія, то они могли быть только на восточномъ берегу, но ледяной поясъ окружалъ этотъ берегъ какъ съ моря, такъ и съ земли, и Эгеде, точно также какъ его предшественники, не могъ сюда проникнуть.

И много лѣтъ спустя, послѣ смерти Эгеде, нога европейца не вступала на восточный берегъ Гренландіи—и Левенорнъ, посланный 1786—87, чтобъ возобновить попытки Гейнсона и Линденова, также не былъ въ состояніи приблизиться къ нему. Можетъ быть иные китоловы издали дивились вершинамъ солнцемъ освѣщенныхъ горъ восточнаго берега; можетъ быть буря прибивала сюда корабли; можетъ быть, какъ утверждаетъ Беръ, Павковъ (Русскій) за 25 лѣтъ до обоихъ Скорезби достигъ восточнаго берега Гренландіи и нашелъ здѣсь человѣческіе слѣды—но извѣстно только то, что ученые Ско-

резби впервые нанесли на карту часть восточнаго Гренландскаго берега, и слѣдовательно они впервые открыли эту страну образованному міру.

Въ 1817 году, капитанъ Скорезби старшій удалился отъ обыкновеннаго пути китолововъ, находящагося почти подъ 78° с. ш. и по ту сторону 2° восточной долготы отъ Гринвича, и, плывя между западными льдами, достигъ восточнаго берега Гренландіи по ту сторону параллели 70°. Легко онъ могъ пристать къ берегу, который заманчиво лежалъ передъ нимъ, и котораго напрасно искали столькіе мореплаватели. Но обстоятельства не позволили Скорезби, какъ начальнику китоловнаго судна, принести въ жертву свою обязанность любопытству или славолюбію, и такъ на этотъ разъ, не вступивъ на берегъ онъ отправился опять въ открытое Ледовитое море. Однакоже при слѣдующемъ посѣщеніи, Скорезби присталъ къ берегу, названнаго по его имени, зунда и вступилъ на неизвѣстную дотолѣ Гренландскую почву.

Въ 1822 году Скорезби сыну удалось точнѣе обслѣдовать землю, которую отецъ его только видѣлъ. Скорезби младшій удалившись отъ обыкновеннаго пути китолововъ, поплылъ къ западу, пока между 70°33 и 71°12 с. ш., не поднялся передъ нимъ утесистый берегъ Гренландіи. Не видалъ Скорезби берега болѣе дикаго и болѣе величественнаго. Горы состояли изъ безчисленныхъ конусовъ и пирамидъ, склоны которыхъ были покрыты цѣлымъ хаосомъ острыхъ скалъ. Въ иныхъ мѣстахъ надъ горами поднималось такое множество тѣсно другъ подлѣ друга стоящихъ острыхъ вершинъ, что онѣ издали были похожи на рядъ солдатъ. На одной горѣ, подъ 71°13, поднималось 7 отдѣльныхъ вертикальныхъ столбовъ футовъ въ 500 вышины, на другой горѣ подъ 71°4, поднимающейся на 2967 футовъ, и по своей формѣ названной «Церковной горой», вздымаются двѣ исполинскія заостренныя башни. Скорезби назвалъ весь хребетъ Roscoe Mountains по имени, жившаго тогда въ Ливерпулѣ, поэта и историка. Впрочемъ дикая природа составляла совершенную противуположность тихому таланту этого посредственнаго писателя; при видѣ этихъ горъ складнѣе было бы мореплавателю вспомнить о гигантѣ Шекспирѣ.

24 іюля Скорезби присталъ къ берегу у утесистаго мыса, который назвалъ мысомъ Листера (70°30), вошелъ на его высоту, и отправился вдоль высокаго хребта, поднимающагося на 3—400 футовъ

надъ уровнемъ моря. Между обнаженными или скудно покрытыми лишаями камнями мѣстами цвѣли Andromeda tetragona, Saxifraga oppositifolia, Papaver nudicaule и Ranunculus nivalis. У мыса Свайнсона снова вышелъ Скорезби на берегъ, который состоялъ изъ плоскаго побережья въ 600 футовъ шириной. Нѣсколько пустыхъ эскимосскихъ хижинъ обратило на себя вниманіе морехода, ибо люди вездѣ болѣе всего интересуютъ человѣка. Обугленный пловучій лѣсъ и большое количество золы лежали вокругъ бывшихъ нѣкогда костровъ, и доказывали, что еще текущимъ лѣтомъ эти пустынныя мѣста были обитаемы. Куда же дѣлись жители? Что побудило ихъ оставить берега обильнаго моря?

На сушѣ почти не видно было птицъ, но на водахъ плавали безчисленныя стаи чистиковъ, нырцовъ и гагъ. Большое количество крылатыхъ насѣкомыхъ: бабочекъ, пчелъ и мошекъ жужжало, летало и трещало вокругъ, особенно ихъ много было на холмахъ. Также были найдены рога сѣверныхъ оленей.

25 іюля Скорезби еще разъ присталъ къ мысу Надежды, гдѣ снова нашелъ слѣды обитателей. Кости зайцевъ и обломки роговъ сѣверныхъ оленей были разбросаны по покинутой землѣ. Черепъ собаки лежалъ на небольшемъ холмѣ, вѣроятно могилѣ дитяти — Гренландскіе Эскимосы полагаютъ, что собака, которая повсюду находитъ дорогу, доведетъ скорѣе невиннаго младенца въ жилище душъ. Удушающая жара скоро положила предѣлъ дальнѣйшимъ странствіямъ, тѣмъ болѣе, что нельзя было ожидать интересныхъ открытій. Жаръ былъ такъ силенъ, что сѣмена многихъ найденныхъ растеній уже созрѣли, а другія растенія посохли.

Открытый Скорезби и въ слѣдующемъ за тѣмъ году посѣщенный Клаверингомъ, берегъ восточной Гренландіи находился гораздо далѣе сѣверной границы, по преданіямъ и лѣтописямъ назначенной для исчезнувшихъ скандинавскихъ поселеній, и такъ судьба ихъ все еще оставалась неизвѣстною. Наконецъ въ 1829 году, посланному Датскимъ королемъ Фидрихомъ VI, капитану Граагу удалось объѣхать южный берегъ Гренландіи отъ южной его оконечности до широты (65°18), за которою никогда не могло существовать колоніи; и такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ Граагъ не нашелъ ни развалинъ поселеній, ни слѣдовъ религіи, языка, обычаевъ и нравовъ у туземцевъ, которые указывали бы на прежнія христіанскія поселенія, то весьма вѣроятно, что европейцы никогда не жили на восточномъ берегу, а

такъ называемыя восточныя колоніи старыхъ историковъ находились въ юго-восточной части Гренландіи, гдѣ еще и теперь существуетъ Юліянсгабъ, и дѣйствительно эта мѣстность относительно болѣе сѣверныхъ береговъ могла почесться восточной.

Теперь посмотримъ на нынѣшнюю Датскую Гренландію, основанную почтеннымъ Эгеде. Отъ мыса Фаревелля до 73° с. ш. вдоль западнаго берега тянется рядъ изъ 18 небольшихъ поселеній—изъ которыхъ Юліянсгабъ (60°75) самое значительное, Годтгабъ самое древнее, и Упернавикъ самое сѣверное. Смотря по своему положенію, эти колоніи торгуютъ различными продуктами.

Южныя гавани, около Юліянсгаба и Фридрихсталя, ведутъ торгъ тюленьими шкурами; Зуккертоппенъ и Гольштейнбургъ — шкурами сѣверныхъ оленей; Диско и сѣверные округи—ворвонью различныхъ морскихъ звѣрей. Фискернесъ, кромѣ другихъ продуктовъ сѣвернаго берега, ведетъ торгъ также треской, ибо въ этой мѣстности мало тумановъ, вѣтры дуютъ свободно, слѣдовательно очень удобно сушить рыбу.

Народонаселеніе во всѣхъ колоніяхъ едва ли болѣе 6000 душъ, и состоитъ преимущественно изъ туземныхъ Эскимосовъ, предки которыхъ *приняли христіанство и болѣе мягкіе нравы.*

Общенія датскихъ купцовъ и правительственныхъ мѣстъ съ метрополіей производятся посредствомъ ежегодно сюда приходящаго *судна, которое привозитъ сюда* продукты болѣе умѣренныхъ странъ (особенно кофе и табакъ), послѣднія европейскія новости, а иногда и новыхъ переселенцевъ, чиновниковъ и священниковъ. Гренландскіе пасторы не получаютъ большаго жалованья, а немногимъ пожелается прожить нѣсколько лѣтъ въ Диско или Упернавикѣ. Однако же нѣтъ недостатка въ кандидатахъ на такія мѣста, какъ нѣтъ недостатка въ невѣстахъ, готовыхъ сопровождать своихъ возлюбленныхъ на дальній сѣверъ, по примѣру жены Эгеде. Добросовѣстное исполненіе обязанности и радости семейной жизни, вотъ что составляетъ главное наслажденіе добровольно переселившейся сюда четы; ибо природа мало даетъ, что ясно изъ слѣдующихъ выдержекъ, которыя мы заимствуемъ изъ записокъ Рипка о Сѣверной Гренландіи.

Подъ широтою Упернавика ночь длится отъ 12 ноября до 30 января, слѣдователено 79 дней. Въ Оменакѣ собственно ночь продолжается 63 дня, но такъ какъ высокія горы на югъ отъ колоніи не позволяютъ видѣть солнца 12 дней до заката и послѣ восхода, то этого

свѣтила не видно по крайней мѣрѣ въ теченіи 87 дней. Хотя солнце поднимается надъ горизонтомъ уже 22 января, но только лишь 2 февраля маленькая часть его диска появляется между скалами и черезъ минуту снова исчезаетъ. Впрочемъ въ послѣднихъ числахъ января приближеніе солнца возвѣщается чуднымъ видомъ огнемъ горящихъ горныхъ вершинъ въ полуденный часъ.

Продолжительный мракъ арктической ночи собственно тягостенъ только въ бурную погоду и туманъ. Въ ясную, хорошую погоду жители Оменака постоянно на 2—3 часа въ сумерки выходятъ на чистый воздухъ, чтобы искать добычи на льду или въ морѣ, такая погода обыкновенно наступаетъ около Рождества. Въ такіе ясные дни въ полдень, хотя на югѣ не свѣтитъ солнце, но чудно окрашивается небо на сѣверѣ, гдѣ болѣе или менѣе яркая, красная свѣтовая дуга означаетъ границу нижней, землею совершенно отѣненной части неба, и верхней солнцемъ освѣщенной части.

Въ иныя ясныя ночи сѣверное сіяніе представляетъ также величественное и оживляющее зрѣлище, впрочемъ оно мало вліяетъ на освѣщеніе, ибо бываетъ не такъ часто и напряженно, напротивъ луна свѣтитъ такъ ярко, что на разстояніи нѣсколькихъ миль можно видѣть мельчайшія очертанія покрытыхъ снѣгомъ фіордовъ. Какъ солнце даже въ самое мрачное время своею близостію къ горизонту все таки производитъ слабый дневной свѣтъ, точно также нѣкоторое время до и послѣ постояннаго дня нѣтъ настоящей ночи. Въ Упернавикѣ долготу дня можно считать въ 4 мѣсяца; тогда какъ совершенная ночь не длится даже 3 мѣсяцевъ.

Климатъ Датской сѣверной Гренландіи вовсе не изъ самыхъ суровыхъ въ арктическомъ поясѣ, ибо подъ 69° средняя температура не ниже—4°5 Р., и даже подъ 73° не ниже—7°5 Р., но климатъ здѣсь, какъ и вообще береговой климатъ, весьма непостояненъ. Во всякое время года при западномъ или сѣверномъ вѣтрѣ нужно топить комнату, и напротивъ теплый юго-восточный вѣтеръ даже зимою поднимаетъ ртуть въ термометрѣ на нѣсколько градусовъ.

22 декабря 1848 года въ Оменакѣ послѣ бурной погоды наступили зимніе холода въ—28° Р. Прибережная часть моря уже давно была покрыта льдомъ, но теперь по всему пространству открытаго моря бухты Диско показались какъ зеркало блестящія мѣста, покрытыя тонкимъ льдомъ, эти мѣста скоро смерзлись и толстый слой льда покрылъ все видимое пространство моря. Прекрасные ясные

дни послѣ Новаго-года обозначились полнымъ дневнымъ свѣтомъ, обусловливаемымъ приближеніемъ солнца къ горизонту. Около 10 часовъ утра появлялся полусвѣтъ, нѣкоторыя звѣзды блѣднѣли на темно-синей сѣверной части неба. Льдомъ покрытая поверхность моря, ледяныя поля и покрытыя снѣгомъ горныя вершины обозначали свои очертанія тончайшею игрой свѣта и тѣни. Глубокая тишина прерывалась лишь особенными стонущими и поющими звуками, что означало движеніе льда.

Около 11 часовъ на сѣверо-западѣ появилась красная дуга, фіолетовымъ и желтымъ цвѣтомъ переходящая въ синеву неба, дуга эта мало по малу спускалась къ горизонту по мѣрѣ того, какъ приближалось къ нему солнце. Къ 11½ часамъ на югѣ надъ горизонтомъ освѣтились маленькія облачка. Особенно торжественно было смотрѣть на солнечный дискъ, исчезнувшій за 6 недѣль передъ этимъ, когда онъ снова показался въ опредѣленный день надъ ровной и спокойной снѣжно-бѣлой поверхностію моря. Два дня передъ этимъ вполдень на крутыхъ склонахъ Диско уже показывался пурпурово-красный отблескъ.

Самый сильный холодъ замѣченъ былъ въ мартѣ, гдѣ въ одну ночь термометръ опустился до—28°, а въ другую до—30°. Вообще морозъ колебался между—20° и—24°. Нерѣдко съ морозомъ дѣйствовалъ за одно рѣзкій восточный вѣтеръ, отъ котораго даже ледъ трескался на землѣ. Изъ такихъ образовавшихся трещинъ поднимался паръ, какъ изъ котла. Вполдень уже ощущалась сила солнечныхъ лучей.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля умѣренная температура взяла верхъ, и въ этомъ мѣсяцѣ наблюдалась наибольшая разность между температурой на солнцѣ и въ тѣни. Когда въ тѣни было—6°—8°, на солнцѣ воздухъ былъ тепелъ, почти тягостенъ.

4 апрѣля въ первый разъ съ ноября мѣсяца термометръ поднялся надъ точкой замерзанія, и въ этомъ мѣсяцѣ это случилось 11 разъ, однакоже постоянно вполдень, такъ что солнце только слабо могло дѣйствовать на снѣгъ и нигдѣ не показывалась текучая вода.

Въ томъ же мѣсяцѣ выпало наибольшее количество снѣга, а въ концѣ апрѣля взломался ледъ на открытомъ морѣ.

Уже 26 апрѣля показались китоловныя суда, но пловучіе льды мѣшали имъ войдти въ бухту Диско.

Наступило 1 мая, но безъ зелени и цвѣтовъ, и нигдѣ не было текучей прѣсной воды, ибо еще ночью морозъ доходилъ до—8°. Крутая съ рѣзкимъ изломомъ ледяная масса въ 3—4 фута толщиной лѣпилась у береговой окраины, а въ оврагахъ лежалъ снѣгъ на 6 футовъ глубиной.

Только 2 мая снѣгъ началъ таять подъ вліяніямъ теплаго восточнаго вѣтра, который 4 мая при температурѣ +4°+6° перешелъ въ бурю. Послѣ полудня въ первый разъ потекла вода послѣ своего 6 мѣсячнаго заключенія. Темные утесы появились на горахъ Диско и бухта очистилась отъ пловучихъ льдовъ.

Въ маѣ постоянно морозитъ по ночамъ, ночные морозы въ этомъ мѣсяцѣ *весьма полезны для сухопутныхъ путешествій.*

3 іюня пошелъ въ первый разъ дождь, а 5 на Диско сорванъ первый цвѣтокъ, Saxifraga oppositifolia. 8 и 10 зацвѣли ложечная трава, верба и Potentilla, послѣ чего опять выпалъ снѣгъ, который лежалъ въ теченіи нѣсколькихъ дней.

27 и 28 іюня ночные морозы еще были такъ сильны, что можно было еще ходить по льду, покрывавшему лужи; и во время одной изъ поѣздокъ Ринка въ Упернавикъ, снѣгъ шелъ ночью 15 іюля.

13 августа на островѣ Превенъ показался первый утренній морозъ, и можно было спросить, прошло ли лѣто или еще не началось? Съ этого времени теплая погода чередовалась съ бурными вѣтрами, пока наконецъ 3 октября термометръ не спустился ниже 0° и такимъ образомъ окончилось плохое лѣто, которое не было исключеніемъ въ *сѣверной Гренландіи.*

Вѣроятно читатель не посѣтуетъ на насъ, за то, что мы, оставивъ въ сторонѣ суровый климатъ Диско, перейдемъ къ другому предмету; но, чтобы не составили слишкомъ неблагопріятнаго, а слѣдовательно несовершенно вѣрнаго понятія объ этихъ гиперборейскихъ странахъ, мы считаемъ нужнымъ описать *исключительно хорошее* Омепакское лѣто 1850 года, слѣдуя описанію Ринка.

Послѣ долгой зимы и холодной весны, вдругъ наступило теплое и опредѣленное лѣто.

22 мая повсюду на твердой землѣ зацвѣли тѣ же самыя цвѣты, которые годъ тому назадъ въ Диско раскрылись лишь 5 іюня. Къ половинѣ іюня большинство растеній было въ цвѣту, и въ тоже время бѣдствіе сѣверныхъ странъ—мухи появились въ невѣроятномъ количествѣ.

Въ этой первой половинѣ іюня термометръ показывалъ въ тѣни +5°+9° и вполдень на солнцѣ поднимался даже до +34°. 28 іюня въ Христіансгабѣ термометръ показывалъ въ тѣни +14°, высшая температура въ тѣни, какую наблюдалъ Ринкъ въ сѣверной Гренландіи. Слѣдствіемъ хорошаго лѣта было необыкновенное изобиліе ягодъ.

Къ востоку отъ бухты Диско кусты Empetrum nigrum были такъ покрыты плодами, что походили на виноградъ и земля ими покрываемая казалась черною.

Голубиха, которая требуетъ болѣе благопріятныхъ условій для своего вызрѣванія, была необыкновенной величины и чрезвычайно сладка. Въ юго-восточной бухтѣ было также очень много брусники. Въ Христіансгабскомъ и Якобсгабскомъ округахъ ягодами можно было наѣсться до сыта, и цѣлыми бочками запасали ихъ на зиму.

Хотя въ сѣверной Гренландіи уже на нѣсколько дюймовъ отъ поверхности постоянно замерзшая, или же состоящая изъ горныхъ породъ, почва можетъ только немного способствовать питанію и одѣванію жителей, но тѣмъ не менѣе эта почва въ благопріятныхъ мѣстахъ развиваетъ богатую альпійскую растительность, покрывающую землю толстымъ ковромъ кустарниковъ, мховъ и полузлаковъ. Дивишься яркой зелени, усѣянной многочисленными цвѣтами, которая развивается повсюду между выдающимися партіями коричневыхъ утесовъ. Кустовъ шикши и голубихи, тальника и ползучаго по землѣ березоваго сланца достаточно для того, чтобъ путешественнику подъ руками имѣть горючій матеріалъ, нужный для костра.

Минеральныя богатства Гренландіи въ послѣднее время обратили на себя вниманіе спекулянтовъ и обѣщаютъ отдаленнымъ берегамъ придать значеніе, какого не давали имъ тюленьи шкуры и сушеная рыба.

Въ 1850 году была первая экспедиція съ цѣлью розыскать минеральныя богатства Гренладіи. Этой экспедиціи удалось найдти превосходный графитъ близь Оменака, богатые мѣдные рудники близь Нунарзоэка и, серебро содержащую, свинцовую руду около Аркзукъ-Фіорда (61° 20 с. ш.). Послѣдняя разработывается съ 1854 года, и такъ какъ на тонну руды приходится до 45 унцовъ серебра, то это дѣло обѣщаетъ хорошій доходъ акціонерамъ Британско-Датской Компаніи. Еще бы значительнѣе могло быть добываніе, находящагося также на Аркзукъ-Фіордѣ, кріолита, если бы химикамъ удалось найдти

болѣе дешевый способъ приготовлять алюминій. Кріолитъ не только по внѣшнему виду, но и необыкновенною легкоплавостію своей, напоминающій ледъ, и встрѣчающійся только въ Грепландіи, состоитъ изъ алюминія, патрія и флуора и вѣроятно единственный минералъ, изъ котораго можно получать въ чистомъ видѣ во многихъ отношеніяхъ полезный, но доселѣ еще слишкомъ дорогой алюминій. Сколько неизвѣстныхъ богатствъ, которыми воспользуются наши потомки, еще скрываются въ нѣдрахъ земли.

ГЛАВА XXVIII.

ИСЛАНДІЯ.

Исландія зимой и лѣтомъ. — Ледники и потоки лавы. — Бѣдность въ полезныхъ минераллахъ. — Сѣрныя Крузавикскія горы. — Большой Гейзеръ. — Строккуръ. — Рѣки и озера. — Вліяніе морскихъ теченій на климатъ. — Буря на Исландіи. — Характеръ растительности. — Полезныя растенія. — Скотоводство. — Туземные звѣри. — Бѣлые медвѣди. — Птицы. — Обиліе рыбы. — Отсутствіе гадовъ.

Изъ лона сѣвернаго океана поднимается Исландія, изрѣзанная большими заливами и фіордами. Въ иныхъ мѣстахъ большею частію утесистые берега поднимаются прямо отъ моря на высоту 2000 футовъ; только на югѣ между моремъ и нагорной страной тянется узкая изъ вулканическаго песка образованная плоская береговая полоса. Весь островъ наполненъ снѣжными горами, громадными массами ледниковъ, отвердѣвшими потоками лавы; повсюду видны слѣды страшныхъ землетрясеній и опустошительныхъ переворотовъ. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ не устроилъ себѣ Вулканъ такихъ кузницъ какъ здѣсь, нигдѣ подземный огонь, пылающій въ нѣдрахъ нашей планеты, не высказался и не доказалъ человѣку своего существованія такимъ страшнымъ образомъ, какъ здѣсь. Зимою, когда глубокій снѣжный покровъ одѣваетъ здѣшнія пустыни, когда волны океана, гонимыя бурнымъ вѣтромъ, громятъ берега фіордовъ и наконецъ, когда вдругъ во мракѣ ночи пространство освѣтится страшнымъ свѣтомъ, исходящимъ изъ кратера, нельзя вообразить себѣ болѣе живой картины, изображающей хаосъ.

Но возвратившись въ іюнѣ, когда быстро преходящее лѣтнее солнце разогрѣетъ холодные луга, мы найдемъ, что дико-романтическая природа Исландіи можетъ сдѣлаться даже пріятною.

Тогда глазъ съ восхищеніемъ видитъ зеленыя пажити, маленькія озера, краснымъ верескомъ покрытые холмы и ослѣпительно бѣлыя горныя вершины; тогда почти можно воскликнуть вмѣстѣ съ Исландцемъ, который, стоя передъ своей скромной хижиной, дивится при вечернемъ солнцѣ какъ бы горящимъ Снефіялъ-Іокуломъ или блестящей снѣжной главой Геклы:

«Исландія лучшая страна подъ солнцемъ!»

Во всякомъ случаѣ, Исландія есть одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ странъ; интересна она своей исторіей, своей природой, своими жителями. Въ Исландіи найдемъ все, что можетъ увлечь поэта, художника, геолога, историка. Не найдетъ ничего лишь тотъ, кто цѣнитъ страну только по ея производительности, и съ презрѣніемъ отвернулся бы онъ отъ почвы, которая не производитъ ни хлѣбовъ, ни лѣса и на $^2/_3$ состоитъ изъ лавы, ледниковъ, болотъ и вересковъ.

Исландскіе глетчеры занимаютъ пространство по крайней мѣрѣ въ 200 квад. миль (слѣдовательно $^1/_7$ часть всего острова). Ледники образуются лишь тамъ, гдѣ обширныя горныя массы заходятъ за снѣжную линію, на высотѣ около 4000 футовъ: отсюда спускаются глетчеры въ болѣе глубокія долины и подходятъ даже къ морю, разрушая иногда съ непреоборимою силою, какъ въ Альпійскихъ долинахъ, плодородные луга. Во всей сѣверной половинѣ Исландіи, гдѣ горы большею частію не высоки, почти нѣтъ ледниковъ; самые большіе ледники находятся на югѣ-востокѣ острова, въ странѣ, гдѣ въ послѣднія столѣтія происходили страшныя изверженія огнедышущихъ горъ, и здѣсь-то разрушительная сила воды дѣйствуетъ, какъ бы чередуясь съ разрушительной силой подземнаго огня.

Сарторій фонъ Вальтерсгаузенъ въ своихъ физико-географическихъ очеркахъ Исландіи увлекательно описалъ Арнарфельсъ-Іокулъ или Орлиный ледникъ, находящійся на высокой плоской возвышенности во внутренности острова. «Среди печальной пустыни чернаго вулканическаго песка покоятся кристальные, сѣрыми туманными слоями окруженные своды этого ледника, и здѣсь въ ужасающемъ одиночествѣ онъ самъ дивится своему величію, только ропотъ скрытыхъ источниковъ и журчанье ледяныхъ рѣкъ, которыя соединяясь, послѣ короткаго пути образуютъ Тіорзу, одни оживляютъ сво-

ими однообразными звуками эту безмолвную, нѣмую пустыню, отъ которой бѣжитъ человѣкъ. Зубчатый Арнарфельсъ высоко поднимается надъ ослѣпительнымъ бѣлымъ, лазуревыми трещинами изрѣзаннымъ ледянымъ покровомъ, который двумя большими вѣтвями обнимаетъ гору съ трехъ сторонъ и только съ востока при подошвѣ горы щадитъ луговую часть. Усталому путнику и его измученнымъ лошадямъ это травою покрытое мѣсто издали представляется оазисомъ въ пустынѣ, ибо обѣщаетъ оно и удобный ночлегъ, и отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ».

Какъ исландскіе ледники значительно превосходятъ величиной вѣчные Альпійскіе льды, такъ точно рѣки лавы на Этнѣ покажутся малыми и ничтожными въ сравненіи съ громадными полями сплавленныхъ горныхъ породъ, въ различныя времена выброшенныхъ изъ многочисленныхъ вулкановъ Исландіи. Такъ удивленный путешественникъ съ горы Скіальдебрейтъ видитъ по обѣ стороны озера Тингвалла до мыса Рейкіана непрерывную массу лавы, имѣющую болѣе 20 миль въ длину и мѣстами расширяющуюся до 4—5 миль. Еще большія поля лавы встрѣчаются въ иныхъ мѣстностяхъ, по всѣ внутри острова.

Вообще всѣ эти большіе исландскіе потоки лавы представляютъ печальную пустыню; черныя глыбы фантастически нагромождаются другъ на друга и прибившись къ утесу или къ подножію горы, напоминаютъ своимъ видомъ весенній ходъ льда на исполинскихъ рѣкахъ и лежитъ послѣ изверженія хаосъ камней въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, не покрываясь растительностію; и если наконецъ послѣдняя одолѣетъ препятствія, то камни одѣнутся ковромъ изъ тощихъ тайнобрачныхъ, или ползучихъ по землѣ тальниковъ и березовыхъ сланцовъ. Хотя Вулканъ изверженіями своихъ гигантскихъ отдушинъ Геклы (5290 футовъ высоты), Краблы, Кетлугіи, Скаптаръ-Іокула, Эіафіалы, Спефіалъ-Іокула (почти 5000 футовъ), Эрефы (болѣе 6000 футовъ, самая высокая точка на Исландіи)—часто наноситъ вредъ и причиняетъ несчастіе Исландцамъ, хотя Вулканъ очень щедръ на опустошительныя рѣки лавы и дожди пепла, но напротивъ, онъ очень скупъ на полезные минераллы. На сколько извѣстно въ Исландіи нѣтъ ни благородныхъ, ни неблагородныхъ металловъ, по крайней мѣрѣ въ количествѣ стоющемъ разработки, нѣтъ здѣсь и каменнаго угля, который могъ бы вознаградить съ лихвою за недостатокъ всѣхъ прочихъ минеральныхъ богатствъ.

Хотя во многихъ мѣстахъ встрѣчается бурый уголь или суртурскіе горючіе слои, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что нечего и думать о промышленномъ употребленіи этого горючаго матеріала.

Можно было бы ожидать, что, по крайней мѣрѣ, въ Исландіи много сѣры, но и этотъ минераллъ добывается въ весьма маломъ количествѣ. Когда въ 1839 и 1840 годахъ богатство сѣры въ Сициліи повело къ важнымъ политическимъ объясненіямъ между Британскимъ и Неаполитанскимъ правительствами и монополія одной французской Компаніи утроила среднія цѣны сѣры на европейскихъ рынкахъ, тогда одинъ предпріимчивый датскій купецъ, Кнудзенъ изъ Копенгагена, рѣшился снова приняться за Кризувикскую сольфатарру. Но и при тогдашнихъ страшно высокихъ цѣнахъ, эта попытка едва покрыла издержки. Большія издержки за провозъ сѣры отъ Кризувика до берега и очень нечистая, въ землѣ скудно распредѣленная, сѣра скоро положили конецъ разработкѣ этой руды. Сольфатарры Исландіи не могутъ существовать рядомъ съ сициліанскими, ибо въ Сициліи бросается и топчется ногами болѣе сѣры, чѣмъ ея во всей Исландіи. Тогда какъ сѣверо-исландскіе *намары*, которыя несравненно богаче Кризувикскихъ, доставляютъ въ годъ всего 200 центнеровъ, Сициліанскіе сольфатарры въ тоже время безъ труда даютъ милліонъ центнеровъ, а въ случаѣ нужды могли бы давать и вдвое болѣе.

Но если Крисноикскія «горящія горы» (Brennistainamer) доставляютъ лишь недостаточное количество дешевой сѣры, то тѣмъ не менѣе они составляютъ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей острова, и каждый путешественникъ, любящій ужасныя сцены природы, непремѣнно посѣтитъ ихъ, ибо здѣсь все соединилось, чтобы потрясти человѣка даже съ весьма крѣпкими нервами. Весь склонъ горы и пещеры у ея подошвы покрыты густымъ паромъ, постоянно клубами выходящимъ изъ почвы. Во многихъ мѣстахъ сама почва такъ мягка, что на каждомъ шагу можно опасаться продавить тонкую сѣрную кору, или завязнуть въ мягкой глинѣ. Судьбу человѣка, подвергшагося такой участи, легко понять изъ того, что если снять кору сѣры, то вдругъ поднимается удушающій паръ, а въ термометрѣ, опущенномъ въ глину, ртуть поднимается почти до точки кипѣнія воды. Въ глубинѣ пещеры находится огромный бассейнъ футовъ въ 15 въ поперечникѣ, наполненный кипящей массой; не придумаешь лучшаго котла для Макбетовыхъ вѣдьмъ. Черная масса

кипитъ и клубится въ постоянномъ своемъ движеніи, и иногда выбрасываетъ всплески футовъ на 10—12 въ вышину. Впечатлѣніе этой ужасной картины еще усиливается ужаснымъ шумомъ, производимымъ огромнымъ столбомъ пара, съ необыкновенною силою вырывающагося изъ узкой трещины въ скалѣ. Постоянный шумъ отъ этого пара, который несравненно сильнѣе взрыва паровика, слышится уже на разстояніи мили.

Дѣйствія подземнаго огня проявляются не одними горящими горами и вулканическими изверженіями, столь часто повергавшими бѣдныхъ Исландцевъ въ самое бѣдственное положеніе, они проявляются не менѣе поразительнымъ образомъ и въ безчисленныхъ теплыхъ и горячихъ источникахъ, которые въ сотняхъ различныхъ мѣстъ бьютъ изъ подножія горъ. Иные изъ этихъ источниковъ текутъ тихо и равномѣрно, и иногда Исландцы пользуются ими для ваннъ и мытья бѣлья; другіе, напротивъ, клокоча и шипя, бьютъ вверхъ, какъ перемежающіеся фонтаны, и хотя приводятъ въ изумленіе зрителя, но не доставляютъ человѣку никакой матеріальной пользы. Въ числѣ послѣднихъ источниковъ находится большой Гейзеръ и Строккуръ, которые не только принадлежатъ къ достопримѣчательностямъ Исландіи, но и къ удивительнѣйшимъ чудесамъ всего свѣта.

У подножья Лаугафіала на равнинѣ въ двѣ мили шириной, идущей отъ горъ къ морскому берегу, находится водная система большаго Гейзера. Широкая долина одѣта густымъ зеленымъ покровомъ роскошной луговой растительности, по которому какъ серебрянныя нити вьются небольшіе потоки, а кругомъ сѣроватые горы и холмы, изъ-за которыхъ поднимаются отдѣльныя снѣжныя вершины, образуютъ грустную меланхолическую декорацію.

Уже издали узнается присутствіе теплыхъ ключей, которыхъ болѣе 40 на пространствѣ 30 моргеновъ, по легкому бѣлому пару, или стелящемуся по землѣ, или мощными столбами клубящемуся вверхъ. Во всякой другой мѣстности самый маленькій изъ этихъ ключей уже привлекъ бы вниманіе путешественника, но здѣсь всю душу его, такъ сказать, наполняетъ большой Гейзеръ. Въ теченіи временъ этотъ мощный фонтанъ образовалъ на землѣ изъ отложеннаго кремнезема конусъ изверженія въ 30 футовъ высоты, въ этомъ конусѣ находится бассейнъ, формою похожій на блюдо, длинный поперечникъ котораго имѣетъ 65, а короткій 52 фута.

Въ серединѣ этого бассейна находится цилиндрическая колоссальная трубка, ведущая внутрь, отверстіе этой трубки въ бассейнѣ имѣетъ отъ 16—18 футовъ въ діаметрѣ, но на незначительной глубинѣ она съуживается и въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 10—12 футовъ. Глубиною эта трубка около 70 футовъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что на этой глубинѣ трубка развѣтвляется на другія. Стѣнка трубки какъ бы выполирована, и такъ тверда, что нельзя отъ нея молоткомъ отбить куска. Обыкновенно бассейнъ наполненъ какъ кристалъ чистой, нѣсколько зеленоватой водой, имѣющей температуру +82° Ц. и стекающей на востокъ. Дивишься спокойствію и спрашиваешь возможно ли, чтобъ этотъ мирный источникъ билъ по временамъ съ такою яростію. Но вдругъ раздается подземный громъ, земля дрожитъ, вода закипаетъ въ бассейнѣ, большіе паровые пузыри поднимаются изъ трубки, лопаются на ея поверхности и разбрасываютъ кипятокъ на нѣсколько футовъ. Уже надѣешься насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, но наступаетъ снова тишина и густые клубы пара исчезаютъ отъ легкаго вѣтерка. Хотя эти маленькіе взрывы повторяются черезъ правильные промежутки времени, черезъ каждые часъ и двадцать или тридцать минутъ, но часто приходится ждать по цѣлому дню и болѣе, чтобы Гейзеръ проявилъ всю свою силу. Сильный громъ предшествуетъ большому изверженію, вода въ бассейнѣ крутится и приходитъ въ большое волненіе, въ срединѣ поднимаются огромные паровые пузыри и раздробившись въ ослѣпительно бѣлую пыль выбрасывается струя воды на 80—100 футовъ въ высоту, за первой струей скоро слѣдуетъ вторая, потомъ третья.

Мелкія и большія струи воды летятъ во всѣхъ направленіяхъ, иныя бьютъ въ бокъ, другія совершенно вертикально. Громадные клубы дыма закрываютъ отчасти бьющую воду. Еще одинъ ударъ, въ глубинѣ раздается глухой громъ, а за нимъ слѣдуетъ острая, самая высокая струя воды (обыкновенно нѣсколько болѣе 90, при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ около 150 футовъ высоты). Иногда эта струя выбрасываетъ и кампи. И черезъ нѣсколько минутъ все явленіе исчезаетъ, какъ сонъ, какъ игра фантазіи. Дотолѣ наполненный водою бассейнъ совершенно сухъ, а черезъ край его, смотря въ трубку, ведущую въ глубь, съ удивленіемъ видишь, что на глубинѣ какихъ-нибудь 6 футовъ вода спокойна какъ въ обыкновенномъ колодцѣ. Черезъ 30—40 минутъ вода снова поднимается въ трубкѣ, а черезъ нѣсколько часовъ бассейнъ снова полонъ до

краевъ. Вскорѣ опять слышится подземный громъ и дивное явленіе повторяется черезъ правильные промежутки времени. О громадной древности Гейзера можно судить по имъ самимъ созданному бассейну, при этомъ должно замѣтить, что въ водѣ Гейзера находится чрезвычайно малое количество кремнезема. Вѣроятно Гейзеръ существовалъ до перваго человѣка, можетъ быть переживетъ онъ и послѣдняго.

Самый замѣчательный ключъ послѣ Гейзера, есть, находящійся въ въ 400 футахъ отъ него, большой Строккуръ, который гораздо менѣе перваго и не построилъ себѣ конуса изверженія изъ кремнеземистыхъ осадковъ воды. Верхній поперечникъ Строккура доходитъ до 7 футовъ, но на глубинѣ 24 футовъ, его трубка такъ суживается, что въ поперечникѣ имѣетъ не болѣе фута. Эта трубка похожа на цвѣтовую чашечку повилики, посаженную въ землю. На глубинѣ 40 футовъ опущенный лотъ касается дна, или какого нибудь препятствія, мѣшающаго изслѣдовать дальнѣйшую глубину источника. Вода стоитъ на 9—12 футовъ отъ края и большею частію сильно кипитъ. Но за долго до изверженія (они повторяются чаще, чѣмъ изверженіе Гейзера) изъ трубки поднимаются громадные клубы пара, а за ними слѣдуютъ одинъ за другимъ въ тончайшую пыль превращенныя водяныя струи, изъ которыхъ иныя въ 120—150 футовъ высоты. Замѣчательно, что можно во всякое время произвести изверженіе спокойнаго Строккура, забивая камнями и землей его отверстіе. Черезъ какихъ-нибудь 10 минутъ, задержанные въ глубинѣ, пары пріобрѣтаютъ такую упругость, что выбрасываютъ камни, землю и воду все вмѣстѣ. Подобнымъ давленіемъ паровъ, развивающихся въ подземныхъ пещерахъ, и по временамъ вырывающихся на свободу, выбрасывая воду, объясняется чудное явленіе Гейзера и подобныхъ источниковъ. Вода Гейзера не имѣетъ запаха и непріятнаго вкуса. Она содержитъ нѣсколько поваренной соли, глауберовой соли, углекислаго натра и кремнезема, который растворяется щелочами при посредствѣ теплоты.

Съ громадной плоской возвышенности, занимающей средину Исландіи, со всѣхъ сторонъ къ морю стекаютъ по долинамъ многочисленные рѣки и потоки, которые преимущественно, получая воду отъ тающаго льда ледниковъ (въ особенности лѣтомъ), несутъ мутную молочнаго цвѣта воду къ морю или превращаютъ въ болота обширныя низменности. При большей ширинѣ исландскія рѣки очень коротки, особенно въ южной части, гдѣ они, выходя изъ ледниковъ

бѣгутъ по побережью въ нѣсколько миль шириной. Исландскія рѣки очень быстры, нерѣдко онѣ влекутъ за собой оторванныя каменныя глыбы, въ иныя времена года прекращаютъ всякія сообщенія между жителями и ставятъ непреодолимую преграду путешествіямъ по этой странѣ.

Самыя значительныя рѣки на югѣ суть Тіорза и Гвита, которыя не уступаютъ Рейну въ его среднемъ теченіи: на сѣверѣ Сальфандефліотъ и Іокульза, большія быстрыя рѣки въ 20—30 миль длиною; на востокѣ — Логарфліотъ, отличающаяся шириной и количествомъ воды.

Изъ озеръ, которыхъ также очень много въ Исландіи, особенно замѣчательны величиной Тингвалла, Мы и Гвитаръ.

Морскія теченія, съ различныхъ сторонъ омывающія островъ, имѣютъ значительное вліяніе на его климатъ. Южные и западные берега, омываемыя гульфштримомъ, свободны ото льда и пользуются умѣренной температурой, тогда какъ болѣе холодныя морскія теченія, идущія въ юго-западномъ направленіи отъ Шпицбергена къ Янъ-Майенъ и Исландіи, почти ежегодно, въ теченіи большей части года загромождаютъ сѣверные и южные берега острова пловучими льдами, которые часто исчезаютъ только въ іюлѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ даже въ августѣ. Изъ наблюденій Торстенсона, производившихся въ теченіи 16 лѣтъ въ Рейкіавикѣ слѣдуетъ, что средняя годичная тетпература воздуха равняется + 4°5 Ц.; тогда какъ средняя годичная температура моря по пятилѣтнимъ наблюденіямъ можно принять въ 5°42 Ц. По 7 лѣтнимъ наблюденіямъ Шеле, средняя годичная температура въ Акурейрѣ па Офіордѣ (сѣверный берегъ) доходитъ всего до + 0°58 Ц., эта температура все-таки необыкновенно высока по географической широтѣ мѣста.

Если Исландія своему островному положенію и согрѣвающему вліянію гульфштрима обязана тѣмъ, что не подвержена страшнымъ зимнимъ холодамъ арктическихъ континентальныхъ странъ, то она напротивъ не пользуется быстрымъ жаркимъ лѣтомъ, необходимымъ для вызрѣванія хлѣбовъ, лѣтомъ, какое встрѣчается во внутренности Сибири на одинаковой съ Исландіей широтѣ.

Лѣтняя средняя температура Рейкіавика не восходитъ выше + 9°5 Р.; въ теченіи многихъ лѣтъ термометръ ни разу не поднимался здѣсь выше 21°, въ иные года ртуть доходила всего до + 12°, а на сѣверномъ берегу нерѣдко падаетъ снѣгъ среди лѣта. При та-

кихъ обстоятельствахъ нечего думать объ успѣшномъ воздѣлываніи хлѣбовъ. Рѣдко вызрѣваетъ здѣсь ячмень, и если пловучіе льды долго продержатся лѣтомъ у сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ береговъ, то распространяемый льдами холодъ мѣшаетъ даже росту травъ, вслѣдствіе чего наступаетъ голодъ.

Большая измѣнчивость погоды преимущественно характеризуетъ исландскій климатъ. Дождь и ясная погода чередуются въ теченіи цѣлаго лѣта, какъ у насъ въ апрѣлѣ и маѣ. Тихая погода составляетъ исключеніе, напротивъ бури, съ необыкновенною силой опрокидывающія все передъ собой, вовсе не рѣдкость. Эти бури нерѣдко ставятъ путешественника въ отчаянное, или по крайней мѣрѣ въ очень затруднительное положеніе.

Сарторій 8 іюня испыталъ такую страшную бурю на Гвалфіордѣ, близь Тирилля, странѣ, которая славится своими бурями. По утру, когда путешественники оставили Рейневеллиръ, дулъ уже сильный вѣтеръ, который крѣпчалъ все болѣе и болѣе, пока они достигли около полудня высоты, отдѣляющей Свинадалъ отъ Гвалфіорда. Здѣсь буря начала бушевать такъ страшно, что путешественники едва могли двигаться впередъ и по временамъ у нихъ захватывало дыханіе. Въ высшей степени опасно было ихъ положеніе, когда сходили они по крутому горному склону къ Ботенсдальру, восточной оконечности Гвалфіорда. Вѣтеръ дулъ отъ юго-востока съ такою силою, что сорвалъ одного изъ путешественниковъ съ лошади, и грозилъ сбросить въ глубину пропасти; когда вѣтеръ коснулся поверхности воды фіорда, то измѣнилъ море въ какое-то пыльное облако, и въ видѣ дождя поднялъ воду на высоту 2000 футовъ, гдѣ находились путешественники. Въ этомъ дождѣ играла радуга, которая въ видѣ моста соединяла оба берега темно-зеленаго фіорда. Подобныя бури по временамъ повторялись и были еще непріятнѣе путешественникамъ, когда вѣтеръ сопровождался дождемъ, градомъ, непроницаемымъ туманомъ, или облаками пыли. Окрестности Геклы, гдѣ тянутся обширныя поля пепла, особенно подвержены такимъ пыльнымъ вьюгамъ, которыя затемняютъ густымъ туманомъ атмосферу, такъ что нельзя видѣть предметовъ и даже нерѣдко нельзя открывать глазъ.

По такому лѣту можно заключить приблизительно о зимней погодѣ. Зима начинается въ концѣ сентября или въ началѣ октября, ей предшествуютъ бури, которыя разражаются непроницаемою снѣжною

метелью. Въ это время особенно опасны путешествія по горнымъ проходамъ (фіалъ вегуръ), хотя Исландцы подумали объ томъ, чтобы не сбиваться въ такихъ обстоятельствахъ съ дороги — на малыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга становятся пирамидальныя кучи камней (Warthe), которыя служатъ для обозначенія мѣста ночью и во время тумана. Мѣстами разбросаны небольшія хижины — это убѣжища для людей и животныхъ.

Глубокій снѣговой покровъ покрываетъ въ теченіи 5 или 6 мѣсяцевъ на югѣ, 7 или 8 мѣсяцевъ на сѣверѣ необитаемую пустыню отъ высокихъ горъ до самаго моря. Изъ-подъ снѣга не выходитъ ни дерева, ни куста, ни былинки, лишь мѣстами изъ-подъ него поднимаются черные утесы, покрытые сѣрымъ лишаемъ. Во внутренности острова одинъ сѣверный олень находитъ дорогу, здѣсь онъ разрываетъ снѣгъ, и отыскиваетъ подъ нимъ скрытую пищу, да стаи морскихъ птицъ въ туманные дни съ крикомъ снуютъ вокругъ береговъ. Съ наступленіемъ ночи появляется сѣверное сіяніе на ясномъ, звѣздами усѣянномъ небѣ и своимъ дрожащимъ свѣтомъ освѣщаетъ неопредѣленныя очертанія утесовъ твердой земли и ледяныхъ полей моря.

Въ прежнія времена Исландія была покрыта лѣсами, такъ что дома и даже корабли строились изъ туземнаго лѣса — въ настоящее время, какъ извѣстно, Исландія почти совершенно безлѣсна. Развѣ ростетъ еще рябина, которая въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра достигаетъ 15—20 футовъ высоты. Только изрѣдка виднѣется скудный недоразвитый лѣсокъ, гдѣ береза изрѣдка достигаетъ 10 футовъ. Конечно высокая широта и климатъ не виноватъ въ этомъ недостаткѣ деревьевъ, скорѣе можно обвинить въ этомъ жителей, которые, какъ и въ другихъ странахъ, неразумно вырубили старые лѣса. Гибель деревьевъ, по мнѣнію Роберта, не мало обусловливается увеличеньемъ торфяниковъ, которые, какъ извѣстно, вытѣсняютъ всякую другую растительность.

Непріятное и дождливое исландское лѣто рѣшительно враждебно воздѣлыванію хлѣбовъ, за то *оно чрезвычайно благопріятно росту* травъ, и иныя мѣстности покрываются травянымъ ковромъ, который не уступитъ роскошнѣйшимъ пажитямъ Англіи. Около $^1/_3$ всей поверхности покрывается растительностію и годится для пажитей; двѣ другія трети, какъ мы уже упоминали, покрыты снѣжными горами, лавой, болотами и вересками. Вообще для исландскаго лан-

шафта характеристичны мхи и лишаи, которые одѣваютъ смарагдовой зеленью горные склоны, орошаемые горными потоками и ручьями, или же придаютъ серебристо-сѣрый, желтый и бурый цвѣтъ пустыннымъ полямъ, покрытымъ тысячелѣтнею лавою на протяженіи нѣсколькихъ миль. Въ геологическомъ отношеніи почва чрезвычайно однообразна, почти одна и таже формація тянется по всему острову, и обиліе воды на разложенныхъ вулканическихъ горныхъ породахъ мало представляетъ удобства для роскошной растительности. Тѣмъ не менѣе однако при различіи климата сѣвернаго и южнаго береговъ Исландіи однообразіе растительности все-таки поразительно. Хотя на сѣверѣ весна наступаетъ позднѣе, а осень ранѣе, но все-таки травы здѣсь на столько же роскошны, какъ и на югѣ, а воздѣлываніе овощей и картофеля можетъ быть болѣе распространено, чѣмъ на южныхъ и западныхъ частяхъ Исландіи. Даже рябина ростетъ лучше въ Акурейрѣ, чѣмъ вблизи Рейкіавика. Мѣстныя причины, вѣроятно защита отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ и нѣсколько большее умѣнье жителей сѣвера, отчасти объясняютъ этотъ фактъ, вѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію исландскаго скотоводства, которое рядомъ съ рыболовствомъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ вѣтвей, питающихъ островитянъ, остановимся на нѣсколько времени на нѣкоторыхъ исландскихъ полезныхъ дикорастущихъ растеніяхъ. Въ странахъ земнаго шара не слишкомъ обильныхъ растительностію уважаются многія растенія, которыя въ благодатныхъ странахъ оставляются почти безъ вниманія, такъ Исландцы пекутъ родъ хлѣба изъ сѣмянъ колосянки (Elymus arenarius), которая на дюнахъ Нѣмецкаго моря употребляется въ пищу одними перелетными птицами. Съ тою же цѣлію употребляется исландскій мохъ (каменная трава) и сердечная трава (Polygonum Bistorta). Ягоды шикши (Empetrum nigrum) и можжевельника часто примѣшиваются къ кислому и свѣжому молоку.

Стебли и корни Angelica archangelica ѣдятъ сырыми съ свѣжимъ масломъ; вареными ѣдятъ: Silene acaulis, Rumex digynus, Potentilla anserina и Cochlearia danica. Holcus odoratus употребляется для того, чтобы придать жилищамъ и одеждѣ пріятный запахъ.

Сушоные листья Dryas octopetala употребляютъ вмѣсто чая. Menyanthes trifoliata имѣетъ очень важное значеніе для путешественниковъ незнакомыхъ съ дорогами, ведущими черезъ болото; ибо

спокойно можно идти тамъ, гдѣ ростетъ это растеніе; его переплетающіеся корни образуютъ крѣпкую настилку на вязкой почвѣ. Исландцы называютъ его *reidinga* и употребляютъ пучки его для предохраненія лошадей отъ потиранія.

Lycopodium alpinum употребляется для окрашенія въ свѣтло-желтую краску шерстяныхъ тканей; исландскій мохъ (Олавсенъ и Паульсенъ) окрашиваетъ эти ткани въ темно-желтый цвѣтъ, а листья Arbutus Uva usi—въ темно-коричневый.

Вата Salix herbacea и другихъ ивъ служитъ Исландцамъ врачебнымъ средствомъ при ранахъ какъ для людей, такъ и скота. Настой листьевъ въ водѣ употребляется для дубленія. Дерево, проваренное съ желѣзо-содержащею глиною, даетъ чернила.

Ranunculus acris употребляется какъ стягивающее средство, Sedum acre какъ рвотное. Морскія растенія также платятъ дань Исландцамъ. Fucus serratus и Zostera marina служатъ кормомъ для скота, послѣднимъ растеніемъ въ сухомъ видѣ набиваютъ также матрасы. Наконецъ Laminaria saccharina есть одна изъ лучшихъ исландскихъ овощей.

Изо всѣхъ растеній, производимыхъ Исландіею, ни одно по пользѣ не сравнится съ злаками, исландскіе луга и пажити обыкновенно предоставляются себѣ самимъ, ихъ не вспахиваютъ и не засѣваютъ; довольствуются тѣмъ, что даетъ природа. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы выровнить эти луга и осушить, то они давали бы несравненно болѣе—но что могъ сдѣлать до сихъ поръ подъ тяжестію монополіи едва дышащій Исландецъ для улучшенія своихъ земель. Свободная торговля пробудитъ дремлющую промышленность и хотя познакомитъ съ новыми потребностями, но и возбудитъ къ трудамъ, необходимымъ для ихъ удовлетворенія.

Богатство Исландца состоитъ въ рогатомъ скотѣ, лошадяхъ и овцахъ. Число Исландцевъ, занимающихся скотоводствомъ, къ числу исключительно живущихъ рыболовствомъ, относится какъ три къ одному.

Молоко и сыворотка почти единственные напитки, знакомые неприхотливымъ островитянамъ. Безъ масла не могли бы они ѣсть рыбы, а свѣжее молоко лѣтомъ и кислое зимою придаютъ пріятное и здоровое разнообразіе пищѣ. Поэтому Исландцы ставятъ рогатый скотъ выше всего, и ходятъ за нимъ съ величайшею заботою. Исландцы словно забываютъ свою лѣнь, когда дѣло идетъ о доставкѣ зимой

сѣна для кормленія скота. Въ Исландіи считаютъ 40000 головъ рогатаго скота.

Овцеводство здѣсь очень затруднительно, ибо орлы и лисы дѣлаютъ большія опустошенія во время ягненія. Зимою овецъ ежедневно выпускаютъ и если снѣга слишкомъ глубоки, то расчищаютъ выгонъ. Шерсти не стригутъ, а ее выщипываютъ, и потомъ въ длинные зимніе вечера переработываютъ въ различныя ткани. Изъ овечьей шерсти ткутъ грубое сукно и вяжутъ изъ нея чулки и перчатки. Въ послѣднее время ежегодно вывозится сырой шерсти до 320 англійскихъ фунтовъ, шерстяныхъ чулковъ до 200 тысячъ паръ, и до 300 тысячъ паръ шерстяныхъ перчатокъ. Изъ этихъ данныхъ можно заключить объ относительной значительности овцеводства. На всемъ островѣ насчитываютъ до 500000 овецъ.

Лошади здѣсь норманской породы, они малы, но крѣпки и сильны. Ихъ употребляютъ какъ для вьючной работы, такъ и для верховой ѣзды, ибо на всемъ островѣ нѣтъ ни торныхъ дорогъ, ни колесныхъ экипажей. Во всѣхъ населенныхъ частяхъ острова лошади встрѣчаются въ значительномъ количествѣ; безъ нихъ исландскій фермеръ не могъ бы ничего сдѣлать. Нѣкоторые Исландцы, въ особенности тѣ, которымъ какъ судьямъ или начальникамъ приходится совершать далекія путешествія, употребляютъ много трудовъ и издержекъ на коневодство; но вообще жители мало заботятся о кормѣ своихъ лошадей и конюшняхъ, такъ что ежегодно въ суровыя зимы падаетъ много этихъ животныхъ.

Собаки, обыкновенно встрѣчающіяся въ Исландіи, очень похожи на гренландскихъ. Шерсть ихъ длинна и вокругъ шеи образуетъ родъ ожерелья. Они имѣютъ острые носъ и уши и мохнатый загнутый на спину хвостъ. Большею частію онѣ бѣлыя. Немногія собаки идутъ въ воду, и хотя нѣкоторыя охраняютъ стада и предназначенные для сѣнокосовъ луга, но, кажется, что большинство собакъ не приноситъ пользы.

Въ Исландіи водятся два вида лисъ: песецъ (Canis lagopus) и голубая лисица (Canis fuliginosus); цвѣтъ шерсти послѣдней очень измѣнчивъ, отъ свѣтло-бураго или голубовато сѣраго онъ черезъ всѣ оттѣнки доходитъ до чернаго. Жители дѣлаютъ все возможное для истребленія лисъ какъ для того, чтобъ охранить своихъ ягнятъ отъ нихъ, такъ и ради награды, назначенной правительствомъ за каждую шкурку. О хитрости песца много разсказываютъ Исландцы. Такъ

напр. онъ для ловли морскихъ чаекъ подходитъ къ нимъ задомъ, вытянувъ хвостъ. Глупыя птицы по бѣлому цвѣту песца считаютъ за своего собрата, и узнаютъ ошибку лишь тогда, когда онъ, внезапно оборотившись, бросается на нихъ.

Сѣверный олень только въ прошломъ столѣтіи водворенъ на островѣ и значительно здѣсь размножился Изъ 13 головъ, вывезенныхъ въ 1770 году изъ Норвегіи, счастливо дошли до Исландіи только 3 оленя. Ихъ перевезли на Гультбрингскія горы, гдѣ олени такъ размножились, что теперь, путешествуя по различнымъ нагорнымъ частямъ острова, нерѣдко встрѣчаешь стада въ 30, 40 и даже 100 головъ. Ихъ мало безпокоятъ; Исландцы только жалуются на то, что животныя поѣдаютъ полезный мохъ и хотя изрѣдка охотятся за оленями, но рѣдко бьютъ ихъ. Сѣверные олени живутъ только въ горахъ и очень робки, хотя зимой они иногда сходятъ въ равнины, особенно близь Тингвалла, чтобы питаться мохомъ, который ростетъ тамъ въ большомъ количествѣ.

Бѣлый медвѣдь не живетъ постоянно въ Исландіи, и только заходитъ сюда случайно занесенный пловучими льдами, преимущественно на сѣверный берегъ. Такимъ образомъ Шпицбергенъ или Янъ-Майенъ ежегодно доставляетъ 12—13 бѣлыхъ медвѣдей. Ихъ не долго терпятъ на землѣ, ибо наголодавшись во время своего путешествія, они производятъ большія опустошенія въ садахъ. Жители хватаются за всевозможныя оружія и скоро истребляютъ медвѣдей.

Хотя внутренность Исландіи часто очень бѣдна птицами, такъ что можно проѣхать нѣсколько миль, не встрѣтивъ ни одной; но за то вокругъ береговъ кишатъ безчисленныя стаи птицъ.

Высокіе утесистые островки на югѣ покрыты глупышами (Sula bassana). Морской воронъ (Pelecanus graculus) и бакланъ (P. carbo) сидятъ постоянно на скалахъ. Безчисленныя чайки и буревѣстники гнѣздятся на утесахъ. Утки и нырцы цѣлыми легіонами плаваютъ по бухтамъ, заносятся въ другіе фіорды стремленіемъ рѣкъ, или съ выводками разгуливаютъ по болотамъ. По всему морскому берегу раздаются печальные крики этихъ морскихъ птицъ, а во внутренности острова раздаются дикіе, негармоническіе звуки куликовъ и пиголицъ, звуки очень подходящіе къ печальному виду всей страны. Изъ собственно пѣвчихъ птицъ въ Исландіи живетъ одинъ подорожникъ (Emberiza nivalis).

Самая красивая исландская птица есть безспорно лебедь, который встрѣчается въ самыхъ отдаленныхъ озерахъ между горами. Самая полезная птица есть гага, въ гнѣздахъ которой Исландецъ беретъ пухъ и яйца. Самая быстрая по полету птица есть безъ всякаго сомнѣнія соколъ (Falco gyrfalco), прежде бывшій въ такомъ уваженіи по превосходнымъ своимъ качествамъ для охоты. Соколъ въ часъ пролетаетъ слишкомъ 30 нѣмецкихъ миль, — что въ сравненіи съ этимъ быстрота нашихъ пароходовъ и паровозовъ?

Рыбы, жители моря, несравненно важнѣе для Исландцевъ, чѣмъ всѣ пернатыя. Около береговъ кишатъ трески, сельди, плоскуши, кособоки, вахни, которые не только составляютъ главную пищу жителей, но кромѣ того, въ особенности треска, вывозятся въ большемъ количествѣ. Лучшее время для ловли трески есть начало февраля до половины мая. Позднѣе поднимаются въ рѣкахъ лососи и даютъ богатую добычу.

Замѣчательно, что на всей Исландіи нѣтъ вовсе гадовъ. Нѣтъ здѣсь ни змѣй, ни черепахъ, ни ящерицъ, и въ исландскихъ болотахъ не квакаетъ лягушка.

ГЛАВА XXIX.

ИСТОРІЯ ИСЛАНДІИ.

Надоддъ открываетъ островъ въ 861 году. — Гардаръ. — Флоки и его три ворона.— Ингольфъ и Лейфъ. — Исландское первоначальное правленіе. — Принятіе христіанства. — Торвальдъ путешественникъ. — Тангбрандъ. — Золотой вѣкъ литературы. — Снорри Стурлезонъ. — Утрата независимости.—Страшное изверженіе Скаптаръ-Іокула въ 1783 году. — Вредная торговая монополія.

Средневѣковые Скандинавы были, какъ извѣстно, самыми смѣлыми мореплавателями. Не имѣли они ни секстанта, ни компаса, но какъ морскія птицы разгуливали они по неизвѣстному морю, надѣясь на счастіе и свое непобѣдимое удальство. Много такихъ смѣльчаковъ погибло въ морѣ отъ бурь, но другихъ таже буря и случайность повели къ славнымъ открытіямъ.

Въ 861 году, Норвежскій морской разбойникъ Надоддъ отправился изъ своего отечества къ Фероерскимъ островамъ. Противные вѣ-

тры занесли его къ сѣверу, и онъ полагалъ, что его окружаетъ водная пустыня, какъ вдругъ изъ-за тумана и облаковъ поднялись передъ нимъ снѣгомъ покрытыя исландскія горы. Вскорѣ послѣ этого Надоддъ вошелъ въ Аустрфіордъ и съ частію экипажа сошелъ на землю. Изъ предосторожности, а можетъ быть и желанія пограбить, онъ захватилъ съ собою оружіе; но нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка, ибо въ то время Исландія была необитаема и пуста, хотя другой народъ Ирландцы уже знали этотъ островъ, что доказывается впослѣдствіи на берегу найденными крестами. Надоддъ оставался до осени на новооткрытомъ берегу и на прощаніи назвалъ его *Снѣжной землей*.

Три года спустя, Шведъ Гардаръ, желавшій получить наслѣдство на Гебридскихъ островахъ, точно также былъ занесенъ бурею въ Исландію. Онъ первый объѣхалъ весь островъ и назвалъ его Гардаръ-Гольмъ. Заливъ, въ которомъ онъ перезимовалъ, еще доселѣ носитъ имя Гузавикъ (заливъ дома). Возвратившись на родину, Гардаръ описалъ своимъ землякамъ Исландію такими привлекательными красками, что другой морякъ или разбойникъ, Флоки, рѣшился поселиться на этомъ островѣ. Вмѣсто проводниковъ, онъ взялъ съ собою трехъ вороновъ. Оставивъ позади Фероерскіе острова, онъ выпустилъ перваго ворона, который, вмѣсто того, чтобы дѣлать открытія, спокойно полетѣлъ назадъ къ Норвегіи. Другой воронъ поднялся въ воздухѣ, покружился раза два надъ кораблемъ, и какъ бы испугавшись безграничнаго моря, опять сѣлъ на свою клѣтку. Наконецъ третій воронъ полетѣлъ прямо къ сѣверу и привелъ такимъ образомъ Флоки въ Исландію. Вошедши въ широкій заливъ, по лѣвую сторону котораго поднимается величественный Шнефельсъ-Іокулъ, Факси, спутникъ Флоки, сказалъ ему: должно быть это большая земля, если здѣсь такія большія рѣки впадаютъ въ море. Въ награду за такое замѣчаніе, заливъ назвали Факсифіордъ, названіе, которое существуетъ и доселѣ, такъ легко достигнуть безсмертія, если только посчастливится. Пришельцы, которыхъ заманила богатая рыбная ловля, построили себѣ хижины по берегу залива; но забыли они запастись на зиму сѣномъ, и привезенный въ Исландію скотъ погибъ отъ голода. Черезъ два года, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Флоки возвратился на родину, и описалъ своимъ соотечественникамъ самымъ незаманчивымъ образомъ островъ, который назвалъ Исландіей.

Вскорѣ послѣ этого политическія смуты Норвегіи обусловили колонизацію Исландіи. Норвежскому князьку Гарольду Прекрасноволосому удалось покорить своихъ сосѣдей и сдѣлаться владыкой всего королевства. Но гордые Ярлы не могли добровольно покориться непривычному игу, и лучше хотѣли найдти новое отечество, чѣмъ повиноваться ненавистному Гарольду. Вслѣдствіе этого они обратили вниманіе на Исландію, которая хотя была бѣдна и безплодна, но за то могли они наслаждаться свободою вдали отъ деспота. Ингольфъ и Лейфъ открыли путь переселенцамъ (869—870). Приблизившись къ исландскимъ берегамъ, Ингольфъ бросилъ своихъ идоловъ въ море, и обѣщался поселиться у того берега, къ которому приплывутъ пенаты. Послѣ долгихъ поисковъ, Ингольфъ нашелъ идоловъ у Рейкіавика, отказался отъ разбойничества и сдѣлался мирнымъ рыбакомъ и земледѣльцемъ. Мало-по-малу послѣдовали за Ингольфомъ другія норвежскія семейства, преимущественно изъ Геньголанда, Дронтгейма, Норденфильда и Номмедала, и около 920 года заселилась вся годная для колонизаціи часть Исландіи. Но распри и война свирѣпствовали между новыми поселенцами, иначе и быть не могло въ средніе вѣка, при такомъ большомъ количествѣ властителей. Чтобы наконецъ положить конецъ беззаконіямъ, столь вреднымъ общему благосостоянію, предложили Ульфліоту отправиться въ Норвегію для изученія тамошнихъ законовъ, и по образцу ихъ устроить Исландское правленіе. Три года учился Ульфліотъ у мудраго Торлейфа, возвратился потомъ въ 928 году съ законами, которые были приняты народнымъ собраніемъ. Исландія была раздѣлена на 4 провинціи и 12 округовъ. Каждый округъ имѣлъ свое собраніе и свой собственный судъ, но вся нація ежегодно должна была собираться въ Тингваллѣ для составленія общаго парламента (Altthing), президентъ котораго (Laughman, мужъ закона) долженъ былъ знать всѣ законы наизусть, и толковать и разъяснять ихъ народному собранію. Сначала президентъ собранія выбирался на 3 года, потомъ на всю жизнь, и также какъ Римляне считали эпохи по своимъ консуламъ, такъ точно и Исландцы считали лѣтописи по порядку своихъ президентовъ.

Въ теченіи двухъ столѣтій такое устройство передавалось отъ одного поколѣнія къ другому; но Исландцы, знавшіе наизусть законы, часто нарушали ихъ изъ-за корыстолюбія или мести. Недоставало сильной исполнительной власти, чтобы заставить уважать за-

коны. Часто возгорались кровавыя распри даже въ нѣдрахъ собранія и сильные часто презирали рѣшенія *альтинга*.

Христіанство впервые введено было въ Исландію въ 981 году. Саксонскій епископъ Фридрихъ публично проповѣдывалъ христіанскую вѣру, а Исландецъ Торвальдъ путешественникъ служилъ ему переводчикомъ. Торвальдъ отъ дурнаго обращенія своего отца Кодрана бѣжалъ въ Данію, гдѣ Фридрихъ окрестилъ его. По возвращеніи Торвальда съ благочестивымъ епископомъ въ отческій домъ, онъ хотѣлъ обратить въ христіанство своего отца. Хотя христіанское служеніе тронуло сердце Кодрана, но упрямый язычникъ не захотѣлъ отказаться отъ своихъ боговъ. «Я долженъ вѣрить слову моего шамана, который всегда давалъ мнѣ хорошій совѣтъ», сказалъ Кодранъ. «Хорошо», возразилъ Торвальдъ, «благочестивый мужъ, котораго я привелъ къ тебѣ слабъ и болѣзненъ, а твой шаманъ крѣпокъ и силенъ. Познаешь ли ты силу нашего Бога, если епископъ прогонитъ шамана?» Затѣмъ Фридрихъ покропилъ шамана нѣсколькими каплями св. воды, которыя мгновенно прожгли въ кожѣ глубокія язвы и шаманъ тотчасъ же съ крикомъ убѣжалъ. Тутъ Кодранъ крестился, но слово и чудеса дѣйствовали слабо по мнѣнію пылкаго Торвальда, который охотно бы мечами и костромъ разомъ окрестилъ всю Исландію. При малѣйшемъ возраженіи на проповѣдь Торвальдъ приходилъ въ бѣшенство. Два исландскихъ поэта сочинили эпиграмму на него, онъ усомнился въ твердости ихъ вѣры и убилъ ихъ.

Въ другой разъ Торвальдъ услыхалъ, что одинъ изъ его враговъ смѣется надъ нимъ, тогда онъ пришелъ къ врагу и убилъ его, чтобъ тотъ не причинялъ ему болѣе досады. Добрый Фридрихъ не могъ наконецъ выдерживать варварства своего спутника, и возвратился въ Саксонію. Что же касается Торвальда, то въ немъ снова пробудилась страсть къ путешествіямъ. Онъ объѣхалъ Грецію и Сирію, посѣтилъ Константинополь и Іерусалимъ. Наконецъ Торвальдъ основалъ въ Россіи монастырь, гдѣ и скончался.

Послѣ Торвальда явился Тангбрандъ, посланный Норвежскимъ королемъ Олафомъ Тругезономъ въ качествѣ исландскаго миссіонера. Метода Тангбранда обращать въ христіанство была одинакова съ методой Торвальда; въ одной рукѣ держалъ онъ крестъ, а въ другой мечъ. Онъ не боялся ни крови, ни войны лишь бы достичь своей святой цѣли. Хотя онъ спорилъ съ языческими жрецами, но чаще рубилъ мечемъ своихъ противниковъ. Не смотря на его ревность, не

удалось ему побѣдить упрямства Исландцевъ, и, не докончивъ дѣла, возвратился въ Норвегію. Мѣсто Тангбранда заступили вскорѣ два другихъ миссіонера, которые болѣе мирнымъ путемъ пріобрѣли сердца Исландцевъ и распространили христіанство. Тутъ страна раздѣлилась на двѣ партіи и мечъ долженъ былъ рѣшить побѣдитъ ли христіанство или язычество. Какой-то благоразумный Исландецъ предложилъ, прежде чѣмъ приняться за оружіе, предоставить рѣшеніе вопроса избраннымъ судьямъ. Послѣдовали этому совѣту, и каждая партія выбрала своего адвоката. Разсказываютъ, что хитрые миссіонеры тремя марками серебра подкупили Торгейра, самаго вліятельнаго изъ противниковъ христіанства.

На слѣдующій день поднялся Торгейръ въ народномъ собраніи, и въ своей рѣчи, выразивъ все зло, которое происходитъ въ республикѣ изъ-за религіозныхъ несогласій, воскликнулъ: «вы, всѣ меня слушающіе, готовы ли вы принять ту вѣру, которую я вамъ предложу?» Язычники, все еще считавшіе Торгейра за своего, согласились на это предложеніе, точно также согласились и христіане, знавшіе тайну. Тогда Торгейръ провозгласилъ религію Спасителя, и, не смотря на крики нѣкоторыхъ ревностныхъ поклонниковъ Одина, она была принята народнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ вся Исландія приняла христіанство въ 1000 году.

Съ новой религіей начался и новый періодъ нравственнаго развитія, которое въ XII столѣтіи достигло самаго цвѣтущаго своего состоянія. Ревностно стали изучать классиковъ и ученые Исландцы отправлялись въ Германію и Францію, чтобы въ Кельнѣ и Парижѣ расширить свои познанія. Исландскіе барды или скальды пріобрѣли извѣстность на всемъ сѣверѣ. Они посѣщали дворы Англіи, Ирландіи, Швеціи, Даніи и Норвегіи и повсюду ихъ принимали съ большимъ почетомъ и награждали богатыми подарками, ибо радовались короли, что вдохновенные пѣвцы поютъ ихъ славу. Исторія процвѣтала въ Исландіи рядомъ съ поэзіей. Здѣсь образовалась школа историковъ, какой въ ту эпоху не было ни въ одной странѣ Европы.

Исландскіе историки сдѣлались лѣтописцами всего Скандинавскаго міра, простота и правдивость ихъ разсказовъ доказываютъ, что они пользовались заслуженною славой. За замѣчательными происшествіями другихъ націй они не забывали и собственной своей исторіи, но заботливо записывали всякое событіе своего отечества и передавали его потомству.

Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ знаменитыхъ людей, прославившихъ исландскую литературу: Зэмундъ-Фроде, которому приписываютъ древнюю Эдду (*), и между прочимъ затерянную хронику событій отъ начала міра до его времени; Аре-Торгильсонъ, за свою ученость прозванный Фроде, написалъ между прочимъ Книгу Ланднамы, которая содержитъ драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о первоначальной исторіи Исландіи; Гиссуръ описалъ совершенное имъ въ 1180 году путешествіе на востокъ. Но выше всѣхъ сталъ Снорри Стурлезонъ, самая выдающаяся историческая и литературная личность Исландіи.

Этотъ великій человѣкъ родился въ 1178 году въ Грамѣ въ Далъ-Зисселѣ. Онъ принадлежалъ къ извѣстной фамиліи Стурле и еще въ юности пріобрѣлъ большое значеніе. Два раза онъ исправлялъ должность *лаугмана.* Онъ велъ себя сообразно съ достоинствомъ своего положенія; такъ нерѣдко на народное собраніе Исландіи онъ выѣзжалъ въ сопровожденіи 800 вооруженныхъ человѣкъ. Стурлезонъ пріобрѣлъ славу ученаго и образованнаго человѣка. Онъ зналъ греческій и латинскій языки, былъ превосходнымъ поэтомъ и историкомъ, удивительнымъ ораторомъ и имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ искусствахъ своего вѣка. Кромѣ Новой Эдды, сочиненіе которой обыкновенно ему приписывается, онъ оставилъ потомству хронику Норвежскихъ королей подъ именемъ Haimskringla (такъ названная по начальнымъ словамъ книги). Это сочиненіе не только доказываетъ ученость и трудолюбіе автора, но и отличается красотою разсказа и слога. Семейные раздоры омрачили послѣдніе года Снорри. Его двоюродный братъ Стурле изгналъ его изъ Рейкольта и принудилъ бѣжать въ Норвегію; здѣсь Снорри соединился съ партіей Ярла Скули противъ короля. Послѣ паденія Скули, онъ долженъ былъ возвратиться въ Исландію, гдѣ его ожидали новыя невзгоды. Дочь Снорри вышла за мужъ за Гиссура Торвальдсена, и когда она желала развестись съ своимъ мужемъ, послѣдній потребовалъ ея приданаго,

---

(*) *Древняя Эдда*, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ сѣверныхъ древностей, предназначалась для поученія другихъ въ искусствѣ стихотворства. До насъ дошли лишь отрывки этого сочиненія, главнѣйшіе изъ нихъ *Волуспа* (Собраніе древней скандинавской миѳологіи) и *Гавамаль* (странный наборъ нравственныхъ повѣствованій). *Новая Эдда*, предназначенная для той же цѣли, дѣлится на двѣ части. Первая содержитъ подробную миѳологію Одина въ діалогической формѣ. Вторая часть, называемая *Скальда*, содержитъ собраніе синонимовъ, эпитетовъ и правилъ просодіи.

а Снорри отказалъ ему въ этомъ. Гиссуръ поклялся отомстить и въ 1241 году убилъ исландскаго Тацита въ Рейкольтѣ. Тогда Фрэкія, побочный сынъ Снорри, взялся за оружіе, Гиссуръ побѣдилъ своего противника, который умеръ въ Норвегіи. Отъ внутреннихъ раздоровъ такимъ образомъ погибла фамилія Стурле, такъ долго управлявшая Исландіей, а съ этой фамиліей погибла вмѣстѣ и Исландская республика. Уже давно Норвежскіе короли искали благопріятнаго случая, чтобы покорить Исландію, имъ казалось, что этотъ островъ, населенный Норвежцами, долженъ принадлежать имъ. Но Исландія съ гордостію защищала свою независимость, однакоже продолжительная олигархическая война поколебала наконецъ увѣренность въ собственныхъ силахъ. Исландцы, усталые отъ вѣчныхъ раздоровъ и смутъ, принесли наконецъ свою самостоятельность въ жертву. И въ 1261 году рѣшеніе народнаго собранія передало большую часть острова Норвежскому королю Гако. Восточная провинція, сначала противившаяся этому рѣшенію, 3 года спустя послѣдовала этому примѣру.

Тутъ кончается политическая исторія Исландіи, съ этихъ поръ она связалась съ судьбами Норвегіи, и слѣдовала за послѣдней, какъ спутникъ за планетой, и съ 1387 года подпала подъ владычество Даніи. Феодальныя войны, раздоры властолюбивыхъ фамилій уже не тревожатъ Исландіи, но тѣмъ разрушительнѣе дѣйствуютъ изверженія вулкановъ, голодъ и чума. Въ Европѣ нѣтъ другой страны, которая могла бы представить списокъ подобный слѣдующему:

1300. Изверженіе вулкановъ.

1306. Гренландскіе пловучіе льды окружаютъ островъ. Нѣтъ ни рыболовства, ни травъ. Жители гибнутъ тысячами.

1308. Землетрясеніе.

1311. Изверженіе вулкановъ.

1339. Землетрясеніе. Изверженіе вулкановъ.

1341 — 1346 — 1350 — 1357 — 1360 — 1362 — 1390. Изверженіе вулкановъ.

1402. Двѣ трети населенія гибнетъ отъ черной смерти.

1419 — 1423. Британскіе морскіе разбойники опустошаютъ страну.

1490. Повальныя болѣзни.

1582 — 1583. Изверженіе вулкановъ.

1616. Алжирскіе морскіе разбойники.

1695. Пловучіе льды.

1707. Четверть населенія гибнетъ отъ повальныхъ болѣзней.

1716 — 1717 — 1720. Изверженіе вулкановъ.

1753. Голодъ.

1755 — 1766. Изверженіе вулкановъ.

1783. Страшное изверженіе Скаптаръ-Іокула. Зима была очень умѣренна Годъ начинался подъ счастливыми предзнаменованіями; уже въ маѣ зазеленѣли долины, и стада уже весело паслись на цвѣтущихъ лугахъ. Но тутъ появились грозные предвозвѣстники; легкій паръ началъ отдѣляться отъ поверхности земли и пробудилъ заботы тѣхъ, которымъ было памятно прошедшее. Нѣсколько дней спустя произошло страшное землетрясеніе. 8 іюня еще было ясно, но около 9 часовъ вечера на сѣверѣ поднялся столбъ дыма, который мало по малу распространился надъ всѣмъ Зиссельскимъ округомъ и покрылъ всю страну пепломъ.

На слѣдующее утро сильный южный вѣтеръ задержалъ облака пепла, но въ теченіи цѣлаго дня слышались подземные удары и кромѣ того съ сѣвера слышенъ былъ шумъ, похожій на журчаніе рѣки, или шипѣніе пароваго котла.

10 іюня рѣка Скапта значительно поднялась, а 11 она совершенно высохла. На слѣдующій день вмѣсто глубокихъ водъ, по которымъ еще недавно разгуливалъ рыбачій челнокъ, потекла огненная рѣка, занявшая все русло, выступившая потомъ изъ береговъ и далеко затопившая ихъ.

Въ слѣдующіе дни расплавленная лава потекла далѣе по долинамъ, пожирая одну хижину за другой, пока наконецъ не дошла до слоя древней лавы. Но не могла остановить рѣку окрѣплая масса, расплавившись она сама увеличила силу огненныхъ волнъ. Болѣе чѣмъ мѣсяцъ, почти ежедневно, вытекали изъ кратера новыя массы лавы, и тамъ, гдѣ еще недавно глазъ путешественника любовался зеленѣющими долинами, теперь все превратилось въ каменную пустыню. Нерѣдко огненная рѣка разливалась такъ быстро, что несчастные жители, захвативъ одно необходимое, едва успѣвали спасаться. До сихъ поръ опустошительная лава текла изъ кратера лишь на западъ; но въ іюлѣ новые потоки лавы потекли на востокъ, эти послѣдніе потоки длились еще долѣе нежели первые и возобновились въ 1784 году. Даже самыя отдаленныя мѣстности, свободныя отъ потоковъ лавы, все-таки страшно потерпѣли отъ вулканическихъ взрывовъ.

Пепелъ, занесенный вѣтромъ въ рѣки и озера, отравилъ лососей, и даже на морѣ дымъ и туманъ очень мѣшали ловлѣ трески.

Сѣрные пары высушили и убили растительность и отъ недостатка корма въ стадахъ показалась большая смертность. Въ тоже время тяжелая, вонючая атмосфера и между людьми развила страшную болѣзнь. Голова, шея, руки и ноги страшно распухали. Кости какъ будто расширялись. У больныхъ появлялись страшныя судороги. Десны разлагались и языкъ загнивалъ во рту.

Эта ужасная болѣзнь появилась въ 1784 году и распространилась на животныхъ. Отъ нея вымирали цѣлыя семейства. Пощаженные этою болѣзнію едва имѣли силы, чтобы хоронить умершихъ.

Въ это время надъ Исландіей тяготѣла, кромѣ гнѣва Божія, и вся тяжесть монополіи. Датскіе короли смотрѣли на этотъ сѣверный островъ какъ на имѣніе, которое можно было отдавать въ аренду тому, кто дастъ больше. Въ XVI столѣтіи Ганзейскіе города имѣли исключительное право основывать склады въ исландскихъ гаваняхъ. Но корыстолюбіе Ганзы перешло за возможныя границы, и Христіанъ IV въ 1594 году изгналъ ее отсюда и передалъ исключительную привилегію исландской торговли Датской Компаніи за ничтожную сумму 16 талеровъ съ каждой гавани.

Въ 1662 году образовалась новая торговая компанія, которая взяла на откупъ Исландію за 4000 талеровъ въ годъ. Позднѣе стали отдавать въ аренду отдѣльныя гавани. Этотъ финансовый оборотъ сначала доставлялъ въ казну 16000 талеровъ въ годъ, потомъ 22 и 23 тысячи.

Страшное бѣдствіе Исландіи, причиненное изверженіями Скаптаръ-Іокула, имѣло по крайней мѣрѣ хорошія послѣдствія. Узы монополіи были разрушены и всѣмъ датскимъ купцамъ разрѣшено было торговать съ Исландіей. Въ апрѣлѣ 1855 года уничтожилась и послѣдняя преграда, теперь всѣ иностранные купцы имѣютъ право посѣщать исландскія гавани и вести съ островомъ мѣновую торговлю. Можно надѣяться, что свободная торговля мало по малу залечитъ раны, нанесенныя странѣ многими несчастными столѣтіями. Но много нужно для того, чтобы Исландія стала въ положеніе, въ какомъ находилась она во время Стурле, во времена своей политической независимости. Тогда въ Исландіи жили богатыя фамиліи, теперь ихъ нѣтъ тамъ. Тогда въ Исландіи считалось до 100,000 жителей, теперь едва ли половина.

ГЛАВА XXX.

ИСЛАНДЦЫ.

Скальгольтъ. — Тингвалла. — Рейкіавикъ. — Жизнь исландскаго рыбака. — Рейкіавинская ярмарка. — Сѣновосъ. — Исландскія хижины. — Исландскія церкви. — Нищета духовенства. — Іонъ Торлаксонъ. — Исландское богослуженіе. — Домашнее воспитаніе въ Исландіи.—Любовь Исландцевъ къ литературѣ. — Исландскій языкъ.— Публичная библіотека въ Рейкіавикѣ. — Характеръ Исландцевъ. — Путешествіе въ Исландію.

Къ самымъ интереснѣйшимъ, посѣщаемымъ всѣми путешественниками, мѣстностямъ Исландіи, безспорно принадлежатъ Скальгольтъ, древняя столица острова, и Тингвалла, знаменитыя своими историческими воспоминаніями.

Скальгольтъ былъ нѣкогда сѣверными Аѳинами, средоточіемъ духовнаго развитія, какого не имѣла южная Европа въ средніе вѣка. Здѣсь въ IV столѣтіи была первая Епископская каѳедра Исландіи, здѣсь была основана первая школа. Въ Скальгольтѣ жили великіе ораторы, историки и поэты: Ислейфъ, древнѣйшій историкъ сѣвера; Гиссуръ, посѣтившій въ началѣ XII столѣтія всѣ европейскія земли и говорившій на всѣхъ европейскихъ языкахъ; филологъ Торлакъ и Финнуръ-Іонсонъ, ученый авторъ исландской церковной исторіи. Скальгольтскій соборъ славился своею огромностію. Въ то время епископъ давалъ праздники, на которые приглашалось до 800 человѣкъ, и каждый гость на прощаніи получалъ подарокъ. Въ 1100 году въ Скальгольтской школѣ учили латинскому языку, грамматикѣ, піитикѣ и музыкѣ: болѣе нежели преподавалось въ то время во многихъ большихъ европейскихъ городахъ.

Въ XII столѣтіи одинъ епископъ поймалъ ученика за чтеніемъ Овидіева «Искусство любить.» Исторія разсказываетъ, что епископъ при видѣ непозволительной книги возгорѣлся гнѣвомъ, изъ чего можно заключить, что онъ самъ, хорошо знавшій опасности этого сочиненія, когда-то читалъ его въ часы отдохновенія.

Ничего не осталось въ Скальгольтѣ отъ прежняго блеска. Школа и епископская каѳедра уничтожены, древній соборъ исчезъ и замѣ-

нился маленькимъ деревяннымъ строеніемъ, въ которомъ божественная служба отправляется всего разъ въ мѣсяцъ. Всѣ жители бѣднаго мѣстечка помѣщаются въ одной хижинѣ. Одно кладбище напоминаетъ, что здѣсь нѣкогда жило болѣе людей. Оно несравненно обширнѣе и церкви и хижины. Мертвые остались болѣе вѣрными прежней столицѣ, нежели живые. Рядомъ съ кладбищемъ лежатъ развалины древней школы, а поселянинъ построилъ свою бѣдную хижину на мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ епископа.

Положеніе Скальгольта очень красиво. По плоской луговой мѣстности течетъ гордая Эльва, а постепенно возвышающаяся почва и отдаленныя горы на востокѣ, гдѣ красуются Эіафіалла и Гекла, образуютъ прекрасный амфитеатръ, и весь ландшафтъ, хотя совершенно лишенъ деревьевъ, тѣмъ не менѣе очень пріятенъ.

На берегу рѣки Оксераа, тамъ, гдѣ бурная рѣка впадаетъ въ озеро Тингвалла, между черными крутыми горами, находится мѣсто, гдѣ Исландцы въ теченіи 8 столѣтій ежегодно собирались для народнаго собранія. Мѣстность около Тингваллы очень романтична, но обнаженныя горы и дѣйствіе подземнаго огня соединились здѣсь, чтобы произвести на зрителя ужасающее впечатлѣніе. Озеро имѣетъ около 10 англійскихъ миль въ длину и 3 — 7 миль въ ширину. На озерѣ два красивыхъ острова, Запдей и Незей, цѣликомъ состоятъ изъ вулканической почвы. Горы на южной оконечности очень живописны, а паръ отъ горячихъ источниковъ, находящихся по склонамъ горъ, придаетъ что-то торжественное всему ландшафту. Лишь немногіе остатки обозначаютъ эту столь знаменитую въ исторіи Исландіи мѣстность. Небольшое строеніе, гдѣ жили президенты собранія, разрушилось, и такъ какъ народъ имѣлъ обыкновеніе разбивать палатки по берегу рѣки, и совѣщанія происходили подъ открытымъ небомъ, то нѣтъ развалинъ, которыя бы напоминали славное прошедшее; но если не было внѣшняго блеска въ собраніяхъ Тингваллы, за то величественная природа придавала ему недостающее великолѣпіе.

Скальгольту и Тингваллѣ наслѣдовалъ Рейкіавикъ, нынѣшняя столица Исландіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія судебныя и правительственныя мѣста были переведены изъ Тингваллы въ Рейкіавикъ, а въ 1797 году Гоолумское епископство соединилось съ Скальгольтскимъ и каѳедра точно также была перенесена въ Рейкіавикъ. Древнее Скальгольтское училище сначала перешло въ Бесештадтъ, а черезъ

нѣсколько лѣтъ спустя послѣдовало за общимъ теченіемъ и перенесено было въ цвѣтущій торговый городокъ. На первый взглядъ Рейкіавикъ вовсе невеличественъ. Длинный рядъ дегтемъ окрашенныхъ деревянныхъ домовъ тянется вдоль морскаго берега изъ вывѣтрившейся лавы. На обоихъ концахъ этого ряда стоитъ по возвышенію, едва заслуживающему названія холмовъ, здѣсь бѣдные рыбаки и поденщики живутъ въ дерномъ покрытыхъ землянкахъ, едва отличающихся отъ поверхности земли. На западномъ возвышеніи красуются домъ врача и единственная вѣтреная мельница всего острова, на восточномъ холму стоитъ небольшая сторожка, съ которой открывается величественный видъ на горы и море. Передъ сторожкой находится широкій Факсифіордъ, усѣянный мелкими зелеными островками, на заднемъ планѣ изъ волнъ поднимается мощный Шнефельсъ-Іокулъ.

70 лѣтъ тому назадъ Рейкіавикъ былъ бѣдной рыбачьей деревней, въ настоящее время онъ имѣетъ до 1200 жителей и свободная торговля обѣщаетъ ему еще лучшую будущность. Рейкіавикъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ превосходному своему рейду и сосѣдству съ богатыми рыбными ловлями, что принудило датскихъ купцовъ построить здѣсь свои склады. Большинство купцовъ, какъ перелетныя птицы, приходитъ сюда только лѣтомъ, они приходятъ въ маѣ съ грузами иностранныхъ товаровъ и уходятъ въ августѣ съ вымѣненными на нихъ мѣстными произведеніями. Зимою Рейкіавикъ смотритъ очень печально, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видно ни одного корабля и не получается никакихъ вѣстей изъ остальнаго міра: но за то тѣмъ сильнѣе радость когда съ хорошимъ временемъ года рейдъ оживится снова. Самый блестящій періодъ времени для города бываетъ въ іюлѣ, когда приходятъ сюда на ярмарку толпы рыбаковъ и поселянъ, съ которыми мы намѣрены познакомиться поближе, ибо они составляютъ главную массу населенія Исландіи.

Жизнь Исландца обыкновенно дѣлится на занятія рыбака и земледѣльца, ибо очень мало такихъ, которые могутъ жить доходами съ своей фермы. Твердая земля слишкомъ бѣдна произведеніями, которыя не могутъ прокормить въ теченіи цѣлаго года даже малаго населенія въ 50000 душъ, и плохо пришлось бы Исландцамъ, если бы море своими неистощимыми дарами не пополняло недостатокъ въ хлѣбѣ и картофелѣ. Лѣто коротко, а зима долга, и можно вообразить себѣ съ какимъ трудомъ и съ какою заботою Исландецъ дѣлаетъ

свои запасы на суровую зиму. Уже для того, чтобъ только сохранить жизнь, Исландецъ долженъ употребить всѣ свои силы и море въ этомъ случаѣ даетъ ему средствъ и болѣе и вѣрнѣе.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ бурю и непогоду, когда блѣдное солнце лишь на нѣсколько часовъ разсѣеваетъ мракъ ночи, Исландцы, живущіе во внутренности острова, и даже жители самыхъ сѣверныхъ округовъ приходятъ въ движеніе, и большая часть мужескаго населенія переселяется на западные и юго-западные берега. Богатые фермеры посылаютъ сюда своихъ работниковъ, но нерѣдко и сами идутъ съ ними и берутъ съ собой небольшой запасъ масла, копченой баранины и овчинные тулупы. Для себя же фермеры берутъ ржаной хлѣбъ и водку. Благочестивый Исландецъ прежде отправленія въ путь снимаетъ шляпу, закрываетъ ею лицо и шопотомъ творитъ молитву, нарочно написанную на этотъ случай. Нѣтъ сомнѣнія, что молитва творится здѣсь отъ всего сердца, ибо наступаетъ время, когда часто приходится нуждаться въ помощи Провидѣнія.

Во время дороги Исландца принимаютъ въ каждой хижинѣ и рѣдко потребуютъ отъ него платы за угощеніе; древнее скандинавское гостепріимство нигдѣ такъ не сохранилось, какъ въ Исландіи. Инымъ приходится пройдти по снѣгу и въ темнотѣ до 200 англійскихъ миль, пока дойдутъ они до мѣста, избраннаго ими для рыболовства. Здѣсь, если прежде не уговорились съ владѣльцемъ лодки, тотчасъ же сторговываются, а самыя условія торга уже установлены обычаемъ. По этому обычаю Исландецъ, пришедшій изъ внутреннихъ частей острова, обязывается по первому востребованію идти на ловлю, и помогать управленію лодкой съ 12 февраля по 12 мая (этотъ періодъ времени иногда нѣсколько измѣняется).

За свой трудъ онъ получаетъ 40 фунтовъ муки (если еще есть мука), 5 мѣръ кислаго молока и часть пойманной рыбы. Всѣ рыбаки, работающіе на одной лодкѣ, обыкновенно живутъ въ одной и той же хижинѣ. Послѣ первыхъ приготовленій начинается долгій періодъ трудовъ и лишеній. Въ темнотѣ на страшномъ холодѣ эти бѣдняки ищутъ въ океанѣ средства для содержанія семейства въ теченіи слѣдующей зимы. Лишь только ладья отчалитъ отъ берега, какъ стоящій на рулѣ рыбакъ снимаетъ шляпу и творитъ молитву о счастливомъ исходѣ предпріятія. Вмѣстѣ съ нимъ молятся всѣ находящіеся на суднѣ. Обыкновенно держатся въ морѣ отъ 8 до 12 часовъ и въ это время ѣдятъ одно кислое молоко, которое постоянно берутъ съ

собой. Женщины помогаютъ пластать и чистить рыбу, выброшенную на берегъ. Если погода слишкомъ бурна, такъ что рыбаки не осмѣливаются выйдти въ море, то обыкновенно они проводятъ время въ борьбѣ и другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

Въ началѣ мая рыбаки возвращаются домой, а рыбу, которая къ этому времени еще несовершенно высохла и которой на каждаго приходится отъ 500 до 600 штукъ, оставляютъ подъ присмотромъ одного изъ живущихъ на берегу рыбаковъ. Въ половинѣ іюня, когда лошади поправились послѣ продолжительнаго зимняго поста, и уже могутъ нести большія тяжести, рыбаки отправляются за рыбой, которая или привозится домой, или же везется въ ближайшую гавань для мѣны на другія потребности. Въ Рейкіавикѣ находится самый значительный *торгъ* (такъ называютъ здѣсь ярмарку); но и въ другихъ мѣстечкахъ, вдоль берега, бываютъ торги, сюда приходятъ датскіе купцы, которые ждутъ прибытія своихъ покупателей изъ внутренности острова.

Главнѣйшія изъ этихъ торговыхъ мѣстечекъ суть: Гафнафіордъ, Эярбаки, Беруфіордъ, Ваннафіордъ, Буденштатъ; но вмѣстѣ взятыя они не сравнятся ни числомъ жителей, ни количествомъ торговаго оборота съ Рейкіавикомъ.

Безспорно главнѣйшая рыба въ торговлѣ есть треска, которая въ громадномъ количествѣ заходитъ преимущественно въ западныя бухты. До открытія Ньюфундленда Англичане ловили треску у исландскихъ береговъ, и въ царствованіе короля Іакова I снарядили для этой цѣли не менѣе 150 кораблей. Исторія не вспомнитъ Англичанъ добрымъ словомъ за это дѣло, они грабили беззащитныхъ Исландцевъ, и вообще вели себя не лучше африканскихъ морскихъ разбойниковъ.

Рѣдко Исландцы сами ѣдятъ треску, или потому что предпочитаютъ *вахню* или же принуждены ѣсть ее, ибо купцы не берутъ другой рыбы кромѣ трески. Вахня также ловится здѣсь въ большомъ количествѣ; повидимому эта рыба живетъ всегда съ треской, потому что обѣихъ рыбъ ловятъ всегда вмѣстѣ. По свидѣтельству Мекензи, вахня не уступаетъ ростомъ трескѣ, ибо нерѣдко встрѣчаются экземпляры въ 3 фута длиной. Природа всего болѣе дала вахни бѣднымъ Исландцамъ. У сѣверныхъ береговъ также ловятся въ большомъ количествѣ сельди. Онѣ являются громадными стаями въ іюнѣ и іюлѣ, послѣ того какъ пловучіе льды истаяли или отплыли отъ береговъ. Нерѣдко въ одну тоню ловятъ не менѣе 150 бочекъ сельдей. Равнымъ обра-

зомъ Исландцы ради ворвани и кожи ловятъ акулъ, не *бѣлыхъ*, «знаменитыхъ морскихъ гіенъ», а другаго вида, вѣроятно *большую* акулу (Squalus maximus). Ловля акулъ составляетъ правильныя занятія, преимущественно на сѣверныхъ и сѣверо западныхъ берегахъ. Большіе крюки, на которые насаживаютъ моллюсковъ для приманки, прикрѣпляются къ цѣпямъ и забрасываются довольно далеко въ море. Пойманная рыба вытаскивается на берегъ. Изъ кожи дѣлаютъ обувь, а копченое мясо идетъ въ пищу жителямъ.

Когда подставили Мекензи это лакомое блюдо, то такая ужасная вонь поразила его обоняніе, что онъ приказалъ какъ можно скорѣе снять его со стола.

Съ продуктами рыболовства, скотоводства и ремеслъ, Исландецъ, какъ уже сказано, въ іюнѣ или іюлѣ идетъ въ ближайшую гавань. Изъ-за 40—50 часовъ въ окружности въ Рейкіавикъ сходятся Исландцы съ обозами нерѣдко во 100 вьючныхъ лошадей. Треска просто виситъ на спинѣ животнаго, болѣе портящіеся предметы упаковываются въ шерстяные мѣшки. Датскіе купцы ожидаютъ каравановъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ содержатели гостинницъ ждутъ наплыва лѣтнихъ туристовъ.

Торговля преимущественно идетъ мѣновая. Исландецъ отдаетъ свою рыбу, шерсть, шерстяные чулки и перчатки, лисьи шкурки, лебединыя кожи, гагачій пухъ, сало, ворвань и масло; и за это получаетъ отъ Датчанина: муку, рожь, желѣзо и сталь, льняныя и бумажныя ткани, сѣти, соль, табакъ, сахаръ, спиртные напитки и даже хорошую мебель и хозяйственную утварь — условія такъ называемой цивилизаціи проникли въ послѣднее время и въ Исландію и тотъ же крестьянинъ, который прежде ѣлъ свое кислое молоко изъ грубой деревянной посуды, въ настоящее время желаетъ пить кофе изъ позолоченной фарфоровой чашки.

Иногда Исландецъ за часть своихъ товаровъ требуетъ денегъ, но тутъ приходится ему долго торговаться съ Датчаниномъ, которому мѣна приноситъ болѣе барыша. Впрочемъ Исландцу легко прожить и безъ денегъ, ибо подати уплачиваетъ онъ рыбою и шерстяными издѣліями, и тѣми же товарами платитъ прислугѣ и работникамъ.

Если наберетъ Исландецъ нѣсколько талеровъ, то или дѣлаетъ изъ нихъ украшенія, которыя умѣетъ мастерски вырѣзывать, или спокойно лежатъ они въ сундучкѣ, ибо нѣтъ здѣсь акціонерныхъ компаній и расточительности. Но не смотря на такое незнакомство

со всѣмъ, что движетъ у насъ людьми, Исландецъ вовсе не такъ неопытенъ въ торговыхъ дѣлахъ, какъ можно было бы заключить изъ торговли съ Датчанами.

Близь Рейкіавика находится большая равнина, здѣсь разбиваетъ Исландецъ свою палатку прежде чѣмъ отправляется въ городъ. Тутъ оставляетъ онъ своихъ лошадей, товары и прислугу, и послѣ молитвы, какъ бы передъ опаснымъ путешествіемъ (и на самомъ дѣлѣ, это дѣло не лишено опасности), идетъ онъ къ гавани и обходитъ всѣхъ купцовъ по одиночкѣ. Различныя предложенія ему сдѣланныя, онъ аккуратно записываетъ, ибо онъ совершенно справедливо не слишкомъ довѣряетъ своей памяти, потому что датскіе купцы слишкомъ подчуютъ его спиртными напитками, какъ для того, чтобы ихъ продать побольше, такъ и для того, чтобы задобрить бѣдняковъ. Сдѣлавши обходъ возвращается Исландецъ къ своему каравану, чтобы здѣсь, на сколько возможно его нѣсколько пустой головѣ, сдѣлать разсчеты. Если Исландецъ взялъ съ собою жену, то конечно она рѣшаетъ дѣло, и на слѣдующее утро онъ съ товарами отправляется къ купцу, которому удалось пріобрѣсти его довѣріе. По окончаніи торговли начинается опасность. Въ сердечной радости счастливый Исландецъ выпиваетъ стаканъ водки за здоровье купца, потомъ второй, чтобы Богъ привелъ свидѣться въ слѣдующемъ году, третій за здоровье короля, четвертый потому, что выпито три.

Наконецъ, послѣ многихъ объятій и увѣреній въ вѣчной дружбѣ, онъ садится на лошадь и отправляется домой, плохо отличая горы отъ домовъ. По счастію во всей Исландіи нѣтъ разбойниковъ, но нерѣдко забываетъ Исландецъ въ пьяномъ состояніи завязать мѣшечекъ, упаковать коробку—и случается, что возвратный путь его усѣянъ сахаромъ, кофе, ржаной мукой и солью, а нерѣдко не найдется и выторгованныхъ денегъ. Впрочемъ, если пьянство довольно сильно во время ярмарки, то все-таки было бы весьма несправедливымъ считать Исландцевъ за народъ, преданный этому пороку.

Вообще Исландцы умѣренны и трезвы и многіе не знаютъ вкуса вина, водки или пива. Ежегодно ввозится водки не болѣе 2 бутылокъ на человѣка, да и это небольшее количество большею частію потребляется въ гаваняхъ.

По возвращеніи съ ярмарки начинается самая важная работа для исландскаго земледѣльца — сѣнокосъ. Рыбная ловля дала ему средство удовлетворить потребностямъ собственнаго желудка — теперь

нужно сдѣлать зимній запасъ для скота, отъ котораго зависитъ все его благосостояніе. Онъ не заботится объ уборкѣ хлѣбовъ и овощей; капуста, рѣпа петрушка и въ яблоко величиной картофель, родящіеся въ маленькомъ огородѣ Исландца, мало заслуживаютъ вниманія. Трава есть главнѣйшій и даже единственный продуктъ его полей, и въ концѣ іюля Исландецъ *молится лишь объ томъ*, чтобы небо послало ему нѣсколько ясныхъ дней для сѣнокоса. Не смотря на значеніе сѣнокоса, мало дѣлаютъ для улучшенія луговъ посредствомъ срѣзыванія кочекъ, осушенія, окапыванія, засѣва клеверомъ и т. д. А огромныя пространства болотистой почвы могли бы давать траву, что въ тоже время улучшило бы климатъ. Но какъ уже сказано будемъ надѣяться на свободную торговлю. Трава ко времени сѣнокоса ни высока, ни густа. Рѣдко встрѣчается лугъ, гдѣ бы сорныя и безполезныя травы не росли въ большемъ количествѣ нежели полезныя. Травы срѣзаются посредствомъ маленькаго узкаго серпа, которымъ усердно и ловко работающіе Исландцы совершенно обнажаютъ почву. Заразъ накашивается столько, сколько можетъ быть высушено людьми, остающимися на фермѣ, и снова принимаются за кошенье только тогда, когда уже скошенное и высушенное сѣно свезется домой Если только можно, то косится и сушится и трава ростущая на болотахъ. Здѣсь сѣно сушится точно также какъ у насъ; привезенное домой сѣно складывается въ длинные, узкіе стога, и отъ несовершенной просушки сѣно нерѣдко сгорается и портится. Сѣно преимущественно идетъ коровамъ, а овцамъ и лошадямъ даютъ его лишь въ самые суровые холода.

Какъ только все сѣно свезено, фермеръ задаетъ пиръ. Онъ состоитъ изъ простаго ужина, гдѣ самое лакомое блюдо есть похлебка изъ молока съ мукой. По окончаніи всего сѣнокоса, снова задается пиръ, для котораго прирѣзываютъ жирнаго барана, и хотя серьозный и молчаливый Исландецъ менѣе всѣхъ другихъ народовъ любитъ музыку и пляски, однакоже эти праздники отличаются весельемъ, которое болѣе выражаетъ внутренняго счастія, чѣмъ восторженные крики южныхъ народовъ.

Съ окончаніемъ сѣнокоса прекращается и большинство полевыхъ работъ. Скоро глубокій снѣжный покровъ покрываетъ горы и долины, луга и болота; солнце все менѣе посѣщаетъ холодную землю; завываютъ зимнія вьюги, и въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ вся жизнь

Исландца замыкается въ его укромной хижинѣ, которая въ большинствѣ случаевъ, немногимъ лучше лапландской гаммы.

За весьма мелкими рзличіями въ величинѣ, жилища Исландцевъ строятся по одному и тому же плану. Внѣшняя стѣна, сдѣланная изъ каменьевъ, дерна и торфа въ $4^1/_3$ фута вышиной и нерѣдко 6 футовъ толщиной, окружаетъ все строеніе. Съ одной стороны, обыкновенно съ южной, находятся различныя, по большой части красной краской выкрашенныя, двери съ флюгерами на верху. Эти двери ведутъ въ жилыя комнаты, въ кузницу, молочный погребъ и коровникъ. Изъ двери, ведущей въ жилыя комнаты, входишь въ длинный, узкій коридоръ, по обѣ стороны котораго расположены различныя комнаты, отдѣленныя другъ отъ друга толстыми торфяными перегородками. Надъ каждой комнатой находится сдѣланная изъ дерева (какое только находится въ странѣ) крыша, прикрытая слоемъ дерна. Въ крышѣ оставляется для свѣта отверстіе въ 4, 5 дюймовъ въ поперечникѣ, въ которое вставлено стекло или пузырь. Первыя комнаты лучшихъ домовъ имѣютъ съ передней стороны окна, состоящія изъ одной или четырехъ рамъ со стеклами. Полъ сдѣланъ изъ убитой земли, очагъ—изъ сложенныхъ въ кучу камней. Дурной торфъ, сушоный коровій и овечій навозъ, морскія водоросли и сушоныя рыбьи кости замѣняютъ здѣсь дрова и каменный уголь. Вонючій дымъ проходитъ черезъ боченокъ съ выбитыми днами, или же просто черезъ отверстіе сдѣланное въ крышѣ.

Толстыя торфяныя стѣны, постоянно издающія тяжелый, нездоровый земляной запахъ, нечистоплотность жителей, все это соединяется вмѣстѣ, чтобы производить невыносимую для иностранца вонь. Мебель, съ того времени какъ ее поставили впервые, никогда не чистится и все стоитъ въ безпорядкѣ. Постели имѣютъ видъ грязныхъ тряпокъ, а деревянные столы, самопрялки и другіе предметы, какъ будто свалены въ кучу въ углу комнаты.

Ни въ одной части дома ничего не сдѣлано для возобновленія воздуха, а нерѣдко 20 человѣкъ спятъ въ одной комнатѣ. Домъ фермера похожъ болѣе на деревню, чѣмъ на отдѣльное жилище, и иногда различныя семейства живутъ въ одной и той же окружной торфяной стѣнѣ. Хижины низшихъ классовъ народа не болѣе какъ шалаши, на столько бѣдныя, что удивляешься, какъ человѣкъ можетъ жить въ нихъ. Часто дома фермеровъ построены по одиночкѣ на лугахъ, отъ которыхъ едва отличаются, потому что они очень низки и кры-

ша ихъ поросла травой. Гдѣ 5 или 6 такихъ домовъ находится вмѣстѣ, то это уже мѣстечко, носящее особое названіе, и здѣсь живетъ *гребстіоръ* или начальникъ общины. Въ такомъ мѣстечкѣ почти всегда есть церковь, отличающаяся отъ ее окружающихъ хижинъ только тѣмъ, что на крышѣ стоитъ крестъ. Описаніе Кризувикской церкви можетъ послужить образцомъ для описанія всѣхъ другихъ церквей. Деревянное строеніе имѣетъ въ длину 18 футовъ, въ ширину 8 футовъ и въ вышину отъ пола до балокъ 5 футовъ 8 дюймовъ. Внутри близь двери виситъ колоколъ, который на столько великъ, что можетъ производить невыносимый шумъ въ такомъ маленькомъ зданіи. На разстояніи 10 футовъ отъ двери олтарь отдѣляется отъ остальной части церкви. Пространство отъ этой перегородки до двери занято большими сундуками съ принадлежащими сосѣднимъ фермерамъ вещами, мѣстами сундуки нагромождены до стропилъ. Каѳедра въ 2 фута вышиной отъ земли стоитъ въ углу задняго отдѣленія, и вѣроятно, что если пасторъ не слишкомъ большаго роста, то его лица не видно слушателямъ за треской и другимъ скарбомъ. Передъ каѳедрой стоятъ скамейки, на каждой можетъ сидѣть не болѣе 6 человѣкъ. Престолъ находится у задней стѣны между 2 окнами и не болѣе какъ простой шкафчикъ или лавочная стойка, внѣшнимъ видомъ вовсе не указывающая на свое назначеніе.

Какъ почти во всѣхъ церквахъ и здѣсь надъ престоломъ находится образъ Тайной Вечери весьма жалкой живописи. Церкви, имѣющія здѣсь значеніе кладовыхъ, замѣняютъ также и восточные каравансераи, ибо въ нихъ помѣщаются путешественники, пріѣхавшіе дивиться чудесамъ здѣшней природы. Хотя и въ церквахъ нѣтъ недостатка въ грязи и вони, но все же здѣсь чужестранцу несравненно лучше, чѣмъ жить въ крестьянскихъ хижинахъ.

Положеніе духовенства совершенно соотвѣтствуетъ жалкой внѣшности церквей. Учитель германской сельской школы конечно весьма скудно пользуется земными благами, но онъ имѣетъ блестящее положеніе въ сравненіи съ положеніемъ исландскаго пастора. Можно составить себѣ понятіе о скудномъ содержаніи здѣшняго духовенства посредствомъ десятиннаго сбора изъ того, что весь этотъ сборъ на всѣ 184 прихода Исландіи составляетъ всего 6400 талеровъ въ годъ и притомъ эта сумма раздѣляется далеко неравномѣрно. Лучшій приходъ находится въ Брейдѣ, Большгадѣ на Рангавальскомъ Зисселѣ, гдѣ народонаселеніе изъ 376 душъ деся-

тиннаго сбора на содержаніе священника приходится болѣе 180 талеровъ въ годъ. Въ Аарпескомъ Зисселѣ приходъ Торфастадиръ, гдѣ находятся гейзеры, состоитъ изъ 5 церквей, на содержаніе же священника и его помощниковъ едва ли приходится болѣе 30 талеровъ въ годъ. Нерѣдко встрѣчаются еще меньшія степендіи; въ двухъ или трехъ приходахъ въ Исландіи ежегодно собирается десятиннаго сбора для содержанія служителей церкви не болѣе 5 талеровъ въ годъ. Степендіи большею частію выплачиваются различными продуктами. Кромѣ степендіи священникъ получаетъ доходъ съ очень бѣдной церковной земли и отъ весьма скудныхъ приношеній; отъ правительства не получаетъ онъ ни копѣйки. Три раза въ годъ самыя богатыя изъ духовныхъ дѣтей по древнему обычаю приносятъ священнику по монетѣ въ 21 крейцеръ, за исполненіе особыхъ требъ: за крещеніе, свадьбу, погребенье также платятъ ничтожную плату. Наконецъ каждый фермеръ обязанъ въ зиму продержать для священника по ягненку, котораго фермеръ беретъ въ октябрѣ и возвращаетъ весной въ хорошемъ состояніи.

Неудивительно, что при такихъ скудныхъ доходахъ, духовныя лица, чтобы только прокормить свою семью, должны работать какъ поденщики, и что по наружному виду они скорѣе похожи на послѣднихъ, чѣмъ на священниковъ. Кромѣ обработки земли, сѣнокоса, ухода за скотомъ нерѣдко приходится священнику съ обозомъ вьючныхъ лошадей возвращаться въ свою хижину съ отдаленной рыбной ловли. Священнику нужно быть и кузнецомъ, ибо въ Исландіи каждый крестьянинъ долженъ исполнять всѣ домашнія работы, и по здѣшней вулканической почвѣ необходима частая ковка лошадей. Не менѣе трудную работу для пастора составляетъ забота о запасѣ древеснаго угля. Близко ли, далеко ли находятся мелкій лѣсокъ березоваго сланца, ему нужно идти туда рубить лѣсъ, жечь уголь и на вьючныхъ лошадяхъ перевезти его въ свое жилище, которое нисколько не лучше хижины бѣднѣйшаго крестьянина. Рѣдко въ домѣ священника найдется печь, часто весь домъ состоитъ изъ одной комнаты, стѣны которой свѣтятся на сквозь. Вся мебель состоитъ изъ кровати, изломаннаго стола, двухъ, трехъ стульевъ и нѣсколькихъ сундуковъ, гдѣ сохраняется одежда всего семейства. Такова жизнь исландскаго священника и нерѣдко въ такой бѣдности, такихъ лишеніяхъ кроется ученость, высокая нравственность и даже геній. Вѣроятно большинству нашихъ читателей неизвѣстно имя поэта Іона

Торлаксона, но кто не подивится бѣдному священнику, который, получая въ годъ менѣе 50 талеровъ дохода, и работая какъ простой крестьянинъ, все-таки остался до глубокой старости вѣрнымъ служенію музъ, и на 70 году своей жизни окончилъ переводъ Мильтонова Потеряннаго Рая. Три первыя книги были напечатаны исландскимъ литературнымъ Обществомъ, но въ 1796 году оно закрылось. Самъ же Торлаксонъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы напечатать книгу на свой счетъ и не имѣлъ надежды видѣть ее когда-нибудь въ печати. Трогательно говоритъ онъ самъ въ исландскихъ стихахъ о своей бѣдности.

«Съ тѣхъ поръ какъ въ міръ вошелъ, я повѣнчался съ нищетой; уже 70 зимъ душитъ она меня въ своихъ объятіяхъ, и разлучусь ли съ нею на землѣ, лишь знаетъ Тотъ, Кто насъ соединилъ.»

Но какъ будто Небо захотѣло научить старца, что никогда не долженъ человѣкъ терять надежды и вскорѣ послѣ этого Торлаксона неожиданно посѣтилъ въ Бэккѣ Гендерсонъ, агентъ англійскаго Библейскаго Общества, онъ описываетъ свое свиданіе съ сѣдымъ поэтомъ слѣдующимъ образомъ.

«Подобно большинству его сотоварищей мы нашли его въ это время года съ его духовными дѣтьми за сѣнокосомъ. Лишь только онъ услыхалъ о нашемъ пріѣздѣ, какъ поспѣшилъ, на сколько позволяли его лѣта, пригласить насъ въ свою бѣдную хижину. Онъ ввелъ насъ въ низкую комнату, въ которой занимался своими переводами. Дверь была ниже 4 футовъ; комнатка имѣла въ длину 8, въ ширину 6 футовъ. На одномъ концѣ комнатки стояла кровать старца, а у самой двери, противъ окна фута въ 2 въ вышину и ширину помѣщался столъ, на которомъ старикъ писалъ. Когда я ему сказалъ, что ни мои соотчичи, ни я самъ не простили бы никогда, если бы, посѣтивъ эту часть острова, я не повидался съ нимъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что переводъ Мильтона доставилъ ему много пріятныхъ часовъ, и часто давалъ случай думать объ Англіи. (Henderson Travels in Iceland in the year 1818).

Это посѣщеніе имѣло счастливое послѣдствіе для почтеннаго Торлаксона, англійскій литературный фондъ прислалъ ему въ подарокъ 30 фунтовъ стерлинговъ, по нашимъ понятіямъ сумму очень небольшую, но показавшуюся для бѣднаго пастора неисчерпаемымъ богатствомъ, усладившимъ остатокъ его жизни. Но недолго пришлось попользоваться имъ бѣдному пастору, ибо 3 мая 1821

года Джонъ Торлаксонъ скончался. На латинскомъ языкѣ онъ благодарилъ англійское Общество за подарокъ и къ письму приложилъ окончаніе своего перевода, которое было напечатано уже послѣ смерти пастора въ 1828 году. Собственныя стихотворенія Торлаксона и переводъ «Essay on Man» Поппе появились только въ 1842 году. Можетъ быть освободившаяся отъ тѣла душа Торлаксона порадовалась этому, хотя позднему вниманію къ его трудамъ!

Единственная школа, гдѣ воспитывается большинство бѣднаго, но столь почтеннаго исландскаго духовенства, есть Рейкіавикская семинарія; только немногіе получаютъ вспомоществованіе для посѣщенія Копенгагенскаго университета. Здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ живутъ избранные въ болѣе умѣренномъ климатѣ, здѣсь знакомятся они съ блескомъ столицы и удовольствіями, которыхъ никогда не встрѣтятъ на своей скудной родинѣ. Можно было бы подумать, что мысль возвратиться въ Исландію имъ будетъ казаться ужасною — напротивъ, они стремятся лишь сюда и не ставятъ ничего выше Исландіи, гдѣ ожидаютъ ихъ лишенія и нужды.

Нельзя найдти лучшаго доказательства тому, что утонченности жизни, многимъ изъ насъ кажущіяся необходимыми, въ основаніи немного приносятъ нашему счастію и отказаться отъ нихъ гораздо легче, чѣмъ кажется.

Ни въ одной христіанской странѣ, исключая Лапландіи, духовенство не живетъ въ такой бѣдности, какъ въ Исландіи; но нигдѣ оно не приноситъ столько пользы какъ здѣсь, ибо нигдѣ оно не срослось на столько съ народомъ и нигдѣ такъ свято не выполняются обязанности врача духовнаго. Если вообще Исландцы отличаются честностію, благочестіемъ и жаждою духовнаго просвѣщенія (конечно эти качества рѣже встрѣчаются въ Рейкіавикѣ и другихъ рыболовныхъ станціяхъ, гдѣ Исландцы чаще соприкасаются съ датскими купцами и иноземными матросами), кому же какъ не пастырямъ духовнымъ обязаны они этимъ, какъ и любовью къ поэзіи, которая составляетъ славу ихъ предковъ и до сихъ поръ освящаетъ бѣдную хижину Исландца, какъ рѣдко освящаетъ она богатыя палаты? О какъ выиграетъ въ нашихъ глазахъ и дурно одѣтый священникъ и жалкая церковь, если проведемъ тамъ воскресное утро. Маленькое зданіе находится между развалинами лавы или окружено исполинскими ледниками, оно стоитъ тамъ, гдѣ духъ подавленъ тишиной окружающей пустынной природы. Съ торжественною важностію ожи-

даетъ группа крестьянъ и крестьянокъ прихода своего пастора; всѣ по обычаю страны одѣты въ лучшія платья и всѣ привели своихъ дѣтей, вокругъ маленькаго собранія лошади, на которыхъ пріѣхали молельщики, щиплютъ траву. Каждый вновь пришедшій встрѣчается поцалуемъ. Такимъ образомъ исполненія религіозныхъ обязанностей даютъ случай свидѣться, такъ рѣдко встрѣчающимся людямъ. Священникъ является между ними какъ другъ, онъ кланяется съ каждымъ членомъ общины, и цѣлуетъ дѣтей, которыя должны рости подъ его пастырскимъ надзоромъ. Послѣ такихъ проявленій чувства любви, всѣ вмѣстѣ идутъ въ Домъ молитвы. Божественная служба, совершающаяся со всевозможнымъ внѣшнимъ приличіемъ, состоитъ изъ молитвъ, пѣнія псалмовъ, проповѣди и чтенія изъ Св. Писанія. Молитвы и чтеніе произноситъ священникъ, который передъ престоломъ болѣе поетъ, чѣмъ говоритъ. Проповѣди, какъ кажется, сочиняются напередъ и произносятся съ помощью краткаго конспекта. Хотя Мекензи не могъ вполнѣ судить о слогѣ и характерѣ этихъ сочиненій, но всякій разъ, какъ онъ присутствовалъ при богослуженіи, по горячему слову проповѣдника и по выраженію слушателей, ему казалось, что проповѣди имѣли сильное вліяніе на сошедшихся въ храмъ.

Во всей Исландіи находится всего одна публичная школа въ Рейкіавикѣ, но не смотря на это, можетъ быть нигдѣ такъ не распространено элементарное ученіе. Здѣсь замѣчательная система домашняго воспитанія замѣняетъ учрежденія, которыя не могутъ существовать по бѣдности и разрозненности жителей.

Мать не только учитъ своихъ собственныхъ дѣтей чтенію и письму, но и бѣднаго сироту, котораго приняли въ семейство, а отецъ семейства, питая дѣтей своихъ трудами своихъ рукъ, не забываетъ при этомъ обогащать ихъ познаніями и поучать добродѣтели. Въ этихъ достойныхъ уваженія трудахъ родителямъ помогаютъ священники, которые считаютъ надзоръ за домашнимъ воспитаніемъ за одну изъ важнѣйшихъ обязанностей своего пастырскаго званія. Священникъ часто экзаменуетъ дѣтей, хвалитъ прилежныхъ, возбуждаетъ ревность лѣнивыхъ и даетъ матерямъ совѣты, какъ поступать при ученіи, чтобы дѣти дѣлали наибольшіе успѣхи. Читатель, при описаніи грязи и недостатка комфорта исландской хижины, ты вѣроятно подумалъ, что жители ея необходимо должны находиться въ крайнемъ невѣжествѣ, но какъ удивился бы ты еслибы зимнимъ

вечеромъ ты посѣтилъ душную низкую комнату, гдѣ собралось семейство исландскихъ крестьянъ. Какая картина прекраснаго употребленія времени представится вашимъ взорамъ! во всемъ многочисленномъ собраніи не найдется ни одного тунеядца глазѣющаго по сторонамъ. Женщины и дѣвицы прядутъ или вяжутъ; мущины и мальчики чинятъ или вновь приготовляютъ рыболовныя снасти и домашнюю утварь, или же рѣжутъ изъ дерева или серебра удивительно искусно табакерки и украшенія. У лампы, бросающей сомнительный свѣтъ на внимательно слушающія группы, сидитъ одинъ изъ членовъ семейства и громко и съ чувствомъ читаетъ или древнюю сагу или разсказъ изъ исландской исторіи, или только что появившійся «Norturfari» (Литературный Альманахъ, издающійся уже нѣсколько лѣтъ Гисли Бринюльфсономъ). Нерѣдко говорятся наизустъ небольшія стихотворенія и даже цѣлыя саги. Въ Исландіи даже есть странствующіе разсказщики, которые, подобно средне-вѣковымъ трубадурамъ или труверамъ, ходятъ изъ дома въ домъ и тѣмъ себя содержатъ. Такимъ образомъ память о великихъ предкахъ хранится ихъ потомками и Снорри Стурлезонъ, Зэмундъ Фроде и Эрихъ Рауда живутъ въ Исландіи, тогда какъ въ Германіи такъ легко забываются ея великіе люди. Прошло девять столѣтій, а не забыты имена древнихъ норвежскихъ Ярловъ, впервые населившихъ фіорды Исландіи, и громкія дѣла смѣлыхъ моряковъ, наводившихъ на всѣ берега Европы ужасъ и запустѣнье, все еще наполняютъ сердца мирныхъ исландцевъ нашихъ дней патріотическою гордостію и патріотическимъ самодовольствомъ.

Правда, что въ странѣ столь далекой отъ волнующагося міра, столь удаленной въ теченіи большей части года отъ всякаго общенія; правда, что въ странѣ, гдѣ настоящее такъ покойно и однообразно, болѣе времени и досуга заниматься прошедшимъ.

Если въ обыкновенномъ Исландцѣ воспитаніе и обстоятельства такъ замѣчательно развили вкусъ къ литературнымъ наслажденіямъ, то естественно можно ожидать высокой образованности отъ ученыхъ и даровитыхъ людей этого острова. Особенно замѣчательно ихъ знаніе языковъ и классической литературы. Это первое, что возбуждаетъ вниманіе и удивленіе чужестранца посѣщающаго островъ. Онъ видитъ людей, жилища которыхъ не далеко ушли отъ жилищъ дикарей, которые лишены всякихъ усладъ утонченной жизни, и которые въ своихъ маленькихъ лодкахъ, разгуливая по морю, ищутъ единствен-

даетъ группа крестьянъ и крестьянокъ прихода своего пастора; всѣ по обычаю страны одѣты въ лучшія платья и всѣ привели своихъ дѣтей, вокругъ маленькаго собранія лошади, на которыхъ пріѣхали молельщики, щиплютъ траву. Каждый вновь пришедшій встрѣчается поцалуемъ. Такимъ образомъ исполненія религіозныхъ обязанностей даютъ случай свидѣться, такъ рѣдко встрѣчающимся людямъ. Священникъ является между ними какъ другъ, онъ кланяется съ каждымъ членомъ общины, и цѣлуетъ дѣтей, которыя должны рости подъ его пастырскимъ надзоромъ. Послѣ такихъ проявленій чувства любви, всѣ вмѣстѣ идутъ въ Домъ молитвы. Божественная служба, совершающаяся со всевозможнымъ внѣшнимъ приличіемъ, состоитъ изъ молитвъ, пѣнія псалмовъ, проповѣди и чтенія изъ Св. Писанія. Молитвы и чтеніе произноситъ священникъ, который передъ престоломъ болѣе поетъ, чѣмъ говоритъ. Проповѣди, какъ кажется, сочиняются напередъ и произносятся съ помощью краткаго конспекта. Хотя Мекензи не могъ вполнѣ судить о слогѣ и характерѣ этихъ сочиненій, но всякій разъ, какъ онъ присутствовалъ при богослуженіи, по горячему слову проповѣдника и по выраженію слушателей, ему казалось, что проповѣди имѣли сильное вліяніе на сошедшихся въ храмъ.

Во всей Исландіи находится всего одна публичная школа въ Рейкіавикѣ, но не смотря на это, можетъ быть нигдѣ такъ не распространено элементарное ученіе. Здѣсь замѣчательная система домашняго воспитанія замѣняетъ учрежденія, которыя не могутъ существовать по бѣдности и разрозненности жителей.

Мать не только учитъ своихъ собственныхъ дѣтей чтенію и письму, но и бѣднаго сироту, котораго приняли въ семейство, а отецъ семейства, питая дѣтей своихъ трудами своихъ рукъ, не забываетъ при этомъ обогащать ихъ познаніями и поучать добродѣтели. Въ этихъ достойныхъ уваженія трудахъ родителямъ помогаютъ священники, которые считаютъ надзоръ за домашнимъ воспитаніемъ за одну изъ важнѣйшихъ обязанностей своего пастырскаго званія. Священникъ часто экзаменуетъ дѣтей, хвалитъ прилежныхъ, возбуждаетъ ревность лѣнивыхъ и даетъ матерямъ совѣты, какъ поступать при ученіи, чтобы дѣти дѣлали наибольшіе успѣхи. Читатель, при описаніи грязи и недостатка комфорта исландской хижины, ты вѣроятно подумалъ, что жители ея необходимо должны находиться въ крайнемъ невѣжествѣ, но какъ удивился бы ты еслибы зимнимъ

вечеромъ ты посѣтилъ душную низкую комнату, гдѣ собралось семейство исландскихъ крестьянъ. Какая картина прекраснаго употребленія времени представится вашимъ взорамъ! во всемъ многочисленномъ собраніи не найдется ни одного тунеядца глазѣющаго по сторонамъ. Женщины и дѣвицы прядутъ или вяжутъ; мущины и мальчики чинятъ или вновь приготовляютъ рыболовныя снасти и домашнюю утварь, или же рѣжутъ изъ дерева или серебра удивительно искусно табакерки и украшенія. У лампы, бросающей сомнительный свѣтъ на внимательно слушающія группы, сидитъ одинъ изъ членовъ семейства и громко и съ чувствомъ читаетъ или древнюю сагу или разсказъ изъ исландской исторіи, или только что появившійся «Norturfari» (Литературный Альманахъ, издающійся уже нѣсколько лѣтъ Гисли Бринюльфсономъ). Нерѣдко говорятся наизусть небольшія стихотворенія и даже цѣлыя саги. Въ Исландіи даже есть странствующіе разсказщики, которые, подобно средне-вѣковымъ трубадурамъ или труверамъ, ходятъ изъ дома въ домъ и тѣмъ себя содержатъ. Такимъ образомъ память о великихъ предкахъ хранится ихъ потомками и Снорри Стурлезонъ, Зэмундъ Фроде и Эрихъ Рауда живутъ въ Исландіи, тогда какъ въ Германіи такъ легко забываются ея великіе люди. Прошло девять столѣтій, а не забыты имена древнихъ порвежскихъ Ярловъ, впервые населившихъ фіорды Исландіи, и громкія дѣла смѣлыхъ моряковъ, наводившихъ на всѣ берега Европы ужасъ и запустѣнье, все еще наполняютъ сердца мирныхъ исландцевъ нашихъ дней патріотическою гордостію и патріотическимъ самодовольствомъ.

Правда, что въ странѣ столь далекой отъ волнующагося міра, столь удаленной въ теченіи большей части года отъ всякаго общенія; правда, что въ странѣ, гдѣ настоящее такъ покойно и однообразно, болѣе времени и досуга заниматься прошедшимъ.

Если въ обыкновенномъ Исландцѣ воспитаніе и обстоятельства такъ замѣчательно развили вкусъ къ литературнымъ наслажденіямъ, то естественно можно ожидать высокой образованности отъ ученыхъ и даровитыхъ людей этого острова. Особенно замѣчательно ихъ знаніе языковъ и классической литературы. Это первое, что возбуждаетъ вниманіе и удивленіе чужестранца посѣщающаго островъ. Онъ видитъ людей, жилища которыхъ не далеко ушли отъ жилищъ дикарей, которые лишены всякихъ усладъ утонченной жизни, и которые въ своихъ маленькихъ лодкахъ, разгуливая по морю, ищутъ единствен-

наго средства для прокормленія семействъ; и у этихъ-то людей, онъ находитъ близкое знакомство съ памятниками классической древности, онъ находитъ вкусъ, образованный на чистѣйшихъ греческихъ и римскихъ образцахъ, и сочувствіе ко всѣмъ красотамъ, находящимся въ твореніяхъ древнихъ писателей. Путешественника сопровождаетъ проводникъ, съ которымъ можно говорить и по латинѣ, а пріѣхавши на ночлегъ, нерѣдко находишь въ маленькой кузницѣ человѣка, говорящаго на этомъ языкѣ съ необыкновенною ловкостію, даже изысканностію. Ученые Исландцы очень часто употребляютъ латинскій языкъ для своихъ трудовъ; и вѣроятно въ Исландіи много непечатныхъ книгъ въ стихахъ и прозѣ, которымъ на вѣкъ суждено оставаться въ мракѣ, въ какомъ они писались.

Мы назвали Іона Торлаксона, но сколько бъ могли назвать лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ въ Исландіи, которыя въ теченіи всей своей жизни безъ всякой надежды на славу, безъ всякихъ внѣшнихъ поощреній, постоянно обогащали свой умъ и оставляли въ своихъ сочиненіяхъ добытое изученіемъ или предчувствованное. Невсегда музы награждаютъ своихъ учениковъ лавровымъ вѣнкомъ, но иногда чистая любовь къ литературнымъ занятіямъ завлекаетъ чуждыя всякаго честолюбія души, которыя не требуютъ отъ труда иного счастія, какъ только приносимаго имъ самимъ.

Живыми языками Исландцы занимаются по стольку, по скольку требуетъ ихъ ограниченное общеніе съ иноземцами.

Весь высшій классъ жителей острова вполнѣ владѣетъ датскимъ языкомъ; многіе знаютъ нѣмецкій языкъ и въ послѣднее время стали заниматься англійскимъ языкомъ. Извѣстно, что всѣ скандинавскіе языки произошли отъ одного корня, и сходство исландскаго, датскаго и еще болѣе норвежскаго языка до такой степени велико, что жители этихъ странъ безъ труда могутъ понимать другъ друга. Но изо всѣхъ новѣйшихъ скандинавскихъ языковъ, происшедшихъ отъ одного сѣвернаго языка, за тысячу лѣтъ до нашего времени распространеннаго по всей Даніи, Норвегіи и Швеціи, ни одинъ языкъ не измѣнился такъ мало, какъ исландскій, что обусловливается, какъ отдаленностію этого острова, такъ и тѣмъ, что жители его постоянно занимаются древними писателями. Хотя близь гаваней въ исландскій языкъ замѣшались датскія слова и выраженія, но во внутренности острова и теперь говорятъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили во времена Ингольфа, и во всей Исландіи нѣтъ ни одного рыба-

ка, ни одного поденщика, который не понималъ бы вполнѣ древнихъ писателей. Понятно, что въ народѣ, гдѣ такъ много читаютъ, запросъ на книги долженъ быть очень великъ. Исландцы слишкомъ бѣдны, чтобы каждый постоянными пріобрѣтеніями увеличивалъ свое маленькое собраніе старыхъ и новыхъ сочинителей, и потому въ этомъ случаѣ Исландцы помогаютъ другъ другу. Посѣщая въ воскресенье церковь, каждый крестьянинъ захватываетъ съ собою нѣсколько книгъ отдаетъ ихъ сосѣду для прочтенія и отъ него беретъ въ замѣнъ ихъ другія. Особенно нравящіяся сочиненія переписываются въ домахъ, причемъ должно замѣтить, что Исландцы пишутъ такъ хорошо, какъ будто гравируютъ.

Можно считать благодѣяніемъ для любознательныхъ островитянъ библіотеку для чтенія, основанную въ Рейкіавикѣ, въ 1821 году, заботами ученаго копенгагенскаго профессора Рафна. Эта библіотека принадлежитъ всей Исландіи, ибо вся Исландія принимала участіе въ ея обогащеніи. Датское правительство позволило собрать подписку, а частныя лица жертвовали деньгами и книгами. До сихъ поръ библіотека увеличивается приношеніями крестьянъ, купцовъ и духовенства, и правительство ежегодно присылаетъ сюда лучшія въ Копенгагенѣ отпечатанныя книги. Въ настоящее время библіотека состоитъ изъ 12000 томовъ, хранящихся подъ крышею церкви. И такъ, по роскоши помѣщенія и числу книгъ, это одна изъ самыхъ скромныхъ публичныхъ библіотекъ, но едва ли гдѣ-нибудь найдется библіотека, гдѣ бы относительно числа книгъ было бы такое количество читателей. Библіотека бываетъ открыта разъ въ недѣлю, и книги выдаются жителямъ отдаленныхъ округовъ на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годъ. Конечно, такая щедрость обусловливаетъ нѣкоторыя невыгоды, но за то сокровища библіотеки дѣлаются такимъ образомъ доступными многочисленнымъ семействамъ, не имѣющимъ средства пріобрѣтать книги.

Другое учрежденіе сильно дѣйствующее на образованіе есть, основанное въ 1816 году, Исландское Литературное Общество. Члены его собираются въ двухъ мѣстахъ въ Копенгагенѣ и Рейкіавикѣ, цѣль этого общества состоитъ въ изданіи полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ. Кромѣ 100 талеровъ, получаемыхъ Обществомъ ежегодно отъ правительства въ видѣ вспомоществованія, оно не имѣетъ иныхъ доходовъ, кромѣ взноса членовъ. Съ такими незначи-

тельными средствами Общество уже издало много полезныхъ сочиненій.

Первая типографія была уже основана въ Исландіи въ 1530 году въ Гоолумѣ. Основатель ея епископъ Джонъ Арезонъ, человѣкъ честолюбивый, хотѣлъ употребить новое искусство, какъ средство для увеличенія своего вліянія. Типографія впослѣдствіи была переведена въ Скальгольтъ, потомъ снова перешла въ Гоолумъ и наконецъ навсегда оставила это мѣсто вмѣстѣ съ уничтоженіемъ здѣшней епископской кафедры. Въ настоящее время много печатается на Бидое, небольшомъ островѣ, почти на разстояніи часа отъ Рейкіавика. Въ 1848 году изъ типографіи вышло 17 сочиненій — количество весьма значительное для населенія въ 60000 душъ. Въ Исландіи издаются 3 газеты, одна еженедѣльная, другія двѣ выходятъ черезъ каждыя двѣ недѣли.

Можетъ быть мы слишкомъ долго говорили о нравственномъ развитіи Исландіи, но образованіе въ такомъ отдаленномъ закоулкѣ земнаго шара показалось намъ слишкомъ удивительнымъ и мы не могли не посвятить ему хотя нѣсколькихъ страницъ. На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ лишь варварскую пустыню и скотское невѣжество, Исландія производитъ впечатлѣніе оазиса, населеннаго народомъ столь богатымъ въ нравственномъ отношеніи.

Къ добродѣтелямъ Исландцевъ должно причислить еще умѣренность, добродушіе и гостепріимство. Преступленія чрезвычайно рѣдки на островѣ, воровство почти неизвѣстно, убійство неслыхано. Если страстная гоньба за пріобрѣтеніемъ и богатствомъ доселѣ чужда Исландца, если онъ дѣйствительно, какъ его въ томъ и упрекаютъ, мало проявляетъ дѣятельности для улучшенія своего положенія и мало предпріимчивъ, то за то не знаетъ онъ многихъ золъ.

Не смотря на большіе физическіе труды и частыя опасности, не смотря на плохія экономическія условія, Исландцы нерѣдко достигаютъ глубокой старости. Въ таблицѣ, составленной Джономъ Барровъ (Voyage to Iceland 1834) мы находимъ, что въ 1832 году на 53000 человѣкъ всего населенія смертныхъ случаевъ было 1390. Изъ умершихъ 784 имѣли менѣе 10 лѣтъ отъ роду, отъ 70 до 80 лѣтняго возраста умерло 79, отъ 80 до 90 лѣтняго возраста умерло 68 и отъ 90 до 100 лѣтняго возраста 13.

Недостатокъ тѣлеснаго движенія въ теченіи всей долгой зимы, испорченный воздухъ въ жилищахъ, совершенное отсутствіе расти-

тельной пищи и грязная шерстяная одежда, носимая на голомъ тѣлѣ, обусловливаютъ множество накожныхъ болѣзней, изъ нихъ *сѣверная проказа* (Pikthra, Holdsveike или Spitelska) заслуживаетъ особаго вниманія. Эта ужасная болѣзнь, которая свирѣпствуетъ и между норвежскими рыбаками и въ Гренландіи, на Фероерскихъ островахъ и въ Лапландіи, однимъ словомъ, повсюду, гдѣ ведутъ подобный образъ жизни, начинается опухолью рукъ и ногъ, а иногда и другихъ частей тѣла. Кожа становится глянцовитою и синеватою. Волосы выпадаютъ, всѣ чувства слабѣютъ или даже совершенно исчезаютъ. На рукахъ, ногахъ и лицѣ появляются шишки, которыя совершенно искажаютъ человѣческій образъ. Во всѣхъ сочлененіяхъ чувствуется сильная боль и по всему тѣлу высыпаетъ сыпь, которая наконецъ переходитъ въ язвы и оканчивается смертью. Съ появленіемъ сыпи нѣтъ надежды на спасеніе, тутъ не помогаютъ врачебныя средства. По счастію бѣдныя жертвы проказы въ Исландіи скорѣе внушаютъ состраданіе, чѣмъ отвращеніе, и такъ какъ здѣсь проказу не считаютъ прилипчивою болѣзнью, то больныхъ не изгоняютъ здѣсь изъ семействъ, какъ это дѣлается съ прокаженными на востокѣ. Мармье видѣлъ у священника въ Тингваллѣ прокаженнаго, который мололъ муку. Самые безпомощные изъ этихъ несчастныхъ помѣщаются въ трехъ небольшихъ богадѣльняхъ, содержащихся на общественный счетъ. Каждый рыбакъ обязанъ удѣлить часть лова на эти богадѣльни.

Для читателя, который можетъ быть захочетъ посѣтить Исландію, мы передадимъ слѣдующія свѣдѣнія. Правительственное почтовое судно (въ настоящее время вѣроятно пароходъ) отправляется въ Рейкіавикъ 5 разъ въ годъ. Оно отходитъ изъ Копенгагена 1-го марта, мая, іюля и октября и изъ Ливерпуля 1-го января. Изъ Рейкіавика оно отправляется въ Копенгагенъ 1-го февраля, апрѣля, іюня и 10-го августа и въ Ливерпуль 10-го ноября. Два раза въ лѣто почтовое судно останавливается на Фероерскихъ островахъ. Число путешественниковъ въ Исландію ежегодно увеличивается. Пересчитывая достопримѣчательности Исландіи, нельзя не упомянуть, что на всемъ островѣ нѣтъ ни одной повозки, ни одной паровой машины, нѣтъ почтамта и таможни, нѣтъ солдатъ, полиціи и адвокатовъ. Мы уже прежде замѣтили, что въ Исландіи нѣтъ гадовъ.

ГЛАВА XXXI.

ВЕСТМАНОВЫ ОСТРОВА.

Недоступность романтическихъ острововъ. — Какъ они заселены. — Геймэй. — Опасная ловля птицъ. — Необыкновенная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ. — Англійскіе и Алжирскіе морскіе разбойники.

Круто поднимающіеся изъ моря на высоту 1000—2000 футовъ, Вестмановы острова на столько же недоступны, на сколько и романтичны.

Уже многіе путешественники, плывя вдоль южнаго берега Исландіи, дивились живописности береговъ бурнаго Маркафліота, но мы не знаемъ ни одного туриста, который бы вышелъ на берега Вестмановыхъ острововъ. На самомъ дѣлѣ между берегами Исландіи и группою острововъ бушуетъ бурное море, такъ что даже не слишкомъ сильный вѣтеръ производитъ въ узкихъ каналахъ архипелага такое страшное теченіе, что о высадкѣ на берегъ можно подумать *только въ самую тихую погоду, когда на морѣ вовсе нѣтъ волненія.* Высокій водопадъ на исландскомъ материкѣ, вблизи города Гольта (оставимъ Исландцамъ невинное удовольствіе называть городами собраніе нѣсколькихъ хижинъ), даетъ вѣрные признаки, можетъ или нѣтъ пристать къ берегу лодка. Этотъ водопадъ есть длинная струя воды, въ родѣ Штауббаха, падающая съ высоты 800 футовъ. При вѣтрѣ вся струя водопада разносится въ воздухѣ. Если же водопадъ непрерывно видѣнъ въ теченіи 2 дней, то вообще берега доступны. Кому же изъ путешественниковъ достанетъ терпѣнія такъ долго наблюдать тонкую серебристую нить; да и при этомъ спрашивается еще, не подуетъ ли крѣпкій вѣтеръ во время посѣщенія острова и такимъ образомъ не преградитъ ли онъ возвратный путь.

А вовсе непріятно имѣть въ виду прожить на Вестмановыхъ островахъ пожалуй нѣсколько недѣль.

Но какже заселились острова, доступъ къ которымъ такъ затруднителенъ?

Можно было бы подумать, что Вестмановы острова предназначены быть убѣжищемъ однихъ морскихъ птицъ — однакоже эти острова имѣютъ исторію, которая ведетъ въ далекое прошедшее, къ той эпохѣ, когда сама Исландія была заселена впервые.

Одинъ норвежскій морской разбойникъ, разъѣзжая по Атлантическому океану въ 875 году, увидѣлъ однажды передъ собой Ирландскій берегъ, присталъ къ чему, по любезному обычаю своихъ соотчичей напалъ на беззащитное населеніе, захватилъ около 50 человѣкъ — мущинъ, женщинъ и дѣтей — въ плѣнъ, насадилъ ихъ на свое судно и отплылъ съ ними въ Исландію, полагая, что здѣсь получитъ большой доходъ отъ такихъ даровыхъ работниковъ. Во время переѣзда бѣдные Ирландцы не менѣе вытерпѣли, сколько терпятъ теперь Негры на пути отъ Гвинеи въ Кубу, или германскіе переселенцы на пути къ обѣтованной землѣ свободы и равенства. Ирландцы (которыхъ участь съ самаго начала не представлялась въ розовомъ цвѣтѣ) составили себѣ такую печальную идею о предстоящей ихъ жизни въ новомъ отечествѣ, что отчаянье овладѣло ими и они рѣшились на дѣло, которое лучше бы совершили съ перваго разу. Они возстали противъ своихъ притѣснителей, мужественно вступили съ ними въ бой, какъ люди рѣшившіеся побѣдить или умереть, переколоть всѣхъ нормановъ, находившихся на суднѣ, и *пристали къ первому берегу, который попался.* Вѣроятно въ то время кровавая сцена происходила подъ яснымъ небомъ, и солнце, видѣвшее столько ужасовъ, освѣщало спокойное море, ибо Провидѣніе позволило Ирландцамъ высадиться у почти совершенно недоступныхъ береговъ, именно Ирландцы высадились на Вестмановы острова.

Здѣсь случилось по пословицѣ: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Новые поселенцы нашли утесистые острова совершенно пустынными и необитаемыми, и остались они здѣсь вѣроятно потому, что не было у нихъ другаго выбора, и предпочли жизнь съ морскими птицами, жизни съ морскими разбойниками.

Такимъ образомъ Вестмановы острова впервые заселились этими западными людьми (отсюда и названіе острововъ, Westmann—западный человѣкъ) и потомки ихъ живутъ на островахъ до настоящаго времени. Едва ли кто позавидуетъ наслѣдству, полученному этими потомками первыхъ поселенцевъ.

Вестмановы острова находятся почти въ 19 англійскихъ миляхъ (самый отдаленный островъ почти въ 24) отъ исландскаго берега. Всѣхъ острововъ 14, но только на 4 есть растительность, и изъ послѣднихъ только одинъ, самый большой, Геймэй, населенъ.

Остальные острова не болѣе какъ голые недоступные утесы, находящіеся въ безспорномъ владѣніи чаекъ и баклановъ — развѣ можетъ быть находится здѣсь дворъ Одина или Тора. На островѣ Геймэй (островъ родины) находится бухта, отчасти окруженная высокими отвѣсными базальтовыми стѣнами, образующая довольно хорошую гавань, входъ въ которую къ несчастію почти всегда затрудненъ рьянымъ теченіемъ.

Отъ бухты идетъ крутая тропинка съ одного уступа на другой и наконецъ достигаетъ до верхней платформы, гдѣ живетъ маленькій народецъ съ своими немногочисленными стадами овецъ и рогатаго скота на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ этой платформы видны окружные островки, исполинскими столбами выходящіе изъ моря: безграничное море, и на исландскомъ берегу, горные колоссы: Гекла, Эйафіалла и много другихъ снѣжныхъ вершинъ. Одинъ видъ величественнѣе и романтичнѣе другаго.

Хижины островитянъ даже въ сравненіи съ зеландскими очень бѣдны, но, выстроенная послѣ катастрофы 1774 года на счетъ датскаго правительства церковь, считается лучшею во всей Исландіи, впрочемъ это еще не много; изъ прошлой главы мы знаемъ, что такое исландскія церкви. Этотъ храмъ однакоже мало споспѣшествовалъ къ улучшенію людей, на благо которыхъ онъ былъ построенъ. Ибо жители Геймэя мало уважаются Исландцами, послѣдніе считаютъ ихъ въ высшей степени лѣнивыми и безнравственными. Правда не знаемъ мы, что говорятъ Вестманцы объ Исландцахъ.

И такъ плохая жизнь выпала на долю бѣднякамъ, и нельзя не пожелать, чтобы они по крайней мѣрѣ сами не ухудшали своего жребія.

Понятно, что обнаженная, всѣмъ вѣтрамъ подверженная платформа Геймэя не производитъ ни хлѣбовъ, ни овощей, такъ что жители вовсе не питаются растительной пищей, а питаются исключительно мясомъ и молокомъ немногихъ коровъ и овецъ, которыя въ свою очередь ѣдятъ скудно ростущія здѣсь травы. И такъ для островитянъ океанъ и утесы замѣняютъ и хлѣбныя поля и огороды; но съ нѣкотораго времени море также измѣнило жителямъ Геймэя, ибо со времени большаго изверженія Скаптаръ-Іокула въ 1783 году (его

страшныя опустошенія и послѣдствія уже извѣстны нашимъ читателямъ), у Вестмановыхъ острововъ стало меньше появляться трески и вахни, и этотъ источникъ пищи оскудѣваетъ все болѣе и болѣе.

Вулканъ изгналъ и напугалъ этихъ робкихъ морскихъ жителей, но на счастіе островитянъ не разогналъ онъ безчисленныхъ стай морскихъ птицъ, живущихъ на Вестмановыхъ утесахъ.

Испорченная, жирная пища, притомъ вѣчно одна и та же (конечно это лучше, чѣмъ вовсе никакой), но чудеса дѣлаетъ привычка и можетъ быть Вестманнцы не промѣняютъ свѣжаго или соленаго мяса морскихъ птицъ на куропатокъ и фазановъ.

Вестманцы также ловки и хладнокровны, какъ и жители Фероерскихъ острововъ и Сантъ-Кильдайцы въ собираніи яицъ и ловлѣ глупышей (Procellaria glacialis) и топориковъ (Fratercula arctica).

Чтобы сказалъ ты любезный читатель, если бы съ платформы въ 2000 футовъ высоты на веревкѣ спустили бы тебя на 200, 300 футовъ въ пропасть и здѣсь ты долженъ былъ бы на узкихъ окраинахъ утесовъ собирать яйца, или хватать птицъ живьемъ?

А такая работа въ хорошее время года составляетъ ежедневное занятіе островитянъ, которые такъ привыкли къ нему, что вовсе не боятся его. Иногда впрочемъ случается, что лопнетъ веревка или перерѣжется она острымъ утесомъ, и понятно, что несчастный уже не увидитъ болѣе своего семейства. Паденіе съ высоты 2000 футовъ! Прежде нежели достигнетъ волнъ морскаго прибоя уже задохнется несчастный въ воздухѣ, который прорѣзываетъ съ быстротою метеора. Въ началѣ хорошаго времени года собираются яйца, потомъ ловятъ молодыхъ птицъ. Тутъ случаются страшныя битвы со взрослыми птицами, которыя какъ львицы защищаютъ свой выводокъ и не перестаютъ нападать ударами толстаго клюва и сильныхъ крыльевъ на убійцу, пока не размозжатъ имъ головы дубиной. Тамъ, гдѣ склоны утесовъ недоступны сверху, тамъ стараются взойдти на нихъ снизу; на лодкѣ подъѣзжаютъ къ крутой стѣнѣ утеса и съ изумительною ловкостію и смѣлостію взлѣзаютъ вверхъ. Лѣтомъ ѣдятъ яйца и свѣжее птичье мясо, на зиму солятъ птицъ. Перья и небольшое количество трески и лабардана привозятся въ Исландію, и здѣсь вымѣниваются преимущественно на одежду, крючки и лесы для удочекъ, пряжу для сѣтей, соль, табакъ и водку, послѣднюю очень любятъ Вестманцы. Морскихъ птицъ употребляютъ здѣсь и на топливо, ибо на островѣ нѣтъ достаточнаго количества ни торфа,

ни сушеныхъ рыбныхъ костей, чтобы этимъ матеріаломъ топить печи. Съ этою цѣлью птицъ пластаютъ, сушатъ и потомъ жгутъ вмѣстѣ съ перьями и внутренностями. Вонь отъ этого топлива ужасная; испареніе отъ верблюжьяго навоза, на которомъ варитъ свое кушанье Бедуинъ, покажется благовоніемъ передъ этимъ смрадомъ.

Населеніе Вестмановыхъ острововъ, прежде болѣе значительное, въ настоящее время едва достигаетъ 200 душъ, при этомъ, если принять въ соображеніе необыкновенную смертность въ дѣтскомъ возрастѣ, то нужно еще удивляться, что число жителей такъ велико. Въ лѣтописяхъ медицины Геймэй, этотъ утесъ, затерянный въ сѣверныхъ моряхъ, имѣетъ печальную извѣстность тамъ часто встрѣчающимися и почти всегда смертельными конвульсіями. Вскорѣ послѣ рожденія у ребенка замѣчается особое закатываніе глазъ и отъ судорогъ сокращаются спинныя мышицы. Это явленіе продолжается одинъ или нѣсколько дней, послѣ чего въ большинствѣ случаевъ начинаются судороги челюстей, и спина дугою выгибается или назадъ (туземцы называютъ этотъ припадокъ *гинклозе*), или точно такимъ же образомъ впередъ *(блумсв)*. Судороги челюстей не позволяютъ принимать пищи, припадки становятся сильнѣй и наконецъ прекращается жизнь. Необыкновенная пища островитянъ и рѣзкій нагорный воздухъ дожно считать главнѣйшими причинами частаго проявленія этой болѣзни, которая точно также свирѣпствуетъ у Ст. Кильдайцевъ, живущихъ въ подобныхъ же условіяхъ.

Американецъ Плиній Милесъ, во время своего путешествія по Исландіи въ 1852 году, хотѣлъ посѣтить Вестмановы острова, но не могъ выполнить своего намѣренія, ибо вѣтеръ въ это время разносилъ по воздуху водопадъ, что какъ уже говорено служитъ признакомъ, что пристать къ островамъ нельзя. Этому путешественнику на исландскомъ берегу разсказывали, что если бы Вестманцы не отдавали въ Исландію своихъ дѣтей на воспитаніе, то ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ бы смерти.

Вѣроятно населеніе Вестмановыхъ острововъ поддерживается именно этимъ предохранительнымъ средствомъ, а не постоянными переселеніями сюда Исландцевъ, какъ утверждаютъ Голландъ и другіе. Ибо какъ помирить переселеніе съ дурною славою, какою пользуются Вестманцы въ Исландіи. Да притомъ сомнительно, чтобъ въ Исландіи нашлись люди на столько безумные, чтобы переселиться

въ мѣстность, гдѣ потомству ихъ предстоитъ такой печальный жребій, и гдѣ самимъ придется добывать пищу, лазая по утесамъ.

Казалось бы, что, по крайней мѣрѣ, Вестманнцы, какъ по своей бѣдности, такъ и по неприступности своего положенія, вполнѣ безопасны отъ враждебныхъ нападеній? — Однакоже мы видимъ противное, ибо два раза на нихъ нападали морскіе разбойники, которые совершенно ограбили островитянъ и почти уничтожили ихъ.

Изъ прошлой главы мы знаемъ, что до открытія Ньюфундлендскихъ тресковыхъ банокъ, англійскіе рыбаки часто появлялись у береговъ Исландіи, и вмѣстѣ съ рыбной ловлей промышляли морскимъ разбойничествомъ. Одинъ изъ такихъ господъ отличался особенною смѣлостію и счастіемъ и грабилъ такъ деликатно, что былъ прозванъ «джентельменомъ Джономъ». Этотъ разбойникъ аристократъ присталъ въ 1614 году къ Вестмановымъ островамъ, разграбилъ все, что только можно было, и сжегъ церковь. Вѣроятно слышалъ разбойникъ, что жители острова Ирландцы, и потому, какъ истый Англичанинъ, считалъ себя въ правѣ содрать съ нихъ кожу.

Послѣ этого онъ возвратился въ Англію, но король Іаковъ I счелъ поступокъ нашего *джентельмена* за слишкомъ эксцентричный, и потому послѣ короткаго суда велѣлъ его повѣсить, а бѣднымъ Вестманнцамъ выстроить церковь. Однакоже не суждено было бѣднякамъ долго пользоваться и этимъ новымъ храмомъ, ибо въ 1627 году въ исландскихъ водахъ появился алжирскій корсаръ. Порадуемся, что болѣе нѣтъ корсаровъ, но въ то время къ стыду всего христіанства дерзость ихъ превосходила всѣ границы. Морскіе разбойники, ограбивъ многія мѣстности по южному и восточному берегу Исландіи, вдругъ напали на несчастный Геймэй. Вестманцы узнали тутъ, что Алжирцы гораздо хуже напавшихъ на нихъ 13 лѣтъ тому назадъ Британцевъ, и что Джонъ въ сравненіи съ первыми дѣйствительно велъ себя «джентельменомъ». 40—50 человѣкъ, желавшіе воспротивиться нападенію, были изрублены всѣ до послѣдняго. Церковь и хижины были разграблены и сожжены, и почти все остальное населеніе посажено было на суда и увезено въ плѣнъ. На островѣ въ это время было два священника, изъ нихъ одинъ — Іонъ Торстейнсонъ убитъ разбойниками. Этотъ достойный, отличавшійся ученостію священникъ, перевелъ на исландскій языкъ псалмы и книгу бытія, въ Исландіи считаютъ его мученикомъ. Другой священникъ Олафъ Эгильсонъ, съ женою, дѣтьми и большею частію своей паствы, былъ

привезенъ въ Алжиръ и проданъ въ рабство. Онъ описалъ на исландскомъ языкѣ свою судьбу, впослѣдствіи это сочиненіе было переведено на датскій языкъ. Несчастные испытали столько бѣдствій, что, когда черезъ 9 лѣтъ датскій король выкупилъ ихъ, остались въ живыхъ всего 37 человѣкъ и изъ нихъ только 13 возвратилось на родину.

ГЛАВА XXXII.

ФЕРОЕРСКІЕ ОСТРОВА.

Физіономія Фероерскихъ острововъ. — Торсгавнъ. — Хижина. — Скотоводство. — Суевѣріе. — Гульдефольвъ. — Никары. — Бурное море. — Климатъ. — Печальныя слѣдствія торговой монополіи.

«28 іюня 1839 года», говоритъ Мармье, «увидѣли мы большія массы скалъ, которыя какъ мощный больверкъ поднимались изъ океана, и мы признали ихъ за одинъ изъ острововъ Фероерской группы. Къ сѣверу изъ рѣдкаго тумана выходили нѣсколько рядовъ стоящихъ другъ за другомъ скалъ и горъ, иныя волнообразно, другія круто поднимали въ воздухъ свои снѣгомъ покрытыя вершины. На всей поверхности острова не было ни одного дерева, никакого слѣда растительности; это были обнаженныя скалы какъ на Исландіи, мѣстами прорѣзанныя глубокими фіордами, мѣстами раздѣленныя морскими рукавами. Сѣрыя полосы паровъ, какъ саванъ свѣшивающіяся съ горъ или закрывающія ихъ вершины, бурное море, шумящее у подножія исполинскихъ утесовъ: все это придавало острову суровую, странную физіономію. Повсюду искали наши взоры колокольни, человѣческаго жилища—и нигдѣ не находили ихъ; ибо здѣсь находятся только бѣдныя, далеко другъ отъ друга отстоящія хижины, которыя скрываются между скалами, и такъ малы и низки, что можно замѣтить ихъ лишь подойдя вплоть.

«Торсгавнъ есть наибольшій или скорѣе единственный городъ островной группы, резиденція губернатора и судьи, центръ торговли и метрополія, о чудесахъ которой рыбакъ разсказываетъ своимъ дѣтямъ, также какъ во Франціи добродушный провинціалъ разсказы-

ваетъ своему изумляющемуся семейству про чудеса, видѣнные имъ въ Парижѣ. Уже восемь столѣтій тому назадъ имя Торсгавна красовалось въ лѣтописяхъ страны. Здѣсь ежегодно собирались свободные островитяне, чтобы по древне скандинавскому обычаю совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ; здѣсь въ 998 году народное собраніе приняло христіанство. Народонаселеніе города гармонируетъ съ его историческимъ значеніемъ, ибо Торсгавнъ имѣетъ не менѣе 650 жителей, слѣдовательно десятую часть числа жителей всего архипелага.

«Мѣстоположеніе очень живописно. Полукругомъ поднимаются крутыя и дикія горы на заднемъ планѣ фіорда, и изъ середины окружности, какъ стрѣла на натянутомъ лукѣ, длинная банка утесовъ далеко заходитъ въ бухту. На этомъ то выступѣ находится большая часть города. Улицы такъ узки, что двѣ лошади не могутъ пройдти рядомъ, такъ круты, что мѣстами нужно цѣпляться и руками и ногами, чтобы не упасть. За исключеніемъ домовъ, принадлежащихъ правительству, видишь только несчастныя хижины, построенныя не какъ въ Исландіи изъ глыбъ лавы и дерна, не какъ въ Норвегіи изъ толстыхъ бревенъ, а просто сколоченныя изъ досокъ — это что-то среднее между юртой кочевника и прочнымъ жилищемъ. Эти бѣдныя хижины, которыя такъ слабы, что ихъ нужно привязывать на зиму веревками, чтобы не сдулъ ихъ вѣтеръ, состоятъ изъ одного этажа и внутри раздѣлены перегородкой на двѣ комнаты. Первая комната служитъ передней и кухней, въ ней нѣтъ ни пола, ни окна и свѣтъ проходитъ черезъ дверь или дымовое отверстіе. Вся утварь состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ горшковъ, двухъ, трехъ деревянныхъ уполовниковъ и нѣсколькихъ дельфиновыхъ костей, которыя, смотря по величинѣ и формѣ, заступаютъ мѣсто стула, лопаты или ухвата.

«Задняя комната, служащая жилымъ покоемъ и спальней, освѣщена скудно двумя, тремя маленькими оконцами. Здѣсь женщины чешутъ шерсть и ткутъ изъ нея *вадмель*, родъ толстаго сукна; здѣсь на доскахъ и небольшомъ количествѣ соломы тѣсно спятъ отецъ, мать и дѣти. При входѣ въ это тѣсное пространство тебя встрѣчаетъ ужасная вонь; но въ тоже время тебя поражаютъ физіономіи жителей, пріятнаго выраженія которыхъ не могли уничтожить ни нужда, ни бѣдность; поражаютъ женщины, которыя вездѣ бы отличались гармоническими чертами и цвѣтущимъ цвѣтомъ лица; поражаютъ граціозно веселыя дѣти.

«Населеніе Фероерской группы необыкновенно красиво. Во все время нашего пребыванія тамъ, мы не встрѣтили ни одного урода, и часто, прогуливаясь по городу, мы останавливались, чтобы полюбоваться мужской красотой рыбака, или невиннымъ взоромъ и улыбающимся личикомъ молоденькой дѣвушки.

«Однажды вечеромъ я вошелъ въ одну изъ самыхъ мрачныхъ хижинъ, какая только намъ встрѣчалась. Хозяйка дружелюбно встрѣтила насъ и съ трогательною простотой поблагодарила насъ за посѣщеніе. Это была еще молодая женщина, глаза которой уже нѣсколько потускнѣли отъ заботъ, труда, а можетъ быть и нужды; но ея нѣсколько блѣдное лицо все еще такъ кротко улыбалось, что мимоходомъ не замѣтишь по лицу, сколько грусти скрывается въ немъ. На рукахъ своихъ она держала ребенка и иногда цѣловала его вьющіеся локоны. Маленькая дѣвочка, испуганная приходомъ незнакомцевъ, подбѣжала къ матери и крѣпко схватилась за ея платье и въ тоже время съ удивленіемъ смотрѣла на насъ своими большими голубыми глазами. Еще трое дѣтей стояло у окна, они составляли задній планъ картины. Бѣдная мать семейства разсказала намъ свою жизнь, свои долгія, безсонныя ночи зимой, свои работы въ полѣ и у очага. Послѣ того, какъ она такимъ образомъ безъ всякаго жеманства и аффектаціи разсказала свою трудную жизнь, она не стала жаловаться и роптать, а напротивъ благодарила небо, заботящееся о ней и ея семействѣ: «хотя мы бѣдные люди», сказала она, «но, благодаря Бога, все идетъ хорошо въ нашей укромной хижинѣ. Мой отецъ, умирая, оставилъ намъ лодку, мужъ мой хорошій рыбакъ, а я зимою работаю на богатыхъ, а лѣтомъ обработываю маленькое поле, за которое плачу небольшую аренду. Такъ проходятъ дни за днями и къ концу года мы всегда имѣли достаточно ячменя на пищу и шерсти на одежду. Самое трудное время, это когда дѣти у меня были слишкомъ малы и мнѣ нужно было ходить за ними, вмѣсто того, чтобы работать; а теперь дѣти подростаютъ и скоро будутъ помогать мнѣ».

«При этихъ словахъ она весело взглянула на дѣтей, которыя своей улыбкой, какъ будто хотѣли оправдать надежду матери. Что же касается меня, то при такомъ спокойствіи я не могъ не подумать съ нѣкоторымъ отвращеніемъ о придуманныхъ страданіяхъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ и не могъ не подивиться премудрости Провидѣнія, которое и подъ соломенной крышей расточаетъ благодатную

надежду, и въ сердцѣ бѣдныхъ поселяетъ неистощимый источникъ отрадныхъ наслажденій.

«Мущины въ Торсгавнѣ исключительно промышляютъ рыболовствомъ. Женщины вяжутъ шерстяные чулки, которые къ несчастію принуждены продавать за очень низкую цѣну.

«Городъ не увеличивается, тогда какъ Рейкіавикъ, Тромзое, Гаммерфестъ съ каждымъ годомъ расширяются.

«Въ Торсгавнѣ находится библіотека въ 5000 томовъ. Здѣсь же живетъ единственный врачъ всего архипелага, и такъ какъ разстоянія очень велики, а въ бурную погоду нѣтъ вовсе сообщеній между островками, то больные большею частію предоставляются на волю Божью.

«Хотя самъ городъ бѣденъ и малъ, но за то горы, огибающія заливъ и вдали голубоватые острова представляютъ великолѣпнѣйшій видъ. Я любилъ по вечерамъ всходить на холмъ, на которомъ стоитъ небольшая крѣпость, и любоваться скуднымъ городкомъ, который съ своими травою покрытыми хижинами стлался подъ моими ногами, и обширнымъ моремъ, изъ котораго мѣстами поднимались черныя массы утесовъ.

«Уже здѣсь мы могли любоваться прекрасными сѣверными ночами (самый длинный день продолжается на Фероерскихъ островахъ 20 часовъ). Солнце очень поздно закатилось за горизонтъ и послѣ заката небо какъ будто было проникнуто какимъ-то кроткимъ свѣтомъ. Только все было тише, чѣмъ днемъ и ничего не было слышно, кромѣ меланхолическаго шума волнъ, которыя вкатывались на песчаный берегъ и потомъ снова удалялись, оставляя въ знакъ побѣды кайму морской пѣны или гирлянду изъ водорослей. Въ этихъ одинокихъ часахъ, которые проводишь на берегу моря, въ этомъ однообразномъ ропотѣ волнъ, въ этой необозримой водной поверхности, гдѣ мысль бѣжитъ съ волны на волну, есть особая прелесть, которую не выразишь ни на какомъ языкѣ, не передашь никакой мелодіей. Послѣ такой прогулки чувствуешь себя какъ-то легче, сильнѣе, какъ будто морской вѣтеръ, дующій по волнамъ, освѣжаетъ и душу, какъ будто видъ безконечнаго пространства расширяетъ нашъ разумъ.

«На всемъ Фероерскомъ архипелагѣ живописецъ вездѣ найдетъ множество самыхъ романтичныхъ видовъ. Архипелагъ состоитъ изъ 25 острововъ, изъ которыхъ 17 обитаемы. Плывя съ одного острова на другой, проходишь то сквозь каменную массу, образующую есте-

ственныя тріумфальныя ворота, то у подножія скалы, величественной какъ пирамида и заостренной какъ шпицъ башни. Здѣсь зіяетъ темная исполинская пещера, тамъ поднимается отвѣсная стѣна, еще далѣе вѣчно бьющее море подмыло черную скалу и грозно виситъ обнаженная ея вершина надъ морскими волнами.

«Фероерскіе острова были случайно открыты какимъ-то бурею сюда занесеннымъ Викингомъ и заселены норвежской колоніей при королѣ Гаральдѣ Прекрасноволосомъ. Правленіе сначала было олигархическое, потомъ острова покорились Норвегіи и въ концѣ XIV столѣтія присоединены были къ Даніи, которой принадлежатъ и теперь.

«На всемъ архипелагѣ находится 39 церквей и всего 7 священниковъ, которые часто вслѣдствіе бурной погоды по цѣлымъ недѣлямъ не видятся съ своими семьями. Эти духовные отцы всѣ Датчане и учились въ Копенгагенѣ. И здѣсь въ ихъ печальномъ одиночествѣ грызутъ ихъ воспоминанія объ иной жизни, объ иной странѣ.

«Внутренность островов, которая пространствомъ имѣетъ около 20 квад. миль, совершенно пустынна, и не болѣе $^1/_{60}$ почвы занята земледѣліемъ.

«Овцеводство составляетъ главнѣйшее богатство страны и многіе собственники имѣютъ стада въ 500—600 головъ. Бѣдныя животныя живутъ въ совершенномъ забросѣ, и зиму и лѣто блуждаютъ они по горамъ. Въ іюнѣ крестьянинъ отыскиваетъ свои стада посредствомъ собакъ, выдрессированыхъ для отыскиванія овецъ по пещерамъ и оврагамъ, узнаетъ своихъ овецъ по особымъ знакамъ и выщипываетъ шерсть руками. Лошади точно также предоставлены самимъ себѣ и употребляются на работу всего два раза въ годъ, весною для вывоза навоза, осенью для доставки запаса торфа. Однѣ коровы пользуются преимуществомъ ѣсть изъ ясель и спать въ сараѣ.

«Жилища вдоль береговъ вообще обширнѣе Торгавнскихъ домовъ, гдѣ живутъ почти исключительно бѣдные рыбаки. Первыя состоятъ изъ нѣсколькихъ мелкихъ строеній: собственно хижины, коровника, овина съ печкой изъ битой земли, въ которой какъ въ сѣверной Финляндіи заставляютъ искусственно вызрѣвать ячмень, подвергая его сухому жару въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, и наконецъ изъ нѣсколькихъ сараевъ, гдѣ вѣшаютъ для сушки цѣлыхъ барановъ. Мясо такимъ образомъ сохраняетъ всю свою питательность, очень

вкусно, чрезвычайно удобно для рыбака, который ѣстъ его сырьемъ и безъ соли.

«Жители Фероерскихъ островов очень кротки, честны, гостепріимны, флегматичны, почти лѣнивы, молчаливы и меланхоличны. Преступленія здѣсь очень рѣдки, смертоубійство дѣло неслыханное. Фероерцы очень суевѣрны и населяютъ острова невидимыми существами.

«Гульдефолькъ это большіе, невидимые стадамъ духи, живущіе въ горахъ и поѣдающіе траву луговъ. Случается, что Гульдефолькъ преслѣдуетъ красивыхъ дѣвицъ; въ этихъ случаяхъ не поможетъ молитва священника и тутъ остается только единственное средство поскорѣе выйдти за мужъ за хорошаго человѣка.

«Вальтары, это красивые карлики, живущіе вокругъ хижины между каменьями. Милыя существа не могутъ выносить никакого шума; брань пугаетъ ихъ, а кощунство обращаетъ ихъ въ бѣгство. Пока живутъ карлики въ согласіи съ хозяиномъ, до тѣхъ поръ они приносятъ ему счастіе; но если обидитъ ихъ крестьянинъ, то они становятся его непримиримыми врагами.

«Мара или Альпъ есть страшное чудовище; его прогоняютъ «знаменьемъ креста, или призываніемъ имени Іисуса Христа.

«Если души покойниковъ возвращаются къ тому мѣсту, гдѣ они жили, то они имѣютъ силу исполнить желаніе тѣхъ, кого они встрѣтятъ. Ихъ *нужно ожидать на перекресткѣ въ ночь подъ Рождество*, и нужно беречься, чтобъ не промолвить слова или не сдѣлать движенія, ибо тотчасъ же скроется мертвецъ и отъ него ничего уже не дождешься.

«Никары это водяные духи, которые подзываютъ молодыхъ женщинъ къ себѣ и увлекаютъ въ волны. Есть здѣсь и тюлени-женщины, на берегу они сбрасываютъ съ себя шкуру и тотчасъ же являются въ красивомъ женскомъ образѣ. Однажды по утру одинъ рыбакъ встрѣтилъ такую особу, влюбился въ нее, привелъ къ себѣ домой, заперъ въ ящикъ тюленью шкуру и женился на красавицѣ, которая принесла ему нѣсколько дѣтей. Но рыбакъ, выходя изъ дому, разъ забылъ взять съ собою ключъ; жена замѣтила это, и, какъ будто влекла ее непреоборимая сила, схватила шкуру, побѣжала къ берегу, исчезла въ волнахъ и уже не возвращалась болѣе.

«Фероерскіе острова окружены чрезвычайно безпокойнымъ моремъ, которое въ этомъ лабиринтѣ утесовъ производитъ ужасный прибой,

теченіе и волненіе; воздухъ точно также рѣдко бываетъ покоенъ. На восточномъ и западныхъ берегахъ приливы и отливы достигаютъ различныхъ высотъ, на западныхъ берегахъ, подверженныхъ атлантической приливной волнѣ, приливъ достигаетъ 42 футовъ высоты тогда какъ на восточныхъ берегахъ онъ не поднимается выше 18 футовъ.

«Нерѣдко на морѣ свирѣпствуютъ страшные вихри, которые движутъ громадными массами воды и загоняютъ рыбу, попавшуюся въ ихъ область на громадное разстояніе; такъ иногда большія стаи сельдей забрасываются иногда на самыя высокія горы Фероерскихъ острововъ.

«На сушѣ точно также нерѣдко свирѣпствуютъ бурные вѣтры, и чтобы не унесло страшнымъ вѣтромъ нужно лечь на землѣ ничкомъ. Иногда буря наступаетъ такъ быстро, что мгновенія за два до наступленія ея можно ходить повсюду съ зажженною свѣчей. Понятно, что въ странѣ, обвѣваемой такими холодными морскими вѣтрами, не можетъ рости деревьевъ, и только мѣстами встрѣчаются низкіе кусты можжевельника и тальника.

«Климатъ Фероерскихъ острововъ вполнѣ морской. При средней годичной температурѣ въ + 7° 31 Ц. лѣтомъ едва температура достигаетъ до нужныхъ для вызрѣванія ячменя + 12° 21 Ц., а зимою, не смотря на высокую широту, средняя температура равняется + 3° 61 Ц. Хотя туманы очень часто покрываютъ острова, и торфяныя болота занимаютъ большую часть почвы, но человѣкъ на этихъ вѣтромъ обвѣваемыхъ утесахъ очень здоровъ, и Фероерскіе острова принадлежатъ къ частямъ земнаго шара, гдѣ человѣкъ доживаетъ до глубочайшей старости.

«Что мѣшало доселѣ числу и благосостоянію жителей, такъ это вредная торговая монополія датскаго правительства, которая здѣсь, какъ и въ Исландіи, въ теченіи многихъ столѣтій какъ проклятіе тяготѣла на народѣ.

«Въ прежнія времена торговля была свободна. Купцы Ганзейскихъ городовъ каждое лѣто посѣщали Фероерскія гавани, брали у островитянъ ихъ продукты за настоящую цѣну и продавали имъ иноземныя произведенія за дешевую цѣну, что всегда бываетъ послѣдствіемъ конкуренціи. Каждый работалъ отъ души, ибо каждый получалъ справедливое вознагражденіе за трудъ, и прогрессъ оживлялъ народъ. Но тутъ въ одинъ прекрасный день король Фридрихъ II завладѣлъ всей

торговлей и сдалъ ее на откупъ одной Гамбурго-Любекской компаніи и съ тѣхъ поръ монополія какъ проклятіе тяготѣло надъ бѣднымъ народонаселеніемъ.

«Еще 20 лѣтъ тому назадъ на Фероерскихъ островахъ находился лишь одинъ магазинъ въ Торсгавнѣ, гдѣ крестьянинъ по таксѣ монополистовъ на ихъ дорогіе товары вымѣнивалъ свои дешевыя произведенія — шерстяные чулки, колпаки, фуфайки, сало, перья, гачачій пухъ и т. под. Поѣздки въ Торсгавнъ всегда были сопряжены съ затрудненіями и нерѣдко съ опасностями—наконецъ потонула лодка съ 12 человѣками. Это несчастіе произвело впечатлѣніе и съ тѣхъ поръ основаны магазины и въ другихъ пунктахъ.» Существуетъ ли еще теперь торговая монополія на Фероерскихъ островахъ,—мы не знаемъ. Вѣроятно и здѣсь, какъ въ Исландіи, допущена свободная торговля и лучшіе дни ожидаютъ въ будущемъ народъ. Проклятіе монополіи, и да здраствуетъ свободная торговля, просвѣщенная система справедливости!

ГЛАВА XXXIII.

ОТЪ ДРОНТГЕЙМА ДО НОРДКАПА.

Умѣренный климатъ сѣверозападной Скандинавіи. — Вліяніе Гульфштрима. — Характеръ Норвегіи — Правленіе. — Народное воспитаніе. — Романтическая поѣздка моремъ. — Дронтгеймъ — Aegge-väre, яичные острова. — Морской орелъ — Ловля сельдей у Альстена. — Семь сестеръ. — Солнце въ полночь. — Сѣверныя устрицы. — Рыболовство у Лофоденъ. — Ваагe. — Garn, рыболовная снасть. — Тромзое. — Альтенфіордъ.— Мѣдные рудники.— Гаммерфестъ. — Нордкапъ.

Если вообще страны, лежащія по ту сторону полярнаго круга, представляютъ печальную однообразную картину совершеннаго неплодородія, если мы въ областяхъ крайняго сѣвера почти вездѣ видимъ одни безлѣсныя пустыни, либо вовсе необитаемыя, или же бѣдное населеніе которыхъ стоитъ на низшей степени человѣческаго развитія, такъ что въ этихъ дикаряхъ едва узнаешь человѣка; то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы проведемъ нѣсколько времени на сѣверо-западномъ берегу Скандинавскаго полуострова, и

увидимъ, что въ этой благословенной странѣ образованность и свобода далеко заходятъ въ арктическій міръ.

Не смотря на свое весьма сѣверное положеніе, природа Норвегіи очень ей поблагопріятствовала, это оазисъ въ сравненіи съ страшными пустынями Сибири или обнаженными моховыми степями, по которымъ текутъ Мѣдная и Большая Рыбья рѣка.

Въ какой сѣверной землѣ, кромѣ Финнмарка, находимъ подъ 70° с. ш., что ель и береза ростутъ по склонамъ горъ до высоты 700—830 футовъ? Гдѣ, кромѣ внутренности Мелангерова фіорда подъ 69° можно найдти хлѣбныя поля?

Волны арктическаго моря омываютъ берега и острова этихъ странъ; напротивъ ихъ лежитъ берегъ восточной Гренландіи, вѣчно недосягаемой по своему ледяному поясу. Шпицбергенъ и Новая Земля ближе къ Тальвигу и Гаммерфесту, нежели Исландія и Оркады;— а тѣмъ не менѣе здѣшніе фіорды не замерзаютъ въ самую глубокую зиму, и во всякое время года гавани открыты для приходящихъ и отходящихъ кораблей.

Какимъ благодѣтельнымъ условіямъ обязаны норвежскіе берега своимъ умѣреннымъ климатомъ, которымъ отличаются отъ всѣхъ странъ одинаковой широты? По какой причинѣ зима на Нордкапѣ (средняя температура — 4° 63) далеко не такъ сурова, какъ въ Квебекѣ (сред. темп.—7° 9), лежащемъ почти на 25° южнѣе, по какой причинѣ именно здѣсь полярные холода теряютъ свою всеуничтожающую силу?

Высокимъ горнымъ цѣпямъ, отдѣляющимъ узкую береговую полосу отъ восточныхъ склоновъ Швеціи и Финляндіи, и защищающимъ ее отъ вѣтровъ сибирскихъ степей, тогда какъ эти горы не мѣшаютъ притоку теплыхъ юго-западныхъ вѣтровъ черезъ обширный Атлантическій океанъ; высокимъ горнымъ цѣпямъ во всякомъ случаѣ должно отчасти приписать климатическое превосходство Норвегіи. Но главную причину его мы должны искать въ самомъ лонѣ океана.

Величественно, какъ ни одна рѣка земнаго шара, изъ Мексиканскаго залива вытекаетъ Гульфштримъ въ Атлантическій океанъ. Теплыя воды Гульфштрима проходятъ по океану съ запада къ востоку, и хотя въ срединѣ своего пути часть этого теченія загибается къ югу, но большая масса идетъ къ сѣверу, проходитъ черезъ широкія ворота между Исландіею и Британскими островами и наконецъ до-

стигаетъ сѣверныхъ береговъ Финмарка. Хотя во время своего пути волны Гульфштрима теряютъ бо́льшую часть своей первоначальной высокой температуры, но вліяніе ихъ все же ощутительно у береговъ Норвегіи и не только заносятъ они сюда кокосовые орѣхи и калебасы, но и приносятъ умѣренный климатъ и теплоту.

Такимъ образомъ въ Мексиканскомъ заливѣ находится источникъ теплоты, умѣряющій зимній холодъ сѣверной Скандинавіи; такимъ образомъ морское теченіе позволяетъ Норманнамъ наслаждаться плодами тропическаго солнца!

Гульфштримъ всего сильнѣе течетъ среди лѣта между Кубою и Флоридою, когда вертикальные лучи солнца всею силою прожигаютъ Мексиканскій заливъ. Это теченіе менѣе сильно, когда источникъ свѣта и теплоты стоитъ на противуположномъ поворотномъ кругѣ.

Но волны, вытекающія въ изобиліи изъ нѣдръ Антильскаго моря среди лѣта сѣвернаго полушарія, достигаютъ гиперборейскихъ береговъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и именно въ то время года, когда нужна сила, умѣряющая холода. И въ этомъ мы видимъ, какъ природа связываетъ свои цѣли со средствами.

Хотя норвежская почва большею частію скалиста и неплодна, но житель сѣверныхъ провинцій, не пользующійся хлѣбными полями, получаетъ обильную пищу отъ рыболовства и на продукты своихъ лѣсовъ и рудниковъ покупаетъ произведенія, которыхъ не даетъ его родина.

Норвежцы бѣдны и должны съ трудомъ и опасностію выпрашивать даровъ природы; но довольствуются они малымъ, и простота ихъ нравовъ дѣлаетъ недостатокъ богатства неощутительнымъ, и смотрятъ Норвежцы въ сознаніи своей независимости съ чувствомъ гордаго самодовольства на горы своей романтической родины.

Норвежскій крестьянинъ, владѣтельный принцъ на своемъ тощемъ участкѣ земли и обладаетъ онъ добродѣтелями владѣтельнаго принца — открытымъ, честнымъ характеромъ, дружелюбіемъ и гостепріимствомъ. Религіозное чувство его глубоко и искренно; не побоится онъ въ своемъ челнокѣ плыть 8—10 часовъ до церкви, и не найдешь здѣсь жилища, гдѣ бы не нашлось библіи. Хотя упрекаютъ Норвежца за вялый, флегматическій темпераментъ, но умѣетъ онъ сильно и долго трудиться, когда это нужно, и не ляжетъ отдохнуть, пока не кончитъ своей работы. О его мужествѣ, любви къ отечеству и свободѣ свидѣтельствуетъ его тысячелѣтняя исторія.

Нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ Норвегія бо́льшею частію обязана своей новой конституціи 1814 года. Книгопечатаніе совершенно свободно и власть короля очень ограничена. Всѣ привилегіи и наслѣдственные титулы уничтожены. черезъ каждые 3 года собирается парламентъ или *стортингъ*, который состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней *адельтингъ* и законодательной *логтингъ*. Законы утверждаются королемъ. Но если стортингъ въ три различныя засѣданія принялъ новый законъ, то, не смотря на несогласіе короля, онъ дѣйствуетъ во всей силѣ.

Въ 1814 году на Норвегіи тяготѣли огромные долги, въ настоящее время половина ихъ уже уплачена и въ то же время прямые налоги значительно уменьшены. Армія состоитъ изъ 12000 человѣкъ, въ томъ числѣ 10000 милиціи. И такъ численностію военная сила очень слаба, но если бы что угрожало независимости или свободѣ Норвегіи, то вдесятеро сильнѣйшее войско поднялось бы на защиту родины; ибо въ мирной Норвегіи еще живъ древній духъ, который сдѣлалъ морскихъ королей страшными для Франціи и Италіи, и нуженъ лишь внѣшній толчекъ, чтобы пробудился геройскій духъ древности.

Публичное воспитаніе въ Норвегіи можно назвать образцовымъ. Въ каждой деревнѣ есть элементарная школа и тамъ гдѣ населеніе слишкомъ рѣдко, учитель переходитъ изъ *гаарда* въ *гаардъ*, чтобы не лишить даже одинокихъ дѣтей благодѣяній воспитанія.

Въ каждомъ городѣ существуетъ публичная библіотека, и въ прекрасномъ Гульфбрандсдалѣ (странѣ, отличающейся необыкновенно здоровымъ климатомъ) каждый крестьянинъ ежегодно взноситъ свой талеръ на увеличеніе библіотеки, которая находится подъ надзоромъ священника и книги выдаются всѣмъ членамъ общины. Ни одинъ Норвежецъ не можетъ быть конфирмованъ если не умѣетъ читать, а безъ конфирмаціи нельзя вступить въ бракъ. Если кто до 20 лѣтняго возраста не конфирмованъ, тому угрожаетъ смирительный домъ. Такимъ образомъ въ бѣдной Норвегіи невѣжество наказывается какъ порокъ. Вотъ урокъ для Франціи или Англіи.

Число жителей Норвегіи доходитъ до 1350000 душъ, но народонаселеніе распространено весьма неравномѣрно. Такъ, напримѣръ, въ Аперумскомъ округѣ на 1408 квад. миль жителей болѣе 513000, или 365 на одну квад. милю, въ Нордландѣ всего 59000 приходится

на 653 квад. мили; а въ Риннмаркѣ не болѣе 38000 человѣкъ на 1197 квад. миль, слѣдовательно едва 32 души на одну квад. милю.

Однакоже такое рѣдкое населеніе этихъ крайне сѣверныхъ береговыхъ провинцій все же громадно въ сравненіи съ населеніемъ Сибири или Гундзонбайскихъ странъ, понятно, что это обстоятельство обусловливается болѣе умѣреннымъ климатомъ и вѣчно открытымъ моремъ норвежскихъ береговъ.

Рѣдко вниманіе читателя обращено на отдаленную Норвегію: для многихъ эта страна совершенно неизвѣстна. Но хотя Норвегія стоитъ далеко отъ обыкновеннаго пути туристовъ, и хотя она почти вообще не играетъ никакой роли въ политикѣ, но все-таки она представляетъ много интереснаго, и потому охотно послѣдуемъ за Леопольдомъ фонъ-Бухомъ и другими новѣйшими путешественниками по водному пути изъ Дронтгейма въ Гаммерфестъ и Нордкапъ.

Только водою можно проѣхать отъ одного изъ этихъ городовъ до другаго, ибо въ землю повсюду врѣзываются глубокіе фіорды, которые доходятъ до самыхъ горъ, и крутые берега которыхъ совершенно непроходимы. Въ прежнія времена это путешествіе и водянымъ путемъ сопряжено было съ большими трудностями и издержками. Даже въ лучшее время года требовалось по крайней мѣрѣ цѣлаго мѣсяца, чтобы проплыть отъ Дронтгейма до Гаммерфеста въ бѣдномъ рыбачьемъ челнокѣ, единственномъ суднѣ, употреблявшемъ здѣсь для перевозки пассажировъ; понятно, что въ бурную погоду при такихъ средствахъ нечего было и думать о продолженіи пути.

Въ настоящее время и здѣсь неблагопріятныя условія путешествія побѣждаются силою паровъ. Еженедѣльно изъ Дронтгеймской гавани отходитъ пароходъ, который въ 5 или 6 дней доставляетъ путешественниковъ до ихъ сѣверной цѣли. Сотни; даже тысячи большихъ и малыхъ островов почти непрерывнымъ рядомъ тянутся вдоль утесистаго берега Норвегіи, и по проливамъ между этими островами и твердой землей проходятъ пароходы. Въ иныхъ мѣстахъ эти проливы не шире рѣчнаго русла; въ другихъ они расширяются въ цѣлыя моря. Постоянно измѣняющіеся виды островов, фіордовъ, горъ представляютъ изумительное разнообразіе романтической природы. Одна величественная колоссальная картина смѣняетъ другую; къ сожалѣнію эти картины не оживляются человѣкомъ, а дикая ненаселенная природа производитъ наконецъ тягостное впечатлѣніе на душу. Только изрѣдка рыбачья лодка покачивается на волнахъ

или на берегу покажется маленькая деревянная хижина (*гаардъ*). Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ видъ природы грустнѣе, какъ-то серьознѣе. Растительность уменьшается, человѣкъ встрѣчается все рѣже и рѣже, и чувствуется будто подходишь къ границѣ всего живаго, за которой царитъ вѣчная смерть.

За исключеніемъ Архангельска, Дронтгеймъ есть самый сѣверный городъ земнаго шара, имѣющій 13000 душъ населенія. Хотя Дронтгеймъ есть колыбель древней сѣверной исторіи и былъ столицею многихъ древнихъ королей, но имѣетъ видъ, какъ будто этотъ городъ выстроенъ только вчера, ибо часто повторяющіеся пожары пожираютъ деревянные дома. Только одинъ древній соборъ, построенный въ XI столѣтіи, и куда сходилось населеніе всего Скандинавскаго царства на богомолье къ могилѣ Св. Олафа, одинъ этотъ соборъ стоитъ еще свидѣтелемъ древности.

Современный Дронтгеймъ вообще очень красиво построенъ, и пестрая окраска домовъ составляетъ пріятную противоположность съ суровымъ характеромъ сѣвера. Самая внѣшность города выказываетъ благосостояніе жителей, которые имъ обязаны отчасти обширной торговлѣ, преимущественно рыбою, а отчасти мѣднымъ рудникомъ, находящимся въ Рораасѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ окрестностяхъ Дронтгейма повсюду видишь высокія трубы мѣдныхъ, чугуноплавильныхъ, плющильныхъ и проволочныхъ заводовъ, что доказываетъ, что и здѣсь современный духъ пріобрѣтенія работаетъ весьма дѣятельно.

Передъ городомъ, на небольшомъ островѣ стоитъ древній укрѣпленный замокъ Мункгольмъ, гдѣ въ прежнія времена содержались государственные преступники. Здѣсь между прочими содержался въ темницѣ въ продолженіи 18 лѣтъ (1680—1698) Грейффенфельдъ, достигшій изъ низкаго состоянія званія министра. Подобно кардиналу Вольсею въ Англіи, несчастіе привело его къ вѣрѣ. И въ часы одиночества онъ занимался переводами псалмовъ и выцарапываніемъ на стѣнѣ нравственныхъ сентенцій. Еще доселѣ существуетъ загороженное желѣзной рѣшеткой окно, изъ котораго такъ часто Грейффенфельдъ смотрѣлъ на фіордъ и окрестныя горы. Какъ часто завидовалъ онъ свободнымъ чайкамъ и голубямъ!

Отъ Гильдрингена, гдѣ еще хорошо родится картофель, и гдѣ каждыя пять или шесть лѣтъ вызрѣваетъ ячмень, — отъ Гильдрингена

начинается провинція Нордландъ, простирающаяся отъ 65° до 69° 30 с. ш.

Безчисленные, большею частію необитаемые островки, лежащіе вдоль береговъ, называются *гольмами*, если они высоки и утесисты, и *верами*, если они низки и едва поднимаются надъ поверхностію моря. Веры посѣщаются громадными стаями птицъ въ эпоху кладки яйцъ, которыя доставляютъ жителямъ, какъ твердой земли, такъ и близлежащихъ островов обильную пищу. Такой Aeggevar (яичный островъ) считается собственностію, и пользованіе имъ передается въ наслѣдство потомкамъ, какъ пользованіе лугами, пахатной землей и стадами.

«Если приходитъ владѣлецъ», говоритъ Леопольдъ фонъ Бухъ, «то птица остается покойною, ибо изъ опыта знаетъ она, что отнимутъ у нея одинъ излишекъ и въ гнѣздѣ всегда останется хотя одно яйцо. Но нерѣдко заходятъ сюда и чужіе и воруютъ всѣ яйца. Тогда стая въ нѣсколько тысячъ птицъ вдругъ поднимается вверхъ и своими криками наполняютъ воздухъ. Въ отчаяніи птицы снова падаютъ на гнѣзда и долго не могутъ успокоиться. Если такія похищенія случаются часто, то птицы падаютъ духомъ, оставляютъ неблагодарныхъ владѣльцевъ и переселяются на новый веръ. На верахъ преимущественно гнѣздятся чайки (Maasfugl, maage), яйца ихъ велики и довольно вкусны».

Высокіе утесы Ловуннъ составляютъ главное сборное мѣсто топориковъ (Alca arctica), которыхъ преслѣдуютъ для добыванія дорогихъ перьевъ. Эта глупая птица ловится очень легкимъ способомъ. Собака загоняетъ топориковъ въ узкую трещину скалы, гдѣ они притаиваются. Въ хвостъ первой птицы, вытащенной собакой, вцѣпляется клювомъ слѣдующій топорикъ и такъ далѣе, и такимъ образомъ вытаскивается все семейство.

На этихъ скалистыхъ берегахъ живетъ и морской орелъ, котораго боятся во всемъ Нордландѣ, ибо не довольствуется онъ ягнятами и другими мелкими животными, но нападаетъ даже на быковъ и нерѣдко остается побѣдителемъ. Способъ нападенія такъ страненъ, что Бухъ усомнился бы въ его вѣрности, если бы ему не передавали его въ различныхъ мѣстностяхъ весьма обстоятельно, подробно и почти тождественнымъ образомъ. Орелъ съ силою бросается въ волны, послѣ чего весь мокрый выходитъ изъ воды и валяется въ береговомъ пескѣ до тѣхъ поръ, пока крылья совершенно не покро-

ются слоемъ гнейса или песка. Потомъ снова поднимается въ воздухъ и паритъ надъ несчастною жертвою. Подлетѣвъ къ быку, орелъ съ крыльевъ стряхаетъ песокъ ему въ глаза и окончательно пугаетъ животное сильными ударами крыльевъ. Ослѣпленный быкъ, какъ безумный, бросается въ разныя стороны и наконецъ падаетъ отъ усталости или убивается свалившись съ утеса. Тогда орелъ совершенно покойно терзаетъ свою добычу.

Морскіе берега отъ Альстена до Родое, лежащіе подъ самымъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, особенно богаты сельдями, ибо здѣшнія сельди составляютъ почти половину всего количества этой рыбы, вывозимой изъ Бергена. Нѣсколько тысячъ рукъ заняты здѣсь ловлею сельдей съ августа мѣсяца до конца года.

До нынѣшняго времени эта важная отрасль промышленности много зависѣла отъ случайностей. Рыбакъ долженъ былъ достичь отдаленныхъ заливовъ, чтобы узнать о приближеніи банокъ сельдей и иногда случалось приходить на мѣсто, когда рыба уже ушла. Но теперь жители морскаго берега для болѣе удачной ловли сельдей воспользовались изобрѣтеніемъ электрическаго телеграфа. Именно въ настоящую минуту въ Англіи приготовляется телеграфная проволока, которая вдоль всего Скандинавскаго берега, отъ одного фіорда до другаго, будетъ сообщать свѣдѣнія о ходѣ сельдей всему народонаселенію. Бѣдная селедка, кто бы подумалъ, когда Франклинъ подвергалъ впервые опытамъ таинственную силу электричества, что именно эту силу употребятъ на твою погибель.

Альстенскіе острова замѣчательны также своими *Семью Сестрами*, семью горными вершинами, далеко заходящими за снѣжную линію и черными скалами почти вертикально погружающимися въ море. Эти горы, самыя высокія во всей окружности, конечно выше 4000 футовъ. Онѣ необыкновенно величественны, особенно, когда полуночное солнце золотитъ ихъ вершины, а подножіе скрывается въ таинственномъ мракѣ. По крутымъ долинамъ кустарникъ ростетъ до значительной высоты, потомъ идутъ совершенно обнаженныя скалы, а на верху лежитъ твердый, неподвижный, блестящій на солнцѣ снѣгъ.

Тутъ путешественникъ приближается къ области, гдѣ у мыса Кюннена и въ Бейренфіордскихъ лѣсахъ ель достигаетъ своей крайней сѣверной границы, и гдѣ лѣтомъ солнце уже не закатывается за горизонтъ.

Англійскій путешественникъ Гуртонъ (Voyage from Leith to Lapland in 1850) очень увлекательно описываетъ глубокое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ явленіемъ, когда онъ увидалъ его впервые. «Уже болѣе недѣли мы находились по ту сторону полярнаго круга и не видѣли дневнаго свѣтила на сѣверномъ горизонтѣ. Только 29 іюня въ ночь съ субботы на воскресенье исполнились мои желанія. Полуночное солнце показалось во всемъ блескѣ непокрытое тучами, и я съ нелицемѣрнымъ чувствомъ, могу даже сказать съ чувствомъ религіознымъ, встрѣтилъ съ непокрытою головою его лучи. Невозможно видѣть солнца въ болѣе романтической, сильнѣе за душу хватающей обстановкѣ. Наше маленькое судно одно одинешенько лавировало по водамъ между двумя рядами утесистыхъ, снѣгомъ покрытыхъ островов, отстоящими другъ отъ друга не болѣе какъ въ одной англійской милѣ. Изъ-за довольно низкой части сѣвернаго ряда островов, показались лучи ночнаго солнца, которое даже нѣсколько согрѣло воздухъ, хотя вѣтеръ былъ такъ рѣзокъ и холоденъ, что каждая капля воды, падающая на палубу, мгновенно замерзала, и что весь экипажъ былъ одѣтъ въ зимнее платье до самыхъ глазъ. Я завернулся въ свою старую шинель, и, быстро ходя взадъ и впередъ, прочелъ балладу Колериджа «Ancient Mariner» и нѣкоторыя стихотворенія Бориса. Видъ солнца привелъ меня въ восторгъ, который удивилъ капитана Геггелюнда и его толстоголовый экипажъ.

«Часто послѣ этого я смотрѣлъ на полуночное солнце, но всего болѣе любилъ я припоминать первое впечатлѣніе имъ произведенное. Это была чудная, величественная ночь, и въ это тихое воскресное утро я душой приблизился къ Богу болѣе, нежели молясь въ теченіи цѣлаго года въ самомъ великолѣпномъ храмѣ, когда-либо воздвигнутомъ руками человѣка во славу своего Создателя.»

На крайнемъ концѣ Нордланда между 68° и 69° с. ш. лежатъ Лоффодены, острова, отдѣленные отъ твердой земли Вестфіордомъ. Этотъ широкій морской рукавъ замѣчателенъ, какъ своими сильными теченіями (мальштримъ и сальтенштримъ), такъ и тѣмъ, что эта самая крайняя сѣверная точка, до которой доходитъ устрица.

Эти острова получаютъ наибольшую важность не только для Норланда, но даже для всей Норвегіи, когда рыбаки собираются сюда для рыболовства. «Если счесть всѣ лодки», говоритъ Бухъ, «ежегодно собирающіяся къ Ваагѣ (на Вестфіордѣ), то число ихъ ближе къ 4000

нежели къ 3000. Въ каждой лодкѣ сидитъ отъ 4 до 5 человѣкъ; слѣдовательно во всѣхъ лодкахъ находится болѣе 18000 рыбаковъ, конечно болѣе половины всѣхъ взрослыхъ мущинъ, живущихъ по Нордланду на протяженіи 100 географическихъ миль. Къ этому должно прибавить еще болѣе 300 яхтъ изъ Бергена, Христіанзунда и Мольде, на каждой яхтѣ находится 7—8 человѣкъ. Едва ли въ Ньюфундлендской бухтѣ во время рыболовства заразъ собирается болѣе людей, нежели сколько въ февралѣ и мартѣ собирается ихъ въ небольшомъ округѣ Ваагѣ.

«Каждая лодка въ короткое время рыболовства круглымъ числомъ налавливаетъ около 3000 рыбъ; конечно многіе налавливаютъ меньшее количество, за то многіе ловятъ до 7000, даже до 10000 рыбъ. Если прибавить къ этому количество, которое ловится яхтами и другими большими судами, то получимъ сумму болѣе 16 милліоновъ трески, ежегодно убиваемой на этихъ островахъ, что составляетъ до 600000 воговъ (по 36 фунтовъ) или продуктъ 6 тоннъ золота, ибо круглымъ числомъ вогъ трески стоитъ въ Бергенѣ не менѣе талера. Конечно это одна изъ самыхъ достопримѣчательныхъ точекъ земнаго шара, гдѣ получаются такіе результаты. При этомъ должно замѣтить, что масса рыбы никогда не уменьшала количества рыбаковъ. Это рыболовство притомъ доступно для каждаго приходящаго и все-таки неслышно жалобъ, что богатые уменьшаютъ добычу бѣдныхъ, или, что Норландцы принуждены были бы подѣлиться своею добычею съ приходящими сюда рыбаками съ юга. Тогда какъ всѣ другія мѣстности сѣвера становятся менѣе богатые рыбою. Лоффодены же въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія стоятъ все на той же высотѣ, и не было примѣра, чтобы здѣсь когда-либо ощущался недостатокъ въ рыбѣ. Еще во времена Гаральда Прекрасноволосаго Вааге отличался обиліемъ рыбы и многіе богачи поселились въ этой сѣверной странѣ для рыболовства. Позднѣе въ царствованіе Олафа Святаго (1020) Вааге служилъ пунктомъ соединенія жителямъ Норланда, и сюда ежегодно съѣзжались всѣ сильные этой страны съ своею прислугою.

«Миролюбивый и добродѣтельный король Эйстейнъ, братъ Сигурда Крестоносца, построившій на Дофрефильдѣ 4 еще доселѣ существующіе дома, для пристанища путешественникамъ, повелѣлъ также въ 1120 году построить здѣсь церковь во имя Олафа, и вокругъ нея множество рыбачьихъ хижинъ, чтобы бѣдные люди собирались сюда и могли добывать себѣ средства къ жизни. Этимъ дѣломъ король

Эйстейнъ самъ хвалится передъ своимъ братомъ и самъ ставитъ это дѣло выше всѣхъ блестящихъ подвиговъ Сигурда въ Греціи и во главѣ Константинопольскаго войска, «ибо эти люди», прибавляетъ онъ, «въ самыя отдаленныя времена припомнятъ, что жилъ въ Норвегіи король Эйстейнъ.» (Геймскрингла 3. 248).

Что же такъ привлекаетъ рыбу къ этимъ островамъ? Причина этого явленія состоитъ въ томъ, что Лоффоденскіе острова какъ бы окружаютъ море, которое соединяется съ океаномъ только посредствомъ узкихъ каналовъ, находящихся между островами, и здѣсь рыба находитъ необходимыя ей во время нереста спокойствіе и защиту отъ бурь. Рыба приходитъ сюда съ сѣвера черезъ Растзундъ, между Гиндое и Остъ-Вааге, менѣе черезъ Гримштремъ между Остъ-и Вестъ-Вааге. Потомъ рыба сходится къ тремъ или четыремъ банкамъ и здѣсь собравшись милліонами ожидаетъ рыбаковъ. Рыба держится здѣсь только во время нереста, и потомъ тотчасъ же снова удаляется въ море, или по слѣдамъ сельдей, или въ неизвѣстный міръ въ глуби океана. Поэтому все рыболовство продолжается только нѣсколько недѣль. Хотя нельзя точно опредѣлить дня прихода рыбы, но это никогда не бываетъ ранѣе первой половины генваря и рѣдко случается позднѣе конца февраля.

Съ апрѣлемъ все кончается. Рыбу ловятъ сѣтями (garne и leine) и удочками. Важнѣе всего рыболовство *гарномъ*. Гарнъ есть сѣть саженъ въ 20 длиной и не болѣе 7—8 футовъ вышиной; петли не болѣе какъ въ нѣсколько дюймовъ. На нижнемъ краю этой сѣти прикрѣплено множество камней посредствомъ бичевокъ, эти грузила опредѣляютъ положеніе сѣти. На верхнемъ краю гарна такими же бичевками прикрѣпляются куски легкаго дерева; вслѣдствіе этихъ поплавковъ и грузилъ, гарнъ принимаетъ вертикальное положеніе и стоитъ въ водѣ какъ стѣна. Весь успѣхъ ловли разсчитанъ на горячности трески; со всего розмаха рыба вскакиваетъ въ петли сѣти, но толстое тѣло не можетъ слѣдовать за головой, рыба бросается назадъ, но длинные узкіе грудные плавники расправляются какъ стальныя пружины и рыба такимъ образомъ захватывается въ петли.

Рыбакъ обыкновенно разстанавливаетъ свой гарнъ вечеромъ и вытаскиваетъ его поутру на зарѣ. Сѣть часто бываетъ совершенно наполнена и лодка съ одной тони наполняется до половины. Если бы гарнъ имѣлъ бо́льшую ширину, то онъ бы не выдержалъ тяжести рыбы. Но и при обыкновенной ширинѣ нужна осторожность. Треска

въ водѣ теряетъ большую часть своего вѣса, но вытащенная на воздухъ, она всею своею тяжестію виситъ на петлѣ, и разорвала бы ее, если бы другой рыбакъ, по мѣрѣ того какъ на поверхность выходятъ рыбы, не вонзалъ имъ въ животъ желѣзнаго крюка и посредствомъ него не бросалъ рыбу въ лодку. Днемъ такая ловля невозможна, ибо, хотя сѣти стоятъ на глубинѣ 60—80 саженъ, но все-таки рыба замѣчаетъ сѣть и избѣгаетъ ее. Клаузъ Нильсъ Слиннингенъ, Богундскій и Сендлирскій купецъ первый ввелъ гарнъ въ 1685 году и тѣмъ удвоилъ количество пойманной рыбы. Но какъ почти при всѣхъ полезныхъ нововведеніяхъ, такъ и здѣсь консерваторы и протекціонисты подняли въ Норвегіи страшный крикъ противъ употребленія гарна. Въ 1762 году было запрещено употреблять эти сѣти въ Дронтгеймѣ, ибо отъ нихъ будто бы страдаютъ бѣдные рыбаки, не имѣющіе средствъ пріобрѣсти дорогой гарнъ.

«Какая особенная и постоянная нѣжность къ бѣдному люду», говоритъ при этомъ случаѣ Бухъ и мы рекомендуемъ его слова всѣмъ друзьямъ китайскаго застоя, «какая трогательная заботливость, совершенно задерживающая и умерщвляющая всякій прогрессъ и промышленность, и сводящая дѣятельнаго человѣка до значенія машины, или ученаго животнаго, которое постоянно одинаковымъ образомъ исполняетъ свои работы и не думаетъ ни объ улучшеніяхъ, ни о прогрессѣ. Бѣднякъ, не имѣющій средствъ пріобрѣсти только богатымъ доступныя снасти, пусть соединится съ другими бѣдняками. Пусть они сообща купятъ гарнъ и потомъ раздѣлятъ добычу. А желаніе наконецъ пріобрѣсти гарнъ самому побудитъ бѣдняка къ труду и бережливости, и ясно станетъ, что трудомъ можно достигнуть благосостоянія. Если же не найдется средствъ работать общими силами, пусть бѣдняки послужатъ богатымъ, пусть походятъ на помочахъ пока сами ходить не могутъ. Не потеряютъ они при этомъ свободы, ибо свободенъ только тотъ, кто имѣетъ возможность получить все для него необходимое; напротивъ не свободенъ тотъ, чья вегетативная жизнь идетъ лишь съ вечера до утра и съ утра до вечера, и лучше пользоваться свободой при нѣкоторой зависимости, чѣмъ при полной независимости вовсе не пользоваться ею.»

Если рыбаки имѣли бы возможность тотчасъ же добычу своей ловли отвозить на родину или вымѣнивать на мѣстѣ, то Лоффоденское рыболовство выиграло бы чрезвычайно много. Но только незначительная часть добычи продается на мѣстѣ Дронтгеймскимъ куп-

цамъ: большинство же рыбы свозится на землю, гдѣ на особыхъ подмосткахъ на 2 или 3 мѣсяца вывѣшивается на воздухъ, и потомъ нужно совершить новое путешествіе, чтобы взять высушенную рыбу. Такимъ образомъ теряется много времени, и кромѣ того рыбаку нужно оставить часть своей добычи въ пользу землевладѣльца, потому что земля не составляетъ общаго достоянія какъ море.

До перваго іюня запрещено брать рыбу, ибо если она не совершенно высушена, то не только загниваетъ сама, но и гноитъ всю кучу, въ которой находится, а съ нею вмѣстѣ портится и весь складъ. Поэтому *круглую рыбу* или треску позволено лишь заготовлять до 14 апрѣля, послѣ же этого времени можно лишь заготовлять лишь *пластанную рыбу* — вахню.

Въ мартѣ воздухъ сухъ, и мало принимаетъ въ себя влажности, поэтому не такъ часты здѣсь дожди, какъ на Бергенскихъ берегахъ. Слѣдовательно круглая рыба имѣетъ достаточно времени, чтобы просушиться насквозь, но этого уже не будетъ въ маѣ съ наступленіемъ дождей. Тогда для большаго соприкосновенія съ воздухомъ, необходимо пластать рыбу. Иногда и послѣ счастливой ловли неблагопріятная погода уничтожаетъ весь доходъ рыбака. Снѣга закрываютъ подмости, рыба не можетъ высохнуть, портится и гніетъ. И несчастному рыбаку за его труды приходится возвращаться домой съ одними долгами.

Повсюду занятія рыбака затруднительны, невѣрны и опасны, но конечно нигдѣ не соединены они съ такими затрудненіями и опасностями какъ на Нордландскихъ берегахъ. Дай Богъ, чтобы снова какой-нибудь Эйстейнъ обратилъ свое вниманіе на Лоффодены и подумалъ о здѣшнемъ трудолюбивомъ человѣкѣ. Жизнь такихъ людей требуетъ заботы. Рыбаки не только во время рыболовства подвергаются каждую минуту опасности на вѣчно безпокойномъ морѣ; но и на землѣ едва находятъ они себѣ защиту отъ холода, полярной зимы и бурь.

Крестьяне впускаютъ въ свои дома только немногихъ рыбаковъ, да и пространство самаго жилища не допускаетъ большаго числа ихъ. Для этого на самомъ берегу строятся легкія зданія *(Boder)*, мало защищающія отъ стужи и вѣтра, и здѣсь живутъ рыбаки въ тѣснотѣ и послѣ опаснаго плаванія по морю, негдѣ имъ ни успокоиться, ни просушиться, ни согрѣться. Ни всякая нордландская натура способна вынести такія постоянныя неудобства. Прошедшей зимой появилась болѣзнь, ее занесли рыбаки на родину и она распро-

странилась по всему берегу. Эта повальная лихорадка уже часто опустошала Нордландъ, и часто рыбныя ловли не посѣщаются одними и тѣми же рыбаками.

«Аравитянинъ и Персіянинъ строитъ каравансераи для людей странствующихъ по пустынѣ; Альпіецъ устраиваетъ гостинницы на высотахъ горныхъ проходовъ; Норманъ возводитъ горныя убѣжища на Дофрефильдѣ и Филлефильдѣ, зачѣмъ же не строитъ онъ домовъ для лишенной крова Лоффоденской толпы? Близь Родое стоитъ большой прекрасный лазаретъ для Нордландскихъ больныхъ; не также ли благородно и прекрасно было бы возвести въ Лоффоденахъ дома для рыбаковъ, дома, которые бы сохранили много мѣстъ и въ лазаретахъ и на кладбищахъ».

Такъ писалъ въ 1810 году великодушный Бухъ и доселѣ жребій рыбака нисколько не улучшился. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія смотрѣлъ Мармье 30 лѣтъ спустя на бѣдныя хижины, гдѣ эти несчастные вдали отъ своихъ семействъ проводятъ три суровыхъ зимнихъ мѣсяца.

Грязь, никогда не просыхающая одежда, дурная пища производятъ между ними тяжелыя, почти всегда неизлѣчимыя болѣзни — сыпь, чесотку, цингу. Петръ Дассъ, священникъ въ Альтагуге (1647 — 1708), патетически изобразилъ лишенія и нужду бѣдныхъ рыбаковъ. На верху большаго бѣлаго паруса Нордландской яхты видны двѣ маленькія черныя полоски, говорятъ, что это траурный знакъ, которымъ благодарный рыбакъ чтитъ память ему сочувствовавшаго поэта. Прекрасно бы сдѣлалъ всемогущій Норвежскій стортингъ, если бы вспомнилъ добраго короля Эйстейна и жалобы честнаго пастора, и постарался улучшить участь рыбаковъ.

Въ проливѣ между Гуалео и твердой землей подъ 69° 75 с. ш. лежитъ небольшой островъ Тромзое, гдѣ лѣтъ 50 тому назадъ находилось лишь нѣсколько несчастныхъ рыбачьихъ хижинъ, а теперь стоитъ красивый городокъ въ 2800 жителей, который ведетъ оживленную торговлю преимущественно съ Россіей. Главные предметы вывоза: треска, рыбій жиръ и шкуры и рога сѣверныхъ оленей. Въ Тромзое иногда заходятъ и англійскіе корабли, т. е. если удастся имъ найдти эту гавань. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одно Ливерпульское судно, вмѣсто Тромзое, зашло въ Тромое, и не мало удивило владѣтеля тамошней маленькой рыболовной станціи извѣстіемъ, что его долго искали и наконецъ доставили ему грузъ угля

въ нѣсколько сотъ тоннъ. Съ трудомъ убѣдился капитанъ въ своей ошибкѣ, и наконецъ послѣ сильной брани противъ всего, что находится по ту сторону арктическаго круга, онъ поднялъ якорь и отправился на новые поиски.

Въ Тромзое есть латинская школа, и тамошніе политики почерпаютъ политическія новости въ Tromsö Tidende et Blad for Nordland og Finmarken. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта газета была самою сѣверною въ мірѣ, но теперь можетъ быть и въ Гаммерфестѣ также есть своя газета. Тромзойцы проводятъ свои длинные зимніе вечера за музыкальными вечерами и thés dansants, лѣтомъ они наслаждаются красотами природы своей романтической мѣстности. Окружающія городъ, горы и море и самъ островъ лишь только исчезнетъ снѣжный покровъ украшаются растительностію. На лугахъ красуются цвѣты, а по склонамъ горъ ростутъ различные кустарники, покрытые блестящими ягодами. Въ Тромзое еще воздѣлываютъ ячмень, но онъ не вызрѣваетъ болѣе раза въ 4—5 лѣтъ. Въ самый холодный зимній мѣсяцъ термометръ здѣсь рѣдко спадаетъ ниже—10° Р.

Еще сѣвернѣе чѣмъ Тромзое лежитъ широкій и глубокій Альтенфіордъ, оба берега котораго усѣяны жилищами. Здѣшняя растительность приводитъ въ изумленіе естествоиспытателя. Здѣсь еще ростетъ обыкновенная береза до 1454 футовъ надъ уровнемъ моря, черника (Vaccinium myrtillus) по горамъ поднимается до высоты 2030 футовъ, Salix mirsenites поднимается еще на 100 футовъ выше, березовый сланецъ (Betula nana) ростетъ до высоты 2740 футовъ, а арктическая верба доходитъ до границы вѣчнаго снѣга, т. е. до 3500 футовъ.

Альтенъ также знаменитъ своими мѣдными рудниками. Датское правительство знало о ихъ существованіи лѣтъ 200 тому назадъ, но никогда ихъ не разработывало. Въ 1825 году одна Лапландка нашла на скалѣ кусокъ мѣдной руды, который попалъ въ руки Кроуэ, англійскаго купца въ Гаммерфестѣ. Кроуэ тотчасъ же сталъ хлопотать о привилегіи на разработку мѣди, и, получивъ привилегію, отправился въ Англію, гдѣ составилъ акціонерное общество съ капиталомъ въ 75 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. 15 лѣтъ тому назадъ, когда Мармье посѣтилъ Альтенфіордъ, у Кроуэ въ этихъ самыхъ сѣверныхъ рудникахъ земнаго шара работало 1100 человѣкъ и на Каафіордскомъ рейдѣ нерѣдко стояло по 10 англійскихъ кораблей разомъ, пришедшихъ съ грузомъ каменнаго угля нужнаго для выпла-

вки мѣди Новые мѣдные рудники были открыты въ тоже время въ Райпассѣ на другой сторонѣ бухты. Вѣроятно съ того времени горное дѣло здѣсь значительно расширилось.

Гаммерфестъ, находящійся на островѣ Гвалое подъ 39°30′15, есть самый сѣверный городъ въ мірѣ, если не считать нѣсколькихъ еще ближе къ полюсу лежащихъ несчастныхъ сибирскихъ мѣстечекъ, которыя незаслуживаютъ названія городовъ. Въ 1810 году, когда Леопольдъ фонъ Бухъ посѣтилъ Гаммерфестъ, онъ былъ впрочемъ немногимъ лучше сибирскихъ городовъ Шиганска и Зашиверска, имѣющихъ 21 и 17 жителей. Весь Гаммерфестъ состоялъ всего изъ 9 жилыхъ домовъ и имѣлъ не болѣе 44 жителей, въ числѣ которыхъ находились 1 священникъ, 4 купца, 1 школьный учитель и 1 башмачникъ. Жизненныхъ средствъ было мало, дровъ вовсе нельзя было найдти, а въ настоящее время Гаммерфестъ имѣетъ не менѣе 1200 жителей и длинный рядъ домовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются богатые купеческіе дома, и магазины тянутся вдоль залива. Многіе дома покрыты дерномъ и на крышахъ бѣлютъ полотна и сушатъ кожи. Въ гавань Гаммерфеста ежегодно приходитъ до 300 рыбачьихъ лодокъ и болѣе 100 купеческихъ кораблей. Здѣсь видно множество русскихъ ладей изъ Бѣлаго моря съ ихъ тремя короткими мачтами и большими четырехугольными парусами. Ладьи снабжаютъ Гаммерфестъ ржаной мукой, пенькой, саломъ и пр. и возвращаются въ Архангельскъ съ грузомъ рыбы и оленьихъ кожъ. Всѣ купцы составляютъ кружокъ, который зимой по окончаніи торговыхъ дѣлъ, думаетъ только о концертахъ, балахъ и театрахъ. День, когда солнце снова появляется на горизонтѣ, составляетъ эпоху. Первый, увидавшій солнце, кричитъ во все горло и всѣ выбѣгаютъ на улицу и поздравляютъ другъ друга. Даже въ Гаммерфестѣ береза ростетъ еще на высотѣ 620 футовъ надъ уровнемъ моря, но ель уже исчезла.

Ни одинъ чужестранецъ, бывшій въ Гаммерфестѣ, не выѣдетъ отсюда, не посѣтивъ Нордкапа. Этотъ самый сѣверный мысъ Европы находится какъ извѣстно на островѣ Магерое, гдѣ нѣсколько Норвежцевъ живетъ въ землянкахъ и даже занимается скотоводствомъ. На островѣ лѣтомъ нѣсколько сотъ человѣкъ занимается сушеньемъ рыбы и приготовленіемъ рыбьяго жира, а къ проливу Магерое приходятъ, сошедшіе съ высокихъ горъ материка, Лапландцы съ стадами сѣверныхъ оленей.

стоитъ шестъ, укрѣпленный снизу каменьями—вѣроятно это вѣха землемѣра.

«Невозможно выразить чувства, съ которымъ я подошелъ къ краю пропасти Я знаю только то, что, постоявъ здѣсь съ бьющимся сердцемъ, и сложивъ руки, я невольно сталъ на колѣна, и, склонивъ голову, возблагодарилъ Всемогущаго за то, что онъ дозволилъ осуществиться любимой мечтѣ моей юности. Мои нервы крѣпки, и, не смотря на холодный вѣтеръ, завернувшись въ плащъ, я сѣлъ у вѣхи и долго наблюдалъ природу въ одной изъ ея величественнѣйшихъ картинъ. Я въ самомъ дѣлѣ былъ одинъ! Ничто живое не окружало меня; подо мной безграничный океанъ, на которомъ въ страшной дали иногда появлялся одинокій парусъ; а надъ головой моей разстилался сводъ неба, усѣянный бѣлыми облаками. Изъ-за широкаго пояса краспыхъ какъ кровь паровъ свѣтили лучи солнца. Единственными звуками, прерывавшими тишину, были свистъ разгуливающаго вѣтра и изрѣдка жалобный крикъ какой-то вдали летавшей морской птицы. Единственное живое существо, посѣтившее меня въ этомъ одиночествѣ, была пчела, которая съ жужжаніемъ пролетѣла мимо. Чего искало здѣсь трудолюбивое насѣкомое? Здѣсь не было даже былинки, и по всему пространству росло не болѣе горсти сухаго мха, который лѣпился на самой окраинѣ страшной пропасти. Не безъ опасности я сорвалъ этотъ мохъ на память.»

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПЕТРОП. РЕАЛЬН. УЧИЛИЩ.

КНИГИ ИЗДАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ИЛЬИЧЕМЪ ГЛАЗУНОВЫМЪ.

Книжный магазинъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго.

Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ

(Полярныя страны) Соч. Гартвига, автора «Море и его жизнь и Тропическій міръ» Пер. съ нѣмецкаго *С. А. Усовъ.* 1 томъ, 8 д. л. М. 1863 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

—

Естественная исторія насѣкомыхъ,

содержащая въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, описаніе ихъ превращеній, пищи, пріемовъ служащихъ для ея добыванія, жилищъ и проч. Сочиненіе *У. Кэрби и У. Спенсъ.* Перевелъ съ англійскаго седьмаго изданія *Андрей Минъ.* 1 томъ, 8 д. л. М. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

—

Учебная книга географіи.

Соч. *Даніеля.* Перевелъ съ 11-го нѣмецк. изд. *А. Корсакъ.* I томъ, въ 8-ю д. л. М. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

—

Физіологическія картины.

Соч. *Лудовика Бюхнера,* автора «Kraft und Stoff». Перевелъ *С. А. Усовъ* I томъ въ 8 д. л. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

—

Тропическій міръ

въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. *Гартвига,* автора «Море и его жизнь.» Перевелъ съ нѣмецкаго *С. А. Усовъ.* I томъ, въ 8 д. л., съ шестью хромолитографированными картинами. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

—

На берегу моря.

Зоологическіе этюды въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сциллійскихъ островахъ и на Джерзи. Сочиненіе *Г. Г. Льюиса,* автора «Физіологіи обыденной жизни». Перевелъ съ англійскаго втораго изданія *Андрей Минъ.* Съ 7-ю литографированными рисунками, I томъ въ 8 д. л. М. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

—

Растеніе и его жизнь.

Популярныя чтенія профессора *Шлейдена.* Перевелъ съ 5-го послѣдняго нѣмец. изданія профессоръ *московскаго университета С. А. Рачинскій.* Къ этому изданію прибавлены: предисловіе, написанное Шлейденомъ къ русскому переводу и статья Рачинскаго «по поводу картины де-Геема». Великолѣпный томъ, въ 8 д. л., съ превосходными хромолитографированными картинами и таблицами, исполненными Бахманомъ. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Содержаніе книги: Два предисловія Шлейдена, одно изъ нихъ къ русскому переводу.—По поводу картины де-Геема. С. Рачинскаго.—Глазъ и микроскопъ.—О внутреннемъ строеніи растеній.—О размноженіи растеній.—Мор-

фологія растеній.—О погодѣ.—Вода и ея движеніе.—Море и его жители.—Чѣмъ живетъ человѣкъ?—О молочномъ сокѣ растеній.—Нѣсколько словъ о кактусахъ.—Географія растеній.—Исторія растительнаго царства.—Эстетика растительнаго царства.

—

Этюды (Studien).

Популярныя чтенія профессора *Шлейдена*. Перевелъ со 2-го послѣдняго нѣмец. изданія ординарный профессоръ московскаго университета *Я. Н. Калиновскій*. I томъ, въ 8 д. л., съ портретомъ Шлейдена, хромолитограф. картиною, картою и таблицами. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Содержаніе книги: Миражъ, вмѣсто введенія.—Переселеніе въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ.—Франклинъ и экспедиціи въ полярныя страны.—Природа звуковъ и звуки въ природѣ.—Душа растеній.—Сведенборгъ и суевѣріе.—Валленштейнъ и астрологія.—Мечтанія естествоиспытателя при лунномъ свѣтѣ.—Волшебство и вѣра въ явленіе духовъ.

—

Картины растительности земнаго шара.

Сочиненіе *Л. Рудольфа*. По нѣмецкому подлиннику составилъ *А. Н. Бекетовъ*. I томъ, въ 8 д. л., съ картинами и политипажами. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

—

Физіологія обыденной жизни.

Соч. *Г. Г. Льюиса*. Съ политипажами. Перевели съ англійскаго *Я. А. Борзенковъ* и *С. А. Рачинскій*. Второе изданіе. М. 1863 г. въ 8 д. л. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Оглавленіе.—Голодъ и жажда.—Пища и питье.—Пищевареніе и его разстройства.—Строеніе и отправленіе нашей крови.—Кровообращеніе; его исторія, путь, совершаемый кровью, причины кровообращенія.—Дыханіе и удушеніе.—Откуда берется теплота нашего тѣла и чѣмъ она поддерживается.—Чувствованіе и мышленіе.—Мозгъ и умственная дѣятельность.—Наши чувства и ощущенія.—Сонъ и сны.—Свойства, переходящія отъ родителей къ дѣтямъ.—Жизнь и смерть.—Заключеніе.

—

Сочиненія Лермонтова.

Приведенныя въ порядокъ и дополненныя *С. С. Дудышкинымъ*. 2 тома. Изданіе второе, сверенное съ рукописями и дополненное. Съ портретомъ поэта, гравированнымъ на стали въ Лейпцигѣ и двумя снимками съ почерка Лермонтова. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

—

Дворянское Гнѣздо.

Романъ *И. С. Тургенева*. М. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

—

Руководство къ Зоологіи. Животныя безформенныя. Amorphozoa.

Х. Г. Бронна, профессора Зоологіи и прикладнаго естествовѣдѣнія въ Гейдельбергскомъ университетѣ, члена Берлинской и Мюнхенской академіи наукъ, Лондонскаго геологическаго общества и проч. Переводъ и дополненія